ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

XL

1929

ПАРИЖЪ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. В. Руднева

XL

1929
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. **Ив. Бунинъ.** — ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА. 5
2. **М. Алдановъ.** — КЛЮЧЪ (Романъ). 64
3. **В. Сиринъ.** — ЗАЩИТА ЛУЖИНА (Романъ). 163
4. **Георгій Ивановъ.** — ТРЕТІЙ РИМЪ (Романъ). 211
5. **Г. Адамовичъ.** — ГОЛОСЪ. РАЗСВѢТЪ. (Стих.). 238
6. **Б. Поплавскій.** — СТИХОТВОРЕНІЯ. 240
7. **Ю. Терапіано.** — СТИХОТВОРЕНІЕ. 244
8. **Илья Голенищевъ-Кутузовъ.** — ОФОРТЪ. (Стих.). 245
9. **Владиславъ Ходасевичъ.** — ДЕРЖАВИНЪ. 246
10. **В. Маклаковъ.** — ИЗЪ ПРОШЛАГО. 291
11. **Г. Флоровскій.** — ИСКАНІЯ МОЛОДОГО ГЕРЦЕНА. 335
12. **В. Ельяшевичъ.** — ЗАКОНОДАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ ВЪ СОВѢТСКОМЪ ПРАВОТВОРЧЕСТВѢ. 363
13. **П. Бицилли.** — НАЦІЯ И ЯЗЫКЪ. 403
14. **Ф. Степунъ.** — РЕЛИГІОЗНЫЙ СМЫСЛЪ РЕВОЛЮЦІИ. 427
15. **М. Вишнякъ.** — О «ПЕРЕОСМЫСЛИВАНІИ» Ф. А. СТЕПУНА. 461
16. **М. Вишнякъ.** — ИЗЪ ИСТОРІИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. . . 472

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

17. **С. І. Гессенъ.** — ГЕНРИХЪ ДЕ - МАНЪ, КАКЪ ТЕОРЕТИКЪ СОЦІАЛИЗМА. 503
18. **Е. Кускова.** — БЕЗПРИЗОРНАЯ РУСЬ. 527

19. **КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.**

М. Цетлинъ.—Д. С. Мережковскій: Наполеонъ: Т. І. Наполеонъ-Человѣкъ. Т. ІІ. Жизнь Наполеона. 539

М. Цетлинъ. — Мих. Осоргинъ: Вещи Человѣка. Портретъ Матери. Дневникъ Отца. 542

Георгій Адамовичъ. — «О Толстомъ». Двѣ рѣчи В. А. Маклакова. Изд. «Современныя Записки». 543

М. Алдановъ. — А. А. Кизеветтеръ: На рубежѣ двухъ столѣтій. (Воспоминанія 1881 - 1914). 546

А. Кизеветтеръ. — Л. Жемчужниковъ: Въ крѣпостной деревнѣ 1852 - 1855 г. г. Вступительная статья и примѣчанія С. В. Бахрушина. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1927. 548

Дм. Чижевскій. — Пути реализма. Сборникъ философскихъ статей Б. Н. Бабынина, Ф. Ф. Бережкова, (†) А. И Огнева и П. С. Попова. 551

С. В. Завадскій. — М. Л. Гольдштейнъ: Рѣчи и статьи. .. . 553

А. Марковъ. — Russian public finance during the war by A. Michelson, P. Apostol, M. Bernatsky. 555

Статьи, относящіяся къ юбилею А. П. Чехова, будутъ помѣщены въ слѣдующей книгѣ журнала.

Жизнь Арсеньева

Книга четвертая

I.

Мои послѣдніе батуринскіе дни были вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдними днями всей прежней жизни нашей семьи.

Мы всѣ понимали, что прежнее на исходѣ. Отецъ говорилъ матери: «Разлетается, душа моя, наше гнѣздо!» Въ самомъ дѣлѣ, Николай это гнѣздо уже бросилъ, Георгій собирался бросать, — срокъ его поднадзорности кончился; оставался одинъ я; но шелъ и мой чередъ.

И все таки, какъ водится, никто изъ насъ (кромѣ, конечно, матери) ничего не додумывалъ, я тѣмъ болѣе. Я, Богъ вѣсть почему и зачѣмъ, затѣялъ тогда переводъ «Гамлета» и мучилъ себя надъ нимъ съ необыкновеннымъ и все возроставшимъ наслажденіемъ...

II.

Опять, еще разъ была весна. И опять казалась она мнѣ такой, какихъ еще не было, началомъ чего-то совсѣмъ не похожаго на все мое прошлое.

Во всякомъ выздоровленіи бываетъ нѣкое особенное утро, когда, проснувшись, чувствуешь наконецъ уже полностью ту простоту, будничность, которая и есть здоровье, возвратившееся обычное состояніе, хотя и отличающееся отъ того, что было до болѣзни, какою-то новой опытностью, умудренностью. Такъ проснулся и я од-

нажды въ тихое и солнечное майское утро въ своей угловой комнатѣ, окна которой я, по молодости, не имѣлъ надобности завѣшивать. Я откинулъ одѣяло, чувствуя спокойное довольство всѣхъ своихъ молодыхъ силъ и все то здоровое, молодое тепло, которымъ нагрѣлъ я за ночь постель и себя самого. Въ окна свѣтило солнце, отъ верхнихъ цвѣтныхъ стеколъ на полу горѣли синія и рубиновыя пятна. Я поднялъ нижнія рамы — утро было уже похоже на лѣтнее, со всей мирной простотой, присущей лѣту, его утреннему мягкому и чистому воздуху, запахамъ солнечнаго сада со всѣми его травами, цвѣтами, бабочками. Я умылся, одѣлся и сталъ молиться на образа, висѣвшіе въ южномъ углу комнаты и всегда вызывавшіе во мнѣ своей арсеньевской стариной что-то обнадеживающее, покорное непреложному и безконечному теченію земныхъ дней. На балконѣ опять, какъ въ тотъ памятный день, когда уѣхала Тонька, слышны были голоса. Пили чай и разговаривали. Былъ опять братъ Николай, — онъ просыпался очень рано и часто приходилъ пить чай къ намъ. И онъ говорилъ — очевидно, обо мнѣ — со свойственной ему трезвостью:

— Да что жъ тутъ думать? Конечно, надо служить, поступить куда-нибудь на мѣсто... Думаю, что Георгію все таки удастся устроить его гдѣ-нибудь, когда онъ самъ какъ-нибудь устроится...

И эти слова еще болѣе умиротворили меня. «Ну, что жъ, служить такъ служить. А потомъ, все это еще такъ не скоро. Георгій уѣдетъ не раньше осени, а до осени еще цѣлая вѣчность...»

Какіе далекіе дни! Я теперь уже съ усиліемъ чувствую ихъ своими собственными при всей той близости ихъ мнѣ, съ которой я все думаю о нихъ за этими записями и все зачѣмъ-то пытаюсь воскресить чей-то далекій юный образъ. Чей это образъ? Онъ какъ бы нѣкое подобіе моего вымышленнаго младшаго брата, уже давно исчезнувшаго

изъ міра вмѣстѣ со всѣмъ своимъ безконечно далекимъ временемъ.

Случалось, бывало, въ какомъ-нибудь чужомъ домѣ взять въ руки старый фотографическій альбомъ. Странныя и сложныя чувства возбуждали лица тѣхъ, что глядѣли съ его поблекшихъ карточекъ! Прежде всего — чувство необыкновенной отчужденности отъ этихъ лицъ, ибо необыкновенно бываетъ чуждъ человѣкъ человѣку въ иныя минуты. А потомъ — происходящая изъ этого чувства повышенная острота ощущенія ихъ самихъ и ихъ времени. Что это за существа, эти лица? Это все люди когда-то и гдѣ-то жившіе, каждый по своему, разными судьбами и разными эпохами, гдѣ было все свое: одежды, обычаи, характеры, общественныя настроенія, событія... Вотъ суровый чиновный старикъ съ орденомъ подъ двойнымъ галстухомъ, съ большимъ и высокимъ воротомъ, съ крупными и мясистыми чертами бритаго лица. Вотъ свѣтскій щеголь временъ Герцена съ подвитыми волосами и съ бакенбардами, съ цилиндромъ въ рукѣ, въ широкомъ сюртукѣ и такихъ же широкихъ панталонахъ, нога котораго кажется отъ нихъ особенно маленькой. Вотъ бюстъ грустно-красивой дамы: затѣйливая шляпка на высокомъ шиньонѣ, шелковое платье съ рюшами, плотно обтягивающее грудь и тонкую талію, длинныя серьги въ ушахъ... А вотъ молодой человѣкъ семидесятыхъ годовъ: высокіе, широко расходящіеся воротнички, не скрывающіе кадыка, нѣжный овалъ чуть тронутаго пушкомъ лица, юная томность въ загадочныхъ большихъ глазахъ, длинные волнистые волосы... Сказка, легенда всѣ эти лица, ихъ жизни и эпохи!

Точно тѣ же чувства испытываю я и теперь, воскрешая образъ того, кѣмъ я былъ когда-то. Былъ ли въ самомъ дѣлѣ? Былъ молодой Вильгельмъ Второй, былъ какой-то генералъ Буланже, былъ Александръ Третій, грузный хозяинъ необъятной Россіи... И была въ эти легендарныя

времена, въ этой навсегда погибшей Россіи весна, май и былъ кто-то, съ темнымъ румянцемъ на щекахъ, съ синими яркими глазами, зачѣмъ-то мучившій себя какимъ-то «Гамлетомъ» и день и ночь таившій въ себѣ тоску о своемъ будущемъ, гдѣ, казалось, ожидала его вся прелесть и радость міра сего...

III.

Въ началѣ лѣта я какъ то встрѣтилъ на деревнѣ невѣстку Тоньки. Она пріостановилась и сказала:

— А вамъ одинъ человѣкъ поклонъ прислалъ...

Воротясь домой, я осѣдлалъ Кабардинку и пустился куда глаза глядятъ. Помню, я былъ въ Знаменскомъ, въ Малиновомъ, доѣхалъ до Ливенской большой дороги... Наступалъ одинъ изъ тѣхъ безмятежныхъ вечеровъ начала лѣта, когда въ поляхъ царитъ какая-то особенная полнота мира, красоты, благоденствія. Я постоялъ возлѣ дороги, подумалъ: куда еще? — пересѣкъ ее и поѣхалъ цѣликомъ дальше. Я ѣхалъ на блескъ уже низкаго солнца какими-то парами, — помню, это было цѣлое море чего-то ярко-желтаго, цвѣтущаго, — и въѣхалъ въ чей-то большой лѣсъ, начинавшійся длинной лощиной съ заросшими оврагами и бурьяками, гдѣ цвѣты и травы, уже свѣжѣвшіе и пахнувшіе къ вечеру лѣсной и луговой свѣжестью, были по брюхо лошади. Кругомъ, по всѣмъ кустамъ и чащамъ, сладко голосили и цокали соловьи, гдѣ-то далеко вдали мѣрно и настойчиво, какъ бы убѣжденная среди всѣхъ этихъ тщетныхъ соловьиныхъ восторговъ въ правотѣ только своей одинокой, бездомной печали, не смолкая куковала кукушка, и ея гулко-полый голосъ казался то ближе, то дальше, грустно и дивно чередуясь съ еще болѣе дальними откликами вечерѣющаго лѣса. И я ѣхалъ и слушалъ, потомъ сталъ невольно считать, сколько лѣтъ нагадаетъ мнѣ она, — сколько еще осталось мнѣ всего то-

го непостижимаго, что называется жизнью, любовью, разлуками, потерями, воспоминаніями, надеждами... И она все куковала и куковала, суля мнѣ что-то безконечное. Но что таило въ себѣ это безконечное? Въ загадочности и безучастности всего окружающаго было что-то даже страшное. Я смотрѣлъ на шею Кабардинки, на ея гриву, сткинутую на сторону и ровно, въ ладъ съ ходомъ мотавшуюся, на всю эту поднятую конскую голову, когда-то, въ дни сказочные, порой говорившую вѣщимъ голосомъ: страшна была ея роковая безсловесность, это во вѣки ничѣмъ не могущее быть расторгнутымъ молчаніе, нѣмота существа, столь мнѣ близкаго и такого-же, какъ я, живого, разумнаго, чувствующаго, думающаго, и еще страшнѣй — сказочная возможность, что она вдругъ нарушитъ свое молчаніе... И съ безсмысленно-жуткой радостью голосили кругомъ соловьи, и съ колдовской настойчивостью куковала вдали кукушка, тщетно весь свой вѣкъ взыскующая какого-то завѣтнаго гнѣзда...

IV.

Лѣтомъ я былъ въ городѣ на Тихвинской ярмаркѣ и еще разъ случайно встрѣтился тамъ съ Балавинымъ. Онъ шелъ съ какимъ-то барышникомъ. Барышникъ былъ на рѣдкость грязенъ и оборванъ, онъ же особенно чистъ и наряденъ — во всемъ съ иголочки, въ новой соломенной шляпѣ и съ блестящей тросточкой. Барышникъ, поспѣшая рядомъ съ нимъ, яростно клялся ему въ чемъ-то, поминутно взглядывалъ на него дико и вопросительно, — онъ шелъ, не слушая, холодно и жестко глядя передъ собой своими свѣтло-зелеными глазами. «Все брехня!» — кинулъ онъ наконецъ невнимательно и, поздоровавшись со мной, — такъ, какъ будто мы не два года тому назадъ, а только вчера видѣлись, — взялъ меня подъ руку и предложилъ зайти «попить чайку и немножко побесѣдовать».

И мы зашли въ одинъ изъ чайныхъ балагановъ, и за бесѣдой онъ сталъ съ усмѣшкой меня разспрашивать, — «нусъ, какъ-же поживаете, въ чемъ преуспѣваете?» — а потомъ заговорилъ о «бѣдственномъ положеніи» нашихъ дѣлъ, — онъ откуда-то зналъ ихъ лучше насъ самихъ, — и опять о томъ, какъ быть лично мнѣ. Я послѣ того простился съ нимъ настолько разстроенный, что даже рѣшилъ тотчасъ же домой уѣхать. Уже вечерѣло, въ монастырѣ звонили ко всенощной, ярмарка, стоявшая на огромномъ выгонѣ возлѣ него, разъѣзжалась, коровы, уводимыя за скрипучими телѣгами, выбиравшимися на шоссе, ревѣли какъ-то угрожающе, захлебываясь, обратные извозчики, ныряя по пыльнымъ ухабамъ выгона, безшабашно неслись мимо... Я вскочилъ на перваго попавшагося и погналъ его на станцію, — былъ какъ разъ вечерній поѣздъ въ нашу сторону. Да, что же дѣлать? — думалъ я, вспоминая рѣчи Балавина и все больше убѣждаясь, что смыслъ ихъ былъ, собственно, отчаянный. «И ума не приложу, какъ вамъ быть далѣе, — говорилъ онъ мнѣ. — Отцы ваши въ такихъ обстоятельствахъ на Кавказъ служить скакали, къ разнымъ иностраннымъ коллегіямъ приписывались, а вамъ куда скакать или приписываться? Вы, вообще, я полагаю, служить не можете — не тѣ у васъ мечтанія. Вы, какъ говорится въ оракулахъ, слишкомъ въ даль простираетесь. На счетъ Батурина одинъ исходъ вижу: продать какъ ни можно скорѣй, пока съ молотка не продали. Въ этомъ случаѣ у вашего батюшки въ карманѣ хоть грошъ, а все таки останется. А на счетъ себя вы ужъ какъ нибудь сами подумайте...» Но что же я могу выдумать? — спрашивалъ я себя. — Въ амбаръ къ нему что-ли поступить?

Эта встрѣча нѣсколько охладила даже мою работу надъ «Гамлетомъ». Я началъ переводить его случайно — онъ никакъ не былъ въ числѣ произведеній, близкихъ мнѣ. Онъ просто попался мнѣ подъ руку — какъ разъ тогда, когда мнѣ такъ хотѣлось снова начать чистую, трудо-

вую жизнь. Я не медля взялся за работу, и она вскорѣ увлекла меня, стала радовать, возбуждать своей трудностью. Кромѣ того, родилась во мнѣ тогда дѣтская мысль стать вообще переводчикомъ, открыть себѣ впослѣдствіи источникъ не только неизмѣнныхъ художественныхъ наслажденій, но и существованія. Теперь, воротясь домой, я вдругъ понялъ всю сомнительность подобныхъ надеждъ. Понялъ и то, что дни идутъ, а всѣ мои «мечтанія», которыя Балавинъ, самъ того не желая, вновь взволновалъ во мнѣ, такъ и остаются мечтаніями. О нашемъ «бѣдственномъ положеніи» я быстро забылъ. Другое дѣло были «мечтанія»... Въ чемъ собственно состояли онѣ? Да вотъ упомянулъ, напримѣръ, Балавинъ случайно про Кавказъ — «отцы ваши въ такихъ обстоятельствахъ на Кавказъ служить скакали» — и опять стало казаться мнѣ, что я бы полжизни отдалъ, лишь бы быть на мѣстѣ отцовъ... На ярмаркѣ гадала мнѣ по рукѣ молоденькая цыганка. Ужъ какъ не новы эти цыганки! Но чего только не перечувствовалъ я, пока она держала меня за руку своими цѣпкими черными пальцами, и сколько думалъ потомъ о ней! Вся она была, конечно, необыкновенно пестра разноцвѣтностью своихъ желтыхъ и красныхъ лохмотьевъ и все время слегка поводила бедрами, говоря мнѣ обычный вздоръ, откинувъ шаль съ маленькой смоляной головы и томя меня не только этими бедрами, сонной сладостью глазъ и губъ, но и всей своей древностью, говорившей о какихъ-то далекихъ краяхъ, и тѣмъ еще, что опять тутъ были мои «отцы», — кому же изъ нихъ не гадали цыганки? — моя тайная связь съ ними, жажда ощущенія этой связи, ибо развѣ могли бы мы любить міръ такъ, какъ любимъ его, если бы онъ ужъ совсѣмъ былъ новъ для насъ?

V.

Въ тѣ дни я часто какъ бы останавливался и съ рѣзкимъ удивленіемъ молодости спрашивалъ себя: все таки что же такое моя жизнь въ этомъ непонятномъ, вѣчномъ и огромномъ мірѣ, окружающемъ меня, въ безпредѣльности прошлаго и будущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ какомъ-то Батуринѣ, въ ограниченности лично мнѣ даннаго пространства и времени? И видѣлъ, что жизнь (моя и всякая) есть смѣна дней и ночей, дѣлъ и отдыха, встрѣчъ и бесѣдъ, удовольствій и непріятностей, иногда называемыхъ событіями; есть безпорядочное накопленіе впечатлѣній, картинъ и образовъ, изъ которыхъ лишь самая ничтожная часть (да и то неизвѣстно зачѣмъ и какъ) удерживается въ насъ; есть непрестанное, ни на единый мигъ насъ не оставляющее теченіе несвязныхъ чувствъ и мыслей, безпорядочныхъ воспоминаній о прошломъ и смутныхъ гаданій о будущемъ; а еще — нѣчто такое, въ чемъ какъ будто и заключается нѣкая суть ея, нѣкій смыслъ и цѣль, что-то главное, чего ужъ никакъ нельзя уловить и выразить, и — связанное съ нимъ вѣчное ожиданіе: ожиданіе не только счастья, какой-то особенной полноты его, но еще и чего-то такого, въ чемъ (когда настанетъ оно) эта суть, этотъ смыслъ вдругъ наконецъ обнаружится, уловится. «Вы, какъ говорится въ оракулахъ, слишкомъ въ даль простираетесь...» И впрямь: втайнѣ я весь простирался въ нее. Зачѣмъ? Можетъ быть, именно за этимъ уловленіемъ?

VI.

Отъѣздъ брата Георгія положилъ конецъ нашему сравнительному благополучію.

Онъ уѣхалъ опять въ Харьковъ, — теперь уже совсѣмъ

свободный, радостный, — и опять, какъ когда-то, безконечно давно, когда его везли въ тюрьму, въ свѣтлый и холодный октябрьскій день. Я провожалъ его на станцію. Мы рѣзво катили по набитымъ, блестящимъ дорогамъ, отгоняли бодрыми разговорами о будущемъ грусть разлуки, ту тайную боль о прожитомъ срокѣ жизни, которому всякая разлука подводитъ послѣдній итогъ и тѣмъ самымъ навсегда его заканчиваетъ. — Все, Богъ дастъ, устроится! — говорилъ братъ, себялюбиво не желая огорчать себя, своихъ надеждъ на харьковскую жизнь. — Какъ только осмотрюсь немного и справлюсь со средствами, тотчасъ же выпишу тебя. А тамъ видно будетъ, что и какъ... Хочешь папиросу? — сказалъ онъ и съ удовольствіемъ сталъ глядѣть, какъ я неловко, въ первый разъ въ жизни, закуриваю.

Возвращаться домой, одному, было особенно грустно и странно. Даже какъ-то не вѣрилось, что то, чего мы всѣ такъ долго втайнѣ боялись, совершилось, что вотъ брата уже нѣтъ, что я ѣду одинъ и одинъ проснусь завтра въ Батуринѣ. А дома меня ожидало еще и большое несчастіе. Я возвращался въ ледяные багровые сумерки. На пристяжкѣ была Кабардинка, всю дорогу не дававшая отдыху шедшему крупной рысью кореннику. Пріѣхавъ, я о ней не подумалъ, ее, не выводивъ, напоили, потная, она смертельно продрогла, простояла морозную ночь безъ попоны и подъ утро пала. Въ полдень я пошелъ въ лужки за садомъ, куда ее стащили. О, какая жестокая, свѣтлая пустота была въ мірѣ, какое гробовое солнечное молчаніе, какая прозрачность воздуха, холодъ и блескъ пустыхъ полей! Кабардинка безобразно чернѣла въ лужкахъ своей мертвой грудой, высоко вздутымъ бокомъ и тонкой длинной шеей съ далеко откинутой лежачей головой. Собаки уже работали надъ ея брюхомъ, сладострастно мотали, рвали его, траурная стая старыхъ вороновъ выжидательно торчала подлѣ, какъ то свирѣпо взлетая порой, когда собаки, безпокойно рычавшія даже въ самый разгаръ сво-

ихъ мерзкихъ хлопотъ, вдругъ кидались на нее съ оскаленными и окровавленными мордами... А послѣ завтрака, когда я тупо лежалъ на диванѣ въ своей комнатѣ, за мелкими квадратными стеклами которой ровно синѣло осеннее небо и чернѣли нагія деревья, послышались по корридору быстрые и тяжелые шаги и внезапно вошелъ ко мнѣ отецъ. Въ рукахъ у него была его любимая бельгійская двустволка, единственная драгоцѣнность, оставшаяся ему отъ прежней роскоши.

— Вотъ, — сказалъ онъ, рѣшительно кладя ее рядомъ со мной. — Дарю, что могу, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Можетъ быть, это тебя хоть немного утѣшитъ...

Я вскочилъ, схватилъ его руку, но не успѣлъ поцѣловать — онъ отдернулъ ее и, быстро наклонившись, неловко поцѣловалъ меня въ високъ.

— И вообще ты не очень убивайся, — прибавилъ онъ, стараясь говорить съ обычной своей бодростью. — Это я ужъ не о лошади, конечно, говорю, а вообще о твоемъ положеніи... Ты думаешь, я ничего не вижу, не думаю о тебѣ? Больше всѣхъ думаю! Я передъ всѣми вами виноватъ, всѣхъ васъ по міру пустилъ, да у тѣхъ хоть что-нибудь есть. Николай все таки хоть немного обезпеченъ, у Георгія есть образованье, а у тебя что, кромѣ твоей прекрасной души? Да и что имъ? Николай человѣкъ вполнѣ дюжинный, Георгій всегда вѣчнымъ студентомъ останется, а вотъ ты... И хуже всего то, что не усидишь ты долго съ нами, и что тебя ждетъ, одинъ Богъ вѣдаетъ! А все таки помни мое: нѣтъ бѣднѣе бѣды, чѣмъ печаль...

VII.

Въ ту осень пусто, тихо было въ нашемъ домѣ. Никогда, кажется, не чувствовалъ я такой нѣжной любви къ отцу и матери, но только одна сестра Оля спасала меня въ тѣ дни отъ чувства одиночества, съ особенной силой овладѣвшаго мной. Дѣлить прогулки, вести разговоры, мечтать о будущемъ я сталъ теперь съ ней — и съ удивленіемъ и радостью все больше убѣждался въ томъ, что она гораздо взрослѣй, развитѣй и душевно и умственно и гораздо ближе мнѣ, чѣмъ я могъ полагать. Былъ въ этихъ нашихъ новыхъ отношеніяхъ еще и какой-то чудесный возвратъ къ нашей дальней, дѣтской близости...

Отецъ сказалъ про меня: «Что ждетъ тебя, одинъ Богъ вѣдаетъ!» А что ждало ее, со всей прелестью ея юности и со всей бѣдностью и одиночествомъ въ Батуринѣ?

Впрочемъ, я тогда думалъ больше всего о себѣ.

VIII.

Работу я бросилъ. Много времени проводилъ на деревнѣ, по избамъ, много охотился — то съ братомъ Николаемъ, то одинъ. Борзыхъ у насъ уже не было, оставалась только пара гончихъ. Большія охоты, еще кое-гдѣ уцѣлѣвшія въ уѣздѣ, травили волковъ, лисицъ, далеко и надолго уходили въ отъѣзжее поле, въ мѣста болѣе прибыльныя, чѣмъ наши. Мы же и одному русаку бывали рады, — вѣрнѣе, нашимъ скитаньямъ за нимъ по осеннимъ полямъ, на осеннемъ воздухѣ.

Такъ скитался я однажды, въ концѣ ноября, подъ Ефремовымъ. Рано утромъ позавтракалъ въ людской горячими картошками, перекинулъ ружье за плечи, сѣлъ на

стараго рабочаго мерина, кликнулъ собакъ и поѣхалъ. У брата вѣяли, я поѣхалъ одинъ. Выдался необыкновенно теплый, солнечный день, но въ поляхъ было грустно, а въ смыслѣ охоты совсѣмъ безнадежно: грустно потому, что ужъ слишкомъ тихо и голо было всюду и во всемъ было то послѣднее, бѣдное, смиренное, что бываетъ только самой поздней осенью, а безнадежно по причинѣ недавнихъ дождей: было такъ грязно и вязко, — и не только по дорогамъ, а и на зеленяхъ, на взметахъ и жнивьяхъ, — что и мнѣ и собакамъ приходилось пробираться все межами и гранями. Я вскорѣ и думать пересталъ объ охотѣ, а за мной и собаки — бѣжали себѣ впереди, отлично понимая невозможность гона по такому полю, если бы даже и было что гнать, и нѣсколько оживляясь лишь тогда, когда мы попадали въ какой-нибудь голый перелѣсокъ, гдѣ крѣпко и сыро пахло прѣлымъ листомъ, или проходили по рыжимъ дубовымъ кустарникамъ, по какому-нибудь логу, бугру. Но ничего не было и тутъ: всюду пустота, молчаніе, жидкій, безжизненный, хотя и теплый, ясный блескъ, въ которомъ по осеннему низко, плоско и четко лежали свѣтлыя окрестности, — всѣ эти клѣтчатые отъ жнивій, зеленей и пашенъ перевалы полей, рыжія шкуры кустарниковъ, сизо-сѣрѣющіе кое-гдѣ вдали березовые и осиновые острова...

И отъ Лобанова я повернулъ наконецъ назадъ. Проѣхалъ Шипово, потомъ въѣхалъ въ ту самую Кроптовку, гдѣ было родовое имѣніе Лермонтовыхъ. Тутъ я отдохнулъ у знакомаго мужика, посидѣлъ съ нимъ на крылечкѣ, выпилъ квасу. Передъ нами былъ выгонъ, за выгономъ — давно необитаемая мелкопомѣстная усадьба, которую красилъ немного только садъ, неподвижно поднимавшій въ блѣдно-голубомъ небосклонѣ, за небольшимъ старымъ домомъ, свои черныя верхушки. Я сидѣлъ и, какъ всегда, когда попадалъ въ Кроптовку, смотрѣлъ и думалъ: да ужели это правда, что вотъ въ этомъ самомъ

домѣ бывалъ въ дѣтствѣ Лермонтовъ, что почти всю жизнь прожилъ тутъ его родной отецъ?

— Говорятъ, продаютъ, — сказалъ мужикъ, тоже глядя на усадьбу и щурясь. — Говорятъ, ефремовскій Каменевъ торгуетъ...

И, взглянувъ на меня, еще болѣе сощурился:

— А вы какъ? Не продаете еще?

— Это дѣло отца, — отвѣтилъ я уклончиво.

— Конечно, конечно, — сказалъ мужикъ, думая, видимо, что-то свое. — Я это только къ тому, что всѣ, молъ, теперь продаютъ, плохое пришло господамъ житье. Народъ избаловался, — и свое-то и то какъ попало работаютъ, а не то, что господское, — а цѣна на руки въ горячее время — приступу нѣтъ, а загодя, подъ заработки барину не изъ чего дать — нужда, бѣдность...

Дальше я поѣхалъ, дѣлая большой крюкъ, рѣшивъ для развлеченія проѣхать черезъ Васильевское, переночевать у Писаревыхъ. И, ѣдучи, какъ-то особенно крѣпко задумался вообще о великой бѣдности нашихъ мѣстъ. Все было бѣдно, убого и глухо кругомъ! Я ѣхалъ большой дорогой — и дивился ея заброшенности, пустынности. Ѣхалъ проселками, проѣзжалъ деревушки, усадьбы: какія избы, какія усадьбы и какая жалкая и безсмысленная жизнь въ нихъ! Хоть шаромъ покати не только въ поляхъ, на грязныхъ дорогахъ, но и на такихъ же грязныхъ деревенскихъ улицахъ и на пустыхъ усадебныхъ дворахъ. Даже непонятно: да гдѣ-же люди и чѣмъ убиваютъ они свою осеннюю скуку, бездѣлье, сидя по этимъ избамъ и усадьбамъ? А потомъ я опять вспомнилъ безсмысленность и своей собственной жизни среди всего этого и просто ужаснулся на нее, вдругъ вспомнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтова. Да, вотъ Кроптовка, этотъ забытый домъ, на который я никогда не могу смотрѣть безъ какихъ-то безконечно-грустныхъ и неизъяснимыхъ чувствъ... Вотъ

бѣдная колыбель его, наша общая съ нимъ, вотъ его начальные дни, когда такъ же смутно, какъ и у меня нѣкогда, томилась его младенческая душа, «желаніемъ чуднымъ полна», и первые стихи, столь же, какъ и мои, безпомощные... А потомъ что? А потомъ вдругъ «Демонъ», «Мцыри», «Тамань», «Парусъ», «Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой...» Какъ связать съ этой Кроптовкой все то, что есть Лермонтовъ? Я подумалъ: что такое Лермонтовъ? — и увидѣлъ сперва два тома его сочиненій, столь знакомыхъ и близкихъ мнѣ съ дѣтства, уже давно ставшихъ частью моей жизни, увидѣлъ его странное молодое лицо съ неподвижными темными глазами, потомъ сталъ видѣть стихотвореніе за стихотвореніемъ и не только внѣшнюю форму ихъ, но и картины, съ ними связанныя, то есть то, что и казалось мнѣ земными днями Лермонтова: снѣжную вершину Казбека, Дарьяльское ущелье, ту, невѣдомую мнѣ, свѣтлую долину Грузіи, гдѣ шумятъ, «обнявшись точно двѣ сестры, струи Арагвы и Куры», облачную ночь и хижину на морскомъ прибрежьи въ Тамани, дымную морскую синеву, въ которой чуть бѣлѣетъ вдали парусъ, молодую ярко-зеленую чинару у какого-то уже совсѣмъ сказочнаго Чернаго моря... Какая жизнь, какая судьба! Всего двадцать семь лѣтъ, но какихъ безконечно-богатыхъ и прекрасныхъ, вплоть до самаго послѣдняго дня, до того темнаго вечера на глухой дорогѣ у подошвы Машука, когда, какъ изъ пушки, грянулъ изъ огромнаго стариннаго пистолета выстрѣлъ какого-то Мартынова и «Лермонтовъ упалъ, какъ будто подкошенный»... Я подумалъ все это съ такой остротой чувствъ и воображенія и у меня вдругъ занялось сердце такимъ восторгомъ и завистью, что я даже вслухъ сказалъ себѣ, что довольно наконецъ съ меня Батурина, что пора мнѣ что-то твердо рѣшить.

IX.

Я думалъ все о томъ-же и на другой день, возвратившись домой.

Ночью я сидѣлъ въ своей комнатѣ и, думая, читалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, — перечитывалъ «Войну и миръ». Погода за день круто измѣнилась. Ночь была холодная и бурная. Было уже поздно, весь домъ былъ тихъ и теменъ. У меня топилась печка, пылала и гудѣла тѣмъ жарче, чѣмъ злѣй и сумрачнѣй налеталъ на садъ, на домъ и потрясалъ окна вѣтеръ. Я сидѣлъ, читалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ о себѣ, съ грустнымъ наслажденіемъ чувствуя этотъ поздній часъ, ночь, печку и бурю. Потомъ всталъ, одѣлся, вышелъ черезъ гостиную наружу и сталъ взадъ и впередъ ходить по полянѣ передъ домомъ, по ея уже скудной и мерзлой травѣ. Кругомъ чернѣлъ шумный садъ, надъ поляной стоялъ блѣдный свѣтъ. Ночь была лунная, но какая-то мучительная, оссіановская. Вѣтеръ, ледяной, сѣверный, свирѣпствовалъ, верхушки старыхъ деревьевъ мрачно и слитно ревѣли, кусты шумѣли остро, сухо и какъ будто бѣжали впередъ; по небу, замазанному чѣмъ-то бѣлесымъ, по небольшому лунному пятну въ огромномъ радужномъ кольцѣ, быстро неслись съ сѣвера, гдѣ было особенно зловѣще и угрюмо, темныя и странныя, какія-то не наши, а какъ будто морскія облака, вродѣ тѣхъ, что изображали старинные живописцы ночныхъ кораблекрушеній. И я, то на вѣтеръ, одолѣвая его ледяную свѣжесть, то гонимый имъ въ спину, сталъ ходить и опять думать — съ той безпорядочностью и наивностью, съ которой всегда (и особенно въ молодости) думаются думы наиболѣе сокровенныя. Я думалъ приблизительно такъ:

— Нѣтъ, лучше этого я еще никогда ничего не читалъ! Впрочемъ, а «Казаки», Ерошка, Марьянка? Или пушкин-

ское «Путешествіе въ Арзерумъ»? Да, какъ они были всѣ счастливы, — Пушкинъ, Толстой, Лермонтовъ!

— Вчера, говорятъ, мимо насъ прошла по большой дорогѣ въ отъѣзжее поле чья-то охота вмѣстѣ съ охотой молодыхъ Толстыхъ. Какъ это удивительно — я современникъ и даже сосѣдъ съ *ними*! Вѣдь это все равно, какъ если бы жить въ одно время и рядомъ съ Пушкинымъ. Вѣдь это все *его* — и эти Ростовы, и Пьеръ, и Аустерлицкое поле, и умирающій князь Андрей: «Ничего нѣтъ въ жизни, кромѣ ничтожества всего понятнаго мнѣ, и величія чего-то непонятнаго, но важнѣйшаго...» Пьеру кто-то во снѣ говорилъ: «Жизнь есть любовь... Любить жизнь — любить Бога...» Это кто-то и мнѣ всегда говоритъ, и какъ люблю я все, даже вотъ эту дикую ночь! Но за что я такъ несчастенъ? Я хочу видѣть и любить весь міръ, всю землю, всѣхъ Наташъ и Марьянокъ, я во что бы то ни стало долженъ отсюда вырваться!

Въ кольцѣ вокругъ млечно-туманной луны было точно какое-то зловѣщее небесное знаменіе. Бѣдный, слегка склоненный на бокъ, ликъ ея все больше грустнѣлъ и туманился на бѣлесой мути неба, въ вышинѣ неслись и мѣшались, порой могильно закрывая этотъ ликъ, дымныя, свинцовыя, а то и совсѣмъ темныя облака, съ сѣвера, изъза ревущаго сада, поднималась черная туча и пахло по вѣтру снѣгомъ. А я ходилъ и думалъ:

— Да, больше нельзя такъ жить. Я не могъ бы, если бы даже имѣлъ десять незаложенныхъ Батуриныхъ. Вотъ они, эти молодые Толстые, вѣрно, счастливы, бражничая теперь гдѣ-нибудь на ночлегѣ, въ какой-нибудь лѣсной избѣ. А какъ-бы чуждъ оказался я имъ, попади я въ ихъ среду! Какъ это ужасно, что даже самъ Толстой въ молодости мечталъ больше всего о женитьбѣ, о семьѣ, о хозяйствѣ! А вотъ теперь все твердятъ о «работѣ на пользу народа», о «возмѣщеніи своего долга передъ народомъ...» Но никакого долга передъ народомъ я никогда не чувст-

вовалъ и не чувствую. Ни жертвовать собой за народъ, ни «служить» ему, ни играть, какъ говоритъ отецъ, въ партіи и вопросы на земскихъ собраніяхъ я не могу и не хочу... Нѣтъ, надо наконецъ на что-нибудь рѣшиться!

Я еще долго ходилъ и думалъ, тщетно искалъ, на что именно долженъ рѣшиться я, и вернулся въ домъ, совсѣмъ запутавшись въ безпорядочномъ и безплодномъ думаньи. Печка потухла, лампа выгорѣла, пахла керосиномъ и свѣтила уже такъ слабо, что въ комнатѣ виденъ былъ невѣрный свѣтъ этой блѣдной и тревожной ночи. Я посидѣлъ возлѣ письменнаго стола, потомъ взялъ перо — и неожиданно сталъ писать брату Георгію, что ѣду на дняхъ искать какого-нибудь мѣста въ орловскомъ «Голосѣ»...

X.

Это письмо и рѣшило мою судьбу.

Выѣхалъ я, конечно, не «на дняхъ», — нужно было сперва собрать хоть какія нибудь деньги въ дорогу, — но все равно: наконецъ выѣхалъ.

Помню мой послѣдній завтракъ дома. Помню, что лишь только былъ онъ конченъ, какъ послышался глухой шорохъ бубенчиковъ подъ окнами, и выросла за ними, совсѣмъ съ ними рядомъ, пара деревенскихъ, зимнихъ, лохматыхъ лошадей, — лохматыхъ и отъ снѣга, который непроглядно валилъ въ тотъ день густыми молочными хлопьями... Какъ, Боже мой, старо все это, всѣ подобные отъѣзды, а какъ мучительно-ново было для меня! Мнѣ показалось, что даже и снѣгъ валилъ въ тотъ день какой-то совсѣмъ особенный — такъ поразилъ онъ меня своей бѣлизной и свѣжестью въ ту минуту, когда, отягченный поверхъ лисьей поддевки еще и отцовской енотовой шубой и сопровождаемый всѣмъ домомъ, я вышелъ садиться.

А потомъ былъ точно сонъ -долгая, безмолвная дорога, мѣрное покачиванье саней въ этомъ безконечно-бѣломъ царствѣ снѣжныхъ хлопьевъ, гдѣ не было ни земли, ни неба, а только какая-то неустанно текущая внизъ бѣлизна, да очаровательные зимніе дорожные запахи: лошадиной вони, мокраго енотоваго воротника, сѣрника и махорки при закуриваньи... А потомъ мелькнулъ въ этой бѣлизнѣ первый телеграфный столбъ, показались занесенные снѣгомъ, торчащіе изъ придорожныхъ сугробовъ, щиты, то есть, уже начало какой-то иной, не степной жизни, то, для русскаго человѣка всегда особое, волнующее, что называется желѣзной дорогой...

Когда пришелъ поѣздъ, я, простившись съ работникомъ, отдавъ ему шубу и наказавъ доправить въ Батурино тысячу поклоновъ, вошелъ въ людный третьеклассный вагонъ съ такимъ чувствомъ, точно отправлялся въ путь, которому и конца не предвидѣлось. Я даже долго дивился тому равнодушію, съ которымъ одни изъ пассажировъ пили чай и закусывали, другіе спали, третьи, отъ нечего дѣлать, все подбрасывали дрова въ желѣзную печку, и безъ того уже до-красна раскаленную, на весь вагонъ дышавшую пламенемъ. Я сидѣлъ и наслаждался даже этимъ сухимъ металлическимъ жаромъ, его березовымъ и чугуннымъ запахомъ, а за окнами все валилъ и валилъ сизобѣлый снѣгъ, и все время какъ будто близились сумерки...

XI.

Дальнѣйшее есть нѣчто очень странное: предчувствія мои были правильны — впереди ожидалъ меня и впрямь немалый, небудничный путь, цѣлые годы скитаній, бездомности, существованія безразсуднаго и безпорядочнаго, то безконечно счастливаго, то глубоко несчастнаго,

словомъ, всего того, что, очевидно, и подобало мнѣ и что, быть можетъ, только съ виду было такъ безплодно и безсмысленно.

XII.

Въ тотъ зимній снѣжный день навсегда кончилось мое дѣтство, отрочество, ранняя молодость, — все, чѣмъ я жилъ съ самаго рожденія, что было лишь какъ бы долгимъ приготовленіемъ къ чему-то главному, что, собственно, и называется жизнью, житейскимъ поприщемъ, и въ тотъ же день и началось это поприще — очень, повторяю, странное.

Тѣ смутныя думы, съ которыми я тогда выѣхалъ, были полны необыкновенной грусти и нѣжности ко всему тому, съ чѣмъ я только что разстался, что покинулъ все-таки такъ безжалостно на тишину и одиночество въ Батуринѣ; я чувствовалъ тамъ даже свое собственное отсутствіе, видѣлъ свою опустѣвшую комнату, какъ бы хранившую въ своемъ почти набожномъ молчаніи нѣчто уже навѣки завершенное — меня прежняго. Но была въ этой грусти, конечно, и большая тайная радость, счастье наконецъ-то хоть какъ-нибудь осуществившейся мечты, какой-то свободы и воли, дѣятельности, движенія (къ чему-то тѣмъ болѣе заманчивому, что совсѣмъ еще неопредѣленно было оно). И, конечно, все росли эти чувства съ каждой новой станціей, такъ что все слабѣли первыя, пока не отступило наконецъ куда-то вдаль (во что-то милое, но уже почти чуждое) все прошлое, покинутое, и не осталось одно настоящее, которое понемногу дѣлалось все интереснѣй и явственнѣй: вотъ я уже нѣсколько освоился со множествомъ этихъ чужихъ, грубыхъ жизней и лицъ вокругъ себя, нѣсколько разобрался въ нихъ, и вмѣстѣ съ чувствами своими, личными, сталъ жить и чувствами къ нимъ, сталъ дѣлать о нихъ всякія предположенія, различать отъ

махорки табакъ Асмолова, узелъ на колѣняхъ бабы отъ расписанной подъ дубъ укладки, стоящей противъ меня подъ локтемъ новобранца; вотъ я уже замѣтилъ, что вагонъ довольно новъ и чистъ, что онъ желтый и рубчатый отъ планокъ, составляющихъ его нагрѣтыя чугункой стѣны, и очень душенъ отъ этихъ разныхъ табачныхъ дымовъ, въ общемъ очень ѣдкихъ, хотя и дающихъ пріятное чувство дружной человѣческой жизни, какъ-то оградившей себя отъ снѣговъ за окнами, гдѣ встаетъ и никнетъ, плыветъ и не кончается телеграфная проволока; а вотъ мнѣ уже хочется наружу, на снѣгъ и вѣтеръ, и я, качаясь, иду къ двери... Полевой снѣжный холодъ дуетъ въ сѣнцы вагона, кругомъ бѣлизна какихъ-то теперь уже совсѣмъ неизвѣстныхъ полей. Снѣгъ наконецъ рѣдѣетъ, стало свѣтлѣй и еще бѣлѣй, а поѣздъ межъ тѣмъ куда-то подходитъ и на нѣсколько минутъ останавливается: какой-то глухой полустанокъ, тишина, — только горячо сипитъ паровозъ впереди, — и во всемъ непонятная прелесть: и въ этомъ временномъ оцѣпенѣньи и молчаньи, и въ паровозной сипящей выжидательности, и даже какъ будто въ томъ, что вокзала не видно за красной стѣной товарныхъ вагоновъ, стоящихъ на первомъ пути, на обтаявшихъ рельсахъ, среди которыхъ спокойно, по домашнему ходитъ и поклевываетъ курица, осужденная мирно провести весь свой куриный вѣкъ почему-то именно на этомъ полустанкѣ и совсѣмъ неинтересующаяся тѣмъ, куда и зачѣмъ ѣдешь ты со всѣми своими мечтами и чувствами, вѣчная и высокая радость которыхъ связывается съ вещами внѣшне столь ничтожными и обыденными...

Когда потомъ стало близиться къ вечеру, все перешло лишь въ одно — въ ожиданіе первой большой станціи. И задолго до нея я опять зябъ въ сѣнцахъ, пока не увидалъ наконецъ впереди, въ непривѣтливыхъ сумеркахъ, многихъ разноцвѣтныхъ огней, во всѣ стороны расходящихся

рельсъ, постовъ, стрѣлокъ, запасныхъ паровозовъ, а затѣмъ и вокзала съ черной отъ толпы платформой, внутри ярко освѣщеннаго лампами... Легко представить себѣ, съ какой желѣзнодорожной поспѣшностью кинулся я въ пахучій и свѣтлый буфетъ со многими прочими, — совсѣмъ, какъ равный имъ, — и сталъ обжигаться какими-то вкуснѣйшими въ мірѣ щами!

Послѣдствія всего этого были довольно неожиданныя, — по крайней мѣрѣ какъ будто-бы: съ большимъ удовлетвореніемъ сидя послѣ обѣда съ папиросой возлѣ черныхъ оконныхъ стеколъ вновь гремѣвшаго вагона, въ дымномъ полусвѣтѣ толстой казенной свѣчи, горѣвшей въ углу въ фонарѣ, думалъ я о томъ, что вотъ, какъ это ни странно, скоро и цѣль моего путешествія, тотъ самый Орелъ, котораго я еще почти никакъ не представляю себѣ, но который уже однимъ тѣмъ удивителенъ, что тамъ, вдоль вокзала — великій пролетъ сверху внизъ по всей картѣ Россіи: на сѣверъ — въ Москву и выше, на югъ — въ Курскъ и въ Харьковъ, а главное—въ тотъ самый Севастополь, гдѣ какъ будто навѣки осталась молодая отцовская жизнь... И я вдругъ сказалъ себѣ: да ужели и правда, что я ѣду въ какой-то «Голосъ», на какую-то службу? Тамъ, конечно, тоже было нѣчто такое, что влекло ужасно, — какая-то редакція, какая-то типографія. Но Курскъ, Харьковъ, Севастополь... «Нѣтъ, все это вздоръ! — вдругъ сказалъ я себѣ. — Въ Орелъ я лишь заѣду, познакомлюсь, узнаю, что мнѣ предложатъ, скажу, что мнѣ надо подумать, повидаться съ братомъ... Заѣду — и поѣду въ Харьковъ, благо денегъ мнѣ дали достаточно...»

Но оказалось, что даже и заѣзжать не слѣдуетъ. Вышло еще лучше, чѣмъ я предполагалъ: какъ нарочно попалъ я въ Орелъ съ опозданіемъ, какъ разъ къ приходу сверху поѣзда на Харьковъ. И поѣздъ, какъ нарочно, былъ чудесный, никогда еще невиданный мной — скорый, съ американскимъ страшнымъ паровозомъ, весь изъ тяже-

лыхъ и большихъ вагоновъ лишь перваго и второго класса, съ шерстяными занавѣсками на окнахъ, съ полутемнымъ свѣтомъ изъ-подъ синяго шелка, со всѣмъ тѣмъ теплomъ и уютомъ богатаго міра, провести ночь въ которомъ (да еще въ пути къ югу) мнѣ показалось уже совсѣмъ неотразимымъ счастьемъ...

XIII.

Въ Харьковѣ я сразу попалъ въ совершенно новый для меня міръ.

Въ числѣ моихъ особенностей всегда была повышенная воспріимчивость къ свѣту и воздуху, къ малѣйшему ихъ различію. И вотъ первое, что поразило меня въ Харьковѣ: мягкость воздуха и то, что свѣта въ немъ было какъ будто немного больше, чѣмъ у насъ. Я вышелъ изъ вокзала, сѣлъ въ извозчичьи сани, — извозчики, оказалось, ѣздили тутъ парой, съ глухарями-бубенчиками, и разговаривали другъ съ другомъ на вы, — оглянулся вокругъ и сразу почувствовалъ во всемъ что-то не совсѣмъ наше, болѣе мягкое и свѣтлое, даже какъ будто весеннее. И здѣсь было снѣжно и бѣло, но бѣлизна была какая-то иная, пріятно слѣпящая. Солнца не было, но свѣта было много, больше во всякомъ случаѣ, чѣмъ полагалось для декабря, и его теплое присутствіе за облаками обѣщало что-то очень хорошее. И все было мягче въ этомъ свѣтѣ и воздухѣ: запахъ каменнаго угля изъ-за вокзала, лица и говоръ извозчиковъ, громыханье на парныхъ лошадяхъ бубенчиковъ, ласковое зазыванье бабъ, продававшихъ на площади передъ вокзаломъ бублики и сѣмячки, сѣрый-хлѣбъ и сало. А за площадью стоялъ рядъ высочайшихъ тополей, голыхъ, но тоже необыкновенно южныхъ, малорусскихъ. А въ городѣ на улицахъ таяло...

Однако, все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что

ожидало меня въ тотъ день далѣе: такого количества новыхъ чувствъ я еще никогда не испытывалъ, столько знакомствъ за всю свою жизнь не дѣлалъ. Бываетъ такъ, что въ первый же день по пріѣздѣ куда-нибудь попадаешь на рѣдкое обиліе впечатлѣній и встрѣчъ. Такъ было и со мной въ тотъ день.

Въ братѣ, который встрѣтилъ меня съ радостнымъ изумленіемъ, оказалось тоже что-то новое, -- онъ тутъ, въ Харьковѣ, былъ какъ будто какой-то другой, чѣмъ въ Батуринѣ, моложе, милѣй, хотя какъ будто и менѣе близокъ мнѣ, несмотря на всю радость, съ которой мы встрѣтились. А какъ странна была, кромѣ того, его харьковская жизнь! Пусть и вправмь былъ онъ «вѣчный студентъ», по выраженью отца, по вѣдь все-таки былъ онъ Арсеньевъ. А гдѣ же нашелъ я его? Въ какой-то узкой уличкѣ, идущей подъ гору, въ каменномъ и грязномъ дворѣ, густо пахнущемъ каменнымъ углемъ и еврейскими кухнями, въ тѣсной квартиркѣ какого-то многосемейнаго портного Блюмкина... Правда, даже и это было страшно хорошо своей новизной, но все же я былъ пораженъ.

— Ну, какъ отлично, что ты попалъ въ воскресенье и засталъ меня! — сказалъ братъ, расцѣловавшись со мной. — Хотя, собственно, зачѣмъ ты пріѣхалъ? — тотчасъ же прибавилъ онъ, стараясь говорить въ томъ вѣчно насмѣшливомъ тонѣ, который былъ такъ принятъ въ нашей семьѣ, а глазами смѣясь.

И я, тоже невольно смѣясь — и отъ удовольствія встрѣчи и отъ какой-то пріятной неловкости, — отвѣтилъ, что и самъ не знаю, зачѣмъ... затѣмъ, конечно, чтобы посовѣтоваться наконецъ серьезно, какъ же мнѣ въ самомъ дѣлѣ быть съ собой? Но братъ уже не слушалъ, — «обдумаемъ какъ нибудь!» увѣренно сказалъ онъ, — и тотчасъ же сталъ торопить меня умыться, пріодѣться и итти обѣдать съ нимъ въ кухмистерскую какого-то «пана» Лисовскаго, гдѣ всегда обѣдали многіе изъ его сослу-

живцевъ по земской статистикѣ. И вотъ мы вышли и пошли изъ улицы въ улицу, продолжая что попало говорить съ обычной въ такихъ случаяхъ безпорядочностью, межъ тѣмъ какъ у меня, — одѣтаго уже горожаниномъ и очень это чувствующаго, — глаза разбѣгались на эти улицы, казавшіяся мнѣ совершенно великолѣпными, и на то, что окружало меня: послѣ полудня стало совсѣмъ солнечно, всюду блестѣло, таяло, тополя на Сумской улицѣ возносились верхушками къ пухлымъ бѣлымъ облакамъ, плывшимъ по влажно-голубому, точно слегка дымящемуся небу...

А у пана Лисовскаго оказался необыкновенно интересный низокъ, стойка съ превосходными и удивительно дешевыми закусками, — особенно хороши были, какъ огонь, горячіе и страшно перченые блинчатые пирожки по двѣ копейки штука, — и множество обѣдающихъ чиновниковъ, весьма удивившихъ меня своей простонародностью, столь свойственной Малороссіи. Когда же мы сѣли за большой отдѣльный столъ, стали подходить и присоединяться къ намъ люди уже и совсѣмъ для меня странные, на которыхъ я смотрѣлъ тѣмъ болѣе жадно, что все это были какъ разъ тѣ самые (какъ будто совсѣмъ особые отъ всѣхъ прочихъ) люди, о которыхъ я столько наслушался отъ брата еще въ Батуринѣ. Со всѣми съ ними братъ знакомилъ меня почему-то съ радостной поспѣшностью и даже какъ будто съ гордостью:

— Представьте, только что пріѣхалъ! — говорилъ онъ, чему-то смѣясь.

И вскорѣ у меня уже голова кругомъ шла: и отъ этого совершенно для меня непривычнаго и столь замѣчательнаго общества, и отъ этого люднаго низка, въ полуподвальныя окна котораго по весеннему весело блестѣлъ сверху солнечный свѣтъ и видны были всяческія ноги идущихъ взадъ и впередъ по улицѣ, и отъ краснаго горячаго борща, и отъ того, что весьма оживленный разговоръ за

нашимъ столомъ шелъ все о чемъ-то совсѣмъ неизвѣстномъ, а межъ тѣмъ казавшемся чрезвычайно интереснымъ мнѣ: о знаменитомъ статистикѣ Анненскомъ, имя котораго произносилось съ неизмѣннымъ восхищеніемъ, о какомъ-то волжскомъ губернаторѣ, который будто бы поролъ голодающихъ мужиковъ, чтобы они не распространяли слуховъ о своемъ голодѣ, о предстоящемъ въ Москвѣ Пироговскомъ съѣздѣ, который, какъ всегда, долженъ быть цѣлымъ событіемъ, и о томъ, какъ «реагировать» на вчерашнюю выходку — «вѣрнѣе, доносъ» — предсѣдателя губернскаго земскаго собранія, сказавшаго, что «харьковское земское статистическое бюро уже давно прославилось на всю Россію своей крамольностью...» Легко представляю себѣ, до чего рѣзко выдѣлялся я за этимъ обѣдомъ своей юностью, свѣжестью, деревенскимъ загаромъ, здоровьемъ, простосердечностью, горячей и напряженной внимательностью слуха и зрѣнія, видъ имѣвшей, вѣроятно, даже глупости и отупѣнія! Очень выдѣлялся и братъ. И онъ былъ изъ какого-то совсѣмъ другого міра, чѣмъ всѣ прочіе, несмотря на всю близость къ нимъ; и онъ казался моложе и какъ будто наивнѣй всѣхъ, имѣлъ какой-то болѣе тонкій видъ и даже иной языкъ.

Многіе изъ всего этого общества были, какъ я понялъ впослѣдствіи, очень типичны и по внѣшности и по всему прочему. Нѣкоторыхъ я втайнѣ уже не одобрилъ кое въ чемъ: одинъ, очень длинный и узкогрудый, былъ слишкомъ близорукъ и все сутулился, все держалъ руку въ карманѣ штановъ и все мелко трясъ ногой, на которой лежала другая, чудодѣйственно заплетенная за нее винтомъ нога; другой, желтоволосый, прозрачно-желтый и худой лицомъ, говорилъ, какъ мнѣ казалось, черезчуръ много, горячо и вдохновенно и, не глядя на папиросу, все сбивалъ съ нея пепелъ вытянутымъ костлявымъ указательнымъ пальцемъ той же руки, въ которой держалъ ее; а слѣдующій все чему-то ѣдко ухмылялся,

дѣлая то, что мнѣ было особенно непріятно: все каталъ по скатерти двумя пальцами катышку бѣлаго хлѣба, уже давно ставшую грязной... Но зато нѣкоторые другіе были чрезвычайно милы: полякъ Ганскій съ глубокими и скорбными глазами и запекшимися губами, куривній неустанно, глубоко затягиваясь и поминутно поджигая и безъ того горящую папиросу дрожащей рукой; огромный ростомъ и живописно-кудлатый Краснопольскій, недавно уволенный съ пятаго курса медикъ, въ очкахъ, но похожій на Іоанна Крестителя; бородатый Леонтовичъ, который былъ старше и, какъ статистикъ, извѣстнѣй всѣхъ и сразу очаровалъ меня своей порядочностью, ласковымъ спокойствіемъ, доброжелательной разсудительностью и, главное, необыкновенно пріятнымъ, чисто малорусскимъ звукомъ грудного голоса; затѣмъ нѣкто Падалка, маленькій, востроносенькій и тоже въ очкахъ, до нельзя разсѣянный, неистово пылкій, все на что-то страстно негодовавшій и вмѣстѣ съ тѣмъ такой дѣтски чистый, искренній, что я тотчасъ же полюбилъ его еще болѣе, чѣмъ Леонтовича. Ужасно понравился мнѣ еще статистикъ Вагинъ, — статистикъ, какъ я узналъ потомъ, такой заядлый, что для него, казалось, во всемъ мірѣ не существовало ничего, кромѣ статистики, — крѣпкій, рослый, бѣлозубый, по мужицки красивый и веселый, — онъ и былъ изъ мужиковъ, — хохотавшій раскатисто и заразительно, говорившій крупно, окая... И ужасную непріязнь возбуждали два человѣка: бывшій рабочій Быковъ, коренастый парень въ блузѣ, въ кудрявой головѣ котораго, въ толстой шеѣ и выкаченныхъ глазахъ было и впрямь что-то бычье, и еще одинъ, по фамиліи Мельникъ: весь какой-то дохлый, чахлый, песочно-рыжій, золотушный, подслѣпый и гнусавый, но необыкновенно рѣзкій и самонадѣянный въ сужденіяхъ, — много лѣтъ спустя оказавшійся, къ моему крайнему изумленію, большимъ лицомъ, какимъ-то «хлѣбнымъ диктаторомъ»...

XIV.

Въ средѣ подобныхъ людей я и провелъ мою первую харьковскую зиму (да и многіе годы впослѣдствіи).

Извѣстно, что это была за среда, какъ слагалась, жила и вѣровала она.

Замѣчательнѣй всего то, что члены ея, пройдя еще на школьной скамьѣ все то особое, что полагалось имъ для начала, то есть какой-нибудь кружокъ, затѣмъ участіе во всякихъ студенческихъ «движеніяхъ» и въ той или иной «работѣ», затѣмъ высылку, тюрьму или ссылку и такъ или иначе продолжая эту «работу» и потомъ, жили, въ общемъ, очень обособленно отъ прочихъ русскихъ людей, даже какъ бы и за людей не считая всякихъ практическихъ дѣятелей, купцовъ, земледѣльцевъ, врачей и педагоговъ (чуждыхъ политикѣ), чиновниковъ, духовныхъ, военныхъ и особенно полицейскихъ и жандармовъ, малѣйшее общеніе съ которыми считалось не только позорнымъ, но даже преступнымъ, и имѣли все свое, особое и непоколебимое: свои дѣла, свои интересы, свои событія, своихъ знаменитостей, свою нравственность, свои любовные, семейные и дружескіе обычаи и свое собственное отношеніе къ Россіи: отрицаніе ея прошлаго и настоящаго и мечту о ея будущемъ, вѣру въ это будущее, за которое и нужно было «бороться». Въ этой средѣ были, конечно, люди весьма разные не только по степени революціонности, «любви» къ народу и ненависти къ его «врагамъ», но и по всему внѣшнему и внутреннему облику. Однако, въ общемъ, всѣ были достаточно узки, прямолинейны, нетерпимы, исповѣдывали нѣчто достаточно несложное: люди это только мы да всякіе «униженные и оскорбленные»; все

злое — направо, все доброе — налѣво; все свѣтлое — въ народѣ, въ его «устояхъ и чаяніяхъ»; всѣ бѣды — въ образѣ правленія и дурныхъ правителяхъ (которые почитались какъ будто даже за какое-то особое племя); все спасеніе — въ переворотѣ, въ конституціи или республикѣ...

И вотъ къ этой-то средѣ и присоединился я въ Харьковѣ, гдѣ оказался достаточно вѣрный и полный образецъ ея.

Попавъ въ Харьковъ, я присоединился къ ней тотчасъ же и даже не внѣшне только, хотя ужъ какъ не подобала она мнѣ!

Къ чему другому могъ присоединиться я? Я былъ полонъ жаднаго любопытства ко всему и ко всѣмъ. Въ Харьковѣ окружала меня уже большая и разнообразная жизнь. И я на все смотрѣлъ во всѣ глаза, втайнѣ хотѣлъ попасть во всѣ круги ея. Но какъ я могъ проникнуть въ нихъ? Никакой посредствующей связи у меня съ ними не было, да я и не искалъ ея: надъ желаніемъ проникнуть въ нихъ уже преобладало чувство и сознаніе, что, если и есть многое, что совсѣмъ не по мнѣ въ моемъ новомъ кругу, то очень и очень многое будетъ въ другихъ кругахъ не по мнѣ еще болѣе, ибо что общаго было у меня, напримѣръ, съ купцами, съ чиновниками? Да многое въ этомъ кругу было просто пріятно мнѣ. Знакомства мои въ немъ быстро расширялись, и мнѣ нравилась легкость, съ которой можно было дѣлать это въ немъ. Нравилась студенческая скромность его существованія, простота обычаевъ, обращенія другъ съ другомъ. Очень нравились нѣкоторыя отдѣльныя лица — особенно по внѣшности, которой для меня всегда опредѣлялось все прочее. Кромѣ того, и жилось въ этомъ кругу довольно весело. Утромъ — сборище на службѣ, гдѣ не мало чаепитія, куренья и споровъ; затѣмъ оживленная трапеза, такъ какъ обѣдали почти всѣ компаніями, по кухмистерскимъ; вечеромъ — новое сборище: на какомъ-нибудь засѣданіи, на какой-ни-

будь вечеринкѣ или на дому у кого-нибудь... Мы въ ту зиму чаще всего бывали у Ганскаго, человѣка довольно состоятельнаго, затѣмъ у Шкляревичъ, богатой и красивой вдовы, гдѣ нерѣдко бывали знаменитые малорусскіе актеры, пѣвшіе пѣсни о «вільномъ казацьстві» и даже свою марсельезу — «До зброи, громада!» - или же въ гостепріимномъ домѣ одного крупнаго желѣзнодорожника, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпнаго, упитаннаго сорокалѣтняго красавца восточнаго типа, плотояднаго, талантливаго, ѣдко и какъ-то пренебрежительно остроумнаго, все и вся презиравшаго, не вѣрившаго ни во что рѣшительно, кромѣ того, что совершенно необходимо съ лица земли стереть всѣ сущіе въ Россіи порядки и обычаи, и угощавшаго насъ шамбертеномъ и сигарами...

А не по мнѣ было въ этомъ кругу тоже многое. По мѣрѣ того какъ я привыкалъ и присматривался къ нему, я все чаще и чаще возмущался въ немъ то тѣмъ, то другимъ и даже порой не скрывалъ своего возмущенія, пускался въ горячій и, конечно, напрасный споръ то по одному, то по другому поводу, благо большинство полюбило меня и прощало мнѣ мои возмущенія. Я чувствовалъ, что все больше проникаюсь огульнымъ предубѣжденіемъ противъ всѣхъ другихъ круговъ, а что нахожу въ своемъ? Дѣвочкамъ и мальчикамъ даютъ тутъ читать политическую экономію, сами читаютъ только Короленко, Златовратскаго, а напримѣръ, Чехова презираютъ за политическое безразличіе, Толстого всячески поносятъ за «постыднѣйшую и вреднѣйшую проповѣдь недѣланія», за то, что онъ «носится съ Богомъ, какъ съ писаной торбой» и, поигравъ въ пахаря или сапожника, садится за «роскошный» столъ, въ то время какъ тотъ же яснополянскій мужикъ, въ любви къ которому онъ такъ распинается, «пухнетъ съ голоду»; о художественной литературѣ говорятъ вообще такъ, что въ меня, вопреки всѣмъ моимъ возмущеніямъ, все таки съ каждымъ днемъ все больше и больше

внѣдряется тайный страхъ, что, можетъ быть, и впрямь вотъ этого никакъ нельзя писать, а вотъ это никому не нужно, а вотъ это (о бѣдномъ Макарѣ или о жизни ссыльныхъ) единственно необходимо; всегда готовы на все за благо Россіи, а всѣ русскія сословія, кромѣ самаго темнаго и нищаго, взяли подъ самое строгое подозрѣніе; времена «Отечественныхъ Записокъ» считаютъ золотымъ вѣкомъ, а ихъ закрытіе однимъ изъ самыхъ большихъ и страшныхъ событій всей русской жизни, свое же время называютъ безвременьемъ — «бывали хуже времена, но не было подлѣй» — и увѣряютъ, будто бы вся Россія отъ этого безвременья «задыхается»; клеймятъ «ренегатомъ» всякаго, кто хоть мало мальски усумнился въ чемъ-нибудь ими узаконенномъ и поминутно издѣваются надъ чьей-нибудь «умѣренностью и аккуратностью»; пресерьезно восхищаются тѣмъ, напримѣръ, что жена Вагина организуетъ какія-то воскресныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и сама готовитъ одно такое чтеніе — «объ огнедышащихъ горахъ»; на вечеринкахъ поютъ даже бородатые: «Вихри враждебные вѣютъ надъ нами» — а я чувствую такую ложь этихъ «вихрей», такую искренность выдуманныхъ на всю жизнь чувствъ и мыслей и такую неподобающую возрастамъ чувствительность, что не знаю, куда глаза дѣвать, и меня спрашиваютъ:

— А вы, Алеша, опять кривите свои поэтическія губы? Чему собственно?

Это спрашиваетъ жена Богданова, того самаго статистика, который такъ непостижимо для меня умѣетъ винтомъ заплетать нога за ногу. У Богдановыхъ большой вечеръ, въ маленькой квартирѣ ихъ многолюдство и табачный дымъ, со стола не сходитъ самоваръ, углы полны опустѣвшими пивными бутылками: собрались въ честь тайно пріѣхавшаго въ Харьковъ стараго, знаменитаго «борца», прославившагося своей огромной и жестокой дѣятельностью, безъ счета сидѣвшаго по крѣпостямъ, нѣ-

сколько разъ попадавшаго за полярный кругъ и отовсюду убѣгавшаго, человѣка съ виду совсѣмъ пещернаго, густобородаго и неуклюжаго, съ волосами въ ноздряхъ и ушахъ, маленькіе глазки котораго глядятъ, однако, чрезвычайно умно и проницательно, а рѣчь льется съ удивительной плавностью, точно по писаному. Самъ Богдановъ всячески незначителенъ, но жена его давно и заслуженно пользуется извѣстностью: кого только не знала она на своемъ вѣку, въ какихъ только предпріятіяхъ не участвовала! Она была когда-то хорошенькая, имѣла множество поклонниковъ, до сихъ поръ весела и бойка, на языкъ остра и находчива, отбрить можетъ всякаго съ рѣдкой логикой, тонка и моложава, на вечеринки принаряжается, — портитъ ее только пенснэ, защепившее кожу на ея переносицѣ. Она меня любитъ, но пробираетъ на каждомъ шагу. Теперь я «губы кривлю» потому, что, вдоволь наслушавшись знаменитости, вдоволь наговорившись и порядочно выпивъ, уже поютъ въ одномъ углу: «Мы пошлемъ всѣмъ злодѣямъ проклятье, на борьбу всѣхъ борцовъ позовемъ!» — Мнѣ тяжко, неловко, и хозяйка, сидящая возлѣ меня на диванѣ съ тонкой папироской въ рукѣ, замѣчаетъ это и немного раздражается. Я не знаю, что ей отвѣтить, не умѣю себя выразить, и она, не дожидаясь моего отвѣта, звонко затягиваетъ: «Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови...» Мнѣ это кажется просто ужасно — да кто это ужъ такъ ликуетъ, думаю я, кто болтаетъ и обагряетъ! А потомъ идетъ нѣчто еще болѣе для меня ненавистное своимъ студенческимъ молодечествомъ: «Изъ страны, страны далекой, съ Волги матушки широкой, ради славнаго труда, ради вольности веселой, собралися мы сюда...» Я даже отворачиваюсь отъ этой Волги-матушки и славнаго труда и вижу, какъ Браиловская, прелестная дѣвочка, молчаливая и страстная, съ пылкими и пытливыми архангельскими глазами, глядитъ на меня изъ угла съ какой-то вызывающей прямотой ненависти...

Я не былъ правѣе ихъ въ общемъ, то есть въ своей легкомысленной революціонности, въ искренней жаждѣ добраго, человѣчнаго, справедливаго, но я просто не могъ слушать, когда мнѣ даже шутя (а все таки, разумѣется, наставительно) напоминали: «Поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ!» — когда въ меня внѣдряли эту обязательность, когда мнѣ, хотя бы косвенно, иносказательно, проповѣдывали, что весь смыслъ жизни заключается «въ работѣ на пользу общества», то есть мужика или рабочаго. Я изъ себя выходилъ: какъ, я долженъ принести себя въ жертву какому-нибудь вѣчно пьяному слесарю или безлошадному Климу, да и Климу-то не живому, а собирательному, котораго они, въ сущности, и знать не желаютъ, котораго въ жизни замѣчаютъ такъ же мало, какъ любого ѣдущаго по улицѣ извозчика, въ то время какъ я дѣйствительно любилъ и люблю нѣкоторыхъ своихъ батуринскихъ Климовъ всѣмъ сердцемъ и послѣднюю копейку готовъ отдать какому-нибудь бродячему пильщику, робко и неловко бредущему по городу съ мѣшкомъ и пилой за плечами и застѣнчиво говорящему мнѣ, нищему молодому человѣку, наивную и трогательную глупость: «Работки у васъ, барчукъ, не найдется какой?» — да не только копейку отдать, а кого-то за горло схватить за него! Я постигнуть не могъ, какъ это можно говорить, будто бы даже и умереть можно спокойно, «честно поработавъ на пользу общества»: это перевертывало всю мою душу своей дерзостью по отношенію къ ней. Я уже истинно страдалъ при этихъ вѣчныхъ цитатахъ изъ Щедрина объ Іудушкахъ, о городѣ Глуповѣ и градоначальникахъ, въѣзжающихъ въ него на бѣломъ конѣ, зубы стискивалъ, видя на стѣнѣ чуть не каждой знакомой квартиры очки и птичье лицо Чернышевскаго или худого, какъ смерть, съ огромными и страшными глазами Бѣлинскаго, приподнимающагося со своего смертнаго ложа навстрѣчу показавшимся въ дверяхъ его кабинета жандармамъ.

Были кромѣ того въ этомъ кругу и Быковы, Мельники... Трудно было, глядя на ихъ лица, освоиться съ мыслью, будто они тоже работники на какое-то прекрасное будущее, а сами себя считаютъ даже въ числѣ главнѣйшихъ знатоковъ и устроителей человѣческихъ благъ.

И былъ еще одинъ, извѣстный подъ кличкой Максъ, отъ времени до времени появлявшійся откуда-то въ Харьковѣ: рослый, на кривыхъ и крѣпкихъ, какъ дубовые корни, ногахъ, въ толстыхъ швейцарскихъ ботинкахъ, подбитыхъ гвоздями, очень спокойный и дѣловитый, очень точный на слова, съ загорѣлымъ грубоватымъ лицомъ и съ большимъ, кругло и круто расширяющимся надъ нимъ горшкомъ черепа. Онъ необыкновенно мало ѣлъ, мало спалъ и все ѣхалъ и ѣхалъ куда-то безъ всякой усталости ..

XV.

Такъ прошла зима.

По утрамъ, пока братъ былъ на службѣ, я бродилъ по городу, сидѣлъ читалъ въ публичной библіотекѣ. Потомъ опять шелъ бродить, думать о прочитанномъ, о прохожихъ и проѣзжихъ, о томъ, что почти всѣ они, вѣрно, по своему счастливы и спокойны — заняты каждый своимъ дѣломъ и болѣе или менѣе обезпечены, межъ тѣмъ какъ я только томлюсь смутнымъ и напраснымъ желаніемъ писать что-то такое, чего и самъ не могу понять, что-то ни о чемъ и обо всемъ, на что у меня нѣтъ ни смѣлости рѣшиться, ни умѣнья взяться и что я все откладываю на какое-то будущее, а бѣденъ настолько, что не могу позволить себѣ осуществить свою жалкую завѣтную мечту — купить хорошенькую записную книжку: это было тѣмъ болѣе горько, что, казалось, отъ этой книжки зависитъ очень многое — вся бы жизнь пошла какъ-то иначе, болѣе бодро и дѣятельно, потому что мало-ли что можно

было записать въ нее! Уже наступала весна, я только что прочелъ собраніе малорусскихъ «Думъ» Драгоманова. былъ совершенно плѣненъ «Словомъ о полку Игоревѣ», нечаянно перечитавъ его и вдругъ понявъ всю его несказанную красоту, и вотъ меня уже опять тянуло въ даль, вонъ изъ Харькова: и на Донецъ, воспѣтый пѣвцомъ Игоря, и туда, гдѣ все еще, казалось, стоитъ на городской стѣнѣ, все на той-же древней ранней утренней зарѣ, молодая Княгиня Евфросинія, и на Черное море казацкихъ временъ, гдѣ на какомъ-то «біломъ каміні» сидитъ какой-то дивный «сокілъ-білозірець», и на ровные «шляхи полтавскіі», а вмѣстѣ съ тѣмъ опять въ молодость отца, въ Севастополь...

Такъ убивалъ я утро, а потомъ шелъ къ пану Лисовскому — возвращался къ дѣйствительности, къ этимъ застольнымъ бесѣдамъ и спорамъ, уже ставшимъ для меня привычными, будничнo-интересными. Потомъ мы съ братомъ отдыхали, болтали и валялись на постеляхъ въ нашей каморкѣ, гдѣ послѣ обѣда особенно густо пахло сквозь двери еврейской трапезой, чѣмъ-то теплымъ, душисто-щелочнымъ. Потомъ мы немного работали, — мнѣ тоже давали иногда изъ бюро кое-какіе подсчеты и сводки. А тамъ мы опять шли куда-нибудь на люди...

Я, помню, больше всего любилъ бывать у Ганскаго. Онъ былъ прекрасный музыкантъ, иногда игралъ для насъ по цѣлымъ вечерамъ. Странный, совершенно дотолѣ невѣдомый мнѣ, сладостно и мучительно возвышенный міръ открывалъ онъ мнѣ, міръ, въ который вступалъ я съ восторженной и жуткой радостью при первыхъ же звукахъ, чтобы тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ обрѣсти тотъ величайшій изъ обмановъ (мнимой божественной возможности быть всеблаженнымъ, всемогущимъ, всезнающимъ), который даетъ только музыка да иныя минуты поэтическаго вдохновенія! И странно было видѣть и самого Ганскаго

го, человѣка столь крайняго въ своей революціонности, — хотя онъ рѣже и сдержаннѣй всѣхъ проявлялъ ее, — сидящимъ за піанино, съ губами уже до черноты спекшимися отъ той все разгорающейся, напряженной страсти, съ которой всегда игралъ онъ. Звуки куда-то вели, шли такъ за такомъ, настойчиво, изысканно-плавно, ликующе, такъ безсмысленно-божественно-весело, что становились почти страшными, и чудесно-трагическій образъ вставалъ передъ моимъ воображеніемъ: мнѣ все думалось, что непремѣнно сойдетъ когда-нибудь Ганскій съ ума и тогда, въ своей узкой камерѣ съ рѣшеткой въ окнѣ, со своими горящими губами, съ экстатическимъ взоромъ и сѣрымъ халатомъ, будетъ уже непрерывно жить и безъ музыки въ подобномъ же безсмысленно-радостномъ, обманчиво-возвышенномъ мірѣ...

Ганскій однажды разсказывалъ, какъ онъ, еще юношей, былъ въ Зальцбургѣ въ домѣ Моцарта и видѣлъ его старинные, узенькіе клавикорды, а рядомъ—стеклянную витрину, гдѣ лежалъ его черепъ. Я подумалъ: «Еще юношей! А я?» И мнѣ стало такъ горько, такъ обидно, что я едва усидѣлъ на мѣстѣ — такое страстное желаніе внезапно овладѣло мной тотчасъ же бѣжать домой, сѣсть, не теряя ни минуты, за какую-то поэму или повѣсть, написать что-то необыкновенное, сразу прославиться, стать знаменитымъ — и уѣхать въ Зальцбургъ, чтобы собственными глазами увидѣть и эти клавикорды и этотъ черепъ...

Много лѣтъ спустя я осуществилъ эту мечту, всегда тайно жившую во мнѣ съ тѣхъ поръ, среди множества прочихъ, давнихъ и завѣтныхъ: видѣлъ и Зальцбургъ, и черепъ, и клавикорды. Клавиши ихъ были совершенно одного цвѣта съ черепомъ, и мнѣ все хотѣлось наклониться и поцѣловать ихъ, приложиться къ нимъ. А самъ черепъ былъ неправдоподобно малъ, совершенно младенческій...

XVI.

Ранней весной я поѣхалъ въ Крымъ.

Мнѣ достали безплатный билетъ, я долженъ былъ ѣхать подъ чьимъ-то чужимъ именемъ, выдавая себя за какого-то желѣзнодорожнаго рабочаго... Въ большихъ лишеніяхъ проходила моя молодость!

Я тогда впервые почувствовалъ значеніе въ жизни имени, мнѣ потомъ всю дорогу пришлось какъ-то преодолѣвать то чужое, оскорбительное, что пришлось мнѣ принять вмѣстѣ съ именемъ этого рабочаго. Да пришлось преодолѣвать и не это одно. Вотъ хотя бы то, что выѣхалъ я въ такой тѣснотѣ и мерзости, какихъ я еще никогда не испытывалъ, въ ночномъ почтовомъ поѣздѣ, прямо страшномъ своей длиной. Онъ и пришелъ переполненный, а на платформѣ въ Харьковѣ осадила его новая несмѣтная орда ѣхавшихъ на югъ на заработки, со всѣми своими мѣшками, котомками и привязанными къ нимъ лаптями и онучами, съ чайниками и вонючими съѣстными запасами: ржавыми таранками, печеными яйцами... Кромѣ того время было уже позднее, такъ что мнѣ тотчасъ же предстояла безсонная ночь, затѣмъ долгій день, а тамъ новая ночь безъ сна... Но я шелъ на все — гдѣ-то тамъ, вдали, ждала меня отцовская молодость.

Видѣніе этой молодости жило во мнѣ съ младенчества. Это былъ какой-то безконечно-давній свѣтлый предъосенній день. Въ этомъ днѣ было что-то очень грустное, но и безконечно счастливое. Было что-то, что связывалось съ моимъ смутнымъ представленіемъ дней Крымской

войны: какіе-то редуты, какіе-то штурмы, какіе-то солдаты того особеннаго времени, что называлось «крѣпостнымъ» временемъ, и смерть на Малаховомъ курганѣ дяди Николая Сергѣевича, великана и красавца полковника, человѣка богатаго и блестящаго, память котораго была въ нашей семьѣ всегда окружена легендой. А главное — былъ въ этомъ днѣ какой-то пустынный и свѣтлый приморскій холмъ, а на этомъ холмѣ, среди камней, какіе-то бѣлые цвѣты вродѣ подснѣжниковъ, что росли на немъ только потому, разумѣется, что еще въ младенчествѣ слышалъ я какъ-то зимой, въ снѣжный солнечный день, слова отца:

— А мы, бывало, въ Крыму, въ это время цвѣточки рвали въ однихъ мундирчикахъ!

Что же я нашелъ въ дѣйствительности?

Помню, что на разсвѣтѣ первой ночи я очнулся въ своемъ тѣсномъ углу на какой-то степной станціи, уже далеко отъ Харькова. Еще догорала свѣча въ углу, солнца еще не было, но было уже совсѣмъ свѣтло и розово. Я съ изумленіемъ оглянулъ тяжко-безобразную картину какъ попало спящихъ въ этомъ розовомъ, со всѣмъ ихъ зловоніемъ и повсюду наваленнымъ скарбомъ, и сейчасъ же открылъ окно. Боже, какая заря была! Мертвая тишина вездѣ, розовымъ огнемъ горитъ вдали востокъ, въ воздухѣ та дивная свѣжесть и ясность, что бываетъ лишь ранней весной, на разсвѣтѣ, въ степи; въ тишинѣ свѣжо и сладостно, по весеннему, поютъ невидимые въ небѣ жаворонки, вправо и влѣво тянется неподвижная стѣна нашего поѣзда, а въ двухъ шагахъ отъ насъ, на безконечной и гладкой, какъ токъ, степи, стоитъ и глядитъ на меня большой могильный курганъ... До сихъ поръ не могу понять, чѣмъ онъ такъ поразилъ меня. Это было нѣчто ни на что не похожее ни по своимъ столь опредѣленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мягкимъ очертаніямъ, ни по тому, главное, что таилось въ нихъ. Это было нѣчто совершенно необык-

новенное при всей своей простотѣ, такое древнее, что казалось безконечно чуждымъ всему живому, нынѣшнему, и въ то же время было такъ знакомо, близко, родственно.

— Ишь, какъ въ старину-то люди хоронились! — сказалъ мнѣ какой-то старикъ изъ дальняго угла. Онъ одинъ не спалъ, сидѣлъ и, согнувшись, съ трудомъ дыша, жарко раскуривалъ трубку, блестя запухшими, слезящимися глазами изъ-подъ рваной телячьей шапки, изъ всего того краснаго, морщинистаго, неряшливо чѣмъ-то сѣдымъ заросшаго, что составляло его лицо. — Въ старину люди хоронились, чтобы память была! — твердо сказалъ онъ. — Богатые были.

И, помолчавъ, добавилъ:

— А, можетъ, это татары насъ такъ закапывали? Вѣдь всего бывало на свѣтѣ, барчукъ,—и плохого и хорошаго...

А второй разсвѣтъ былъ мнѣ еще удивительнѣй. Опять внезапно очнулся я на какой-то станціи — и увидѣлъ уже что-то райское: бѣлое лѣтнее утро — тутъ было уже совсѣмъ лѣто — и что-то очень тѣсное и сплошь цвѣтущее, росистое и благовонное, какой-то маленькій бѣлый вокзалъ, весь увитый розами, какой-то лѣсистый обрывъ, отвѣсно поднимающійся надъ нимъ, и какія-то густыя, тоже цвѣтущія, заросли въ обрывахъ съ другой стороны.. И какъ-то совсѣмъ иначе, радостно и какъ будто испуганно, звонко, по горному крикнулъ паровозъ, трогаясь въ путь. Когда-же снова выбрался онъ на просторъ, изъ-за ликихъ лѣсистыхъ холмовъ впереди вдругъ глянуло на меня всей своей темной громадной пустыней, поднявшейся въ небосклонъ, что-то тяжко-синее, почти черное, влажно-мглистое, еще сумрачное, только что освобождающееся изъ влажныхъ и темныхъ нѣдръ ночныхъ, — и я вдругъ съ ужасомъ и радостью *узналъ* его. Именно — вспомнилъ, узналъ!

Севастополь же показался мнѣ чуть не тропическимъ Какой знойный, южно-роскошный вокзалъ, весь насквозь

нагрѣтый нѣжнымъ воздухомъ! Какъ горячи, какъ блещутъ рельсы передъ нимъ! Небо отъ зноя даже блѣдное, сѣрое, но и въ этомъ роскошь, счастье, югъ. Все то огромное, мужицкое, что везли мы съ собой, по дорогѣ растаяло. А вотъ и я, почти одинъ, выхожу наконецъ изъ поѣзда, опять съ моимъ подлиннымъ именемъ, и, шатаясь отъ усталости и голода, иду въ первый классъ. Полдень, вездѣ пустота, огромный буфетный залъ (міръ богатыхъ, свободныхъ и знатныхъ людей, пріѣзжающихъ сюда съ курьерскими!) чистъ и тихъ, блещетъ бѣлизной столовъ, вазами и канделябрами на нихъ... Я не могъ больше удерживаться, быть, какъ былъ весь путь, нищенски расчетливымъ, — спросилъ себѣ кофе, калачъ. Мнѣ все это подали, искоса на меня поглядывая — видъ мой и впрямь былъ подозрителенъ. Но все равно, — я опять былъ я, я наслаждался тишиной, чистотой, вѣющимъ въ окна и двери жаркимъ воздухомъ — и вдругъ увидалъ: изъ открытыхъ на яркую платформу дверей неожиданно, но совсѣмъ просто, гуляючи, вошло въ залу что-то пестренькое, вродѣ цесарочки... Съ тѣхъ поръ уже всегда связывалось у меня представленіе о южныхъ вокзалахъ съ этимъ пестренькимъ.

Но гдѣ-же было то, за чѣмъ какъ будто и ѣхалъ я? Не оказалось и въ самомъ Севастополѣ ни разбитыхъ пушками домовъ, ни тишины, ни запустѣнія — ничего отъ дней отца и Николая Сергѣевича съ ихъ деньщиками, погребцами и казенными квартирами. Городъ уже давно-давно жилъ безъ нихъ, вновь и, конечно, гораздо лучше отстроенный, ослѣпительно-бѣлый, нарядный и жаркій, съ просторными извозчичьими колясками подъ бѣлыми навѣсами, съ караимской и греческой толпой на улицахъ, осѣненныхъ свѣтлой зеленью южной акаціи, съ великолѣпными табачными магазинами, съ памятникомъ сутулому Нахимову на площади возлѣ лѣстницы, ведущей къ Графской пристани, къ зеленой морской водѣ со стоящими на ней броненосцами. Только тамъ, за этой зеленой

водой, было нѣчто отцовское — то, что называлось Сѣверной стороной, Братской Могилой; и только оттуда вѣяло на меня грустью и прелестью прошлаго, давняго, теперь уже мирнаго, вѣчнаго, и даже какъ будто чего-то моего собственнаго, тоже всѣми давно забытаго...

И вотъ, я пустился въ путь далѣе. Я переночевалъ гдѣ-то на окраинѣ, въ грошевой гостиницѣ, и рано утромъ вышелъ изъ Севастополя. Въ полдень я былъ уже за Балаклавою... Какъ одинокъ, какъ безвѣстенъ и молодо-счастливъ былъ я въ тотъ день! И какъ страненъ былъ нагой горный міръ, что окружалъ меня! Бѣлое шоссе безъ конца, голыя, сѣрыя долины впереди, голыя сѣрыя коврги близкихъ и дальнихъ вершинъ, одна за другой уходящія и куда-то томительно зовущія своими сиреневыми и пепельными грудами, знойнымъ и таинственнымъ сномъ своимъ... Гдѣ былъ завѣтный холмъ съ бѣлыми подснѣжниками? Онъ исчезъ, потонулъ въ какой-то другой, вѣковой старинѣ. Посреди какихъ-то огромныхъ кремнистыхъ долинъ я, помню, сидѣлъ, отдыхалъ. Чабанъ татарченокъ съ высокимъ крюкомъ въ рукѣ стоялъ вдали, возлѣ сѣрой отары овецъ, голышами насыпанной сзади него. Онъ что-то жевалъ. Я пошелъ къ нему, увидалъ, что онъ ѣстъ брынзу и хлѣбъ, вынулъ двугривенный. Онъ, жуя, не сводя съ меня глазъ, замоталъ головой, протянулъ весь мѣшокъ, черезъ плечо висѣвшій на немъ. Я взялъ, — онъ нѣжно и радостно оскалился, блеснулъ всѣмъ своимъ черноглазымъ лицомъ, уши, торчавшія подъ его круглой шапочкой, двинулись назадъ... А по бѣлому шоссе мимо насъ катилась коляска тройкой, съ топотомъ копытъ и звономъ колокольчиковъ: на козлахъ — татаринъ ямщикъ, въ коляскѣ — сѣдобровый старикъ въ полотняномъ картузѣ, а рядомъ съ нимъ, вся закутанная, вся восковая, желтая, съ темными и страшными глазами, дѣвушка... Вѣрно, не разъ я видалъ, много лѣтъ спустя, въ дни совсѣмъ иные для меня, ея мраморный крестъ на горѣ надъ Ялтой, среди множества прочихъ крестовъ,

подъ кипарисами и розами, въ легкомъ и свѣжемъ морскомъ вѣткѣ свѣтлаго южнаго дня...

У Байдарскихъ воротъ я ночевалъ на крыльцѣ почтовой станціи. Смотритель не пустилъ меня въ комнаты, узнавъ, что лошадей я не буду брать. За воротами, въ безконечной темной пропасти, всю ночь шумѣло море — довременно, дремотно, съ непонятнымъ, угрожающимъ величіемъ. Я выходилъ иногда подъ ворота: край земли и кромѣшная тьма, крѣпко дуетъ пахучимъ туманомъ и холодомъ волнъ, шумъ то стихаетъ, то растетъ, поднимается, какъ шумъ дикаго бора... Бездна и ночь, что-то слѣпое и безпокойное, какъ-то утробно и тяжко живущее, враждебное и безсмысленное...

XVII.

Откуда нибудь возвращаясь, всегда думаешь, что въ твое отсутствіе что нибудь случилось, получено какое-нибудь письмо, извѣстіе. Чаще всего оказывается, что ничего не случилось, ничего не получено. Не такъ, однако, было со мной на этотъ разъ. Братъ встрѣтилъ меня съ большимъ смущеньемъ: во-первыхъ, отецъ запродалъ Батурино, прислалъ намъ денегъ, написалъ необыкновенно грустно, покаянно... Я на мгновеніе вспыхнулъ отъ радости, — опять, значитъ, есть возможность куда-нибудь поѣхать, — но тотчасъ-же это чувство смѣнилось острой болью: значитъ, совсѣмъ конецъ всей нашей прежней жизни! — и горькой жалостью къ отцу, къ матери, къ Олѣ: мы тутъ веселы, безпечны, у насъ весна, люди, городъ, а они тамъ въ глуши, въ одиночествѣ, въ думахъ только о насъ, а вотъ теперь и о своей близкой безпріютности... Я никогда не могъ спокойно видѣть отца въ грусти, не могъ слушать его оправданій въ томъ, что онъ «пустилъ насъ по міру»: я въ такія минуты всегда готовъ былъ ки-

нуться руки его цѣловать даже какъ бы съ горячей благодарностью именно за это самое. Теперь же, послѣ Севастополя, едва удержался отъ слезъ... Къ счастью, оказалось, что онъ запродалъ только землю, безъ усадьбы.

А вторая новость была еще неожиданнѣй. Братъ совсѣмъ потерялся, сообщая ее: «Прости, что я даже отъ тебя скрывалъ это, я не хотѣлъ и теперь не хочу, чтобъ объ этомъ знали наши... Дѣло въ томъ, что я женатъ... Не церковно, конечно, — она даже продолжаетъ, ради ребенка, жить вмѣстѣ съ мужемъ, — но ты понимаешь меня.. Переодѣвайся и пойдемъ сейчасъ къ ней, она тебя знаетъ и заранѣе любитъ...»

И онъ поспѣшно разсказалъ мнѣ свою исторію. Она была изъ богатой и родовитой семьи, но росла въ страстныхъ свободолюбивыхъ и народническихъ мечтахъ, рано вышла замужъ, чтобы начать «рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ» жить только для народа, въ борьбѣ за народъ... «Любимый человѣкъ», ставъ, благодаря ей, человѣкомъ богатымъ, скоро остылъ ко всѣмъ своимъ прежнимъ стремленіямъ, межъ тѣмъ, какъ для нея эти стремленія были столь святы, дороги, съ самыхъ раннихъ лѣтъ мучили ее, счастливую, такой болью за свое собственное счастье среди всѣхъ народныхъ несчастій и такимъ стыдомъ даже за красоту свою, что она однажды пыталась себя изуродовать, сжечь сѣрной кислотой себѣ руки, которыми всѣ черезчуръ восхищались... Съ братомъ она встрѣтилась на югѣ, — онъ тогда скрывался, жилъ подъ чужимъ именемъ... Понявъ свою любовь къ нему, она въ отчаяньи кинулась въ море, спасена была только случайно, рыбаками...

Я, покорно переодѣваясь, слушалъ все это съ большимъ удивленіемъ, ужасно волнуясь и отводя глаза. Мнѣ почему-то было неловко, непріятно за брата, во мнѣ росла враждебность къ его героинѣ, — ужъ слишкомъ все это было романтично. Однако я былъ удивленъ еще бо-

лѣе, едва переступилъ порогъ комнаты въ томъ богатомъ отелѣ, гдѣ жила она. Какъ быстро встала она мнѣ навстрѣчу, какъ нѣжно и родственно обняла меня, какъ ласково и чудно улыбнулась, какъ хорошо, легко заговорила! Во всей милой простотѣ ея обращенья была тонкость породы, воспитанья, прекраснаго сердца, застѣнчивая, женственная и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то удивительно свободная прелесть, въ движеніяхъ мягкость и точность, въ грудномъ, слегка пѣвучемъ и гармонически-изысканномъ звукѣ голоса, равно, какъ въ чистотѣ и ясности сѣрыхъ, нѣсколько грустно улыбающихся глазъ съ черными рѣсницами, — необъяснимое очарованіе...

И все таки это неожиданное знакомство, это внезапное открытіе, что у брата есть своя собственная жизнь, отъ насъ ото всѣхъ сокровенная, есть привязанность не къ намъ однимъ, очень ранило меня. Я опять почувствовалъ себя одинокимъ со всей своей молодостью среди всего того весенняго, что окружало меня, испыталъ какую-то горечь, разочарованіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я какъ будто сказалъ себѣ: «Ну, что жъ, тѣмъ лучше для меня, я теперь ужъ совсѣмъ свободенъ въ той чудесной странѣ, которая только что открылась мнѣ...» Страна же эта грезилась мнѣ необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше плѣняла мое воображеніе и древностью своей и современностью. Въ современности былъ великій и богатый край, красота его нивъ и степей, хуторовъ и селъ, Днѣпра и Кіева, народа сильнаго и нѣжнаго, въ каждой мелочи быта своего красиваго и опрятнаго, — наслѣдника славянства подлиннаго, дунайскаго, карпатскаго. А тамъ, въ древности, была колыбель его, были Святополки и Игори, печенѣги и половцы, — меня даже одни эти слова очаровывали, — потомъ вѣка казацкихъ битвъ съ турками и ляхами, Пороги и Хортица, плавни и гирла херсонскія... «Слово о Полку Игоревѣ» сводило меня съ ума:

«Хощу бо, рѣче, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами, Русици... Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому... Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ... Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди... Дивъ кличеть врьху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу...»

«Кричать телѣгы полунощи, рци лебеди распущени, Игорь вои къ Дону ведеть... Орли клектомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чрьленые щиты... О руськая земле! уже за Шеломянемъ еси...»

«Другого дни велми кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чрьныя тучя съ моря идуть: въ нихъ трепещутъ синія молніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами...»

И потомъ:

«Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»

«Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кыевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чрьною паполомою, на кровати тисовѣ. Черпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено...»

«Прысну море полунощи... Игореви Князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецкой на землю Руськую, къ отню злату столу. Погасоши вечеру зори: Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслію поля мѣрить отъ Великаго Дона до Малаго Донца...»

И вскорѣ я опять пустился въ странствія. Былъ на тѣхъ самыхъ берегахъ Донца, гдѣ когда-то кинулся изъ плѣна Князь «горностаемъ въ тростникъ, бѣлымъ гоголемъ на воду»; потомъ былъ на Днѣпрѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ «пробилъ онъ каменныя горы сквозь землю Половецкую»,

плылъ мимо бѣлыхъ весеннихъ селъ, среди необозримо синѣющихъ солнцемъ и воздухомъ приднѣпровскихъ низинъ, вверхъ, къ Кіеву — и какъ разсказать, что пѣло тогда во мнѣ вмѣстѣ съ этой весной и пѣсней объ Игорѣ? «Солнце свѣтится на небеси, Игорь Князь въ Руськой земли! Дѣвици поютъ на Дунаи. Вьются голоси черезъ море до Кыева...»

А отъ Кіева ѣхалъ я на Курскъ, на Путивль. «Сѣдлай, брате, свои борзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курська напереди...» Только много лѣтъ спустя проснулось во мнѣ чувство Костромы, Суздаля, Углича, Ростова Великаго: въ тѣ дни я жилъ въ иномъ очарованіи. И что нужды, что оказался «Курськъ» только скучнѣйшимъ губернскимъ городомъ, а пыльный Путивль и того скучнѣй! Развѣ не та же глушь, пыль была и тогда, когда на ранней степной зарѣ, на земляной стѣнѣ, убитой кольями, слышенъ былъ «Ярославнинъ гласъ»?

«Ярославна рано плачетъ Путивлю городу: полечу, рече, зегзицею, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя раны его...»

XVIII.

Этимъ путемъ я уже возвращался домой. Теперь я даже спѣшилъ туда: кочевая страсть моя была до поры до времени нѣсколько насыщена, мнѣ хотѣлось отдыха и работы, и лѣто, ожидавшее меня въ Батуринѣ, представлялось мнѣ восхитительнымъ — такъ богатъ я былъ самыми лучшими надеждами, планами и довѣріемъ къ судьбѣ. Но, какъ извѣстно, нѣтъ ничего опаснѣе излишняго довѣрія къ ней...

Короче сказать, по пути я заѣхалъ въ Орелъ.

Тутъ я почувствовалъ свои странствія почти конченными: еще нѣсколько часовъ — и я въ Батуринѣ. Оставa-

лось только взглянуть на самый Орелъ — городъ Лѣскова и Тургенева — да узнать наконецъ, что же такое редакція и типографія.

Бодрость я чувствовалъ необыкновенную. Но почернѣлъ, похудѣлъ, какъ цыганъ, побывавшій на пяти ярмаркахъ: столько ходилъ пѣшкомъ, столько плылъ по Днѣпру и все на палубѣ, въ радостной жарѣ солнца, блеска воды, раскаленной пароходной трубы, надъ которой весь день дрожало и плавилось что-то тончайшее, стеклянное, лазурно-пламенное, въ духотѣ и густомъ теплѣ, людскомъ, машинномъ и кухонномъ. Надо было поэтому хоть нѣсколько вознаградить себя. И вотъ, выйдя въ Орлѣ, я взялъ рѣзваго извозчика, велѣлъ везти себя въ лучшую гостиницу... Были пыльно-сиреневыя сумерки, вездѣ разсыпались вечерніе огни, за рѣкой, въ городскомъ саду, играла духовая музыка... Извѣстны тѣ неопредѣленныя, сладко волнующія чувства, что испытываешь вечеромъ въ незнакомомъ большомъ городѣ, въ полномъ одиночествѣ. Съ этими чувствами я и обѣдалъ въ пустой залѣ той старой и почтенной губернской гостиницы, въ которую привезли меня, и сидѣлъ потомъ на желѣзномъ балкончикѣ своего номера, надъ уличнымъ фонаремъ, горѣвшимъ подъ деревомъ, сквозившая зелень котораго, благодаря ему, была ярка, казалась нарядной, изящной, хотя и металлической. Внизу взадъ и впередъ шли съ говоромъ, смѣхомъ и огоньками папиросъ гуляющіе, напротивъ, въ большихъ домахъ, были открыты окна, а за ними видны освѣщенныя комнаты, люди, сидящіе за чайнымъ столомъ или что-то дѣлающіе, — чья-то чужая, манящая жизнь, на которую глядишь въ такіе часы съ особенно обостренной наблюдательностью... Впослѣдствіи, безъ конца скитаясь по свѣту, много пережилъ я подобныхъ часовъ одинокаго спокойствія и наблюденія и многимъ изъ нихъ обязанъ весьма горькой мудростью. Но совсѣмъ не до мудрости было мнѣ въ ту теплую ночь въ Орлѣ съ этой полковой музыкой, порой доносившейся ко мнѣ изъ-за

рѣки то своей пѣвучей томностью, то печально-восторженнымъ грохотомъ. Втайнѣ я, конечно, опять ждалъ того, что казалось тогда высшей радостью, завершеніемъ всякаго счастья...

Я совсѣмъ отвыкъ спать по человѣчески, — мнѣ даже странной показалась въ ту ночь большая, покойная и чистая кровать, темнота, тишина и просторъ моего номера. Я и проснулся по дорожному - чуть стало свѣтать. Этимъ и объясняется то, что пришелъ я въ редакцію «Голоса» совсѣмъ въ неурочный часъ.

Утро было жаркое, — весна была рѣдкая. Главная улица, бѣлая, голая, была еще пуста. Чтобы какъ-нибудь приблизить тотъ срокъ, когда по моимъ предположеніямъ можно было, не слишкомъ нарушая приличія, явиться въ редакцію, я пошелъ сперва внизъ по этой улицѣ, перешелъ какой-то мостъ, вышелъ на другую, большую, торговую, со всякими старыми складами и амбарами, скобяными, желѣзными, москательными и колоніальными лавками и вообще всѣмъ тѣмъ грузнымъ обиліемъ благосостоянія, отъ котораго ломились тогда русскіе города. Въ ладъ съ этимъ обиліемъ и густымъ утреннимъ солнцемъ, густо и важно-благостно звонили къ обѣднѣ въ тяжкой и высокой церкви возлѣ Орлика. Подъ этотъ гудящій звонъ, — онъ гудѣлъ даже во мнѣ во всемъ, — я перешелъ еще одинъ мостъ, поднялся на гору къ присутственнымъ мѣстамъ, огромнымъ домамъ николаевскихъ и александровскихъ временъ, передъ которыми вдоль длинной свѣтлой площади вправо и влѣво тянулся бульваръ, широкая аллея еще по утреннему свѣжихъ, прозрачно-тѣнистыхъ липъ. Я зналъ улицу, гдѣ была редакція «Голоса», спросилъ, далеко-ли она, у встрѣчнаго:

— Вонъ тамъ, въ двухъ шагахъ, — сказалъ онъ мнѣ, и я вдругъ почувствовалъ сердцебіеніе: сейчасъ буду въ редакціи!

Простота этой редакціи была однако истинно провин-

ціальная. За площадью шли сплошные сады, тихія тѣнистыя улицы, совсѣмъ утонувшія въ нихъ и заросшія густой травой. Въ такой-же улицѣ, въ большомъ саду, стоялъ и тотъ длинный сѣрый домъ, гдѣ помѣщалась редакція. Я подошелъ, увидалъ полуоткрытую прямо на улицу дверь, дернулъ за ручку звонка... Онъ задребезжалъ гдѣ-то вдали, но не произвелъ никакого дѣйствія: домъ казался необитаемымъ, какъ впрочемъ и все вокругъ: тишина, сады, милое свѣтлое утро губернскаго степного города... Я опять позвонилъ, подождалъ еще и наконецъ рѣшилъ войти. Длинныя сѣни вели куда-то вглубь. Я пошелъ туда и увидалъ большой, низкій и необыкновенно грязный залъ, весь запроможденный какими-то машинами, затоптанный и усѣянный рваными сальными бумагами. Машины были всѣ въ движеніи, мѣрно рокотали, взадъ и впередъ катая какія-то темно-свинцовыя доски подъ своими черными валами и валиками, мѣрно поднимая и опуская какія-то рѣшетки, листъ за листомъ откладывая большіе бумажные листы, съ исподу еще бѣлые, а сверху уже покрытые какъ бы зернью черной блестящей икры, и отъ всѣхъ этихъ машинъ, рокотъ и шумъ которыхъ сливался порой съ перекрикивающимися голосами печатниковъ и наборщиковъ, вѣяло пахучимъ вѣтромъ, крѣпкой и пріятной вонью свѣжей краски, бумаги, свинца, керосина и маслъ — всѣмъ тѣмъ, что тотчасъ же стало для меня (и уже навсегда) такимъ особеннымъ и сладостнымъ.

— Редакція? — сердито крикнулъ кто-то мнѣ изъ этого вѣтра, шума и рокота. — Тутъ типографія! Эй, проводи въ редакцію!

И подъ ноги мнѣ кинулся откуда-то грязный, съ круглой, густо заросшей свинцовымъ ежомъ головой мальчишка:

— Сюда пожалуйте!

И я, волнуясь, поспѣшилъ за нимъ назадъ въ сѣни и

черезъ минуту уже сидѣлъ въ большой пріемной редактора, который оказался очень хорошенькой и маленькой полной молодой женщиной, очень дѣловитой, живой, такъ и сіявшей при каждой улыбкѣ ямочками, а еще черезъ пять — уже въ столовой, совсѣмъ по домашнему, за кофеемъ. Меня то и дѣло угощали и все разспрашивали, сказали нѣсколько лестныхъ словъ о моихъ стихахъ, напечатанныхъ въ столичныхъ ежемѣсячникахъ, звали сотрудничать въ «Голосѣ»... Я краснѣлъ, благодарилъ и неловко улыбался, сдерживая почти восторженное удовольствіе отъ такого неожиданно-чуднаго знакомства, этого гостепріимства и вниманія, нѣсколько дрожащими руками бралъ какія-то домашнія печенья, быстро и сладко таявшія во рту... А за большими итальянскими окнами стоялъ свѣтло-зеленый солнечный садъ, радостно и молодо глядѣвшій въ домъ и напоминавшій, что въ мірѣ безмятежно-счастливое утро, огромная Россія со всѣми своими полями, лѣсами и рѣками, богатый и старинный Орелъ и желѣзная дорога въ Батурино... Кончилось все это тѣмъ, что хозяйка вдругъ пріостановилась, услышавъ за дверью оживленные женскіе голоса, засмѣялась и сказала:

— А вотъ и мои заспавшіяся красавицы! Я сейчасъ познакомлю васъ съ двумя очаровательными созданіями, моей кузиной Ликой М. и ея подругой Сашенькой Оболенской...

И тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ въ столовую, тоже чему-то смѣясь, вошли двѣ высокія ростомъ дѣвушки въ цвѣтисто-расшитыхъ русскихъ нарядахъ съ разноцвѣтными бусами и лентами, съ широкими рукавами, до локтя открывавшими ихъ молодыя круглыя руки...

XIX.

Удивительна была быстрота и безвольность, лунатичность, съ которой я отдался всему тому, что такъ случайно свалилось на меня, началось съ такой счастливой беззаботностью, легкостью, а потомъ принесло столько мукъ, горестей, отняло столько душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, погубило столько лучшихъ дней!

Почему мой выборъ палъ на Лику? Оболенская была всячески лучше ея. Теперь, вспоминая ее, я такъ ясно вижу ея преимущества и вообще испытываю такія чувства къ ней, что мнѣ жаль до сихъ поръ, что я потерялъ ее, что не съ ней свела меня судьба, что только случайно (а мнѣ кажется, что именно случайно) разошлись мы съ ней. Не нужно было особаго вниманія, чтобы оцѣнить ее: она была смугла, высока и сильна прекрасной молодой худобой, у нея были густые и какъ-то очень хорошо убранные, слегка вьющіеся и жесткіе черные волосы, благородная простота и твердость въ темныхъ горячихъ глазахъ, въ умныхъ и точныхъ сужденіяхъ; ея любовь была бы, мнѣ кажется, не совсѣмъ легка, но достойна моей молодости, въ жизни моей оставила бы глубокій поэтическій слѣдъ... Но тогда вниманіе мое то-ли было недостаточно, то-ли случайно отвлечено тѣмъ, что Лика взглянула на меня дружелюбнѣй и внимательнѣй, заговорила проще и живѣй, чѣмъ Оболенская... И въ кого вообще такъ быстро влюбился я? Конечно, во все: въ то молодое женское общество, въ которомъ я очутился вдругъ и которое почему-то приняло меня съ такимъ веселымъ расположеніемъ; въ туфельку хозяйки и въ расшитые наряды этихъ дѣвушекъ со всѣми ихъ лентами, бусами, круглыми руками и удлиненно-округлыми колѣня-

ми; во всѣ эти просторныя, невысокія провинціальныя комнаты съ окнами въ солнечный садъ; даже въ то наконецъ, что нянька привела съ гулянья въ столовую раскраснѣвшагося и немного запотѣвшаго русаго мальчика, такъ серьезно и внимательно заглядѣвшагося на меня во всѣ свои синіе глаза, пока мать цѣловала его и разстегивала ему курточку... Тутъ, кстати, тотчасъ же стали убирать со стола и накрывать его къ завтраку, а хозяйкѣ вдругъ пришла въ голову мысль, что уходить мнѣ отъ завтрака совсѣмъ не слѣдъ, какъ не слѣдъ и вообще скоро уѣзжать изъ Орла, а Лика отняла у меня картузъ, сѣла за піанино и заиграла «Собачій вальсъ»... Словомъ, я ушелъ изъ редакціи только въ три часа, совершенно изумленный, какъ быстро все это прошло: я тогда еще не зналъ, что эта быстрота, исчезновеніе времени есть первый признакъ начала такъ называемой влюбленности, начала всегда безсмысленно-веселаго, похожаго на эфирное опьяненіе; не зналъ и того, что только этимъ опьяненіемъ и объясняется то восхищеніе предметомъ своей влюбленности, въ которомъ живешь иногда подолгу, чтобы потомъ, когда оно пройдетъ, совершенно не понимать его, дивиться на себя прежняго, какъ на человѣка, пережившаго подлинное сумасшествіе...

XX.

Такъ началась для меня еще одна любовь, которой суждено было стать въ моей жизни большимъ событіемъ. И начало это ознаменовалось случаемъ вдвойнѣ удивительнымъ.

Я покидалъ Орелъ какъ нѣчто уже дорогое, близкое, со всей грустью и нѣжностью первой любовной разлуки и съ горячими надеждами на скорое новое свиданіе. Нуж-

но же было быть тому, что какъ разъ въ этотъ день экстренно проходилъ черезъ Орелъ нѣкій траурный поѣздъ чрезвычайной важности! Онъ проходилъ ровно въ два часа, всего за часъ до моего поѣзда, и потому мой новый другъ, хозяйка «Голоса», которой необходимо было присутствовать при встрѣчѣ его, предложила подвезти меня на вокзалъ и тѣмъ самымъ дать мнѣ еще и возможность видѣть рѣдкое зрѣлище. И вотъ, все такъ же неожиданно, какъ все время въ Орлѣ, я очутился въ большой, но очень избранной толпѣ, ожидавшей, передъ рядами парадно выстроенныхъ на платформѣ солдатъ, прибытія того величаваго и жуткаго, что гдѣ-то тамъ уже шло, близилось, — среди всякихъ знатныхъ представителей города и губерніи, фраковъ, шитыхъ мундировъ, треуголокъ, жирныхъ военныхъ эполетъ и цѣлаго синклита блистающихъ ризъ и митръ. Всякій попадающій въ подобное торжественное-напряженное общество тотчасъ заражается нѣкоторымъ оцѣпенѣніемъ, такъ что, постоявъ на платформѣ съ полчаса, я очнулся лишь въ тотъ внезапный мигъ, когда вдругъ, съ шумомъ и грохотомъ, какъ бы обрушился на насъ и на весь вокзалъ огромный паровозъ съ траурными флагами, а потомъ замелькало передъ глазами что-то великолѣпное, темносинее, съ большими чистыми стеклами и шелковыми занавѣсками, съ золотыми орлами гербовъ... Тутъ вся толпа встрѣчающихъ подалась назадъ, а изъ средняго вагона тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ мягко и точно остановившагося поѣзда быстро появился и шагнулъ на красное сукно, заранѣе разостланное на платформѣ передъ нимъ, молодой, ярко-русый гигантъ гусаръ въ красномъ доломанѣ, съ прямыми и рѣзкими чертами лица, съ тонкими, энергично и какъ бы нѣсколько презрительно изогнутыми ноздрями, съ чуть-чуть выдвинутымъ подбородкомъ, совершенно поразившій меня своей нечеловѣческой высотой, длиной тонкихъ ногъ, зоркостью царственныхъ глазъ, больше же всего гордо и легко откинутой назадъ головой въ короткихъ и точно

гофрированныхъ ярко-русыхъ волосахъ и крѣпко и красиво вьющейся рыжей острой бородкой...

Могъ-ли я думать въ тотъ жаркій весенній день, *какъ* и *гдѣ* увижу я его еще одинъ разъ!

XXI.

Цѣлая жизнь прошла съ тѣхъ поръ.

Россія, Орелъ, весна... И вотъ, Франція, югъ, средиземные зимніе дни.

Мы съ нимъ уже давно въ чужой странѣ. Въ эту зиму онъ мой близкій сосѣдъ, тяжело больной. Однажды поутру, развернувъ мѣстный французскій листокъ, я вдругъ опускаю его: конецъ. Я долго и напряженно слѣдилъ за нимъ по газетамъ и все смотрѣлъ съ своей горы на тотъ дальній горбатый мысъ, гдѣ все время чувствовалось его присутствіе. Теперь этому присутствію конецъ.

Солнечно, свѣтло и холодно. Я выхожу изъ дому въ садъ, уступами идущій внизъ, на усыпанную гравіемъ площадку подъ пальмами, откуда видна цѣлая страна долинъ, моря и горъ, сіяющая солнцемъ и синевой воздуха. Огромная лѣсистая низменность, все повышаясь своими волнами, холмами и впадинами, идетъ отъ моря къ тѣмъ предгорьямъ Альпъ, гдѣ я. Подо мной, на крутомъ каменистомъ отрогѣ, громоздится вокругъ остатковъ своей древней крѣпости съ первобытно-грубой сарацинской башней одно изъ самыхъ старыхъ гнѣздъ Прованса, то есть тоже нѣчто весьма грубое, сѣрое, каменное, уступчатое, воедино слитое, сверху чешуйчатое, какъ бы ржавое, коряво-черепичное. Вправо — синѣющіе въ вѣчной солнечной дымкѣ хребты Эстереля и Моръ. На горизонтѣ впереди — высоко поднимающаяся къ свѣтло-туманному небу бѣлесая туманность далекаго моря. А *тотъ*

горбатый мысъ — лѣвѣй, тонетъ въ утреннемъ морскомъ блескѣ, зыбко окружающемъ его... Я долго смотрю туда. Поднимающійся мистраль прилетаетъ порой въ садъ, волнуетъ жесткую и длинную листву пальмъ, сухо, знойно-холодно, точно въ могильныхъ вѣнкахъ, шелеститъ и шуршитъ въ ней... Ѣхать-ли туда? Это непостижимо-странно — встрѣтиться всего два раза въ жизни и оба раза въ сообществѣ смерти. Да и все непостижимо. Вотъ онъ, во всей силѣ и крѣпости своего расцвѣта, черезъ всю Россію, снизу до верху ея, совершаетъ свое парадно-траурное шествіе съ гробомъ отца; вотъ я, безсмысленно счастливый своей молодостью и тѣмъ счастьемъ, которому суждено было погубить нѣсколько самыхъ лучшихъ лѣтъ ея, стою на вокзалѣ въ Орлѣ, тупо и нѣсколько враждебно ожидая его... Неужели это солнце, что такъ ослѣпительно блещетъ сейчасъ и погружаетъ вонъ тѣ солнечно-мглистыя горы въ равнодушно-счастливые, тысячелѣтніе сны о всѣхъ временахъ и народахъ, нѣкогда видѣнныхъ ими, ужели это то же самое солнце, что свѣтило намъ съ нимъ нѣкогда?

XXII.

Весь день мистраль, острый шелестъ пальмъ, тревожный зимній блескъ.

Къ вечеру какъ будто стихаетъ.

Въ четыре часа я уже на мысу, быстро ѣду *туда*.

Дорога поднимается среди сплошныхъ южныхъ садовъ, по длинному проспекту, откуда, грубо гремя и звеня, катится навстрѣчу трамвай...

Наконецъ, вотъ и оно, это большое старинное помѣстье и этотъ бѣлый большой домъ въ глубинѣ обширнаго и просторнаго сада, за раскрытыми настежь воротами, въ концѣ длинной аллеи старыхъ сумрачныхъ пальмъ. Пред-

вечернее солнце, весь свѣтъ и блескъ западнаго неба — за домомъ.

Это первое, что жутко, — эти такъ широко и свободно для всякаго раскрытые смертью ворота и множество автомобилей, стоящихъ возлѣ нихъ.

Аллея однако пуста, всѣ уже въ домѣ. Быстро иду къ нему. Подъ ногами шуршитъ гравій.

Пусто и возлѣ крыльца. Сюда?

Но я произношу это слово только потому, что вдругъ теряюсь: внезапно вижу на крыльцѣ то, чего не видѣлъ уже цѣлыхъ десять лѣтъ и что поражаетъ меня какъ чудодѣйственно воскресшая вдругъ передо мной вся моя прежняя жизнь: рыжеусаго, свѣтлоглазаго русскаго офицера въ гимнастеркѣ, въ погонахъ...

Я вижу за нимъ высокія стеклянныя двери, тоже настежь открытыя. За дверями — полутемный вестибюль и такія же другія двери, а дальше полусвѣтъ большого французскаго салона, что-то странное и красивое: гранатомъ сквозящія на солнцѣ, скрытомъ за ними, спущенныя на высокихъ и полукруглыхъ окнахъ шелковыя шторы и необычно зажженная въ такой еще ранній часъ, палевымъ жемчугомъ сіяющая подъ потолкомъ, люстра.

Въ вестибюлѣ молчаливая и тѣсная толпа. Съ какой-то особой покорностью пробираюсь ко вторымъ дверямъ, затѣмъ поднимаю глаза — и тотчасъ же вижу лежащій въ непомѣрно длинномъ гробу, въ желтомъ дубовомъ саркофагѣ, большой желто-сѣрый ликъ, большой романовскій лобъ, всю эту старческую мертвую голову, уже сѣдую, а не русую, но все еще властную и гордую: посѣдѣвшая бородка слегка выдвинута, ноздри вырѣзаны тонко и какъ бы чуть презрительно...

Затѣмъ вижу и чувствую подробности. Да, странный полусвѣтъ, спущенныя, красно просвѣчивающія предве-

чернимъ солнцемъ шторы, жемчужно сіяющая люстра, тонкіе и блѣдные, чуть дрожащіе огни высокихъ церковныхъ свѣщниковъ. И тутъ народъ, но только по стѣнамъ, а чуть не вся середина салона занята *имъ*. У стѣны налѣво стоймя стоитъ прислоненная къ мраморному камину съ завѣшеннымъ зеркаломъ, высится и блистаетъ желтымъ лакированнымъ дубомъ гробовая крышка необычной формы, - - въ бокахъ расширенная. Въ глубинѣ угла, за гробовымъ возглавіемъ, робко и нѣжно, какъ въ дѣтской спальнѣ, теплится на столикѣ передъ древнимъ серебрянымъ образомъ лампадка.

Чуть не все остальное занято гробомъ-саркофагомъ. Онъ тоже странно расширенъ въ бокахъ, необыкновенно дологъ и глубокъ, блещетъ своей новизной, полировкой, ладностью — и страшенъ тѣмъ, что въ немъ заключенъ еще другой, цинковый гробъ, который внутри обитъ бѣлымъ рытымъ бархатомъ, но чернѣющіе металлическіе края котораго все таки видны. Вокругъ застылъ въ своихъ напряженно-щегольскихъ воинскихъ позахъ его послѣдній почетный караулъ, офицерская и казачья стража: шашки на-голо, къ правому плечу, на согнутой лѣвой рукѣ — фуражки, глаза съ рѣзко подчеркнутымъ выраженіемъ безпрекословности и готовности устремлены на *него*. Самъ -же онъ, вытянутый во весь свой необыкновенный ростъ и до половины покрытый трехцвѣтнымъ знаменемъ, лежитъ еще неподвижнѣе. Голова его, прежде столь яркая и нарядная, теперь старчески проста и простонародна. Посѣдѣвшіе волосы мягки и слабы, лобъ далеко обнаженъ. Голова эта кажется теперь велика, — такъ дѣтски худы и узки стали его плечи. Онъ лежитъ въ старой, совсѣмъ простой рыже-сѣрой черкескѣ, лишенной всякихъ украшеній, — только георгіевскій крестъ на груди, — съ широкими, но не въ мѣру короткими рукавами, такъ что выше кисти, — длинной и плоской, — открыты его большія желтоватыя руки, неловко и тяжело положенныя одна на другую, тоже старческія, но еще могучія, по-

ражающія своей деревянностью и тѣмъ, что одна изъ нихъ съ грозной крѣпостью, какъ мечъ, зажала въ кулакѣ древній аѳонскій кипарисовый крестъ, почернѣвшій отъ времени... Я подхожу и становлюсь возлѣ самого гробового изножія, у пальмовыхъ вѣтвей и вѣнковъ, прислоненныхъ къ нему.

Тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ начинается служба. Изъ внутреннихъ покоевъ выходятъ близкіе, облачается въ ризу старенькій священникъ, — онъ именно старенькій, какъ почти всегда бываетъ это, — въ рукахъ у насъ тепло и ласково зажигаются огни восковыхъ свѣчей... Какъ все это уже привычно теперь — это негромкое, стройное пѣніе, мѣрное кадильное звяканье, скорбно-покорные, горестно-умиленные возгласы и моленія, уже милліоны разъ звучавшіе на землѣ! Только имена мѣняются въ этихъ моленіяхъ, и для каждаго имени настаетъ въ нѣкій срокъ свой чередъ!

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ...

— Міромъ Господу помолимся...

— О приснопамятномъ рабѣ Божіемъ...

Я все еще думаю о томъ, кто когда-то, въ жаркій солнечный день, былъ на вокзалѣ въ Орлѣ. Но лишь на мигъ мелькаетъ передо мной это яркое видѣніе. Горестно и несмѣло звучатъ моленія о «Благовѣрномъ Государѣ, Великомъ Князѣ», новопреставленномъ въ сонмѣ всѣхъ «чающихъ Христова утѣшенія» и вотъ теперь тоже смиренно ждущемъ «покоя, тишины, блаженныя памяти», уповающемъ «неосужденнымъ предстати у страшнаго престола Господа Славы...» Мертвый ликъ, уже обращенный къ чему-то намъ недоступному, все еще выразителенъ, но уже покоенъ и тихъ. Выпуклыя вѣки закрыты, безцвѣтныя губы сжаты, пепельно бѣлѣютъ подъ усами... Я вижу слегка вздувшіяся вены на его старчески крупныхъ вискахъ, — завтра онѣ уже почернѣютъ, думаю я... Я ду-

маю о его протекшей жизни, такой большой и сложной, думаю и о своей собственной...

— Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Твоего... и о еже проститися ему всякому согрѣшенію, вольному же и невольному...

— Милости Божія, Царства Небеснаго и оставленія грѣховъ его у Христа, безсмертнаго Царя и Бога нашего, просимъ...

Потомъ взглядъ мой опять останавливается на трехцвѣтномъ знамени, до половины прикрывающемъ его ноги, его черкеску, видитъ эту окаменѣвшую руку съ зажатымъ въ ней чернымъ крестомъ, эти застывшія въ своей напряженной готовности лица караула, ихъ фуражки, клинки и погоны, уже десять лѣтъ мной невидѣнные...

— Образъ есмь неизрѣченныя Твоея славы — ущедри созданіе Твое, Владыко, и вожделѣнное Отечество подаждь ми...

И я опускаюсь на колѣни и, сжимая зубы, страстно плачу...

Когда мы всѣ выходимъ, уже вечеръ. Солнце только что сѣло, сзади, за черными пальмами, темнорозовое зарево. А впереди, вдали, огромная картина этихъ вѣчныхъ средиземныхъ береговъ. Въ глубинѣ ея, въ смутномъ и холодномъ, розово-синемъ восточномъ небѣ, надо всѣмъ мертвенно царятъ снѣжные хребты Верхнихъ Альпъ, уже гаснущіе, сумрачно малиновые, всему живому безконечно чуждые, уходящіе въ свою дикую зимнюю ночь, снизу уже до половины потонувшіе въ сизой густой мглѣ. Сурово, холодно посинѣло къ ночи море подъ ними...

XXIII.

Ночью на моей горѣ все гудитъ, реветъ, бушуетъ отъ мистраля. Я просыпаюсь внезапно. Я только что видѣлъ или думалъ во снѣ о томъ, какъ, во время прощанія послѣ панихиды, послѣдней изъ числа близкихъ *ему* прощалась какая-то худенькая, высокая дѣвушка вся въ черномъ, съ длинной траурной вуалью. Она подошла такъ просто, склонилась такъ женственно-любовно, на минуту закрывъ легкимъ концомъ ея и край саркофага и старчески-дѣтское плечо въ черкескѣ... Стремительно несется мистраль, вѣтви пальмъ, бурно шумя и мѣшаясь, тоже точно несутся куда-то... Я встаю и съ трудомъ открываю дверь на балконъ. Въ лицо мнѣ рѣзко бьетъ холодомъ, надъ головой разверзается черно-вороненое, въ бѣлыхъ, синихъ и красныхъ пылающихъ звѣздахъ небо. Все несется куда-то впередъ, впередъ...

Я кладу на себя медленное крестное знаменіе, глядя на все то грозное, траурное, что пылаетъ надо мной.

Ив. Бунинъ.

Ключъ *)

X.

Банкетъ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Кременецкаго долженъ былъ состояться въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ, въ большой залѣ, вмѣщавшей около трехсотъ человѣкъ. Еще за нѣсколько дней до банкета запись желающихъ принять въ немъ участіе была прекращена по отсутствію мѣста. Хотя въ февралѣ было еще нѣсколько юбилеевъ, — день, выбранный для чествованія, оказался удачнымъ и не совпалъ ни съ какой другой общественной или театральной сенсаціей. Газетная подготовка чествованія прошла отлично: замѣтки въ печати, вначалѣ глухія, въ двѣ-три строки, потомъ понемногу все болѣе подробныя, появлялись часто. У Семена Исидоровича были враги въ адвокатскомъ мірѣ. Но въ газетныхъ кругахъ, гдѣ онъ былъ чужой, къ нему въ общемъ относились хорошо. Онъ часто выступалъ въ судѣ по литературнымъ дѣламъ и въ этихъ случаяхъ неизмѣнно отказывался отъ гонорара, даже тогда, когда его подзащитные были люди со средствами. Правда, это доброе отношеніе къ Кременецкому у нѣкоторыхъ старыхъ журналистовъ сочеталось съ насмѣшкой. Такъ, Федоръ Павловичъ, секретарь газеты «Заря», принималъ замѣтки объ юбилеѣ съ ругательствами; но все же принималъ ихъ и печаталъ на видномъ мѣстѣ. Въ правыхъ газетахъ Семенъ Исидоровичъ тоже злобы не возбуждалъ.

Комитета по устройству юбилея рѣшено было не обра-

*) См. Совр. Записки № № 35, 36, 38, 39.

зовывать, такъ какъ при этомъ неизбѣжны были жестокія обиды. Все дѣлалось способомъ семейнымъ, безымяннымъ. Главная тяжесть работы выпала на долю Тамары Матвѣевны и Фомина; имъ помогали близкіе друзья дома. Въ теченіе мѣсяца, предшествовавшаго юбилею, у Тамары Матвѣевны, кромѣ чисто дѣловыхъ засѣданій, происходили и небольшіе обѣды въ тѣсномъ кругу. Самъ Семенъ Исидоровичъ, разумѣется, не присутствовалъ на засѣданіяхъ, а съ обѣдовъ рано уѣзжалъ, ссылаясь на неотложныя дѣла. Но Тамара Матвѣевна по вечерамъ наединѣ подробно все сообщала мужу и узнавала его мнѣніе, которое онъ впрочемъ всегда высказывалъ отрывисто и уклончиво, ибо его это дѣло совершенно не касалось.

Работа была трудная и сложная. Постоянно возникали новые вопросы, то мелкіе, техническіе, то серьезные и принципіальные. Такъ, на первомъ же обѣдѣ въ тѣсномъ кругу, передъ устроителями всталъ вопросъ о самомъ характерѣ чествованія. За кофе Тамара Матвѣевна, повторяя не только слова, но и бѣглыя застѣнчивыя интонаціи мужа, указала, что Семенъ Исидоровичъ не только одинъ изъ первыхъ адвокатовъ Россіи (изъ приличія она не сказала первый): онъ кромѣ того политическій и общественный дѣятель. Должно ли придать чествованію характеръ политическій? Въ глубинѣ души Тамара Матвѣевна предпочла бы отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Она боялась преслѣдованій со стороны правительства, травли черносотенныхъ организацій. Ея мнѣніе раздѣлялъ и Фоминъ. Но другіе участники обѣда высказались рѣшительно противъ этого мнѣнія. Особенно горячо высказался Василій Степановичъ, членъ редакціи журнала «Русскій Умъ».

— Вы не можете не знать, дорогая Тамара Матвѣевна, — сказалъ онъ рѣшительно, подливая себѣ бенедиктина, — что юбилей Семена Исидоровича не только праздникъ русской адвокатуры: это праздникъ всей лѣвой Россіи!

«Экъ однако хватилъ!» — подумалъ князь Горенскій.

Онъ озадаченно посмотрѣлъ на редактора. Но добрые голубые глаза Василія Степановича выражали такую глубокую увѣренность въ правотѣ его словъ, что Горенскій заколебался: можетъ быть, дѣйствительно онъ недооцѣнивалъ Семена Исидоровича и его заслуги? Быстро обдумавъ вопросъ, князь рѣшительно заявилъ, что чествованію необходимо придать характеръ общественно-политическій. Противъ этого мнѣнія осторожно возражалъ Фоминъ.

— Лѣвая Россія это хорошо, но Россія-просто еще лучше, — сказалъ онъ. — Если мы поставимъ удареніе на слово «лѣвый», то магистратура во всякомъ случаѣ не приметъ участія въ нашемъ праздникѣ.

— Тѣмъ хуже для магистратуры! — воскликнулъ Василій Степановичъ. Однако Тамара Матвѣевна не могла признать, что тѣмъ хуже для магистратуры: она догадывалась, что и Семену Исидоровичу этотъ выходъ не будетъ особенно пріятенъ. Въ споръ вмѣшался Никоновъ. Раздраженный словами Василія Степановича, онъ высказался со свойственной ему шутливой рѣзкостью:

— Ну, ужъ тамъ лѣвая Россія, или не лѣвая Россія, или никакая не Россія, — сказалъ онъ (всѣ немного смутились), — но я прямо говорю: весь смыслъ банкета именно въ политической манифестаціи. Нашъ святой долгъ, господа, показать кукишъ правительству!.. Поэтому и публика къ намъ такъ валитъ... Теперь, послѣ убійства Гришки, настроеніе такое, что и магистратура къ намъ повалитъ, голову даю на отсѣченіе!

— Можетъ быть, вы не такъ дорожите своей головой, Григорій Ивановичъ, — сказалъ язвительно Фоминъ, — но могу васъ увѣрить, что сенаторъ Медвѣдевъ на политическій банкетъ не явится.

— Вотъ еще кто намъ понадобился, зубръ этакой! — воскликнулъ возмущенно князь. Мы устраиваемъ банкетъ не для Бѣловѣжской пущи.

Василій Степановичъ отъ негодованія пролилъ ликеръ на скатерть.

— Объ этомъ надо, конечно, очень серьезно подумать, — замѣтила озабоченно Тамара Матвѣевна, не имѣвшая твердаго мнѣнія до тѣхъ поръ, пока не высказался Семенъ Исидоровичъ.

Вечеромъ она доложила о спорѣ мужу.

— Фоминъ отчасти правъ, — сказала она нерѣшительно. — Не только Медвѣдевъ тогда не придетъ, Богъ съ нимъ! — но и многіе другіе. Я не увѣрена даже, что придетъ Яценко?

— Все таки странно, что русскіе люди никогда ни на чемъ не могутъ сойтись, — сказалъ съ горечью Семенъ Исидоровичъ. — Во всякой другой странѣ существуютъ безспорныя цѣнности: въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи («Бельгія» сорвалась у него какъ-то нечаянно). Только мы, русскіе, всегда безъ нужды грыземся... Дѣлайте какъ хотите! — въ сердцахъ отрывисто добавилъ онъ.

Разстроенная Тамара Матвѣевна немедленно перевела разговоръ на другой предметъ. Она принялась разсказывать о томъ, какъ всѣ, рѣшительно всѣ, стремятся попасть на банкетъ и въ какое отчаянье приходятъ люди, узнавая, что мѣстъ уже нѣтъ. Семенъ Исидоровичъ понемногу смягчился. Характеръ чествованья такъ и остался неяснымъ. Было рѣшено предоставить полную свободу ораторамъ.

Вопросы не-принципіальные Тамара Матвѣевна разрѣшала сама. Ресторанъ былъ выбранъ очень дорогой, но плату за обѣдъ установили низкую — пять рублей съ человѣка, — чтобы сдѣлать участіе въ банкетѣ возможно болѣе доступнымъ. При этомъ Тамара Матвѣевна поручила Фомину доплатить ресторатору столько, сколько будетъ нужно, не останавливаясь ни передъ какими расходами. У Тамары Матвѣевны, благодаря щедрости Кременецкаго, уже года три были собственныя деньги и текущій счетъ въ банкѣ. Изъ этихъ же денегъ она оплатила и свой дорогой

подарокъ Семену Исидоровичу: портретъ Муси работы знаменитаго художника. Меню обѣда было поручено выработать Фомину, который имѣлъ репутацію тонкаго гастронома. Онъ очень хорошо справился со своей задачей; любо было смотрѣть на проэктъ разукрашенной карточки съ разными звучными и непонятными «Homard Thermidor», «Médaillon de foie gras», «Coupe Chantilly» и т. п.

Фомину пришлось особенно много поработать по дѣлу объ устройствѣ чествованія. Тамара Матвѣевна трудилась усердно, но она, по своему положенію, часто должна была оставаться въ тѣни. Никоновъ помогалъ больше совѣтами, да и то преимущественно шутливыми. Муся вначалѣ только дѣлала радостно-изумленное лицо и относилась къ юбилею отца приблизительно такъ, какъ къ пріѣзду Художественнаго Театра или къ другому событію подобнаго рода, которое само по себѣ было очень пріятно, но никакихъ дѣйствій съ ея стороны не предполагало. Потомъ ее все-же привлекли къ общей работѣ. Она взяла на себя распредѣленіе гостей за столами. Столовъ было много: одинъ въ длину зала, почетный, и десять обыкновенныхъ, перпендикулярныхъ къ почетному. Разсадка гостей за почетнымъ столомъ было чрезвычайно труднымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ: здѣсь все обдумывалось и обсуждалось сообща. Боковые же столы были поручены Мусѣ. Она съѣздила съ Никоновымъ въ залъ банкета, купила огромные листы картона и начала озабоченно рисовать планъ столовъ съ номерами мѣстъ. Но вскорѣ ей это надоѣло, на первомъ же столѣ номера не помѣстились и планъ такъ и остался недоконченнымъ. Распредѣленіе гостей тоже перешло къ Фомину. Онъ съ ожесточеніемъ говорилъ знакомымъ, что совершенно сбился съ ногъ, проклиналъ и банкетъ, и юбиляра, и самого себя «за глупость». Однако въ дѣйствительности Фомина захватила эта работа, требовавшая опыта, такта, дипломатіи и вдобавокъ дававшая матеріалъ для его упорнаго остроумія. Въ удачномъ устройствѣ юбилея Фоминъ видѣлъ какъ бы

собственное свое торжество, хоть и не слишкомъ любилъ Семена Исидоровича.

Особеннаго такта требовалъ вопросъ о рѣчахъ на банкетѣ. Этотъ вопросъ, по выраженію Фомина, нужно было заботливо «провентилировать». Недостатка въ ораторахъ не было: говорить желали очень многіе, но на-бѣду не тѣ, кого особенно пріятно было бы услышать Семену Исидоровичу. Было получено письмо отъ донъ-Педро, — онъ заявлялъ о своемъ желаніи выступить съ рѣчью почти какъ объ одолженіи, которое онъ готовъ былъ сдѣлать юбиляру. Альфредъ Исаевичъ принялъ столь самоувѣренный тонъ больше для того, чтобы вѣрнѣе добиться согласія устроителей банкета: ему очень хотѣлось сказать слово. Однако донъ-Педро былъ сразу всѣми признанъ недостаточно декоративной фигурой, и Фоминъ въ самой мягкой формѣ отвѣтилъ ему, что, какъ ни пріятно было бы его выступленіе, слово не можетъ быть ему дано по условіямъ времени и мѣста. Эту непонятную фразу «по условіямъ времени и мѣста» Фоминъ пускалъ въ ходъ постоянно и она на всѣхъ производила должное впечатлѣніе. Альфредъ Исаевичъ, по свойственному ему благодушію, не обидѣлся; онъ лишь огорчился, да и то не надолго: что-жъ дѣлать, если условія времени и мѣста лишали его возможности выступить?

Виднѣйшіе политическіе дѣятели либеральнаго лагеря очень любезно благодарили за приглашеніе, обѣщали непремѣнно прійти на банкетъ, но не выражали желанія говорить. Уклонился въ частности самый видный изъ всѣхъ, что было особенно досадно Семену Исидоровичу. Онъ даже приписалъ это уклоненіе скрытому антисемитизму вождя либеральнаго лагеря. — «Ахъ, они всѣ явные или тайные юдофобы!» — сердито сказалъ женѣ Семенъ Исидоровичъ, еще наканунѣ восторженно отзывавшійся объ этомъ политическомъ дѣятелѣ. Вмѣсто него былъ единогласно намѣченъ князь Горенскій, но онъ никакъ уклонившагося не замѣнялъ. Должны были говорить Василій Сте-

пановичъ и Фоминъ. Намѣтилось и еще нѣсколько ораторовъ.

Вся эта юбилейная кухня была не очень пріятна Кременецкимъ. Помимо обидъ и огорченій, много было тревоги: удастся ли вообще чествованіе? Настроеніе въ Петербургѣ безъ видимой причины становилось все тревожнѣе. Ожидали безпорядковъ и забастовокъ; говорили даже, что кое-гдѣ начинаются голодные бунты. Кременецкій досадовалъ, что по разнымъ случайнымъ причинамъ двадцатипятилѣтіе его адвокатской дѣятельности было назначено на февраль. «Не слѣдовало оттягивать», — думалъ онъ.

Неблагопріятныхъ отзывовъ о чествованіи, насмѣшекъ онъ не слышалъ. Семенъ Исидоровичъ думалъ, что такіе отзывы непремѣнно должны были бы до него дойти, все равно какъ до автора, черезъ возмущенныхъ пріятелей, почти неизбѣжно доходятъ ругательныя рецензіи объ его книгахъ, даже помѣщенныя въ захудалыхъ или иногородныхъ изданіяхъ: «а вы видѣли, какую гадость написалъ о васъ такой-то?.. Просто стыдно читать этотъ вздоръ!..» Насмѣшки однако не доходили до Семена Исидоровича.

Связанныя съ праздникомъ мелкія огорченія потонули въ той волнѣ сочувствія, симпатіи, похвалъ, которая неслась къ Семену Исидоровичу. Письма, телеграммы, адресы стали приходить еще дня за два до юбилея. Въ самый день праздника ихъ пришло больше ста. Все утро на квартиру Кременецкихъ носили изъ магазиновъ цвѣты, торты, бонбоньерки. Привѣтствія, особенно отъ прежнихъ подзащитныхъ, были самыя трогательныя. Нѣкоторыя изъ нихъ Семенъ Исидоровичъ не могъ читать безъ искренняго умиленія. Къ тому часу дня, когда къ нему на домъ стали съѣзжаться друзья и делегаціи, онъ уже пришелъ въ состояніе подлиннаго сердечнаго размягченія.

Одно привѣтствіе особенно его взволновало. Оно было отъ адвоката Меннера, съ которымъ Семенъ Исидоровичъ въ теченіе долгихъ лѣтъ находился въ состоя-

ніи полускрытой, но острой и жгучей вражды. Въ выраженіяхъ не только корректныхъ, но чрезвычайно лестныхъ и теплыхъ, Меннеръ поздравлялъ своего соперника, отмѣчалъ его большія заслуги и слалъ ему самыя добрыя пожеланія. Кременецкій не вѣрилъ своимъ глазамъ, читая это письмо: онъ ждалъ отъ Меннера въ лучшемъ случаѣ коротенькой сухой телеграммы. Въ одно мгновенье исчезла, растаяла долголѣтняя ненависть, составлявшая значительную часть интересовъ, дѣйствій, жизни Семена Исидоровича. Въ томъ размягченномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, ихъ вражда внезапно показалась ему нелѣпымъ и печальнымъ недоразумѣніемъ. Больше того, это поздравительное письмо въ какомъ-то новомъ свѣтѣ представило ему самую жизнь. «Да, жизнь прекрасна, люди тоже въ большинствѣ хороши и надо быть безумцемъ, чтобъ отравлять себѣ существованіе всѣми этими мелочными дрязгами», — подумалъ онъ. Тамара Матвѣевна также была взволнована письмомъ Меннера.

— Конечно, онъ во многомъ передъ тобой виноватъ, — сказала она. — Особенно въ томъ дѣлѣ съ Кузьминскими... Но онъ все-таки выдающійся человѣкъ и адвокатъ... Не ты, конечно, но одинъ изъ лучшихъ адвокатовъ Россіи.

— Одинъ изъ самыхъ лучшихъ! — съ горячимъ чувствомъ призналъ Семенъ Исидоровичъ.

По его желанію, Тамара Матвѣевна позвонила по телефону Меннеру, сердечно его поблагодарила отъ имени мужа и просила непремѣнно пріѣхать вечеромъ на банкетъ. Семенъ Исидоровичъ во время ихъ разговора приложилъ къ уху вторую трубку телефона.

— Я самъ очень хотѣлъ быть, но я слышалъ и читалъ, что всѣ триста мѣстъ уже расписаны, — отвѣтилъ взволнованно Меннеръ.

— Всѣ триста пятьдесятъ мѣстъ давно расписаны, но для Меннера всегда и вездѣ найдется мѣсто, — сказала Тамара Матвѣевна: за долгіе годы она усвоила и мысли,

и чувства, и стиль своего мужа. Семенъ Исидоровичъ взглянулъ на жену и съ новой силой почувствовалъ, что эта женщина — самый первый, самый главный изъ его нынѣ столь многочисленныхъ друзей. Яснѣе обычнаго онъ понялъ, что для Тамары Матвѣевны никто кромѣ него на свѣтѣ не существуетъ, что самая жизнь безъ него не имѣетъ для нея смысла. Слезы умиленія показались на глазахъ Кременецкаго, онъ порывисто обнялъ Тамару Матвѣевну. Она застѣнчиво просіяла.

Семенъ Исидоровичъ сталъ со всѣми вообще чрезвычайно добръ и внимателенъ. Наканунѣ банкета онъ разослалъ по благотворительнымъ учрежденіямъ двѣ тысячи рублей и даже просилъ въ отчетахъ указать, что деньги получены «отъ неизвѣстнаго». Никто ни въ чемъ не встрѣчалъ у него отказа. Такъ, дня за два до банкета Кременецкій получилъ билеты на украинскій концертъ, который долженъ былъ состояться «25-го лютого, въ Олександровской Залі Мійської Ради» (въ скобкахъ на билетахъ значился русскій переводъ этихъ словъ). Семена Исидоровича разсмѣшило и немного раздражило то, что люди серьезно называли Городскую Думу Мійською радой. Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ отослалъ устроителямъ концерта пятьдесятъ рублей, хотя «квитки» стоили гораздо дешевле.

XI.

Муся въ тѣ дни переживала почти такое же состояніе счастливаго умиленія, въ какомъ находился ея отецъ. Она была влюблена. Началось это, какъ все у нея, съ настроеній свѣтски-ироническихъ. Муся жила веселой ироніей и выйти изъ этого болѣзненнаго душевнаго состоянія ей было очень трудно, — для нея оно давно стало нормальнымъ. Когда Муся въ разговорѣ о Клервиллѣ, закатывая глаза, сообщала друзьямъ, что она погибла, что Клервилль навѣрное шпіонъ и что она безъ ума отъ шпіоновъ, это надо было понимать какъ небрежную, оригинальную болтовню. Такъ друзья дѣйствительно это и понимали. Если-

бъ у Муси спросили, что на самомъ дѣлѣ скрывается за ея неизмѣннымъ утомительно-насмѣшливымъ тономъ, она едва ли могла бы отвѣтить. Что-то очевидно должно было скрываться: нельзя было жить одной ироніей, — Муся это чувствовала, хоть думала объ этомъ рѣдко: она была очень занята, ровно ничего не дѣлая цѣлый день. Въ откровенныхъ бесѣдахъ Муся часто повторяла: «Надо все, все взять отъ жизни»... Въ ея чувствахъ что-то выражалось и другими фразами: «сгорѣть на огнѣ», «жечь жизнь съ обоихъ концовъ», «отдаваться страстямъ»; но это были провинціальныя фразы довольно дурного тона, которыхъ не употребляла и Глаша.

Впрочемъ, дѣло было не въ выраженіи мысли: ее некому и незачѣмъ было выражать. Тягостнѣе было то, что въ дѣйствительности Муся брала у жизни очень немногое. Флиртъ съ Григоріемъ Ивановичемъ, отдаленное подобіе флирта съ Нещеретовымъ, сомнительные разговоры съ Витей, — все это щекотало нервы, но заполнить жизнь никакъ не могло. Страхъ, общій укладъ жизни, привычки, брезгливость мѣшали Мусѣ пойти дальше. Ей было двадцать два года. Она знала, что не останется безъ жениховъ. Но съ ужасомъ чувствовала, что все легко можетъ кончиться очень прозаично и буржуазно, ужъ безъ всякой граціозной ироніи. Муся какъ-то прочла у Оскара Уайльда: «Несчастье всякой дѣвушки въ томъ, что она рано или поздно становится похожей на свою собственную мать». Отъ этой фразы Муся похолодѣла, хотя любила Тамару Матвѣевну и очень къ ней привыкла.

Клервилль появился такъ неожиданно. Онъ не укладывался въ привычныя настроенія Муси, но буржуазности въ немъ не было или, если была, то другая. Слово «буржуазность» часто употреблялось въ кружкѣ Муси, хоть и въ нѣсколько особомъ смыслѣ: такъ, дама изъ буржуазнаго общества, ѣздившая со свѣтскими людьми въ отдѣльные кабинеты первоклассныхъ ресторановъ, тѣмъ самымъ уже возвышалась надъ рядовой буржуазностью. Возвыситься

надъ буржуазностью можно было, читая опредѣленныя книги, восхищаясь надлежащими писателями, артистами, художниками и презирая надлежащихъ другихъ, живя врозь съ мужемъ или называя его на вы. Вообще это было нетрудно и часто вполнѣ удавалось даже на рѣдкость глупымъ женщинамъ (мужчинамъ удавалось еще легче). Клервилль не возвышался надъ буржуазностью: онъ былъ какъ-то отъ нея въ сторонѣ: этому все способствовало, отъ мундира и боевыхъ наградъ до его имени Вивіанъ, до его чуть пахнущихъ медомъ англійскихъ папиросъ. И Муся могла говорить, что она погибла, безъ риска оказаться ниже своей репутаціи.

Такъ было при ихъ первомъ знакомствѣ. Но послѣ любительскаго спектакля въ ихъ домѣ, Муся почувствовала, что она влюбилась, влюбилась по настоящему, въ первый разъ въ жизни, почти безъ заботы объ ощущеньяхъ, безъ всякой мысли о томъ, буржуазно ли это или нѣтъ.

Клервилль занималъ ея воображеніе цѣлый день, и въ мысляхъ о немъ теперь заключалось ея лучшее наслажденіе. Прежде Муся была не въ состояніи провести вечеръ дома одна. Теперь она предпочитала одиночество и, возвращаясь послѣ театра домой, съ радостью вспоминала, что сейчасъ въ ваннѣ, въ постели останется съ мыслями о немъ одна, что, быть можетъ, онъ приснится ей ночью. Муся провѣряла свои чувства по самымъ страстнымъ романамъ и съ гордостью убѣждалась, что это и есть та любовь, которую почти всегда совершенно одинаково и совершенно вѣрно описывали романы. Прежде Мусѣ было страшно подумать, что ей, быть можетъ, предстоитъ за всю жизнь знать только одного человѣка. Теперь самая мысль эта казалась ей одновременно и смѣшной, и гадкой. Муся была такъ счастлива, какъ никогда до того въ жизни. Отъ счастья она стала добрѣе, не отвѣчала на колкости Глаши, была ласкова съ матерью, больше не старалась кружить голову Витѣ: онъ подъ разными предлогами забѣгалъ къ нимъ часто, такъ что въ кружкѣ уже смѣ-

ялись, а Тамара Матвѣевна полушутливо грозила ему пальцемъ. Муся теперь говорила съ Витей «такъ, какъ могла бы говорить съ братомъ любящая старшая сестра», — этотъ новый книжный тонъ безпокоилъ и сердилъ Витю. Никоновъ утверждалъ, что въ домѣ Кременецкихъ установился духъ первыхъ временъ христіанства — и притомъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ, ибо Семенъ Исидоровичъ крестился двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Клервилля Муся видѣла довольно рѣдко. Онъ сдѣлалъ имъ визитъ, былъ съ Мусей на выставкѣ «Міра Искусства», слушалъ Шаляпина въ операхъ у Аксарина. Послѣ третьей встрѣчи, съ англійской легкостью въ сближеніи, онъ попросилъ разрѣшенія называть ее по имени и произносилъ ея имя забавно-старательно. Это очень ее удивило, — она думала, что всѣ англичане «чопорны». Слово Вивіанъ звучало волшебно. Клервилль былъ не только красавцемъ. Онъ оказался милымъ, любезнымъ, обаятельнымъ человѣкомъ. «Уменъ онъ или нѣтъ?» — вначалѣ спрашивала себя Муся и вначалѣ ей было трудно отвѣтить на этотъ вопросъ: Клервилль очевидно не былъ уменъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ были умны сама Муся, Глаша или Никоновъ. Но Муся догадывалась, что въ этомъ смыслѣ Гете, Наполеонъ, Пушкинъ тоже не были, пожалуй, умны. Муся скоро все узнала о Клервиллѣ, объ его родныхъ, объ его планахъ. Какъ-то, въ присутствіи матери, онъ упомянулъ о томъ, что не богатъ. Это нѣсколько расхолодило Тамару Матвѣевну: она сама начинала неопредѣленно думать о Клервиллѣ. Ей впрочемъ объяснили, что въ Англіи человѣкъ, имѣющій состояніе въ сто тысячъ фунтовъ, не считаетъ себя богатымъ. Мусѣ теперь было почти безразлично, богатъ или не богатъ Клервилль. Ее гораздо больше безпокоилъ вопросъ, зачѣмъ онъ сказалъ объ этомъ въ присутствіи ея матери: надо ли отсюда заключить, что онъ «сдѣлаетъ ей предложеніе» (это выраженіе, прежде непріятное Мусѣ, теперь звучало иначе). Клервилль не дѣлалъ предложенія, но послѣ спектакля Муся

почти не сомнѣвалась въ томъ, что онъ предложеніе сдѣлаетъ.

Она не могла привыкнуть къ этой мысли. Въ ихъ кругу никто никогда не выходилъ за англичанина. Клервилль въ разговорѣ упомянулъ о томъ, что его, быть можетъ, пошлютъ послѣ войны въ Индію. Муся не представляла себѣ жизни внѣ Петербурга и невольно улыбалась, воображая себя въ Бомбеѣ женой боевого англійскаго офицера. Но и въ этой мысли было что-то, волновавшее Мусю: она, смѣясь, говорила друзьямъ, что родилась съ душой авантюристки. «Неужели однако всю жизнь говорить съ мужемъ на чужомъ языкѣ?.. Да правда ли еще, что онъ влюбленъ?.. Но когда-же, когда? Говорятъ, война скоро кончится... Это однако говорятъ уже три года». Муся вдругъ вспомнила частушку, которую газеты откопали гдѣ-то въ Рязанской губерніи:

Дѣвки, очень я сердита
На германца сатану!
Дролю отдали въ солдаты
И угнали на войну...

Муся съ сочувственной улыбкой думала о «дѣвкѣ», которая тосковала по дролѣ. Ей была пріятна мысль, что она сама похожа на эту дѣвку и она отъ всей души желала ей найти съ Дролей счастье. У нея теперь былъ свой дроля.

Семенъ Исидоровичъ ничего не зналъ о новомъ увлеченіи Муси. Тамара Матвѣевна едва догадывалась: она въ мысляхъ примѣривалась ко всѣмъ неженатымъ мужчинамъ, бывавшимъ у нихъ въ домѣ. Родителей Муси все еще занимала мысль о Нещеретовѣ; однако здѣсь ихъ постигло разочарованіе. Нещеретовъ былъ любезенъ, но рѣшительно ничто не свидѣтельствовало объ его увлеченіи Мусей. Имъ вдобавокъ сообщили, что Аркадій Николаевичъ сталъ часто бывать у госпожи Фишеръ. «Очень нужно было его съ ней знакомить», — съ досадой думалъ Кременецкій. Онъ вообще былъ недоволенъ своей кліент-

кой, какъ и ходомъ ея иска. Дѣло Загряцкаго было направлено къ дослѣдованью. Въ связи съ этимъ какіе-то темные слухи поползли по Петербургу. Но въ тѣ дни ходило по столицѣ такъ много самыхъ удивительныхъ слуховъ, что имъ большого значенія не придавали.

У Кременецкихъ въ февралѣ бывало особенно много гостей, частью въ связи съ предстоявшимъ торжественнымъ днемъ, частью оттого, что въ ихъ домѣ всегда рады были гостямъ и не жалѣли денегъ: изъ-за росшей дороговизны многіе въ Петербургѣ начинали сокращать расходы. Настроеніе въ столицѣ, несмотря на войну и тревожные слухи, было послѣ убійства Распутина необыкновенно приподнятое и радостное. Особенно оживлена была молодежь, точно гордившаяся безсознательно тѣмъ, что историческое убійство, столь нашумѣвшее во всемъ мірѣ, совершили блестящіе молодые люди.

Муся часто выѣзжала въ театръ. Въ театрахъ тоже шли очень веселыя пьесы, — гдѣ «Наша содержанка», гдѣ «Веселая вдова», гдѣ «Любовь... и черти... и цвѣты». Послѣ спектакля она нерѣдко заставала дома гостей. Ужинали въ два часа ночи «чѣмъ Богъ послалъ», какъ неизмѣнно говорилъ Кременецкій, — въ дѣйствительности очень хорошо. Кружокъ Муси имѣлъ текучій составъ и часто совершенно измѣнялся въ теченіе года. Теперь въ него входили преимущественно участники ихъ любительскаго спектакля. Молодежь собиралась отдѣльно, — мостомъ между нею и старшими былъ князь Горенскій. Къ старшимъ Муся рѣдко выходила надолго и въ своемъ кружкѣ, когда ее звали въ гостиную къ Тамарѣ Матвѣевнѣ, со вздохомъ, закатывая глаза, терла пальцемъ щеку, что по парижски должно было означать «La barbe!» (Муся знала argot лучше уроженцевъ Монмартра). Для нѣкоторыхъ старшихъ она впрочемъ дѣлала исключеніе, въ особенности для Александра Брауна: почему-то онъ ее интересовалъ и даже немного безпокоилъ.

Зимой въ комнатѣ Муси, по ея просьбѣ, былъ постав-

ленъ отдѣльный телефонъ. Аппаратъ стоялъ на письменномъ столѣ, такъ что Муся могла разговаривать сидя въ своемъ любимомъ атласномъ креслѣ. Телефонные разговоры позднимъ вечеромъ, когда въ домѣ и на улицѣ устанавливалась тишина, стали новымъ удовольствіемъ Муси. Безъ всякаго дѣла она вызывала — кого было можно — въ двѣнадцатомъ, въ первомъ часу ночи, и болтала подолгу, часто дурача собесѣдника. Она по телефону говорила негромко, особенно отчетливо, и ей пріятно было слушать красивый, выразительный звукъ своего голоса. Что-то въ этомъ напоминало хорошій модный театръ.

Какъ-то разъ, набравшись храбрости, Муся вызвала по телефону Клервилля. Она давно собиралась пригласить его на банкетъ. Кружку Муси было отведено мѣсто въ концѣ послѣдняго бокового стола. Этимъ подчеркивалось, что они свои люди и что для нихъ, въ отличіе отъ остальной публики, не могло имѣть значенія, гдѣ сидѣть. Муся шутливо называла ихъ «Камчаткой». Разумѣется, для нея самой мѣсто было отведено тамъ же, а не рядомъ съ родителями, какъ предлагала Тамара Матвѣевна.—«И вотъ еще что, друзья мои», — объявила Муся незадолго до праздника. — «Такъ какъ — между нами — будетъ вѣрно очень скучно, то мы оттуда ѣдемъ всѣ на острова! Идетъ?» Это предложеніе было немедленно принято; Никоновъ взялъ на себя заказать тройки, — по просьбѣ дамъ, не розвальни, а обыкновенныя четырехмѣстныя сани. Тамара Матвѣевна вначалѣ слабо возражала, что не совсѣмъ прилично ѣхать на острова дочери съ банкета въ чѣсть отца: гораздо лучше было бы имъ втроемъ вернуться изъ ресторана домой и еще потомъ посидѣть немного, поболтать, обмѣняться впечатлѣньями въ семейномъ кругу. Но перспектива обмѣна впечатлѣньями въ семейномъ кругу не соблазнила Мусю, и Тамара Матвѣевна уступила.

— Можетъ быть, тогда и Нещеретовъ съ вами поѣдетъ? — вскользь небрежно освѣдомилась она.

— Нѣтъ, Нещеретовъ съ нами не поѣдетъ, — сердито отвѣтила Муся.

— Вотъ ты хочешь сидѣть на банкетѣ Богъ знаетъ гдѣ... Если ужъ не съ нами, то не лучше ли тебѣ отвести двадцать второй номеръ? Онъ еще свободенъ, это рядомъ съ Аркадіемъ Николаевичемъ... Онъ такой пріятный собесѣдникъ, а?

Муся хотѣла было огрызнуться, но ей пришло въ голову, что Клервилля никакъ нельзя будетъ посадить съ молодежью на Камчатку. «Какъ я раньше не сообразила!» — съ досадой подумала она.

— Нѣтъ, двадцать второго номера я не хочу, — сказала Муся. — Но мы дѣйствительно неудачно выбрали для себя мѣсто... Я думаю, намъ лучше быть за первымъ столомъ. Такъ въ самомъ дѣлѣ будетъ приличнѣе, я скажу Фомину...

Въ этотъ вечеръ Муся вернулась домой раньше обычнаго, въ одиннадцать. Перебирая бумаги въ ящикѣ, она наткнулась на старый иллюстрированный проспектъ пароходнаго общества, какъ-то сохранившійся у нея отъ поѣздки заграницу передъ войною. Муся разсѣянно его перелистала. На палубѣ въ креслахъ сидѣли рядомъ молодой человѣкъ и дама. Передъ ними на столикѣ стояли бокалы, бутылка въ ведеркѣ со льдомъ. Изумительно одѣтый молодой человѣкъ держалъ сигару въ рукѣ съ изумительно отдѣланными ногтями, влюбленно глядя на изумительно одѣтую даму. Вдали виднѣлся берегъ, какіе-то пышные сады, замки... Мусю внезапно охватило страстное желаніе быть женой Клервилля, путешествовать на роскошномъ пароходѣ, пить шампанское, говорить по англійски. «Ахъ, Боже мой, если бы кончилась эта проклятая бойня!» — въ сотый разъ подумала она съ тоскою. Муся положила проспектъ и, замирая отъ волненья, вызвала гостиницу «Паласъ». Клервилль былъ у себя въ номерѣ. По первымъ его словамъ — голосъ его звучалъ въ аппаратѣ

такъ странно-непривычно, — Муся почувствовала, что онъ не «шокированъ», что онъ счастливъ...

— ...Да, непремѣнно пріѣзжайте, — говорила она, понижая голосъ почти до шопота. — Будутъ политическія рѣчи, это навѣрное васъ интересуетъ.

Въ ту же секунду Муся инстинктомъ почувствовала, что поступила неосторожно. Ея послѣднія слова встревожили Клервилля. Онъ смущенно объяснилъ, что въ такомъ случаѣ, ему, какъ иностранному офицеру и гостю въ Россіи, лучше было бы не идти. Муся заговорила быстро и сбивчиво, забывъ о модуляціяхъ голоса. Она объяснила Клервиллю, что никакого политическаго характера банкетъ, конечно, имѣть не будетъ:

— Вы догадываетесь, что иначе я бы васъ и не приглашала... Я прекрасно понимаю, что вы не можете участвовать въ нашихъ политическихъ манифестаціяхъ... Нѣтъ, будьте совершенно спокойны, Вивіанъ, я ручаюсь вамъ, — говорила она, съ наслажденьемъ называя его по имени. — Нѣтъ, вы должны, должны прійти... Впрочемъ, можетъ быть, вы просто не хотите?.. Тогда я, конечно, не настаиваю, если вамъ скучно?

Клервилль сказалъ, что будетъ непремѣнно, и просилъ посадить его рядомъ съ ней.

— Я плохо говорю по русски и мнѣ такъ, такъ хочется сидѣть съ вами...

Муся обѣщала исполнить его желаніе, «если только будетъ какая-либо возможность».

Они простились, чувствуя съ волненіемъ, какъ ихъ сблизилъ этотъ ночной разговоръ по телефону. Муся положила ручку аппарата, встала и прошлась по комнатѣ. Счастье заливало, переполняло ея душу. Ей казалось, что никакія описывавшіяся въ романахъ ivresses не могли бы ей доставить большаго наслажденія, чѣмъ этотъ незначительный разговоръ, при которомъ ничего не было сказано. Муся подошла къ піанино и почти безсознательно, какъ въ тотъ вечеръ знакомства съ Клервиллемъ и

Брауномъ (почему-то она вспомнила и о немъ), взяла нѣсколько аккордовъ, чуть слышно повторяя слова: «E voi — o fiori — dall' olezzo sottile — vi faccia — tutti — aprire — La mia man maledetta!..»

Майоръ Клервилль весь этотъ вечеръ провелъ у себя въ номерѣ за чтеніемъ «Братьевъ Карамазовыхъ», иногда отрываясь отъ книги, чтобъ закурить одну изъ папиросъ Gold Flake, запахъ которыхъ такъ нравился Мусѣ. Въ комнатѣ было тепло. Не хватало камина. Удобствъ жизни, того, что иностранцы называли комфортомъ и считали достояніемъ Англіи, въ Петербургѣ было, пожалуй, больше, чѣмъ въ Лондонѣ. Но уюта, спокойствія не было вовсе, какъ не было ихъ въ этой необыкновенной, мучительной книгѣ.

Клервилль читалъ Достоевскаго и прежде, до войны: въ томъ кругу, въ которомъ онъ жилъ, это съ нѣкоторыхъ поръ было обязательно. Онъ и выполнилъ долгъ, — какъ раньше, въ школѣ, прочелъ Шекспира: съ тѣмъ, чтобы разъ навсегда отдѣлаться и запомнить наиболѣе знаменитыя фразы. Къ жизни Клервилля Достоевскій никакого отношенія имѣть не могъ. Многое въ его книгахъ было непонятно Клервиллю; кое-что казалось ему невозможнымъ и неприличнымъ. Національный англійскій писатель не избралъ бы героемъ убійцу, героиней проститутку; студентъ Оксфордскаго университета не могъ бы убить старуху-процентщицу, да еще ради нѣсколькихъ фунтовъ стерлинговъ. Клервилль былъ уменъ, получилъ хорошее образованіе, немало видѣлъ на своемъ вѣку и зналъ, что жизнь не совсѣмъ такова, какою она описана въ любимыхъ англійскихъ книгахъ. Но все же для него убійцы и грабители составляли достояніе «детективныхъ» романовъ, — тамъ онъ ихъ принималъ охотно. Достоевскій защищалъ дѣло униженныхъ и оскорбленныхъ, — Клервилль искренно этому сочувствовалъ и не видѣлъ въ этомъ особенности русскаго писателя: такова была тра-

диція Диккенса. Самъ Клервилль, кромѣ профессіональной своей работы, кромѣ увлеченія спортомъ и искусствомъ, интересовался общественными вопросами и даже спеціально изучалъ дѣло внѣшкольнаго образованія. Онъ понималъ, что можно быть недовольнымъ консервативной партіей, можно ставить себѣ цѣлью переходъ власти къ партіи либеральной или даже соціалистической. Но знаменитая страница о джентльмэнѣ съ насмѣшливой физіономіей, который, по установленіи всеобщаго счастья на землѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего разрушитъ хрусталыный дворецъ, столкнетъ разомъ къ чорту все земное благополучіе единственно съ той цѣлью, чтобы опять пожить по своей волѣ, — страница эта была ему непонятна: онъ чувствовалъ вдобавокъ, что Достоевскій, ужасаясь и возмущаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ гдѣ-то въ душѣ чуть-чуть гордится широтой натуры джентльмэна съ насмѣшливой физіономіей... Клервилль искренно восторгался «Легендой о великомъ инквизиторѣ», могъ бы назвать въ англійской, во французской литературѣ книги, до нѣкоторой степени предвосхищающія идею легенды. Однако его коробило и даже оскорбляло, что высокія философскія и религіозныя мысли высказывались въ какомъ-то кабакѣ, страннымъ человѣкомъ - - не то отцеубійцей, не то подстрекателемъ къ убійству... Это чтеніе досталось Клервиллю нелегко и онъ былъ очень радъ, когда со спокойной совѣстью, съ надлежащей долей восхищенія отложилъ въ сторону обязательныя книги Достоевскаго.

Но это было давно. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось: и онъ, и міръ. Достоевскій былъ любимымъ писателемъ Муси. Она сказала объ этомъ Клервиллю и постаралась вспомнить нѣсколько мыслей, которыя отъ кого-то слышала о «Братьяхъ Карамазовыхъ». Клервилль немедленно погрузился въ книги ея любимаго писателя. Ему стало ясно, что онъ прежде ничего въ нихъ не понималъ. Только теперь черезъ Мусю онъ по настоящему понялъ Достоевскаго. Онъ искалъ и находилъ въ ней сходство съ самыми не-

обыкновенными героинями «Карамазовыхъ», «Идіота», «Бѣсовъ», мысленно примѣрялъ къ ней тѣ поступки, которые совершали эти героини. Въ болѣе трезвыя свои минуты Клервилль понималъ, что въ Мусѣ такъ же не было Грушеньки или Настасьи Филипповны, какъ не было ничего отъ Достоевскаго въ ея средѣ, въ ея родителяхъ. Однако трезвыхъ минутъ у Клервилля становилось все меньше.

Потомъ эти книги и сами по себѣ его захватили. То что онъ пережилъ въ годы войны, затѣмъ долгое пребываніе въ Петербургѣ, были какъ бы подготовительной школой къ Достоевскому. Онъ чувствовалъ, что его понемногу, со страшной силой, затягиваютъ въ новый, чужой, искусственный міръ. Но это волшебство уже не такъ его пугало: ему искусственной казалась и его прежняя жизнь отъ скачекъ Дарби до народныхъ университетовъ. Оглядываясь на нее теперь, Клервилль испытывалъ чувство нѣкоторой растерянности, — какъ человѣкъ вновь выходящій на обыкновенный солнечный свѣтъ послѣ долгаго пребыванія въ шахтѣ, освѣщенной зловѣщими огнями. Самыя безспорныя положенія, самый нормальный складъ жизни больше не казались ему безспорными. У него уже не было увѣренности въ томъ, что составлять сводки въ военномъ министерствѣ, лѣзть на стѣну изъ-за боксеровъ и лошадей, платить шальныя деньги за старыя марки, за побитый фарфоръ 18-го вѣка — значило жить въ естественномъ мірѣ. Не было и увѣренности въ обратномъ. Онъ только чувствовалъ, что тотъ, прежній міръ былъ несравненно спокойнѣй и прочнѣе.

Клервилль не понималъ, что вопросъ объ естественномъ и искусственномъ мірѣ самъ по себѣ не имѣетъ для него большого значенія. За размышленіями по этому вопросу въ немъ безсознательно зрѣла мысль о женитьбѣ на Мусѣ Кременецкой. Только Муся могла объяснить ему смыслъ жизни. Клервилль подолгу думалъ о значеніи каждаго ея слова. Онъ все записывалъ въ своемъ дневникѣ, и тамъ словамъ Муси объ инфернальномъ началѣ Гру-

шеньки было отведено нѣсколько страницъ комментаріевъ. Муся не всегда говорила Клервиллю то, что логически ей могло быть выгодно. Она и вообще не обдумывала своихъ словъ, говорила все, что ей въ первую секунду казалось милымъ и оригинальнымъ. Какъ-то разъ она ему сказала, что просто не можетъ понять обязательства вѣрности въ бракѣ. Но именно вырывавшіяся у нея слова, о которыхъ Муся потомъ сама жалѣла, всего больше возвышали ее въ представленіи Клервилля. По старымъ его понятіямъ, женитьба на Мусѣ была почти такимъ же дикимъ поступкомъ, какъ дѣйствія героевъ Достоевскаго. Но въ новомъ мірѣ все расцѣнивалось по иному. Клервилль за чтеніемъ думалъ о Мусѣ въ ту минуту, когда она его вызвала — и въ эту минуту его рѣшенье стало безповоротнымъ. Онъ только потому не сказалъ ничего Мусѣ, что было неудобно и неприлично объясняться въ любви по телефону.

XII.

Александръ Браунъ не предполагалъ быть на банкетѣ, но въ заботахъ занятого дня забылъ послать телеграмму и вспомнилъ объ этомъ лишь вернувшись въ «Паласъ» въ седьмомъ часу вечера. Можно было, на худой конецъ, позвонить Тамарѣ Матвѣевнѣ по телефону. Поднявшись въ свой номеръ, Браунъ утомленно опустился въ кресло и неподвижнымъ взглядомъ уставился на полъ, на швы малиноваго бобрика, на линію гвоздей, обходившую по сукну мраморный четыреугольникъ у камина. Край потолка у окна отсвѣчивалъ красноватымъ свѣтомъ.

Такъ онъ сидѣлъ долго; потомъ, вздрогнувъ, зажегъ лампу и взглянулъ на часы. «Что жъ, не оставаться же такъ весь вечеръ», — угрюмо подумалъ онъ. Браунъ взялъ было со стола книгу. Читать ему не хотѣлось: онъ проводилъ за чтеніемъ большую часть ночей. «Пойти куда-нибудь?.. Куда же?..» Знакомыхъ у него было очень

много и почти вездѣ ему были бы, вѣроятно, рады. Браунъ перебралъ мысленно людей, къ которымъ могъ бы пойти. «Нѣтъ, не къ нимъ, скука... Ну его, пропади онъ пропадомъ!..» — отвѣчалъ онъ себѣ. «Развѣ къ Федосьеву поѣхать?» — Онъ подумалъ, что по складу ума этотъ врагъ ему много интереснѣе, да и ближе друзей. «Точно второй я... Нѣтъ, разумѣется, нельзя ѣхать къ Федосьеву»... Онъ снова вспомнилъ объ юбилеѣ Кременецкаго. Теперь звонить по телефону было уже неудобно. «Развѣ туда отправиться? Тоска»... Но онъ подумалъ объ ожидавшемъ его длинномъ, безконечномъ вечерѣ...

Изъ камина выползло большое бурожелтое насѣкомое и поползло по мрамору. Браунъ вздрогнулъ и уставился глазами на многоножку. Она замерла, притаилась, затѣмъ зашевелила сяжками и со всей возможной быстротой поползла назадъ въ каминъ.

«Такъ и я прячусь отъ людей, отъ яркаго свѣта... Этимъ живу, какъ живетъ Федосьевъ своей мнимой ненавистью къ революціонерамъ, которыхъ ненавидѣть ему трудно, ибо они не хуже и не лучше его... Невелика и моя мудрость жизни, немного же она принесла мнѣ радости. Нѣтъ, ненадежно созданное мной perfugium tutissimum и, навѣрное, не здѣсь, не здѣсь скрывается ключъ къ свободѣ»...

Банкетъ, какъ всегда, начался съ опозданіемъ, и Браунъ пріѣхалъ почти во время. Въ ту минуту, когда онъ поднимался по лѣстницѣ, музыка впереди заиграла туш. Раздались бурныя рукоплесканія: Семенъ Исидоровичъ, блѣдный и растроганный, какъ разъ входилъ въ залъ подъ руку съ Тамарой Матвѣевной. Браунъ передъ раскрытой настежь дверью ждалъ конца рукоплесканій и туша. Вдругъ сзади, покрывая шумъ, его окликнулъ знакомый голосъ. Въ другомъ концѣ корридора, у дверей отдѣльнаго кабинета, стоялъ Федосьевъ. Онъ, улыбаясь, пока-

зывалъ жестомъ, что не желаетъ подходить къ дверямъ банкетной залы.

— Я увидѣлъ васъ изъ кабинета, — сказалъ, здороваясь, Федосьевъ, когда рукоплесканія, наконецъ, прекратились.

— Вы какъ же здѣсь оказались?

— Да я теперь почти всегда обѣдаю въ этомъ ресторанѣ, — отвѣтилъ весело Федосьевъ. — По знакомству и кабинетъ получаю, когда есть свободный: мнѣ вѣдь не очень удобно въ общемъ залѣ. Такъ вы тоже Кременецкаго чествуете? — съ улыбкой спросилъ онъ.

— Такъ точно.

— А то не заглянете ли потомъ и сюда, ко мнѣ, если не всѣ рѣчи будутъ интересныя?

— Если можно будетъ выйти изъ залы, загляну... Вы долго еще останетесь?

— Долго, я только что пріѣхалъ и еще ничего не заказалъ. Мнѣ вдобавокъ и торопиться некуда: теперь я свободный человѣкъ...

— Да, да...

— Свободный человѣкъ... Ну, торопитесь, вотъ и тушъ кончился.

— Такъ до скораго свиданья...

Гости разсаживались по мѣстамъ. Пробѣгавшій мимо входной двери Фоминъ остановился и взволнованно-радостно пожалъ руку Брауну.

— Вашъ номеръ сорокъ пятый, — сказалъ онъ, — вонъ тамъ, на краю главнаго стола, рядомъ съ майоромъ Клервиллемъ... Вѣдь вы говорите по англійски?.. А по другую сторону я, если вы ничего противъ этого не имѣете...

Онъ побѣжалъ дальше. Браунъ прошелъ къ своему мѣсту. Клервилль радостно пожалъ ему руку. Англичанинъ занималъ первый стулъ по боковому столу. По другую сторону Клервилля сидѣла Муся. Къ неудовольствію Фомина, находившаго неудобнымъ мѣнять все въ послѣднюю минуту, кружокъ Муси былъ переведенъ съ Камчатки.

Самъ Фоминъ занималъ мѣсто за почетнымъ столомъ; собственно, по своему положенію, онъ не имѣлъ на это права (очень многіе претендовали на мѣста у этого стола и изъ-за нихъ вышло немало обидъ); но роль Фомина въ устройствѣ чествованія была такъ велика, что его претензія никѣмъ не оспаривалась.

«Хоть разговаривать, кажется, не будетъ нужно», — угрюмо подумалъ Браунъ, взглянувъ на Клервилля и на Мусю. — «Слава Богу и на томъ».. — Весь видъ банкетнаго зала вызвалъ въ немъ привычное чувство тоски. Онъ взялъ меню и принялся его изучать.

XIII.

Муся пріѣхала въ ресторанъ съ родителями, но отошла отъ нихъ тотчасъ по выходѣ изъ коляски. У парадныхъ дверей Семена Исидоровича и Тамару Матвѣевну окружили распорядители и боковымъ корридоромъ проводили ихъ въ небольшую гостиную, откуда, по заранѣе выработанному церемоніалу, они позднѣе должны были совершить торжественный выходъ въ залу банкета. О Мусѣ распорядители не подумали, а Тамара Матвѣевна была такъ взволнована, что тоже забыла о дочери, едва ли не первый разъ въ жизни. Недостатокъ вниманія чуть-чуть задѣлъ Мусю: какая пропасть ни отдѣляла ее отъ родителей, въ этотъ день она гордилась славой отца и сама себя чувствовала какъ бы именинницей. Муся прошла въ раздѣвальную, гдѣ у отдѣлявшаго вѣшалки барьера, съ шубами и шапками въ рукахъ, толпились люди. Она скромно стала въ очередь, но ее тотчасъ узнали. Какой-то незнакомый ей господинъ съ внушительной ласковой интонаціей сказалъ очень громко:

— Господа, пропустите мадмуазель Кременецкую!..

На Мусю немедленно обратились всѣ взгляды. Съ ласковыми улыбками, гости внѣ очереди пропустили ее къ барьеру, помогли ей отдать шубу и получить номерокъ.

По выраженію лицъ дамъ, Муся почувствовала, что и ея платье произвело должное впечатлѣніе. Она быстро оглядѣла себя въ зеркало, поправила прядь волосъ и, провожаемая сочувственнымъ шопотомъ, вышла изъ раздѣвальной.

Гости собрались въ большой зеркальной комнатѣ, примыкавшей къ банкетному залу. Парадная толпа гостей еще не освоилась на мѣстѣ. Невидимые музыканты гдѣ-то наверху настраивали инструменты. Несмотря на привычку къ обществу, Муся испытывала смущеніе отъ нестройныхъ звуковъ музыки, отъ симпатіи и восхищенія, которыя она вызывала, отъ того, что она входила въ залъ одна. Вдругъ у нея забилось сердце. Ей бросилась въ глаза высокая фигура Клервилля. Онъ увидѣлъ ее и, измѣнившись въ лицѣ, поспѣшно къ ней направился.

— Я сижу съ вами? — спросилъ онъ по англійски. — Это необходимо...

Тотъ механизмъ кокетства, который работалъ въ Мусѣ почти независимо отъ ея воли, долженъ былъ изобразить на ея лицѣ удивленно-насмѣшливую ласковую улыбку. Однако на этотъ разъ механизмъ не выполнилъ своей задачи. Муся растерянно кивнула головой; ея сердце билось все сильнѣе. Клервилль видимо хотѣлъ сказать что-то еще, что-то очень важное. Но въ эту секунду Мусю увидѣли с в о и. Здѣсь были Глаша, Никоновъ, Березинъ, Беневоленскій, былъ и Витя, смертельно страдавшій отъ своего пиджака, единственнаго на этотъ разъ въ залѣ. Витя все время съ тоскливой надеждой смотрѣлъ на входившихъ, неужели никто, никто другой не окажется въ пиджакѣ? Послѣдній ударъ нанесъ ему Василій Степановичъ: онъ явился во фракѣ, который на тощей сутуловатой его фигурѣ сидѣлъ такъ, какъ могъ бы сидѣть на жирафѣ.

Среди своихъ Муся быстро успокоилась, — страстно-радостное чувство не покидало ея, но ушло внутрь, все освѣщая счастьемъ. Теперь механизмъ работалъ правильно. Тонъ его работы означалъ: «Хоть и очень странно и

забавно, что мы, м ы, оказались здѣсь среди этихъ странныхъ и забавныхъ людей, но если ужъ такъ, давайте развлекаться и въ ихъ обществѣ...» Въ этотъ тонъ не могъ попасть одинъ Клервилль. Онъ впрочемъ успокоился и просіялъ, когда Муся пригласила его принять участіе въ поѣздкѣ на острова.

— Да, мы будемъ ѣхать, — сказалъ онъ по русски съ волненіемъ.

Князя Горенскаго въ кружкѣ на этотъ разъ не было. Онъ пріѣхалъ съ небольшимъ опозданіемъ и привезъ тревожныя извѣстія. На окраинахъ города все усиливалось броженіе. Съ минуты на минуту можно было ждать взрыва, выхода рабочихъ на улицу. Горенскій даже рѣшилъ, по дорогѣ въ ресторанъ, не сообщать тамъ своихъ свѣдѣній, чтобъ не испортить настроенія на праздникѣ. Однако онъ не удержался и разсказалъ все еще въ раздѣвальной. Его новости мигомъ облетѣли зеркальную комнату, но настроенія отнюдь не испортили. Напротивъ, оно очень поднялось, хотя не всѣ понимали, почему на улицу должны выйти именно рабочіе.

— Охъ, далъ бы Господь! — сказалъ Василій Степановичъ, ежась въ оттопыренной, туго накрахмаленной рубашкѣ своего фрака. — Вы будете нынче говорить? — спросилъ онъ значительнымъ тономъ, который ясно показывалъ, что отъ рѣчи князя на банкетѣ кое-что могло и зависѣть.

— Да, я скажу, — взволнованно отвѣтилъ Горенскій.

— Князь, при такой конъюнктурѣ ваша рѣчь, я чувствую, можетъ стать общественнымъ событіемъ, — сказалъ убѣжденно донъ-Педро. — Я жду ее со страстнымъ нетерпѣніемъ.

Послышался звонокъ, гулъ усилился. Двери банкетной залы раскрылись настежь.

— Ну, пойдемъ садиться, лэди и джентльмэны, — воскликнулъ весело Никоновъ, хватая подъ руку Сонечку Михальскую, хорошенькую семнадцатилѣтнюю блондин-

ку, послѣднее пріобрѣтеніе кружка. — Милая моя, вы идете со мной, не отбивайтесь, все равно не поможетъ...

— А Марья Семеновна съ кѣмъ сидитъ? — небрежно освѣдомился Витя.

— Разумѣется, съ Клервиллемъ, — отвѣтила Глафира Генриховна.

На порогѣ банкетной залы показался озабоченный Фоминъ. Звонокъ продолжалъ звонить. Всѣ направились къ столамъ. При видѣ этихъ столовъ тревожное настроеніе сразу у всѣхъ улеглось: ни съ какой революціей такіе столы явно не совмѣщались.

Тушъ и разсаживаніе кончились, гости удовлетворили любопытство: гдѣ кто посаженъ, и обмѣнялись по этому поводу своими соображеньями. Вдоль стѣнъ уже шли лакеи. Фоминъ подробно объяснялъ своимъ сосѣдямъ, что онъ нашелъ компромиссъ между русскимъ и французскимъ стилемъ: будучи врагомъ системы закусокъ, онъ все же для оживленія оставилъ водку и къ ней назначилъ canapés au caviar. Вмѣсто водки желавшимъ разливали коньякъ, по словамъ Фомина столѣтній. Этотъ коньякъ гости пили съ особымъ благоговѣньемъ. Витя сказалъ, что никогда въ жизни не пилъ такого удивительнаго коньяка. Никоновъ заставилъ пить и дамъ.

Въ кружкѣ сразу стало весело. Муся, къ большому восторгу Клервилля, выпила одну за другой двѣ рюмки. «Нѣтъ, кажется, было не очень смѣшно», — говорила себѣ она, вспоминая выходъ родителей (Муся побаивалась этого выхода). — «Вивіанъ во всякомъ случаѣ не могъ найти это смѣшнымъ... Да онъ только на меня и смотрѣлъ... Кажется, и платье ему понравилось», — думала она, съ наслажденьемъ чувствуя на себѣ его влюбленный взглядъ. Никоновъ, бывшій въ ударѣ, сыпалъ шутками, — его впрочемъ немного раздражалъ англичанинъ. Березинъ съ равнымъ удовольствіемъ ѣлъ, пилъ и разговаривалъ. Витя тревожно себя спрашивалъ, какъ понимать

слова этой вѣдьмы: «Разумѣется, съ Клервиллемъ». Глафира Генриховна дѣлала сатирическія наблюденія. Фоминъ то озабоченнымъ хозяйскимъ взглядомъ окидывалъ столы, гостей, лакеевъ, то, волнуясь, пробѣгалъ въ памяти заготовленную имъ рѣчь. Браунъ много пилъ и почти не разговаривалъ съ сосѣдями, изрѣдка со злобой поглядывая на Клервилля и Мусю.

Обѣдъ очень удался и праздникъ шелъ превосходно. Рѣчи начались рано, еще съ médaillon de foie gras. Вначалѣ говорили старые адвокаты, восхвалявшіе адвокатскія заслуги юбиляра. Это все были опытные, привычные ораторы. Они разсказали блестящую карьеру Семена Исидоровича, упомянули о наиболѣе извѣстныхъ его дѣлахъ, отмѣтили особенности его таланта. Говорили они довольно искренно: надъ Семеномъ Исидоровичемъ часто подтрунивали въ сословіи, но большинство адвокатовъ его любило. Кромѣ личныхъ враговъ, всѣ признавали за нимъ качества оратора, добросовѣстнаго, корректнаго юриста, прекраснаго товарища. Знаменитые адвокаты благодушно разукрашивали личность Кременецкаго въ разсчетѣ на то, что публика, вѣроятно, сама сдѣлаетъ должную поправку на юбилей, на вино, на превосходный обѣдъ. Въ этомъ они впрочемъ ошибались: большая часть публики все принимала за чистую монету; образъ Семена Исидоровича быстро росъ, принявъ къ дессерту истинно-гигантскіе размѣры.

Ораторы говорили недолго и часто смѣняли другъ друга, такъ что вниманіе слушателей не утомлялось. Всѣхъ встрѣчали и провожали апплодисментами. Семенъ Исидоровичъ смущенно кланялся, обнималъ однихъ ораторовъ, крѣпко пожималъ руку или обѣ руки другимъ. Тамара Матвѣевна, имя которой не разъ упоминалось въ рѣчахъ, сіяла безкорыстнымъ счастьемъ. Лакеи едва успѣвали разливать по бокаламъ шампанское.

— Странный однако ученый, смотрите, какъ онъ пьетъ, — шепнула Никонову Глафира Генриховна, не поворачивая головы и лишь быстрымъ движеніемъ глазъ показывая на Брауна. — Говорятъ, онъ умный, но онъ всегда молчитъ. Можетъ быть, умный, а можетъ быть, просто мрачный идіотъ. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что онъ человѣкъ съ психопатической наслѣдственностью.

— Нѣтъ, онъ молодчина! — сказалъ Никоновъ. — Онъ всегда пьетъ, какъ извозчикъ, и никогда не пьянѣетъ.

— Не то, что вы.

— Я ни въ одномъ глазѣ.

— Дать вамъ зеркало? Глаза у васъ стали маленькіе и сладенькіе, — замѣтила уже громко Глафира Генриховна.

— Низкая клевета! У меня демоническіе глаза, это всѣмъ извѣстно. Правда, Мусенька?.. Виноватъ, я хотѣлъ сказать: Марья Семеновна.

— Самые демоническіе, стальные глаза, — подтвердила Муся. — Прямо Наполеонъ! Но много вы все-таки не пейте, помните, что мы еще ѣдемъ на острова.

— Да, на острова, — сказалъ Клервилль.

— И на островахъ тоже будемъ пить. Возьмемъ съ собой нѣсколько бутылокъ...

— О, да, будемъ пить.

— И выпьемъ за здоровье вашего короля... Онъ и самъ, говорятъ, мастеръ выпить, правда?

На это Клервилль ничего не отвѣтилъ. Онъ не совсѣмъ понялъ послѣднія слова Никонова, но шутка о королѣ ему не понравилась. Муся тотчасъ это замѣтила.

— Господа, мы постараемся улизнуть послѣ рѣчи князя, — сказала она. — Какъ вы думаете, а? Вѣдь она самая интересная... вмѣстѣ съ рѣчью Платона Михайловича, — добавила Муся: ей хотѣлось въ этотъ день быть всѣмъ пріятной.

— Fille dénaturée, это немыслимо, — возразилъ польщенный Фоминъ, отрываясь отъ мыслей о своей близя-

щейся рѣчи, — вы никакъ не можете улизнуть до отвѣтнаго слова дорогого намъ всѣмъ юбиляра.

— Ахъ, я и забыла, что будетъ еще отвѣтное слово... Ничего, папа насъ проститъ.

— Да онъ и не замѣтитъ, ему не до насъ, — сказалъ Березинъ.

— Князь все равно говоритъ послѣднимъ...

За почетнымъ столомъ предсѣдатель постучалъ ножомъ по бокалу.

— Слово принадлежитъ Платону Михайловичу Фомину.

Муся бурно зааплодировала, за нею послѣдовалъ весь кружокъ, рукоплесканія все-таки вышли довольно жидкія: Фомина мало знали. Онъ всталъ, повернулся къ юбиляру и, криво улыбнувшись, заговорилъ. Фоминъ приготовилъ рѣчь въ томъ невыносимо-шутливомъ тонѣ, безъ котораго не обходится ни одинъ банкетъ въ мірѣ.

— ...Личность глубокоуважаемаго юбиляра, — говорилъ онъ, — столь разносторонняя и, такъ сказать, многогранна, что лично я невольно теряюсь... Господа, знаете ли вы, какъ зачастую поступаютъ дѣти съ дорогой подаренной имъ игрушкой, сложный механизмъ которой зачастую превышаетъ ихъ способность пониманія? Они разбираютъ ее на части и изучаютъ отдѣльные кусочки (послышался смѣхъ; Семенъ Исидоровичъ смущенно улыбался, Тамара Матвѣевна одобрительно кивала головой). Такъ и намъ остается разбить на грани многогранный образъ Семена Исидоровича, который вѣдь тоже есть въ своемъ родѣ, такъ сказать, произведеніе искусства. На мою долю, mesdames et messieurs, приходится лишь одна скромная грань большой фигуры... Милостивыя государыни и государи, я вынужденъ сдѣлать ужасное признаніе: господа, я ничего не понимаю въ политикѣ! (Фоминъ улыбнулся и побѣдоносно обвелъ взглядомъ залъ, точно ожидая возраженій, — въ дѣйствительности онъ считалъ

себя тонкимъ политикомъ). Согласитесь, что это столь печальное для меня обстоятельство имѣетъ по крайней мѣрѣ одну хорошую сторону: оно оригинально! Ибо, какъ извѣстно, политику понимаютъ всѣ... Но я, господа, будучи въ нѣкоторомъ родѣ уродомъ, я лишенъ этой способности и потому лишенъ и возможности говорить о Семенѣ Исидоровичѣ, какъ о политическомъ мыслителѣ и вождѣ. Это сегодня сдѣластъ, господа, со свойственнымъ ему авторитетомъ мой другъ князь Горенскій. Моя задача другая... Увы, господа, здѣсь я немного опасаюсь, какъ бы со стороны моихъ недоброжелателей не послѣдовало возраженіе, возраженіе, что я ничего не понимаю и въ юриспруденціи! (онъ улыбнулся еще побѣдоноснѣе, снова послышался смѣхъ; Никоновъ закивалъ утвердительно головою). Господа, вы молчите, — я констатирую, что у меня нѣтъ недоброжелателей. По крайней мѣрѣ я хочу думать, что ваше молчаніе не есть знакъ согласія... Какъ бы то ни было, я не намѣренъ говорить о нашемъ глубокоуважаемомъ юбилярѣ и какъ объ юристѣ, — это уже сдѣлали, съ несравненной силой и краснорѣчіемъ, наши старшіе товарищи и учителя. Моя задача еще скромнѣе, господа! Мое слово будетъ не о большомъ русскомъ адвокатѣ Кременецкомъ, а о моемъ дорогомъ патронѣ, наставникѣ и, смѣю сказать, другѣ («Семѣ», — подсказалъ Никоновъ, Фоминъ на него покосился), о моемъ старшемъ другѣ Семенѣ Исидоровичѣ»...

Такъ онъ говорилъ минутъ пятнадцать. Онъ говорилъ о Семенѣ Исидоровичѣ, какъ объ учителѣ младшаго поколѣнія, объ его дружескомъ внимательномъ отношеніи къ помощникамъ, о той работѣ большого адвоката, которой не видѣли посторонніе. — «О ней, — сказалъ Фоминъ, — кромѣ меня можетъ судить только одинъ человѣкъ въ этой залѣ и я не сомнѣваюсь, что мой дорогой коллега, Григорій Ивановичъ Никоновъ, присоединяется къ моимъ словамъ со всей силой убѣжденія, со всей теплотой чувства» («Впрочемъ за здоровье Его Благородія», — пробор-

моталъ Никоновъ, изобразивъ на лицѣ умиленіе и восторгъ).

Со всей теплотой чувства, хотя и въ почтительно-игривой формѣ, Фоминъ коснулся семейнаго быта Кременецкихъ, сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ о Тамарѣ Матвѣевнѣ, Марьѣ Семеновнѣ, въ любви и преданности которыхъ Семенъ Исидоровичъ находитъ забвеніе отъ бурь юридической и общественной дѣятельности, какъ успокаивается въ тихой пристани послѣ большого плаванья большой корабль. О Мусѣ до Фомина не говорилъ никто. Раздались шумныя рукоплесканья. Неожиданно для самой себя, Муся смутилась и покраснѣла. Какъ ни мучительны были потуги Фомина на шутливость и заранѣе подготовленныя **сердечныя ноты**, рѣчь его имѣла большой успѣхъ. Въ ней было все, что полагается: мостъ между двумя поколѣньями служителей права, смѣна богатырямъ-старшимъ, неугасимый факелъ, доблестно пронесенный, передаваемый молодежи Семеномъ Исидоровичемъ, и многое другое. На неугасимомъ факелѣ Фоминъ и кончилъ свою рѣчь. Подъ бурныя рукоплесканья зала онъ прошелъ къ срединѣ почетнаго стола, обнялся съ Семеномъ Исидоровичемъ и поцѣловалъ руку сіявшей Тамарѣ Матвѣевнѣ, которая съ искренней нѣжностью поцѣловала его въ голову. — «Я такъ васъ **за все** благодарю, дорогой!..» — прошептала она. Затѣмъ Фоминъ вернулся къ своему мѣсту, гдѣ къ нему тоже протянулись бокалы. Одинъ Браунъ выпилъ свой бокалъ, не дождавшись возвращенія Фомина и даже до конца его рѣчи.

— Чудно, чудно, — говорила Муся. — Каюсь, я не знала, что вы такой застольный ораторъ!..

— Да и никто этого не зналъ, — добавила Глафира Генриховна.

— Помилуйте, онъ уже свѣточъ среди богатырей-младшихъ, — сказалъ Никоновъ. — Что будетъ, когда онъ подрастетъ!.. Дорогой коллега, разрѣшите васъ мысленно обнять... Это было чего-нибудь особеннаго!

— Чего-нибудь особеннаго, — съ жаромъ подтвердилъ Клервилль, чокаясь съ Фоминымъ. Витя сердито фыркнулъ: онъ не любилъ Фомина, а Клервилль, прежде такъ ему нравившійся, теперь вызывалъ въ немъ мучительную ревность. Фоминъ, скромничая, благодарилъ, онъ не сразу могъ вернуться къ своему обычному тону. Лакеи разливали по чашкамъ кофе и разносили ликеры.

— Ну, теперь остался главный гвоздь, рѣчь князя Горенскаго, — сказала Глафира Генриховна.

— А вы знаете, князь волнуется. Посмотрите на него!..

— Его рѣчь будетъ политическая и, говорятъ, очень боевая.

— Онъ докажетъ, что въ двадцатипятилѣтіи Семена Исидоровича кругомъ виновато царское правительство,— сказалъ Никоновъ, наливая себѣ ликера. — Господа, на кого похожъ Горенскій? Вы какой бритвой бреетесь? Вы, Витя, еще совсѣмъ не бреетесь, счастливецъ. А вы, милордъ?.. — Клервилль посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. — Докторъ, вы, навѣрное, бреетесь Жиллетомъ?

— Жиллетомъ, — хмуро подтвердилъ Браунъ, очевидно безъ всякаго интереса къ слѣдовавшему за вопросомъ поясненію.

— Ну, такъ вы знаете: на оберткѣ бритвы печатается свѣтлый образъ ея изобрѣтателя. Горенскій — живой портретъ мистера Жиллета. То же бодрое, мужественное выраженіе и то же сознаніе своихъ заслугъ передъ человѣчествомъ.

— Совершенно вѣрно, я видѣла, — сказала, расхохотавшись, Муся.

— Очень вѣрно, — подтвердилъ Клервилль.

За почетнымъ столомъ опять постучали.

— Слово имѣетъ Андрей Михайловичъ Горенскій, — внушительно сказалъ предсѣдатель, для разнообразія нѣсколько мѣнявшій свою фразу. Легкій гулъ пробѣжалъ по залу и тотчасъ затихъ. Настроеніе сразу измѣнилось и улыбки стерлись съ лицъ. Князь Горенскій всталъ, видимо

волнуясь и съ трудомъ сдерживая волненіе. Въ лѣвой рукѣ онъ нервно сжималъ салфетку. Князь началъ безъ обычнаго обращенія къ публикѣ или къ «глубокочтимому, дорогому Семену Исидоровичу».

XIV.

Князь Горенскій пользовался въ обществѣ заслуженной репутаціей очень хорошаго оратора. Всѣ сходились на томъ, что особенность его краснорѣчія заключается въ богатомъ темпераментѣ. Горенскій, веселый, остроумный и благодушный человѣкъ въ обыденной жизни, совершенно измѣнялся, всходя на ораторскую трибуну. О чемъ бы онъ ни говорилъ, имъ неизмѣнно овладѣвало сильнѣйшее волненіе. Онъ рѣдко готовилъ рѣчь напередъ, и только набрасывалъ въ нѣсколькихъ словахъ ея общій планъ, да еще иногда выписывалъ цитаты, о которыхъ впрочемъ часто забывалъ въ процессѣ рѣчи. Не заботился онъ и о литературной формѣ, предоставляя полную свободу падежамъ, родамъ и числамъ; иногда и отдѣльныя слова у него выскакивали довольно неожиданныя. Но большинство слушателей этому не улыбалось: волненіе оратора, его мощный, съ надрывомъ, голосъ, рѣзкая, энергичная манера. — все это обычно заражало аудиторію, особенно слушавшую его впервые. Въ Государственной Думѣ, гдѣ князь выступалъ часто, и свои, и чужіе не всегда очень внимательно его слушали. Горенскій принадлежалъ къ умѣренно-либеральной партіи, но ея основную линію часто обходилъ, то справа, то слѣва. Глава партіи, — тотъ самый, который уклонился отъ выступленія на юбилеѣ Семена Исидоровича, — нѣсколько опасался рѣчей своего младшаго товарища. Вождь либеральнаго лагеря, человѣкъ чрезвычайно умный, проницательный и опытный, очень хорошо разбирался въ людяхъ и зналъ каждому изъ друзей и враговъ настоящую человѣческую цѣну. Но

свое мнѣніе онъ обычно держалъ про себя, а въ общественной жизни принималъ и расцѣнивалъ людей исключительно по ихъ идейнымъ ярлыкамъ. При этомъ неизбѣжны бывали ошибки, однако въ общемъ счетѣ онъ признавалъ такую расцѣнку наиболѣе вѣрной, простой и цѣлесообразной. Въ огромномъ, все разроставшемся партійномъ хозяйствѣ нужны были или по крайней мѣрѣ могли пригодиться безупречный ярлыкъ князя, его безукоризненная порядочность, его знатное имя и связи въ земскихъ, аристократическихъ, гвардейскихъ кругахъ, изъ которыхъ онъ вышелъ. Однако вождь партіи считалъ Горенскаго человѣкомъ безъ царя въ головѣ и всегда съ непріятнымъ чувствомъ удивлялся успѣху, выпадавшему на долю рѣчей князя.

Муся отъ волненія, отъ выпитаго вина не сразу сосредоточилась и не разслышала первыхъ словъ Горенскаго. Вначалѣ она только смотрѣла на него въ упоръ. Затѣмъ Муся напрягла вниманіе и стала слушать.

— ...Да, правъ былъ Фоминъ, — говорилъ князь, — тысячу разъ правъ былъ Фоминъ (Горенскій произносилъ эту фамилію съ непонятнымъ надрывомъ, какъ-то Ффаминъ), утверждая, что въ лицѣ юбиляра русская общественность... чтитъ не только большого адвоката, но и большого общественнаго дѣятеля, одного изъ своихъ идейныхъ руководителей! Какъ часто намъ, волей судьбы профессіональнымъ политикамъ... въ буряхъ и тревогахъ повседневной политической.. каши (князь употребилъ это существительное, не найдя сразу другого) приходилось и приходится на него съ тревогой оглядываться... Какъ часто, принимая то или иное рѣшеніе, намъ приходилось и приходится себя спрашивать: а что скажетъ на это Семенъ Сидоровичъ? И всякій разъ, когда мы узнавали, что Семенъ Сидоровичъ насъ одобрилъ... что онъ съ нами!..

радостно вскрикнулъ князь такъ громко, что Муся невольно вздрогнула... — точно камень скатывался съ горы съ души!.. Его разумное, мудрое слово имѣло для

насъ огромное, часто рѣшающее значеніе... Онъ стоялъ подъ грозою, какъ непоколебимый кряжистый дубъ...

Характеристикѣ Семена Исидоровича Горенскій посвятилъ начало своей рѣчи. Юбиляръ тихо застѣнчиво улыбался, опустивъ голову, Раскраснѣвшаяся Тамара Матвѣевна млѣла отъ восторга. «Какъ все-таки человѣку не стыдно!» — думалъ начинавшій злиться Никоновъ.

— ...Господа, кто изъ насъ теперь ежедневно не вспоминаетъ проникновенныхъ словъ поэта: «Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ въ его минуты роковыя... Его призвали Всеблагіе, какъ собесѣдника на пиръ»... Намъ, господа, дано было стать зрителями и участниками одной изъ самыхъ роковыхъ минутъ... быть можетъ, самой роковой минуты въ исторіи рода человѣческаго. Намъ довелось пріобщиться титанической борьбы за право и свободу! Быть можетъ, впервые въ исторіи... столкнулись съ такой силой два начала, Ормуздъ и Ариманъ. Германскій милитаризмъ бронированнымъ кулакомъ... наступилъ на маленькую Бельгію. Сила поставила себя выше права!.. Но зло, господа, пробуждаетъ добро. Противъ права силы мощно поднялась сила права! (послышались первыя, тотчасъ погасшія рукоплесканья). На борьбу съ чертополохомъ грубой солдатчины выступила лучшая часть человѣчества... Она погибнетъ или восторжествуетъ Ибо третьяго не дано, не дано исторіей, господа! Рука объ руку съ англо-саксонской, съ латинской расой довелось подняться на величайшую борьбу и намъ, русскимъ. Но, господа, господа! — вскрикнулъ онъ съ яростью, — надо заслужить... заслужить... моральное право участвовать... въ святомъ дѣлѣ освободительной борьбы за право! И этого права мы, увы! не имѣемъ, не имѣемъ не по нашей винѣ!..

Князь обладалъ замѣчательной способностью произносить фразы, которыя всѣ тысячу разъ читали въ газетахъ, совершенно такъ, какъ если-бы онѣ только что впервые зародились у него въ головѣ и еще никому не были извѣстны. Лицо Горенскаго побагровѣло. Слова о брони-

рованномъ кулакѣ онъ бросилъ съ чрезвычайной силой. Раздались бурныя, короткія рукоплесканья, затѣмъ снова настала напряженная тишина. Смыслъ этой части рѣчи князя заключался въ томъ, что въ то время, какъ Семенъ Исидоровичъ сразу разобрался въ борьбѣ Ормузда съ Ариманомъ и занялъ въ ней надлежащую позицію, на сторону Аримана стали звѣздная палата и камарилья. Прогнившая насквозь власть бросила вызовъ всему народу русскому, въ частности рабочему классу, требующему, со всей силой убѣжденія, новой энергіи, новыхъ путей, новыхъ методовъ войны за освобожденіе народовъ!

Залъ затрясся отъ апплодисментовъ. Горенскій вытеръ лобъ платкомъ и остановился, глядя на слушателей налитыми кровью глазами. Рукоплесканья всегда его пьянили. За минуту до того онъ еще не зналъ, что скажетъ дальше. Теперь рѣчь его потекла свободно. Слова о народѣ русскомъ (онъ въ рѣчахъ для красоты слога обычно ставилъ прилагательное послѣ существительнаго) неожиданно дали ему возможность попутно набросать характеристику русской души. Онъ высказалъ свои мысли о русскомъ народѣ, какъ о носителѣ идеи вѣчной правды, которую лишь безсознательно чувствовалъ сѣрый русскій мужикъ и которую за него выражали его духовные вожди, въ томъ числѣ Семенъ Исидоровичъ.

— ...Да, господа, эта «святая сѣрая скотинка» медленной, тяжелой, но упорной тропою... идетъ къ тѣмъ же высшимъ началамъ права и справедливости... къ какимъ, во всеоружіи опыта гражданственности,.. несутся англо-саксонская и латинская расы. И кто знаетъ, господа, не суждено ли намъ ихъ опередить? Я вѣрю, господа, въ прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы. Больше того, господа, съ рискомъ быть обвиненнымъ въ утопизмѣ, я не вѣрю вообще въ царство необходимости! Человѣчество властно куетъ свое будущее!.. Господа, я вѣрю только въ царство свободы!

Апплодисменты гремѣли все чаще. Теперь ихъ вызы-

вала почти каждая фраза. Муся апплодировала изо всей силы. Отъ нея не отставали другіе. Въ кружкѣ презирали политику, но на этотъ разъ всѣ были взволнованы. Витя восторженными глазами уставился на оратора. Горенскій уже съ трудомъ связывалъ фразы. Онъ задыхался. Изъ дверей на него съ испугомъ смотрѣли лакеи. За дверьми толпились люди.

— ...Господа!.. Имѣющій уши да слышитъ!.. Но эти слѣпцы не видятъ и не слышатъ!.. Господа, въ эти трагическіе дни... да будетъ повторено слово великаго писателя земли русской: «Не могу молчать»!.. Да, господа, есть минуты, когда молчать — преступленье, котораго не проститъ намъ потомство, какъ не проститъ народъ русскій!.. Выйдите на окраины города!.. Взгляните, взгляните же вокругъ себя!.. Переполняется вѣковая чаша терпѣнія народнаго!.. Приходитъ позорный конецъ міру кнута и мракобѣсія... Завтра, можетъ быть, уже будетъ поздно! Господа, Ахеронъ выходитъ на улицу!.. Нѣтъ, не апплодируйте, — вскрикнулъ князь, поднявъ руку, — вы не смѣете апплодировать! завтра, можетъ быть, прольется кровь!.. (Апплодисменты мгновенно оборвались). Господа, никто изъ насъ не знаетъ, что его ждетъ. Но въ эти жертвенные дни да будетъ же девизъ нашъ: Sursum corda! Господа, имѣемъ сердца горѣ! Вершины духа человѣческаго съ нами!.. Съ нами люди, подобные Семену Сидоровичу... Съ нами и тѣ, кто выявляетъ во вдохновенномъ творчествѣ тончайшую духовную эманацію толщъ народныхъ! Господа, въ эти дни обратимся мыслью къ нашимъ провидцамъ! Писатель, который со всей справедливостью можетъ быть названъ совѣстью народа русскаго, изъ толщи и крови котораго онъ вышелъ,—я назвалъ Максима Горькаго, — писатель этотъ во вдохновенномъ прозрѣніи своемъ пророчески воспѣлъ грядущій близящійся Ахеронъ.

Князь поднялъ съ тарелки листокъ бумаги.

— Вы помните, господа, дивную аллегорію Горькаго? Птицы ведутъ между собой бесѣду... Здѣсь и солидная пу-

ганная ворона, и дѣйствительный статскій снигирь, и почтительно-либеральный старый воробей, птица себѣ на умѣ, которая тихо сказала: «Да здравствуетъ свобода!» и тотчасъ громко добавила: «въ предѣлахъ законности». (послышался смѣхъ)... И этимъ, съ позволенія сказать, пернатымъ — имя же имъ легіонъ въ трижды печальной русской дѣйствительности — грезится вдохновенный образъ другой птицы... Слушайте!

Онъ развернулъ листокъ и, не безъ труда справляясь съ дыханьемъ, прочелъ съ надрывомъ въ громовомъ голосѣ:

«Вотъ онъ носится, какъ демонъ, — гордый, черный демонъ бури, — и смѣется и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ.

Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, — онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, — нѣтъ, не скроютъ.

Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!..»

Князь Горенскій отступилъ на шагъ назадъ и бросилъ на столъ салфетку. Залъ стоналъ отъ рукоплесканій. Всѣ повставали съ мѣстъ.

Браунъ незамѣтно прошелъ къ выходной двери.

XV.

— Что-жъ, пообѣдали? — спросилъ онъ, входя въ кабинетъ Федосьева. — Я думалъ, вы давно кончили и ушли...

— Кончаю. Васъ поджидалъ, мнѣ и торопиться некуда. Вы пили кофе?

— Пилъ.

— Выпейте еще со мною. Я и чашку лишнюю заказалъ въ надеждѣ, что вы зайдете. Для меня готовятъ особое кофе... Вотъ попробуйте. — Онъ налилъ Брауну кофе изъ огромнаго кофейника. — Предупреждаю, заснуть послѣ него трудно, но я и безъ того плохо сплю... Если выпить на ночь нѣсколько чашекъ такого кофе, можно себя довести до удивительнаго состоянія. Тогда думаешь съ необычной ясностью, видишь все съ необычной остротой. Мысли скачутъ какъ бѣшеныя, всѣ несравненно яснѣе и тоскливѣе дневныхъ.

— Да, я это знаю, — сказалъ Браунъ. — Въ пору этакой ночной ясности мыслей очень хорошо повѣситься.

— Очень, должно быть, хорошо... Интересныя были рѣчи на юбилеѣ?

— Ничего... Я впрочемъ не слушалъ... Кофе дѣйствительно прекрасное.

— Я немного знаю Кременецкаго, — сказалъ, улыбаясь, Федосьевъ. — Разумѣется, любой столоначальникъ имѣетъ право на юбилей послѣ двадцати пяти лѣтъ службы, однако мнѣ не совсѣмъ понятно, почему именно этотъ праздникъ революціи такъ у васъ раздувается. Вѣдь Кременецкій — второй сортъ?

— Третій... Но юбилейное краснорѣчіе, какъ надгробное, никого ни къ чему не обязываетъ. Вы, что-жъ, принимаете въ серьезъ и некрологи?..

— Повѣрьте, публика все принимаетъ въ серьезъ

— Вы думаете? Возможно, впрочемъ, что въ этомъ вы правы. Если у насъ въ самомъ дѣлѣ произойдетъ революція, то главныя непріятности могутъ быть отъ смѣшенія третьяго сорта съ первымъ. Несчастье революцій именно въ томъ и заключается, что къ власти въ концѣ концовъ приходятъ люди третьяго сорта, съ успѣхомъ выдавая себя за первосортныхъ. Въ этомъ они легко убѣждаютъ и исторію, — ее даже, пожалуй, всего легче... Но вѣдь и вы собственно всѣхъ валите въ одну кучу. Ахъ, нетрудная вещь иронія... И нетрудное дѣло обобщеніе... «Праздникъ революціи»? Нѣтъ, все таки не революціи, а того пошлаго, что въ ней неизбѣжно, какъ оно неизбѣжно и въ контръреволюціи. Герценъ — революція, и Кременецкій — революція. Но, право, Герценъ за Кременецкаго не отвѣчаетъ. Говорятъ о пропасти между русской интеллигенціей и русскимъ народомъ, — общее мѣсто. По моему, гораздо глубже пропасть между вершинами русской культуры и ея золотой срединой. На крайнихъ своихъ вершинахъ русскій либерализмъ замѣчательное явленіе, быть можетъ, явленіе міровое. А на золотой срединѣ... — Онъ махнулъ рукой. — Что до низовъ!.. Волей судьбы, вершины нашей мысли сейчасъ указываютъ то самое, чего хотятъ низы — и это наше счастье. Но, можетъ быть, такъ будетъ недолго: связь вѣдь въ сущности случайная, — и это наше несчастье. Иными словами, вполнѣ возможно, что въ одинъ прекрасный день низы насъ съ нашими идеями пошлютъ къ чорту. А мы — ихъ.

— Непремѣнно такъ и будетъ. Только вы ихъ пошлете къ чорту фигурально, а они васъ безъ всякихъ метафоръ.

— Не радуйтесь, то же самое и въ нашемъ лагерѣ, — но вы этого не видите. Чѣмъ проще и грубѣе идеологія, тѣмъ легче ее пріукрасить. Такъ Сегантини посыпалъ золотой пылью краски на своихъ «Похоронахъ». Невыгодный пріемъ: золото отъ времени почернѣетъ, картина потеряетъ репутацію.

— Нашей картинѣ и терять нечего. Репутація у нея твердая.

— Я этого не говорю. Въ области чистаго отрицанія русская реакціонная мысль достигла большой высоты. Но только въ этой области. Зато, когда вы начинаете умильно изображать человѣка съ положительными идеалами, у меня всегда впечатлѣніе странное, — вотъ какъ въ старыхъ повѣстяхъ, когда писатель такъ же умильно изображаетъ, что думаетъ кошечка или о чемъ «переговариваются между собой березки»... Бросьте вы, право, «созиданіе»...

— Что-жъ, для созиданія вы придете намъ на смѣну, — сказалъ Федосьевъ. «Очень сегодня разговорчивъ», — подумалъ онъ. — «И, по обыкновенію отвѣчаетъ больше самому себѣ, чѣмъ мнѣ... Опять придется издалека начинать, надоѣли мнѣ философскія бесѣды. А пора, давно пора довести до конца этотъ глупый разговоръ... Но какъ? Охъ, театрально», — морщась подумалъ Федосьевъ. — Разрѣшите налить вамъ еще чашку.. Я говорю, вы придете, въ самой общей формѣ: вы, лѣвые. Личные ваши взгляды мнѣ, какъ я уже вамъ говорилъ, весьма неясны, — добавилъ онъ полувопросительно, глядя на необычно оживленное, блѣдное лицо Брауна.

— Личные мои взгляды?.. Гете на старости какъ-то сказалъ Эккерману: «Со всѣмъ моимъ именемъ, я не завоевалъ себѣ права говорить то, что я на самомъ дѣлѣ думаю: долженъ молчать, чтобъ не тревожить людей. Зато у меня есть и небольшое преимущество: я знаю, что думаютъ люди, но они не знаютъ, что думаю я...» Цитирую, вѣроятно, не буквально, однако довольно точно передаю мысль Гете. Такъ вотъ, видите ли, — добавилъ онъ, прочитавъ иронію въ глазахъ Федосьева, — то Гете, въ семьдесятъ пять лѣтъ, на вершинѣ міровой славы. Куда-жъ, намъ, грѣшнымъ, соваться, если бъ даже и было, что сказать!

— Да вѣдь очень трудно удержаться, Александръ Ми-

хайловичъ: хочется иногда сказать и правду. Разумѣется, вредишь прежде всего самому себѣ, — что-жъ, за удовольствія всегда приходится платить. Ничего не подѣлаешь. Вѣрно, и Гете не всегда слѣдовалъ своему правилу... Я кстати не зналъ этой его мысли. Надо будетъ перечитать на досугѣ Гете. Благо досуга у меня теперь достаточно.

— Какъ же вы это переносите?

— Солгалъ бы вамъ, если бъ сказалъ, что я очень доволенъ. Но выношу гораздо лучше, чѣмъ думалъ... Я думалъ, будетъ совсѣмъ плохо... Знаете, въ извѣстномъ возрастѣ человѣкъ долженъ начать заботиться — ну, какъ сказать? — о зацѣпкахъ, что ли... Какую-нибудь надо придумать зацѣпку, чтобъ поддержать связь съ жизнью. Лѣтъ до сорока можно и такъ прожить, а потомъ становится трудно. Нужно обезпечить себѣ для отступленія заранѣе подготовленныя позиціи... Начиная съ пятаго десятка, человѣкъ и морально растрачиваетъ накопленное добро. У большинства людей есть семья, — самая простая и, вѣроятно, самая лучшая зацѣпка. Но я человѣкъ одинокій, а другими зацѣпками не догадался себя обезпечить, когда еще было можно...

— Я въ такомъ же точно положеніи... Положительно мы очень похожи другъ на друга, — добавилъ Браунъ, криво улыбаясь, — все больше въ этомъ убѣждаюсь.

— Немного похожи, правда, я очень польщенъ. Однако положеніе наше разное. У васъ есть наука, вы «Ключъ» пишете...

— Вотъ, повѣрьте, плохое утѣшеніе.

— Неужели? — Федосьевъ съ любопытствомъ взглянулъ на Брауна. — Я думалъ, утѣшеніе немалое. Что-жъ, подвинулся «Ключъ»?

— Нѣтъ, не подвинулся.

— Очень сожалѣю, какъ читатель... Но вы можете къ нему вернуться... А у меня нѣтъ ничего, — медленно, точно съ удовольствіемъ, проговорилъ Федосьевъ. — Ниче-

го! Пробовалъ было читать астрономію: казалось бы, лучше чтенія нѣтъ. Прочтешь, напримѣръ, о спиральныхъ туманностяхъ, что въ нихъ около милліона міровъ, что лучъ свѣта идетъ отъ нихъ къ намъ, кажется, двѣсти тысячъ лѣтъ... Вѣдь это должно очень убавить интересъ къ землѣ, къ политикѣ, къ жизни, — не говорю къ собственной, но къ чужой. А вотъ, что подѣлаешь, не убавляетъ. Откроешь послѣ астрономіи газету — и гдѣ твоя новая мудрость? Непріятное назначеніе по министерству такъ же бѣситъ, какъ если бъ и не читалъ о спиральныхъ туманностяхъ.

— Нѣтъ, здѣсь никакая астрономія не поможетъ... Вы теперь вродѣ тѣхъ «лишнихъ людей», о которыхъ съ такимъ сокрушеніемъ писали наши беллетристы, — точно не всѣ люди лишніе... А сознайтесь, все-таки непріятно быть не у дѣлъ, съ астрономіей и безъ астрономіи, — сказа́лъ Браунъ: онъ точно задиралъ Федосьева. — Такъ, я думаю, писатель, которому вернули рукопись или котораго изругали критики, считаетъ себя г о н и м ы м ъ ч е р н ь ю.

Федосьевъ засмѣялся.

— Охотно сознаюсь.

— Казалось бы, незачѣмъ огорчаться. Невелика вѣдь радость быть политическимъ дѣятелемъ. Всю жизнь васъ ежедневно враги поливаютъ грязью, а друзья больше молчатъ, да и чаще всего не такъ ужъ за васъ огорчаются. Раза два въ жизни, въ юбилейные дни, васъ славословятъ, — радости отъ этого тоже немного: вотъ и Кременецкаго славословили не хуже. Да еще въ день вашихъ похоронъ противники «отдаютъ должное», «обнажаютъ голову», и тоже плоско, и не безъ колкостей. Надо имѣть огромный запасъ искренняго презрѣнія къ людямъ, чтобы, занимаясь профессіонально политикой, долго на его счетъ жить. Необходимо также запастись большой долей снисходительности къ самому себѣ. Это — если говорить теоретически. А на практикѣ — у большихъ политическихъ дѣя-

телей, кажется, ничего такого нѣтъ, а есть чаще всего природная и благопріобрѣтенная толстокожесть, да еще, какъ ни странно, разливанное море благодушія. Я всегда любуюсь: какіе они всѣ оптимисты!.. Вѣдь для меня оптимизмъ и глупость нѣчто вродѣ синонимовъ... Нѣтъ, что и говорить, политика ремесло среднее. Но вотъ, подите же, ничто такъ не влечетъ людей — даже у насъ, гдѣ ванны изъ помоевъ обычно не компенсируются удовольствіями власти. А вы, реакціонеры, хотите бороться съ этимъ повальнымъ запоемъ! Вы въ сущности запрещаете политическую борьбу, т. е. разсчитываете закрыть людямъ доступъ къ самой увлекательной изъ игръ. Вы, господа консерваторы, мечтатели и утописты похуже юношей революціонеровъ.

— А если бороться не для чего? — въ тонъ Брауну спросилъ Федосьевъ. — Вдругъ у насъ такая умная, благородная, проницательная власть, которая какъ разъ все то и дѣлаетъ, что нужно Россіи? Не лучше ли тогда оттѣснить немного юношей? Пусть въ самомъ дѣлѣ выберутъ себѣ какую-либо другую, болѣе безобидную игру: свѣтъ на политикѣ не клиномъ сошелся.

— Утописты, — повторилъ Браунъ. — Въ цивилизованныхъ странахъ нарочно организуютъ для народа такія игры. Возьмите хотя бы Америку: ни одинъ американецъ вѣдь не знаетъ толкомъ, въ чемъ принципіальная разница между демократической и республиканской партіями. Если нѣкоторая разница и существуетъ, то она измѣняется постоянно, да и относится она къ такимъ вопросамъ, которые сами по себѣ здороваго человѣка волновать не могутъ. А посмотрите на агитацію въ пору президентскихъ выборовъ. Люди заранѣе старательно выдумываютъ, на чемъ бы имъ разойтись, а затѣмъ, выдумавъ, даютъ страстный бой другъ другу...

— Стилизація въ устахъ лѣваго человѣка неожиданная, — сказалъ, Федосьевъ. — Онъ позвонилъ. — Меня, впрочемъ, трудно удивить и скептицизмомъ, и пессимизмомъ. Когда я читаю, какъ лѣвые ругаютъ правыхъ, я ду-

маю: совершенно вѣрно, но мало, стоило бы ругнуть ихъ хуже. А когда я читаю, какъ правые ругаютъ лѣвыхъ, я думаю приблизительно то же самое. Правительство наше и наша общественность напоминаютъ мнѣ ту фигуру балета, когда два танцовщика, изображая удалыхъ молодцовъ, съ этакимъ задорнымъ видомъ, съ самой хитрой побѣдоносной улыбкой, то наскакиваютъ другъ на друга, то вновь отскакиваютъ, поднявъ ручку и этакъ замысловато сѣменя ножками. Меня такіе балбесы и въ балетѣ всегда очень смѣшили. Ну, а если подумать, что здѣсь не удалые молодцы, а безпомощные калѣки такъ хитро и весело изображаютъ ухарей!.. Богъ дастъ скоро эти Мальбруки сойдутся, отъ всѣхъ останутся рожки, да ножки...

— Съ высоты орлинаго полета обѣ стороны, конечно, равны и крошечны. Но вы обладаете способностью видѣть во враждебномъ лагерѣ только то, что вамъ видѣть угодно... Я скажу, какъ Марія-Терезія, некрасивая жена Людовика XIV. Когда ей представляли новыхъ людей, она имъ объясняла: «смотрѣть надо не сюда», — показывала на свое лицо, — «а сюда», — показывала на свои брилліанты. Вы не видите брилліантовъ «освободительнаго движенія».

— Полноте, какіе ужъ тутъ брилліанты... Я, впрочемъ, готовъ допустить, что демократическая лавка выше, т. е. лучше знаетъ, какъ вербовать кліентовъ. Вотъ и настоящіе лавочники очень хорошіе психологи. Они не скажутъ въ объявленіи: продается сукно, — скажутъ: оставшееся сукно продается. И цѣну назначатъ не рубль, а непремѣнно девяносто пять копѣекъ. — такъ покупателю пріятнѣе: все же не полный рубль... «Война до полной побѣды, съ наименьшимъ количествомъ жертвъ», — со злобой произнесъ Федосьевъ. — Правда, хорошо? Дивное сукно и крайне дешево, девяносто пять копѣекъ аршинъ... Счетъ, — сказалъ онъ вошедшему лакею. — А все таки люди много столѣтій жили гораздо спокойнѣе, когда этотъ клапанъ былъ умной властью закрытъ наглухо... Скажу вамъ больше: современный государственный

строй во всѣхъ странахъ свѣта въ такой степени основанъ на обманѣ, угнетеніи и несправедливости, что всякая, даже самая лучшая, власть, заботящаяся о «поднятіи политической самодѣятельности и критической мысли массъ» — кажется, такъ у васъ говорятъ? — тѣмъ самымъ собственными руками готовитъ свою же гибель. Это не всегда замѣтно, но только потому, что процессъ постепеннаго самоубійства весьма длителенъ.

— Разрѣшите теперь мнѣ сказать: стилизація въ устахъ праваго человѣка неожиданная. Но мы терпимѣе васъ.

— Ахъ, ради Бога, не говорите о терпимости: для нея существуютъ особые дома, какъ сказалъ какой-то французскій дипломатъ... Такъ что же было на банкетѣ? Кто говорилъ? Горенскій? Вѣрно о томъ, что проклятое правительство вопреки волѣ арміи собирается заключить миръ?

— Кажется, говорилъ и объ этомъ.

— Дуракъ, дуракъ, — съ сокрушеніемъ сказалъ Федосьевъ. — Девять десятыхъ нашей арміи, да и всѣхъ воюющихъ армій, спитъ и во снѣ видитъ миръ — общій, сепаратный, какой угодно... Девять десятыхъ. Разумѣется, не высшее кадровое офицерство: оно и въ мирное время мечтаетъ о войнахъ, — какъ же можетъ быть иначе? Возьмите какого-нибудь Гинденбурга,—кто бы онъ былъ, не случись война? Заурядный, никому неизвѣстный генералъ въ отставкѣ. А теперь — національный кумиръ! Какъ же имъ не желать войны? Но другіе!.. Если бъ князекъ хоть лгалъ, лгалъ по демагогическимъ мотивамъ! Нѣтъ, онъ возмущается совершенно искренно. А катастрофа именно въ томъ, что правительство наше не хочетъ заключить миръ. Повѣрьте, «камарилья» думаетъ о коваанномъ германцѣ совершенно такъ же, какъ князь Горенскій.

— Да, можетъ, онъ именно васъ имѣлъ въ виду

— Полноте, я человѣкъ маленькій и вдобавокъ вполнѣ отставной.

— Ужъ будто вы не разсчитываете вернуться къ власти?

— Ко власти? — удивленно переспросилъ Федосьевъ. — Помилуйте, какое ужъ тамъ возвращенье къ власти! Революція дѣло ближайшихъ мѣсяцевъ... Ну, а ваши планы каковы, Александръ Михайловичъ? — спросилъ онъ, мѣняя сразу и разговоръ, и тонъ.

— Трудно теперь дѣлать планы. До конца войны буду заниматься тѣмъ же, что теперь.

— Противогазами?

— Да, химическимъ обслуживаньемъ фронта.

— Но развѣ вы точно для этого сюда пріѣхали?.. Только для этого? — поправился Федосьевъ.

Въ эту минуту издали донеслись рукоплесканья. Лакей вошелъ со счетомъ. Федосьевъ приподнялъ съ подноса листокъ, бѣгло взглянулъ на него и расплатился.

— Вы какъ располагаете временемъ? — обратился онъ къ Брауну, повышая голосъ (рукоплесканья все росли). — Еще посидимъ или пойдемъ?

— Я предпочелъ бы пройтись. Мнѣ трудно долго сидѣть на одномъ мѣстѣ.

— Это, не въ обиду вамъ будь сказано, считается въ медицинѣ признакомъ легкаго душевнаго разстройства, — сказалъ весело Федосьевъ. — У меня то же самое.

Семенъ Исидоровичъ подготовилъ заранѣе свое отвѣтное слово, но во время банкета, слушая рѣчи, рѣшилъ кое-что измѣнить. Онъ не хотѣлъ было касаться политическихъ темъ, чтобъ не задѣвать людей другого образа мыслей, которые, правда, въ незначительномъ меньшинствѣ, присутствовали на банкетѣ. Однако теперь Кременецкій ясно чувствовалъ, что не откликнуться вовсе на рѣчь князя Горенскаго невозможно. Въ его умѣ сложился планъ небольшой вставки. Въ ея основу онъ положилъ ту же антитезу началъ Ормузда и Аримана въ русской общественной жизни. Но, какъ на бѣду, Семенъ Исидоро-

вичъ забылъ, какое именно начало воплощаетъ Ормуздъ и какое Ариманъ. Эту трудность можно было впрочемъ обойти, строя фразы нѣсколько неопредѣленно. Несмотря на весь свой ораторскій опытъ, Семенъ Исидоровичъ волновался. Онъ и впитывалъ въ себя съ жадностью все то, что о немъ говорили, и вмѣстѣ желалъ скорѣйшаго конца чужихъ рѣчей, — такъ ему хотѣлось говорить самому. Имѣя привычку къ банкетамъ, перевидавъ на своемъ вѣку множество знаменитыхъ юбиляровъ, Кременецкій, несмотря на усталость и волненіе, велъ себя безукоризненно: застѣнчиво улыбался, ласково кивалъ головой женѣ, Мусѣ, друзьямъ, въ мѣру пилъ, въ мѣру переговаривался съ сосѣдями, а во время рѣчей слушалъ ораторовъ съ особенно застѣнчивой улыбкой, опустивъ голову: онъ твердо зналъ по книгамъ, что люди отъ смущенія всегда опускаютъ голову. Волненіе его однако росло. Въ ту минуту, когда предсѣдатель далъ слово глубокоуважаемому юбиляру, раздались «бурные аплодисменты, перешедшіе въ настоящую овацію», — такъ написалъ на полоскѣ бумаги донъ-Педро, спѣшно готовившій газетный отчетъ объ юбилеѣ. Кременецкій всталъ и, блѣдный, долго раскланивался съ гремѣвшимъ рукоплесканьями заломъ. Онъ еще волновался, но уже вполнѣ ясно и радостно чувствовалъ, что скажетъ вдохновенную рѣчь.

Браунъ долго ждалъ въ корридорѣ лакея, посланнаго за шубой. Федосьевъ, выйдя изъ кабинета, исчезъ. Дверь жарко натопленнаго зала теперь была раскрыта настежь. Передъ ней на цѣпочкахъ тѣснилось нѣсколько постороннихъ посѣтителей побойчѣе. Браунъ подошелъ къ двери.

— ...О, я не заблуждаюсь, господа, — говорилъ Семенъ Исидоровичъ. — Я прекрасно понимаю, что въ моемъ лицѣ чествуютъ не меня или, разрѣшите сказать, не только меня, а тѣ идеи, которымъ...

Лакей подошелъ къ Брауну съ шубой.

— Ихъ Превосходительство велѣли сказать, что ждутъ на улицѣ, — прошепталъ онъ. Браунъ кивнулъ головою.

— ...И буду, какъ каждый рядовой, въ мѣру скромныхъ силъ, служить своему знамени до послѣдняго издыханія! До «нынѣ отпущаеши», господа!

Залъ снова задрожалъ отъ рукоплесканій.

XVI.

Снѣгъ свѣтился на мостовой, на крышахъ домовъ, на оградѣ набережной, на выступахъ оконъ. Розоватымъ огнемъ горѣли фонари. Облака, шевеля щупальцами, ползли по тяжелому, безцвѣтному, горестному небу. На страшной высотѣ, неизмѣримо далеко надъ луною, дрожала одинокая звѣзда. Ночь была холодна и безвѣтренна.

Въ вереницѣ экипажей, выстроившихся у подъѣзда ресторана, маскарднымъ пятномъ выдѣлялись двѣ тройки. Рѣдко, нерѣшительно и неестественно звенѣлъ колокольчикъ. Слышался невеселый, злобный смѣхъ. Извозчики разочарованно-презрительно смотрѣли на вышедшихъ господъ. Браунъ и Федосьевъ шли нѣкоторое время молча. «Теперь, или ужъ не будетъ другого случая», — подумалъ Федосьевъ. «Грубо и фальшиво, но надо идти напроломъ»...

— Хорошая ночь, — сказалъ Браунъ, когда они перешли улицу.

— И не очень холодно.

— Ну, и не тепло...

— Такъ какъ же, Александръ Михайловичъ, вы все не имѣете извѣстій отъ вашей ученицы, Ксеніи Карловны Фишеръ? — спросилъ Федосьевъ, подчеркивая слова «такъ какъ же», явно не вязавшіяся съ содержаніемъ всего ихъ разговора.

— Нѣтъ, не имѣю никакихъ, — отвѣтилъ не сразу Браунъ. — Вы второй разъ меня о ней спрашиваете? —

добавилъ онъ, помолчавъ. — Почему она собственно васъ интересуетъ?

— Да такъ... Не столько интересуетъ, сколько интересовала... Меня очень занимаетъ дѣло объ убійствѣ ея отца... Вѣдь вы не думаете, что его убилъ Загряцкій? — спросилъ Федосьевъ.

— Мнѣ-то почемъ знать?

Федосьевъ помолчалъ.

— По моему, не Загряцкій убилъ, — сказалъ онъ.

— Почему вы думаете? Кто же?

— Вотъ то-то и есть — кто же?

Голосъ его звучалъ намѣренно-странно.

— Я слышалъ, что противъ Загряцкаго серьезныхъ уликъ не оказалось, — сказалъ, опять не сразу, Браунъ. — Вѣдь дѣло направлено къ дослѣдованію.

— Да... Кажется, теперь слѣдствіе предполагаетъ, что убійство имѣетъ характеръ политическій.

— Неужели?.. Значитъ, это по вашей части?

— Прежде дѣйствительно было по моей части, но тогда слѣдствіе еще думало иначе... Символическое дѣло, правда?

— Отчего символическое?

— Развѣ вы не чувствуете? Объяснить трудно.

— Не чувствую... Вамъ бы однако слѣдовало найти и схватить преступника.

— Да вы все забываете, Александръ Михайловичъ, что я въ отставкѣ. Притомъ, скажу правду, это меня теперь меньше всего интересуетъ.

— Почему?

— Почему? Потому что въ ближайшее время въ Россіи хлынетъ настоящее море самыхъ ужасныхъ преступленій, изъ которыхъ громадное большинство, конечно, останутся совершенно безнаказанными. Странное было бы у меня чувство справедливости, если бъ я ужъ такъ, такъ горячо стремился схватить и покарать одного преступника изъ милліона. Нѣтъ, у меня теперь къ этому дѣлу чисто

теоретическій интересъ. Вѣрнѣе даже не теоретическій, а — какъ бы сказать?.. Да вотъ, бываетъ, прочтешь какую-нибудь шараду. Вамъ по существу глубоко безразличны и первый слогъ, и второй слогъ, и цѣлое, — а попадется вамъ такая шарада, можно сна лишиться. Эта же шарада, вдобавокъ, повторяю, символическая.

— Какъ вы сегодня иносказательно выражаетесь!

— Наша профессіональная черта, — пояснилъ, улыбаясь, Федосьевъ. — Вѣдь въ каждомъ изъ насъ сидятъ Шерлокъ Хольмсъ и Порфирій Петровичъ... Кстати, по поводу Порфирія Петровича, не думаете ли вы, что Достоевскій очень упростилъ задачу своего слѣдователя? Онъ взвалилъ убійство, вмѣстѣ съ большой философской проблемой, на плечи мальчишки-неврастеника. Не мудрено, что преступленіе очень быстро кончилось наказаніемъ. Да и свою собственную задачу Достоевскій тоже немного упростилъ: мальчишка убилъ ради денегъ. Интереснѣе было бы взять богатаго Раскольникова.

«Хорошо напроломъ!.. О Достоевскомъ заговорилъ», — подумалъ онъ, съ досадой ощущая непривычную ему неловкость.

— Можетъ быть, было бы интереснѣе, но отъ житейской правды было бы дальше, — отвѣтилъ Браунъ. — Скажу по собственному опыту: изъ всего того зла, горя, несчастій, которыя я видѣлъ вокругъ себя въ жизни, навѣрное три четверти, такъ или иначе, имѣли первопричиной деньги.

— Какая тутъ статистика! Во всякомъ случаѣ въ моей бывшей профессіи я этого не наблюдалъ... Мнѣ обо всемъ этомъ поневолѣ приходилось думать довольно много. Вѣдь одна изъ моихъ задачъ собственно заключалась въ томъ, чтобы перевоплощаться въ нихъ, революціонеровъ. Разновидность этой задачи, частная и личная, но не лишенная интереса, сводилась къ слѣдующему вопросу: какъ бы я поступалъ, если бъ главная цѣль моей жизни заключа-

лась въ томъ, чтобы убить Сергѣя Васильевича Федосьева?

Правда? Это, должно быть, хорошая школа.

— О, да, прекрасная: жить изо дня въ день, вѣчно имѣя передъ собой этотъ вопросъ, зная, что отъ вѣрнаго его разрѣшенія зависитъ то, разорвутъ ли тебя бомбой на части или не разорвутъ... Этотъ вопросъ предполагалъ и многое другое. Въ самомъ дѣлѣ, перевоплощаясь въ революціонера технически, я не могъ отказаться отъ соблазна нѣкотораго психологическаго перевоплощенія. Тогда вопросъ ставился такъ: почему мнѣ, революціонеру Иксъ, страстно хочется убить Сергѣя Федосьева?..

— Я думаю, этотъ вопросъ могъ повлечь за собой интереснѣйшія заключенія, — вставилъ Браунъ. — Федосьевъ, разоблаченный Федосьевымъ...

— Такъ вотъ, видите ли, денежныя побужденія не могли играть особой роли въ дѣйствіяхъ революціонера Иксъ. Трудно мнѣ было объяснить его дѣйствія и побужденьями карьеры: рискована карьера террориста, многіе обожглись... Само собой, иксы бывали разные. Для иныхъ несмышленышей вопросъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ставился очень просто: Сергѣя Федосьева надо убить, потому что онъ извергъ и палачъ народа. Или: Сергѣя Федосьева надо убить, потому что такъ приказали мудрые члены Центральнаго Комитета. Мы-то съ вами, слава Богу, знаемъ, что эти святые и геніальные люди за столиками въ Парижскихъ и Женевскихъ кофейняхъ почти одинаково озабочены тѣмъ, какого бы къ кому еще подослать убійцу, и тѣмъ, гдѣ бы перехватить у буржуя на кабачекъ сто франковъ, сверхъ полагающагося оберъ-убійцамъ партійнаго оклада. Но несмышленыши этого не знаютъ. Центральный Комитетъ вынесъ боевой приказъ, чего жъ еще! — Онъ весело засмѣялся. — Удивительно, какъ засѣла въ душѣ у этихъ «свободныхъ людей», «антимилитаристовъ», обличителей «грубой солдатчины», самая пышная военная терминологія. У нихъ вѣдь все: бой, зна-

мя, побѣда, дисциплина, тактика. Прямо юнкера какіе-то!.. Они и партію себѣ выбираютъ, какъ другіе юноши полкъ, — по звучности названія, по красотѣ идейнаго мундира... Но это случай менѣе интересный.

— А болѣе интересный какой?

— Болѣе интересный вотъ какой, — сказалъ медленно Федосьевъ. — Я представляю себѣ революціонера, не мальчика-несмышленыша, а пожившаго, умнаго, очень умнаго человѣка, съ душой, скажемъ поэтически, нѣсколько опустошенной. Такіе революціонеры въ исторіи бывали, хоть и не часто. Я бы сказалъ даже, что это не профессіоналъ революціи, а человѣкъ, извѣдавшій другое, очень многое взявшій отъ жизни, хорошо ее знающій, хорошо знакомый и съ такъ называемыми правящими классами... Мнѣ, вѣдь, о красотѣ правящихъ классовъ говорить не надо: я тоже ихъ немного знаю... Жизнь этому человѣку очень надоѣла, — его кривая начинаетъ опускаться... Извѣдано, испробовано почти все. Что дѣлать? Гдѣ взять силу и терпѣніе, чтобы жить? Въ былыя времена такіе люди отправлялись въ Новыя Земли съ разными Кортесами и Пизарро; у насъ позднѣе шли воевать на Кавказъ. Теперь новыхъ земель больше нѣтъ, Кавказъ завоеванъ, а окопная война скучнѣе скучнаго. Въ Америкѣ, напримѣръ, такимъ людямъ совершенно нечего дѣлать, — прямо хоть въ Ніагару бросайся. Но въ Европѣ, — у насъ въ особенности, — судьба послала имъ въ послѣдній подарокъ революцію. Вѣдь романтика конспираціи, возстаній, террора пьянитъ — увы! — не только мальчишекъ. Для современнаго Пизарро, прямо скажу, нѣтъ лучше способа «возродить себя къ новой жизни». А если для этого, напримѣръ, нужно отправить къ праотцамъ такого злодѣя, какъ Сергѣй Федосьевъ, то ужъ, конечно, грѣхъ былъ бы стѣсняться. Этотъ спортъ очень захватываетъ, Александръ Михайловичъ. Вѣдь революціонный Пизарро, должно быть, такъ же перевоплощается въ меня, какъ я перевоплощаюсь въ него. Выслѣживаетъ онъ меня — ощущеніе,

изъ подворотни прокрадывается къ моему автомобилю — жгучее ощущеніе, наконецъ выстрѣлъ, грохотъ снаряда — сильнѣйшее ощущеніе... Вообще для современнаго человѣка съ душою Пизарро только двѣ въ сущности и остались карьеры: революціонная — и моя.

Онъ остановился и поднялъ бобровый воротникъ шубы, глядя съ усмѣшкой на Брауна, который внимательно его слушалъ. Они стояли у моста надъ Зимней Канавкой. По Милліонной длиннымъ ровнымъ рядомъ мерцали желтые огни. Два высокихъ фонаря по сторонамъ отъ Эрмитажнаго подъема заливали дрожащимъ свѣтомъ фигуры каменныхъ гигантовъ съ заломленными за голову руками. Впереди на бѣломъ полѣ темнѣла тѣнь колоссальнаго дворца. Свѣтъ луны игралъ на снѣжной пеленѣ Зимней Канавки. За нею, справа, перемежался матовыми пятнами безконечный синеватый просторъ, гдѣ-то далеко мигавшій разбросанными огоньками.

— А если Пизарро гурманъ, — сказалъ Федосьевъ тономъ вмѣстѣ и вкрадчивымъ, и грубымъ, — то онъ бомбы и браунинги предоставитъ свѣтлой молодежи. Самъ Пизарро сумѣетъ сблизиться съ тѣмъ человѣкомъ, жизнь котораго мѣшаетъ народному счастью, будетъ дружелюбно съ нимъ бесѣдовать, и въ нужный моментъ «за чарой вина» возьметъ и подольетъ ему белладонны...

— Да, можетъ быть, — сказалъ Браунъ, глядя внизъ черезъ перила моста. — Мы какъ пойдемъ, по Мойкѣ или по Морской? Въ «Паласъ» Мойкой, пожалуй, ближе.

— Какъ хотите, — отвѣтилъ Федосьевъ, скрывая разочарованіе. — По моему, всего пріятнѣе прямо, къ Александровскому саду.

Они пошли цѣпью прекраснѣйшихъ въ мірѣ площадей. Облака разсѣялись, въ небѣ появились блѣдныя звѣзды. Верхъ колонны печально поблескивалъ голубоватымъ свѣтомъ. Въ строгомъ полукругѣ штаба кое-гдѣ свѣтились окна. Посрединѣ гигантскаго полукруга таинственно чер-

нѣлъ проходъ. У горѣвшаго багровымъ пламенемъ костра городовой подозрительно оглядѣлъ прохожихъ. Мимо нихъ пронеслась длинная тѣнь, низкія сани быстро проскрипѣли полозьями по твердому снѣгу. Лихачъ придержалъ рысака, вопросительно оглянулся на господъ и понесся дальше.

— Такъ вы думаете, что Фишера отравилъ какой-либо революціонный Пизарро? — спросилъ послѣ долгаго молчанія Браунъ.

— Это допустимая рабочая гипотеза. Дочь Фишера участвуетъ въ революціонномъ движеніи, всей душой ему предана. Она наслѣдница богатства отца... У ея друзей возникаетъ мысль: хорошо было бы помочь умереть Фишеру. Мысль на первый взглядъ злодѣйская, но вѣдь какъ разсудить? Фишеръ былъ, вѣроятно, человѣкъ скверный... Деньги же пойдутъ на цѣли самыя возвышенныя, на низверженіе тираніи, на освобожденіе человѣчества Какъ смотрѣть? Нѣтъ такой злодѣйской мысли, которую, при нѣкоторомъ логическомъ навыкѣ, нельзя было бы облагородить... А на извѣстномъ — очень высокомъ — умственномъ уровнѣ, вѣроятно все вообще довольно безразлично... Вы какъ думаете?

Браунъ молча на него смотрѣлъ.

— Вотъ оно что! — наконецъ сказалъ онъ точно про себя.

Онъ снова замолчалъ.

Слѣва безконечной огненной стрѣлою сверкнулъ Невскій Проспектъ.

— И давно у васъ эта рабочая гипотеза?

— Давно, — отвѣтилъ Федосьевъ. — По вашему, она не годится?

— По моему, не годится, — сказалъ Браунъ. — Нельзя, конечно, отрицать a priori, что возможенъ и такой Пизарро, который для сильныхъ ощущеній готовъ отравить знакомаго банкира. Но это былъ бы весьма исключительный случай. Людей со столь рѣдкостными ощущеньями мож-

но не принимать въ разсчетъ при составленіи рабочей гипотезы.

— Вы забываете главное: есть вѣдь и идейная сторона.. Притомъ... Вы помните, Діогенъ Лаэртскій говорилъ: всѣ ощущенья равноцѣнны по качеству, дѣло лишь въ ихъ остротѣ... Вѣдь это, кажется, вашъ любимый философъ? Его книга и т о г д а у васъ лежала на столѣ.

— И тогда? — переспросилъ Браунъ. — Когда? Да, лежала...

Онъ нахмурился.

— А вамъ откуда это извѣстно?

— Помнится, вы мнѣ сказали.

— Нѣтъ, помнится, я вамъ не говорилъ.

— Значитъ, я слышалъ отъ кого-либо изъ общихъ знакомыхъ.

— Вотъ какъ, — хмурясь все больше, сказалъ Браунъ. — Вотъ какъ!..

— Вѣдь вы были хорошо знакомы съ Фишеромъ? — спросилъ Федосьевъ.

— Да, я его зналъ... — Онъ недолго помолчалъ, затѣмъ продолжалъ равнодушно. — Мало замѣчательный былъ человѣкъ. Не безъ поэзіи, конечно, какъ большинство изъ нихъ, дѣльцовъ, вышедшихъ въ большіе люди. Они вѣдь всѣ считаютъ себя геніями. Вы читали книги, которыя пишутъ въ назиданіе человѣчеству разные милліардеры? Совершенно одинаковыя и необыкновенно плоскія книги. Всѣ они нажили милліарды главнымъ образомъ потому, что вставали въ шесть часовъ утра и отличались крайней честностью. Какіе энтузіасты честности! Я понимаю впрочемъ, что дѣловая стихія захватываетъ не меньше, чѣмъ политика или война. Но, по моимъ наблюденіямъ, эти Наполеоны изъ аферистовъ не слишкомъ интересны...

— Да, да... Я слышалъ, вы бывали у него на той квартирѣ? — спросилъ Федосьевъ съ особой настойчивостью

въ тонѣ, какъ бы показывая, что онъ все-таки вернет разговоръ къ своей темѣ.

— Отъ общихъ знакомыхъ слышали?

Федосьевъ не отвѣтилъ. Они подходили къ освѣщенному подъѣзду «Паласа».

— Можетъ, зайдете?.. Давайте, тогда еще поговоримъ, — предложилъ Браунъ.

— Давайте, правда, закончимъ этотъ разговоръ... Если вы не очень утомлены?

— Весь къ вашимъ услугамъ.

XVII.

Въ hall'ѣ гостиницы почти всѣ огни были погашены. За столиками никого не было. Ночной швейцаръ окинулъ взглядомъ вошедшихъ, снялъ съ доски ключъ и подалъ его Брауну. Мальчикъ дремалъ на скамейкѣ подъемной машины. Онъ испуганно вскочилъ, сорвалъ съ себя картузъ и поднялъ гостей на третій этажъ, со слабымъ четкимъ стукомъ закрывъ за ними дверь клѣтки. Въ длинномъ узкомъ, слабо освѣщенномъ корридорѣ, у низкихъ дверей, непріятно выдѣлялись выставленные сапоги и туфли.

— Простите, я войду первый, — сказалъ Браунъ, открывая дверь въ концѣ корридора. Онъ зажегъ лампу на потолкѣ, освѣтилъ небольшую, неуютную комнату, и пододвинулъ Федосьеву кресло.

— Хотите коньяку? — спросилъ онъ. — У меня французскій, старый...

— Спасибо, не откажусь, — отвѣтилъ Федосьевъ, садясь и закуривая папиросу.

Браунъ взялъ съ окна бутылку, рюмки, тарелку съ сухимъ печеньемъ, затѣмъ зажегъ лампу на столѣ.

— Вы чего ищете? Пепельницу?

— Да, если есть... Благодарю... У васъ можно разговаривать? — спросилъ Федосьевъ. — Не обезпокоимъ ли

сосѣдей такъ поздно? Впрочемъ, вашъ номеръ вѣдь угловой.

— Да, угловой, — сказалъ Браунъ, садясь на диванъ. Онъ взялъ бисквитъ и выпилъ свою рюмку залпомъ. «Такъ, такъ», — подумалъ Федосьевъ, — «на банкетѣ водки и шампанскаго было навѣрное выпито немало. Да кофе, да еще коньякъ»...

— Вотъ вѣдь какая у васъ была рабочая гипотеза, — сказалъ Браунъ. — Что жъ, я долженъ признать, она не такъ дика... На первый взглядъ она, правда, можетъ показаться признакомъ какой-то профессіональной маніи. Какіе тамъ Пизарро! Ужъ очень вы демоничны — и порою, извините меня, по дешевому. Въ васъ въ самомъ дѣлѣ есть, есть Порфирій Петровичъ. И разговоры у васъ, оказывается, не совсѣмъ безкорыстные, — добавилъ онъ, засмѣявшись. — Вы какъ та дѣвица изъ газетныхъ объявленій, которая дала обѣтъ посылать всѣмъ желающимъ замѣчательное средство для рощенія волосъ... А я думалъ, благодарный спортъ разговора. Но если вдуматься, ваша рабочая гипотеза допустима. Книжна, натянута, но допустима.

— Неправда ли?

— Правда. Однако почти всегда можно придумать нѣсколько рабочихъ гипотезъ. Иначе еще, пожалуй, арестовали бы какого-либо человѣка, въ которомъ слѣдствіе заподозрило бы Пизарро?

— Можетъ случиться... Каюсь, я другой гипотезы такъ и не придумалъ.

— У меня нѣкоторыя соображенія есть. Если хотите, я съ вами подѣлюсь?

— Сдѣлайте милость.

— Вы совершенно увѣрены въ томъ, что Фишеръ былъ отравленъ?

— Ахъ, вы хотите отстаивать версію самоубійства? Я долго ее взвѣшивалъ и долженъ былъ рѣшительно ее отвергнуть. Въ этомъ слѣдствіе не ошиблось. У Фишера не

было никакихъ причинъ для самоубійства. Кромѣ того — и главное — онъ никакъ не поѣхалъ бы кончать съ собой въ ту квартиру, это полная нелѣпость.

— Нѣтъ, я версію самоубійства не отстаиваю. Я вообще ничего здѣсь не отстаиваю и отстаивать не могу. У Фишера въ самомъ дѣлѣ *какъ будто* не было причинъ кончать съ собою. Я говорю: какъ будто, — съ увѣренностью ничего сказать нельзя. Но, можетъ быть, не было ни убійства, ни самоубійства? Могло быть случайное самоотравленіе.

— Очень трудно случайно принять порцію белладонны. Экспертиза ясно констатировала отравленіе ядомъ типа белладонны.

— Да, мнѣ это говорилъ Яценко. Именно эти слова мнѣ и показали сразу, что экспертизѣ грошъ цѣна. Белладонна есть понятіе ботаническое, а не химическое Это растеніе изъ семейства пасленовыхъ. Въ его листьяхъ и ягодахъ содержится не менѣе шести алкалоидовъ. Изъ нихъ хорошо изученъ атропинъ, на него есть чувствительныя реакціи. Атропинъ однако дѣйствуетъ не слишкомъ быстро. Смерть обычно наступаетъ далеко не сразу, лишь черезъ нѣсколько часовъ... Другіе же алкалоиды белладонны... Темная это матерія, — сказалъ Браунъ, махнувъ рукой. — А что такое ядъ *типа белладонны*, это остается секретомъ эксперта.

— Я все-таки не совсѣмъ васъ понимаю. Вы, значитъ, предполагаете, что Фишеръ умеръ естественной смертью? —спросилъ Федосьевъ. Онъ пересталъ играть рюмкой, положилъ докуренную папиросу въ пепельницу и откинулся на спинку кресла.

— Нѣтъ, не совсѣмъ естественною. Но я думаю, что смерть послѣдовала не отъ «белладонны».

— Отъ чего же?

— Цѣлый рядъ ядовъ могли дать при вскрытіи приблизительно ту же картину: нѣкоторую воспаленность почекъ, расширеніе зрачковъ, венозную гиперемію мозга и

т. д. А химическій анализъ желудка, повидимому, производился весьма грубо. Эти господа за все берутся, — вотъ какъ теперь на войнѣ врачи ускореннаго выпуска дѣлаютъ сложнѣйшія операціи, передъ которыми прежде останавливались знаменитые хирурги.

— Однако какой-то ядъ былъ все же при анализѣ обнаруженъ.

— Да, но какой?

— Въ концѣ концовъ это не такъ важно. Вѣдь ядъ не могъ самъ-собой оказаться въ желудкѣ Фишера.

— Есть рядъ ядовитыхъ алкалоидовъ, которые употребляются въ качествѣ лекарствъ. Предположите, что Фишеръ ошибся дозой. При слабомъ сердцѣ, его могло убить сравнительно небольшое увеличеніе дозы. А сердце у него было слабое, это я отъ него слышалъ.

— Лекарства принимаютъ больные, — отвѣтилъ, подумавъ, Федосьевъ. — Если бъ Фишеръ чувствовалъ себя плохо, онъ не поѣхалъ бы, вѣроятно, на ту квартиру. Къ тому же людямъ съ сердечной болѣзнью даются врачами безобидныя вещества и въ очень ничтожныхъ дозахъ. Чтобы умереть отъ такого лекарства, Фишеръ долженъ былъ бы, вѣроятно, проглотить добрый десятокъ пилюль или цѣлую склянку жидкости. Такая ошибка съ его стороны мало вѣроятна.

— Мало вѣроятна, пусть, но все же возможна, — сказалъ Браунъ. Онъ еще помолчалъ, всматриваясь въ Федосьева тяжелымъ внимательнымъ взглядомъ. — Возможно, наконецъ, еще и другое, — сказалъ онъ. — Есть яды, которые веселящимися людьми употребляются съ особой цѣлью. Тогда ваше возраженіе падаетъ. Вполнѣ возможно и правдоподобно, что, отправляясь на ту квартиру, Фишеръ принялъ одно изъ такихъ средствъ. Да, вотъ, кантаридинъ. Есть такой ядъ особаго назначенія, ангидридъ кантаридиновой кислоты... Онъ вообще мало изученъ и немногочисленные изслѣдователи чрезвычайно расходятся насчетъ того, какова смертельная доза этого вещества.

Ядъ этотъ долженъ былъ бы дать при вскрытіи приблизительно тѣ же симптомы, что и «белладонна».

Федосьевъ передвинулся въ креслѣ, отпилъ глотокъ коньяку и раскурилъ новую папиросу.

- - Но какъ же?.. — началъ было онъ и замолчалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. — Это, конечно, неожиданное предположеніе. Но отчего же вы?.. Отчего слѣдствіе не направилось по этому пути?

Браунъ саркастически засмѣялся.

-— Вашъ вопросъ не по адресу, — сказалъ онъ. — По моему, здѣсь та же стадность, о которой мы съ вами говорили. Полиція первая рѣшила, что произошло убійство. Для полиціи преступленіе — естественная гипотеза. Эта ея увѣренность немедленно повліяла на слѣдствіе. Слѣдователь однако допускаетъ возможность самоубійства... Замѣтьте, здѣсь тоже нѣкоторая косность мысли: либо убійство, либо самоубійство. Никому не приходитъ въ голову, что возможно и случайное самоотравленіе. Далѣе вступаетъ въ свои права экспертиза... По моему, это основная язва современнаго правосудія. Проблемы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ жизнь человѣка, слѣдовало бы поручать свѣточамъ науки. Но свѣточи науки ими заниматься не могутъ или не желаютъ, и онѣ обычно достаются ремесленникамъ второго, если не третьяго, сорта, которые вдобавокъ, какъ всѣ полуученые люди, слѣпо вѣрятъ въ безошибочность своихъ заключеній и въ послѣднее слово науки...

— Слѣдователь однако имѣетъ право привлечь къ экспертизѣ самыхъ выдающихся спеціалистовъ.

— Имѣетъ право, но не всегда имѣетъ возможность: вѣроятно, и денегъ для этого у него недостаточно, да и трудно ему безпокоить людей, занятыхъ другимъ дѣломъ. Слѣдователь къ тому же вѣрно думаетъ, что у всякой экспертизы есть простые безошибочные методы на любой случай. Фактически экспертиза въ первой стадіи слѣдствія всегда въ рукахъ ремесленниковъ. Позднѣе, особенно ко-

гда дѣло сенсаціонное и когда на этомъ настаиваютъ адвокаты, которые у насъ вдобавокъ не допускаются къ предварительному слѣдствію, позднѣе привлекаются и выдающіеся спеціалисты. Но тогда въ большинствѣ случаевъ уже почти невозможно произвести надлежащую экспертизу.

— Однако, и рядовые эксперты, занимаясь всю жизнь однимъ и тѣмъ же дѣломъ, въ концѣ концовъ не очень сложнымъ, должны же ему научиться?

— Вы напрасно думаете, что это не сложное дѣло. Чрезвычайно сложное и трудное, Сергѣй Васильевичъ. Оно часто требуетъ самостоятельнаго научнаго творчества. А у этихъ людей ничего нѣтъ, кромѣ вѣры въ учебникъ анализа, да еще въ послѣднее слово... Замѣтьте, въ наукѣ большіе люди чуть ли не каждый годъ бросаютъ новыя послѣднія слова, и по каждому изъ этихъ послѣднихъ словъ маленькіе люди, ремесленники, производятъ десятки и сотни изслѣдованій, — подтверждаютъ гипотезу, укрѣпляютъ теорію, berechnet, beobachtet... Затѣмъ гипотеза неизбѣжно умираетъ естественной смертью, а десятки работъ, которыя ее подтверждали, пропадаютъ совершенно безслѣдно. О нихъ просто забываютъ, потому что незачѣмъ и неловко вспоминать. И вѣдь все-таки то ученые... А въ уголовномъ судѣ на основаніи работы ремесленниковъ отправляютъ человѣка на смерть или въ каторжныя работы!

— Какъ вы однако все это хорошо изучили и обдумали, — сказалъ Федосьевъ.

— У меня не каждый день отравляются знакомые. И не каждый день другіе знакомые арестовываются по подозрѣнію въ убійствѣ.

— Да, правда, вѣдь вы знали и Загряцкаго... Вы однако знали все общество Фишера?

— Нѣтъ, только самого Фишера и Загряцкаго.

— Такъ, такъ, такъ...

Федосьевъ помолчалъ. Мысль его работала усиленно.

«Если онъ говоритъ правду, то, быть можетъ, все объясняется. Но возможно и то, что онъ тутъ же сочинилъ или заранѣе подготовилъ эту версію и заметаетъ слѣды. Это актеръ первоклассный...»

— Если бъ я былъ на мѣстѣ Фишера, — сказалъ онъ снова, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, — я бы обратился за нужными разъясненіями о разныхъ химическихъ средствахъ къ какому-нибудь спеціалисту, ну, изъ хорошихъ знакомыхъ, что ли?... Но вѣдь этотъ спеціалистъ, узнавъ о смерти Фишера и объ арестѣ Загряка го, вѣроятно, счелъ бы своимъ долгомъ сообщить слѣдователю о данной имъ консультаціи.

— Можетъ быть, — равнодушно отвѣтилъ Браунъ.

Федосьевъ опять замолчалъ.

— Если же онъ этого не сдѣлалъ, то у него вѣрно были какія-нибудь причины. Можно предположить, напримѣръ, что онъ самъ вмѣстѣ съ Фишеромъ развлекался на той квартирѣ.

— Да, можно предположить и это, — сказалъ Браунъ.

— Тогда въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ-бы онъ сталъ откровенничать со слѣдователемъ? Огласка такихъ дѣлъ всегда чрезвычайно непріятна. А тутъ еще разные медикаменты, да откуда они взялись, да кто далъ рецептъ? Печать непремѣнно подхватила бы, какъ всегда у насъ, — лѣвая, если этотъ спеціалистъ правый, правая, если онъ лѣвый. Ученый человѣкъ, быть можетъ, съ большимъ имѣніемъ, ну, общественная репутація, ну, борода до колѣнъ, — и вдругъ такія похожденія! Скандалъ!.. Самые свободные духомъ люди чрезвычайно боятся подобныхъ исторій. Въ Англіи видный государственный дѣятель покончилъ съ собой, чтобы избѣжать огласки одного дѣла. А на легкій компромиссъ съ совѣстью не бѣда пойти. Очень можетъ быть, что дѣло было именно такъ.

Очень можетъ быть.

— Но съ другой стороны, — продолжалъ съ досадой Федосьевъ, — все это вѣдь только предположенія и притомъ ни на чемъ не основанныя. Слѣдствіе, пожалуй, поступило бы правильно, если бъ не дало сбить себя съ пути. Можетъ быть, все таки передъ нами убійство, и Фишера убилъ Пизарро.

— Конечно... А можетъ быть и то, что правъ слѣдователь: не Загряцкій ли въ самомъ дѣлѣ убилъ Фишера? Вотъ ужъ стало быть, есть цѣлыхъ четыре гипотезы: слѣдователя, ваша и двѣ мои. И всѣ онѣ болѣе или менѣе правдоподобны. Если вдуматься, ваша самая интересная... Очень можетъ быть, что вы ближе всего къ истинѣ.

Лицо Брауна было холодно и спокойно. Только въ глазахъ его, какъ показалось Федосьеву, мелькала злоба.

— Что жъ, — продолжалъ Браунъ, — вамъ вѣрно приходилось читать сборники извѣстныхъ уголовныхъ процессовъ? Почти во всѣхъ, отъ госпожи Лафаргъ до Роникера, правда такъ и осталась до конца невыясненной. Во Франціи за десять лѣтъ было двѣсти отравленій, въ которыхъ до разгадки доискаться не удалось.

— А вдругъ здѣсь какъ-нибудь узнаемъ всю правду до конца?

— Вдругъ здѣсь и узнаете, — повторилъ Браунъ. — Вѣдь и разгадки шарады иногда приходится ждать довольно долго.

— Что жъ, подождемъ.

— Подождемъ... Куда-жъ торопиться?..

Онъ вдругъ насторожился, повернувъ ухо къ окну. Федосьевъ тоже прислушался.

— Мнѣ показалось, выстрѣлы, — сказалъ Браунъ.

— И мнѣ показалось. Вдругъ это и есть революція, — усмѣхнувшись, отвѣтилъ Федосьевъ. — Ну, что жъ, пора.. То-есть, это мнѣ пора, а не революціи, — пошутилъ онъ. — Вамъ вѣрно давно хочется отдохнуть.

— Нѣтъ, я не усталъ.

— И разговоръ былъ такой интересный... Я прямо заслушался, бесѣдуя съ вами.

— Все удовольствіе, какъ говорятъ французы, было на моей сторонѣ, — отвѣтилъ Браунъ.

XVIII.

На острова долженъ былъ ѣхать почти весь кружокъ, кромѣ Фомина, который никакъ не могъ оставить банкетъ. Ему предстояла еще вся довольно сложная заключительная часть праздника: провѣрка счетовъ, начаи и т. д. Въ послѣднюю минуту, къ всеобщему сожалѣнію, отказался и Горенскій. Ему и ѣхать съ молодежью очень хотѣлось, и оставаться въ тѣсномъ кругу друзей было пріятно: онъ былъ теперь вторымъ героемъ дня. Кромѣ того донъ-Педро хотѣлъ предварительно прочесть князю свою запись его рѣчи.

— Вините себя, князь, что вамъ докучаю, — шутливо пояснилъ онъ. — Ваша рѣчь — событіе... Завтра будетъ въ нашей газетѣ только первый краткій отчетъ, а подробный, разумѣется, послѣзавтра...

Семенъ Исидоровичъ, услышавшій эти слова, поспѣшно поднялся съ мѣста и, крѣпко пожимая руку донъ-Педро, увлекъ его немного въ сторону.

— Я хотѣлъ бы вамъ дать точный текстъ своего отвѣтнаго слова, — озабоченно сказалъ онъ. — Зайдите, милый, ко мнѣ завтра часовъ въ одиннадцать, я утречкомъ набросаю по памяти... Будьте благодѣтелемъ... И, пожалуйста, захватите весь вашъ отчетъ, я хотѣлъ бы, если можно, взглянуть, — прибавилъ онъ вполголоса.

Альфредъ Исаевичъ встревожился: въ черновикѣ его отчета отвѣтная рѣчь Кременецкаго была названа «яркой». Теперь, при предварительномъ просмотрѣ, о такомъ слабомъ эпитетѣ не могло быть рѣчи. Альфредъ Исаевичъ тотчасъ рѣшилъ написать «б л е с т я щ а я рѣчь юбиляра»; но онъ почувствовалъ, что Семенъ Исидоро-

вичъ этимъ не удовлетворится. «Какъ же ему надо? «Ослѣпительно блестящая»? «Вдохновенная»? — спросилъ себя съ досадой донъ-Педро. — «Пожалуй, можно бы, чортъ съ нимъ! Но все равно Федя никакого «ослѣпительно» не пропуститъ, еще будетъ полчаса лаять... Дай Богъ, чтобъ «блестящую» пропустилъ. Онъ Сему отнюдь не обожаетъ»... Альфредъ Исаевичъ рѣшилъ не идти дальше «блестящей». — «Ну, въ крайнемъ случаѣ, добавлю: «сказанная съ большимъ подъемомъ»...

— Съ удовольствіемъ зайду, милый Семенъ Исидоровичъ, — сказалъ онъ. Въ обычное время донъ-Педро не рѣшился бы назвать Кременецкаго милымъ. Но теперь, какъ авторъ отчета объ юбилеѣ, онъ чувствовалъ за собой силу и намѣренно подчеркнулъ, если не равенство въ ихъ общественномъ положеніи, то по крайней мѣрѣ отсутствіе пропасти. Семенъ Исидоровичъ еще разъ крѣпко пожалъ ему руку и вернулся на свое мѣсто.

— Конечно, поѣзжай, Мусинька, — нѣжно сказалъ онъ дочери, цѣлуя ее въ голову. — Вамъ, молодежи, съ нами скучно, ну, а мы, старики, еще посидимъ, побалакаемъ за стаканомъ вина... «Бойцы поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они»... — съ легкимъ смѣхомъ добавилъ онъ, обращаясь преимущественно къ предсѣдателю. — Пожалуйста, не стѣсняйтесь, господа. Спасибо, Григорій Ивановичъ... Дорогой Сергѣй Сергѣевичъ, благодарствуйте... Майоръ, отъ всей души васъ благодарю, я очень тронутъ и горжусь вашимъ вниманіемъ, майоръ... Вы знаете къ намъ дорогу...

— Ради Бога, застегнись какъ слѣдуетъ, — говорила дочери Тамара Матвѣевна. — Григорій Ивановичъ, я вамъ поручаю за ней смотрѣть... Не забывайте насъ, мосье Клервилль...

— До свиданья, мама. Я раньше васъ буду дома, увидите...

Клервилль, Никоновъ, Березинъ поочередно пожали руку юбиляру, по возможности варіируя комплименты,

поцѣловали руку Тамарѣ Матвѣевнѣ и спустились съ Мусей внизъ. Глафира Генриховна, Сонечка Михальская, Беневоленскій и Витя уже находились тамъ въ шубахъ: они, съ благословенія Муси, сочли возможнымъ уйти, не простившись съ ея родителями. Муся рылась въ шелковой сумкѣ. Витя выхватилъ у нея номерокъ, сунулъ лакею рубль, наступилъ кому-то на ногу и принесъ ея вещи. Онъ помогъ Мусѣ надѣть шубу, затѣмъ взглянулъ на Мусю съ мольбою и, опустившись на колѣни, подъ насмѣшливымъ взглядомъ Глафиры Генриховны, надѣлъ Мусѣ бѣлые фетровые ботики. Застегивая сбоку крошечныя пуговицы, Витя коснулся ея чулка и, точно обжегшись, отдернулъ руку.

— Готово? — нетерпѣливо спросила Муся, завязывая сзади бѣлый оренбургскій платокъ: по новой, немногими принятой, модѣ она носила платокъ, какъ чалму, дѣлая узелъ не на шеѣ, а на затылкѣ. Это очень ей шло.

Витя поднялся, блѣдный. Почему-то Муся, съ улыбкой, погрозила ему пальцемъ. Она почти выбѣжала на улицу, не дожидаясь мужчинъ. Отъ любви, шампанскаго, почета ей было необыкновенно весело. Кучеръ первой тройки молодецки выѣхалъ изъ ряда на средину улицы. У тротуара остановиться было негдѣ. Муся перебѣжала къ санямъ по твердому блестящему снѣгу и, сунувъ въ муфту сумку, легкимъ движеньемъ, безъ чужой помощи, сѣла въ сани съ откинутой полостью.

— Ахъ, какъ хорошо! — почти шопотомъ сказала она, съ наслажденіемъ вдыхая полной грудью разрѣженный, холодный воздухъ. Колокольчикъ рѣдко и слабо звенѣль. Глафира Генриховна, ахая, ступила на снѣгъ и, какъ по доскѣ надъ пропастью, перебѣжала къ тройкѣ, почему-то стараясь попадать ботиками въ слѣды Муси. Муся протянула ей руку въ бѣлой лайковой перчаткѣ. Но Глафиру Генриховну, точно перышко, поднялъ и посадилъ въ сани Клервилль, она даже не успѣла вскрикнуть отъ пріі-

ятнаго изумленія. Къ тѣмъ же санямъ направилась было и Сонечка. Мужчины громко запротестовали.

— Что-жъ это, всѣ дамы садятся вмѣстѣ...

— Это невозможно!

— Мальчики протестуютъ! Черезъ мой трупъ!.. — закричалъ Никоновъ, хватая за руку Сонечку.

Вторая тройка выѣхала за первой.

— Господа, такъ нельзя, надо разсудить, какъ садиться, — произнесъ внушительно Березинъ, — это вопросъ сурьезный.

— Мосье Клервилль, к о н е ч н о, сядетъ къ намъ, — не безъ ехидства сказала Глафира Генриховна. А еще кто изъ мальчиковъ?

Муся, не успѣвшая дома подумать о разсадкѣ по санямъ, мгновенно все разсудила: Никоновъ уже усаживалъ во вторыя сани Сонечку, Березинъ и Беневоленскій не говорили ни по французски, ни по англійски.

— Витя, садитесь къ намъ, — поспѣшно сказала она, улыбнувшись. — Живо!..

Витя не заставилъ себя просить, хоть ему и непріятно было сидѣть противъ Глафиры Генриховны. Ея «конечно» онъ чувствовалъ, предназначалось, въ качествѣ непріятности, и Мусѣ, и ему, и англичанину. Въ послѣднемъ онъ впрочемъ ошибался: Клервиллю непріятность не предназначалась, да онъ ея и просто не могъ бы понять. Швейцаръ застегнулъ за Витей полость и низко снялъ шапку. Клервилль опустилъ руку въ карманъ и, не глядя, протянулъ ему бумажку. Швейцаръ поклонился еще ниже. «Кажется, десять. Однако!.. – подумала Глафира Генриховна.

— По Троицкому Мосту...

— Эй вы, са-ко-о́лики! — самымъ народнымъ говоркомъ пропѣлъ сзади Березинъ. Колокольчикъ зазвенѣлъ чаще. Сани тронулись и пошли къ Невѣ, все ускоряя ходъ.

За мостомъ Малой Невки, тройки понеслись такъ, что разговоры сами собой прекратились. Отъ холо-

да у Муси мерзли зубы, — она знала и любила это ощущеніе быстрой ѣзды. Сдерживая дыханье, то прикладывая, то отнимая ото рта горностаевую муфту, Муся смотрѣла блестящими глазами на проносившіеся мимо нихъ пустыри, сады, строенья. «Да, сегодня объяснится»,—взволнованно думала она, быстро вглядываясь въ Клервилля. Глафира Генриховна перестала говорить на трехъ языкахъ непріятности и только вскрикивала при толчкахъ, увѣряя, что такъ они непремѣнно опрокинутся. Клервилль молчалъ, не стараясь занимать дамъ: онъ былъ счастливъ и взволнованъ необыкновенно. Витя мучился вопросомъ: «неужели между ними вправду что-то есть?» Смыслъ намековъ Глафиры Генриховны былъ достаточно ясенъ. Трудно было, и при его неопытности, не понять выраженія ихъ лицъ. Витя упалъ духомъ. Онъ ждалъ такой радости отъ этой первой своей ночной поѣздки на острова..

Развивъ на Каменномъ островѣ бѣшеную скорость, тройка на Елагиномъ стала замедлять ходъ. У Глафиры Генриховны отлегло отъ сердца. Изъ вторыхъ саней что-то кричали.

— Ау! Нѣтъ ли у васъ папиросъ?

Клервилль вынулъ портсигаръ, онъ былъ пустъ.

— I am sorry...

— Папиросъ нѣтъ... Не курите, простудитесь! — закричала Глаша, приложивъ къ губамъ руки.

— Да все равно нельзя было бы раскурить, — сказалъ съ недоумѣньемъ Витя.

Никоновъ продолжалъ орать. Спереди подуло вѣтромъ.

— Весьма холодно, — проговорилъ Клервилль.

— Сейчасъ Стрѣлка, - сказала Муся, хорошо знавшая Петербургъ. Тройка пошла еще медленнѣе. «Стрѣлка! Ура!» прокричали сбоку. Вторыя сани ихъ догнали и выѣхали впередъ, затѣмъ черезъ минуту остановились

— Пріѣхали!

Всѣ вышли, увязая въ снѣгу, прошли къ взморью, и полюбовались, сколько нужно, видомъ. На брандвахтѣ за Старой Деревней свѣтился огонь.

— Чудно! Дивно!

— Ахъ, чудесно!..

— Нѣтъ, какая ночь, господа!..

Всѣ чувствовали, что дѣлать здѣсь нечего. Березинъ, возившійся у саней, съ торжествомъ вытащилъ ящикъ. Въ немъ зазвенѣло стекло.

— Тысяча проклятій! Саггатba!

— Неужели шампанское разбилось?

— Какъ! еще пить?

— Нѣтъ, къ счастью, не шампанское... Разбились стаканы.

— Кто-жъ такъ укладывалъ! Эхъ, вы, недотепа...

— Что теперь дѣлать? Не изъ горлышка же пить?

— Господа, все спасено: одинъ стаканъ цѣлъ, этого достаточно.

— Узнаемъ всѣ чужія мысли.

— То-то будутъ сюпризы!

— А если кто боленъ дурной болѣзнью, пусть сознается сейчасъ, — сказалъ медленно поэтъ, какъ всегда, вполнѣ довольный своимъ остроуміемъ. Муся поспѣшно оглянулась на Клервилля.

— Давайте въ снѣжки играть...

— Давайте...

— Разлюбезное дѣло!

— Что-же раньше? Въ снѣжки или шампанское пить?

— Господа, природа это, конечно, очень хорошо, но здѣсь холодно, — сказала Глаша.

— Ахъ, я совсѣмъ замерзла, — пискнула Сонечка.

— Сонечка, бѣдненькая, ангелъ, кинулся къ ней Никоновъ, — трите же лицо, что я вамъ приказалъ?

— Мы согрѣемъ васъ любовью, — сказалъ Беневоленскій.

«Боже, какой дуракъ, какъ я раньше не замѣчала!» – подумала Муся.

— А что, господа, еслибъ намъ поѣхать дальше? Мы, правда, замерзнемъ.

— О, да! — сказалъ Клервилль. — Дальше...

— Куда же? Въ «Виллу Родэ»?

— Да вы съ ума сошли!

— Ни въ какой ресторанъ я не поѣду, — отрѣзала Глафира Генриховна.

— Въ самомъ дѣлѣ, не ѣхать же въ ресторанъ со своимъ шампанскимъ, — подтвердилъ Березинъ, все выбрасывавшій осколки изъ ящика.

— А заказывать тамъ, сто рублей бутылка, — уточнила Глафира Генриховна.

— Господа, въ ресторанъ или не въ ресторанъ, но я умру безъ папиросъ, — простоналъ Никоновъ

— Ну и умрите, — пискнула Сонечка, — такъ вамъ и надо.

— Жестокая! Вы будете виновницей моей смерти! Я буду изъ ада являться къ вамъ каждую ночь.

— Пожалуйста, не являйтесь, нечего... Такъ вамъ и надо.

— За что, желанная?

— За то, какъ вы себя вели въ саняхъ.

— Сонечка, какъ онъ себя велъ? Мы въ ужасѣ...

— Ужъ и нельзя погрѣть ножки замерзающей дѣвочкѣ!..

— Гадкій, ненавижу...

Сонечка запустила въ Никонова снѣжкомъ, но попала въ воротникъ Глашѣ.

— Господа, довольно глупостей! — разсердилась Глафира Генриховна, — ѣдемъ домой.

— Папиросъ! Убью! — закричалъ свирѣпо Никоновъ.

— Не орите... Все равно до Невскаго папиросъ достать нельзя.

— Ну, достать то можно, — сказалъ Березинъ. — Если черезъ Строгановъ мостъ проѣхать въ рабочій кварталъ, — тамъ ночные трактиры.

— Какъ черезъ мостъ въ рабочій кварталъ? — изумился Витя. Ему казалось, что рабочіе кварталы отсюда за тридевять земель.

— Ночные трактиры? Это страшно интересно! А вы увѣрены, что тамъ открыто?

— Да разумѣется. Во всякомъ случаѣ, если постучать, откроютъ.

— Ахъ, бѣдные, они теперь работаютъ, — испуганно сказала Сонечка.

— Нѣтъ, какъ хорошо говорилъ князь! Я, право, и не ожидала...

— Господа, ѣдемъ въ трактиръ... Полкарства за коробку «Дяди Михея»!

— А какъ же снѣжки?

— Обойдемся безъ снѣжковъ: намъ всѣмъ больше шестнадцати лѣтъ.

— Всѣмъ, кромѣ, кажется, Вити, — вставила Глаша.

Витя взглянулъ на нее съ ненавистью.

— А вамъ... — началъ было онъ.

— Мнѣ много, цѣлыхъ восемнадцать, — пропѣла Сонечка. — Господа, въ трактиръ чудно, но и здѣсь такъ хорошо!.. А наше шампанское?

— Тамъ и разопьемъ, вотъ и бокалы будутъ.

— Господа, только условіе: подъ самымъ страшнымъ честнымъ словомъ, никому не говорить, что мы были въ трактирѣ. Вѣдь это позоръ для благородныхъ дѣвицъ!

— Ну, разумѣется.

— Лопни мои глаза, никому не скажу!

— Григорій Ивановичъ, выражайтесь корректно... Такъ никто не проговорится?

— Никто, никто...

— Клянусь я первымъ днемъ творенья!

— Да вѣдь мы ѣдемъ со старшими, вотъ и Глафира

Генриховна ѣдетъ съ нами, — отомстилъ Витя. Глафирѣ Генриховнѣ, по ея словамъ, шелъ двадцать пятый годъ.

— Нѣтъ, какое оно ядовитое дитё!

— Въ сани, въ сани, господа, ѣдемъ...

Ѣхали не быстро и довольно долго. Стало еще холоднѣе, Никоновъ плакалъ, что озябъ. По настоящему веселы и счастливы были Муся, Клервилль, Сонечка. Мысли Муси были поглощены Клервиллемъ. Тревоги она не чувствовала, зная твердо, что этой ночью все будетъ сказано. Какъ, гдѣ это произойдетъ, она не знала и ничего не дѣлала, чтобъ вызвать объясненіе. Она была такъ влюблена, что не опускалась до пріемовъ, которые хоть немного могли бы ихъ унизить. Муся даже и не стремилась теперь къ объясненію: онъ сидѣлъ противъ нея, и т а к ъ смотрѣлъ на нее, — ей этого было достаточно; она чувствовала себя безкорыстно счастливой, чистой, расположенной ко всѣмъ людямъ.

Старый, низенькій, грязноватый трактиръ всѣмъ понравился чрезвычайно. Дамы имѣли самое смутное понятіе о трактирахъ. Въ большой, теплой комнатѣ, выходившей прямо на крыльцо, никого не было. Немного пахло керосиномъ. Когда выяснилось, что огромная штука у стѣны есть м а ш и н а, а со скамьи всталъ заспанный п о л о в о й, котораго Березинъ назвалъ м а л ы й и б р а т е ц ъ т ы м о й, дамы окончательно пришли въ восторгъ и даже Глафира Генриховна признала, что въ этомъ заведеніи есть свой стиль.

— Ахъ, какъ тепло! Прелесть!

— Здѣсь надо снять шубу?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Отчего же нѣтъ? Mesdames, вы простудитесь, — сказалъ Березинъ, сдвигая два стола въ углу. — Ну, вотъ, теперь прошу занять мѣста.

— Право, я страшно рада, что насъ сюда привезли. А вы рады, Сонечка?

— Ужасно рада, Мусенька! Это прямо прелесть.

— Господа, я заказываю чай. Всѣ озябли.

— Папиросъ!..

— Слушаю-съ. Какихъ прикажете?

— Папиросъ!..

— Ну-съ, такъ вотъ, голубчикъ ты мой, перво-на-перво принеси ты намъ чаю, значитъ, чтобъ согрѣться, — говорилъ Березинъ: онъ теперь игралъ купца, очевидно подъ стиль трактира. Дамы съ восторгомъ его слушали.

— Слушаю-съ. Сколько порцій прикажете? — говорилъ еще не вполнѣ проснувшійся половой, испуганно глядя на гостей.

— Сколько порцій, говоришь? Да ужъ не обидь, голуба, чтобъ на всѣхъ хватило. Хотимъ, значитъ, себя чайкомъ побаловать, понимаешь? Ну, и баранковъ тамъ какихъ-нибудь тащи, што-ли?

— Слушаю-съ.

— Папиросъ!..

— А затѣмъ, братецъ ты мой, откупори ты намъ эту штучку. Своего, значитъ, кваску привезли... И стаканы сюда тащи.

— Слушаю-съ... За пробку съ не нашей бутылки у насъ пятнадцать копѣекъ.

— Пятиалтынный, говоришь? Штой-то дороговато, малый. Ну, да авось осилимъ... И ж-жива!

Отпустивъ малаго, Березинъ засмѣялся ровнымъ, негромкимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, право, онъ очень стильный.

— Здѣсь дивно... Григорій Ивановичъ, положите туда на стулъ мою муфту.

— Ага! Прежде «ну, и умрите», а теперь «положите на стулъ мою муфту»?.. Богъ съ вами, давайте ее сюда, ваше счастье, что я такой добрый.

— И такой пьяный...

— Вамъ нравится здѣсь, Вивіанъ? Вы не сердитесь, что мы все время говоримъ по русски?

— О, нѣтъ, я понимаю... Мнѣ такъ нравится!..

Клервилль дѣйствительно былъ въ восторгѣ отъ поѣздки, въ которой могъ наблюдать русскую душу и русскій разгулъ. Самый трактиръ казался ему точно вышедшимъ прямо изъ «Братьевъ Карамазовыхъ». И такъ милы были эти люди. «Она никогда не была прекраснѣе, чѣмъ въ эту ночь. Но какъ, гдѣ сказать ей?» — думалъ Клервилль. Онъ очень волновался при мысли о предстоящемъ объясненіи, объ ея отвѣтѣ; однако въ глубинѣ души былъ увѣренъ, что его предложеніе будетъ принято.

— Мосье Клервилль, давайте помѣняемся мѣстами, вамъ будетъ здѣсь у д о б н ѣ е, — предложила Глафира Генриховна. — Григорій Ивановичъ, несутъ ваши папиросы. Слава Богу, вы перестанете всѣмъ надоѣдать...

— Господа, кто будетъ разливать чай?

— Глаша, вы.

— Я не умѣю и не желаю. И пить не буду.

— Напрасно. Чай великая вещь.

Никоновъ жадно раскуривалъ папиросу.

— Григорій Ивановичъ, дайте и мнѣ, — пропѣла Сонечка. — Я давно хочу курить.

— Сонечка, Богъ съ вами! — ахнула Муся. — Я мамѣ скажу.

— А страшное честное слово? Не скажете.

Она протянула руку къ коробкѣ, Никоновъ ее отдернулъ. Сонечка сорвала листокъ.

— Господа, это стихи.

— Стихи? Прочтите.

— Отдайте сейчасъ мой листокъ.

— Григорій Ивановичъ, не приставайте къ Сонечкѣ. Сонечка, читайте.

«Въ дни безвременья, безлюдья
Трудно жить — кругомъ обманъ,
Всѣмъ стоять намъ надо грудью,
Закуривъ родной «Османъ».

— «Десять штукъ — двадцать копѣекъ», — прочла нараспѣвъ Сонечка.

Послышался смѣхъ.

— Какъ вы смѣли взять мой листокъ? Ну, постойте же, — грозилъ Сонечкѣ Никоновъ.

— Mesdames, на моей коробкѣ еще лучше, — сказалъ Березинъ. — Слушайте:

«Ручеечки вспять польются
Злое сгинетъ навсегда
Пѣсни «Пери» раздадутся,
Такъ потерпимъ, господа.

«Десять штукъ — двадцать копѣекъ».

Смѣхъ усилился. Настроеніе все поднималось.

— Господа, ей-Богу, это лучше «Голубого фарфора»!

— Какая дерзость! Поэтъ, пошлите секундантовъ.

— Слышите, злое сгинетъ навсегда. Горенскій собственно говорилъ то же самое.

— Ахъ, какъ жаль, что князь съ нами не поѣхалъ.

— Господа, несутъ шампанское.

— Несутъ, несутъ, несутъ!

— Вотъ такъ бокалы!

— Разливайте, Сергѣй Сергѣевичъ, нечего...

— Шампанское съ чаемъ и съ баранками!

— Я за чай.

— А я за шампанское.

— Кто какъ любитъ...

— Кто любитъ тыкву, а...

— Ваше здоровье, mesdames.

— Господа, мнѣ ужасно весело!

— Вивіанъ...

— Mussia...

— Сонечка, я хочу выпить съ вами на ты.

— Вотъ еще! И я вамъ не Сонечка, а Софья Сергѣевна.

— Сонечка Сергѣевна, я хочу выпить съ вами на ты... Нѣтъ? Ну, погодите же!

— Григорій Ивановичъ, когда вы остепенитесь? Налейте мнѣ еще...

— Mesdames, я пью за русскую женщину.

— О, да!..

— Лучше «за того, кто «Что дѣлать» писалъ»!

— Выпила бы и за него, да я не читала «Что дѣлать».

— Позоръ! А я и не видѣла!

— Можно и не читамши.

— Мусенька, какая вы красавица. Я просто васъ обожаю, — сказала Сонечка и, перегнувшись черезъ столъ, крѣпко поцѣловала Мусю.

— Я васъ тоже очень люблю, Сонечка... Витя, отчего вы одинъ грустный?

— Я нисколько не грустный.

— Отчего-жъ вы, милый, все молчите? Вамъ скучно?

— Атчиго онъ блэдный? Аттаго что бэдный...

— Выпьемъ, молодой человѣкъ, шампанскаго.

Сонечка вдругъ пронзительно запищала и метнулась къ Никонову, который вытащилъ изъ ея муфты крошечную тетрадку.

— Не смѣйте трогать!.. Сейчасъ отдайте!

— Господа, это называется: «Книга симпатій»!

— Сію минуту отдайте! С-сію минуту!

— Что я вижу!

— Муся, скажите ему отдать! Сергѣй Сергѣевичъ...

— Григорій Ивановичъ, отдайте ей, она расплачется.

— Господа, здѣсь цѣлая графа: «Боже, сдѣлай такъ, чтобы въ меня влюбился»... Дальше слѣдуютъ имена: Александръ Блокъ, Собиновъ, Юрьевъ... Не царапайтесь!

Всѣ хохотали. Сонечка съ бѣшенствомъ вырвала книжку.

— Сонечка, какая вы развратная!

— Я васъ ненавижу! Это низость!

— Я вамъ говорилъ, что отомщу. Мессалина!

— Я съ вами больше не разговариваю!

— Сонечка, на него сердиться нельзя. Онъ пьянъ, такъ что смотрѣть гадко... Налейте мнѣ еще, поэтъ.

— Повѣрьте, Сонечка, вашъ Донъ-Жуанскій списокъ дѣлаетъ вамъ честь.

— Господа, а вы знаете, что здѣсь былъ убитъ Пушкинъ? — сказалъ Березинъ.

Вдругъ наступило молчаніе.

— Какъ? Здѣсь?

— Не здѣсь — здѣсь, а въ двухъ шагахъ отсюда. Съ крыльца, можетъ быть, видно то мѣсто. Хотя точнаго мѣста поединка никто не знаетъ, — пушкиніанцы сто лѣтъ спорятъ. Но гдѣ-то здѣсь...

Большинство петербуржцевъ никогда не было на мѣстѣ дуэли Пушкина. Муся полушопотомъ объяснила по англійски Клервиллю, что сказалъ Березинъ.

— ...Нашъ величайшій поэтъ...

— Да, я знаю...

Онъ дѣйствительно зналъ о Пушкинѣ, видѣлъ въ Москвѣ его памятникъ, что-то слышалъ о мрачной любовной трагедіи, о дуэли.

— Мѣсто, на которомъ былъ убитъ Пушкинъ, ничѣмъ не отличается отъ мѣста, на которомъ никто не былъ убитъ, — произнесъ съ разстановкой Беневоленскій.

— Это очень глубокомысленное замѣчаніе, — сказала Муся, не вытерпѣвъ. Она встала.

— А вы знаете, господа, здѣсь очень душно и керосиномъ пахнетъ... У меня немного кружится голова.

— У меня тоже.

— На воздухѣ пройдетъ... Но поздно, друзья мои, пора и во свояси...

— Въ самомъ дѣлѣ, пора, господа... Такъ вы говорите, съ крыльца видно?

Муся открыла дверь. Пахнуло холодомъ. Березинъ подозвалъ полового. Муся вышла на крыльцо. Справа жалостно бренчалъ колокольчикъ отъѣхавшей тройки. Слѣ-

ва у сосѣдней лавки уже вытягивалась очередь. Дальше все было занесено снѣгомъ.

«Нѣтъ, ничего не видно... Онъ однако не вышелъ за мною»... — подумала Муся. Вдругъ сзади сверкнулъ свѣтъ и она, замирая, увидѣла Клервилля.

— Ахъ, вы тоже вышли, Вивіанъ? — спросила она по англійски. — Нѣтъ, отсюда ничего не видно... Смотрите, это очередь за хлѣбомъ. Бѣдные люди, въ такой холодъ! Вѣрно у васъ въ Англіи этого нѣтъ?

Онъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Какая прекрасная ночь, правда? — сказала она дрогнувшимъ неожиданно голосомъ. — «Да, сейчасъ, сейчасъ все будетъ сказано», — едва дыша, подумала Муся.

— Я вышелъ, чтобъ остаться наединѣ съ вами... Мнѣ нужно вамъ сказать... Намъ здѣсь помѣшаютъ... Пройдемъ туда...

Видимо очень волнуясь, онъ взялъ ее подъ руку и пошелъ съ ней въ сторону, по переулку. Черезъ минуту онъ остановился. Снизу пріятно пахло печенымъ хлѣбомъ. Было почти темно. Людей не было видно. «Неужели у мѣста дуэли Пушкина?.. Это было бы такъ удивительно, память на всю жизнь... Нѣтъ, это простой переулокъ... Стыдно думать объ этомъ... Сейчасъ все будетъ рѣшено... Но что ему сказать?» — пронеслось въ головѣ у Муси.

— Муся, я люблю васъ... Я прошу васъ быть моей женою.

Слова его были просты и банальны, — Муся не могла этого не замѣтить, какъ взволнована она ни была, какой торжествующей музыкой ни звучали эти слова въ ея душѣ. «Такъ съ сотворенія міра дѣлали предложенія. Но теперь мнѣ!.. Сейчасъ отвѣтить или подождать?.. И какъ сказать ему? Лишь бы не сказать плоско... И не сдѣлать ошибки по англійски...»

— Я не могу жить безъ васъ и прошу васъ стать моей

женой, — повторилъ онъ, взявъ ее за руку. — Согласны ли вы?

— Я не могу отказать вамъ въ такомъ пустякѣ.

Онъ не понялъ или не оцѣнилъ ея тона, затѣмъ съ усиліемъ засмѣялся, — смѣхъ оборвался тотчасъ.

— Вы говорите правду?.. Вы шутите?

— Это была бы довольно глупая шутка.

Онъ поцѣловалъ ей руку, затѣмъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы. Она чуть-чуть отбивалась. Опять, съ еще гораздо большей силой, чѣмъ при ихъ телефонномъ разговорѣ, счастье залило душу Муси, вытѣснивъ все другое. Ей стало стыдно и себя, и своихъ мадригаловъ... «Надо стать достойной его!»

Они молча пошли назадъ. Не доходя крыльца, Муся остановилась. «Такъ нельзя войти... Всѣ сейчасъ догадаются по нашимъ лицамъ, ужъ Глаша, конечно... Ну, и пусть!.. Нѣтъ, не надо», — подумала она. Какъ она ни была счастлива и сердечно-расположена ко всѣмъ людямъ, Муся не хотѣла такъ сразу все открыть Глашѣ.

— Оставьте меня, Вивіанъ... Я хочу побыть одна.

Онъ взглянулъ на нее съ испугомъ, затѣмъ, повидимому, какъ-то очень сложно объяснилъ ея слова. Наклонивъ голову, онъ выпустилъ ея руку и отошелъ, взбѣжалъ на крыльцо своимъ легкимъ, упругимъ шагомъ. Муся вздохнула легче. «Да, все кончено! Неужели можетъ быть такъ хорошо?» — книжной фразой выразила она самыя подлинныя свои чувства. — «Онъ чудный, изумительный!..» Теперь все было другое, дома, снѣгъ, эти оборванные люди. Конецъ очереди, у фонаря, былъ отъ нея въ двухъ шагахъ. «Бѣдные, бѣдные люди!.. Какъ бы сдѣлать, чтобъ они, эта баба, всѣ, всѣ стали счастливѣе!..» Муся оставила сумку въ муфтѣ, да и въ сумкѣ почти не было денегъ, — она все раздала бы этимъ людямъ. «Нѣтъ, теперь и имъ будетъ житься легче, идутъ новыя времена», — подумала Муся, вспомнивъ рѣчь Горенскаго. Она яснымъ бодрящимъ, сочувственнымъ взглядомъ обвела очередь, встрѣ-

тилась глазами съ бабой и вдругъ опустила глаза, — такой ненавистью обжегъ ее этотъ взглядъ. Мусѣ вдругъ стало страшно. Она быстро направилась къ крыльцу.

— Шлюха! — довольно громко прошипѣла баба. — .....въ шубѣ...

Въ толпѣ засмѣялись. У Муси подкосились ноги. На крыльцѣ сверкнулъ свѣтъ, появились люди. Колокольчикъ зазвенѣлъ. Тройки подъѣхали къ крыльцу.

— Мусенька, что же вы скрылись? Вотъ ваша муфта, — сказала Сонечка.

Назадъ ѣхали скучно. Клервилль сѣлъ во вторыя сани: повидимому, сложное объясненіе словъ Муси включало и эту деликатность, давшуюся ему нелегко. Вмѣсто него, рядомъ съ Витей, на скамейку сѣлъ Никоновъ. Онъ начиналъ скисать, — петербургская неврастенія въ немъ сказалась еще сильнѣе, чѣмъ въ другихъ. Глафира Генриховна была крайне озабочена, даже потрясена. Она сразу все поняла. Въ томъ , что по ея догадкамъ, произошло, она видѣла завершеніе блестящей кампаніи, которую Муся мастерски провела собственными силами, при очень слабой помощи родителей. «Да, ловкая, ловкая дѣвчонка, нельзя отрицать», — думала Глаша. Она думала также о томъ, что ей двадцать седьмой годъ, что жениха нѣтъ и не предвидится, и что для нея выходъ замужъ Муси — тяжкій ударъ, если не катастрофа. Глафира Генриховна сразу приняла рѣшеніе перегруппировать фронтъ и сосредоточить силы на одномъ молодомъ адвокатѣ, который, правда, не могъ идти въ сравненіе съ Клервиллемъ, но былъ очень недуренъ собой и уже имѣлъ хорошую практику. «Что-жъ дѣлать... Да, она очень ловкая, Муся. И молчитъ, будетъ мнѣ теперь подавать его по столовой ложкѣ»...

«Разсказать или нѣтъ?» — спрашивала себя Муся. — «Зачѣмъ разсказывать? Глупо... Въ такую минуту плюнули въ душу... За что? Что я имъ сдѣлала?..» — Она гово-

рила себѣ, что не стоитъ объ этомъ думать, но ей хотѣлось плакать.

Хотѣлось плакать и Витѣ. Не глядя на Мусю, онъ молчалъ всю дорогу, думая то о самоубійствѣ, то о дуэли. «Вотъ и Пушкинъ послалъ тому вызовъ... Нѣтъ, дуэль глупость, конечно. Да онъ и не виноватъ, если она его любитъ... И самоубійство тоже глупости... Не покончу я самоубійствомъ... Но, можетъ быть, ничего и не было? Вотъ вѣдь она сидитъ грустная... Можетъ, она ему отказала?» Отчаяніе и надежда смѣнялись въ душѣ Вити.

Глафира Генриховна для приличія время отъ времени говорила что-то скучное. Муся, Никоновъ скучно и коротко отвѣчали.

Они подъѣзжали къ Невѣ. Луна скрылась, стало совершенно темно. Вдругъ слѣва, гдѣ-то вдали, гулко прокатился выстрѣлъ. Дамы вскрикнули. Никоновъ поднялъ голову. Встрепенулся и Витя. Кучеръ оглянулся съ испуганнымъ выраженіемъ на лицѣ. За первымъ выстрѣломъ послѣдовали другой, третій. Затѣмъ все стихло.

— Что это?.. Стрѣляютъ? — шопотомъ спросила Муся.

— Ну да, стрѣляютъ. Р-революція, — угрюмо проворчалъ Никоновъ, какъ полушутливо говорили многіе изъ слышавшихъ первые выстрѣлы февраля.

«Ахъ, если бы вправду революція!» — вдругъ сказалъ себѣ Витя. Въ его памяти промелькнуло то, что онъ читалъ и помнилъ о революціяхъ, жирондисты, Дантонъ у Минье, Дмитрій Рудинъ, Ольденбургъ изъ романа Шпильгагена. Витя увидѣлъ себя на баррикадѣ, со знаменемъ, съ обнаженной саблей. Баррикада была подъ окнами Муси. «Да, это былъ бы лучшій исходъ... Ахъ, если бы, если бы революція!.. Только г р о з а можетъ принести мнѣ славу и сдѣлать меня достойнымъ ея любви!.. А если не славу, то смерть», - съ тоской и страстной надеждой думалъ Витя.

XIX.

Николай Петровичъ заболѣлъ въ самый день юбилея Кременецкаго и долженъ былъ отказаться отъ участія въ банкетѣ, поручивъ своей женѣ передать извиненія юбиляру. На слѣдующій день Яценко не пошелъ на службу, ничего не ѣлъ съ утра и за обѣдомъ не прикоснулся къ супу: видъ и запахъ ѣды вызывали въ немъ отвращеніе. Сославшись на острую головную боль, онъ заявилъ, что не будетъ обѣдать. Наталья Михайловна, которая какъ разъ собиралась съ толкомъ, подробно разсказать о банкетѣ, обезпокоилась.

— Ну, да, въ городѣ свирѣпствуетъ гриппъ. Вотъ что значитъ такъ работать, — не совсѣмъ логично сказала она мужу. — Сколько разъ я тебѣ говорила: никто, никто не работаетъ десять часовъ въ сутки. Конечно, это отъ переутомленія, оно всегда предрасполагаетъ къ гриппу... хоть супа поѣшь, я тебя умоляю...

Николай Петровичъ работалъ въ послѣднее время не больше обычнаго. Усталость его была преимущественно моральная и сказывалась она крайней раздражительностью, которую онъ сдерживалъ съ большимъ трудомъ. Ничего не отвѣтивъ на предложеніе поѣсть хоть супа, онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и легъ на твердый кожаный диванъ, взявъ первую попавшуюся книгу. Но книги этой онъ не раскрылъ. У него очень болѣла голова, ломило тѣло. Наталья Михайловна принесла и подложила ему подъ голову большую подушку. Измученный видъ мужа ее разстроилъ.

Въ спальной, въ огромномъ, краснаго дерева шкапу, среди разложеннаго въ чрезвычайномъ порядкѣ тонкаго бѣлья (къ которому имѣла слабость Наталья Михайловна), между высокими стопками полотенецъ и носовыхъ платковъ, съ давнихъ временъ хранился семейный термо-

метръ. Наталья Михайловна осторожно его вынула изъ футляра, глядя на лампу и морщась, необыкновенно энергичнымъ движеньемъ сбила въ желтенькомъ каналѣ столбикъ много ниже краснаго числа, затѣмъ съ испуганнымъ и умоляющимъ выраженіемъ на лицѣ вошла на цыпочкахъ въ кабинетъ. Николай Петровичъ зналъ, что у него сильный жаръ, и не хотѣлъ пугать своихъ. Однако, чтобъ отдѣлаться отъ упрашиваній, онъ согласился измѣрить температуру и даже о минутахъ не очень торговался. Оказалось 39,2, — больше, чѣмъ предполагалъ самъ Яценко. Наталья Михайловна перепугалась не на шутку. Ея авторитетъ немедленно выросъ и, несмотря на слабые протесты Николая Петровича, по телефону былъ приглашенъ домашній врачъ Кротовъ.

Витя, узнавъ о болѣзни отца, зашелъ въ полутемный кабинетъ, но, по настоянію Натальи Михайловны—гриппъ такъ заразителенъ, долженъ былъ остановиться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дивана. Николай Петровичъ, слабо и ласково улыбаясь, успокоилъ сына.

— Ну да, конечно, пустяки. Завтра буду совершенно здоровъ... Иди, иди, мой милый.

Николая Петровича и трогали, и немного раздражали заботы близкихъ. Онъ всегда, въ шутливыхъ спорахъ съ женою, которую очень любилъ, увѣрялъ, что одинокому человѣку и болѣть гораздо легче. Теперь ему хотѣлось, чтобъ его оставили одного и чтобъ ему дали чаю съ лимономъ. Наталья Михайловна однако сомнѣвалась, не повредитъ ли чай больному. Николай Петровичъ, отъ усталости и раздраженія, не настаивалъ. Онъ пролежалъ на диванѣ около часа, глядя неподвижнымъ взглядомъ на висѣвшіе противъ дивана портреты Сперанскаго, Кавелина и Сергѣя Заруднаго. Мысли его безпорядочно перебѣгали отъ Загряцкаго и Федосьева къ его собственной неудавшейся жизни. «И слѣдователь, оказывается, плохой... Нѣтъ, такъ нельзя ошибаться... А тотъ негодяй, Загряцкій, по формальнымъ причинамъ все еще въ тюрьмѣ, хоть

я знаю, что онъ невиновенъ въ убійствѣ... Вотъ она, формальная правда», — думалъ онъ. Почему-то ему часто вспоминался Браунъ, его визитъ, его странные разговоры, — онъ тотчасъ съ непріятнымъ чувствомъ гналъ отъ себя эти мысли. «Да, нехорошо, очень нехорошо!..» — вслухъ негромко сказалъ Яценко, прикрывая рукой глаза. Единственное свѣтлое былъ Витя. Но и съ мальчикомъ что-то было неладно. Отъ Вити мысли Яценко перебѣгали къ судьбамъ Россіи. «Да, всюду грѣхъ, ошибки, преступленія», — тоскливо думалъ Николай Петровичъ, вглядываясь въ лица своихъ любимыхъ политическихъ дѣятелей. «Они бы до этого не довели... Но они умерли... И я скоро умру... Какое же мнѣ дѣло до всего этого?» Голова у него мучительно болѣла.

Въ десятомъ часу вечера прибылъ Кротовъ, добродушный 75-лѣтній старикъ, крѣпкій, лысый и краснолицый. Онъ призналъ болѣзнь инфлюэнцой, прописалъ лекарства и строгую діэту; чай съ лимономъ однако разрѣшилъ, но не иначе, какъ очень слабый. Наталья Михайловна попросила доктора пріѣхать и на слѣдующее утро.

— Вотъ еще стану я пріѣзжать, у меня есть больные посерьезнѣй, чѣмъ онъ, — сказалъ весело Кротовъ, съ давнихъ поръ свой человѣкъ въ домѣ: онъ зналъ, что для Яценко пять рублей деньги и что о безплатномъ леченьи — «ахъ, полноте, какіе между нами счеты» — не можетъ быть рѣчи. — Денька черезъ два загляну, пожалуй... Если буду живъ, — сказалъ онъ наставительно Натальѣ Михайловнѣ. — Такъ миленькая, училъ говорить Толстой, нашъ ненавистникъ... Не любилъ насъ, ругалъ, а у насъ лечился всю жизнь, Левъ Николаевичъ (докторъ произносилъ по старинному: Лёвъ)... И правъ: вѣдь я же романовъ не пишу, а ругать романистовъ ругаю...

— И подѣломъ, — сказала увѣренно Наталья Михайловна.

— Разумѣется подѣломъ. Какъ ихъ, теперешнихъ, не ругать: какіе-то пошли Андреевы, Горькіе, Сладкіе. Въ на-

ше время настоящіе были писатели: ну, Тургеневъ, Достоевскій, или Станюковичъ... Это не фунтъ изюма... Ну-съ, такъ аспиринцу сейчасъ скушаемъ, а то, второе, что я пропишу, черезъ часъ. И завтра будемъ здоровы...

Кротовъ говорилъ съ Николаемъ Петровичемъ такъ, какъ могъ бы говорить съ Витей. Недоброжелатели утверждали, что старикъ давно выжилъ изъ ума и перезабылъ всѣ лекарства. Однако практика у него была огромная, — такъ бодрилъ больныхъ его тонъ.

— Разумѣется, пустяки, — сказалъ онъ Натальѣ Михайловнѣ, садясь въ столовой писать рецептъ. — Черезъ три дня можетъ идти на службу... Ну-съ, а наши почки какъ, миленькая?

Наталья Михайловна не прочь была за тѣ же пять рублей спросить доктора и о своемъ здоровьи. Онъ далъ успокоительныя указанія.

— Сто лѣтъ гарантирую, миленькая, больше никакъ не могу, себѣ дороже стоитъ... А вы знаете, въ городѣ безпорядки, — сказалъ докторъ, вставая и помахивая въ воздухѣ бумажкой. — Ѣду сюда, идутъ мальчишки, рабочіе, поютъ, дурачье... Какъ это, «Варшавянка», что-ли? Дурачье!.. А ночью даже пострѣливали.

— Да, мнѣ Витя говорилъ, онъ на островахъ катался и слышалъ стрѣльбу. Только я не пойму, кто въ кого могъ ночью стрѣлять?

— Стрѣляли, стрѣляли, — радостно повторилъ старикъ.

— Вдругъ въ самомъ дѣлѣ революція, а?

— Вздоръ! Семьдесятъ лѣтъ живу, никакой революціи не видалъ. Я самъ въ шестьдесятъ первомъ году что-то пѣлъ, болванъ этакой, да не допѣлся. ...Нѣтъ, вѣрно это было позже, въ шестьдесятъ четвертомъ... Не будетъ революціи, пропишутъ имъ казачки варшавянку, все и кончится,—рѣшительно сказалъ докторъ.—А засимъ мнѣ все равно, посмотрю и на революцію... Давно пора и тѣхъ господъ проучить, звѣздную палату... Такъ вотъ, миленькая,

это отдайте Марусѣ... А, Витька, здравствуй, ты какъ живешь?

Наталья Михайловна вышла съ рецептомъ въ кухню. Докторъ подвелъ упиравшагося Витю къ лампѣ.

— Нехорошо, — сказалъ онъ. — Подъ глазами круги И глаза красные... Плакалъ, что ли?

Онъ задалъ нѣсколько вопросовъ, отъ которыхъ Витя густо покраснѣлъ.

— Гимнастику надо дѣлать, балбесъ, — сказалъ строго Кротовъ. — Я, кажется, старше тебя, да? Чуть старше: пошелъ семьдесятъ первый годъ (съ нѣкоторыхъ поръ онъ остановился въ возрастѣ), а каждый день дѣлаю гимнастику. Каждый день, чуть встаю, еще передъ гошпиталемъ. Вотъ такъ... — Онъ присѣлъ, дѣйствительно довольно легко, поднялся и сдѣлалъ нѣсколько движеній руками. — Разъ — два... Разъ · два — три... Обливаніе и гимнастика, гимнастика и обливаніе... И спать на твердомъ тюфякѣ... И объ юбкахъ меньше думать, слышишь? И ни на какіе острова по ночамъ не ѣздить... Зачѣмъ вы его на острова пускаете? — обратился онъ къ вошедшей Натальѣ Михайловнѣ. — Ну-съ, до свиданья, миленькая... До свиданья, Витька... Послѣзавтра, хоть и не нужно, заѣду, если буду живъ...

— Да вы моложе и крѣпче насъ всѣхъ!

— Не жалуюсь, не жалуюсь...

Демонстративно отказавшись отъ помощи хозяевъ, онъ самъ надѣлъ древнюю норковую шубу, еще пошутилъ и ушелъ, ожививъ весь домъ, наглядно и несомнѣнно доказавъ пользу медицины: — «Прямо удивительный человѣкъ, такихъ больше не будетъ, не вамъ чета!» — съ искреннимъ восторгомъ сказала Витѣ Наталья Михайловна. Успокоенная врачемъ, она взяла домъ всецѣло въ свои руки, чувствуя приступъ особенной энергіи и жажды дѣятельности: теперь все было на ней. Николай Петровичъ раздѣлся и перешелъ въ спальную, гдѣ къ кровати былъ приставленъ низенькій, покрытый салфеткою, столикъ.

Горничная поставила самоваръ. Маруся побѣжала въ аптеку.

Утромъ на службу дали знать о болѣзни Николая Петровича. Болѣзнь эта, разумѣется, не была серьезной. Однако въ нормальное время нѣсколько человѣкъ, ближайшихъ друзей и сослуживцевъ (родныхъ у Яценко не было), навѣрное тотчасъ зашли бы его «провѣдать» или, по крайней мѣрѣ, справились бы по телефону. На этотъ разъ никто не зашелъ, что не совсѣмъ пріятно удивило Наталью Михайловну: визиты друзей были совершенно не нужны, скорѣе мѣшали; но они входили въ обычный уютно-волнующій церемоніалъ не-опасныхъ болѣзней.

Въ этотъ же день Маруся вернулась съ базара въ большомъ возбужденіи. Она радостно повторяла, что народъ совсѣмъ взбунтовался: на Выборгской сторонѣ разгромили лавки. Одного лавочника сильно избили. Глаза Маруси сіяли торжествомъ. Хотя Наталья Михайловна раздѣляла либеральные взгляды своего мужа, ея первое впечатлѣніе отъ словъ прислуги и особенно отъ ея безтолково-торжествующаго вида было непріятное. Съѣстныхъ припасовъ Маруся принесла очень немного, — на базарѣ ничего не было; курицу для бульона больному барину удалось достать лишь по доброму знакомству съ торговкой, у которой они всегда покупали. Наталья Михайловна не повѣрила, что въ будній день ничего нельзя получить, и сама пошла за покупками. Но по близости отъ ихъ квартиры лавки въ большинствѣ были закрыты наглухо. Кое-гдѣ торговля еще шла, однако Наталья Михайловна, къ собственному удивленію, не рѣшилась стать въ длинную очередь, — такой недружелюбный видъ былъ у стоявшихъ тамъ женщинъ. Когда она, съ пустыми руками, возвращалась домой, по улицѣ на рысяхъ проѣхалъ казачій отрядъ. Сердце у Натальи Михайловны забилось сильнѣе обыкновеннаго. Швейцаръ, съ тѣмъ же безтолково-торжествующимъ видомъ, шопотомъ ей сообщилъ, что фараонъ съ угла куда-то ушелъ и что на Невскомъ, слышно,

разбили трамвайные вагоны. Такія же извѣстія привезъ изъ Тенишевскаго училища взволнованный Витя. На улицахъ были столкновенія толпы съ полиціей.

Наталья Михайловна не рѣшилась сказать Николаю Петровичу о томъ, что происходило, боясь его взволновать. Витя послѣ скуднаго обѣда куда-то исчезъ. Наталья Михайловна расположилась въ креслѣ у высокой стоячей лампы и раскрыла утреннюю газету. Она прочла отдѣлъ модъ, хронику, телеграммы, лѣниво подумала о томъ, что могло быть на мѣстѣ бѣлаго просвѣта (къ просвѣтамъ привыкли), просмотрѣла интересныя объявленія и списокъ недоставленныхъ телеграммъ, приступила было къ думскому отчету и задремала: плохо спала ночью. Вдругъ ее разбудилъ страшный трескъ. Наталья Михайловна ахнула, схватилась за сердце и бросилась къ окну. Какіе-то люди бѣжали съ растерянным видомъ по слабо освѣщенной, печальной улицѣ. Пальба продолжала трещать, четко и быстро. Одинъ изъ бѣжавшихъ по мостовой людей вдругъ метнулся въ сторону и укрылся въ подворотнѣ. За нимъ то же сдѣлали другіе. Въ это мгновеніе въ комнату вбѣжали въ волненіи горничная Маруся. Затѣмъ явился швейцаръ, уже бывшій навеселѣ. По его словамъ, это били пулеметы на Невскомъ. Однако, онъ радостно совѣтовалъ не подходить къ окнамъ.

Тутъ Наталья Михайловна съ ужасомъ подумала, что Вити нѣтъ дома. Она заметалась по квартирѣ, бросилась было къ мужу, но остановилась у дверей. Николай Петровичъ спалъ: спальная выходила окнами во дворъ и тамъ пальба была менѣе слышна. Наталья Михайловна вспомнила о телефонѣ и принялась звонить къ тремъ товарищамъ Вити, чьи адреса были ей извѣстны. Вездѣ телефонъ былъ занятъ, приходилось долго ждать соединенія. Вити нигдѣ не было. Прислуга ахала. Задыхаясь отъ отчаянья, Наталья Михайловна уже себѣ представляла, какъ по лѣстницѣ несутъ на носилкахъ тѣло Вити. Вдругъ раздался звонокъ — и Витя появился живой и невредимый. Ни-

какихъ приключеній съ нимъ не было, но онъ тоже слышалъ вблизи стрѣльбу, видѣлъ бѣгущихъ людей и понялъ, что дома будутъ о немъ безпокоиться.

Наталья Михайловна набросилась на сына. Отъ шума взволнованныхъ голосовъ проснулся Николай Петровичъ. Онъ чувствовалъ себя гораздо лучше. Наталья Михайловна сочла возможнымъ разсказать мужу о событіяхъ. Витя привезъ новости, восходившія, черезъ три промежуточныхъ инстанціи, къ Государственной Думѣ. Всѣ партіи объединились въ общемъ порывѣ къ освобожденію страны. Войска заперты въ казармахъ, — очевидно, правительство никакъ не можетъ на нихъ положиться. Офицерство на сторонѣ народа. Волненіе Николая Петровича было радостнымъ, почти восторженнымъ, — эти событія точно разрѣшили что-то тяжелое въ его личной жизни. Николай Петровичъ не сомнѣвался въ побѣдѣ страны надъ правительствомъ. Остатокъ вечера они провели въ спальной, втроемъ, въ такомъ сердечномъ, любовномъ и приподнятомъ настроеніи, котораго, быть можетъ, никогда не испытывала ихъ дружная семья. Эта атмосфера въ представленьяхъ Натальи Михайловны какъ-то соединилась съ происходившими событіями и повліяла на ея отношеніе къ нимъ.

На слѣдующій день Николай Петровичъ почти совсѣмъ оправился, температура упала до 36 градусовъ. Въ городѣ же начались невиданныя и неслыханныя дѣла. Газеты не вышли. Только тутъ петербуржцы почувствовали, какое огромное мѣсто газеты занимали въ жизни и какую тревогу вносило въ нее ихъ отсутствіе. Телефонъ заработалъ, передавая самыя удивительныя извѣстія. Закрылось все, фабрики, магазины, учебныя заведенія. Но радость и оживленіе въ столицѣ были необычайныя. Наталья Михайловна звонила къ друзьямъ мужа. Разговоръ — о впечатлѣніяхъ — былъ тоже безтолковый и восторженный. Люди безъ всякаго стѣсненія говорили по телефону о такихъ вещахъ, о которыхъ прежде въ тѣсномъ кругу разговари-

вали, понижая голосъ. Друзья Николая Петровича принадлежали преимущественно къ либеральному лагерю. Однако такъ же восторженно высказался о событіяхъ консерваторъ Артамоновъ, считавшійся «нѣсколько правѣе октябристовъ». Онъ даже еще больше волновался, чѣмъ другіе.

— Что? Боленъ? — кричалъ онъ по телефону. — Ну, разумѣется, пустяки... Событія-то каковы, а? Давно пора убрать всѣхъ этихъ швабовъ и германофиловъ!.. Что?.. Сердечно поздравьте Николая Петровича... Какъ съ чѣмъ?.. Уберемъ господъ Штюрмеровъ и всѣмъ народомъ дружно возьмемся за войну.. Да, впряжемся съ новой силой!.. Армія должна сказать свое слово... А?.. Что?.. Кто говоритъ?

Натальѣ Михайловнѣ помнилось, что Штюрмеръ ушелъ и что у власти находятся люди съ русскими фамиліями. Но желаніе понять происходившія событія, какъ патріотическій бунтъ арміи противъ германофиловъ, было видимо слишкомъ сильно въ Артамоновѣ. Въ эту минуту съ нимъ соединили кого-то еще. Наталья Михайловна услышала новый взрывъ восторженныхъ рѣчей Владиміра Ивановича. Она повѣсила трубку и радостно пошла передавать поздравленія мужу.

Все было бы хорошо, если бъ не Витя. Съ нимъ съ утра произошелъ непріятный разговоръ, и отъ атмосферы предыдущаго вечера осталось немного. Наталья Михайловна рѣшительно заявила, что только сумасшедшій человѣкъ можетъ въ такое время выходитъ на улицу. Витя не менѣе рѣшительно отвѣтилъ, что, если всѣ такъ будутъ разсуждать, некому будетъ вести борьбу.

— Обязанность каждаго гражданина пріобщиться къ дѣлу и принять въ немъ личное участіе, — горячо сказалъ онъ.

По существу Наталья Михайловна ничего возразить не могла, однако заперла на замокъ мѣховую шапку сына. Это не помогло. Витя, въ послѣдніе мѣсяцы отбившійся

отъ рукъ, ушелъ изъ дому тайкомъ въ лѣтней шляпѣ. Николай Петровичъ, въ отвѣтъ на страстную жалобу жены, сказалъ ей, что понимаетъ сына, — Наталья Михайловна только махнула рукой. Впрочемъ, теперь по близости отъ ихъ квартиры стрѣльбы не было слышно, и это ослабляло ея тревогу. Но телефонъ приносилъ все болѣе грозныя извѣстія. Въ разныхъ частяхъ города дѣйствовали пулеметы. Нѣкоторые, пріукрашивая, даже говорили: «идутъ бои», — совсѣмъ какъ въ сообщеніяхъ ставки. Къ удивленію Натальи Михайловны, почти всѣ знакомые, къ которымъ она звонила за свѣдѣніями, оказывались у себя дома. Позвонила она и къ Кременецкимъ и оттуда ей, въ томъ же тревожно-восторженномъ тонѣ, сообщили новости, шедшія прямо отъ князя Горенскаго. Въ войскахъ настроеніе явно сочувственное Государственной Думѣ, ждутъ съ минуты на минуту ихъ перехода на сторону революціи, — Наталья Михайловна тутъ впервые услышала, въ примѣненіи къ происходившимъ событіямъ, слово «революція», брошенное твердо, какъ самое естественное.

— Ну, слава Богу! — сказала она и даже перекрестилась отъ радости. Она подѣлилась съ Тамарой Матвѣевной своей тревогой. Узнавъ, что Витя ушелъ изъ дому, Тамара Матвѣевна, воплощенная доброта, заволновалась.

— Но какъ же вы его отпустили? Господи!.. Всѣ сидятъ дома... Я...

Тамара Матвѣевна чуть не сказала, что она утромъ прямо вцѣпилась въ Семена Исидоровича, который р в а л с я въ Государственную Думу. «Именно теперь ты долженъ беречь себя... Теперь такіе люди, какъ ты, особенно нужны Россіи!» — сказала она мужу. Семенъ Исидоровичъ уступилъ, но почти не отходилъ отъ телефона, безпрерывно сносясь съ извѣстнѣйшими людьми столицы.

— Да что же можно было сдѣлать? Онъ тайкомъ удралъ... Ошалѣлъ мальчишка, не въ чуланъ же было его запереть! — сказала въ отчаяніи Наталья Михайловна,

тревога которой опять усилилась отъ словъ Тамары Матвѣевны.

— Ну, Богъ дастъ, ничего не случится. Но когда онъ вернется, заприте вы его и не выпускайте. Это безуміе!..

— Милая, — умоляющимъ тономъ сказала Наталья Михайловна, — я ему велю позвонить къ вамъ. Скажите вы ему, ради Бога!.. Что?.. Пусть ему Муся скажетъ, она имѣетъ на него вліяніе... Спасибо, родная. Ну, прощайте... Господи!..

Витя опять вернулся вполнѣ благополучно и даже побѣдителемъ, но видъ у него былъ измученный и потрясенный, хоть торжествующій. На этотъ разъ онъ принималъ участіе въ огромномъ уличномъ митингѣ на Невскомъ Проспектѣ, у зданія Городской Думы. На митингѣ этомъ произносились такія рѣчи, отъ которыхъ, въ передачѣ Вити, у Натальи Михайловны остановилось сердце. Появилась полиція. Въ толпѣ запѣли одновременно «Марсельезу» и «Вихри враждебные». Произошло столкновеніе. Откуда-то раздался выстрѣлъ и тотчасъ затрещали пулеметы. Всѣ бросились вразсыпную. На глазахъ у Вити свалилось нѣсколько человѣкъ. Витя весь дрожалъ, разсказывая, хоть старался спокойно улыбаться. Онъ подумывалъ о томъ, чтобъ обзавестись оружіемъ; у него даже былъ на примѣтѣ револьверъ, «правда не браунингъ и не парабеллюмъ, а Смитъ-Вессонъ, но хорошій и большого калибра». Наталья Михайловна съ ужасомъ слушала сына. Теперь ей все было безразлично, лишь бы кончились такія дѣла и вернулась спокойная жизнь. Она сказала Витѣ, что Муся Кременецкая звонила по телефону и просила ее вызвать. Витя немедленно это сдѣлалъ. Муся подошла къ аппарату, выслушала его разсказъ и прочла ему наставленіе.

— Да, да, если вы хоть немного обо мнѣ думаете, — сказала она и тотчасъ поправилась, — о насъ всѣхъ, о вашихъ родителяхъ... Вы уже исполнили свой долгъ и до-

вольно. Сдѣлайте это для меня, Витя, если вы не думаете о себѣ.

Необыкновенно тронутый и взволнованный ея словами, Витя обѣщалъ больше не выходить изъ дому, пока все немного не успокоится. «Нѣтъ, ничего съ Клервиллемъ не было», — подумалъ онъ и душа его зажглась радостью. Онъ сдержалъ слово. На улицахъ пальба грохотала день и ночь. Въ сосѣднемъ домѣ разгромили квартиру какого-то генерала. Объ этомъ, съ тѣмъ же торжествующимъ, даже нѣсколько вызывающимъ видомъ разсказывала господамъ Маруся. Однако въ домѣ Яценко стало спокойнѣе. Николай Петровичъ всталъ съ постели и обѣдалъ съ семьей. Обѣдъ былъ источникомъ веселья. Подавали то, что можно было найти въ кладовой, да еще въ сосѣдней лавкѣ, открывавшейся иногда часа на два: шпроты, «альбертики», ветчину, варенье.

Затѣмъ пальба ослабѣла. Стали приходить пріятели, знакомые; среди нихъ были и такіе, фамиліи которыхъ не помнили хозяева. Зашелъ нотаріусъ, жившій въ первомъ этажѣ дома, никогда до того у нихъ не бывавшій. При встрѣчѣ люди поздравляли другъ друга и обнимались, точно это былъ какой-то вновь установленный обрядъ. Сначала это показалось Яценко страннымъ и неестественнымъ; потомъ онъ привыкъ, первый обнималъ друзей и чуть не обнялся съ нотаріусомъ. Николай Петровичъ былъ совершенно здоровъ и собирался выйти, но не зналъ, куда отправиться: о службѣ не могло быть рѣчи, идти «въ гости» не хотѣлось.

Поздно вечеромъ Яценко сказали по телефону, что горитъ зданіе Суда. Это столь неожиданное извѣстіе потрясло слѣдователя. Онъ немедленно надѣлъ шубу и вышелъ на улицу, несмотря на протесты и просьбы Натальи Михайловны.

XX.

Стрѣльба затихла. На улицахъ было оживленіе необыкновенное. Толпы народа валили съ Невскаго по Литейному, по Надеждинской, по Знаменской. Шли и по мостовой, хотя было достаточно мѣста на тротуарахъ. Яценко вглядывался въ проходившихъ людей и не узналъ петербургской толпы. Одни шли, какъ на сценѣ статисты во время побѣднаго марша, другіе — такъ, точно неслись куда-то на крыльяхъ. Восторженное волненіе выражалось на всѣхъ лицахъ. У многихъ было даже молитвенное выраженіе, которое показалось Николаю Петровичу неестественнымъ. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно искренній и не могъ оставаться долго въ состояніи фальшивыхъ чувствъ.

Видъ этой толпы немного измѣнилъ настроеніе Николая Петровича. Событія по прежнему переполняли его душу радостью, но уже меньше, чѣмъ дома. Онъ еще неясно сознавалъ эту перемѣну и нѣсколько ея стыдился. «Нельзя быть впечатлительнымъ, какъ нервная дама!» — сказалъ себѣ Яценко. — «Всѣ радуются освобожденію страны и всѣ совершенно правы. Сбылась мечта декабристовъ, мечта десятка поколѣній... Но все таки что-то не то... Вотъ и послѣ взятія Перемышля такая же была радость на улицахъ—искренняя и не совсѣмъ искренняя... Собственно настоящій восторгъ можетъ быть только отъ событій личныхъ» нерѣшительно подумалъ онъ. Загораживая дорогу Николаю Петровичу, два человѣка заключили другъ друга въ объятія. Онъ раздраженно на нихъ взглянулъ, пытаясь короткими шажками обойти ихъ то справа, то слѣва.

— ...Да, какъ же, у казармъ войска братаются съ народомъ! — восторженно сказалъ господинъ въ бобровой шапкѣ, — я самъ видѣлъ!..

— Господи, неужели это окончательно? Довелось же дожить!.. Изъ тюремъ выпустили у з н и к о в ъ, которые тамъ т о м и л и с ь...

«Какъ однако неестественно стали говорить люди», — подумалъ Яценко, проходя. «Разумѣется прекрасно, что войска отказываются стрѣлять въ народъ, но «братаются»!.. Какъ это дѣлаютъ? Что такое «братаются»? — Онъ едва ли не впервые услышалъ тогда это слово.

Казачій отрядъ проѣхалъ легкой рысью, разрѣзая проходъ на улицѣ. Отшатнувшаяся къ тротуарамъ толпа смотрѣла на нихъ съ тревожнымъ чувствомъ, какъ бы еще не выяснивъ своего отношенія къ этому явленію. У казаковъ видъ былъ тоже странный, чуть растерянный и вмѣстѣ молодцеватый болѣе обычнаго, — словно и они еще не рѣшили, что нужно дѣлать: не то б р а т а т ь с я съ толпою, не то взяться за нагайки. Николаю Петровичу показалось, что и то, и другое одинаково возможно. Казаки свернули въ боковую улицу и скрылись. Всѣ вздохнули свободнѣе. «По Литейному, пожалуй, не пройти»,—подумалъ Яценко, —«надо выйти на Шпалерную... Не можетъ быть однако, чтобы сгорѣлъ судъ».. Онъ думалъ о своей камерѣ, о дѣлахъ, о документахъ. Вдругъ впереди раздались рукоплесканья. Въ одно мгновенье они распространились по улицѣ и смѣшались съ криками «Ур-ра»!.. Справа медленно выѣзжалъ грузовикъ съ краснымъ флагомъ. На немъ сидѣли и стояли солдаты съ ружьями въ самыхъ странныхъ позахъ: свѣсивъ ноги какъ съ телѣги, на колѣняхъ, на корточкахъ, во весь ростъ. Огромный солдатъ стоялъ на грузовикѣ, приложивъ ружье къ плечу, нѣсколько прищуривъ глазъ. Рядомъ съ Николаемъ Петровичемъ молодые люди съ яростью апплодировали изо всей силы и что-то ревѣли. Яценко вдругъ хлопнулъ раза два въ ладоши, — на немъ были толстыя ватныя перчатки, апплодировать было невозможно, но и этотъ непонятный поступокъ онъ потомъ долго не могъ себѣ простить. Грузовикъ проѣхалъ къ Невскому, мимо Николая Петровича прошло дуло

ружья, — онъ невольно уклонился съ непріятнымъ чувствомъ. Ему навсегда запомнился этотъ высокій полупьяный солдатъ: лицо у него было тупое, испуганное и злобное. «Нѣтъ, не то, не то»... — тоскливо подумалъ Яценко.

По Шпалерной пройти было легче. Николаю Петровичу попадались въ толпѣ знакомыя лица. Весь интеллигентскій Петербургъ высыпалъ на улицу. Яценко шелъ довольно быстро. Волненіе его все усиливалось по мѣрѣ приближенія къ Суду. Вдругъ онъ снова услышалъ впереди крики «ура!» Къ нему приближался странный шатающійся огонь. Николай Петровичъ увидѣлъ молодыхъ рабочихъ, бѣжавшихъ по мостовой съ факеломъ. У факела, поднявъ лѣвую руку и оглядываясь по сторонамъ, неестественно-большими шагами шагалъ человѣкъ въ тулупѣ; въ правой рукѣ онъ держалъ обнаженную саблю. За нимъ толпа несла на плечахъ, съ трудомъ поспѣвая за факельщиками, странно одѣтыхъ людей, которые кричали и махали шапками, то неловко поднимаясь, точно въ стременахъ, то хватаясь за плечи и шеи несущихъ. Процессія поровнялась съ фонаремъ. Яценко остановился, — лицо его дернулось: среди людей, которыхъ несли на рукахъ, онъ узналъ Загряцкаго.

Судъ, повидимому, былъ подожженъ давно. Зданіе горѣло изнутри. Къ небу валилъ густой рыжеватый дымъ. Мостовая была засыпана кипами бумагъ, осколками стеколъ. На противоположномъ тротуарѣ Литейнаго стояла толпа. Но никто и не пытался тушить пожаръ. Здѣсь было тише, чѣмъ на прилегавшихъ улицахъ. На углу Захарьинской Николай Петровичъ увидѣлъ знакомыхъ адвокатовъ: они озабоченно суетились около большихъ портретовъ, прислоненныхъ къ стѣнѣ дома. Яценко пробрался къ этому мѣсту и поздоровался со знакомыми. Здѣсь были Кременецкій, Фоминъ. Семенъ Исидоровичъ, молча, крѣпко и взволнованно сжалъ руку слѣдователя. Въ нѣсколь-

кихъ шагахъ отъ нихъ у фонаря неподвижно стоялъ Александръ Браунъ. Въ глазахъ Николая Петровича скользнулъ испугъ. Браунъ смотрѣлъ на пожаръ холоднымъ, почти безжизненнымъ взглядомъ.

— ...Положительно злой рокъ преслѣдуетъ всѣ творенія Баженова, — говорилъ сокрушенно Фоминъ. - Вспомните Царицынскій дворецъ или Кремлевскій... Въ этомъ чудесномъ зданіи намѣчалось возвращеніе къ нашему удивительному, еще не оцѣненному барокко. Я думаю.

— Ахъ, полноте, до того ли теперь? — сказалъ, морщась, Кременецкій. Оглушительный трескъ прервалъ его слова. Всѣ ахнули. Полуовальное окно второго этажа лопнуло, стекло повалилось на улицу. Семенъ Исидоровичъ схватился за голову.

— Все-таки здѣсь прошла наша жизнь, — сказалъ онъ. Голосъ его вдругъ дрогнулъ отъ искренняго волненія. Яценко увидѣлъ слезы въ глазахъ Семена Исидоровича и почувствовалъ, что у него у самого подходятъ къ горлу рыданья. «Да, здѣсь прошла наша жизнь... Можетъ быть, и всему конецъ... Вѣдь это Россія горитъ»! — подумалъ Николай Петровичъ. Огонь метнулся въ окно, изогнулся, лизнулъ фреску надъ оваломъ, изображавшую какой-то портфель. — «Пусть же хоть дѣти наши будутъ умнѣе и главное, счастливѣе, чѣмъ были мы»!..

Страшное пламя вырвалось наружу и охватило зданіе, стѣны, крышу, отсвѣчиваясь заревомъ въ небѣ, освѣщая невеселый праздникъ на развалинахъ огромнаго государства.

М. Алдановъ.

Конецъ послѣдняго отрывка перваго тома

Защита Лужина

Романъ.

1.

Больше всего его поразило то, что съ понедѣльника онъ будетъ Лужинымъ. Его отецъ — настоящій Лужинъ, пожилой Лужинъ, Лужинъ, писавшій книги, — вышелъ отъ него, улыбаясь, потирая руки, уже смазанныя на ночь прозрачнымъ англійскимъ кремомъ, и своей вечерней замшевой походкой вернулся къ себѣ въ спальню. Жена лежала въ постели. Она приподнялась и спросила: «Ну что, какъ?» Онъ снялъ свой сѣрый халатъ и отвѣтилъ: «Обошлось. Принялъ спокойно. Ухъ... Прямо гора съ плечъ». «Какъ хорошо... — сказала жена, медленно натягивая на себя шелковое одѣяло. — Слава Богу, слава Богу...»

Это было и впрямь облегченіе. Все лѣто быстрое дачное лѣто, состоящее въ общемъ изъ трехъ запаховъ: сирень, сѣнокосъ, сухіе листья — все лѣто они обсуждали вопросъ, когда и какъ передъ нимъ открыться, и откладывали, откладывали, дотянули до конца августа. Они ходили вокругъ него, съ опаской суживая круги, но, только онъ поднималъ голову, отецъ съ напускнымъ интересомъ уже стучалъ по стеклу барометра, гдѣ стрѣлка всегда стояла на штормѣ, а мать уплывала куда-то вглубь дома, оставляя всѣ двери открытыми, забывая длинный, неряшливый букетъ колокольчиковъ на крышкѣ рояля. Тучная француженка, читавшая ему вслухъ «Монтекристо» и прерывавшая чтеніе, чтобы съ чувствомъ воскликнуть: «бѣдный, бѣдный Дантесъ!», предлагала его родителямъ, что сама

возьметъ быка за рога хотя быка этого смертельно боялась. Бѣдный, бѣдный Дантесъ не возбуждалъ въ немъ участія, и, наблюдая ея воспитательный вздохъ, онъ только щурился и терзалъ резинкой ватманскую бумагу, стараясь поужаснѣе нарисовать выпуклость ея бюста.

Черезъ много лѣтъ, въ неожиданный годъ просвѣтлѣнія, очарованія, онъ съ обморочнымъ восторгомъ вспомнилъ эти часы чтенія на верандѣ, плывущей подъ шумъ сада. Воспоминаніе пропитано было солнцемъ и сладкочернильнымъ вкусомъ тѣхъ лакричныхъ палочекъ, которыя она дробила ударами перочиннаго ножа и убѣждала держать подъ языкомъ. И обойные гвоздики, которые онъ однажды положилъ на плетеное сидѣніе кресла, предназначеннаго принять съ разсыпчатымъ потрескиваніемъ ея грузный крупъ, были въ его воспоминаніи равноцѣнны и солнцу, и шуму сада, и комару, который, присосавшись къ его ободранному колѣну, поднималъ въ блаженствѣ рубиновое брюшко. Хорошо, подробно знаетъ десятилѣтній мальчикъ свои колѣнки, — расчесанный до крови волдырь, бѣлые слѣды ногтей на загорѣлой кожѣ, и всѣ тѣ царапины, которыми расписываются песчинки, камушки, острые прутики. Комаръ улеталъ, избѣжавъ хлопка, француженка просила не егозить; съ остервенѣніемъ, скаля неровные зубы, — которые столичный дантистъ обхватилъ платиновой проволокой, — нагнувъ голову съ завиткомъ на макушкѣ, онъ чесалъ, скребъ всей пятерней укушенное мѣсто, — и медленно, съ возрастающимъ ужасомъ, француженка тянулась къ открытой рисовальной тетради, къ невѣроятной каррикатурѣ.

— «Нѣтъ, я лучше самъ ему скажу, — неувѣренно отвѣтилъ Лужинъ старшій на ея предложеніе. — Скажу ему погодя, пускай онъ спокойно пишетъ у меня диктовки» «Это ложь, что въ театрѣ нѣтъ ложъ, — мѣрно диктовалъ онъ, гуляя взадъ и впередъ по классной. — Это ложь, что въ театрѣ нѣтъ ложъ». И сынъ писалъ, почти лежа на столѣ, скаля зубы въ металлическихъ лѣсахъ, и оставлялъ

просто пустыя мѣста на словахъ «ложь» и «ложъ». Лучше шла ариѳметика: была таинственная сладость въ томъ, что длинное, съ трудомъ добытое число, въ рѣшительный мигъ, послѣ многихъ приключеній, безъ остатка дѣлится на девятнадцать.

Онъ боялся, Лужинъ старшій, что, когда сынъ узнаетъ, зачѣмъ такъ нужны были совершенно безликіе Труворъ и Синеусъ, и таблица словъ, требующихъ ять, и главнѣйшія русскія рѣки, съ нимъ случится то же, что два года назадъ, когда, медленно и тяжко, при звукѣ скрипѣвшихъ ступеней, стрѣлявшихъ половицъ, передвигаемыхъ сундуковъ, наполнивъ собою весь домъ, появилась француженка. Но ничего такого не случилось, онъ слушалъ спокойно, и только, когда отецъ, старавшійся подбирать любопытнѣйшія, привлекательнѣйшія подробности, сказалъ, между прочимъ, что его, какъ взрослаго, будутъ звать по фамиліи, сынъ покраснѣлъ, заморгалъ, откинулся навзничь на подушку, открывая ротъ и мотая головой («не ерзай такъ», опасливо сказалъ отецъ, замѣтивъ его смущеніе и ожидая слезъ), но не расплакался, а вмѣсто этого весь какъ то надулся, зарылъ лицо въ подушку, пукая въ нее губами, и вдругъ, быстро привставъ, — трепанный, теплый, съ блестящими глазами,—спросилъ скороговоркой, будутъ ли и дома звать его Лужинымъ.

И теперь, по дорогѣ на станцію, въ пасмурный, напряженный день, Лужинъ старшій, сидя рядомъ съ женой въ колескѣ, смотрѣлъ на сына, готовый тотчасъ же улыбнуться, если тотъ повернетъ къ нему упрямо-отклоненное лицо, и недоумѣвалъ, съ чего это онъ вдругъ сталъ «крѣпенькій», какъ выражалась жена. Сынъ сидѣлъ на передней скамеечкѣ, закутанный въ бурый лоденъ, въ матросской шапкѣ, надѣтой криво, но которую никто на свѣтѣ сейчасъ не посмѣлъ бы поправить, и глядѣлъ въ сторону, на толстые стволы березъ, которые, крутясь, шли мимо, вдоль канавы, полной ихъ листьевъ. «Тебѣ не холод-

но?» — спросила мать, когда, на поворотѣ къ мосту, хлынулъ вѣтеръ, отъ чего пробѣжала пушистая рябь по сѣрому птичьему крылу на ея шляпѣ. «Холодно», — сказалъ сынъ, глядя на рѣку. Мать, съ мурлыкающимъ звукомъ, потянулась было къ его плащику, но, замѣтивъ выраженіе его глазъ, отдернула руку и только показала переборомъ пальцевъ по воздуху: «завернись, завернись поплотнѣе». Сынъ не шевельнулся. Она, пуча губы, чтобы отлѣпилась вуалетка ото рта, — постоянное движеніе, почти тикъ, — посмотрѣла на мужа, молча прося содѣйствія. Онъ тоже былъ въ плащѣ-лоденѣ, руки въ плотныхъ перчаткахъ лежали на клѣтчатомъ пледѣ, который полого спускался и, образовавъ долину, чуть-чуть поднимался опять, до поясницы маленькаго Лужина. «Лужинъ, — сказалъ онъ съ дѣланной веселостью, — а, Лужинъ?» — и подъ пледомъ мягко толкнулъ сына ногой. Лужинъ подобралъ колѣнки. Вотъ крыши избъ, густо поросшія яркимъ мхомъ, вотъ знакомый старый столбъ съ полустертой надписью (названіе деревни и число душъ), вотъ журавль, ведро, черная грязь, бѣлоногая баба. За деревней поѣхали шагомъ въ гору, и сзади, внизу, появилась вторая коляска, гдѣ тѣсно сидѣли француженка и экономка, ненавидѣвшія другъ дружку. Кучеръ чмокнулъ, лошади опять пустились рысью. Надъ жнивьемъ по безцвѣтному небу медленно летѣла ворона.

Станція находилась въ двухъ верстахъ отъ усадьбы, тамъ, гдѣ дорога, гулко и гладко пройдя сквозь еловый боръ, пересѣкала петербургское шоссе и текла дальше, черезъ рельсы, подъ шлагбаумъ, въ неизвѣстность. «Если хочешь, пусти маріонетокъ» - - льстиво сказалъ Лужинъ старшій, когда сынъ выпрыгнулъ изъ коляски и уставился въ землю, поводя шеей, которую щипала шерсть лодена. Сынъ молча взялъ протянутый гривенникъ. Изъ второй коляски грузно выползали француженка и экономка, одна вправо, другая влѣво. Отецъ снималъ перчатки. Мать, оттягивая вуаль, слѣдила за грудастымъ носильщи-

комъ, забиравшимъ пледы. Прошелъ вѣтеръ, поднялъ гривы лошадей, надулъ малиновые рукава кучера.

Оказавшись одинъ на платформѣ, Лужинъ пошелъ къ стеклянному ящику, гдѣ пять куколокъ съ голыми висячими ножками ждали, чтобы ожить и завертѣться, толчка монеты; но это ожиданіе было сегодня напрасно, такъ какъ автоматъ оказался испорченнымъ, и гривенникъ пропалъ даромъ. Лужинъ подождалъ, потомъ отвернулся и подошелъ къ краю платформы. Справа, на огромномъ тюкѣ, сидѣла дѣвочка и, подперевъ ладонью локоть, ѣла зеленое яблоко. Слѣва стоялъ человѣкъ въ крагахъ, со стекомъ въ рукахъ, и глядѣлъ вдаль, на опушку лѣса, изъза котораго черезъ нѣсколько минутъ появится предвѣстникъ поѣзда — бѣлый дымокъ. Спереди, по ту сторону рельсъ, около безколеснаго желтаго вагона второго класса, вросшаго въ землю и превращеннаго въ постоянное человѣческое жилье, мужикъ кололъ дрова. Вдругъ туманъ слезъ скрылъ все это, обожгло рѣсницы, невозможно перенести то, что сейчасъ будетъ, — отецъ съ вѣеромъ билетовъ въ рукѣ, мать, считающая глазами чемоданы, влетающій поѣздъ, носильщикъ, приставляющій лѣсенку къ площадкѣ вагона, чтобы удобнѣе было подняться. Онъ оглянулся. Дѣвочка ѣла яблоко; человѣкъ въ крагахъ смотрѣлъ вдаль; все было спокойно. Онъ дошелъ, словно гуляя, до конца платформы и вдругъ задвигался очень быстро, сбѣжалъ по ступенямъ, — битая тропинка, садикъ начальника станціи, заборъ, калитка, елки, — дальше оз ражекъ и сразу густой лѣсъ.

Сначала онъ бѣжалъ прямо лѣсомъ, шурша въ папоротникѣ, скользя на красноватыхъ ландышевыхъ листьяхъ, — и шапка висѣла сзади на шеѣ, придержанная только резинкой, колѣнямъ въ шерстяныхъ, уже городскихъ чулкахъ было жарко, — онъ плакалъ на бѣгу, по-дѣтски картаво чертыхаясь, когда вѣтка хлестала по лбу, — и наконецъ остановился, присѣлъ, запыхавшись, на корточки, такъ что лодснъ покрылъ ему ноги.

Только сегодня, въ день переѣзда изъ деревни въ городъ, въ день, самъ по себѣ не сладкій, когда домъ полонъ сквозняковъ, и такъ завидуешь садовнику, который никуда не ѣдетъ, только сегодня онъ понялъ весь ужасъ перемѣны, о которой ему говорилъ отецъ. Прежнія осеннія возвращенія въ городъ показались счастьемъ. Ежедневная утренняя прогулка съ француженкой, — всегда по однѣмъ и тѣмъ же улицамъ, по Невскому и кругомъ, черезъ Набережную, домой, — никогда не повторится. Счастливая прогулка. Иногда ему предлагали начать съ Набережной, но онъ всегда отказывался, — не столько потому, что съ ранняго дѣтства любилъ привычку, сколько потому, что нестерпимо боялся петропавловской пушки, громового, тяжкаго удара, отъ котораго дрожали стекла домовъ, и могла лопнуть перепонка въ ухѣ, — и всегда устраивался такъ (путемъ незамѣтныхъ маневровъ), чтобы въ двѣнадцать часовъ быть на Невскомъ, подальше отъ пушки,—выстрѣлъ которой настигъ бы его у самаго дворца, если бы измѣнился порядокъ прогулки. Кончено также пріятное раздумье послѣ завтрака, на диванѣ, подъ тигровымъ одѣяломъ, и ровно въ два — молоко въ серебряной чашкѣ, придающей молоку такой драгоцѣнный вкусъ, и ровно въ три — катаніе въ открытомъ ландо. Взамѣнъ всего этого было нѣчто, отвратительное своей новизной и неизвѣстностью, невозможный, непріемлемый міръ, гдѣ будетъ пять уроковъ подрядъ и толпа мальчиковъ, еще болѣе страшныхъ, чѣмъ тѣ, которые недавно, въ іюльскій день, на мосту, окружили его, навели жестяные пистолеты, пальнули въ него палочками, съ которыхъ коварно были сдернуты резиновые наконечники.

Въ лѣсу было тихо и сыро. Наплакавшись вдоволь, онъ поигралъ съ жукомъ, нервно поводившимъ усами, и потомъ долго его давилъ камнемъ, стараясь повторить первоначальный сдобный хрустъ. Погодя онъ замѣтилъ, что заморосило. Тогда онъ всталъ съ земли, нашелъ знакомую тропинку и побѣжалъ, спотыкаясь о корни, со смут-

ной, мстительной мыслью, добраться до дому и тамъ спрятаться, провести тамъ зиму, питаясь въ кладовой варенъемъ и сыромъ. Тропинка, минутъ десять поюливъ въ лѣсу, спустилась къ рѣкѣ, которая была сплошь въ кольцахъ отъ дождя, и еще черезъ пять минутъ показался лѣсопильный заводъ, мельница, мостъ, гдѣ по щиколку утопаешь въ опилкахъ, и дорожка вверхъ, и черезъ голые кусты сирени — домъ. Онъ прокрался вдоль стѣны, увидѣлъ, что окно гостиной открыто и, взобравшись около водосточной трубы на зеленый, облупленный карнизъ, перевалился черезъ подоконникъ. Въ гостиной онъ остановился, прислушался. Дагерротипъ дѣда, отца матери, — черные баки, скрипка въ рукахъ, — смотрѣлъ на него въ упоръ, но совершенно исчезъ, растворился въ стеклѣ, какъ только онъ посмотрѣлъ на портретъ сбоку, — печальная забава, которую онъ никогда не пропускалъ, входя въ гостиную. Подумавъ, подвигавъ верхней губой, отчего платиновая проволока на переднихъ зубахъ свободно ѣздила вверхъ и внизъ, онъ осторожно открылъ дверь и, вздрагивая отъ звонкаго эхо, слишкомъ поспѣшно послѣ отъѣзда хозяевъ вселившагося въ домъ, метнулся по корридору и оттуда, по лѣстницѣ, на чердакъ. Чердакъ былъ особенный, съ оконцемъ, черезъ которое можно было смотрѣть внизъ, на лѣстницу, на коричневый блескъ ея перилъ, плавно изгибавшихся пониже, терявшихся въ туманѣ. Въ домѣ было совершенно тихо. Погодя, снизу, изъ кабинета отца, донесся заглушенный звонъ телефона. Звонъ продолжался съ перерывами довольно долго. Потомъ опять тишина.

Онъ устроился на ящикѣ. Рядомъ былъ такой же ящикъ, но открытый, и въ немъ были книги. Дамскій велосипедъ съ рваной зеленой сѣткой, натянутой вдоль задняго колеса, стоялъ на головѣ въ углу, между необструганной доской, прислоненной къ стѣнѣ, и огромнымъ бауломъ. Черезъ нѣсколько минутъ Лужину стало скучно, какъ когда горло обвязано фланелью, и нельзя выходить.

Онъ потрогалъ пыльныя, сѣрыя книги въ ящикѣ, оставляя на нихъ черные отпечатки. Кромѣ книгъ, былъ волянъ съ однимъ перомъ, большая фотографія (военный оркестръ), шахматная доска съ трещиной и прочія, не очень занимательныя вещи.

Такъ прошелъ часъ. Онъ услышалъ вдругъ шумъ голосовъ, воющій звукъ парадной двери и, осторожно выглянувъ въ окошечко, увидѣлъ внизу отца, который, какъ мальчикъ, взбѣгалъ по лѣстницѣ и, не добѣжавъ до площадки, опять проворно спустился, двигая врозь колѣнями. Тамъ, внизу, слышались теперь ясно голоса, — буфетчика, кучера, сторожа. Черезъ минуту лѣстница опять ожила, на этотъ разъ быстро поднималась по ней мать, придерживая юбку, но тоже до площадки не дошла, а перегнулась черезъ перила и потомъ, быстро, разставивъ руки, сошла внизъ. Наконецъ, еще черезъ минуту, всѣ гурьбой поднялись наверхъ, – блестѣла лысина отца, птица на шляпѣ матери колебалась, какъ утка на бурномъ пруду, прыгалъ сѣдой бобрикъ буфетчика; сзади, поминутно перегибаясь черезъ перила, поднимались кучеръ, сторожъ и, почему-то, Акулина-молочница, да еще чернобородый мужикъ съ мельницы, обитатель будущихъ кошмаровъ. Онъ-то, какъ самый сильный, и понесъ его съ чердака до коляски.

2.

Лужинъ старшій, Лужинъ, писавшій книги, часто думалъ о томъ, что можетъ выйти изъ его сына. Въ его книгахъ, — а всѣ онѣ, кромѣ забытаго романа «Угаръ», были написаны для отроковъ, юношей, учениковъ среднеучебныхъ заведеній, и продавались въ крѣпкихъ, красочныхъ, переплетахъ, — постоянно мелькалъ образъ бѣлокураго мальчика, и взбалмошнаго, и задумчиваго, который превращался въ скрипача или живописца, не теряя при этомъ нравственной своей красоты. Едва уловимую особенность,

отличавшую его сына отъ всѣхъ тѣхъ дѣтей, которыя, по его мнѣнію, должны были стать людьми, ничѣмъ незамѣчательными (если предположить, что существуютъ такіе люди), онъ понималъ, какъ тайное волненіе таланта, и, твердо помня, что покойный тесть былъ композиторомъ (довольно, впрочемъ, сухимъ и склоннымъ, въ зрѣлые годы, къ сомнительному блистанію виртуозности), онъ не разъ, въ пріятной мечтѣ, похожей на литографію, спускался ночью со свѣчей въ гостиную, гдѣ вундеркиндъ въ бѣлой рубашонкѣ до пятъ играетъ на огромномъ, черномъ роялѣ.

Ему казалось, что всѣ должны видѣть недюжинность его сына; ему казалось, что, быть можетъ, люди со стороны лучше въ ней разбираются, чѣмъ онъ самъ. Школа, которую онъ для сына выбралъ, особенно славилась внимательностью къ такъ называемой «внутренней» жизни ученика, гуманностью, вдумчивостью, дружескимъ проникновеніемъ. Легенда говорила, что, въ первое время ея существованія, учителя въ часъ большой перемѣны рѣзвились съ ребятами, — физикъ мялъ, глядя черезъ плечо, комокъ снѣга, математикъ получалъ на бѣгу крѣпкій мячикъ въ ребра, и самъ директоръ веселымъ восклицаніемъ поощрялъ игру. Такихъ общихъ игръ теперь больше не было, но идиллическая слава осталась. Класснымъ воспитателемъ сына былъ учитель русской словесности, добрый знакомый писателя Лужина и, кстати сказать, недурной лирическій поэтъ, выпустившій сборникъ подражаній Анакреону. «Забредите, — сказалъ онъ въ тотъ день, когда Лужинъ старшій въ первый разъ привелъ сына въ школу. — Въ любой четвергъ, около двѣнадцати». Лужинъ забрелъ. На лѣстницѣ было пусто и тихо. Проходя черезъ залъ въ учительскую, онъ услышалъ изъ второго класса глухой, многоголосый раскатъ смѣха. Затѣмъ, въ тишинѣ, шаги его особенно звонко застучали по желтому паркету зала. Въ учительской, у большого стола, по-

крытаго сукномъ, напоминавшимъ объ экзаменахъ, сидѣлъ воспитатель и писалъ письмо.

Съ тѣхъ поръ, какъ его сынъ поступилъ въ школу, онъ съ воспитателемъ еще не говорилъ и теперь, спустя мѣсяцъ являясь къ нему, былъ полонъ щекочущаго ожиданія, нѣкотораго волненія и робости, — всѣхъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ нѣкогда испыталъ, когда, юношей въ студенческой формѣ, пришелъ къ редактору, которому недавно послалъ первую свою повѣсть. И теперь, какъ и тогда, вмѣсто словъ изумленія, которыхъ онъ смутно ожидалъ (какъ, проснувшись въ чужомъ городѣ, ожидаешь, еще не раскрывъ вѣкъ, необыкновеннаго, сіяющаго утра), вмѣсто всѣхъ тѣхъ словъ, которыя онъ бы съ такой охотой самъ подсказалъ, если бы не надежда, что все-таки ихъ дождется, — онъ услышалъ пасмурныя, холодноватыя слова, доказывавшія, что его сына воспитатель понимаетъ еще меньше, чѣмъ онъ самъ. О какой-либо тайной даровитости тотъ и не обмолвился. Наклонивъ блѣдное, бородатое лицо съ двумя розовыми выемками по бокамъ носа, съ котораго онъ осторожно снялъ цѣпкое пенснэ, вытирая глаза ладонью, воспитатель началъ говорить первымъ, сказалъ, что мальчикъ могъ бы учиться лучше, что мальчикъ, кажется, не ладитъ съ товарищами, что мальчикъ мало бѣгаетъ на перемѣнахъ... «Способности у мальчика несомнѣнно есть, — сказалъ воспитатель, покончивъ манипуляціи съ глазами, — но наблюдается нѣкоторая вялость». Въ это мгновеніе гдѣ-то внизу родился звонокъ, перекинулся наверхъ, невыносимо пронзительно прошелъ по всему зданію. Послѣ этого были двѣ-три секунды полнѣйшей тишины, — и вдругъ все ожило, зашумѣло, захлопали крышки партъ, залъ наполнился говоромъ, топотомъ. «Большая перемѣна, — сказалъ воспитатель. — Если хотите, сойдемте во дворъ, посмотрите, какъ рѣзвятся ребята».

Они быстро съѣзжали по каменной лѣстницѣ, обнявъ балюстраду, скользя подошвами сандалій по отшлифо-

ваннымъ краямъ ступеней. Внизу, въ темной тѣснотѣ вѣшалокъ, переобувались; иные сидѣли на широкихъ подоконникахъ, кряхтѣли, поспѣшно затягивая шнурки. Вдругъ онъ увидѣлъ сына, который, сгорбившись, брезгливо вынималъ сапоги изъ мѣшочка. Бѣлобрысый мальчикъ второпяхъ толкнулъ его, онъ посторонился и вдругъ увидѣлъ отца. Отецъ улыбался ему, держа свой каракулевый колпакъ и ребромъ руки выдавливая необходимую бороздку. Лужинъ прищурился и отвернулся, словно отца не замѣтилъ. Присѣвъ на полъ, спиной къ отцу, онъ завозился съ сапогами; тѣ, кто успѣлъ уже одѣться, ступали черезъ него, и онъ, послѣ каждаго толчка, все больше горбился, забивался въ сумракъ. Когда онъ наконецъ вышелъ, — въ длинномъ, сѣромъ пальто и каракулевомъ колпачкѣ (который одинъ и тотъ же дѣтина постоянно съ него смахивалъ), отецъ уже стоялъ у воротъ, въ томъ концѣ двора, и выжидательно смотрѣлъ въ его сторону. Рядомъ стоялъ воспитатель и, когда сѣрый резиновый мячъ, которымъ играли въ футболъ, подкатился случайно къ его ногамъ, учитель словесности, инстинктивно продолжая очаровательное преданіе, сдѣлалъ видъ, что хочетъ его пнуть, неловко потоптался, чуть не потерялъ галошу и разсмѣялся съ большимъ добродушіемъ. Отецъ поддержалъ его за локоть, и Лужинъ младшій, улучивъ мгновеніе, вернулся въ переднюю, гдѣ уже было совсѣмъ спокойно, и, скрытый вѣшалками, блаженно зѣвалъ швейцаръ. Черезъ дверное стекло, между чугунныхъ лучей звѣздообразной рѣшетки, онъ увидѣлъ, какъ отецъ вдругъ снялъ перчатку, быстро попрощался съ воспитателемъ и исчезъ въ подворотнѣ. Только тогда онъ выползъ опять и, осторожно обходя игравшихъ, пробрался налѣво, подъ арку, гдѣ были сложены дрова. Тамъ, поднявъ воротникъ, онъ сѣлъ на полѣнья.

Такъ онъ просидѣлъ около двухсотъ пятидесяти большихъ перемѣнъ, до того года, когда онъ былъ увезенъ заграницу. Иногда воспитатель неожиданно появлялся изъ-

за угла. «Что жъ ты, Лужинъ, все сидишь кучей? Побѣгалъ бы съ товарищами». Лужинъ вставалъ съ дровъ, выходилъ изъ-подъ арки въ четвероугольный задній дворъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ, стараясь найти точку, равноотстоящую отъ тѣхъ трехъ его одноклассниковъ, которые бывали особенно свирѣпы въ этотъ часъ, шарахался отъ мяча, пущеннаго чьимъ-то звучнымъ пинкомъ, и, удостовѣрившись, что воспитатель далеко, возвращался къ дровамъ. Онъ избралъ это мѣсто въ первый же день, въ тотъ темный день, когда онъ почувствовалъ вокругъ себя такую ненависть, такое глумливое любопытство, что глаза сами собой наливались горячей мутью, и все то, на что онъ глядѣлъ,—по проклятой необходимости смотрѣть на что-нибудь,—подвергалось замысловатымъ оптическимъ метаморфозамъ. Страница въ голубую клѣтку застилалась туманомъ; бѣлыя цифры на черной доскѣ то суживались, то расплывались; какъ будто равномѣрно удаляясь, становился глуше и неразборчивѣе голосъ учителя, и сосѣдъ по партѣ, вкрадчивый извергъ съ пушкомъ на щекахъ, тихо и удовлетворенно говорилъ: «сейчасъ расплачется». Но онъ не расплакался ни разу, не расплакался даже тогда, когда въ уборной, общими усиліями, пытались вогнуть его голову въ низкую раковину, гдѣ застыли желтые пузыри. «Господа, — сказалъ воспитатель на одномъ изъ первыхъ уроковъ, - вашъ новый товарищъ — сынъ писателя. Котораго, если вы еще не читали, то прочитайте». И крупными буквами онъ записалъ на доскѣ, такъ нажимая, что изъ-подъ пальцевъ съ хрустомъ крошился мѣлъ: «Приключенія Антоши, изд. Сильвестрова». Въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ послѣ этого Лужина звали Антошей. Извергъ съ таинственнымъ видомъ принесъ въ классъ книжку и во время урока исподтишка показывалъ ее другимъ, многозначительно косясь на Лужина, — а когда урокъ кончился, сталъ читать вслухъ изъ середины, нарочито коверкая слова. Петрищевъ, смотрѣвшій черезъ его плечо, хотѣлъ задержать страницу, и она порвалась. Кребсъ

сказалъ скороговоркой: «Мой папа говоритъ, что это писатель очень второго сорта». Громовъ крикнулъ: «Пусть Антоша намъ вслухъ почитаетъ!» «А мы лучше каждому по кусочку дадимъ», — со смакомъ сказалъ шутъ класса, послѣ бурной схватки завладѣвшій красно-золотой нарядной книжкой. Страницы разсыпались по всему классу. На одной была картинка, — ясноокій гимназистъ на углу улицы кормитъ своимъ завтракомъ облѣзлую собаку. На слѣдующій день Лужинъ нашелъ ее, аккуратно прибитой кнопками къ внутренней сторонѣ партовой крышки.

Скоро, впрочемъ, его оставили въ покоѣ, только изрѣдка вспыхивала глупая кличка, но такъ какъ онъ упорно на нее не отзывался, то и она, наконецъ, погасла. Лужина перестали замѣчать, съ нимъ не говорили, и даже единственный тихоня въ классѣ (какой бываетъ въ каждомъ классѣ, какъ бываетъ непремѣнно толстякъ, силачъ, острякъ) сторонился его, боясь раздѣлить его презрѣнное положеніе. Этотъ же тихоня, получившій лѣтъ шесть спустя Георгіевскій крестъ за опаснѣйшую развѣдку, а затѣмъ потерявшій руку въ пору гражданскихъ войнъ, стараясь вспомнить (въ двадцатыхъ годахъ сего вѣка), какимъ былъ въ школѣ Лужинъ, не могъ себѣ его представить иначе, какъ со спины, то сидящаго передъ нимъ въ классѣ, сгорбленнаго, съ растопыренными ушами, то уходящаго въ конецъ залы, подальше отъ шума, то уѣзжающаго домой на извозчикѣ, — руки въ карманахъ, большой пѣгій ранецъ на спинѣ, валитъ снѣгъ... Онъ старался забѣжать впередъ, заглянуть ему въ лицо, но тотъ особый снѣгъ забвенія, снѣгъ безмолвный и обильный, сплошной бѣлой мутью застилалъ воспоминаніе. И бывшій тихоня, теперь безпокойный эмигрантъ, говорилъ, глядя на портретъ въ газетѣ: «Представьте себѣ, — совершенно не помню его лица... Ну, совершенно не помню...»

Но Лужинъ старшій, около четырехъ посматривавшій въ окно, видѣлъ приближавшіяся сани и лицо сына, какъ блѣдное пятнышко. Сынъ обычно сразу входилъ къ не-

му въ кабинетъ, цѣловалъ воздухъ, прикоснувшись щекой къ его щекѣ и сразу поворачивался. «Постой, — говорилъ отецъ, — постой. Разскажи, что было сегодня. Вызывали?»

Онъ жадно смотрѣлъ на сына, который отклонялъ лицо, и ему хотѣлось взять его за плечи, встряхнуть его, крѣпко поцѣловать въ блѣдную щеку, въ глаза, въ нѣжный впалый високъ. Отъ маленькаго Лужина, въ ту первую школьную зиму, трогательно пахло чеснокомъ изъза впрыскиваній мышьяка, прописанныхъ докторомъ. Платиновую полоску ему сняли, но онъ, по привычкѣ, продолжалъ скалиться, подворачивать верхнюю губу. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрый англійскій костюмчикъ, — хлястикъ сзади, короткіе штаны съ пуговками пониже колѣнъ. Онъ стоялъ у письменнаго стола, балансируя на одной ногѣ, и отецъ ничего не смѣлъ противъ его непроницаемой хмурости. Сынъ уходилъ, волоча ранецъ по ковру; Лужинъ старшій облокачивался о столъ, гдѣ, въ синихъ школьныхъ тетрадкахъ (прихоть, которую, быть можетъ, оцѣнитъ будущій біографъ), онъ писалъ очередную повѣсть, и прислушивался къ монологу въ сосѣдней столовой, къ голосу жены, уговаривавшей тишину выпить какао. «Страшная тишина, — думалъ Лужинъ старшій. — Онъ нездоровъ, у него какая-то тяжелая душевная жизнь... пожалуй, не слѣдовало отдавать въ школу. Но зато нужно же ему привыкнуть къ обществу другихъ мальчугановъ... Загадка, загадка...»

«Съѣшь хоть кекса», — горестно продолжалъ голосъ за стѣной, — и опять тишина. Но изрѣдка происходило ужасное: вдругъ, ни съ того, ни съ сего, раздавался другой голосъ, визжащій и хриплый, и, какъ отъ ураганнаго вѣтра, хлопала дверь. Тогда онъ вскакивалъ, вбѣгалъ въ столовую, держа въ рукѣ перо, какъ стрѣлу. Жена дрожащими руками подбирала со скатерти опрокинутую чашку, блюдечко, смотрѣла, нѣтъ ли трещинъ. «Я его распрашивала о школѣ, — говорила она, не глядя на мужа,

— онъ не хотѣлъ отвѣчать, — а потомъ, вотъ... какъ бѣшеный...» Они оба прислушивались. Француженка уѣхала осенью въ Парижъ, и теперь уже никто не зналъ, что онъ тамъ дѣлаетъ у себя въ комнатѣ. Тамъ обои были бѣлые, а повыше шла голубая полоса, по которой нарисованы были сѣрые гуси и рыжіе щенки. Гусь шелъ на щенка, и опять то же самое, тридцать восемь разъ вокругъ всей комнаты. На этажеркѣ стоялъ глобусъ и чучело бѣлки, купленное когда то на Вербѣ. Зеленый паровозъ выглядывалъ изъ-подъ волановъ кресла. Хорошая была комната, свѣтлая. Веселые обои, веселыя вещи.

Были и книги. Книги, сочиненныя отцомъ, въ золотокрасныхъ, рельефныхъ обложкахъ, съ надписью отъ руки на первой страницѣ: «Горячо надѣюсь, что мой сынъ всегда будетъ относиться къ животнымъ и людямъ, такъ, какъ Антоша», — и большой восклицательный знакъ. Или: «Эту книгу я писалъ, думая о твоемъ будущемъ, мой сынъ». Эти надписи вызывали въ немъ смутный стыдъ за отца, а самыя книжки были столь же скучны, какъ «Слѣпой Музыкантъ» или «Фрегатъ Паллада». Большой томъ Пушкина, съ портретомъ толстогубаго курчаваго мальчика, не открывался никогда. Зато были двѣ книги — обѣ, подаренныя ему тетей, — которыя онъ полюбилъ на всю жизнь, держалъ въ памяти, словно подъ увеличительнымъ стекломъ, и такъ страстно пережилъ, что черезъ двадцать лѣтъ снова ихъ перечитавъ, онъ увидѣлъ въ нихъ только суховатый пересказъ, сокращенное изданіе, какъ будто онѣ отстали отъ того неповторимаго, безсмертнаго образа, который онѣ въ немъ оставили. Но не жажда дальнихъ странствій заставляла его слѣдовать по пятамъ Филеаса Фогга, и не ребячливая склонность къ таинственнымъ приключеніямъ влекла его въ домъ на Бэкеръ стритъ, гдѣ, впрыснувъ себѣ кокаину, мечтательно игралъ на скрипкѣ долговязый сыщикъ съ орлинымъ профилемъ. Только гораздо позже онъ самъ себѣ уяснилъ, чѣмъ такъ волновали его эти двѣ книги: правильно и безжалостно разви-

вающійся узоръ, — Филеасъ, манекенъ въ цилиндрѣ, совершающій свой сложный изящный путь съ оправданными жертвами, то на слонѣ, купленномъ за милліонъ, то на суднѣ, которое нужно наполовину сжечь на топливо; и Шерлокъ, придавшій логикѣ прелесть грезы, Шерлокъ, составившій монографію о пеплѣ всѣхъ видовъ сигаръ, и съ этимъ пепломъ, какъ съ талисманомъ, пробирающійся сквозь хрустальный лабиринтъ возможныхъ дедукцій къ единственному сіяющему выводу. Фокусникъ, котораго на Рождествѣ пригласили его родители, какимъ-то образомъ слилъ въ себѣ на время Фогга и Хольмса, и странное наслажденіе, испытанное имъ въ тотъ день, сгладило все то непріятное, что сопровождало выступленіе фокусника. Такъ какъ просьбы, осторожныя, рѣдкія просьбы, «позвать твоихъ школьныхъ друзей», не привели ни къ чему, Лужинъ старшій, увѣренный, что это будетъ и весело, и полезно, обратился къ двумъ знакомымъ, сыновья которыхъ учились въ той же школѣ, а кромѣ того пригласилъ дѣтей дальняго родственника, двухъ тихихъ, рыхлыхъ мальчиковъ и блѣдную дѣвочку съ толстой черной косой. Всѣ приглашенные мальчики были въ матросскихъ костюмахъ и пахли помадой. Въ двухъ изъ нихъ маленькій Лужинъ съ ужасомъ узналъ Берсенева и Розена изъ третьяго класса, вѣрнѣе чистенькую, гладкую имитацію Берсенева и Розена, которые въ школѣ были одѣты неряшливо и вели себя бурно. «Ну вотъ, — радостно сказалъ Лужинъ старшій, держа сына за плечо (плечо медленно уходило изъ-подъ его ладони). — Теперь васъ оставятъ однихъ, — познакомьтесь, поиграйте, — а потомъ позовутъ, будетъ сюрпризъ». Черезъ полчаса онъ пошелъ ихъ звать. Въ комнатѣ было молчаніе. Дѣвочка сидѣла въ углу и перелистывала, ища картинъ, приложеніе къ «Нивѣ». Берсеневъ и Розенъ сидѣли на диванѣ, со сконфуженными лицами, очень красные и напомаженные. Рыхлые племянники бродили по комнатѣ, безъ любопытства разсматривая англійскія гравюры на стѣнахъ, глобусъ, бѣлку, давно

разбитый педометръ, валявшійся на столѣ. Самъ Лужинъ, тоже въ матроскѣ, съ бѣлой тесемкой и свисткомъ на груди, сидѣлъ на вѣнскомъ стулѣ у окна и смотрѣлъ исподлобья, грызя ноготь большого пальца. Но фокусникъ все искупилъ, и даже, когда на слѣдующій день Берсеневъ и Розенъ, уже настоящіе, отвратительные, подошли къ нему въ школьномъ залѣ, низко поклонились, а потомъ грубо расхохотались и въ обнимку, шатаясь, быстро отошли, — даже и тогда эта насмѣшка не могла нарушить очарованіе. По его хмурой просьбѣ, — что бы онъ ни говорилъ теперь, брови у него мучительно сходились, — мать привезла ему изъ Гостинаго Двора большой ящикъ, выкрашенный подъ красное дерево, и учебникъ чудесъ, на обложкѣ котораго былъ господинъ съ медалями на фракѣ, поднявшій за уши кролика. Въ ящикѣ были шкатулки съ двойнымъ дномъ, палочка, обклеенная звѣздистой бумагой, колода грубыхъ картъ, гдѣ фигурныя были наполовину короли и валеты, а наполовину овцы въ мундирахъ, складной цилиндръ съ отдѣленіями, веревочка съ двумя деревянными штучками на концахъ, назначеніе которыхъ было неясно... И въ кокетливыхъ конвертикахъ были порошки, окрашивающіе воду въ синій, красный, зеленый цвѣтъ. Гораздо занимательнѣе оказалась книга, и Лужинъ безъ труда выучилъ нѣсколько карточныхъ фокусовъ, которые онъ часами показывалъ самому себѣ, стоя передъ зеркаломъ. Онъ находилъ загадочное удовольствіе, неясное обѣщаніе какихъ то другихъ, еще невѣдомыхъ наслажденій, въ томъ, какъ хитро и точно складывался фокусъ, но все же недоставало чего-то, онъ не могъ уловить нѣкоторую тайну, въ которой вѣроятно былъ искушенъ фокусникъ, хватавшій изъ воздуха рубль или вынимавшій задуманную публикой семерку трефъ изъ уха смущеннаго Розена. Сложныя приспособленія, описанныя въ книгѣ, его раздражали. Тайна, къ которой онъ стремился, была простота, гармоническая простота, поражающая пуще самой сложной магіи.

Въ письменномъ отзывѣ о его успѣхахъ, присланномъ на Рождествѣ, въ отзывѣ, весьма обстоятельномъ, гдѣ подъ рубрикой «Общія замѣчанія» пространно, съ плеоназмами говорилось о его вялости, апатіи, сонливости, неповоротливости, и гдѣ баллы были замѣнены нарѣчіями, оказалось одно «неудовлетворительно» — по русскому языку — и нѣсколько «едва удовлетворительно», — между прочимъ, по математикѣ. Однако, какъ разъ въ это время онъ необычайно увлекся сборникомъ задачъ, «веселой математикой», какъ значилось въ заглавіи, причудливымъ поведеніемъ чиселъ, беззаконной игрой геометрическихъ линій, — всѣмъ тѣмъ, чего не было въ школьномъ задачникѣ. Блаженство и ужасъ вызывало въ немъ скольженіе наклонной линіи вверхъ по другой, вертикальной, — въ примѣрѣ, указывавшемъ тайну параллельности. Вертикальная была безконечна, какъ всякая линія, и наклонная, тоже безконечная, скользя по ней и поднимаясь все выше, обречена была двигаться вѣчно, соскользнуть ей было невозможно, и точка ихъ пересѣченія, вмѣстѣ съ его душой, неслась вверхъ по безконечной стезѣ. Но, при помощи линейки, онъ принуждалъ ихъ расцѣпиться: просто чертилъ ихъ заново, параллельно другъ дружкѣ, и чувствовалъ при этомъ, что тамъ, въ безконечности, гдѣ онъ заставилъ наклонную соскочить, произошла немыслимая катастрофа, неизъяснимое чудо, и онъ подолгу замиралъ на этихъ небесахъ, гдѣ сходятъ съ ума земныя линіи.

На время онъ нашелъ мнимое успокоеніе въ складныхъ картинахъ. Это были сперва простыя, дѣтскія, состоявшія изъ большихъ кусковъ, вырѣзанныхъ по краю круглыми зубцами, какъ бисквиты петиберъ, и сцѣплявшихся такъ крѣпко, что, сложивъ картину, можно было поднимать, не ломая, цѣлыя части ея. Но въ тотъ годъ англійская мода изобрѣла складныя картины для взрослыхъ — «пузеля», какъ называли ихъ у Пето, — вырѣзанныя крайне прихотливо: кусочки всѣхъ очертаній, отъ простого кружка (часть будущаго голубого неба) до самыхъ за-

тѣйливыхъ формъ, богатыхъ углами, мысками, перешейками, хитрыми выступами, по которымъ никакъ нельзя было разобрать, куда они приладятся, — пополнятъ ли они пѣгую шкуру коровы, уже почти додѣланной, является ли этотъ темный край на зеленомъ фонѣ тѣнью отъ посоха пастуха, чье ухо и часть темени ясно видны на болѣе откровенномъ кусочкѣ. И когда постепенно появлялся слѣва крупъ коровы, а справа, на зелени, рука съ дудкой, и повыше небесной синевой ровно застраивалась пустота, и голубой кружокъ ладно входилъ въ небосводъ, — Лужинъ чувствовалъ удивительное волненіе отъ точныхъ сочетаній этихъ пестрыхъ кусковъ, образующихъ въ послѣдній мигъ отчетливую картину. Были головоломки очень дорогія, состоявшія изъ нѣсколькихъ тысячъ частей; ихъ приносила тетя, веселая, нѣжная, рыжеволосая тетя, — и онъ часами склонялся надъ ломбернымъ столомъ въ залѣ, провѣряя глазами каждый зубчикъ раньше, чѣмъ попробовать, подходитъ ли онъ къ выемкѣ, и стараясь, по едва замѣтнымъ примѣтамъ, опредѣлить заранѣе сущность картины. Изъ сосѣдней комнаты, гдѣ шумѣли гости, тетя просила: «Ради Бога, не потеряй ничего!» Иногда входилъ отецъ, смотрѣлъ на кусочки, протягивалъ руку къ столу, говорилъ: «Вотъ это, несомнѣнно, должно сюда лечь», и тогда Лужинъ, не оборачиваясь, бормоталъ: «Глупости, глупости, не мѣшайте», — и отецъ, осторожно прикоснувшись губами къ его хохолку, уходилъ, — мимо позолоченныхъ стульевъ, мимо обширнаго зеркала, мимо копіи съ купающейся Фрины, мимо рояля, большого безмолвнаго рояля, подкованнаго толстымъ стекломъ и покрытаго парчевой попоной.

3.

Только въ апрѣлѣ, на пасхальныхъ каникулахъ, наступилъ для Лужина тотъ неизбѣжный день, когда весь міръ вокругъ потухъ, какъ будто повернули выключатель, и

только одно, посреди мрака, было ярко освѣщено, новорожденное чудо, блестящій островокъ, на которомъ обречена была сосредоточиться вся его жизнь. Счастье, за которое онъ уцѣпился, остановилось; апрѣльскій этотъ день замеръ навѣки, и гдѣ-то, въ другой плоскости, продолжалось движеніе дней, городская весна, деревенское лѣто, — смутные потоки, едва касавшіеся его.

Началось это невинно. Въ годовщину смерти тестя, Лужинъ старшій устроилъ у себя на квартирѣ музыкальный вечеръ. Самъ онъ въ музыкѣ разбирался мало, питалъ тайную, постыдную страсть къ «Травіатѣ», на концертахъ слушалъ рояль только въ началѣ, а затѣмъ глядѣлъ, уже не слушая, на руки піаниста, отражавшіяся въ черномъ лакѣ. Но музыкальный вечеръ съ исполненіемъ вещей покойнаго тестя пришлось устроить поневолѣ: ужъ слишкомъ молчали газеты, — забвеніе было полное, тяжкое, безнадежное, — и жена съ дрожащей улыбкой повторяла, что это все интриги, интриги, интриги, что и при жизни завидовали дару ея отца, что теперь хотятъ замолчать его славу. Въ открытомъ черномъ платьѣ, въ чудесномъ брилліантовомъ ошейникѣ, съ постояннымъ выраженіемъ сонной ласковости на пухломъ, бѣломъ лицѣ, она принимала гостей тихо, безъ восклицаній, нашептывая что-то быстрое, нѣжное по звуку, и, втайнѣ шалѣя отъ застѣнчивости, все время искала глазами мужа, который подвигался туда-сюда мелкими шажками, съ выпирающимъ изъ жилета крахмальнымъ панцыремъ, добродушный, осторожный, съ первыми робкими потугами на маститость. «Опять вышла нагишомъ», — со вздохомъ сказалъ издатель художественнаго журнала, взглянувъ мимоходомъ на Фрину, которая, благодаря усиленному освѣщенію, была особенно ярка. Тутъ маленькій Лужинъ попался ему подъ ноги и былъ поглаженъ по головѣ. Лужинъ попятился. «Какой онъ у васъ сталъ огромный», — сказалъ дамскій голосъ сзади. Онъ спрятался за чей-то фракъ. «Нѣтъ, позвольте, позвольте, — загремѣло надъ

его головой. — Нельзя же предъявлять такихъ требованій къ нашей печати». Вовсе не огромный, а напротивъ, очень маленькій для своихъ лѣтъ, онъ ходилъ между гостей, стараясь найти тихое мѣсто. Иногда кто-нибудь ловилъ его за плечо, спрашивалъ ерунду. Въ залѣ было тѣсно отъ золоченыхъ стульевъ, которые поставили рядами. Кто-то осторожно вносилъ въ дверь нотный пюпитръ.

Незамѣтными переходами Лужинъ пробрался въ отцовскій кабинетъ, гдѣ было темно, и сѣлъ въ уголъ, на отоманку. Изъ далекой залы, черезъ двѣ комнаты, доносился нѣжный вой скрипки.

Онъ сонно слушалъ, обнявъ колѣнки и глядя на кисейный просвѣтъ межъ неплотно задвинутыхъ шторъ, за которымъ лиловатой бѣлизной горѣлъ надъ улицей газовый фонарь. По потолку изрѣдка таинственной дугой проходилъ легкій свѣтъ, и на письменномъ столѣ была блестящая точка, — неизвѣстно что: бликъ ли въ тяжеломъ хрустальномъ яйцѣ или отраженіе въ стеклѣ фотографіи. Онъ чуть было не задремалъ и вдругъ вздрогнулъ отъ того, что на столѣ зазвонилъ телефонъ, и сразу стало ясно, что блестящая точка — на телефонной вилкѣ. Изъ столовой вошелъ буфетчикъ, включилъ на ходу свѣтъ, озарившій лишь письменный столъ, приложилъ трубку къ уху и, не замѣтивъ Лужина, опять вышелъ, осторожно положивъ трубку на кожаный бюваръ. Черезъ минуту онъ вернулся, сопровождая господина, который, попавъ въ кругъ свѣта, схватилъ со стола трубку, другой рукой нащупалъ сзади себя спинку кресла. Слуга прикрылъ за собой дверь, заглушивъ далекій переливъ музыки. «Я слушаю», — сказалъ господинъ. Лужинъ изъ темноты смотрѣлъ на него, боясь двинуться и смущенный тѣмъ, что совершенно чужой человѣкъ такъ удобно разсѣлся у отцовскаго стола. «Нѣтъ, я уже отыгралъ», — сказалъ онъ, глядя вверхъ и что-то трогая на столѣ бѣлой безпокойной рукой. Извозчикъ глухо процокалъ по торцамъ. «Вѣроятно», — сказалъ господинъ. Лужинъ видѣлъ его про-

филь, носъ изъ слоновой кости, блестящіе черные волосы, густую бровь. «Я, собственно говоря, не знаю, почему ты мнѣ сюда звонишь, — тихо сказалъ онъ, продолжая теребить что-то на столѣ. — Если только для того, чтобы провѣрить...» «Чудачка», — разсмѣялся онъ и сталъ равномѣрно покачивать ногой въ лакированной туфлѣ. Потомъ онъ очень ловко подложилъ трубку между ухомъ и плечомъ и, изрѣдка отвѣчая «да», «нѣтъ», «можетъ быть», взялъ въ обѣ руки то, что онъ на столѣ потрагивалъ. Это былъ небольшой гладкій ящикъ, который на-дняхъ кто-то подарилъ отцу. Лужинъ еще не успѣлъ посмотрѣть, что внутри, и теперь съ любопытствомъ слѣдилъ за руками господина. Но тотъ не сразу открылъ ящикъ. «И я тоже, — сказалъ онъ. — Много разъ, много разъ. Спокойной ночи, дѣвочка». Повѣсивъ трубку, онъ вздохнулъ и открылъ ящикъ. Однако, онъ такъ повернулся, что изъ-за его чернаго плеча Лужинъ ничего не видѣлъ. Онъ осторожно подвинулся, но на полъ соскользнула подушка, и господинъ быстро оглянулся. «Ты что тутъ дѣлаешь? — спросилъ онъ, въ темномъ углу разглядѣвъ Лужина. — Ай-ай, какъ нехорошо подслушивать!» Лужинъ молчалъ. «Какъ тебя зовутъ?» — дружелюбно спросилъ господинъ. Лужинъ сползъ съ дивана и подошелъ. Въ ящикѣ тѣсно лежали рѣзныя фигуры. «Отличные шахматы, — сказалъ господинъ. — Папа играетъ?» «Не знаю», — сказалъ Лужинъ. «А ты самъ умѣешь?» Лужинъ покачалъ головой. «Вотъ это напрасно. Надо научиться. Я въ десять лѣтъ уже здорово игралъ. Тебѣ сколько?»

Осторожно открылась дверь. Вошелъ Лужинъ старшій, — на цыпочкахъ. Онъ приготовился къ тому, что скрипачъ еще говоритъ по телефону и думалъ очень деликатно прошептать: «Продолжайте, продолжайте, а, когда кончите, публика очень проситъ еще чего-нибудь». «Продолжайте, продолжайте», — сказалъ онъ по инерціи и, увидѣвъ сына, запнулся. «Нѣтъ, нѣтъ, уже готово, — отвѣтилъ скрипачъ, вставая. — Отличные шахматы. Вы иг-

раете?» «Неважно», — сказалъ Лужинъ старшій. («Ты что же тутъ дѣлаешь? Иди тоже послушать музыку...»). «Какая игра, какая игра, — сказалъ скрипачъ, бережно закрывая ящикъ. — Комбинаціи, какъ мелодіи. Я, понимаете-ли, просто слышу ходы». «По-моему, для шахматъ нужно имѣть большія математическія способности, — быстро сказалъ Лужинъ старшій. — У меня, на этотъ счетъ... Васъ ждутъ, маэстро». «Я бы лучше партишку сыгралъ, — засмѣялся скрипачъ, идя къ двери. — Игра боговъ. Безконечныя возможности». «Очень древнее изобрѣтеніе, — сказалъ Лужинъ старшій и оглянулся на сына. — Ну, что же ты? Иди же!» Но Лужинъ, не доходя до залы, ухитрился застрять въ столовой, гдѣ былъ накрытъ столъ съ закусками. Тамъ онъ взялъ тарелку съ сандвичами и унесъ ее къ себѣ въ комнату. Онъ ѣлъ, раздѣваясь, потомъ ѣлъ въ постели. Когда онъ уже потушилъ, къ нему заглянула мать, нагнулась надъ нимъ, блеснувъ въ полутьмѣ бриллiантами на шеѣ. Онъ притворился, что спитъ. Она ушла и долго-долго, чтобы не стукнуть, закрывала дверь.

Онъ проснулся на слѣдующее утро съ чувствомъ непонятнаго волненія. Было ярко, вѣтренно, мостовыя отливали лиловымъ блескомъ; близъ Дворцовой Арки надъ улицей упруго надувалось огромное трехцвѣтное полотно, сквозь которое тремя разными оттѣнками просвѣчивало небо. Какъ всегда въ праздничные дни, онъ вышелъ гулять съ отцомъ, но это не были прежнія дѣтскія прогулки: полуденная пушка уже не пугала, и невыносимъ былъ разговоръ отца, который, придравшись ко вчерашнему вечеру, намекалъ на то, что хорошо бы начать заниматься музыкой. За завтракомъ былъ послѣдній остатокъ сливочной пасхи (приземистая пирамидка съ сѣроватымъ налетомъ на круглой макушкѣ) и еще непочатый куличъ. Тетя, все та же милая, рыжеволосая тетя, троюродная сестра матери, была весела чрезвычайно, кидалась крошками и разсказала, что Латамъ за двадцать пять рублей прокатитъ ее на своей «Антуанетѣ», которая, впрочемъ,

пятый день не можетъ подняться, межъ тѣмъ, какъ Вуазенъ летаетъ, какъ заводной, кругами, да притомъ такъ низко, что, когда онъ кренится надъ трибунами, видна даже вата въ ушахъ у пилота. Лужинъ почему-то необыкновенно ясно запомнилъ это утро, этотъ завтракъ, какъ запоминаешь день, предшествующій далекому пути. Отецъ говорилъ, что хорошо бы послѣ завтрака поѣхать на острова, гдѣ поляны сплошь въ анемонахъ, и, пока онъ говорилъ, тетя попала ему крошкой прямо въ ротъ. Мать молчала, -- и вдругъ, послѣ второго блюда, встала и, стараясь скрыть дрожащее лицо, повторяя шопотомъ, что «это ничего, ничего, сейчасъ пройдетъ», — поспѣшно вышла. Отецъ бросилъ салфетку на столъ и вышелъ тоже. Лужинъ никогда не узналъ, что именно случилось, но, проходя съ тетей по корридору, слышалъ изъ спальни матери тихое всхлипываніе и увѣщевающій голосъ отца, который громко повторялъ слово «фантазія».

«Уйдемъ куда-нибудь», — зашептала тетя, красная, притихшая, съ бѣгающими глазами, — и они оказались въ кабинетѣ, гдѣ надъ кожанымъ кресломъ проходилъ конусъ лучей, въ которомъ вертѣлись пылинки. Она закурила, и въ этихъ лучахъ мягко и призрачно закачались складки дыма. Это былъ единственный человѣкъ, въ присутствіи котораго онъ не чувствовалъ себя стѣсненнымъ, и сейчасъ было особенно хорошо: странное молчаніе въ домѣ и какъ будто ожиданіе чего-то. «Ну, будемъ играть во что-нибудь, — поспѣшно сказала тетя и взяла его сзади за шею. — Какая у тебя тоненькая шея, одной рукой можно...» «Ты въ шахматы умѣешь?» — вкрадчиво спросилъ Лужинъ и, высвободивъ голову, пріятно потерся щекой объ ея васильковый шелковый рукавъ. «Лучше въ дураки», — сказала она разсѣянно. Гдѣ то хлопнула дверь. Она поморщилась и, повернувъ лицо въ сторону звука, прислушалась. «Нѣтъ, я хочу въ шахматы», — сказалъ Лужинъ. «Сложно, милый, сразу не научишь». Онъ пошелъ къ письменному столу, отыскалъ ящикъ, стоявшій за пор-

третомъ. Тетя встала, чтобы взять пепельницу, въ раздумьѣ напѣвая окончаніе какой-то своей мысли: «Это было бы ужасно, это было бы ужасно...» «Вотъ», - сказалъ Лужинъ и опустилъ ящикъ на низенькій турецкій столикъ съ инкрустаціями. «Нужно еще доску, — сказала она. — И, знаешь, я тебя лучше научу въ поддавки, это проще». «Нѣтъ, въ шахматы», — сказалъ Лужинъ и развернулъ клеенчатую доску.

«Сперва разставимъ фигуры, — начала тетя со вздохомъ. — Здѣсь бѣлыя, тамъ черныя. Король и королева рядышкомъ. Вотъ это — офицеры. Это — коньки. А это — пушки, по краямъ. Теперь...» Она вдругъ замерла, держа фигуру на вѣсу и глядя на дверь. «Постой, — сказала она безпокойно. — Я, кажется забыла платокъ въ столовой. Я сейчасъ приду». Она открыла дверь, но тотчасъ вернулась. «Пускай, — сказала она и опять сѣла на свое мѣсто. — Нѣтъ, не разставляй безъ меня, ты напутаешь. Это называется — пѣшка. Теперь смотри, какъ они всѣ двигаются. Конекъ, конечно, скачетъ». Лужинъ сидѣлъ на коврѣ, плечомъ касаясь ея колѣна и глядѣлъ на ея руку въ тонкомъ платиновомъ браслетѣ, которая поднимала и ставила фигуры. «Королева самая движущаяся», — сказалъ онъ съ удовольствіемъ и пальцемъ поправилъ фигуру, которая стояла несовсѣмъ посреди квадрата. «А ѣдятъ они такъ, — говорила тетя. — Какъ будто, понимаешь, вытѣсняютъ. А пѣшки — такъ: бочкомъ. Когда можно взять короля, это называется шахъ; когда ему некуда сунуться, это — матъ. Ты долженъ, значитъ, взять моего короля, а я твоего. Видишь, какъ это все долго объяснять. Можетъ быть, въ другой разъ сыграемъ, а?» «Нѣтъ, сейчасъ», — сказалъ Лужинъ и вдругъ поцѣловалъ ея руку. «Ахъ ты, милый, — протянула тетя, — откуда такія нѣжности... Хорошій ты все-таки мальчикъ». «Пожалуйста, будемъ играть», — сказалъ Лужинъ и, пройдя по ковру на колѣнкахъ, сталъ такъ передъ столикомъ. Но она вдругъ поднялась съ мѣста, да такъ рѣзко, что задѣла

юбкой доску и смахнула нѣсколько фигуръ. Въ дверяхъ стоялъ его отецъ.

«Уходи къ себѣ», — сказалъ онъ, мелькомъ взглянувъ на сына. Лужинъ, котораго въ первый разъ въ жизни выгоняли изъ комнаты, остался отъ удивленія, какъ былъ, на колѣняхъ. «Ты слышалъ?» — сказалъ отецъ. Лужинъ сильно покраснѣлъ и сталъ искать на коврѣ упавшія фигуры. «Побыстрѣе», — сказалъ отецъ громовымъ голосомъ, какимъ онъ не говорилъ никогда. Тетя стала торопливо, кое-какъ, класть фигуры въ ящикъ. Руки у нея дрожали. Одна пѣшка никакъ не хотѣла влѣзть. «Ну, бери, бери, — сказала она, — бери же!» Онъ медленно свернулъ клеенчатую доску и, съ темнымъ отъ обиды лицомъ, взялъ ящикъ. Дверь онъ не могъ прикрыть за собой, такъ какъ обѣ руки были заняты. Отецъ быстро шагнулъ и такъ грохнулъ дверью, что Лужинъ уронилъ доску, которая сразу развернулась; пришлось поставить на полъ ящикъ и свертывать ее опять. За дверью, въ кабинетѣ, сперва было молчаніе, затѣмъ — скрипъ кресла, принявшаго тяжесть, и прерывистый вопросительный шопотъ тети. Лужинъ брезгливо подумалъ, что нынче всѣ въ домѣ сошли съ ума, и пошелъ къ себѣ въ комнату. Тамъ онъ сразу разставилъ фигуры, какъ показывала тетя, долго смотрѣлъ на нихъ, соображая что-то; послѣ чего очень аккуратно сложилъ ихъ въ ящикъ. Съ этого дня шахматы остались у него, и отецъ долго не замѣчалъ ихъ отсутствія. Съ этого дня появилась въ его комнатѣ обольстительная, таинственная игрушка, пользоваться которой онъ еще не умѣлъ. Съ этого дня тетя никогда больше не приходила къ нимъ въ гости.

Какъ-то, черезъ нѣсколько дней, между первымъ и третьимъ урокомъ, оказалось пустое мѣсто: простудился учитель географіи. Когда прошло минутъ пять послѣ звонка, и никто еще не входилъ, наступило такое предчувствіе счастія, что, казалось, сердце не выдержитъ, если все-таки стеклянная дверь сейчасъ откроется, и географъ,

по привычкѣ своей почти бѣгомъ, влетитъ въ классъ. Одному Лужину было все равно. Низко склонясь надъ партой, онъ чинилъ карандашъ, стараясь сдѣлать кончикъ острымъ, какъ игла. Наросталъ взволнованный шумъ. Счастье, какъ будто, должно было сбыться. Иногда, впрочемъ, бывали невыносимыя разочарованія: вмѣсто заболѣвшаго учителя, вползалъ маленькій, хищный математикъ и, беззвучно прикрывъ дверь, со злорадной улыбкой начиналъ выбирать кусочки мѣла, изъ жолоба подъ черной доской. Но прошло полныхъ десять минутъ, и никто не являлся. Шумъ разросся. Кто-то, отъ избытка счастья, хлопнулъ крышкой парты. Сразу изъ неизвѣстности возникъ воспитатель. «Совершенная тишина, — сказалъ онъ. — Чтобъ была совершенная тишина. Валентинъ Ивановичъ боленъ. Займитесь какимъ-нибудь дѣломъ. Но чтобъ была совершенная тишина». Онъ ушелъ. За окномъ сіяли большія, рыхлыя облака, и что-то журчало, капало, попискивали воробьи. Блаженный часъ, очаровательный часъ. Лужинъ сталъ равнодушно чинить еще одинъ карандашъ. Громовъ разсказывалъ что-то хриплымъ голосомъ, со смакомъ произнося странныя, непристойныя словечки. Петрищевъ умолялъ всѣхъ объяснить ему, почему мы знаемъ, что они равняются двумъ прямымъ. И вдругъ, Лужинъ отчетливо услышалъ за своей спиной особый, деревянно-разсыпчатый звукъ, отъ котораго сразу стало жарко, и невпопадъ стукнуло сердце. Онъ осторожно обернулся. Кребсъ и единственный тихоня въ классѣ проворно разставляли маленькія, легкія фигуры на трехвершковой шахматной доскѣ. Доска была на скамьѣ между ними. Они сидѣли очень неудобно, бокомъ. Лужинъ, забывъ дочинить карандашъ, подошелъ. Игроки его не замѣтили. Тихоня, когда, много лѣтъ спустя, старался вспомнить своего однокашника, никогда не вспомнилъ этой случайной шахматной партіи, сыгранной въ пустой часъ. Путая даты, онъ извлекалъ изъ прошлаго смутное впечатлѣніе о томъ, что Лужинъ когда-то кого-то въ школѣ

обыгралъ, чесалось что-то въ памяти, но добраться было невозможно.

«Тура летитъ», — сказалъ Кребсъ. Лужинъ, слѣдя за его рукой, съ мгновеннымъ паническимъ содроганіемъ подумалъ, что тетя назвала ему не всѣ фигуры. Но тура оказалась синонимомъ пушки. «Я просто не замѣтилъ», — сказалъ другой. «Богъ съ тобой, переиграй», — сказалъ Кребсъ.

Съ раздражающей завистью, съ зудомъ неудовлетворенности, глядѣлъ Лужинъ на ихъ игру, стараясь понять, гдѣ же тѣ стройныя мелодіи, о которыхъ говорилъ музыкантъ, и неясно чувствуя, что какимъ-то образомъ онъ ее понимаетъ лучше, чѣмъ эти двое, хотя совершенно не знаетъ, какъ она должна вестись, почему это хорошо, а то плохо, и какъ надобно поступать, чтобы безъ потерь проникнуть въ лагерь чужого короля. И былъ одинъ пріемъ, очень ему понравившійся, забавный своей ладностью: фигура, которую Кребсъ назвалъ турой, и его же король вдругъ перепрыгнули другъ черезъ друга. Онъ видѣлъ затѣмъ, какъ черный король, выйдя изъ-за своихъ пѣшекъ, (одна была выбита, какъ зубъ), сталъ растерянно шагать туда и сюда. «Шахъ, — говорилъ Кребсъ, —шахъ», (и ужаленный король прыгалъ въ сторону) «сюда не можешь, и сюда тоже не можешь. Шахъ, беру королеву, шахъ». Тутъ онъ самъ прозѣвалъ фигуру и сталъ требовать ходъ обратно. Извергъ класса одновременно щелкнулъ Лужина въ затылокъ, а другой рукой сбилъ доску на полъ. Второй разъ Лужинъ замѣчалъ, что за валкая вещь шахматы.

И на слѣдующее утро, еще лежа въ постели, онъ принялъ неслыханное рѣшеніе. Въ школу онъ обыкновенно ѣздилъ на извозчикѣ, всегда, кстати сказать, старательно изучая номеръ, раздѣляя его особымъ образомъ, чтобы поудобнѣе упаковать его въ памяти и вынуть его оттуда въ цѣлости, если будетъ нужно. Но сегодня онъ до школы не доѣхалъ, номера отъ волненія не запомнилъ и, боязли-

во озираясь, вышелъ на Караванной, и оттуда окружными путями, избѣгая школьнаго раіона, пробрался на Сергіевскую. По дорогѣ ему попался какъ разъ учитель географіи, который, сморкаясь и харкая на ходу, огромными шагами, съ портфелемъ подмышкой, несся по направленію къ школѣ. Лужинъ такъ рѣзко отвернулся, что тяжело звякнулъ таинственный предметъ въ ранцѣ. Только, когда учитель, какъ слѣпой вѣтеръ, промчался мимо, Лужинъ замѣтилъ, что стоитъ передъ парикмахерской витриной, и что завитыя головы трехъ восковыхъ дамъ съ розовыми ноздрями въ упоръ глядятъ на него. Онъ перевелъ духъ и быстро пошелъ по мокрому тротуару, безсознательно стараясь дѣлать такіе шаги, чтобы каждый разъ каблукъ попадалъ на границу плиты. Но плиты были всѣ разной длины, и это мѣшало ходьбѣ. Тогда онъ сошелъ на мостовую, чтобы избавиться отъ соблазна, пошелъ вдоль самой панели по грязи. Наконецъ, онъ завидѣлъ нужный ему домъ, оливковый, съ голыми стариками, напряженно поддерживающими балконъ, и съ расписными стеклами въ парадныхъ дверяхъ. Онъ свернулъ въ ворота, мимо убѣленной голубями тумбы, и, прошмыгнувъ черезъ дворъ, гдѣ двое съ засученными рукавами мыли ослѣпительную коляску, поднялся по лѣстницѣ и позвонилъ. «Еще снятъ, — сказала горничная, глядя на него съ удивленіемъ. — Побудьте, что-ли, вотъ тутъ. Я имъ погодя доложу». Лужинъ дѣловито свалилъ ранецъ съ плечъ, положилъ его подлѣ себя на столъ, гдѣ была фарфоровая чернильница, бисеромъ расшитый бюваръ и незнакомая фотографія отца (въ одной рукѣ книга, палецъ другой прижатъ къ виску), и отъ нечего дѣлать сталъ считать, сколько разныхъ красокъ на коврѣ. Въ этой комнатѣ онъ побывалъ только однажды, — когда, по совѣту отца, отвезъ тетѣ на Рождествѣ большую коробку шоколадныхъ конфетъ, половину которыхъ онъ съѣлъ самъ, а остальныя разложилъ такъ, чтобы не было замѣтно. Тетя еще недавно бывала у нихъ ежедневно, а теперь перестала, и

было что-то такое въ воздухѣ, какой-то неуловимый запретъ, который мѣшалъ дома объ этомъ спрашивать. Насчитавъ девять оттѣнковъ, онъ перевелъ взглядъ на шелковую ширму, гдѣ вышиты были камыши и аисты. Только онъ сталъ соображать, есть ли такіе же аисты и на другой сторонѣ, какъ, наконецъ, вошла тетя, — непричесанная, въ цвѣтистомъ халатѣ, съ рукавами, какъ крылья. «Ты откуда? — воскликнула она. — А школа? Ахъ ты, смѣшной мальчикъ...»

Часа черезъ два онъ вышелъ опять на улицу. Ранецъ, теперь пустой, былъ такъ легокъ, что прыгалъ на лопаткахъ. Надо было какъ нибудь провести время до часа обычныхъ возвращеній. Онъ побрелъ въ Таврическій садъ, и пустота въ ранцѣ постепенно стала его раздражать. Во-первыхъ, то, что онъ изъ предосторожности оставилъ у тети, могло какъ-нибудь пропасть до слѣдующаго раза; во-вторыхъ, оно бы пригодилось ему дома по вечерамъ. Онъ рѣшилъ, что впредь будетъ поступать иначе.

«Семейныя обстоятельства», — отвѣтилъ онъ на слѣдующій день воспитателю, который мимоходомъ понавѣдался, почему онъ не былъ въ школѣ. Въ четвергъ онъ ушелъ изъ школы раньше и пропустилъ подрядъ три дня, послѣ чего объяснилъ, что болѣло горло. Въ среду былъ рецидивъ. Въ субботу онъ опоздалъ на первый урокъ, хотя выѣхалъ изъ дома раньше обыкновеннаго. Въ воскресеніе онъ поразилъ мать сообщеніемъ, что приглашенъ къ товарищу, и отсутствовалъ часовъ пять. Въ среду распустили раньше (это былъ одинъ изъ тѣхъ чудесныхъ дней, голубыхъ, пыльныхъ, въ самомъ концѣ апрѣля, когда уже роспускъ такъ близокъ, и такая одолѣваетъ лѣнь), но вернулся-то онъ домой гораздо позже обычнаго. А потомъ была ужъ цѣлая недѣля отсутствія, — упоительная, одуряющая недѣля. Воспитатель позвонилъ къ нему на домъ, узнать, что съ нимъ. Къ телефону подошелъ отецъ.

Когда Лужинъ, около четырехъ, вернулся домой, у отца было лицо сѣрое, глаза выпученные, а мать точно лишилась языка, задыхалась, а потомъ стала странно хохотать, съ завываніемъ, съ криками. Послѣ минуты замѣшательства, отецъ молча повелъ его въ кабинетъ и, сложивъ руки на груди, попросилъ объяснить. Лужинъ, съ тяжелымъ, драгоцѣннымъ ранцемъ подмышкой, уставился въ полъ, соображая, способна ли тетя на предательство. «Изволь мнѣ объяснить», — повторилъ отецъ. На предательство она не можетъ быть способна, да и откуда ей узнать, что онъ попался. «Отказываешься?» — спросилъ отецъ. Кромѣ того, ей какъ будто даже нравилось, что онъ пропускаетъ школу. «Ну, послушай, — сказалъ отецъ примирительно, — давай говорить, какъ друзья». Лужинъ со вздохомъ сѣлъ на ручку кресла, продолжая глядѣть въ полъ. «Какъ друзья, — еще примирительнѣе повторилъ отецъ. — Вотъ, значитъ, оказывается, что ты нѣсколько разъ пропускалъ школу. И вотъ, мнѣ хотѣлось бы знать, гдѣ ты былъ, что дѣлалъ. Я даже понимаю, что, напримѣръ, прекрасная погода, и тянетъ гулять». «Да, тянетъ», — равнодушно сказалъ Лужинъ, которому становилось скучно. Отецъ захотѣлъ узнать, гдѣ онъ гулялъ, и давно ли у него такая потребность гулять. Затѣмъ онъ упомянулъ о томъ, что у каждаго человѣка есть долгъ, долгъ гражданина, семьянина, солдата, а также школьника. Лужинъ зѣвнулъ. «Иди къ себѣ», — безнадежно сказалъ отецъ и, когда тотъ вышелъ, долго стоялъ посреди кабинета и съ тупымъ ужасомъ смотрѣлъ на дверь. Жена, слушавшая изъ сосѣдней комнаты, вошла, сѣла на край оттоманки и опять разрыдалась. «Онъ обманываетъ, — повторяла она, — какъ и ты обманываешь. Я окружена обманомъ». Онъ только пожалъ плечами и подумалъ о томъ, какъ грустно жить, какъ трудно исполнять долгъ, не встрѣчаться, не звонить, не ходить туда, куда тянетъ неудержимо... а тутъ еще съ сыномъ... эти странности... это упрямство... Грусть, грусть, да и только.

4.

Въ бывшемъ кабинетѣ дѣда, гдѣ даже въ самые жаркіе дни была могильная сырость, сколько бы ни открывали окна, выходившія прямо въ тяжелую, темную хвою, такую пышную и запутанную, что невозможно было сказать, гдѣ кончается одна ель, гдѣ начинается другая, — въ этой нежилой комнатѣ, гдѣ на голомъ письменномъ столѣ стоялъ бронзовый мальчикъ со скрипкой, — былъ незапертый книжный шкапъ, и въ немъ толстые тома вымершаго иллюстрированнаго журнала. Лужинъ быстро перелистывалъ ихъ, добираясь до той страницы, гдѣ, между стихотвореніемъ Коринѳскаго, увѣнчаннымъ арфообразной виньеткой, и отдѣломъ смѣси со свѣдѣніями о передвигающихся болотахъ, американскихъ чудакахъ и длинѣ человѣческихъ кишекъ, была гравирована шахматная доска. Никакія картины не могли удержать руку Лужина, листавшую томъ, — ни знаменитый Ніагарскій водопадъ, ни голодающія индусскія дѣти, толстопузые скелетики, ни покушеніе на испанскаго короля. Жизнь съ поспѣшнымъ шелестомъ проходила мимо, и вдругъ остановка, — завѣтный квадратъ, этюды, дебюты, партіи.

Въ началѣ лѣтнихъ каникулъ очень недоставало тети и старика съ цвѣтами, — особенно этого душистаго старика, пахнувшаго то фіалкой, то ландышемъ, въ зависимости отъ тѣхъ цвѣтовъ, которые онъ приносилъ тетѣ. Приходилъ онъ обыкновенно очень удачно, — черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ тетя, посмотрѣвъ на часы, уходила изъ дому. «Что жъ, подождемъ», — говорилъ старикъ, снимая мокрую бумагу съ букета, и Лужинъ придвигалъ ему кресло къ столику, гдѣ уже разставлены были шахматы. Появленіе старика съ цвѣтами было выходомъ изъ довольно неловкаго положенія. Послѣ трехъ-четырехъ школьныхъ пропусковъ, обнаружилась неспособность тети играть въ шахматы. Ея фигуры сбивались

въ безобразную кучу, откуда вдругъ выскакивалъ обнаженный безпомощный король. Старикъ же игралъ божественно. Первый разъ, когда тетя, натягивая перчатки, скороговоркой сказала: «я, къ сожалѣнію, должна уйти, но вы посидите, сыграйте въ шахматы съ моимъ племянникомъ, спасибо за чудные ландыши», — въ первый разъ, когда старикъ сѣлъ и сказалъ со вздохомъ: «давненько не бралъ я въ руки... ну-съ, молодой человѣкъ, — лѣвую или правую?» — въ первый этотъ разъ, когда черезъ нѣсколько ходовъ уже горѣли уши и некуда было сунуться, — Лужину показалось, что онъ играетъ совсѣмъ въ другую игру, чѣмъ та, которой его научила тетя. Благоуханіе овѣвало доску. Старикъ называлъ королеву ферземъ, туру — ладьей, и, сдѣлавъ смертельный для противника ходъ, сразу бралъ его назадъ и, словно вскрывая механизмъ дорогого инструмента, показывалъ, какъ противникъ долженъ былъ сыграть, чтобы предотвратить бѣду. Первыя пятнадцать партій онъ выигралъ безъ всякаго труда, ни минуты не думая надъ ходомъ, во время шестнадцатой онъ вдругъ сталъ думать и выигралъ съ трудомъ, въ послѣдній же день, въ тотъ день, когда старикъ пріѣхалъ съ цѣлымъ кустомъ сирени, который некуда было поставить, а тетя на цыпочкахъ бѣгала у себя въ спальнѣ и потомъ, вѣроятно, ушла чернымъ ходомъ, — въ этотъ послѣдній день, послѣ долгой, волнующей борьбы, во время которой у старика открылась способность сопѣть, Лужинъ что-то постигъ, что-то въ немъ освободилось, прояснилось, пропала близорукость мысли, отъ которой мучительной мутью заволакивались шахматныя перспективы. «Ну, что жъ, ничья», — сказалъ старикъ. Онъ двинулъ нѣсколько разъ туда и сюда ферземъ, какъ двигаешь рычагомъ испортившейся машины, и повторилъ: «Ничья. Вѣчный матъ». Лужинъ попробовалъ тоже, не дѣйствуетъ ли рычагъ, потеребилъ, потеребилъ и напыжился, глядя на доску. «Далеко пойдете, — сказалъ старикъ. — Далеко пойдете, если будете продолжать въ

томъ же духѣ. Большіе успѣхи. Первый разъ вижу... Очень, очень далеко...»

Онъ же ему объяснилъ нехитрую систему обозначеній, и Лужинъ, разыгрывая партіи, приведенныя въ журналѣ, вскорѣ открылъ въ себѣ свойство, которому однажды позавидовалъ, когда отецъ за столомъ говорилъ кому-то, что онъ-де не можетъ понять, какъ тесть его часами читалъ партитуру, слышалъ всѣ движенія музыки, пробѣгая глазами по нотамъ, иногда улыбаясь, иногда хмурясь, иногда на минуту возвращаясь назадъ, какъ дѣлаетъ читатель, провѣряющій подробность романа, — имя, время года. «Большое, должно быть, удовольствіе,— говорилъ отецъ, — воспринимать музыку въ натуральномъ ея видѣ». Подобное удовольствіе Лужинъ теперь началъ самъ испытывать, пробѣгая глазами по буквамъ и цифрамъ, обозначавшимъ ходы. Сперва онъ научился разыгрывать партіи, — безсмертныя партіи, оставшіяся отъ прежнихъ турниpовъ, — бѣглымъ взглядомъ скользилъ по шахматнымъ нотамъ и беззвучно переставлялъ фигуры на доскѣ. Случалось, что послѣ какого-нибудь хода, отмѣченнаго восклицаніемъ или вопросомъ, смотря по тому, хорошо или худо было сыграно, слѣдовало нѣсколько серій ходовъ въ скобкахъ, ибо примѣчательный ходъ развѣтвлялся подобно рѣкѣ, и каждый рукавъ надобно было прослѣдить до конца, прежде, чѣмъ возвратиться къ главному руслу. Эти побочные, подразумѣваемые ходы, объяснявшіе суть промаха или провидѣнія, Лужинъ мало-по-малу пересталъ воплощать на доскѣ и угадывалъ ихъ гармонію по чередовавшимся знакамъ. Точно также, уже однажды разыгранную партію онъ могъ просто перечесть, не пользуясь доской: это было тѣмъ болѣе пріятно, что не приходилось возиться съ шахматами, ежеминутно прислушиваясь, не идетъ ли кто-нибудь; дверь, правда, онъ запиралъ на ключъ, отпиралъ ее нехотя, послѣ того, какъ мѣдная ручка много разъ опускалась, — и отецъ, приходившій смотрѣть, что онъ дѣлаетъ въ сырой,

нежилой комнатѣ, находилъ сына, безпокойнаго и хмураго, съ красными ушами; на столѣ лежали тома журнала, и Лужинъ старшій охваченъ бывалъ подозрѣніемъ, не ищетъ ли въ нихъ сынъ изображеній голыхъ женщинъ. «Зачѣмъ ты запираешь дверь? — спрашивалъ онъ (и маленькій Лужинъ втягивалъ голову въ плечи, съ ужасающей ясностью представляя себѣ, какъ вотъ-вотъ, сейчасъ, отецъ заглянетъ подъ диванъ и найдетъ шахматы). — Тутъ прямо ледяной воздухъ. И что же интереснаго въ этихъ старыхъ журналахъ? Пойдемъ-ка посмотрѣть, нѣтъ ли красныхъ грибовъ подъ елками».

Были красные грибы, были. Къ мокрой, нѣжно-кирпичнаго цвѣта шапкѣ прилипали хвойныя иглы, иногда травинка оставляла на ней длинный, тонкій слѣдъ. Исподъ бывалъ дырявый, на немъ сидѣлъ порою желтый слизень, — и съ толстаго, пятнисто-сѣраго корня Лужинъ старшій ножичкомъ счищалъ мохъ и землю, прежде, чѣмъ положить грибъ въ корзину. Сынъ шелъ за нимъ, отставъ на пять-шесть шаговъ, заложивъ руки за спину, какъ старичекъ, и не только грибовъ не искалъ, но даже отказывался смотрѣть на тѣ, которые съ довольнымъ кряканіемъ откапывалъ отецъ. И иногда, въ концѣ аллеи, полная и блѣдная, въ своемъ печальномъ бѣломъ платьѣ, не шедшемъ къ ней, появлялась мать и спѣшила къ нимъ, попадая то въ солнце, то въ тѣнь, и сухіе листья, которые никогда не переводятся въ сѣверныхъ рощахъ, шуршали подъ ея бѣлыми туфлями на высокихъ, слегка скривившихся каблукахъ. И какъ то, въ іюлѣ, на лѣстницѣ веранды, она поскользнулась и вывихнула ногу, и долго потомъ лежала, — то въ полутемной спальнѣ, то на верандѣ, — въ розовомъ капотѣ, напудренная, и рядомъ, на столикѣ, стояла серебряная вазочка съ бульдегомами. Нога скоро поправилась, но она осталась лежать, какъ будто рѣшивъ, что такъ ей суждено, что именно это жизнью ей предназначено. А лѣто было необыкновенно жаркое, комары не давали покоя, съ рѣки день-деньской раздавались визги купа-

вшихся дѣвицъ, и въ одинъ такой томный день, рано утромъ, когда еще слѣпни не начали мучить черной пахучей мазью испачканную лошадь, Лужинъ старшій уѣхалъ на весь день въ городъ. «Пойми же, наконецъ. Мнѣ необходимо повидаться съ Сильвестровымъ, — говорилъ онъ наканунѣ, расхаживая по спальнѣ въ своемъ мышинаго цвѣта халатѣ. — Какая ты, право, странная. Вѣдь это важно. Я самъ предпочелъ бы остаться». Но жена продолжала лежать, уткнувшись лицомъ въ подушку, и ея толстая, безпомощная спина вздрагивала. Все же онъ утромъ уѣхалъ, — и сынъ, стоя въ саду, видѣлъ, какъ надъ зубчатымъ рядомъ елочекъ, отгораживавшихъ садъ отъ дороги, несся бюстъ кучера и шляпа отца.

Онъ въ этотъ день затосковалъ. Всѣ партіи въ старомъ журналѣ были изучены, всѣ задачи рѣшены, и приходилось играть самому съ собой, а это безнадежно кончалось размѣномъ всѣхъ фигуръ и вялой ничьей. И было невыносимо жарко. Отъ веранды на яркій песокъ ложилась черная треугольная тѣнь. Аллея была вся пятнистая отъ солнца, и эти пятна принимали, если прищуриться, видъ ровныхъ, свѣтлыхъ и темныхъ, квадратовъ. Подъ скамейкой тѣнь распласталась рѣзкой рѣшеткой. Каменные столбы съ урнами, стоявшіе на четырехъ углахъ садовой площадки, угрожали другъ другу по діагонали. Рѣяли ласточки, полетомъ напоминая движеніе ножницъ, быстро-быстро вырѣзающихъ что-то. Не зная, что дѣлать съ собой, онъ побрелъ по тропинкѣ вдоль рѣки, а за рѣкой былъ веселый визгъ, и мелькали голыя тѣла. Онъ сталъ за стволъ дерева, украдкой, съ бьющимся сердцемъ, вглядываясь въ это бѣлое мельканіе. Птица прошумѣла въ вѣтвяхъ, и онъ испугался, быстро пошелъ назадъ, прочь отъ рѣки. Завтракалъ онъ одинъ съ экономкой, молчаливой, желтолицей старухой, отъ которой всегда шелъ легкій кофейный запахъ. Затѣмъ, валяясь на диванѣ въ гостиной, онъ сонно слушалъ всякіе легкіе звуки, то крикъ иволги въ саду, то жужжаніе шмеля, влетѣвшаго

въ окно, то звонъ посуды на подносѣ, который несли внизъ изъ спальни матери, — и эти сквозные звуки странно преображались въ его полуснѣ, принимали видъ какихъ-то сложныхъ, свѣтлыхъ узоровъ на темномъ фонѣ, и, стараясь распутать ихъ, онъ уснулъ. Его разбудила горничная, посланная матерью... Въ спальнѣ было темновато и уныло; мать привлекала его къ себѣ, но онъ такъ напрягся, такъ отворачивался, что пришлось его отпустить. «Ну, разскажи мнѣ что-нибудь», — сказала она тихо. Онъ пожалъ плечами, ковыряя пальцемъ колѣно. «Ничего не хочешь разсказать?» — спросила она еще тише. Онъ посмотрѣлъ на ночной столикъ, положилъ въ ротъ бульдегомъ и сталъ его сосать, — взялъ второй, третій, еще и еще, пока ротъ не наполнился сладкими, глухо стукавшимися шарами. «Бери, бери, сколько хочешь», — шептала она и, выпроставъ руку, старалась какъ-нибудь его погладить. «Ты совсѣмъ не загорѣлъ въ этомъ году, — сказала она, погодя. — А можетъ быть я просто не вижу, тутъ такой мертвый свѣтъ, все синее. Подними жалюзи, пожалуйста. Или нѣтъ, постой, останься. Потомъ». Дососавъ бульдегомы, онъ справился, можно ли ему уходить. Она спросила, что онъ сейчасъ будетъ дѣлать, не хочетъ ли онъ поѣхать на станцію къ семичасовому поѣзду встрѣчать отца. «Отпустите меня, — сказалъ онъ. — У васъ пахнетъ лѣкарствомъ».

По лѣстницѣ онъ попробовалъ съѣхать, какъ дѣлалось въ школѣ, какъ онъ самъ никогда въ школѣ не дѣлалъ; но ступени были слишкомъ высокія. Подъ лѣстницей, въ шкафу, еще не до конца изслѣдованномъ, онъ поискалъ журналовъ. Журналъ онъ выкопалъ, нашелъ въ немъ шашечный отдѣлъ, глупыя неповоротливыя плошки, тупо стоявшія на доскѣ, но шахматъ не было. Подъ руку все попадался альбомъ-гербарій съ сухими эдельвейсами и багровыми листьями и съ надписями дѣтскимъ, тоненькимъ, блѣдно-лиловымъ почеркомъ, столь непохожимъ на теперешній почеркъ матери: Давосъ, 1885 г.; Гатчина,

1886г. Онъ въ сердцахъ сталъ выдирать листья и цвѣты и зачихалъ отъ мельчайшей пыли, сидя на корточкахъ среди разбросанныхъ книгъ. Потомъ стало такъ темно подъ лѣстницей, что уже страницы журнала, который онъ снова перелистывалъ, стали сливаться въ сѣрую муть и иногда какая-нибудь небольшая картинка обманывала, казалась въ расплывчатой темнотѣ шахматной задачей. Онъ засунулъ кое-какъ книги въ шкафъ, побрелъ въ гостиную, вяло подумалъ, что вѣрно уже давно послѣ семи, такъ какъ буфетчикъ зажигаетъ керосиновыя лампы. Опираясь на трость и держась за перила, въ сиреневомъ пеньюарѣ, тяжело спускалась мать, и лицо у нея было испуганное. «Я не понимаю, почему твой отецъ еще не пріѣхалъ», — сказала она и, съ трудомъ передвигаясь, вышла на веранду, стала вглядываться въ дорогу между еловыхъ стволовъ, обтянутыхъ тамъ и сямъ ярко-рыжимъ лучомъ.

Онъ пріѣхалъ только къ десяти, опоздалъ, оказывается, на поѣздъ, очень много было дѣлъ, обѣдалъ съ издателемъ, — нѣтъ, нѣтъ, супа не нужно. Онъ смѣялся и говорилъ очень громко и шумно ѣлъ, и Лужинъ вдругъ почувствовалъ, что отецъ все время смотритъ на него, точно ошеломленъ его присутствіемъ. Обѣдъ какъ-то слился съ вечернимъ чаемъ, мать, облокотясь на столъ, молча щурилась, глядя на тарелку съ малиной, и, чѣмъ веселѣе разсказывалъ отецъ, тѣмъ больше она щурилась. Потомъ она встала и тихо ушла, и Лужину показалось, что все это уже разъ было. Онъ остался на верандѣ одинъ съ отцомъ и боялся поднять голову, все время чувствуя на себѣ пристальный, странный взглядъ.

«Какъ вы изволили провести время? — вдругъ сказалъ отецъ. — Чѣмъ занима́лись?» «Ничѣмъ», — отвѣтилъ Лужинъ. «А теперь что вы собираетесь дѣлать? — тѣмъ же напряженно шутливымъ голосомъ, подражая манерѣ сына говорить на вы, спросилъ Лужинъ старшій. — Хотите уже спать ложиться или тутъ со мной посидѣть?» Лужинъ убилъ комара и очень осторожно, снизу и сбоку, взгля-

нулъ на отца. У отца была крошка на бородѣ, и непріятно насмѣшливо блестѣли глаза. «Знаешь что? — сказалъ онъ, и крошка спрыгнула. — Знаешь что? Давай, во что-нибудь сыграемъ. Хочешь, напримѣръ, я тебя научу въ шахматы?»

Онъ увидѣлъ, какъ сынъ медленно покраснѣлъ, и, пожалѣвъ его, поспѣшно добавилъ: «Или въ кабалу, — тамъ есть карты въ столикѣ». «А шахматъ у насъ нѣтъ», — хрипло сказалъ Лужинъ и опять осторожно взглянулъ на отца. «Хорошіе остались въ Петербургѣ, — спокойно сказалъ отецъ, — но, кажется, есть старые на чердакѣ. Пойдемъ, посмотримъ».

Дѣйствительно, — при свѣтѣ лампы, которую высоко держалъ отецъ, Лужинъ нашелъ въ ящикѣ, среди всякаго хлама, доску, и при этомъ опять почувствовалъ, что все это уже было разъ, — открытый ящикъ съ торчащимъ сбоку гвоздемъ, пылью опушенныя книги, деревянная доска съ трещиной посрединѣ. Нашлась и коробочка съ выдвижной крышкой; въ ней были щуплыя шахматныя фигуры. И все время, пока онъ искалъ, а потомъ несъ шахматы внизъ, на веранду, Лужинъ старался понять, случайно ли отецъ заговорилъ о шахматахъ, или подсмотрѣлъ что-нибудь, — и самое простое объясненіе не приходило ему въ голову, какъ иногда, при рѣшеніи задачи, ключомъ къ ней оказывается ходъ, который представляется запретнымъ, невозможнымъ, естественнымъ образомъ выпадающимъ изъ ряда возможныхъ ходовъ.

И теперь, когда на освѣщенномъ столѣ, между лампой и простоквашей, была положена доска, и отецъ сталъ ее вытирать газетой, лицо у него было уже не насмѣшливое, и Лужинъ, забывъ страхъ, забывъ тайну, вдругъ наполнился горделивымъ волненіемъ при мысли о томъ, что онъ можетъ, если пожелаетъ, показать свое искусство. Отецъ началъ разставлять фигуры. Одну изъ пѣшекъ замѣняла нелѣпая фіолетовая штучка вродѣ бутылочки; вмѣсто одной ладьи была шашка; кони были безъ головъ,

и та конская голова, которая осталась послѣ опорожненія коробки (вмѣстѣ съ маленькой игральной костью и красной фишкой), оказалась неподходящей ни къ одному изъ нихъ. Когда все было разставлено, Лужинъ вдругъ рѣшился и пробормоталъ: «Я уже немножко умѣю». «Кто же тебя научилъ?» — не поднимая головы, спросилъ отецъ. «Въ школѣ, — отвѣтилъ Лужинъ. — Тамъ нѣкоторые играли». «А! великолѣпно, — сказалъ отецъ. — Начнемъ, пожалуй...»

Онъ игралъ въ шахматы съ юношескихъ лѣтъ, но рѣдко и безалаберно, со случайными игроками, — на волжскомъ пароходѣ въ погожій вечеръ, въ иностранной санаторіи, гдѣ нѣкогда умиралъ братъ, на дачѣ съ сельскимъ докторомъ, нелюдимымъ человѣкомъ, который періодически переставалъ къ нимъ заглядывать, — и всѣ эти случайныя партіи, полныя зѣвковъ и безплодныхъ раздумій, были для него небрежнымъ отдохновеніемъ или просто способомъ пристойно молчать въ обществѣ человѣка, съ которымъ бесѣда не клеится, — короткія, незамысловатыя партіи, не отмѣченныя ни самолюбіемъ, ни вдохновеніемъ, и которыя онъ всегда одинаково начиналъ, мало обращая вниманія на ходы противника. Не сѣтуя на проигрышъ, онъ все же втайнѣ считалъ, что играетъ очень недурно, и, если проигрываетъ, то по разсѣянности, по добродушію, по желанію оживить игру храбрыми вылазками, и полагалъ, что если приналечь, можно и безъ теорій опровергнуть любой гамбитъ изъ учебника. Страсть сына къ шахматамъ такъ поразила его, показалась такой неожиданной и вмѣстѣ съ тѣмъ роковой, неизбѣжной, — такъ странно и страшно было сидѣть на этой яркой верандѣ среди черной лѣтней ночи противъ этого мальчика, у котораго словно увеличился, разбухъ напряженный лобъ, какъ только онъ склонился надъ фигурами, — такъ это было все странно и страшно, что сосредоточить мысль на шахматномъ ходѣ онъ не могъ и, притворяясь думающимъ, то смутно вспоминалъ свой беззакон-

ный петербургскій день, оставившій чувство стыда, въ которое лучше было не углубляться, то глядѣлъ на легкое, небрежное движеніе, которымъ сынъ переставлялъ фигуру. И черезъ нѣсколько минутъ сынъ сказалъ: «Если такъ, то матъ, а если такъ, то пропадаетъ вашъ ферзь», — и онъ, смутившись, взялъ ходъ обратно и задумался по настоящему, наклоняя голову то влѣво, то вправо, медленно протягивая пальцы къ ферзю и быстро отдирая ихъ, какъ будто обжигаясь, а сынъ тѣмъ временемъ спокойно, съ несвойственной ему аккуратностью, убиралъ взятыя фигуры въ ящикъ. Наконецъ Лужинъ старшій сдѣлалъ ходъ, и сразу начался разгромъ его позицій, и тогда онъ неестественно разсмѣялся и опрокинулъ своего короля. Такъ онъ проигралъ три партіи и почувствовалъ, что, сыграй онъ еще десять, результатъ будетъ тотъ же, и все-таки не могъ остановиться. Въ самомъ началѣ четвертой, сынъ отставилъ его ходъ и, покачавъ головой, сказалъ увѣреннымъ, недѣтскимъ голосомъ: «Худшій отвѣтъ. Чигоринъ совѣтуетъ брать пѣшку». И когда, съ непонятной, безнадежной быстротой, онъ проигралъ и эту партію, Лужинъ старшій опять, какъ давеча, разсмѣялся и сталъ дрожащей рукой наливать себѣ молоко въ граненый стаканъ, на днѣ котораго лежалъ стерженекъ малины, всплывшій на поверхность, закружившійся, не желавшій быть извлеченнымъ. Сынъ убралъ доску и коробку, положилъ ихъ въ уголъ на плетеный столикъ и равнодушно пробурчавъ «спокойной ночи», тихо прикрылъ за собою дверь.

«Ну, что жъ, этого слѣдовало ожидать, — сказалъ Лужинъ старшій, вытирая платкомъ кончики пальцевъ. — Онъ не просто забавляется шахматами, онъ священнодѣйствуетъ».

Мохнатая, толстобрюхая ночница съ горящими глазками, ударившись о лампу, упала на столъ. Легко прошумѣлъ вѣтеръ по саду, Въ гостиной тонко заиграли часы и пробили двѣнадцать.

«Чепуха, — сказалъ онъ, — глупая фантазія. Многіе

мальчишки отлично играютъ въ шахматы. Ничего нѣтъ удивительнаго. Вся эта исторія просто мнѣ на нервы подѣйствовала. Нехорошо. Напрасно она его поощряла. Ну, все равно...»

Онъ съ тоской подумалъ, что сейчасъ придется лгать, увѣщевать, успокаивать, а уже поздній часъ...

«Хочется спать», — сказалъ онъ, но остался сидѣть въ креслѣ.

А рано утромъ, въ густой рощѣ за садомъ, въ самомъ темномъ и мшистомъ углу, маленькій Лужинъ зарылъ ящикъ съ отцовскими шахматами, полагая, что это самый простой способъ избѣжать всякихъ осложненій, благо есть теперь другія фигуры, которыми можно открыто пользоваться. Его отецъ, не совладѣвъ съ любопытствомъ, отправился къ угрюмому доктору, который въ шахматы игралъ куда лучше его, и вечеромъ, послѣ обѣда, смѣясь и потирая руки, всѣми силами стараясь скрыть отъ себя, что поступаетъ нехорошо, — а почему нехорошо, самъ не знаетъ, — онъ усадилъ сына и доктора за плетеный столъ на верандѣ, самъ разставилъ фигуры, извиняясь за фіолетовую штучку, и сѣлъ рядомъ, сталъ жадно слѣдить за игрой. Шевеля густыми, врозь торчащими бровями, муча мясистый носъ большимъ мохнатымъ кулакомъ, докторъ долго думалъ надъ каждымъ ходомъ и порой откидывался, какъ будто издали лучше было видно, и дѣлалъ большіе глаза, и опять грузно нагибался, упираясь руками въ колѣни. Онъ проигралъ и такъ крякнулъ, что въ отвѣтъ хрустнуло камышевое кресло. «Да, нѣтъ же, нѣтъ же, — воскликнулъ Лужинъ старшій. Надо такъ пойти, и все спасено, — у васъ даже положеніе лучше». «Да я же подъ шахомъ стою», — басомъ сказалъ докторъ и сталъ разставлять фигуры заново. И когда онъ вышелъ его провожать въ темный садъ до окаймленной свѣтляками тропинки, спускавшейся къ мосту, Лужинъ старшій услышалъ тѣ слова, которыя такъ жаждалъ ус-

лышать, но теперь отъ этихъ словъ было тяжело, — лучше бы онъ ихъ не услышалъ.

Докторъ сталъ бывать каждый вечеръ и, такъ какъ дѣйствительно игралъ очень хорошо, извлекалъ огромное удовольствіе изъ непрекращавшихся пораженій. Онъ принесъ учебникъ шахматной игры, посовѣтовалъ однако не слишкомъ имъ увлекаться, не уставать, читать на открытомъ воздухѣ. Онъ разсказывалъ о большихъ мастерахъ, которыхъ ему приходилось видѣть, о недавнемъ турнирѣ, а также о прошломъ шахматъ, о довольно фантастическомъ раджѣ, о великомъ Филидорѣ, знавшемъ толкъ и въ музыкѣ. Иногда, съ угрюмой улыбкой, онъ приносилъ то, что называлъ «гостинцемъ», — хитрую задачу, откуда-то вырѣзанную. Лужинъ покорпѣвъ надъ ней, находилъ наконецъ рѣшеніе и картаво восклицалъ, съ необыкновеннымъ выраженіемъ на лицѣ, съ блескомъ счастія въ глазахъ: «Какая роскошь! Какая роскошь!» Но составленіемъ задачъ онъ не увлекался, смутно чувствуя, что попусту въ нихъ растратилась бы та воинственная, напирающая, яркая сила, которую онъ въ себѣ ощущалъ, когда докторъ, ударами мохнатаго пальца все дальше и дальше убиралъ своего короля и, наконецъ, замиралъ, кивалъ головой, глядя на доску, межъ тѣмъ, какъ отецъ, всегда присутствовавшій, всегда жаждавшій чудъ, — пораженія сына, — и пугавшійся, и радовавшійся, когда сынъ выигрывалъ, и страдавшій отъ этой сложной смѣси чувствъ, — хваталъ коня или ладью, говорилъ, что не все пропало, самъ иногда доигрывалъ безнадежную партію.

И пошло. Между этими вечерами на верандѣ и тѣмъ днемъ, когда въ столичномъ журналѣ появилась фотографія Лужина, какъ будто ничего не было, ни дачной осени, моросящей на астры, ни переѣзда въ городъ, ни возвращенія въ школу. Фотографія появилась въ октябрьскій день, вскорѣ послѣ перваго, незабвеннаго выступленія въ шахматномъ клубѣ. И все другое, что было между ней и переѣздомъ въ Петербургъ, — два мѣсяца, какъ-никакъ,

-- было такъ смутно и такъ спутано, что потомъ, вспоминая то время, Лужинъ не могъ точно сказать, когда, напримѣръ, была вечеринка въ школѣ, — гдѣ тихо, въ уголку, почти незамѣтно для товарищей, онъ обыгралъ учителя географіи, извѣстнаго любителя, — или когда, по приглашенію отца, явился къ нимъ обѣдать сѣдой еврей, дряхлый шахматный геній, побѣждавшій во всѣхъ городахъ міра, а нынѣ жившій въ праздности и нищетѣ, полуслѣпой, больной сердцемъ, потерявшій навѣки огонь, хватку, счастіе... Лужинъ помнилъ одно совершенно ясно, — боязнь, которую онъ испытывалъ въ школѣ, боязнь, что узнаютъ о его дарѣ и засмѣютъ его, — и впослѣдствіи, орудуя этимъ безошибочнымъ воспоминаніемъ, онъ разсудилъ, что послѣ партіи, сыгранной на вечеринкѣ, онъ въ школѣ, должно быть, больше не бывалъ, ибо, помня всѣ содраганія своего дѣтства, онъ не могъ представить себѣ то ужасное ощущеніе, которое бы испыталъ, войдя на утро въ классъ и увидѣвъ любопытные, все провѣдавшіе глаза. Онъ помнилъ опять-таки, что послѣ появленія фотографіи, онъ отказался больше ходить въ школу, и невозможно было распутать въ памяти узелъ, въ который связались вечеринка и фотографія, невозможно было сказать, что случилось раньше, что позже. Журналъ ему принесъ отецъ, и фотографія была та, которую сняли въ прошломъ году, на дачѣ: стволъ въ саду, и онъ у ствола, узоръ листвы на лбу, угрюмое выраженіе на чуть склоненномъ лицѣ, и тѣ узкіе, бѣлые штанишки, которые всегда спереди разстегивались. Вмѣсто радости, ожидаемой отцомъ, онъ не выразилъ ничего, -- но тайная радость все же была: вотъ это кладетъ конецъ школѣ. Его упрашивали впродолженіе недѣли. Мать, конечно, плакала. Отецъ пригрозилъ отнять новые шахматы, — огромныя фигуры на сафьяновой доскѣ. И вдругъ все рѣшилось само собой. Онъ бѣжалъ изъ дому, — въ осеннемъ пальтишкѣ, такъ какъ зимнее, послѣ одной, уже неудавшейся попытки бѣжать, спрятали, -- и, не зная, куда дѣть-

ся (шелъ колючій снѣгъ, осѣдалъ на карнизахъ, и вѣтеръ его сдувалъ, безъ конца повторяя эту мелкую метель), онъ побрелъ наконецъ къ тетѣ, которой не видѣлъ съ весны. Онъ встрѣтилъ ее у подъѣзда ея дома. Она была въ черной шляпѣ, держала въ рукахъ завернутые въ бумагу цвѣты, шла на похороны. «Твой старый партнеръ померъ, — сказала она. — Поѣдемъ со мной». Онъ разсердился, что нельзя посидѣть въ теплѣ, что идетъ снѣгъ, что у тети горятъ сентиментальныя слезы за вуалью, — и, рѣзко повернувъ, пошелъ прочь и, съ часъ походивъ, вернулся домой. Самаго возвращенія онъ не помнилъ, — любопытнѣй всего, что, быть можетъ, предыдущее произошло на самомъ дѣлѣ иначе, что многое у него въ памяти было потомъ добавлено, взято изъ его бреда, а бредилъ онъ цѣлую недѣлю, и, такъ какъ онъ былъ очень слабый и нервный, доктора полагали, что онъ болѣзни не переживетъ. Болѣлъ онъ не въ первый разъ, и, возстановляя ощущеніе именно этой болѣзни, онъ невольно вспоминалъ и другія, которыми его дѣтство было полно, — и особенно отчетливо вспоминалось ему, какъ еще совсѣмъ маленькимъ, играя самъ съ собой, онъ все кутался въ тигровый пледъ, одиноко изображая короля, — всего пріятнѣй было изображать короля, такъ какъ мантія предохраняла отъ озноба, и хотѣлось, какъ можно больше отдалить ту неизбѣжную минуту, когда тронутъ ему лобъ, поставятъ градусникъ и затѣмъ поспѣшно уложатъ его въ постель. Но ничего раньше не было подобнаго его октябрьской шахматной болѣзни. Сѣдой еврей, побивавшій Чигорина, мертвый старикъ, обложенный цвѣтами, отецъ, съ веселымъ, хитрымъ лицомъ приносившій журналъ, и учитель географіи, остолбенѣвшій отъ полученнаго мата, и комната въ шахматномъ клубѣ, гдѣ какіе-то молодые люди въ табачномъ дыму тѣсно его окружили, и бритое лицо музыканта, державшаго почему-то телефонную трубку, какъ скрипку, между щекой и плечомъ, — все это участвовало въ его бреду и принимало подобіе какой-то чудо-

вищной игры на призрачной, валкой, безконечно расползавшейся доскѣ.

Когда онъ выздоровѣлъ, его, похудѣвшаго и выросшаго, увезли заграницу, сперва на берегъ Адріатическаго моря, гдѣ онъ лежалъ на солнцѣ въ саду, разыгрывая въ умѣ партіи, что запретить ему было невозможно, затѣмъ — въ нѣмецкій курортъ, гдѣ отецъ водилъ его гулять по тропинкамъ, огороженнымъ затѣйливыми буковыми перилами. Шестнадцать лѣтъ спустя, снова посѣтивъ этотъ же курортъ, онъ узналъ глиняныхъ бородатыхъ карловъ между клумбъ, обведенныхъ цвѣтнымъ гравіемъ, передъ выросшей, похорошѣвшей гостиницей, и темный, сырой лѣсъ на холму, и разноцвѣтные мазки масляной краски (каждый цвѣтъ означалъ направленіе опредѣленной прогулки), которыми былъ снабженъ буковый стволъ или скала наперекресткѣ, дабы не заплуталъ медлительный путникъ. Тѣ же прессъ-папье съ изумрудно-синими, перламутромъ оживленными видами подъ выпуклымъ стекломъ продавались въ лавкахъ близъ источника, и какъ будто тотъ же оркестръ на помостѣ въ саду игралъ попури изъ оперъ, и клены бросали живую тѣнь на столики, за которыми люди пили кофе и ѣли клинообразные ломти яблочнаго торта со сбитыми сливками.

«Вотъ видите эти окошки, — сказалъ онъ, указывая тростью на крыло гостиницы. — Тамъ имѣлъ мѣсто тогда турнирчикъ. Играли солиднѣйшіе нѣмецкіе игроки. Мнѣ было четырнадцать лѣтъ. Третій призъ, да, третій призъ».

Онъ снова положилъ руки на толстую трость тѣмъ печальнымъ, слегка старческимъ движеніемъ, которое ему теперь было свойственно, и, какъ будто слушая музыку, наклонилъ голову.

«Что? Мнѣ надѣть шляпу? Солнце, говорите, печетъ? Нѣтъ, мнѣ это нечувствительно. Нѣтъ, оставьте, зачѣмъ же? Мы сидимъ въ тѣни».

Все же онъ взялъ соломенную шляпу, протянутую ему

черезъ столикъ, побарабанилъ по дну, гдѣ было расплывчато-темное пятно на имени шапочника, надѣлъ ее, криво улыбнувшись. Именно — криво: правая щека слегка поднималась, справа губа обнажала плохіе, прокуренные зубы, и другой улыбки у него не было. И нельзя было сказать, что ему всего только пошелъ четвертый десятокъ, — отъ крыльевъ носа спускались двѣ глубокихъ, дряблыхъ борозды, плечи были согнуты, во всемъ его тѣлѣ чувствовалась нездоровая тяжесть, и когда онъ вдругъ рѣзко всталъ, защищаясь локтемъ отъ осы, — стало видно, что онъ довольно тучный, — ничто въ маленькомъ Лужинѣ не предвѣщало этой лѣнивой, дурной полноты. «Да что она пристала!» — вскрикнулъ онъ тонкимъ, плачущимъ голосомъ, продолжая поднимать локоть, а другой рукой силясь достать платокъ. Оса, описавъ еще одинъ послѣдній кругъ, улетѣла, и онъ долго провожалъ ее глазами, машинально отряхивая платокъ, и потомъ, поставивъ потверже на гравій металлическій стулъ и поднявъ упавшую трость, сѣлъ снова, тяжело дыша.

«Отчего вы смѣетесь? Онѣ очень непріятныя насѣкомыя, — осы». Онъ нахмурился, глядя на столъ. Рядомъ съ его портсигаромъ лежала дамская сумочка, полукруглая, изъ чернаго шелка. Онъ разсѣянно потянулся къ ней, сталъ щелкать замкомъ.

«Плохо запирается, — сказалъ онъ, не поднимая глазъ. — Въ прекрасный день вы все выроните».

Онъ вздохнулъ, отложилъ сумку, тѣмъ же голосомъ добавилъ: «Да, солиднѣйшіе нѣмецкіе игроки. И одинъ австріецъ. Не повезло моему покойному папашѣ. Думалъ, что тутъ нѣтъ живого интереса къ шахматамъ, а попали прямо на турниръ».

Что-то понастроили, крыло дома теперь выглядѣло иначе. А жили они вонъ тамъ, во второмъ этажѣ. Было рѣшено остаться тамъ до осени, а потомъ вернуться въ Россію, и призракъ школы, о которой отецъ второй годъ не смѣлъ упомянуть, опять замаячилъ. Мать вернулась го-

раздо раньше, въ началѣ лѣта. Она говорила, что безумно тоскуетъ по русской деревнѣ, и это длинное-длинное «безумно» съ такимъ зудящимъ, ноющимъ среднимъ слогомъ было почти единственной ея интонаціей, которую сынъ запомнилъ. И уѣхала она все-таки нехотя, — да и сама не знала, ѣхать ли или оставаться. Уже давно началось у нея странное отчужденіе отъ сына, какъ будто онъ уплылъ куда то, и любила она не этого взрослаго мальчика, шахматнаго вундеркинда, о которомъ уже писали газеты, а того маленькаго, теплаго, невыносимаго ребенка, который, чуть что, кидался плашмя на полъ и кричалъ, стуча ногами. И все было такъ грустно и такъ ненужно, — эта жидкая, нерусская сирень на станціи, и тюльпанообразныя лампочки въ спальномъ купэ нордъ-экспресса, и эти замиранія въ груди, чувство удушія, — быть можетъ грудная жаба или просто нервы, какъ говоритъ мужъ. Она уѣхала, не писала, отецъ повеселѣлъ и перешелъ въ комнату поменьше, а потомъ, какъ-то въ іюлѣ, маленькій Лужинъ, возвращаясь домой изъ другой гостиницы, — гдѣ жилъ одинъ изъ тѣхъ сосредоточенныхъ пожилыхъ людей, которые съ нимъ играли, замѣняли ему сверстниковъ, — случайно увидѣлъ на косогорѣ, у деревянныхъ перилъ, въ блескѣ вечерняго солнца, отца съ дамой. И такъ какъ эта дама была несомнѣнно его петербургская рыжеволосая тетя, онъ очень удивился, и стало ему почему то стыдно, и онъ ничего не сказалъ отцу. А черезъ нѣсколько дней послѣ этого, рано утромъ, онъ услышалъ, — отецъ быстро приближается къ его спальнѣ по корридору и какъ будто громко хохочетъ. Дверь съ размаху открылась, и отецъ вошелъ, протягивая, словно отстраняя отъ себя, бумажку, — телеграмму. Слезы лились у него по щекамъ, вдоль носа, какъ будто онъ обрызгалъ лицо водой, и онъ повторялъ, всхлипывая, задыхаясь: «Что это такое? Что это такое? Это ошибка, переврали», — и все отстранялъ отъ себя бумажку.

В. Сиринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Copyright 1929, by G. Ivanoff.

Третій Римъ

XIII.

Штальберга опять не было дома. Юрьевъ взглянулъ на часы. «Буду ждать до семи въ Асторіи», приписалъ онъ въ концѣ записки, перечитывая ее и подчеркивая слова «очень нужно» и «пріѣзжай». — На Исаакіевскую, — сказалъ онъ кучеру, запахивая полость.

Штальберга онъ искалъ съ утра. Штальбергъ — Юрьевъ сознавалъ это — былъ умнѣй его и, главное, проницательнѣй. И предсказанія Штальберга, кажется, начинали сбываться. Вчерашнія слова князя во всякомъ случаѣ были многозначительны. — Вы привыкли ко мнѣ? неожиданно спросилъ князь, прощаясь послѣ ужина — и какъ странно онъ посмотрѣлъ при этомъ. — Это хорошо, и я къ вамъ привыкъ. Это хорошо, повторилъ онъ и, помолчавъ, прибавилъ — мы какъ нибудь... скоро... поговоримъ.

Вельскій очень странно смотрѣлъ, говоря это — пристально и какъ будто растерянно. И если сопоставить эти слова съ обрывкомъ подслушаннаго на дняхъ разговора (какъ умно было, что я подошелъ къ двери, мелькнуло въ головѣ Юрьева, — какъ ловко...), пожалуй, выходило, что Штальбергъ правъ. — «У тебя подъ ногами золотое дно, а ты тряпки покупаешь и счастливъ», вспомнилъ Юрьевъ насмѣшливый голосъ Штальберга и улыбнулся — Что-жъ, тряпки не мѣшаютъ, но если въ самомъ дѣлѣ золотое дно — не надо быть дуракомъ. И не буду, — съ веселой самоувѣренностью подумалъ онъ, подымая воротникъ (было очень холодно) своего новаго щегольского пальто.

Пальто было новое, все на котиковомъ мѣху, такое именно, какъ Юрьеву давно хотѣлось имѣть. За послѣднее время онъ завелъ много разныхъ дорогихъ нужныхъ и ненужныхъ вещей и, вообще, жилъ широко. Времена, когда хотѣлось купить шляпу и было нельзя, портной отказывался шить въ долгъ и даже вежеталь приходилось, порой, экономить — теперь измѣнились. Съ удовольствіемъ и удивленіемъ (къ нимъ понемногу начало примѣшиваться смутное безпокойство) Юрьевъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, которому незачѣмъ ломать голову надъ тѣмъ, гдѣ достать денегъ. Деньги у него теперь были.

Деньги у него были, долги были заплачены, дѣло съ инженеромъ замято, къ январю онъ ждалъ камеръ-юнкера. И деньги, и уплата долговъ, и высылка инженера и обѣщанное камеръ-юнкерство, все это — шло отъ князя Вельскаго.

Все это съ того памятнаго вечера, когда князь пріѣхалъ къ нему, шло и устраивалось само собой, устраивалось такъ незамѣтно, гладко, естественно и прилично, что при встрѣчахъ съ княземъ Юрьевъ почти забывалъ, что Вельскій все таки не богатый дядюшка, балующій племянника, а совершенно чужой ему человѣкъ, для чего-то нашедшій нужнымъ вмѣшиваться въ его судьбу.

Князь держался съ Юрьевымъ именно добрымъ дядюшкой: возилъ его завтракать, звалъ къ себѣ, болталъ съ нимъ то о поэзіи, то объ охотѣ, то о фасонѣ воротниковъ — и это было все. Но при всемъ своемъ легкомысліи, Юрьевъ понималъ, что долговъ не платятъ и изъ грязныхъ исторій не вытаскиваютъ изъ одной, неизвѣстно откуда взявшейся симпатіи. Чтобы возиться съ нимъ, у князя должны были быть какія то важныя основанія. Но какія — на это Юрьевъ никакъ не могъ подыскать разумнаго отвѣта, и понемногу это все сильнѣй начинало его безпокоить.

На обрывокъ разговора, подслушанный случайно у

дверей библіотеки, Юрьевъ не обратилъ особеннаго вниманія. Но послѣ вчерашнихъ словъ князя разговоръ этотъ пріобрѣталъ какой то (какой — было по прежнему неясно — поэтому Юрьевъ и искалъ Штальберга) новый смыслъ.

Дѣло было такъ. Юрьевъ заѣхалъ къ князю. Князь былъ занятъ — Юрьева попросили подождать въ библіотекѣ, комнатѣ, смежной съ кабинетомъ. Изъ кабинета слышались голоса, но словъ изъ-за тяжелыхъ портьеръ не было слышно. Лакей, проводивъ Юрьева, ушелъ, никого кругомъ не было. Подойдя къ шкапу, стоявшему около двери въ кабинетъ, Юрьевъ, дѣлая видъ, что разсматриваетъ корешки книгъ — прислушался. Но и здѣсь словъ нельзя было разобрать. Тогда, оглянувшись, Юрьевъ осторожно отодвинулъ портьеру и приложилъ ухо къ двери.

Страхъ быть застигнутымъ помѣшалъ ему дослушать до конца. Кромѣ того, разговоръ шелъ по нѣмецки (уже одно это было странно) — а по нѣмецки Юрьевъ плохо понималъ. Но и то немногое, что онъ понялъ — было тоже странно и удивительно. Князь говорилъ о желаніи видѣть или имѣть какую то вещь, а собесѣдникъ возражалъ что то о снѣгѣ и трудности перехода границы... — Да, да, у меня есть человѣкъ, на котораго я могу положиться — была послѣдняя фраза Вельскаго, которую Юрьевъ понялъ она была сказана въ отвѣтъ на слова, смыслъ которыхъ онъ не разобралъ. Гдѣ то сзади, черезъ нѣсколько комнатъ, послышались шаги — Юрьевъ быстро опустилъ портьеру и отошелъ въ другой уголъ комнаты.

Да, пожалуй, Штальбергъ былъ правъ: князь велъ какую то интригу, въ этой интригѣ онъ, Юрьевъ, на что-то былъ ему нуженъ. — Вы привыкли ко мнѣ? Это хорошо. Мы скоро поговоримъ... И этотъ разговоръ по нѣмецки о снѣгѣ, о границѣ... Да, что за всѣмъ этимъ было, все это было не спроста. Тутъ гдѣ то заключалось объясне-

ніе и денегъ, и инженера, и камеръ-юнкерства и всего. Но гдѣ, какое? И если дѣйствительно открываются большія возможности, золотое дно, какъ сдѣлать, чтобы возможностей этихъ не пропустить? Чтобы посовѣтоваться обо всемъ этомъ, Юрьевъ и ѣхалъ въ Асторію, гдѣ отъ пяти до семи, на чаѣ, Штальбергъ часто бывалъ.

Швейцаръ повернулъ стеклянную дверь вертушку и, улыбаясь, поклонился Юрьеву — его здѣсь хорошо знали. Спросивъ, здѣсь ли баронъ, и съ неудовольствіемъ услышавъ, что «еще не были-съ» — Юрьевъ рѣшивъ подождать — было около шести, и Штальбергъ, конечно, могъ еще пріѣхать — прошелъ направо, въ ту часть большого, устланнаго пестрыми восточными коврами холла, гдѣ въ углу, въ тѣснотѣ, за низкими модернизированными столиками пили чай, стояли, вѣжливо толкались, дымили египетскими папиросами, обмѣнивались французскими фразами и недавно пущенными въ ходъ остротами обычные посѣтители и посѣтительницы этого своеобразнаго мѣста.

И въ углу, гдѣ пили чай, и кругомъ, шло всегдашнее оживленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ Асторія, большая, роскошная, недавно отстроенная гостиница была реквизирована и объявлена военной, въ ея холлѣ, салонахъ, ресторанѣ, во всѣхъ ея шести этажахъ съ утра до поздней ночи шла приподнятая полу-военная, полу-космополитическая жизнь, особаго, нѣсколько страннаго пошиба.

Гостиница была военной и, само собой, въ толпѣ, наполнявшей ея огромное зданіе, преобладали русскіе и союзные офицеры, военные чиновники, врачи, жены этихъ военныхъ — вообще, люди такъ или иначе связанные съ войной, пріѣхавшіе съ фронта или отправляющіеся туда. Однако, совсѣмъ не это обиліе френчей защитнаго цвѣта, погонъ, шпоръ, разныхъ значковъ, не разговоры о войнѣ, упоминанія участковъ фронта и воинскихъ частей, слышавшіеся кругомъ, придавали холлю, салонамъ, всѣмъ

шести этажамъ Асторіи — особое, только имъ присущее своеобразіе.

И на Невскомъ, и въ театрахъ и въ ресторанахъ, теперь, на третьемъ году войны было полно русскихъ и союзныхъ офицеровъ, сестеръ милосердія, военныхъ чиновниковъ, офицерскихъ женъ. Въ помѣщеніи другой, не меньше чѣмъ Асторія, военной гостиницы въ зданіи Арміи и Флота была та же военная толпа, мелькало столько же френчей и погонъ — но картина выглядѣла совсѣмъ иначе. Самый воздухъ тамъ былъ другой.

И въ зданіи Арміи и Флота, и на Невскомъ и въ театрахъ — встрѣчались разные офицеры, разныя сестры, разные союзники. Но всѣхъ штабныхъ героевъ, щеголяющихъ золотымъ оружіемъ, всѣхъ чиновниковъ интендантства съ бумажниками, набитыми несчитанными пятисотрублевками, всѣхъ подкрашенныхъ, томныхъ, строющихъ глазки кунчихамъ румынскихъ лейтенантовъ, всѣхъ шансонетныхъ нѣвицъ, надѣвшихъ косынку, всѣхъ дѣвокъ, выдающихъ себя за женъ прапорщиковъ и ротмистровъ и всѣхъ женъ ротмистровъ и прапорщиковъ, похожихъ на дѣвокъ, — словно по какому то естественному подбору, привлекала Асторія. Конечно, не изъ однихъ этихъ людей была составлена шумная, блестящая, повсюду снующая толпа, рѣдѣющая и утихающая только къ ночи — но они въ ней преобладали, окрашивали ее собой, своими взглядами, манерами, говоромъ — всѣмъ своимъ особымъ опереніемъ, какъ всегда, болѣе яркимъ у хищниковъ. Прогрѣтый калориферами воздухъ Асторіи пахнулъ какъ то томительно. Это была тонкая смѣсь, гдѣ было всего понемногу: Н. Герленъ, и духъ контръ-развѣдокъ, и египетскій табакъ, и кровь...

Разумѣется, особенность этого воздуха замѣтна была только постороннему человѣку. На «habitués», вродѣ Штальберга, Юрьева, вродѣ всѣхъ тѣхъ, кто въ углу холля, въ тѣснотѣ, пилъ за низкими модернизованными столиками чай, болталъ, острилъ или устраивалъ свои дѣ-

ла — находили, что все кругомъ пахнетъ, выглядитъ, устроено именно такъ, какъ должно пахнуть, выглядѣть и быть устроено въ пріятномъ и модномъ мѣстѣ, гдѣ собираются изящные и благовоспитанные люди.

Раскланиваясь со знакомыми (почти всѣ здѣсь были ему знакомы), гдѣ цѣлуя ручку, гдѣ небрежно помахивая — Какъ поживаешь, mon cher, извиняясь передъ кѣмъ-то, что давно не бывалъ, кого то приглашая на среду завтракать — Юрьевъ прошелъ въ читальню, гдѣ было меньше народу, велѣлъ принести себѣ Нарзану и развернулъ «Фигаро». Онъ не успѣлъ дочитать какой-то скучный пассажъ о войнѣ (теперь даже въ прелестныхъ, непохожихъ на наши, французскихъ газетахъ писали почти исключительно объ этой, всѣмъ надоѣвшей войнѣ) — какъ Штальбергъ, розовый съ холода и улыбающійся, тронулъ его за плечо.

XIV.

Кофе, вскипѣвъ, хлынуло въ стеклянный куполъ машинки. Штальбергъ потушилъ ее и взглянулъ на Юрьева. — Видишь ли... протянулъ онъ нерѣшительно, точно сомнѣваясь, стоитъ ли договаривать.

У Альбера, куда они зашли, было какъ всегда вечеромъ, пустовато. Ни нарумяненная немолодая дама, похожая на актрису, обѣдавшая черезъ нѣсколько столиковъ, ни блѣднолицая барышня за стойкой, увлеченная «Ключами Счастья», ни лакеи, отъ нечего дѣлать поправляющіе пустые приборы и то поддающіе, то уменьшающіе электричества въ разныхъ концахъ зала — не мѣшали имъ спокойно разговаривать. Но теперь, къ концу обѣда, разговаривать, въ сущности, было не о чемъ. Штальбергъ разочаровалъ Юрьева. Проницательность его, оказывалось, шла не такъ ужъ далеко — не дальше уже не новыхъ совѣтовъ не пропускать пресловутаго «дна». Штальбергъ тоже находилъ многозначительными вчерашнія слова князя и считалъ, что между ними и подслушаннымъ разговоромъ, пожалуй, есть связь — но гдѣ, какая — отъ полуто-

рачасового сидѣнія съ нимъ Юрьеву не стало яснѣй. Чтобы скрасить неважный обѣдъ и настроеніе, ставшее кислымъ, Юрьевъ къ кофе заказалъ коньяку — но и коньякъ (крѣпкій и тоже неважный) что то не подымалъ настроенія.

— Видишь ли, помолчавъ, повторилъ Штальбергъ. Предположи на минутку, что мы не друзья, не товарищи по училищу, не люди одного круга. Мы только что встрѣтились и не связаны между собой ничѣмъ, кромѣ одной вещи. А вещь эта такая. У тебя есть, скажемъ, права — ну, на кладъ, на наслѣдство, а у меня планъ или завѣщаніе, словомъ, нѣчто, безъ чего этотъ кладъ или наслѣдство нельзя получить. Каждый знаетъ о каждомъ, что одинъ безъ другого ничего не добьется, каждый владѣетъ половинкой цѣлаго. Спрашивается — какъ разумнѣй всего намъ обоимъ поступить?

— Сложить обѣ половинки. Но къ чему ты это ведешь?

— Постой. Сложить половинки? Отлично. А еще что?

— И вырыть кладъ.

— А тебѣ не приходитъ въ голову, что вмѣсто того, чтобы рыть вдвоемъ и дѣлиться, умнѣй мнѣ зарѣзать тебя, взять твой планъ и вырыть кладъ одному?

— Налей мнѣ кофе, философъ, прежде чѣмъ меня рѣзать.

— Съ удовольствіемъ. И еще минутку терпѣнія. Отвѣть мнѣ, — ты знаешь, что такое сентиментальность?

Юрьевъ пожалъ плечами.

— Знаешь? Тогда опредѣли точно.

— Ты серьезно? Какой вздоръ... Ну, нѣмки сентиментальны... Любовь къ животнымъ... Карамзинъ: «о щастливые, щастливые швейцары...» Кто же этого не знаетъ?

— Хорошо. А я, какъ по твоему, сентименталенъ?

Юрьевъ усмѣхнулся.

— Не думаю. Хотя ты и изъ нѣмцевъ, но надъ мотылькомъ врядъ ли всплакнешь.

— Ошибаешься, дорогой, всплакну. — Штальбергъ поднялъ руку. — И еще какъ всплакну... не хуже Карамзина. Не хуже любого холоднаго, безсердечнаго, никого не любящаго и при этомъ обязательно, какъ правило, сентиментальнаго человѣка. Всплакну надъ мотылькомъ и зарѣжу... хотя бы тебя.

— Чтобы отнять кладъ?

— Чтобы отнять этотъ галстукъ, если онъ мнѣ понадобится.

— Мило! — усмѣхнулся Юрьевъ. Буду теперь тебя остерегаться, ты какъ разъ хвалилъ мою новую шубу. Что-же, однако, — спросимъ счетъ?

Штальбергъ помолчалъ минуту.

— Нѣтъ, зарѣзать — никогда, проговорилъ онъ задумчиво. — Зарѣзать? Значитъ своими руками — вотъ этими? Онъ взглянулъ на свои худыя, красивыя руки. — Значитъ, кровь, хрипѣнье, искаженное лицо, трупъ, мерзость Нѣтъ. Зарѣзать бы я никого не могъ. Но сидѣть съ тобой, вотъ такъ, болтать, вспоминать экзамены, подливать тебѣ вина (онъ подлилъ себѣ и Юрьеву коньяку и залпомъ выпилъ свой) — и знать, что когда ты уйдешь, на улицѣ тебя убьютъ и принесутъ мнѣ твой галстукъ — это другое дѣло... Ты бы уходилъ, а я слушалъ твои шаги по лѣстницѣ и думалъ — что вотъ еще не поздно, еще я могу тебя остановить, вернуть... И плакалъ бы, повѣрь мнѣ, не хуже Карамзина.

— Но не остановилъ бы?

— Какъ же, — а галстукъ?

— Пріятно слышать. Хорошо, что галстуки мои тебѣ не нужны, а большаго у меня нѣтъ — такъ что пока я въ безопасности.

Штальбергъ постучалъ папиросой о крышку портсигара, поднялъ на Юрьева свѣтлые, холодные глаза и съ разстановкой сказалъ:

— Ты не въ безопасности.

XV.

Марья Львовна Палицына кончала обѣдать, когда ее позвали къ телефону. Звонилъ Вельскій. И хотя въ томъ, что онъ звонилъ, не было ничего неожиданнаго — снимая трубку и слыша немного измѣненный въ телефонъ отрывистый голосъ, она и сегодня, какъ всегда, почувствовала знакомый толчокъ гдѣ-то въ груди надъ сердцемъ, который чувствовала, встрѣчая князя, говоря съ нимъ по телефону или надрывая большой сѣрый конвертъ съ гербомъ, надписанный его острымъ, неразборчивымъ почеркомъ.

Это ощущеніе сохранилось отъ тѣхъ, уже далекихъ временъ, когда началось ихъ знакомство. Равнодушная къ людямъ и увѣренная въ себѣ — въ своемъ умѣ, житейскомъ опытѣ, умѣньи держаться, какъ надо, съ любымъ человѣкомъ, Марья Львовна, при первыхъ встрѣчахъ съ княземъ, сама удивляясь этому, почувствовала легкое, несвойственное ей волненіе, распространявшееся одинаково и на то, какъ она отвѣтила Вельскому на его замѣчаніе о Шекспирѣ, и на то, хорошо ли поджарены любимые княземъ къ чаю toasts'ы. Теперь князь давно былъ ея самымъ близкимъ и дорогимъ другомъ и она знала, что и онъ, не меньше ея, дорожитъ отношеніями, сложившимися за нѣсколько лѣтъ ихъ знакомства. Она знала какъ высоко ставитъ Вельскій ея умъ, независимость мнѣній, характеръ, знала что она единственный въ мірѣ человѣкъ, съ которымъ Вельскій во всемъ и до конца откровененъ. Больше того — съ годами Марья Львовна понемногу пришла къ убѣжденію, что въ ихъ «умственномъ союзѣ», какъ любилъ называть ихъ отношенія князь, превосходство принадлежитъ ей. И все-таки и теперь она въ обществѣ князя попрежнему слегка терялась, попрежнему испытывала тотъ самый толчокъ въ грудь, который испытала впервые, когда въ чьей то гостиной ей представили: «Инполитъ

Степановичъ Вельскій» и гладкій, слегка рѣдѣющій проборъ мелькнулъ надъ ея рукой.

Князь говорилъ, что Фрей, по его мнѣнію, вполнѣ приличенъ и что пока не пріѣдетъ нашъ другъ (на словѣ «другъ» князь сдѣлалъ удареніе, и Марья Львовна кивнула, понимающе, въ трубку), пусть Фрей сидитъ съ остальными гостями. — Потомъ вы устроите такъ, чтобы намъ троимъ было удобно — кто же устроитъ лучше васъ. Ну, цѣлую ручки, дорогая — идите кушать, простите, что задержалъ. Да, кстати, я привезу сегодня того молодого человѣка... вы ничего не имѣете противъ?

Марья Львовна вдругъ почувствовала новый тупой и сладкій толчокъ въ грудь. (Ей показалось, что это отъ усталости).

— Вы ничего не имѣете противъ, повторилъ князь, не получая отвѣта.

— Непремѣнно привезите, торопливо отвѣтила Марья Львовна — непремѣнно — я буду ждать. Какъ его зовутъ? переспросила она и, отогнувъ висячій блокнотъ записала: «Борисъ Николаевичъ Юрьевъ».

Теперь, когда Марьѣ Львовнѣ Палицыной было уже близко къ пятидесяти, она почти съ полнымъ равнодушіемъ думала о своей наружности. Но какъ плакала она когда то по ночамъ, какъ кусала подушку! То, что она родилась наслѣдницей всѣхъ палицынскихъ богатствъ и стараго, знатнаго имени, казалось ей тогда только лишней обидой, лишней насмѣшкой судьбы. — Къ чему, къ чему мнѣ это, лучше бы я прачкой была, — всхлипывала и сморкалась она въ одиночествѣ пышной спальни, и обшитый валансьенами платочекъ вздрагивалъ, какъ пойманная бабочка въ ея красномъ, большомъ кулакѣ.

Но это было давно. Въ неуклюжемъ тѣлѣ текла здоровая двадцатилѣтняя женская кровь, вальсы и полонезы сладко кружили бѣдную голову съ модной прической, похожей на гофрированный конскій хвостъ, и гладкіе

французскіе стихи вкрадчиво твердили о любви. Теперь Марья Львовна не плакала больше по ночамъ. Она читала Бергсона или Розанова или какую нибудь политическую брошюру, потомъ тушила свѣтъ и тотчасъ же крѣпко засыпала. Иногда ей снилось, что произошла революція (о революціи, какъ о чемъ то неизбѣжномъ, часто говорилось въ ея домѣ), а она не успѣла перевести денегъ въ Англію. Это былъ только сонъ — деньги — и очень большія — въ Англіи на всякій случай давно лежали, но сонъ непріятный, вгонявшій въ сердцебіеніе и страхъ. Времена, когда Марья Львовна считала насмѣшкой судьбы доставшіеся ей милліоны, тоже давно прошли. Она давно, по достоинству оцѣнила всѣ преимущества того, что она Палицына, очень богата, пользуется желѣзнымъ (тоже наслѣдственнымъ) здоровьемъ и что при всемъ этомъ Богъ (въ Бога, впрочемъ, она не вѣрила) не далъ ей сдѣлать самой непоправимой глупости, которую она могла бы сдѣлать — выйти замужъ.

Къ пятидесяти годамъ ничто въ Марьѣ Львовнѣ не напоминало той, двадцатилѣтней, «рыхлой дуры», какъ она сама о себѣ говорила. Та вздыхала надъ Альфредомъ де Виньи, эта интересовалась Эрфуртской программой. Та не находила себѣ мѣста въ мірѣ отъ тоски и возвышенныхъ чувствъ — эта свое мѣсто нашла и считала, что въ сравненіи съ другими человѣческими мѣстами оно не такъ ужъ дурно. Та, не задумываясь дала бы сто тысячъ, если бы кто нибудь, особенно какой нибудь униженный и оскорбленный, догадался ихъ у нея попросить — эта, какъ всѣ пожилые, богатые люди, была искренно убѣждена, что подать нищему рубль безнравственно, разъ его можно пожертвовать на больницу, въ которой этотъ нищій, можетъ быть, когда нибудь умретъ. Кое что отъ той Палицыной въ этой все же осталось. Князю Вельскому, напримѣръ, она не отказала бы и въ милліонѣ. Впрочемъ, когда порой Марья Львовна размышляла о такихъ вещахъ — къ пріятному сознанію готовности принести какую

угодно жертву для своего самаго близкаго, самаго дорогого друга, незамѣтно примѣшивалось другое, такое же пріятное — что князь самъ богатъ и денегъ у нея не попроситъ.

Марья Львовна кончила обѣдать. Допивъ кофе и закуривъ папиросу, она подошла къ окну и открыла одну изъ пестро застекленыхъ створокъ. Створка эта никогда не задѣлывалась на зиму, нарочно для того, чтобы можно было вотъ такъ подышать воздухомъ послѣ обѣда. Марья Львовна кушала плотно и тонко, приправляя ѣду острыми заграничными соусами, выпивая стаканъ, а то и два, густого бургундскаго вина и чашку очень крѣпкаго кофе, и послѣ всего этого любила постоять на холодѣ, чтобы отъ лица отлила кровь. Простуды она не боялась.

Окно выходило въ садъ. Свѣтъ изъ столовой упалъ на кусты, сугробы, черную пасть бронзоваго тритона, широко раскрытую, словно глотающую холодъ и снѣгъ. Одно изъ чугунныхъ садовыхъ креселъ со вчерашняго дня лежало перевернутымъ въ снѣгу. — Ничего не смотритъ Андрей — упало, такъ и валяется, лѣнь ему поднять, съ неудовольствіемъ подумала Марья Львовна. — Надо будетъ ему сказать...

Что надо будетъ сказать садовнику, она не успѣла подумать. Изъ окна вдругъ повѣяло на нее чѣмъ то такимъ свѣжимъ, грустнымъ и сладкимъ, что дыханье замерло, и кресло, Андрей, выговоръ, который ему прійдется сдѣлать, сразу пропали, точно ихъ и не было никогда. Легкій гулъ, вродѣ гула телефонной проволоки, летѣлъ по ея тѣлу, крови, кожѣ и, съ замершимъ дыханіемъ, она слушала этотъ гулъ. Онъ былъ одновременно и блаженствомъ и безнадежностью, онъ заполнялъ все. Потомъ въ глазахъ потемнѣло, стало совсѣмъ душно. Князь Вельскій въ придворномъ мундирѣ — такой, какъ всего разъ или два въ жизни она его видѣла — холодно улыбаясь, промелькнулъ сквозь это. Двѣ звѣзды на его груди, ярко блеснувъ, ис-

чезли. - Такъ умираютъ отъ удара... такъ умеръ отецъ, такъ умру я — вспомнила Марья Львовна совсѣмъ безъ страха.

— Да, зажигай, — слабымъ голосомъ отвѣтила она, открывая глаза и не сразу понявъ, о чемъ говоритъ ей дворецкій. Тотъ спрашивалъ, не пора ли освѣщать парадныя комнаты къ пріему гостей.

Зажигай... повторила Марья Львовна болѣе увѣренно. — Вотъ, полюбуйся со вчерашняго дня какъ упало, такъ и лежитъ. Пришли ко мнѣ завтра Андрея, - прибавила она, уже своимъ обыкновеннымъ, строгимъ голосомъ и пошла переодѣваться.

XVI.

Юрьевъ вошелъ въ широкій, мрачный подъѣздъ палицынскаго дома съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ въ дѣтствѣ входилъ въ развалины, или спускался въ подвалъ: — смѣсью страха и любопытства: домъ этотъ внушалъ ему робость.

Онъ зналъ, что Палицына принадлежитъ къ тому узкому слою высшей петербургской знати, къ которому у Ванечки Савельева многіе искренне причисляли его самого, но о которомъ на самомъ дѣлѣ онъ ничего не зналъ, кромѣ двухъ-трехъ шапочныхъ знакомствъ и доходившихъ черезъ пятыя руки перевранныхъ сплетенъ.

Въ гостиныхъ Ванечки Савельева Юрьевъ и самъ себя чувствовалъ тѣмъ, чѣмъ его считали окружавшіе и не только отъ сознанія превосходства своихъ манеръ, умѣнья носить костюмъ. На воображаемой картѣ петербургскаго общества, гдѣ всѣ линіи перекрещиваются, онъ, конечно, стоялъ ближе къ Палицыной, ея отцу, знаменитому царедворцу, ея брату, другу покойнаго государя, чѣмъ хотя бы къ мучнымъ лабазамъ Ванечки. Юрьевъ не былъ кавалергардомъ, было очень мало шансовъ, что онъ женится на фрейлинѣ и богачкѣ, но

сложись обстоятельства иначе — это могло бы и быть. Мысль же о томъ, что онъ, его отецъ или родственникъ могъ торговать крупчаткой и получать отъ губернатора къ празднику, какъ швейцаръ, медали — была такъ же странна, неестественна, невозможна — какъ мысль, что онъ могъ быть негромъ. Большинство же людей, среди которыхъ онъ вращался — были въ положеніи какъ разъ обратномъ. Для изящнаго эстета Ванечки слова «генералъ» или «князь» были полны первоначальнаго, дѣвственнаго блеска. При всемъ своемъ парижскомъ воспитаніи, о томъ, что есть разные генералы и разные князья — онъ еще не догадывался.

Если бы понятія Юрьева на этотъ счетъ были бы такъ же несложны — онъ бы, вѣроятно, отправляясь къ Палицыной, не чувствовалъ никакой робости. Въ самомъ дѣлѣ — онъ самъ былъ сыномъ «штатскаго генерала» (какъ выражались у Ванечки), учился въ Правовѣдѣніи, былъ вотъ представленъ къ камеръ-юнкеру — чего же еще? Но къ своему неудобству Юрьевъ зналъ не только, что генералы и князья бываютъ разные, онъ зналъ, что среди людей, казалось бы, вполнѣ равныхъ по имени, вліянію, близости ко двору, существуютъ оттѣнки и полутона, почти неуловимые и какъ разъ опредѣляющіе удѣльный вѣсъ каждаго. Онъ зналъ, что чѣмъ выше подыматься по той общественной лѣстницѣ, у самаго низа которой онъ стоялъ — тѣмъ неуловимѣй эти оттѣнки, тѣмъ труднѣй они поддаются объясненію и тѣмъ большее значеніе имѣютъ. Разница между нимъ и Вельскимъ была проста, общепонятна, очевидна. Но почему тотъ же Вельскій при всей своей «несомнѣнности» былъ все-таки «не то», «ниже сортомъ», чѣмъ старуха Палицына, почему знакомство съ ней было большой честью — объяснить Юрьевъ бы затруднился, хотя зналъ, что не ошибается.

Тутъ же обнаруживалась неопредѣленность, условность понятій о такъ называемомъ хорошемъ воспитаніи. Ес-

ли бы онъ былъ одного круга съ Палицыной и равными ей людьми — ему ничего не пришлось бы мѣнять въ своихъ манерахъ, умѣньи пить чай ,цѣловать руку или поддерживать разговоръ онъ это зналъ. Но оттого, что онъ былъ неизмѣримо ниже этихъ людей — все его умѣнье рядомъ съ ними пропадало, теряло цѣну, и любой изъ нихъ, беря пальцами сахаръ, или катая за столомъ хлѣбные шарики — былъ и оставался изящнѣй, безукоризненнѣй, благовоспитаннѣй его, Юрьева. Это тоже нельзя было объяснить и тоже это было такъ.

Поправляясь передъ огромнымъ, мрачнымъ трюмо, пока лакей ходилъ докладывать Вельскому о его пріѣздѣ (такъ они позавчера условились), Юрьевъ думалъ, что вычурныя бра по бокамъ зеркала, вѣроятно, мельцеровскія (нравилось же когда-то такое безобразіе — все хвостики, амурчики!) и свѣчи въ нихъ потому такъ желты и мутны, что, должно быть, лѣтъ десять не мѣнялись. Разглядывая бра и усмѣхаясь мельцеровскому рококо, онъ въ то же время безпокойно соображалъ, какъ поступить, если швейцаръ ошибся и князя еще нѣтъ? Итти и представляться самому было, разумѣется, невозможно, уѣзжать и опять возвращаться — тоже выходило глупо.

Однако лакей, появившись изъ-за красныхъ драпировокъ (отъ желтаго блеска старыхъ лампочекъ лицо лакея было похоже на лицо покойника, да и все кругомъ выглядѣло какъ то мертво) доложилъ, что «ихъ свѣтлость изволятъ ждать наверху», и Юрьевъ, послѣдній разъ проведя по волосамъ ладонью, сталъ съ неожиданно забившимся сердцемъ подниматься по широкой лѣстницѣ, повторяя про себя, какъ слѣдуетъ поклониться Палицыной и что ей сказать.

Теперь со времени его пріѣзда прошло уже около часу, и Юрьевъ, предоставленный самому себѣ, съ усмѣшкой думалъ о своемъ недавнемъ волненіи и съ недоумѣніемъ

о томъ, какъ непохоже то, что онъ видитъ, на то, что онъ себѣ представлялъ.

Въ домѣ Марьи Львовны въ разные дни можно было встрѣтить самыхъ разныхъ людей. За чайнымъ столомъ, гдѣ вчера откровенничалъ, щурился и, произнося имя «Никки», скорбно пожималъ плечами либеральный великій князь, — завтра сидѣлъ господинъ въ очкахъ, цитирующій Маркса или Плеханова и иногда, позабывъ, гдѣ онъ, обращающійся къ собесѣдницѣ: «товарищъ», а послѣ завтра, тамъ же, лепетала по англійски птица въ скромномъ парижскомъ тайерѣ, залетѣвшая изъ того міра, которымъ Марья Львовна откровенно пренебрегала и звала камарильей, но съ которымъ у неня оставались очень прочныя, въ любую минуту могущія быть приведенными въ дѣйствіе, связи и, слушая птичью болтовню, Марья Львовна думала, что гостью пора какъ нибудь вѣжливо выпроводить: сейчасъ долженъ былъ явиться одинъ «мистическій анархистъ» — человѣкъ очень умный, но производившій непрерывно сухой трескъ — онъ носилъ целлулоидовыя манжеты.

Всѣ эти разные люди каждый по разному были пріятны Марьѣ Львовнѣ; всѣ они были ей одинаково безразличны. Какъ всякій дѣятельный по природѣ человѣкъ, осужденный на праздность, она «убивала время» способомъ наиболѣе вѣрнымъ въ ея положеніи: читала разныя книги и встрѣчалась съ разными людьми. Кромѣ убиванья времени, въ послѣднемъ она находила еще одно развлеченіе — старое какъ міръ и безошибочное — отыскивать въ другихъ собственныя слабости и (въ зависимости отъ склада ума) посмѣиваться надъ ними, или осуждать ихъ. Въ характерѣ Марьи Львовны было мало желчи — она больше посмѣивалась.

Общество, собиравшееся въ палицынскомъ особнякѣ по пятницамъ, отчасти было синтезомъ этого пестраго и обширнаго знакомства. Но только отчасти. По пятни-

намъ гости приглашались по особому подбору. Подборъ этотъ дѣлалъ князь Вельскій.

О пятницахъ этихъ не бывавшіе на нихъ говорили разное. Одни толковали объ афинскихъ ночахъ, другіе о хлыстовскихъ бдѣніяхъ, третьи намекали, что есть вещи, за которыя во время войны слѣдуетъ вѣшать, и что вещи эти не чужды иныхъ великосвѣтскихъ гостиныхъ. Какъ это часто бываетъ, самыми неопредѣленными свѣдѣніями о сути дѣла располагали какъ разъ люди, стоящіе къ нему ближе другихъ, т. е. сами участники пятницъ. Если у князя Вельскаго и была система, по которой онъ подбиралъ приглашенныхъ, если въ этомъ подборѣ и была какая нибудь особая цѣль — о ней можно было лишь строить неопредѣленныя догадки. Ничего особеннаго на пятницахъ не происходило. Собирались разные люди, разговаривали и пили чай. Нѣсколько страннымъ могло показаться, что люди эти были, какъ будто, черезчуръ ужъ разные, да еще, что въ ихъ разговорахъ сквозило иногда, не совсѣмъ обычное въ странѣ, ведущей войну, отношеніе къ этой войнѣ, какъ къ злому, глупому и неправому дѣлу.

Юрьеву было скучно. Онъ прохаживался по комнатамъ, разсматривалъ гостей, прислушивался къ разговорамъ, и все одинаково ему не нравилось.

Старомодныя люстры сотнями желтыхъ свѣчей освѣщали штофныя стѣны и китайскія вазы по угламъ — можетъ быть, и очень рѣдкія, но на видъ совершенно такія же, какъ въ чайныхъ магазинахъ. Отъ этой вылинявшей роскоши вѣяло унынiемъ и холодомъ (холодно было и въ прямомъ смыслѣ — особенно отъ оконъ замѣтно дуло). Гости были скучные и всѣ они выглядѣли такъ же уныло и холодно, какъ комнаты, въ которыхъ они прогуливались и сидѣли. Нѣкоторыхъ Юрьевъ зналъ въ лицо — это были люди съ именемъ, связями и деньгами — но наметаннымъ глазомъ онъ отлично видѣлъ, что всѣ они изъ той породы, къ которой не стоитъ и прислуживаться

— все равно не попользуешься ничѣмъ. По его опредѣленію, все это были «крючки» или «масоны», что въ переводѣ на обыкновенный языкъ обозначало людей черствыхъ, уравновѣшенныхъ, расчетливыхъ, склонныхъ къ высокимъ матеріямъ и неизмѣнно отказывающихъ, когда у нихъ (какъ бы это граціозно ни дѣлалось), просятъ въ долгъ двадцать пять рублей. Вели они себя соотвѣтственно. Въ одной изъ унылыхъ гостиныхъ человѣкъ пятнадцать, собравшись кружкомъ около какого то хама въ поддевкѣ и высокихъ сапогахъ, внимательно слушали его болтовню о книгѣ голубиной, Новомъ Іерусалимѣ и еще чортъ знаетъ о чемъ. То, что люди съ деньгами и именемъ не только не сторонились этого юродиваго (и какъ онъ попалъ сюда - вотъ тебѣ и великосвѣтскій домъ), но напротивъ, глядя ему въ ротъ, его слушаютъ — подтверждало полностію мнѣніе Юрьева, что все это скряги и крючки. Въ другой комнатѣ сама Палицына вела общій разговоръ - это тоже былъ разговорчикъ! Когда Юрьева ей представили, она усадила его по сосѣдству съ собой, и пока не вышелъ счастливый случай уступить мѣсто какой то дамѣ, онъ чувствовалъ себя точнно на урокѣ китайской грамоты. Хозяйка сыпала: «ревизіонизмъ», «эмпиро-критицизмъ», «эксплоатація», гости пріятно поддакивали: прибавочная стоимость.

И повсюду было, приблизительно, то же. Гдѣ кружкомъ разсуждали о разныхъ баобабахъ, гдѣ по двое, по трое шептались, должно быть о томъ же, попивая чай, который на серебряныхъ безобразныхъ подносахъ разносили лакеи (лакеевъ было, дѣйствительно, много, точно на пріемѣ въ посольствѣ), вмѣстѣ съ пастилой, орѣхами, булочками, вообще разной дрянью. Въ довершеніе всего этого, буфетчикъ въ столовой такъ прямо и спрашивалъ — «какого изволите?» и, смотря по вкусу, разливалъ по желтымъ съ гербами бокаламъ сухарный или клюквенный квасъ.

Юрьеву становилось все скучнѣй. Онъ началъ злить

ся. Даже князь куда то исчезъ. Юрьевъ расчитывалъ уѣхать вмѣстѣ съ княземъ – это означало (онъ уже привыкъ къ этому) ужинъ у Донона, шампанское, сигары, сторублевку, а то и двѣ, сунутыя въ жилетный карманъ съ милой дружественностью дядюшки, балующаго племянника и теперь еще– возможность разговора, который все объяснитъ. Но князь исчезъ, отъ оконъ дуло, скука была адская, буфетчикъ спрашивалъ, «какого изволите» и отъ себя рекомендовалъ сухарный. И зачѣмъ князю понадобилось тащить меня сюда? -- съ возрастающимъ раздраженіемъ думалъ Юрьевъ, беря отъ нечего дѣлать съ подноса тянучку.

Мысль, что князю это все-таки зачѣмъ то понадобилось, ничего не объясняя, только усиливала нудность другихъ такихъ же, на всѣ лады уже передуманныхъ мыслей, и Юрьевъ отъ нея отмахнулся. -- Но все таки какъ глупо, что князь исчезъ. Впрочемъ, чортъ съ нимъ --- не сегодня такъ завтра. Что-же, удирать по англійски, что ли? Подожду еще полчаса и маршъ рѣшилъ онъ, заглядывая въ длинную, плоскую, похожую на гробъ витрину. — Неужели все настоящее, со вспыхнувшей вдругъ жадностью наклонился онъ ниже къ стеклу, за которымъ на бархатѣ лежали камеи, табакерки съ бриллiантами, перстни, жемчужины, миніатюры, неоправленные драгоцѣнные камни. — Неужели все?.. Тысячъ на пятьдесятъ, если не больше. Надавить стекло и... мелькнуло въ головѣ тревожно и отчетливо, вмѣстѣ съ такимъ же тревожнымъ и отчетливымъ сознаніемъ, что сдѣлать это немыслимо.

— Любуешься? услышалъ Юрьевъ знакомый, сюсюкающій, протяжный голосъ и быстро обернулся, покраснѣвъ, точно пойманный въ чемъ то.

— Прелестныя вещи, первоклассныя... вотъ этотъ рубинъ принадлежалъ... а это... подавая мягкую, точно безъ костей руку, шепелявилъ Снѣтковъ. — Какая встрѣча, —

въ политическомъ салонѣ! — улыбнулся онъ, внимательно оглядывая жакетъ Юрьева и переводя взглядъ на его туфли.

XVII.

Юрьевъ ошибался, думая, что Вельскій уѣхалъ. Подведя Юрьева къ Палицыной и представивъ ей «своего молодого друга» (при этихъ словахъ Палицына быстро подняла глаза на князя и какой то свѣтъ промелькнулъ и погасъ въ нихъ), Вельскій вспомнилъ, что надо позвонить по телефону и вышелъ на лѣстницу. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, держась за перила: тоскливое, скользкое чувство пустоты вдругъ его охватило. Онъ не разъ испытывалъ это чувство въ важныя минуты жизни, но все таки сила и неожиданность его поразила Вельскаго. — Надо взять себя въ руки — такъ нельзя, думалъ онъ, выливая на платокъ одеколонъ изъ карманнаго флакончика и медленно, съ наслажденіемъ проводя по лбу душистымъ, влажнымъ батистомъ. — Такъ нельзя, внушалъ онъ себѣ, говоря по телефону со Штейеромъ — (ничего новаго не было, все было въ порядкѣ) и потомъ ложась отдохнуть въ рабочемъ кабинетѣ Марьи Львовны и закрывая глаза.

Вельскій лежалъ въ неярко освѣщенной комнатѣ, съ закрытыми глазами. Коньякъ съ лимономъ и льдомъ, который ему принесли, пріятнымъ, ласковымъ тепломъ расплывался по крови. Лежать на мягкомъ, широкомъ креслѣ было очень удобно. Тоскливое чувство пустоты ослабѣло, отступило, совсѣмъ исчезло. Собравъ всю свою волю, Вельскій старался не думать, и это ему удавалось. Изъ памяти постепенно пропадали вещи и люди, заботы и тайныя мысли, то что было десять лѣтъ назадъ и то, что должно было произойти сегодня. Словно кто то проводилъ по памяти, какъ губкой по грифельной доскѣ: чѣмъ

то успокоительнымъ и мягкимъ и все стиралось одно за другимъ. Губка медленно двигалась взадъ - впередъ, черная зеркальная поверхность становилась все шире и чище... Потомъ изъ темноты проступило блѣдное, желанное лицо съ сѣрыми, немного наглыми глазами... Вельскій слабо вздохнулъ во снѣ.

— Дорогой другъ, мнѣ такъ жалко васъ будить, — сказала Палицына, — но уже одиннадцать - онъ долженъ сейчасъ пріѣхать.

Юрьевъ не любилъ Снѣткова, но встрѣтивъ его у Палицыной, очень обрадовался ему. Снѣтковъ хотя и былъ глупъ, скупъ, душился какъ швейка и въ своихъ высокихъ воротничкахъ выглядѣлъ настоящей устрицей - все таки онъ былъ своимъ человѣкомъ, съ нимъ можно было поболтать на привычныя темы, похвастаться передъ нимъ запонками или портсигаромъ. Въ здѣшней унылой обстановкѣ встрѣча со Снѣтковымъ была прямо находкой.

Сейчасъ же выяснилось, что Снѣтковъ бываетъ на пятницахъ давно и ему извѣстны маленькіе домашніе секреты. Кромѣ кваса и пастилы, оказывалось, здѣсь въ заднихъ комнатахъ давали портвейнъ и даже коньякъ. — Для избранныхъ — пояснилъ въ носъ Снѣтковъ, сдѣлавъ важную, глупую мину, и, дѣйствительно, черезъ какіе-то салоны и кабинетики привелъ Юрьева въ просторную библіотеку, устланную коврами и уставленную мягкой «клубной» мебелью. — Monsieur desire? балаганя подъ метръ д'отеля, расшаркался онъ у столика съ рюмками, бутылками и блюдомъ поджаренныхъ фисташекъ.

Еще по дорогѣ въ библіотеку Юрьеву пришла въ голову понравившаяся ему мысль: Снѣтковъ былъ глупъ, болтливъ, любилъ поважничать. И онъ часто бывалъ у Палицыной, съ Вельскимъ былъ тоже давно знакомъ... Юрьевъ нарочно старался не думать о Вельскомъ, обо всей путаницѣ, которая его окружала — чувствуя себя, какъ передъ отвѣсной стѣной, на которую все равно не влѣзть.

Но съ помощью Снѣткова на отвѣсной стѣнѣ, — какъ знать — могли отыскаться и ступеньки. Первая изъ нихъ, пожалуй, была подъ ногами: политическій салонъ, — сказалъ Снѣтковъ. Такъ это въ политическій салонъ ввелъ его зачѣмъ то князь!..

Юрьевъ отпилъ липкаго, жгучаго шартрезу. Снѣтковъ разсказалъ, брызгая слюной, очередную придворную сплетню. — ...et puis la colonele, pique une crise de nerfs... (звать государыню «полковницей» только что вошло въ моду — въ шикѣ блеснуть новинкой и заключалась суть дурацкаго, неправдоподобнаго разсказа). Потомъ поболтали «о своемъ, о женскомъ», какъ, хихикая, называлъ Снѣтковъ толки о картахъ и портныхъ. Юрьевъ ждалъ, чтобы Снѣтковъ самъ какъ нибудь свернулъ на интересную ему тему, но тотъ все не сворачивалъ. Тогда, зѣвнувъ, Юрьевъ будто невзначай спросилъ: — А ты тоже интересуешься политикой?

Снѣтковъ удивленно прищурился. — Тоже?

— Ну да — вѣдь мы въ политическомъ салонѣ?

— А, вотъ ты о чемъ, засмѣялся Снѣтковъ. — Въ той же степени, что и ты, прибавилъ онъ двусмысленнымъ тономъ.

— Въ той же степени, что я?..

— Я хотѣлъ сказать, въ той же области, поправился Снѣтковъ и захохоталъ, точно сказавъ что то крайне остроумное.

— Чему ты смѣешься? пожалъ плечами Юрьевъ.

— Дорогой, возразилъ Снѣтковъ, хитро и сладко на него глядя. — Дорогой, не хорошо скрытничать съ друзьями. — Ты думаешь, я не слышалъ... Онъ сдѣлалъ паузу. — Думаешь, я не знаю, кто будетъ камеръ-юнкеромъ въ январѣ? какъ то выпалилъ онъ.

— Что ты мелешь, устрица, разсердился Юрьевъ. — При чемъ тутъ мое камеръ-юнкерство? Что за чушь ты несешь!..

Въ хитрыхъ глазахъ Снѣткова мелькнуло странное выраженіе:

— Не сердись, — вдругъ быстро зашепелявилъ онъ, точно испугавшись чего-то. — Я пошутилъ, не сердись... Что ты... камеръ-юнкеромъ... такъ я читалъ списки. Вольфъ тоже представленъ — удивительная пролаза этотъ Вольфъ. Кстати, ты будешь пораженъ: его сестра...

«Онъ ничего не знаетъ... какая была бы гаффа — князь бы мнѣ не простилъ» — прочелъ бы Юрьевъ, если бы онъ умѣлъ читать мысли, то, что безпокойно проносилось въ головѣ Снѣткова, пока онъ, мѣняя разговоръ, болталъ что то наспѣхъ сочиненное о сестрѣ Вольфа. Но мыслей Юрьевъ читать не умѣлъ. Онъ только почувствовалъ разочарованіе: глупая устрица оказалась еще глупѣй, чѣмъ онъ предполагалъ. Ничего она не знала, ничего разсказать не могла...

Разочарованіе ждало Юрьева и въ парадныхъ комнатахъ, когда онъ туда вернулся: Вельскаго по прежнему нигдѣ не было.

XVIII.

Присутствіе на вечерѣ какого то Фрея, голландскаго подданнаго, никого изъ посѣтителей пятницъ не могло удивить. Иностранцы (разные мистики, пацифисты, проповѣдники сліянія церквей и т. п.) бывали здѣсь часто. Фрея же вообще мало кто замѣтилъ. Пріѣхалъ онъ поздно, когда собралось уже много народу, скромно посидѣлъ около хозяйки, скромно выпилъ чаю, скромно побродилъ по комнатамъ. Даже вынувъ сигару, онъ повертѣлъ ее въ пальцахъ и, спрятавъ, закурилъ папиросу: сигаръ кругомъ никто не курилъ, сигара все таки привлекала къ себѣ вниманіе...

Вельскій предупредилъ Фрея, что придется подождать и Фрей ждалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался Фреемъ и голландскимъ подданнымъ, ожиданье стало для него

чѣмъ то вродѣ профессіи. Ждать приходилось всюду: въ Стокгольмѣ, на границѣ, въ номерѣ Сѣверной гостиницы, здѣсь, у Палицыной. Здѣсь ждать было даже не особенно скучно.

Побродивъ по комнатамъ, выпивъ чаю, выкуривъ папиросу, онъ такъ же скромно, не привлекая къ себѣ ничьего вниманія, сидѣлъ теперь въ сторонѣ, со спокойнымъ любопытствомъ заѣзжаго туриста наблюдая за кружкомъ, отъ котораго недавно со скукой и недоумѣніемъ отошелъ Юрьевъ. Нѣсколько дамъ и пожилыхъ господъ сановнаго вида слушали немолодого коренастаго человѣка, который что то имъ говорилъ, подпѣвая и временами даже приплясывая. То, что онъ говорилъ, очевидно, очень нравилось окружающимъ, судя по ихъ внимательному виду, одобрительнымъ кивкамъ и словамъ «charmant» и «delicieux», которыя слышались, когда онъ на время читать и приплясывать переставалъ. Судя по внѣшности, человѣкъ, котораго такъ внимательно слушали эти важные дамы и господа, былъ простымъ русскимъ мужикомъ.

И поддевка, и косоворотка и гребешокъ у пояса — все это было хорошо, еще съ дѣтства знакомо Фрею по таблицамъ въ этнографическихъ атласахъ, изображавшихъ «великорусса». Сходство съ картинкой изъ атласа усиливалось тѣмъ, что мужикъ этотъ — Фрей ясно видѣлъ — былъ подрумяненъ и напудренъ, глаза его были подведены, волосы напомажены. — Значитъ, есть такіе именно мужики, какъ въ атласахъ, думалъ Фрей съ нѣкоторымъ удивленіемъ: другіе русскіе мужики, которыхъ ему приходилось встрѣчать — выглядѣли совсѣмъ иначе. — Или это артистъ, оттого онъ и нарумяненъ?..

...Скоро, скоро, дѣтушки забьютъ фонтаны огненные, застрекочутъ птицы райскія, вскроется купель слезная и правда Божья обнаружится, читалъ нараспѣвъ мужикъ или артистъ, и Фрей, вслушиваясь въ непонятную варварскую музыку витіеватой скороговорки — думалъ о томъ,

какіе странные глаза у чтеца. Они были маленькіе, сѣрые, почти безцвѣтные — выраженье ихъ было одновременно хитрое и наивное, безпокойное и равнодушное. Человѣкъ съ такими глазами, конечно, могъ быть негодяемъ, но могъ быть и подвижникомъ, святымъ. Кто онъ на самомъ дѣлѣ, нельзя было догадаться и впечатлѣніе было такое (это и было удивительно), что и самъ онъ объ этомъ не догадывался.

...Русское, лживое, ирраціональное... вдругъ вспомнился Фрею предостерегающій, тоскливый шопотъ Адама Адамовича и ему почудилось, что не у одного нарумяненнаго мужика такой взглядъ. Вотъ сѣдоватый господинъ вынулъ портсигаръ и закурилъ. Вотъ немолодая, еще красивая дама въ черномъ платьѣ и жемчугахъ, подняла лорнетку. Кто то кашлянулъ; кто то, наклонившись къ сосѣду, что то шепнулъ, и сосѣдъ въ отвѣтъ улыбнулся. Все въ этихъ людяхъ было совершенно такимъ, какъ бываетъ всюду, въ Берлинѣ, въ Лондонѣ, гдѣ угодно. Все въ нихъ, въ ихъ платьѣ, манерахъ, улыбкахъ, выраженьи лицъ было изящно-обыкновенно, европейски нейтрально. И въ то же время... Изъ подъ сѣдоватыхъ бровей сановника, изъ за стеколъ лорнета, который граціозно подняла дама, плыло (Фрею вдругъ почудилось) то же самое, томительное, безпокойно-равнодушное, наивно-хитрое, русское, то самое, что свѣтилось въ глазахъ паясничающаго, нарумяненаго мужика, то самое, о чемъ съ злобою и отвращеніемъ говорилъ Штейеръ...

Фрей вздрогнулъ:

— Слушаете? улыбаясь спрашивалъ Вельскій, наклоняясь надъ нимъ. — Это нашъ извѣстный поэтъ, большой талантъ, притомъ, какъ видите, самородокъ— un vrai paysan. А я пришелъ показать вамъ здѣшнія медали, вѣдь вы нумизматъ?

Въ рабочемъ кабинетѣ Марьи Львовны, гдѣ полчаса назадъ Вельскій спалъ, было уже все готово. Горѣлъ ка-

минъ; удобныя кресла были подвинуты къ огню, столикъ съ виномъ, фруктами и сластями (очень много сластей и вино тоже все сладкое и крѣпкое, мадера, малага, крымскій ай-даниль) былъ тутъ же подъ рукой. Подъ рукой была и развернутая карта Европы. Передъ образомъ, въ углу, ярко свѣтилась малиновая «архіерейская» лампадка — ее только что, нарочно, зажгли.

Когда князь съ Фреемъ вошли — Марья Львовна молча кивнула имъ, не отходя отъ окна. Вельскій потушилъ верхній свѣтъ и, усадивъ Фрея, тихо и наставительно что то ему говорилъ. Марья Львовна, стоя у окна, всматривалась въ черную точку въ концѣ мутно освѣщенной улицы. Улица была совсѣмъ пуста, черная точка медленно приближалась. Она была еще очень далеко — ни извощика, ни сѣдока еще нельзя было разсмотрѣть, но Марья Львовна уже навѣрное знала, что это т о т ъ с а м ы й извощикъ, т о т ъ с а м ы й сѣдокъ... Она всматривалась и ждала. Вотъ, наконецъ, въ свѣтѣ фонаря мелькнула лысая морда лошади, вотъ сани, миновавъ главный подъѣздъ, завернули къ садовой калиткѣ. Марья Львовна смотрѣла, немного скосивъ глаза, какъ изъ саней, не торопясь, выходилъ человѣкъ въ шубѣ и боярской шапкѣ, какъ навстрѣчу ему бѣжалъ поджидавшій его лакей, какъ лакей поспѣшно открывалъ калитку и низко, нѣсколько разъ поклонился. Марья Львовна смотрѣла на лакея, на лошадь, на боярскую шапку пріѣхавшаго, съ необыкновенной ясностью понимая, что всѣ они значутъ. И какъ это раньше не пришло ей въ голову, разъ все было такъ необыкновенно, такъ потрясающе ясно!

И лакей, и шапка и лысая морда лошади значили одно — гибель Россіи. И она, Палицына, должна въ этой гибели участвовать изъ слѣпой, огромной и вполнѣ безнадежной любви къ человѣку, тихій, отрывистый голосъ котораго слышится сейчасъ за спиной...

— Пріѣхалъ, — почти крикнула Марья Львовна и торопливо вышла.

Вельскій, замолчавъ, всталъ. Лицо его сдѣлалось какимъ то торжественнымъ. Всталъ и Фрей. Дверь отворилась. Придерживая ее, Марья Львовна почтительно пропустила передъ собой пріѣхавшаго.

Фрей глядѣлъ съ удивленіемъ. Въ комнату входилъ мужикъ изъ атласа, въ поддевкѣ и сапогахъ, совсѣмъ какъ тотъ, котораго онъ только что слушалъ. Этотъ былъ повыше ростомъ; рубашка на немъ была ярко голубая...

Мужикъ вошелъ не спѣша. Не здороваясь, онъ долго, истово крестился на образъ, потомъ, охнувъ, медленно, словно нехотя, обернулся. Медленно, словно нехотя, по его бородатому лицу расплылась улыбочка — грѣшная и дѣтская. И Фрей съ отвращеніемъ и холодкомъ въ сердцѣ опять подумалъ: Россія!

Георгій Ивановъ.

(Конецъ первой части)

ГОЛОСЪ.

Тихимъ, темнымъ, безконечно-звѣзднымъ,
Нѣтъ ему ни имени, ни словъ,
Голосомъ небеснымъ и морознымъ,
Изъ-за безконечныхъ облаковъ,

Изъ-за безконечнаго эфира,
Изъ-за всѣхъ созвѣздій и орбитъ,
Легкимъ голосомъ иного міра
Смерть со мной все время говоритъ.

Я не слушаю, не отвѣчаю,
Я дышу, гляжу на бѣлый свѣтъ...
Только понемногу умираю
Голосу любимому въ отвѣтъ.

РАЗСВѢТЪ.

Патронъ за стойкою глядитъ привычно-сонно,
Гарсонъ у столика подводитъ блюдцамъ счетъ...
Настойчиво, назойливо, неугомонно
Одно съ другимъ — огонь и дымъ — борьбу ведетъ.

Не для любви любить, не отъ вина быть пьянымъ.
Что знаетъ человѣкъ, который самъ не свой?
Онъ усмѣхается надъ допитымъ стаканомъ,
Онъ что-то говоритъ, качая головой

За непришедшую.... И за конецъ разлуки!
За вечеръ у огня, за руки на плечѣ,
Еще, за ангела... и тѣ, другіе звуки...
Летѣлъ, полуночью... за небо, вообще.

Онъ проигралъ игру. Онъ за нее отвѣтилъ.
Пора и по домамъ. Надежды никакой.
.... И безпощадно-бѣлъ, неумолимо-свѣтелъ
День начинается въ полоскѣ ледяной.

Георгій Адамовичъ.

«Скоро выйдетъ солнце голубое».
«Почему же, дѣтка, голубое». «Такъ!»
Тихо розы расцвѣтали на обояхъ.
Спалъ воздушный шаръ на высотахъ.

Дѣти были цѣлый день на пляжѣ.
Поздно вечеромъ вернулись въ городъ.
Подъ зонтами въ синихъ экипажахъ
Укатили всѣ обѣдать въ горы.

Это лѣто было все въ закатахъ,
Все въ предчувствіи міровъ иныхъ.
Ночью пѣла синяя Геката.
Днемъ грустило солнце съ вышины.

На вершину міра восходили
Улыбаясь умирать часы,
Голубые сны автомобили
У прибрежной пѣли полосы.

За окномъ сіяла водяная
Синяя стѣна, песокъ и флаги.
На шезлонгѣ дѣвочка больная
Склеивала домикъ изъ бумаги.

«Этотъ домикъ, онъ зачѣмъ»? «Для кошки».
«Нѣтъ возьму его съ собой на небо.
Буду тамъ медвѣдицу въ окошко
Я кормить съ ладони чернымъ хлѣбомъ».

«Ну а это что за поѣздъ въ полѣ?
Съ ватнымъ дымомъ онъ куда идетъ?»

«Папа, папа, ужъ отходитъ поѣздъ
И весна меня въ окно зоветъ».

Папа вышелъ. Гавань флотъ покинулъ.
Хлопалъ парусъ тента. Съ моря дуло
Тихо на бокъ голову откинувъ
Межъ игрушекъ дѣвочка заснула.

Странный ангелъ появился съ моря,
На кривыхъ колесахъ поѣздъ ожилъ
И надъ бѣлымъ паровозомъ въ горы
Поднялся дымокъ на винтъ похожій.

Дѣвочка вошла въ вагонъ картонный,
Міръ сіялъ ей флагами, годами.
И отельный старичекъ садовникъ
Подлетѣлъ къ ея окну съ цвѣтами.

Поѣздъ тронулъ. Отъ балкона въ вѣчность
Полетѣла вслѣдъ ему оса.
Кто-то странный подойдя навстрѣчу
Въ лобъ поцѣловалъ ея отца.

1929.

Привидѣнье зари появилось надъ островомъ чернымъ
Одинокій въ туманѣ шепталъ голубые слова,
Пѣлъ гудокъ у мостовъ съ фіолетовой барки моторной
А въ садахъ умирала разсвѣтныхъ часовъ синева.

На огромныхъ канатахъ въ бассейнѣ заржавленный крей
серъ
Умолялъ: «Отпустите меня умереть въ океанѣ».
Но рѣчной пароходикъ, въ дыму и пару, точно гейзеръ,
Надсмѣхался надъ нимъ и шаланды тащилъ на арканѣ.

А у сѣрой палатки, въ вагонѣ на желтыхъ колесахъ
Акробатъ и танцовщица спали обнявшись на сѣнѣ.
Ихъ отецъ великанъ въ полосатой фуфайкѣ матроса
Мылся прямо на площади чистой, пустой и весенней.

Утромъ въ городѣ новомъ гуляли красивые дѣти,
Одинокій за ними слѣдилъ улыбаясь въ туманѣ.
Будетъ циркъ нашъ во флагахъ, и самый огромный на
свѣтѣ,
Будемъ ѣздить качаясь въ зеленомъ вагонъ-ресторанѣ.

И еще говорили, а звѣзды за ними слѣдили,
Такъ хотѣлось имъ съ ними играть въ акробатовъ въ цыли
И грядущіе годы къ порогу зари подходили
И во снѣ улыбались грядущія зори земли.

Только вечеръ пришелъ. Одинокій заснулъ отъ печали,
А огромный закатъ былъ предчувствіемъ вѣчности полонъ
На бульварѣ красивыя трубы въ огняхъ зазвучали
И у сѣрой палатки запѣлъ размалеванный клоунъ.

Высоко надъ ареной на тонкой стальной бичевѣ
Шла танцовщица дѣвочка съ нѣжнымъ своимъ акробатомъ.
Вдругъ народъ приподнялся и звукъ оборвался въ трубѣ.
Акробатъ и танцовщица въ зори ушли безъ возврата.

Высоко надъ домами летѣлъ дирижабль зари,
Угасалъ и хладѣлъ синевѣющій вечера воздухъ.
Въ лучезарномъ трико облака голубые цари
Безмятежно качались на тонкихъ трапеціяхъ звѣздныхъ.

Одинокій шепталъ: «Завтра снова весна на землѣ
Будетъ снова мгновенно легко засыпать на разсвѣтѣ.
Завтра вѣчность поетъ: Не забудь умереть на зарѣ,
Изъ разсвѣта въ закатъ перейти какъ небесные дѣти».

Б. Поплавскій.

1929.

Латинскій строй и плющъ и виноградъ,
Въ уступахъ стѣнъ заржавленныя звенья,
Развалины старинныхъ колоннадъ,
Прямыя островерхія строенья

Открыли мнѣ не романтизмъ, о нѣтъ:
Тутъ съ памятью воображенье слито —
Горитъ свѣча — и на ладони свѣтъ
И на ладони прошлое сокрыто.

Мнѣ не понять его, не прочитать!
Звонятъ къ вечернѣ. Грустно безъ причины.
Лампада вѣры теплится опять
Въ притворѣ пресвятой Екатерины.

А колоколъ, весь въ зелени, поетъ —
О чемъ — не знаетъ и звонарь не знаетъ;
Народъ въ ограду медленно идетъ
И надъ оградой голуби летаютъ.

Ю. Терапіано.

ОФОРТЪ.

Вячеславу Иванову

Здѣсь пастухъ играетъ на свирѣли,
Древней пѣсни позабывъ слова.
Сквозь развалинъ призрачныя щели
Пробивается трава.

Тонкорунныя пасутся козы
И глядятъ глазами злыхъ химеръ.
Цѣпкія колеблетъ вѣтеръ лозы,
И на плитахъ — S. P. Q. R.

Вдалекѣ, у строгаго портала,
Пиній одинокая чета.
Что мелькнуло — тѣнь ли карнавала,
Или просто вздорная мечта?

Тамъ, подъ аркою, купцы иль маги?..
Сухощавый, юный кардиналъ,
Въ раззолоченной, тяжелой колымагѣ
По булыжникамъ прогрохоталъ.

Улеглася пыль. И Латерана
— Радуйся! — поютъ колокола.
Дымный Весперъ пьетъ струю фонтана
И пророчитъ сонно мгла.

И какъ будто мѣдь во мнѣ рыдаетъ,
Словно кто-то, въ стынущей тиши,
Остріемъ упорнымъ проницаетъ
Тонкій воскъ недрогнувшей души.

Илья Голенищевъ-Кутузовъ.

Римъ, 1927.

Державинъ *)

III.

Когда члены слѣдственной комиссіи, опередивъ Бибикова, пріѣхали въ Казань (это было передъ самыми святками), они нашли городъ въ паникѣ. Пугачевскіе разъѣзды уже появились верстахъ въ шестидесяти оттуда. Не только многіе жители -- сами власти бѣжали; уѣхалъ даже и губернаторъ.

Назначеніе Бибикова произвело стремительный переворотъ въ умахъ. Извѣстіе о приближеніи генерала, уже однажды, за десять лѣтъ до того, спасшаго мѣстныхъ дворянъ отъ крестьянскихъ волненій, разомъ вселило увѣренность, что теперь все пойдетъ отлично. Бѣглецы, во главѣ съ губернаторомъ, стали возвращаться. Недавнее уныніе смѣнилось самымъ легкомысленнымъ веселіемъ, въ которомъ приняли бурное участіе офицеры, пріѣхавшіе съ Державинымъ. Но самъ онъ не веселился: онъ съ перваго дня принялся за работу.

Слѣдуетъ вникнуть въ то обстоятельство, что Державинъ былъ взятъ Бибиковымъ въ секретную слѣдственную комиссію, т. е. въ органъ, отнюдь не имѣвшій прямого отношенія къ военно-оперативной части и за нее не отвѣтственный. Правда, кругъ дѣйствій комиссіи не былъ строго регламентированъ, ея членамъ давались весьма различныя порученія, далеко выходящія за предѣлы слѣдствія о сообщникахъ Пугачева. Но всѣ эти порученія непремѣнно относились либо къ слѣдственной области, либо къ развѣдочной, либо къ политической. Поэтому появленія Державина на театрѣ военныхъ дѣйствій и даже участіе въ такихъ дѣйствіяхъ, по самому роду службы его, должны были носить лишь эпизодическій и подсобный характеръ. Положеніе Державина, какъ члена спеціальной комиссіи, а не какъ боевого офицера, заранѣе

*) См. «Совр Зап.», № 39.

опредѣляло его отношенія и съ гражданскими властями, и съ начальниками войсковыхъ частей, и даже съ самимъ главнокомандующимъ.

Обратимся теперь къ положенію дѣлъ. Казанскіе дворяне веселились напрасно: они были окружены врагами, явными или тайными, дѣятельными или выжидающими, когда прійдетъ время дѣйствовать. Сказать: Пугачевъ усиливался — было бы не точно. Усиливалась пугачевщина — и это было всего страшнѣе. Какъ подземный огонь, она уже разлилась на огромномъ пространствѣ. Гдѣ ступалъ Пугачевъ или его сообщники — огонь вырывался наружу и начиналъ бушевать. Главари мятежниковъ, гдѣ бы ни появлялись, тотчасъ обрастали толпами, навербованными изъ мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, запасъ человѣческаго матеріала у Пугачева былъ неизсякаемъ и не нуждался въ переброскѣ; онъ въ любую минуту оказывался тамъ, гдѣ пугачевскому «штабу» угодно было развернуть свои силы.

Что могъ этому противопоставить Бибиковъ? Никакой стратегическій планъ не былъ осуществимъ при условіи, что толпы, разсѣянныя въ одномъ мѣстѣ, немедленно собирались въ другомъ — и при этомъ еще иногда возрастали. Правда, Бибикову не суждено было дожить до той поры, когда это можно было бы осознать отчетливо. Призванный замѣстить своихъ незадачливыхъ предшественниковъ, онъ готовился дѣйствовать согласно даннымъ военной науки и собственнаго боевого опыта. Онъ вырабатывалъ стратегическій планъ. Но у него почти не было войскъ. Мѣстные гарнизоны были ничтожны численно и разложены пугачевщиной изнутри. Другія войска еще только стягивались: съ недавно освободившагося польскаго фронта, изъ губерній, еще не охваченныхъ пугачевщиной. Наконецъ, для гражданской войны и эти войска были не довольно надежны (въ чемъ Бибиковъ только что убѣдился на примѣрѣ Владимірскаго полка). Не только на солдатъ — нельзя было вполнѣ положиться даже на офицеровъ.

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25 декабря, ждалъ войскъ и нервничалъ. 28-го числа Державинъ уже явился къ нему съ докладомъ. Пока прочіе члены слѣдственной комиссіи, въ ожиданіи начальства, кутили, блистали и дебоширили, онъ уединенно жилъ въ домѣ матери и отъ своихъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ съ оренбургскаго трак-

та, старался развѣдать «о движеніяхъ непріятельскихъ и о колебаніи народномъ». Свѣдѣнія были неутѣшительныя. Броженіе чувствовалось и въ окрестностяхъ, и въ самой Казани. Бездѣйствіе правительства становилось опасно. Державинъ счелъ нужнымъ доложить о томъ Бибикову. Тутъ произошла сцена, съ перваго взгляда не вовсе правдоподобная: отродясь не нюхавшій пороху подпоручикъ заявляетъ заслуженному боевому генералу Бибикову, что «надобно дѣлать какія-нибудь движенія», а главнокомандующій оправдывается:

— Я это знаю, но что дѣлать? войски еще не пришли.

— Есть ли войски, или нѣтъ, но надобно дѣйствовать, — возражаетъ подпоручикъ.

Бибиковъ сердится, но не прогоняетъ его. Напротивъ, схвативъ за рукавъ, тащитъ къ себѣ въ кабинетъ и тамъ сообщаетъ тайную и мрачную новость: Самара взята пугачевцами, а населеніе и духовенство встрѣтили мятежниковъ колокольнымъ звономъ и хлѣбомъ-солью.

— Надобно дѣйствовать, — въ десятый разъ повторяетъ Державинъ.

Что за нелѣпость: онъ требуетъ невозможнаго! И кто далъ ему вообще право чего-то требовать отъ генералъ-аншефа Бибикова? Право далъ Бибиковъ, назначивъ его въ слѣдственную комиссію. А требовалъ дѣйствій Державинъ именно потому, что военныя операціи — внѣ его компетенціи: съ *его* точки зрѣнія, чисто политической, именно такъ все и обстоитъ, какъ онъ докладываетъ: «надобно дѣйствовать, ибо отъ бездѣйствія городъ находится въ унынiи», а ужъ *какъ* дѣйствовать и «есть ли войски, или нѣтъ» — это дѣло Бибикова.

Бибиковъ сознаетъ и правоту Державина, и свое безсиліе. Поэтому онъ сердится пуще прежняго, молча расхаживаетъ по кабинету, молча отсылаетъ Державина прочь, — но на другой же день даетъ отвѣтственное порученіе: отправиться въ Симбирскъ, тамъ присоединиться къ командѣ подполковника Гринева и съ нимъ, а также съ идущими изъ Сызрани гусарами и командою генералъ-маіора Муффеля, идти на освобожденіе Самары. Задача Державина — во время этого перехода собрать свѣдѣнія объ исправности и настроеніи не только самихъ командъ, но и офицеровъ, и даже начальниковъ. Командировка носила самый тайный характеръ: отправляясь изъ Казани, Державинъ еще самъ не зналъ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ:

ему были вручены два ордера въ запечатанныхъ пакетахъ, которые онъ долженъ былъ вскрыть не раньше, какъ удалясь отъ города на 30 верстъ. Первый ордеръ касался вышесказанныхъ наблюденій. Вторымъ предлагалось ему, по взятіи Самары, «найтить того города жителей, кто первые были начальники и уговорители народа къ выходу навстрѣчу злодѣямъ со крестами и со звономъ, и черезъ кого отправленъ благодарственный молебенъ». Главныхъ зачинщиковъ предписывалось отправить закованными въ Казань, а менѣе виновныхъ «для страху жестоко на площади наказать плетьми при собраніи народа, приговаривая, что они противъ злодѣевъ должны пребывать въ твердости». Въ заключеніе Бибиковъ писалъ: «Сей ордеръ объявить можете командующему въ Самарѣ и требовать во всемъ его вспомоществованія».

Съ такими порученіями Державинъ ѣдетъ въ Симбирскъ, не застаетъ уже тамъ Гринева, догоняетъ его и съ нимъ вмѣстѣ идетъ къ Самарѣ, которая къ ихъ приходу оказывается уже занята Муффелемъ. Послѣдній, такимъ образомъ, уже самъ себя показалъ, и по отношенію къ нему миссія Державина отпадаетъ. Но съ Гриневымъ Державинъ идетъ очищать отъ пугачевскихъ сторонниковъ крѣпость Алексѣевскую и подъ Красный Яръ — на усмиреніе калмыковъ. И то, и другое онъ предпринимаетъ, опять-таки, не въ качествѣ «военной силы», а для того только, «чтобы увидѣть въ прямомъ дѣлѣ г-на подполковника Гринева, его офицеровъ и команду». Наконецъ, онъ возвращается въ Самару, руководитъ слѣдствіемъ, допрашиваетъ виновныхъ въ сдачѣ города Пугачеву, отсылаетъ главнѣйшихъ преступниковъ въ Казань и самъ отправляется вслѣдъ за ними. Его первая командировка закончена.

Въ пору пугачевщины казанское дворянство и мѣстныя власти, вообще говоря, не покрыли себя славою. Непониманіе обстановки, нерадивость, а главное — легкомысліе тутъ были проявлены много разъ. Еще въ самомъ началѣ 1773 г. Пугачевъ былъ схваченъ и присланъ въ Казань подъ стражею. Изъ острога его отпустили собирать по городу милостыню — онъ, конечно, бѣжалъ. Потомъ, какъ мы видѣли, казанцы впадали въ отчаяніе и кидались изъ города прочь — безъ особыхъ къ тому основаній; потомъ веселились, столь же напрасно чувствуя себя за Бибиковымъ, какъ за каменною стѣной. Пробудить въ нихъ

сознаніе и подвигнуть къ дѣйствіямъ было не просто. Между прочимъ, надо было добиться, чтобы они составили и содержали на свой счетъ нѣчто вродѣ коннаго ополченія въ помощь правительственнымъ войскамъ. По порученію Екатерины, проявившей и въ этомъ случаѣ свое знаніе людей, Бибиковъ сталъ дѣйствовать съ именитыми казанцами, какъ съ ребятами. Онъ дважды ихъ собиралъ, звонилъ въ колокола, служилъ молебны и произносилъ рѣчи. Въ рѣчахъ изображалъ грозность обстановки, обѣщалъ награды и пугалъ наказаніями. Наконецъ казанцы какъ будто сами придумали выставить ополченіе. Не давая имъ остыть, Бибиковъ тутъ же составилъ отъ ихъ имени соотвѣтственное опредѣленіе и переслалъ его государынѣ. Продолжая игру, Екатерина прислала Бибикову рескриптъ, въ которомъ именовала себя казанской помѣщицей и объявляла, что, слѣдуя примѣру дворянства, со своей стороны также даетъ по рекруту съ каждыхъ двухсотъ душъ изъ казанскихъ дворцовыхъ земель своихъ. Остроумный рескриптъ имѣлъ успѣхъ чрезвычайный. Бибиковъ, чтобы еще поддать жару, вздумалъ продлить пріятную переписку съ «казанской помѣщицей». Дворяне собрались вновь, и губернскій предводитель Макаровъ, передъ портретомъ Екатерины, прочиталъ благодарственную къ ней рѣчь: «Признаемъ тебя своею помѣщицей. Принимаемъ тебя въ свое товарищество. Когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою», — и проч. Кому же не лестно было принять государыню «въ свое товарищество»? Послѣ этой рѣчи въ составленіи отрядовъ захотѣли участвовать не только дворяне сосѣднихъ уѣздовъ, но и купцы, и даже мѣщане. Составилъ же рѣчь, разумѣется, не Макаровъ: это дѣло было поручено Бибиковымъ Державину, который тутъ дѣйствовалъ не столько въ качествѣ казанскаго помѣщика, сколько въ качествѣ члена секретной комиссіи: агитація прямо входила въ ея заданія.

Отвѣтомъ на эту рѣчь былъ новый рескриптъ, а затѣмъ и особый манифестъ, который, впрочемъ, прибылъ въ Казань, когда ни Бибикова, ни Державина тамъ не было. Къ тому времени оба уже покинули городъ, направляясь въ разныя стороны.

Чтобы изъяснить причины этой второй командировки Державина, приходится вернуться назадъ, къ людямъ, которыхъ мы потеряли на время изъ виду.

***

Вскорѣ послѣ того, какъ Державинъ, въ мартѣ 1770 г., тяготившаяся самимъ собою, бѣжалъ изъ зачумленной Москвы, его тамошніе знакомцы, Серебряковъ и Максимовъ, тоже исчезли изъ Бѣлокаменной. Прихвативъ съ собою Черняя, они отправились въ польскую Украину — добывать свои клады. Но въ ту пору вся эта область была театромъ русско-турецкой войны. Войска передвигались по ней во всѣ стороны, и шататься въ степяхъ, не навлекая подозрѣній, оказалось невозможно. Кладоискателямъ пришлось бросить свои затѣи. Отпустивъ Черняя на всѣ четыре стороны (а можетъ быть, только припрятавъ его до лучшихъ временъ), вернулись они въ родныя мѣста: въ дворцовое село Малыковку, что лежало на Волгѣ, верстахъ въ 140 выше Саратова, при впаденіи Иргиза, того самаго, на которомъ Серебряковъ нѣкогда разселялъ раскольниковъ и обдѣлывалъ свои дѣла (за что, какъ мы видѣли, онъ и угодилъ въ тюрьму при сыскномъ приказѣ). Жили они притаившись, но неожиданно сами событія сплелись вокругъ нихъ въ довольно причудливый и непріятный узелъ.

Послѣ начала пугачевскаго возмущенія правительство долго еще не знало, кто таковъ самозванецъ. Явилась мысль, не есть ли это Черняй, бѣжавшій изъ Москвы и исчезнувшій вмѣстѣ съ Серебряковымъ. Серебрякова и Максимова по этому дѣлу допрашивали. Что отвѣчали они — неизвѣстно. Надо думать — Максимовъ отрекся отъ всякаго знакомства съ Черняемъ, а Серебряковъ заявилъ, что не видѣлъ его съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ тюрьмы, будучи взятъ на поруки Максимовымъ. Дѣло заглохло.

Однако жъ, когда настоящее имя самозванца было установлено, положеніе Серебрякова съ Максимовымъ вновь осложнилось. Дѣло въ томъ, что Пугачевъ имѣлъ большія знакомства среди иргизскихъ раскольниковъ. Тамъ, на Иргизѣ, онъ и явился въ концѣ 1772 г. со своими возмутительными рѣчами, за которыя схваченъ и отправленъ въ Казанскую тюрьму. (Изъ Казани онъ, какъ уже говорилось, бѣжалъ лѣтомъ 1773 г., послѣ чего и сталъ во главѣ мятежа). Этотъ арестъ Пугачева произведенъ былъ не гдѣ-нибудь, а какъ разъ въ той же Малыковкѣ, по доносу крестьянина Трофима Герасимова, который былъ Серебрякову пріятель. Такимъ образомъ, къ Сере-

брякову съ Максимовымъ какъ бы шли нити и отъ воображаемаго самозванца Черняя, и отъ настоящаго — Пугачева. Это отнюдь не улучшало ихъ положенія. Тогда они, чтобы укрыться отъ бѣды, а можетъ быть — и выслужиться, и загладить прежнее, рѣшились предложить Бибикову свои услуги для вторичной поимки Пугачева. Они знали, что Державинъ находится при главнокомандующемъ, и вознамѣрились дѣйствовать черезъ него.

Въ самомъ началѣ марта Серебряковъ, захвативъ съ собою Герасимова, пріѣхалъ въ Казань. Его планъ былъ не сложенъ. Предполагалось, что теперь, когда войска постепенно стянулись къ мятежной области, пугачевскія толпы вскорѣ будутъ разбиты; въ этомъ случаѣ самозванцу прійдется искать тайнаго убѣжища, и онъ, всего вѣроятнѣе, отправится на Иргизъ, гдѣ у него много друзей среди раскольниковъ; тутъ-то Серебряковъ и разсчитывалъ его схватить, для чего требовалъ особыхъ полномочій себѣ и Максимову.

При всемъ различіи положеній и лѣтъ, у Бибикова съ Державинымъ было въ характерахъ общее: и начальникъ, и подчиненный легко увлекались; оба слегка были фантазеры. Въ самой таинственной обстановкѣ, ночью съ 5 на 6 марта, состоялось свиданіе Серебрякова съ Бибиковымъ. Самого Серебрякова раскусить было не трудно, но его планъ показался Бибикову достойнымъ вниманія. Главнокомандующій призвалъ Державина и сказалъ ему:

— Это птица залетная и говоритъ много дѣльнаго; но какъ ты его представилъ, то и долженъ съ нимъ возиться, а Максимову я его не повѣрю.

Такого оборота Державинъ, пожалуй, не ожидалъ и самъ. Въ слѣдственной комиссіи у него было много работы: онъ велъ журналъ всей дѣловой перепискѣ по бунту, съ описаніемъ и самыхъ мѣръ, принимаемыхъ къ его подавленію; кромѣ того, составлялъ алфазитные списки главныхъ сообщниковъ Пугачева и лицъ, пострадавшихъ отъ мятежа. «Возиться» съ Серебряковымъ — значило бросить все, отдалиться отъ благосклоннаго начальника, ѣхать въ Малыковку и посвятить себя выполненію серебряковской затѣи. Но порученіе отвѣтственное, сопряженное съ властью; но работа въ таинственной обстановкѣ; но наконецъ-то — возможность дѣйствительно себя выказать — все это его прельщало. Въ случаѣ же успѣха, если

бы въ самомъ дѣлѣ онъ, Державинъ, оказался поимщикомъ Пугачева... Словомъ, онъ рѣшился.

На другой же день послѣ встрѣчи съ Серебряковымъ Бибиковъ далъ Державину «тайное наставленіе», котораго главные пункты сводились къ слѣдующему:

«Вы отправляетесь отсюда въ Саратовъ и потомъ въ Малыковку... Прикрывъ ваше прямое дѣло подобіемъ правды, а въ самомъ дѣлѣ посылка и поручаемая комиссія въ слѣдующемъ состоять имѣетъ: 1) Извѣстно, что вора и злодѣя Пугачева гнѣздо прежде произведенія его злодѣйства были селенія раскольническія на Иргизѣ, а потому и не можно думать, чтобъ онъ и нынѣ каковыхъ либо друзей, сообщниковъ или по крайней мѣрѣ знакомцевъ тамъ не имѣлъ. Вѣроятно быть кажется и то, что онъ по сокрушеніи его подъ Оренбургомъ толпы и по разсѣяніи ея (что дай Боже!) въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ... Вамъ понятна важность сего злодѣя поимки. Для того вы скрытнымъ и непримѣтнымъ образомъ обратите все удобь-возможное стараніе къ тому, чтобъ узнать тѣхъ людей, къ коимъ бы онъ въ таковомъ случаѣ прибѣгнуть могъ... 2) Доколѣ къ поимкѣ злодѣя случай не приспѣетъ, употребите вы все ваше стараніе о томъ, чтобы узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ злодѣя и его толпы, ихъ состояніе и силу, взаимную межъ ими связь, и чѣмъ подробнѣе вы узнаете, тѣмъ болѣе и заслуги вашей Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Монархинѣ будетъ. А сіи извѣстія какъ ко мнѣ, такъ и марширующимъ по Самарской линіи г. г. генералъ-маіорамъ князю Голицыну и Мансурову съ вѣрными людьми доставлять имѣете, ведя о тайномъ дѣлѣ (переписку) посредствомъ цыфирнаго ключа, который вамъ ввѣряется. 3) Чтобы доставить въ толпу къ злодѣю надежныхъ людей и вѣдать о его и прочихъ злодѣевъ дѣяніяхъ, не щадите вы ни трудовъ, ни денегъ, для чего и отпускается съ вами четыреста рублевъ... Чтобъ въ случаѣ надобномъ дѣлано было вамъ и отъ васъ посланнымъ всякое вспоможеніе, для того снабжаетесь вы письмомъ пребывающему въ Саратовѣ г. астраханскому губернатору Кречетникову, а къ Малыковскимъ дворцовымъ управителямъ открытымъ ордеромъ... 4) Не уставайте наблюдать всѣ людей тамошнихъ склонности, образъ мыслей и понятіе ихъ о зломъ самозванцѣ... Проповѣдайте милосердіе монаршее къ тѣмъ, кои отъ него от-

станутъ и покаются. Обличайте разсужденіями вашими обольщенія и обманы Пугачева и его сообщниковъ. 5) Наконецъ, при вступленіи въ дѣло возьмите себѣ въ помощь представленныхъ вами извѣстныхъ Серебрякова и Герасимова... Впрочемъ, я, полагаясь на искусство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей. Ал. Бибиковъ».

7-го марта Державинъ выѣхалъ изъ Казани. Уѣзжая, онъ былъ преисполненъ надеждъ и вѣры въ себя. Точно такъ же, какъ Бибиковъ, онъ полагалъ, что для успѣшности и плодотворности его предпріятія надобны три условія, изъ которыхъ два находились внѣ его власти и не зависѣли отъ него. Первое — чтобы пугачевскія полчища дѣйствительно были напередъ разбиты. Второе — чтобы у Пугачева, въ случаѣ его поимки или смерти, не нашлось замѣстителя или преемника. Только за третье Державину предстояло быть въ отвѣтѣ: онъ долженъ былъ хорошо разставить капканы и не упустить звѣря. Тутъ онъ полагался на свою «расторопность».

На самомъ дѣлѣ этихъ условій было недостаточно. Требовалось еще одно, простѣйшее; и Державинъ, и Бибиковъ о немъ знали, но какъ будто нарочно почти не касались его; какъ будто боялись, что если прямо и ясно поставятъ о немъ вопросъ — ихъ пылъ ослабѣетъ, и придется Бибикову задуматься, стоитъ ли ради этого дѣла отсылать отъ себя Державина, а Державину — стоитъ ли уѣзжать отъ Бибикова.

***

Въ Малыковкѣ Державинъ прежде всего обзавелся «подлазчиками», которыхъ послалъ къ Пугачеву — разузнавать о его дѣлахъ, намѣреніяхъ и силахъ. Серебрякова съ Герасимовымъ онъ оставилъ на Иргизѣ — стеречь друзей самозванца и выслѣживать его самого, когда онъ появится. Наладивъ цѣлую сѣть лазутчиковъ, Державинъ счелъ нужнымъ обезпечить себѣ и чисто военную помощь, т. е. получить отрядъ въ свое распоряженіе. Для этого онъ отправился въ Саратовъ къ астраханскому губернатору

Кречетникову (Саратовъ входилъ въ составъ Астраханской губерніи, а губернаторъ тамъ жилъ для того, чтобы находиться ближе къ театру военныхъ дѣйствій). Вручивъ Кречетникову рекомендательное письмо Бибикова, Державинъ потребовалъ помощи — и внезапно получилъ самый рѣшительный отказъ: то ли губернатору не понравился властный тонъ Державина, то ли Кречетниковъ захотѣлъ подсидѣть Бибикова, съ которымъ былъ не въ ладу, — только отряда получить отъ него не удалось.

Это взволновало Державина чрезвычайно. Но онъ не сдался. Въ Саратовѣ находилась «контора опекунства иностранныхъ» т. е. управленіе нѣмецкими колоніями, которыя Екатерина разселила внизъ по теченію Волги, начиная отъ устья Иргиза. Въ распоряженіи конторы, которая не зависѣла отъ губернатора, имѣлись три роты артиллерійскаго фузелернаго полка. Начальникъ конторы Лодыжинскій былъ съ губернаторомъ въ плохихъ отношеніяхъ и, чтобъ ему досадить, разрѣшилъ Державину, буде понадобится, брать эти роты. Кречетниковъ обозлился разъ навсегда.

Межъ тѣмъ, до Саратова дошла вѣсть, что кн. Голицынъ освободилъ Оренбургъ, дважды разбивъ самозванца на голову, — подъ Татищевой и у Сакмарскаго городка. Это заставило Державина поторопиться обратно въ Малыковку: какъ знать, можетъ быть теперь-то и кинется Пугачевъ скрываться на Иргизѣ? Но Пугачевъ, потерявъ больше двухъ третей своего войска, ни мало не думалъ бѣжать и прятаться. Онъ пробрался въ Башкирію — обрастать новыми толпами, чтобы опять устремиться къ Яику. Его поимка явно откладывалась.

Сидѣть въ Малыковкѣ сложа руки не улыбалось Державину. Онъ задумалъ военную экспедицію — за свой страхъ и рискъ. Яицкій городокъ былъ осажденъ мятежниками, страдалъ отъ голода и уже не имѣлъ снарядовъ. На выручку его шелъ Мансуровъ. Но Державинъ разсудилъ, что Мансурова должны задержать разливы рѣкъ, — и рѣшился «сикусировать» крѣпостцу, подойдя къ ней съ другой стороны. Вновь сталъ онъ требовать войскъ — и вновь губернаторъ ему отказалъ. Тогда Державинъ, полавъ Бибикову жалобу на губернатора (уже не первую), составилъ отрядъ изъ фузелеровъ и казаковъ опекунской конторы, прибавилъ сотни полторы малыковскихъ крестьянъ, выпросилъ у Максимова провіанта для яицкаго гар-

низона и 21 апрѣля двинулся въ походъ. Предстояло пройти верстъ 500.

Увы, на второй день пути отъ встрѣчнаго своего лазутчика онъ узналъ, что Яицкъ уже занятъ Мансуровымъ. Ему ничего не оставалось, какъ вернуться назадъ, въ Малыковку, -- къ великому торжеству Кречетникова. Узнавъ о его конфузѣ, губернаторъ поспѣшилъ кстати поздравить его съ производствомъ въ поручики. Поздравленіе прозвучало насмѣшкой. Державинъ не обрадовался.

Свои рапорты онъ посылалъ прямо Бибикову, который покинулъ Казань на другой день послѣ Державина и направился къ арміи. Пришлось послать донесеніе также и о злосчастной попыткѣ выручить Яицкій городокъ. Не велико было удивленіе и огорченіе Державина, когда получилъ онъ отвѣтъ не отъ Бибикова, а отъ кн. Щербатова. Бибиковъ умеръ на пути къ Оренбургу, и Щербатовъ временно его замѣнилъ на посту главнокомандующаго.

Силы Бибикова давно были подорваны тревогами и трудами. Заболѣвъ горячкою, онъ скрывалъ болѣзнь, перемогался и таялъ. Лѣчить его было некому. За два дня до смерти, коснѣющею рукой, онъ написалъ государынѣ: «Si j'avais un seul habile homme, il m'aurait sauvé, mais hélas, je me meurs sans vous voir». Человѣкъ благородный, патріотъ истинный, онъ отдалъ всѣ силы своему трудному дѣлу и умеръ, едва получивъ извѣстіе о побѣдѣ Голицына - о первомъ достигнутомъ успѣхѣ. Ему было всего сорокъ четыре года. Обстоятельства этой кончины потрясли Державина. Самъ онъ терялъ начальника, которымъ былъ отличенъ и котораго успѣлъ полюбить.

Все вообще складывалось печально. Нужды нѣтъ, что Мансуровъ съ Голицынымъ высоко цѣнили его развѣдочную работу, что самъ Щербатовъ его одобрялъ. Его главная цѣль—поимка самозванца—вдругъ оказалась совсѣмъ не столь вѣроятна, какъ онъ себя убѣдилъ -- какъ о н и съ Бибиковымъ себя убѣдили.

Не то было всего, хуже, что разбитый Голицынымъ Пугачевъ оказался способенъ къ дальнѣйшей борьбѣ; Державинъ не сомнѣвался, что рано или поздно врагъ будетъ побѣжденъ. Уже и теперь, по послѣднимъ извѣстіямъ, самозванецъ опять окруженъ у Взяно-Петровскихъ заводовъ и безъ пораженія выйти оттуда не можетъ. Плохо было то, что и эти добрыя вѣсти опять содержали горчайшій для Державина намекъ на вѣроятную участь всей

его командировки: одновременно сообщалось, что если Пугачеву суждено прорваться, то отнюдь не въ сторону Иргиза! Это замѣчаніе, сдѣланное мимоходомъ, Державина угнетало. Впервые Державину стало ясно, что какъ ни искусно разставилъ онъ свои западни, на сей разъ онѣ не понадобятся навѣрняка, а вообще могутъ и никогда не понадобиться, *если звѣрь сюда не пожалуетъ*. А многое ли говорило за то, что пожалуетъ? Вотъ что они упустили изъ виду съ покойникомъ-Бибиковымъ. И внезапно съ такой же твердостью, какъ прежде онъ былъ увѣренъ, что самозванецъ прійдетъ прятаться на Иргизъ, — теперь Державинъ рѣшилъ, что Пугачевъ не прійдетъ сюда никогда. Скрытая досада на самого себя стала его томить. Кто придумалъ все это? Кто вскружилъ головы и ему, и Бибикову? Серебряковъ? Нѣтъ, Серебрякова по чести винить нельзя: Серебряковъ, конечно, придумалъ ловить Пугачева на Иргизѣ, но онъ предлагалъ въ поимщики самого себя. Онъ не звалъ Державина въ Малыковку. Державинъ самъ привязалъ себя къ этому проклятому мѣсту. И зачѣмъ, зачѣмъ Бибиковъ подтолкнулъ его?

Такое уныніе овладѣло Державинымъ, что онъ сталъ проситься «о увольненіи себя съ его поста, для того, что по удаленіи въ Башкирію Пугачева, по ввѣренной ему комиссіи онъ ничѣмъ дѣйствовать не могъ». Временами онъ даже подумывалъ бросить все и ѣхать обратно въ полкъ, въ Петербургъ.

***

На его бѣду имъ были довольны — и не отпустили. Только о поимкѣ Пугачева, какъ о цѣли его пребыванія на Иргизѣ, теперь уже рѣчи не было. Выяснилось, что секретная комиссія до сихъ поръ даже не знала, зачѣмъ Державинъ посланъ въ Малыковку. Ему стали давать порученія то по развѣдкѣ, то по охранѣ спокойствія, то по дѣламъ провіантскимъ.

Дѣйствія противъ Пугачева шли съ перемѣннымъ счастіемъ. Изъ окруженія самозванецъ вырвался и усилился вновь — ужъ въ который разъ. Стремительно, какъ степной пожаръ, разливаясь все шире и шире, онъ шелъ къ сѣверо-востоку, за Уралъ, въ киргизскую степь, межъ тѣмъ, какъ главныя силы правительства стянуты были южнѣе. Однако, 21 мая Декалонгъ разбилъ его при крѣ-

ности Троицкой. Самозванецъ пошелъ къ Челябинску, но тутъ впервые встрѣтился съ Михельсономъ и вновь потерпѣлъ пораженіе. Хотѣлъ идти къ Екатеринбургу — и тоже встрѣтилъ препятствіе. Тогда онъ повернулъ подъ прямымъ угломъ на востокъ и устремился къ Казани.

Побѣда, одержанная при Троицкой, возбудила такія же надежды, какъ передъ тѣмъ побѣда при Татищевой. Пошли даже слухи, что Пугачевъ спасся всего съ восемью человѣками и, конечно, будетъ искать убѣжища на Иргизѣ (очевидно, и Щербаковъ теперь заразился серебряковской идеей). Державина извѣстили объ этихъ чаяніяхъ. Надежда мелькнула снова. Онъ ожилъ, сталъ разставлять пикеты и разсылать лазутчиковъ. Внезапно пожаръ истребилъ большую часть Малыковки. Хлѣбные запасы сгорѣли. Начался голодъ, въ народѣ чувствовалось броженіе. Домъ Державина уцѣлѣлъ, но его дважды пытались поджечь. Малыковка становилась плохою базою. Оставивъ немногочисленныя свои команды и сдѣлавъ распоряженія на случай прямого мятежа, Державинъ поѣхалъ въ Саратовъ.

Туда призывали его дѣла второстепенныя. Но событія развернулись такъ, что эта поѣздка оказала важное вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу.

По смерти Бибикова императрица, вмѣсто одной слѣдственной комиссіи, создала двѣ: казанскую и оренбургскую. Оставивъ военное командованіе въ рукахъ князя Щербатова, эти комиссіи временно отдала она въ вѣдѣніе мѣстныхъ губернаторовъ, а затѣмъ рѣшила сосредоточить управленіе въ однѣхъ рукахъ. Новымъ начальникомъ комиссій назначенъ былъ молодой генералъ-майоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, человѣкъ неглупый, но и не выдающійся, образованный, но не даровитый; за то — троюродный братъ новаго фаворита, только что вошедшаго въ силу. Потемкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Казань какъ разъ въ то время, когда съ востока къ ней шелъ Пугачевъ. Въ Казани они столкнулись: Потемкинъ прибылъ въ ночь на 8 іюля, а 12 числа на зарѣ туда же пожаловалъ Пугачевъ. Въ Казани войскъ почти не было. Потемкинъ вышелъ на встрѣчу самозванцу съ четырьмя стами солдатъ, былъ разбитъ и едва успѣлъ укрыться въ крѣпости внутри города, вмѣстѣ со многими жителями. Пугачевъ не могъ овладѣть крѣпостью, но сжегъ и разграбилъ городъ. Мѣстная чернь присоединилась къ пришлой. Часть

жителей при этомъ была убита, прочіе подверглись мукамъ и раззоренію. «Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скуденъ, очутился богатъ!»

Михельсонъ, пришедшій по пятамъ Пугачева, освободилъ казанскія пепелища черезъ три дня, послѣ упорныхъ боевъ. Самозванецъ, выгнанный изъ Казани и вновь растерявшій часть войска, однако жъ не унялся. Собирая новыя полчища, устремился онъ вверхъ по Волгѣ, думали — на Москву. Но внезапно онъ перешелъ Волгу у Кокшайска и по правому ея берегу пошелъ къ югу. «Пугачевъ бѣжалъ, но бѣгство его! казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой; отъ провинціи къ провинціи». Онъ двинулся на Саратовъ. Державинъ узналъ объ этомъ раньше мѣстныхъ властей и поспѣшилъ ихъ оповѣстить.

Саратовцы до тѣхъ поръ почитали себя въ безопасности. Губернаторъ Кречетниковъ даже уѣхалъ въ постоянную свою резиденцію — въ Астрахань. Уѣзжая, онъ ввѣрилъ охрану города коменданту Бошняку, но съ тѣмъ, чтобы тотъ въ важныхъ случаяхъ совѣщался съ другими начальниками и дѣйствовалъ съ общаго согласія. Самымъ виднымъ изъ этихъ начальниковъ былъ упомянутый выше Лодыжинскій начальникъ опекунской конторы. Нѣтъ надобности объяснять, что Бошнякъ съ Лодыжинскимъ были на ножахъ и, по службѣ будучи независимы, не желали ни въ чемъ уступать другъ другу. У каждаго были къ тому же свои войска. Полковникъ Бошнякъ считалъ себя выше, какъ воевода и комендантъ. Лодыжинскій, хоть находился въ гражданской службѣ, былъ за то старше чиномъ: онъ былъ статскій совѣтникъ, что соотвѣтствовало бригадиру. Бошнякъ былъ порывистъ, перемѣнчивъ и не уменъ; за то держался прямымъ солдатомъ и носилъ огромнѣйшіе усы. Лодыжинскій усовъ не носилъ, не превосходилъ противника хладнокровіемъ и дальновидностью. Наконецъ, Бошнякъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ, а Лодыжинскій въ плохихъ (что, какъ мы знаемъ, и сблизило его въ свое время съ Державинымъ).

Узнавъ отъ Державина объ угрожающемъ движеніи Пугачева, Лодыжинскій созвалъ совѣщаніе для обсужденія мѣръ къ оборонѣ Саратова. Кромѣ Державина были

приглашены. Бошнякъ и нѣкій Кикинъ, сослуживецъ Лодыжинскаго. Тутъ-то голоса и раздѣлились.

Бошнякъ находилъ, что надо укрѣпить городъ и въ немъ отсиживаться. Лодыжинскій съ Кикинымъ возражали, что городъ слишкомъ великъ и такъ скоро его не укрѣпишь, да и не хватитъ ни войскъ, ни артиллеріи, чтобы отстаивать такое большое пространство. Поэтому надо встрѣтить самозванца внѣ города, для чего собрать всѣхъ жителей, способныхъ носить оружіе, а прочихъ укрыть на берегу Волги возлѣ магазиновъ и казармъ опекунской конторы, построивъ тамъ особое земляное укрѣпленіе. Лодыжинскій, какъ бывшій офицеръ инженернаго корпуса, уже составилъ и планъ такого ретраншемента. Державинъ съ горячностію присоединился къ этому мнѣнію, на сторонѣ котораго, такимъ образомъ, оказалось большинство голосовъ. Въ этомъ духѣ составили и подписали общее постановленіе. Бошнякъ обязался доставить рабочихъ, инструменты и часть оружія.

Между тѣмъ, новый начальникъ секретныхъ комиссій требовалъ, чтобы Державинъ представилъ рапортъ объ исполненіи даннаго ему порученія. Для составленія рапорта Державинъ на другой же день поскакалъ въ Малыковку, гдѣ находилось все его дѣлопроизводство. Въ Малыковкѣ онъ получилъ отъ Потемкина второе письмо. Потемкинъ сообщилъ, что уже получилъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Державина отъ кн. Щербатова и остался ими особливо доволенъ. «Таковый помощникъ много облегчаетъ меня при обстоятельствахъ, въ какихъ я нашелъ Казань», писалъ Потемкинъ и далѣе прибавлялъ: «можетъ быть, принужденъ будетъ злодѣй обратиться на прежнее гнѣздо, то представляется вамъ пространное поле къ усугубленію опытовъ ревности вашей къ службѣ нашей премудрой Монархини. Я увѣренъ, что вы знаете совершенно цѣну ея щедротъ и премудрости. Способности же ваши могутъ измѣрить важность дѣла и предстоящую вамъ славу, ежели злодѣй устремится въ вашу сторону и найдетъ въ сѣти, отъ васъ приготовляемыя».

На этотъ разъ врядъ ли Державинъ серьезно повѣрилъ въ поимку Пугачева на Иргизѣ. Уже не разъ его обманула эта мечта, еще имѣвшая для Потемкина прелесть новизны. Но самолюбіе Державина было польщено и возбуждено, честолюбивыя надежды его всколыхнулись, — и «сіе

самое побудило его горячѣе вмѣшаться послѣ въ саратовскія обстоятельства».

Поводъ не замедлилъ явиться. Въ самый день отъѣзда державинскаго изъ Саратова Бошнякъ уже пошелъ на попятный: заявилъ, что не дастъ рабочихъ для постройки ретраншемента, потому что опасность миновалась. Это была неправда: опасность не миновалась, а возросла — Пугачевъ былъ въ 450 верстахъ. Обо всемъ этомъ Державина тотчасъ же извѣстили саратовскіе друзья. Нѣкто Свербѣевъ, чиновникъ оренбургской конторы, писалъ: «Пріѣзжай, братецъ, поскорѣе, и нагони на нихъ страхъ».

Державинъ помчался «нагонять страхъ». Но пока онъ ѣхалъ, саратовскіе жители узнали, что Пугачевъ уже миновалъ Алатырь. Поднялась тревога. Состоялось совѣщаніе при участіи купечества и членовъ Низовой соляной конторы. Вновь утвердили планъ Державина и Лодыжинскаго, но на сей разъ Бошнякъ отказался его подписать. Онъ вернулся къ первоначальной своей мысли и заявилъ, что согласенъ на ретраншементъ, но кромѣ того не можетъ оставить на расхищеніе городъ, церкви, остроги и винные склады, а потому будетъ строить укрѣпленіе вокругъ всего города.

Это было 27 іюля. А 29-го Бошнякъ уже заявилъ, что и вовсе отказывается отъ ретраншемента, а будетъ строить лишь укрѣпленіе вокругъ города. На другой день, подкрѣпившись добытымъ отъ губернатора ордеромъ о подчиненіи коменданту всѣхъ воинскихъ силъ, Бошнякъ явился сообщить свое рѣшеніе Лодыжинскому — и встрѣтилъ у него только что вернувшагося Державина. Горячіе споры не привели ни къ чему — Бошнякъ сталъ строить свои укрѣпленія.

Тогда Державинъ написалъ коменданту письмо. Въ выраженіяхъ самыхъ рѣзкихъ повторялъ прежніе доводы, доказывалъ, что Бошнякъ не умѣетъ возводить укрѣпленій; что укрѣпленія вокругъ всего города безполезны, ибо требуютъ столькихъ защитниковъ, сколько въ Саратовѣ не найдется; что жители, неспособные носить оружіе, могутъ укрыться въ ретраншементѣ, который должно строить немедленно; что тамъ же можно помѣстить и церковную утварь; что должно встрѣтить врага внѣ города, оставивъ лишь небольшой отрядъ для защиты ретраншемента. Наконецъ, о себѣ писалъ: «Когда вамъ его превосходительство г. астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетни-

ковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то чрезъ сіе имѣю честь вашему высокоблагородію сказать, что я присланъ сюды отъ его высокопревосходительства покойнаго г. генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, вслѣдствіи именнаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія по Секретной Комиссіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все».

Эти раздоры грозили Саратову тѣмъ, что въ концѣ концовъ онъ останется безо всякой защиты. Жители волновались. Большинство, видимо, было на сторонѣ Державина и Лодыжинскаго. 1-го августа состоялось собраніе всѣхъ бывшихъ въ городѣ офицеровъ. Принято было опредѣленіе дѣйствовать по плану Лодыжинскаго — «несмотря на несогласіе означеннаго коменданта». Это уже былъ, въ сущности, бунтъ. Въ качествѣ поручика лейбъ-гвардіи (что весьма придавало ему вѣсу въ глазахъ армейцевъ) и члена секретной комиссіи, Державинъ этимъ бунтомъ водительствовалъ, при чемъ грозился Бошняка арестовать. Настроеніе собравшихся было самое повышенное; такъ спѣшили, что согласились подписываться безъ соблюденія старшинства.

Послѣ этого постройка ретраншемента возобновилась по распоряженію магистрата. Но черезъ день Бошнякъ приказалъ полиціи объявить, что къ работѣ привлекаются лишь д о б р о в о л ь ц ы. «Легкомысленный народъ радъ былъ такой поблажкѣ, а изъ сего произошла и у благоразумнѣйшихъ колебленность мыслей, дурныя разгласки, и работа вовсе остановилась».

Державинъ не уставалъ жаловаться на Бошняка Потемкину, Бошнякъ на Державина — Кречетникову. Оба были и правы, и не правы. Бошнякъ былъ старше чиномъ и имѣлъ боевой опытъ, котораго не имѣлъ Державинъ. Державинъ ссылался на то, что онъ присланъ отъ секретной комиссіи и что «предписано по его требованіямъ исполнять все», — это была неправда: въ сущности, онъ былъ присланъ въ Малыковку, а не въ Саратовъ, и оборона Саратова, если даже касалась его, то развѣ только съ политической , а не съ военной стороны. «Горячѣе вмѣшался» онъ въ это дѣло только потому, что въ прямую цѣль своей командировки, въ поимку Пугачева на Иргизѣ, уже самъ не вѣрилъ, а хотѣлъ отличиться гдѣ бы то ни было и во что бы то ни стало. И держалъ онъ себя съ заносчи-

востью недопустимой, не говоря уже о военной субординаціи, которую самъ нарушалъ и склонялъ нарушать другихъ. Но по существу дѣла все-таки правъ былъ онъ, точнѣе — правъ былъ Лодыжинскій, на сторону котораго онъ сталъ противъ Бошняка. Онъ видѣлъ, что Бошнякъ губитъ дѣло, — и это, и сознаніе собственной правоты, и скрытое чувство, что дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствуетъ, онъ все-таки не имѣетъ права, — все это доводило его до предѣловъ дерзости и упрямства.

Наконецъ, 3 августа, Кречетниковъ прислалъ Бошняку ордеръ, въ которомъ предлагалъ отправить Державина къ настоящему мѣсту его службы — на Иргизъ. Бошнякъ тотчасъ переслалъ ордеръ Державину, но тому было не до губернатора: уже онъ готовился въ новую экспедицію.

***

Въ девяноста семи верстахъ отъ Саратова, на рѣкѣ Медвѣдицѣ, лежала крѣпость Петровская. Пугачевъ къ ней приближался. Державинъ послалъ въ Петровскъ приказаніе перевезти въ Саратовъ казенныя деньги и архивы. Все это уже было сложено на подводы, но, какъ случалось почти всегда, при приближеніи самозванца часть гарнизона взбунтовалась и остановила возы. 3-го числа (въ тотъ же день, когда пришелъ ордеръ Кречетникова) Державинъ получилъ письмо изъ Петровска, отъ секундъ-маіора Буткевича («воеводскаго товарыща», какъ онъ себя именовалъ) съ просьбою прислать на помощь отрядъ «человѣкъ до ста».

Державинъ немедленно выслалъ впередъ отрядъ казаковъ подъ начальствомъ есаула Ѳомина, а 4-го числа утромъ выѣхалъ и самъ. Не одни архивы и деньги занимали Державина: онъ мечталъ вывезти изъ Петровскаго порохъ и пушки, а также произвести развѣдку, чтобы узнать, съ какими силами наступаетъ врагъ на Саратовъ.

Державинъ ѣхалъ въ кибиткѣ съ нѣкіимъ Гогелемъ и со слугою, котораго нанялъ еще въ Казани; это былъ гусаръ изъ польскихъ конфедератовъ. Уже верстахъ въ пяти отъ крѣпости узнали они отъ встрѣчнаго мужика, что Пугачевъ находится тоже въ пяти верстахъ отъ Петровска, только съ сѣвера (Державинъ ѣхалъ съ юга). Державинъ остановился, а Гогель поѣхалъ впередъ, чтобы на-

гнать и предупредить казачій отрядъ. Нагнавъ его, Гогель отрядилъ четырехъ казаковъ къ Петровску — на развѣдку. Тѣ уѣхали - - и пропали. Наконецъ, двое изъ нихъ вернулись и сообщили, что Пугачевъ уже въ городѣ и надо ему сдаваться. Ѳоминскіе казаки тотчасъ взбунтовались и объявили, что переходятъ на сторону «государя». Покуда Ѳоминъ хитрилъ и велъ съ ними переговоры, со стороны Петровска приблизился отрядъ мятежниковъ подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ѳоминъ съ Гогелемъ бросились назадъ, къ Державину, крича: «Казаки измѣнили, спасайтесь!» Пересѣвъ на верховую лошадь, Державинъ поскакалъ вмѣстѣ съ ними къ Саратову. Пугачевъ со своимъ отрядомъ гнался за ними. Съ наступленіемъ сумерекъ погоня остановилась. Державинъ благополучно достигъ Саратова; его кибитка, съ ружьями и пистолетами и слугою-полякомъ, осталась въ рукахъ мятежниковъ.

***

Весь слѣдующій день (5 августа) ушелъ на безполезные переговоры съ Бошнякомъ. Пугачевскія скопища надвигались, паденіе Саратова было неминуемо. Во исполненіе губернаторскаго приказа, Державинъ могъ бы уѣхать въ Малыковку, но, «нося имя офицера, за неприличное почелъ отъ опасностей отдаляться», и «чтобы не быть праздным, выпросилъ въ команду себѣ одну находящуюся безъ капитана роту».

Вдругъ вечеромъ получилъ онъ тревожную вѣсть: партія малыковскихъ крестьянъ, имъ вызванная на помощь саратовскому гарнизону, взбунтовалась, не дойдя двадцати верстъ до города. Герасимовъ, бывшій при этой партіи, сообщалъ, что крестьяне отказываются идти дальше, если Державинъ не явится къ нимъ самолично. Державинъ поѣхалъ — и тутъ незначительная случайность разомъ все измѣнила. На ближайшей станціи, въ слободѣ Покровской, не оказалось лошадей. Державинъ застрялъ на всю ночь, а когда на другой день добрался, наконецъ, до своихъ крестьянъ, — пришло извѣстіе, что Саратовъ взятъ. Боясь, что крестьяне открыто перейдутъ на сторону Пугачева, Державинъ ихъ распустилъ, а самъ поѣхалъ въ колонію Шафгаузенъ. Здѣсь надѣялся онъ черезъ колони-

стовъ развѣдать, куда намѣренъ идти Пугачевъ изъ Саратова: на Яикъ или внизъ по Волгѣ.

Шафгаузенъ лежалъ на лѣвомъ берегу Волги, немногимъ ниже Малыковки. Сообщеніе между ними постоянно поддерживалось. Печальная новость ожидала Державина.

Незадолго до отъѣзда изъ Саратова, Державинъ рѣшилъ просить помощи у ген. Мансурова, который тогда находился со своими войсками въ Сызрани. Письмо къ Мансурову Державинъ послалъ въ Малыковку, Серебрякову, съ приказомъ лично доставить по назначенію. Серебряковъ, прихвативъ съ собою сына, отправился въ Сызрань; по дорогѣ, въ степи, оба были убиты и ограблены шайкою бѣглыхъ солдатъ.

Шаекъ, состоявшихъ изъ всякаго сброду, къ тому времени расплодилось великое множество. Между прочимъ, не терялъ времени даромъ и тотъ слуга-полякъ, что остался вмѣстѣ съ кибиткой Державина въ пугачевскомъ плѣну: за десять тысячъ рублей онъ взялся изловить бывшаго своего господина. Онъ явился въ колоніи, взбунтовалъ многихъ колонистовъ и разослалъ подручныхъ искать Державина. 8 числа, на второй день своего пребыванія въ Шафгаузенѣ, Державинъ узналъ, что злодѣи остановились въ пяти верстахъ, въ ближайшей колоніи, — завтракать. Охраны у него не было — онъ вскочилъ на лошадь и помчался за девяносто верстъ, въ Сызрань, къ генералу Мансурову. Дорогою, при переправѣ черезъ Волгу, онъ едва не погибъ: двѣсти малыковскихъ крестьянъ, которыхъ онъ самъ же нѣкогда здѣсь разставилъ стеречь Пугачева, теперь узнали о взятіи Саратова, и «духъ буйства» въ нихъ пробудился; на паромѣ они хотѣли схватить Державина, чтобы отправить въ станъ Пугачева; не поворачиваясь къ нимъ спиной, онъ прислонился къ борту и держалъ руку на пистолетѣ, заткнутомъ у пояса; «а какъ всякій изъ нихъ жалѣлъ своего лба, то онъ и спасся».

10 августа Державинъ пріѣхалъ въ Сызрань къ Мансурову, а вслѣдъ затѣмъ узналъ, что и сама Малыковка пережила бурныя событія. «Сего августа 9 дня, — доносилъ писарь Злобинъ, — пріѣхавъ въ село Малыковку извѣстной злодѣйской шайки разной сволочи человѣкъ съ 12 и во первыхъ набравъ во ономъ подобныхъ себѣ злодѣевъ села Малыковки дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ человѣкъ до 50-ти, начали разбивать питейные домы

и, напився пьяны, чинили многое злодѣйство и въ хорошихъ крестьянскихъ домахъ разбои, а сверхъ того г. казначею и всему его семейству, также его расходчику, села Воскресенскаго крестьянину Александрѣ Васильеву и малыковскому жителю Ивану. Терентьеву учинили смертное убійство, коихъ ругательски и повѣсили, чѣмъ устрашивая привлекали малыковскихъ первостатейныхъ къ питью вина и къ поздравленію якобы Государя Петра Ѳедоровича, т. е. государственнаго вора и злодѣя Пугачева, кои то и чинили, а сопротивленія съ ними, злодѣями, за неимѣніемъ никакой команды, чинить было некому, гдѣ тотъ день въ Малыковкѣ они и ночевали, а напослѣдокъ 10-го августа тѣ злодѣи, бывъ до полденъ и болѣе и чиня такое злодѣйство, сказали, что они съ батюшкой Петромъ Ѳедорычемъ, т. е. означеннымъ злодѣемъ, будутъ въ Малыковку во вторникъ 12-го августа, и сказавъ, уѣхали обратно».

Въ Малыковку злодѣи больше не приходили, но послѣ ихъ ухода часть населенія пребывала въ великомъ страхѣ, другая же разнуздалась и буйствовала. Дворцовый управитель Шишковскій, который «едва спасъ животъ свой», отъ страху никакъ не могъ «придти въ совершенную память» и писалъ Державину: «Обыватели смотрятъ весьма немилосердымъ взглядомъ... Помилуй, батюшка! Не оставь безпомощнаго и раззореннаго и страсть терпящаго человѣка... Повѣрьте, милостивый государь, что писать не могу ненатуральная трясовица обдержитъ меня». Максимовъ, бѣжавшій изъ Малыковки подалѣ, тоже взывалъ къ Державину: «Поспѣши, голубчикъ, и хотя внутреннимъ злодѣямъ отмсти за пролитую неповинно дворянскую кровь».

Малыковка дѣлалась все менѣе надежной точкой опоры. Державинъ къ тому же предвидѣлъ, что Пугачевъ будетъ оттѣсненъ отъ Саратова еще южнѣе; ждать самозванца на Иргизѣ теперь казалось ему безсмысленно. Донося объ этомъ Потемкину, онъ просилъ указаній, что въ такихъ обстоятельствахъ дѣлать дальше и куда направиться. Отвѣтъ долго не приходилъ. Уже къ Сызрани явился со своими войсками Голицынъ; уже Мансуровъ ушелъ оттуда преслѣдовать Пугачева, — отвѣта все не было. Державинъ сидѣлъ при Голицынѣ безо всякаго дѣла. Бездѣйствіе вообще было не въ его нравѣ — теперь оно то-

мило въ особенности: вся командировка грозила кончиться ничѣмъ; какъ и въ Саратовѣ, онъ искалъ случая сдѣлать что-нибудь.

***

Юго-западная часть колоній, почти на полпути между Малыковкой и Саратовомъ, длинною, узкою полосой вдается въ киргизъ-кайсацкую степь. Киргизы давно уже безпокоятъ ее набѣгами. Теперь, при общей разрухѣ, набѣги становятся чаще и жесточе. Дома сжигаютъ и грабятъ, скотъ угоняютъ, жителей избиваютъ или уводятъ въ плѣнъ, въ степь. Колонисты просятъ защиты, но войскъ у Голицына слишкомъ мало.

Другое дѣло — Державинъ. Въ Малыковкѣ наберетъ онъ вѣрныхъ крестьянъ (кстати, наведя тамъ порядокъ и посчитавшись съ кѣмъ слѣдуетъ), колонисты ему обѣщаютъ отрядъ въ триста человѣкъ: съ этими силами можно рискнуть на киргизъ-кайсаковъ... Но чтобы дойти до Малыковки и колоній, ему нужны были двадцать пять человѣкъ гусаръ и хотя бы одна пушка. Такія силы Голицынъ могъ ему предоставить, и 21 августа выступилъ онъ въ походъ.

Голицынъ отправилъ съ нимъ девять колодниковъ — «восемь человѣкъ и одну женку». То были крестьяне, которые недавно схватили голицынскаго курьера и отправили къ Пугачеву. Преступленіе было совершено въ селѣ Поселкахъ, черезъ которое Державину лежалъ путь. Главнаго зачинщика, Михаила Гомзова, Голицынъ приказалъ тамъ же, въ Поселкахъ, для примѣру повѣсить, прочихъ же отпустить по домамъ, наказавъ плетьми.

Исполнивъ этотъ приказъ, Державинъ изъ Поселковъ двинулся дальше. 24 числа, въ селѣ Сосновкѣ, привели къ нему пятерыхъ разбойниковъ; изъ нихъ трое были повинны въ убійствѣ Серебрякова. Одного Державинъ велѣлъ тутъ же повѣсить: приближаясь къ безпокойной Малыковкѣ, гдѣ предстояло ему навербовать главныя силы будущаго отряда, онъ хотѣлъ, чтобъ молва о жестокостяхъ предварила его появленіе. Дѣйствительно, его ждали съ ужасомъ.

Прійдя въ Малыковку, онъ тотчасъ нарядилъ слѣдствіе; троихъ мужиковъ, повинныхъ въ убіеніи казначея Тишина съ женой и дѣтьми (которымъ головы размозжили объ уголъ), «по данной ему отъ генералитета власти, опредѣлилъ на смерть». Замѣчательна смѣсь воображенія и раз-

счета, съ коими онъ затѣмъ дѣйствовалъ. На другой день всѣхъ жителей, мужескаго и женскаго полу, согнали на близлежащую гору. Священнослужителямъ всѣхъ семи церквей малыковскихъ приказано было облечься въ ризы. Пушку, заряженную картечью, навели на толпу; двадцать гусаръ съ обнаженными саблями разъѣзжали вокругъ, чтобы рубить всякаго, кто захочетъ бѣжать. На осужденныхъ надѣли саваны, дали имъ въ руки зажженныя свѣчи и при погребальномъ звонѣ привели къ мѣсту казни. «Сіе такъ сбившійся народъ со всего села и изъ окружныхъ деревень устрашило, что не смѣлъ никто рта разинуть». Прочтя приговоръ, Державинъ велѣлъ этихъ троихъ повѣсить, а еще двѣсти крестьянъ, тѣхъ самыхъ, что осадили его недавно при переправѣ, — пересѣчь плетьми. «Сіе все совершили, и самую должность палачей, не иные кто, какъ тѣ же поселяне».

Тогда-то приказалъ Державинъ выставить до тысячи конныхъ ратниковъ и сто телѣгъ съ провіантомъ — для похода на киргизовъ. Малыковка, хоть и была въ трепетѣ, могла набрать только семьсотъ человѣкъ. Державинъ и тѣмъ удовольствовался. Голицынъ обѣщалъ прислать ему на подмогу казаковъ, но Державинъ не сталъ дожидаться. Перваго сентября переправился онъ черезъ Волгу и углубился въ степь по с а к м ѣ — по дорогѣ, протоптанной шедшими здѣсь киргизами. Черезъ нѣсколько дней, на верховьяхъ Малаго Карамана, увидали въ долинѣ киргизовъ; вмѣстѣ съ толпою плѣнныхъ и множествомъ угоннаго скота орда казалась страшной громадою. Державинъ атаковалъ ее — кочевники бросились бѣжать во всѣ стороны, оставя на мѣстѣ плѣнныхъ и скотъ. Съ полсотни киргизовъ при этомъ перекололи. Такимъ образомъ было отбито восемьсотъ колонистовъ, семьсотъ русскихъ поселянъ и нѣсколько тысячъ головъ скота. Еще около двухсотъ плѣнниковъ киргизы угнали съ собой, но Державинъ не могъ уже ихъ преслѣдовать: полторы тысячи плѣнныхъ, которыхъ онъ только что отнялъ у киргизовъ, стѣсняли движеніе его отряда. Онъ повелъ ихъ въ ближайшую колонію Тонкошкуровку, въ ту самую, откуда большинство ихъ недавно было уведено киргизами. Колонію застали въ развалинахъ; всюду валялись трупы; Державинъ предалъ ихъ погребенію. Были поставлены вооруженные отряды, учреждены пикеты и разъѣзды; однако, набѣги киргизъ-кайсаковъ съ той поры прекратились вовсе.

Голицынъ благодарилъ Державина и доносилъ о его подвигѣ высшему начальству, — но оно уже было не то, что прежде. Въ послѣднее время произошло много событій.

***

Переломъ въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева начался еще съ того дня, когда Михельсонъ не пустилъ самозванца во глубину Сибири и погналъ его на Казань. Но взятіе Казани, но самое бѣгство Пугачева подъ напоромъ Михельсона, Мансурова, Муффеля было слишкомъ опустошительно: какъ сказано выше, оно еще представлялось нашествіемъ.

Екатерина тревожилась чрезвычайно; подумывала сама стать во главѣ арміи; полагала, что вялость и нерѣшительность генераловъ всему виною; противъ главнокомандующаго кн. Щербатова ее возстановляли въ особенности. Гр. Никита Ивановичъ Панинъ, государственный канцлеръ, имѣлъ выгоду подъ него подкапываться.

Никита Ивановичъ Панинъ еще императрицей Елисаветой Петровной былъ опредѣленъ въ воспитатели къ малолѣтнему великому князю Павлу Петровичу. Когда, совершивъ переворотъ 1762 г., Екатерина возложила корону на себя, говорили, будто Орловы готовятъ Павлу Петровичу участь его отца. Панинъ, открытый противникъ Орловыхъ, почитался единственною защитой ребенка. Впослѣдствіи Екатерина долгіе годы не могла удалить Панина отъ великаго князя (котораго онъ возстановлялъ противъ матери). Только въ сентябрѣ 1773 г., когда Павелъ Петровичъ женился, императрица съ облегченіемъ объявила воспитаніе наслѣдника законченнымъ, а воспитателя уволила, на радостяхъ осыпавъ милостями и (безъ особаго удовольствія) оставивъ государственнымъ канцлеромъ.

Межъ тѣмъ, въ 1770 г., братъ Никиты Ивановича, Петръ Ивановичъ, за покореніе Бендеръ получилъ Георгія 1-й степени и двѣ съ половиною тысячи душъ. Этого показалось мало. Петръ Ивановичъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ — въ обычномъ пристанищѣ ворчуновъ и обиженныхъ вельможъ. На досугѣ онъ цѣлыхъ три года болталъ, понося императрицу и зная, что ей неудобно было бы съ нимъ расправиться. 25 сентября 1773 года Екатерина писала о немъ кн. Волконскому, москов-

скому главнокомандующему: «Что же касается до дерзкаго извѣстнаго вамъ болтуна, то я здѣсь кое кому внушила, чтобъ до него дошло, что, естьли онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то чаю, что и онъ его уйметъ же».

Въ самомъ дѣлѣ, пора было государственному канцлеру помирить брата съ императрицей: вліяніе Паниныхъ уже падало. Никита Ивановичъ сталъ дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ. Брату посовѣтовалъ проявить крайній патріотизмъ и готовность къ жертвамъ, а самъ доложилъ о томъ государынѣ. Потомъ, на собранномъ ею совѣтѣ, онъ предложилъ назначить Петра Ивановича на мѣсто кн. Щербатова. Екатерина согласилась съ неудовольствіемъ. За то въ восторгѣ былъ Петръ Ивановичъ. Въ усердіи дошелъ до того, что, забывъ прошлое, въ донесеніяхъ своихъ къ слову в с е п о д д а н н ѣ й ш і й сталъ приписывать слово р а б ъ — что вовсе не требовалось. Радость его отчасти омрачена была только тѣмъ, что императрица не подчинила ему слѣдственныхъ комиссій: онѣ остались въ рукахъ Павла Потемкина. Отсюда, конечно, вскорѣ возникли тренія: Панинъ старался унизить Потемкина вмѣстѣ съ его комиссіями, а Потемкинъ сталъ нарочно проявлять свою независимость отъ главнокомандующаго. Мы вскорѣ увидимъ, что Державину суждено было очутиться между молотомъ и наковальней.

17 іюля 1774 г. новый главнокомандующій выѣхалъ изъ Москвы. Онъ направился не въ Казань, а южнѣе, ближе къ театру военныхъ дѣйствій. По дорогѣ остановился онъ въ своемъ имѣніи. 24 числа (въ тотъ самый день, когда Державинъ казнилъ убійцу Серебрякова) пріѣхалъ къ нему Суворовъ, также назначенный дѣйствовать противъ Пугачева.

Суворовъ примчался безъ шапки, въ одномъ кафтанѣ, на простой мужицкой телѣгѣ. Получивъ отъ Панина предписаніе командирамъ и губернаторамъ исполнять всѣ его распоряженія, онъ въ тотъ же день кинулся дальше — на Пугачева!

Однако жъ, онъ могъ не спѣшить такъ сильно. Послѣ трехдневныхъ саратовскихъ звѣрствъ Пугачевъ двинулся внизъ по Волгѣ. Полчища его были громадны, но безпорядочны. Онъ разбилъ маіора Дица, который пытался преградить путь, и 21 августа подступилъ къ Царицыну.

Дважды отбитый отъ этой крѣпости, онъ, можетъ быть, все-таки овладѣлъ бы ею, но услышалъ о приближеніи Михельсона и поспѣшилъ опять внизъ, на Сарепту. Здѣсь отдыхалъ онъ въ теченіе сутокъ и пошелъ дальше. Но Михельсонъ двигался быстрѣе и настигъ его въ ста верстахъ за Царицынымъ, у Чернаго Яра. Самозванецъ не могъ уклониться отъ боя. Его пораженіе оказалось рѣшительно; онъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ; остальные бѣжали. Самъ Пугачевъ едва спасся съ горстью казаковъ, переправившись на лѣвый берегъ Волги. Это было 25 августа — на другой день послѣ описаннаго свиданія Суворова съ гр. Панинымъ. Такимъ образомъ, славный полководецъ на сей разъ мчался напрасно: когда 3 сентября онъ прибылъ въ Царицынъ, сражаться уже было не съ кѣмъ. Оставалось принять участіе развѣ только въ поимкѣ самого Емельки, и Суворовъ постарался придать своимъ дѣйствіямъ наиболѣе военную видимость. Принявъ начальство надъ корпусомъ Михельсона, онъ посадилъ часть пѣхоты на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и 4 сентября переправился на луговую сторону Волги — ловить самозванца. Но въ семъ предпріятіи онъ оказался слишкомъ не одинокъ.

Въ точности неизвѣстно было, куда направился Пугачевъ по луговой сторонѣ. Но отряды, посланные на поимку, надвигались со всѣхъ сторонъ. Кольцо вокругъ самозванца сжималось.

Со своей стороны кн. Голицынъ перешелъ у Сызрани на лѣвый берегъ. Какъ разъ въ тѣ дни, когда Державинъ закончилъ походъ на киргизъ-кайсаковъ, Голицынъ со своими войсками очутился поблизости. 9 сентября, въ селѣ Красномъ Ярѣ (его не надо смѣшивать съ городомъ того же названія) назначена была встрѣча.

Къ этому времени стало извѣстно, что самозванецъ находится гдѣ-то на Узеняхъ — двухъ рѣчкахъ, текущихъ въ киргизъ-кайсацкой степи, между Волгой и Яикомъ. Голицынъ не измѣнилъ своего намѣренія отправиться на востокъ, къ Яицкому городку, чтобы заранѣе преградить Пугачеву путь въ этомъ направленіи. Но Державину онъ далъ предписаніе ловить самозванца на Узеняхъ. Въ отличіе отъ шедшихъ туда же воинскихъ частей, Державину предложено было дѣйствовать черезъ обывателей и тайныхъ «подлазчиковъ»; это былъ поздній отголосокъ серебряковскаго плана.

Отрядъ малыковскихъ крестьянъ, съ которыми онъ ходилъ на киргизъ-кайсаковъ, еще находился при Державинѣ. Изъ этихъ-то людей отобралъ онъ сто самыхъ надежныхъ. Въ ночь на 10 сентября подлазчики собраны въ лѣсу и приведены къ присягѣ. Ихъ жены и дѣти объявлены заложниками. Для поощренія каждому дано по пяти рублей, для устрашенія — тутъ же повѣшенъ послѣдній изъ четырехъ убійцъ Серебрякова, до тѣхъ поръ находившійся въ бѣгахъ. Наконецъ, свора спущена; она бросилась въ степь, къ Узенямъ, на звѣря.

Державинъ съ прочими крестьянами остался на Иргизѣ, въ слободѣ Мечетной. Здѣсь предстояло ему охранять окрестности отъ бродячихъ шаекъ; сюда же должны были приходить свѣдѣнія отъ подлазчиковъ. Надѣялся ли Державинъ, что его людямъ удастся схватить Пугачева? Конечно, онъ признавалъ, что «наступило самое то время, гдѣ ему Державину надлежало исправлять порученную ему г. Бибиковымъ комиссію, потому что Пугачевъ находился безсильнымъ и въ самыхъ тѣхъ областяхъ, которыя наблюденію Державина ввѣрены». Но обстановка была совсѣмъ ужъ не та, которую онъ себѣ представлялъ, уѣзжая изъ Казани полъ года тому назадъ. Теперь ужъ не онъ одинъ, а и Голицынъ, и Муффель, и Меллинъ, и Мансуровъ, и Дундуковъ, и Суворовъ — кто только не ловилъ Пугачева? И у каждаго было больше къ тому возможностей, нежели у Державина. Между прочимъ, онъ только что получилъ впервые письмо отъ Суворова. «О усердіи къ службѣ ея императорскаго величества вашего благородія я уже много извѣстенъ», писалъ Суворовъ, «тожъ и о послѣднемъ отъ васъ разбитіи киргизцевъ, какъ и о посланіи партіи для преслѣдованія разбойника Емельки Пугачева отъ Карамана; по возможности и способности ожидаю отъ вашего благородія о пребываніи, подвигахъ и успѣхахъ вашихъ частыхъ увѣдомленій». Это было, конечно, лестно, но чувствовалось, что особыхъ надеждъ на державинскую «партію» полководецъ не возлагаетъ. О себѣ самомъ Суворовъ прибавилъ: «Иду за реченнымъ Емелькою, поспѣшно прорѣзывая степь».

Вдругъ, 15 числа, надежда еще разъ вспыхнула ярко, чтобы тотчасъ погаснуть вовсе. Подзорщики возвратились и привели плѣнника. Какъ? Неужели?.. Но то былъ не Пугачевъ, а его «полковникъ», крестьянинъ Мельниковъ. Мельниковъ сообщилъ, что Емельянъ Пугачевъ

своими сообщниками увезенъ въ Яицкій городокъ и тамъ отданъ въ руки властей. Посланные Державина опоздали на двое сутокъ.

Итакъ, все было кончено.

Пока Державинъ ждалъ самозванца на Иргизѣ — тотъ удалялся отъ этихъ мѣстъ; когда Державинъ отчаялся ждать — Пугачевъ началъ приближаться; когда же приблизился, подошелъ вплотную, — былъ схваченъ, но не Державинымъ.

***

Было бы несправедливо одолѣніе пугачевщины приписывать одному Михельсону. Однако, для современниковъ имъ одержанныя побѣды были наиболѣе очевидны. Многихъ военачальниковъ это безпокоило. Начались попытки связать свое имя хотя бы съ поимкой Пугачева. Тутъ поле было для всѣхъ открыто: самозванецъ попалъ въ руки властей безъ прямого участія кого бы то ни было изъ тѣхъ, кто его ловилъ.

Суворовъ первый примчался въ Яицкій городокъ и усердно занялся «поспѣшнымъ выпроваженіемъ» супостата, уже заклепаннаго въ колодку. Потомъ всѣмъ захотѣлось быть первыми вѣстниками счастливаго событія; начались гонки курьеровъ. Потомъ Потемкинъ, находясь въ непрестанномъ соревнованіи съ Панинымъ, пожелалъ заполучить знаменитаго плѣнника въ свои руки; онъ намекнулъ Державину, чтобы тотъ поспособствовалъ доставленію Пугачева не въ «военную команду» (т. е. къ Панину), а въ секретную комиссію (т. е. къ Потемкину). Но уже Суворовъ въ Яицкѣ завладѣлъ Пугачевымъ и, посадивъ въ клѣтку, картинно везъ его въ Симбирскъ, къ Панину. Державинъ былъ тутъ безсиленъ. Потемкинъ все же обидѣлся.

Но эта обида была ничто передъ новой грозой, которая шла съ другой стороны и теперь надъ Державинымъ разразилась.

Назначеніе Панина почти совпало съ паденіемъ Саратова. Саратовскимъ властямъ пришлось отчитываться въ своихъ дѣйствіяхъ уже передъ новымъ главнокомандующимъ. Недруги Державина, Кречетниковъ и Бошнякъ, дождались праздника. Разумѣется, и въ собственныхъ объясненіяхъ, и въ объясненіяхъ, ими подсказанныхъ другимъ

лицамъ, они старались обѣлить себя и очернить Лодыжинскаго съ Державинымъ. По ихнему выходило, что «вѣтренный человѣкъ гвардіи поручикъ Державинъ» держалъ себя дерзко и вызывающе, вслухъ поносилъ коменданта и бунтовалъ противъ него офицеровъ; что дѣйствіями своими Лодыжинскій и Державинъ ослабили оборону города (уже неправда); что они не возвели необходимаго укрѣпленія (да, но потому, что именно Бошнякъ этому противился); что экспедицію къ Петровску совершилъ Бошнякъ, а не Державинъ (ложь грубая и наивная); что передъ появленіемъ самозванца Державинъ изъ города скрылся безъ надобности (главная и самая тяжелая для Державина ложь: онъ уѣхалъ по необходимости и лишь не успѣлъ вернуться; къ тому же самъ Кречетниковъ передъ тѣмъ требовалъ его удаленія изъ города).

Панинъ былъ человѣкъ умный; умѣлъ быть смирнымъ, когда надо, и дерзкимъ, когда можно; самъ умѣлъ польстить и хотѣлъ, чтобъ ему польстили; самъ зналъ свое мѣсто и любилъ, чтобъ другіе знали. Заносчивый поручикъ ему по всѣмъ донесеніямъ не понравился; онъ даже забылъ, что недавно самъ благодарилъ Державина за дѣйствія противъ киргизовъ, и рѣшилъ быть къ нему особливо строгимъ. А тутъ еще слухи о Державинѣ дошли до императрицы, которая попросила Панина «когда случай будетъ, пообъяснить навѣданіемъ объ обращеніяхъ сего гвардіи поручика Державина и соотвѣтствовала ли его храбрость и искусство его словамъ».

Обо всемъ этомъ Державинъ еще ничего не зналъ. Въ такихъ обстоятельствахъ ему нужно бы заручиться благосклонностью Панина. Вмѣсто этого онъ нечаянно навлекъ на себя его лютый гнѣвъ.

О выдачѣ самозванца Державинъ узналъ отъ Мельникова, своего плѣнника, въ тотъ самый день, когда Пугачевъ былъ доставленъ въ Яицкій городокъ, къ офицеру Мавриву. Но Державинъ находился географически ближе къ начальству, нежели Мавринъ. Поэтому онъ-то и былъ въ сущности, первымъ вѣстникомъ. Но свои донесенія онъ отправилъ двумъ непосредственнымъ начальникамъ своимъ, Голицыну и Потемкину, а не Панину. По субординаціи онъ такъ и долженъ былъ поступить. Однако, случайно узнавъ объ этомъ, Панинъ пришелъ въ бѣшенство: его особенно безпокоило, какъ бы Потемкинъ не опередилъ

его въ донесеніи государынѣ. Разсвирѣпѣвъ, онъ тотчасъ велѣлъ Голицыну и Мансурову затребовать отъ Державина объясненій по поводу саратовскихъ дѣлъ. Узнавъ о взводимыхъ на него обвиненіяхъ, Державинъ оскорбился, вскипѣлъ и, черезъ головы генераловъ, послалъ объясненія прямо Панину. Въ заключеніе требовалъ надъ собою военнаго суда. Это опять было непріятно Панину: онъ зналъ, что заслуги Державина, засвидѣтельствованныя Бибиковымъ, Голицынымъ, Потемкинымъ, Суворовымъ и самимъ же Панинымъ, были больше его провинностей; а вотъ для Кречетникова, которому Панинъ вообще покровительствовалъ, судъ могъ кончиться большими непріятностями. Панинъ написалъ Державину длинное, нравоучительное и ѣдкое письмо; «насмѣхался, что не имъ, Державинымъ, Пугачевъ пойманъ»; но въ судѣ отказалъ.

Въ это самое время Потемкинъ, который ничего не зналъ о невзгодахъ Державина, вызвалъ его въ Казань. Державинъ отправился, но дорогою не стерпѣлъ: рѣшился заѣхать къ Панину - объясниться лично.

**
*

Онъ выросъ въ глуши, воспитался въ казармѣ, да на постояломъ дворѣ, да въ огнѣ пугачевщины. Съ младенчества было ему внушено нѣсколько твердыхъ и простыхъ правилъ вѣры и нравственности. Они и теперь, къ тридцати годамъ, остались главнымъ его мѣриломъ. Добро и зло раздѣлялъ онъ ясно, отчетливо; о себѣ самомъ всегда зналъ: вотъ это я дѣлаю хорошо, это — дурно. Словомъ, умомъ былъ прямъ, а душою простъ. Прямота была главное въ немъ. И это уже тогда было главное, за что любили его одни и не любили другіе.

Себя онъ считалъ «горячимъ». Горячность и была въ немъ. Но прежде всего онъ былъ просто нетерпѣливъ. Видя вокругъ лукавство и ложь, онъ нерѣдко отчаивался въ прямомъ пути, рѣшалъ быть хитрымъ и скрытнымъ, какъ всѣ другіе. Тогда любилъ увѣрять себя, будто дѣйствуетъ проницательно, предусмотрительно, трезво и хладнокровно. Но всего этого хватало лишь до тѣхъ поръ, пока все шло гладко и пока, въ сущности, ни хитрость, ни хладнокровіе не подвергались настоящему испытанію. При первомъ препятствіи, при первомъ же столкновеніи съ ложью, съ обидой, съ несправедливостью, то-есть какъ

разъ когда хитрость и хладнокровіе дѣйствительно становились нужны, — Державинъ терялъ терпѣніе, срывался и ужъ тутъ давалъ волю своей горячности. Не смотрѣлъ ни на что, шелъ прямикомъ, дѣлался «въ правдѣ чертъ», какъ однажды самъ о себѣ сказалъ.

Подъѣзжая къ Симбирску, постановилъ онъ понравиться Панину, чтобы тотъ сложилъ гнѣвъ на милость. Рѣшилъ выказать себя съ лучшей стороны, пустить въ ходъ все: и благонравіе, и почтительность, и скромность, и даже свою горячность и прямоту — въ той самой мѣрѣ, насколько они могутъ понравиться начальству. Это была особенно тонкая хитрость, и Державинъ особенно на нее разсчитывалъ.

Въ Симбирскѣ онъ прежде всего явился къ Голицыну: Панинъ былъ на охотѣ, Державинъ его даже встрѣтилъ, приближаясь къ городу.

Увидѣвъ гостя, Голицынъ перепугался:

— Какъ? вы здѣсь, зачѣмъ?

— Ѣду въ Казань по предписанію генерала Потемкина, но разсудилъ главнокомандующему засвидѣтельствовать свое почтеніе.

— Да знаете ли вы, что онъ недѣли двѣ публично за столомъ болѣе не говоритъ ничего, какъ дожидаетъ отъ государыни повелѣнія повѣсить васъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ?

— Ежели я виноватъ, то отъ гнѣва царскаго нигдѣ уйти не могу.

— Хорошо, — сказалъ князь, — но я, васъ любя, не совѣтую къ нему являться, а поѣзжайте въ Казань къ Потемкину и ищите его покровительства.

— Нѣтъ, я хочу видѣть графа.

Вечеромъ Панинъ пріѣхалъ съ охоты. Пошли въ главную квартиру. Панинъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, съ нимъ былъ Михельсонъ. Державинъ представился. Ничего не отвѣтивъ на представленіе, Панинъ важно спросилъ:

— Пугачева видалъ?

Это опять былъ намекъ, но Державинъ, рѣшивъ быть смирнымъ, сдѣлалъ видъ, что не понялъ. Отвѣтилъ почтительно:

— Точно такъ, видѣлъ на конѣ подъ Петровскомъ.

Графъ отвернулся и сказалъ Михельсону:

— Прикажи привести Емельку.

Привели самозванца; онъ былъ въ широкомъ, потер-

томъ тулупѣ, по рукамъ и ногамъ въ оковахъ. Вошедъ, онъ сталъ передъ Панинымъ на колѣни. Лицо у него было круглое, волосы и борода окомелкомъ, черные, всклокоченные; глаза черные, съ желтыми бѣлками. На видъ ему было лѣтъ тридцать пять или сорокъ.

— Здоровъ ли, Емелька? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Ночи не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство.

— Надѣйся на милосердіе государыни, — сказалъ Панинъ. Ни на какое милосердіе Пугачеву разсчитывать не приходилось.

Его увели. Панинъ «весьма превозносился» тѣмъ, что самозванецъ въ рукахъ у него, а не у Державина и не у Потемкина. Для того и разыграна была вся сцена. Державинъ крѣпился.

Послѣ этого пошли ужинать. Панинъ не отпустилъ Державина, но и не пригласилъ къ столу. Тогда-то благоразуміе и покинуло «гвардіи офицера»: онъ вспомнилъ съ негодованіемъ, что предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, находясь при караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, получалъ приглашеніе къ столу самой государыни: «то безъ особаго приглашенія съ прочими штабъ-и оберъ-офицерами осмѣлился сѣсть». Ужинъ начался. Вдругъ Панинъ, окинувъ взоромъ сидящихъ, увидѣлъ Державина, котораго недавно за тѣмъ же столомъ грозился повѣсить. Сперва онъ нахмурился, потомъ заморгалъ глазами (такая была у него привычка), потомъ всталъ и вышелъ изъ-за стола, сказавъ, что забылъ отправить курьера къ императрицѣ. Державинъ спокойно отужиналъ.

На другой день, еще до разсвѣта, онъ вновь явился. Его провели въ галерею, служившую пріемной. Тамъ онъ прождалъ нѣсколько часовъ. Одинъ за другимъ собрались офицеры. Наконецъ, Панинъ вышелъ. Онъ былъ въ широкомъ атласномъ шлафрокѣ, свѣтло-сѣраго цвѣта и въ большомъ колпакѣ французскаго фасона, перевязанномъ розовыми лентами. Онъ сталъ ходить по галереѣ взадъ и впередъ, не заговаривая ни съ кѣмъ и не удостоивъ Державина даже взгляда. Долго Державинъ ждалъ, но внезапно терпѣніе его покинуло. Онъ внезапно подошелъ къ Панину, однако «съ почтеніемъ»:

— Я имѣлъ несчастіе получить вашего сіятельства неудовлетворительный ордеръ; беру смѣлость объясниться.

Панинъ все еще шелъ — Державинъ взялъ его за руку и остановилъ. Панинъ вытаращилъ глаза, потомъ приказалъ слѣдовать за собой.

Въ кабинетѣ поднялась буря. Всѣ саратовскія вины Державина вновь и вновь ему перечислены. Пока Панинъ кричалъ, Державинъ успѣлъ припомнить благія свои намѣренія. Онъ выслушалъ генеральскіе окрики «съ подобострастіемъ» и разомъ пошелъ съ главныхъ своихъ козырей: съ лести и простодушія:

— Это все правда, ваше сіятельство, — сказалъ онъ: — я виноватъ пылкимъ моимъ характеромъ, но не ревностною службою. Кто бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ, на покоѣ и изъ особливой любви къ отечеству и приверженности къ высочайшей службѣ всемилостивѣйшей государыни, приняли на себя въ толь опасное время предводить войсками противъ злѣйшихъ враговъ, не щадя своей жизни? Такъ и я, когда все погибло, забывъ себя, внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города.

Все это «съ чувствительностію выговорено было».

Сердце Панина дрогнуло. Значитъ, этотъ молодой, пылкій, такой неопытный въ жизни, такой прямодушный офицеръ дѣйствительно вѣритъ, что онъ, Панинъ, пошелъ предводить войсками изъ особливой любви и приверженности, не щадя жизни и проч.? Въ словахъ Державина онъ увидѣлъ себя прекраснымъ. Слезы ручьемъ покатились изъ глазъ его — а вѣдь умный былъ человѣкъ! Онъ сказалъ:

— Садись, мой другъ, я твой покровитель.

Потомъ пришли генералы, зашла рѣчь о вчерашней охотѣ. Панинъ хвалился, что очень была успѣшна. Потомъ, веселый и бодрый, пошелъ переодѣваться, вновь вышелъ и пригласилъ всѣхъ къ обѣду. Державину указалъ мѣсто противъ себя и говорилъ почти съ нимъ однимъ, разсказывая все о томъ же: какъ до его, Панина, назначенія главнокомандующимъ дворянство московское ничего не дѣлало для защиты отечества, а послѣ назначенія — все дѣлало и ничего уже не жалѣло. Послѣ обѣда онъ пошелъ отдыхать.

У Панина въ штабѣ было какъ при дворѣ: въ шесть часовъ генералы и офицеры опять къ нему собирались. Такъ было и въ этотъ вечеръ. Увидѣвъ Державина, полководецъ опять къ нему устремился. Повѣствовалъ о семилѣт-

ней войнѣ, потомъ о турецкой, а всего болѣе о томъ, какъ онъ взялъ Бендеры. При этомъ пустился въ нравоученія, говорилъ непрестанно и на всѣ лады, что молодымъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ подобаетъ прежде всего почтительность, а потомъ практика, главное практика.

Потомъ онъ сѣлъ играть въ вистъ съ Голицынымъ, Михельсономъ и еще съ кѣмъ-то. Державинъ долго смотрѣлъ на игру — и вдругъ ему стало скучно. Онъ забылъ мгновенно и всѣ благія свои намѣренія, и только что выслушанный урокъ о практикѣ. Надобно было ему какъ можно дольше остаться при Панинѣ, дѣлать видъ, что не хочетъ разстаться съ нимъ, что Потемкина съ его секретной комиссіей совсѣмъ забылъ... Вмѣсто того подошелъ онъ къ графу и доложилъ, что сейчасъ ѣдетъ въ Казань къ генералу Потемкину, — такъ не будетъ ли какихъ порученій?

Лицо Панина дернулось гнѣвомъ. Но онъ отвернулся и холодно сказалъ:

— Нѣтъ.

Державинъ нажилъ врага.

***

Когда Пугачевъ бралъ Казань, державинскій домъ былъ разграбленъ, сама же Ѳекла Андреевна попала въ число тѣхъ «плѣнныхъ», которыхъ башкирцы, подгоняя копьями и нагайками, увели за семь верстъ отъ города, въ лагерь самозванца. Тамъ поставлены были плѣнники на колѣни передъ наведенными пушками. Женщины подняли вой — ихъ отпустили. Ни жива, ни мертва вернулась старуха въ Казань. Сынъ, пріѣхавъ, засталъ ее въ горестяхъ. Деревни Державиныхъ, и казанскія, и оренбургскія, тоже оказались разорены.

Дома было уныніе, въ служебныхъ дѣлахъ — непріятности. Потемкинъ былъ неспособенъ на бурный гнѣвъ, подобный панинскому. Но онъ былъ обиженъ: зачѣмъ Державинъ не перехватилъ Пугачева у Панина? зачѣмъ объясненія по саратовскимъ дѣламъ представилъ прямо Панину, а не черезъ секретную комиссію? Впрочемъ, эти вздорныя неудовольствія Державину, вѣроятно, удалось бы разсѣять. Но къ нимъ вскорѣ прибавилось еще одно — неизгладимое: между генераломъ и офицеромъ возникло «небольшое любовное соперничество, въ которомъ,

казалось, одною прекрасною дамою офицеръ предпочитаемъ былъ генералу». Потемкинъ придумалъ способъ избавиться отъ соперника: приказалъ опять ѣхать на Иргизъ — искать Филарета, раскольничьяго старца, который, по слухамъ, нѣкогда благословилъ Пугачева на принятіе императорскаго имени. Дѣлать нечего — сталъ Державинъ готовиться къ отъѣзду. Но въ суетахъ, разъѣзжая по городу въ сильный морозъ (былъ уже ноябрь), онъ простудился и слегъ.

Онъ пролежалъ долго, мѣсяца три. За это время его товарищи по секретной комиссіи были отпущены въ Москву; на поиски Филарета Панинъ отправилъ цѣлыя воинскія команды; посылка Державина теряла смыслъ, но Потемкинъ хотѣлъ сорвать злобу: несмотря ни на что, велѣлъ ѣхать.

Въ концѣ февраля вновь увидѣлъ Державинъ мѣста знакомыя — Малыковку и колоніи. Но какая разница! Годъ назадъ онъ пріѣхалъ сюда любимцемъ Бибикова — теперь чуть не ссыльнымъ; тогда манили его честолюбивые замыслы — теперь отъ нихъ ничего не осталось; тогда онъ былъ въ упоеніи властью — теперь обреченъ унизительному бездѣйствію. Въ Малыковкѣ управляютъ другіе люди. Пугачевщина отшумѣла. Герой Бибиковъ умеръ, какъ и пройдоха Серебряковъ. Въ Москвѣ, на Болотной площади, упала подъ топоромъ голова Пугачева.

Только въ Шафгаузенѣ, у нѣмцевъ, все, какъ будто, по прежнему. Тотъ же радушный и обходительный крейсъ-комиссаръ Вильгельми, у котораго иногда Державинъ гостилъ, пріѣзжая сюда по дѣламъ или просто отдохнуть въ свободные дни; та же милая фрау Вильгельми, Елена Карловна, для которой Державинъ въ Малыковкѣ закупалъ муку (тамъ была дешевле). Впрочемъ, и перемѣны чувствуются: по немногу прилежные нѣмцы уже забываютъ бурные дни пугачевщины. Но Державину здѣсь всегда рады по прежнему; здѣсь берегутъ его уязвленное самолюбіе; здѣсь онъ среди друзей; иногда заходитъ почтенный Карлъ Вильмсенъ, простой колонистъ, но любитель наукъ и поэзіи.

Державинъ почти все время сталъ проводить въ Шафгаузенѣ.

Годъ назадъ онъ здѣсь началъ оду Екатеринѣ, но оборвалъ, — бросился на выручку Яицкаго городка (досадное воспоминаніе!). Потомъ, пораженный извѣстіемъ о

смерти Бибикова, онъ здѣсь же взялся за другую оду — и тоже не кончилъ: было не до стиховъ.

Теперь, на досугѣ, онъ ихъ кончаетъ. Въ одѣ императрицѣ по прежнему больше словъ, чѣмъ мыслей. «На смерть Бибикова» удается лучше. Державинъ пишетъ по всѣмъ правиламъ одической строфы, но странная мысль приходитъ ему: въ знакъ скорби лишаетъ онъ оду риѳмы. Потомъ тяжело, точно топоромъ, отрубаетъ стопы; громоздитъ согласныя; ямбическій женскій стихъ кончаетъ спондеемъ. Многое еще не дается, онъ еще не вполнѣ сознаетъ, что дѣлаетъ, собственныя влеченія неясны ему, но суровый, глухой, погребальный стихъ мѣстами звучитъ уже такъ, какъ раньше не звучалъ онъ ни у кого. Еще державинскій стихъ не найденъ, но это уже не ломоносовскій, и въ самой поэзіи Державина что то сдвинулось:

Не показать мое искусство,
Я здѣсь теперь пишу стихи,
И риѳмъ въ печальномъ слогѣ нѣтъ здѣсь...
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ:
Я сдѣлалъ мавзолей симъ вѣчный
Изъ горькихъ слезъ моихъ тебѣ.

Верстахъ въ семи отъ колоніи, въ степи, тянется параллельно Волгѣ цѣпь песчаныхъ холмовъ. Рѣчка Вертуба проворно стекаетъ отсюда къ Волгѣ. Нѣмцы зовутъ ее Wattbach. Самый большой изъ холмовъ всего ближе къ Шафгаузену; онъ носитъ татарское имя — Читалагай. У подножія залегло болото, поросшее высокой травой вродѣ камыша. На самой горѣ, на ея плоскомъ песчаномъ темени, оберегая колонію отъ набѣговъ, еще недавно стояли пушки; Державинъ самъ ихъ привезъ сюда, самъ выбралъ мѣсто. Вотъ и просторный шанцъ, построенный четырехугольникомъ; онъ совсѣмъ еще цѣлъ...

Въ мысляхъ Державина Читалагай связанъ съ книгой, недавно взятой у Вильмсена. На заглавномъ листѣ, безъ имени автора, стоитъ просто: «Vermischte Gedichte». Это — переведенные на нѣмецкій языкъ стихи Фридриха II. Ихъ французскій подлинникъ вышелъ тому назадъ лѣтъ пятнадцать, подъ болѣе многозначительнымъ заголовкомъ: «Poésies diverses du philosophe de Sans-Souci».

Дотолѣ ни одна книга не поражала Державина такъ, какъ эта. Здѣсь, подлѣ пустыннаго Читалагая, на пепели-

щѣ недавнихъ надеждъ, стоическія оды «безпечнаго философа» отвѣчаютъ чувствамъ Державина и помогаютъ ему разобраться въ мысляхъ. Въ этихъ стихахъ Державинъ находитъ и объясненіе своему настоящему, и суровые, но возвышенные девизы для будущаго. Его величество король прусскій, насмѣшникъ и острословъ, можетъ быть, усмѣхнулся бы, если бъ увидѣлъ восторженный лылъ дальняго своего поклонника. Но для Державина эти оды сейчасъ — евангеліе. Кто ихъ авторъ, онъ, кажется, еще и не знаетъ. Онъ выбираетъ изъ нихъ четыре и переводитъ, но съ такимъ жаромъ, какъ если бы творилъ самъ. Переводитъ прозою, потому что боится хоть чѣмъ-нибудь погрѣшить противъ подлинника.

«Жизнь есть сонъ. О Мовтерпій, дражайшій Мовтерпій, какъ мала есть наша жизнь!.. Лишь только ты родился, какъ уже рокъ дня того влечетъ тебя къ разрушающей нощи... Это вы, которые существуете на то, чтобъ исчезнуть, — это вы стараетесь о славѣ?.. Прочь, печали, утѣхи, и вы, любовныя восхищенія! я вижу нить дней моихъ уже въ рукахъ смерти. Имѣнія, достоинства, чести, власти, вы обманчивы и яко дымъ. Отъ единаго взгляда истины исчезаетъ весь блескъ проходящей красоты вашей. Нѣтъ на свѣтѣ ничего надежнаго, даже и самыя наивеличайшія царства суть игралище непостоянства... Терзаемая безпрестанно хотѣніемъ и теряемся въ ничтожествѣ! Сей есть предѣлъ нашей жизни».

Удрученный горестями, Державинъ учится взирать на жизнь съ высоты. Онъ переводитъ другія оды, въ которыхъ рѣчь идетъ, какъ нарочно, о томъ, что его терзаетъ. Онъ пострадалъ отъ клеветы — и вотъ ода на клевету: «Я узнаю тебя по подлымъ изворотамъ лица твоего, варварское порожденіе зависти!..» Онъ наживаетъ сильныхъ враговъ, потому что ему не по нраву пресмыкаться и льстить, — вотъ «Ода на ласкательство»: «Оно, присѣдя непрестанно при подножіяхъ трона, ѳиміамомъ тщеты окружаетъ оный и упоеваетъ имъ мужей и царей великихъ. Личиной учтивости прикрывается пресмыкающаяся подлость лживыхъ его потаканій... Возстаньте изъ упіенія вашего, государи, князи, мудрецы и герои, и побѣдите слабость вашу, владычественные лавры ваши дѣлающую поблеклыми. Мужайтеся, бодрствуйте противъ ласкателей и разбейте невѣрное зеркало, сокрывшее предъ вами правду»...

Но «Ода на постоянство», «Die Standhaftigkeit», ду-

шѣ его ближе всѣхъ. Многое въ ней примѣняетъ онъ къ своей участи — и извлекаетъ высокія правила для будущаго: «Во всѣхъ нашихъ участяхъ бѣды съ нами: я вижу Галилея въ узахъ, Медицисъ въ заточеніи и Карла на мѣстѣ лобномъ... Здѣсь похищенное у тебя счастіе возжигаетъ въ тебѣ отмщеніе; тамо неповинное твое сердце прободаютъ стрѣлы зависти; тутъ изнуряющая скорбь разливаетъ свои страхи на цвѣтущее твое здравіе. Сегодня больна жена, завтра мать, или братъ, или смерть вѣрнаго друга, заставляютъ тебя проливать слезы... Итакъ, въ смущенныхъ дняхъ, противу всѣхъ навѣтовъ твердость щитъ... Когда боязливая подлость исчезаетъ безъ надежды, тогда крѣпкій духъ мужаться долженъ... Чуждуся я Овидія: печаленъ, грустенъ, боязливъ и даже въ самой бѣдности ползающій льстецъ своего тирана не имѣетъ ничего мужественнаго въ сердцѣ своемъ. Должно ли заключить изъ его жалобъ, что кромѣ пышныхъ стѣнъ Рима нѣтъ нигдѣ надежды смертнымъ? Блаженъ бы онъ былъ, когда бы въ своемъ заключеніи, какъ Горацій, сказать могъ: «Счастіе мое со мною!»... Велизарія я болѣе чту въ его презрѣніи и въ нищетѣ, нежели на лонѣ его благополучія... Сіе же опытъ совершенной добродѣтели, когда сердце въ жестокостяхъ рока растетъ и возвышается...»

Въ жизни каждаго поэта (если только не суждено ему остаться вѣчнымъ подражателемъ) бываетъ минута, когда полусознаніемъ, полуощущеніемъ (но безошибочнымъ) онъ вдругъ постигаетъ въ себѣ строй образовъ, мыслей, чувствъ, звуковъ, связанныхъ такъ, какъ дотолѣ они не связывались ни въ комъ. Его будущая поэзія вдругъ посылаетъ ему сигналъ. Онъ угадываетъ ее — не умомъ, скорѣй сердцемъ. Эта минута неизъяснима и трепетна, какъ зачатіе. Если ея не было — нельзя притворяться, будто она была: поэтъ или начинается ею, или не начинается вовсе. Послѣ нея все дальнѣйшее — лишь развитіе и вынашиваніе плода (оно требуетъ и ума, и терпѣнія, и любви).

Такая минута посѣтила Державина весною 1775 года. Начавъ переводомъ, Державинъ перешелъ къ творчеству. Онъ успѣлъ написать лишь двѣ оды — «На знатность» и «На великость». Въ нихъ есть явные отголоски одъ фридриховыхъ, но сильнѣй отголосковъ — собственный голосъ Державина. Въ зеркалѣ, поднесенномъ рукою Фридриха, Державинъ впервые увидѣлъ свое лицо. Но-

выя, дерзкія мысли, пробудясь, повлекли за собою рѣзкіе образы и новые, неслыханные дотолѣ звуки. Державинъ впервые нащупалъ въ себѣ два свойства, два дара, ему присущихъ — гиперболизмъ и грубость, и съ этого мига, быть можетъ, не сознавая того, что дѣлаетъ, — началъ въ себѣ ихъ вынашивать, обрабатывать. Эти двѣ оды — первые, тяжкіе камни, которые, въ жару вдохновенія и въ трудовомъ потѣ, надрываясь, вскатилъ онъ на темя Читалагая — для своего памятника. То срываясь и падая, то достигая совершеннѣйшей точности, то дико косноязычествуя, Державинъ карабкается на свой Парнассъ. Можно сказать — беретъ его приступомъ. Сила его родится отъ гнѣва и добродѣтели. Берегитесь теперь, вельможи, — Панины и Потемкины:

Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ что равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сидящій за кристалломъ,
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!

На стогнъ поставленъ, на позоръ,
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ;
Но чей въ него проникнетъ взоръ —
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной:
Статуи, безъ достоинствъ вы!..

Другую оду онъ начинаетъ темными, но величественными словами, въ которыхъ призываетъ къ себѣ Великость: величіе духа. Онъ хочетъ, чтобы она вдохновила его поэзію, и самъ несетъ ей свои обѣты.

Живущая въ кругахъ небесъ
У Существа существъ всѣхъ сущихъ,
Кто свѣтъ изъ вѣчной тьмы вознесъ
И твердь воздвигъ изъ безднъ борющихъ,
Дщерь мудрости, душа боговъ!

На гласъ моей звенящей лиры
Оставь гремящіе эѳиры
И стань среди моихъ стиховъ!
. . . . . .
Свѣтила красныя небесъ,
Теперь ко мнѣ не наклоняйтесь;
Дубравы, птицы, звѣри, лѣсъ,
Теперь на гласъ мой не сбирайтесь:
Для васъ высокъ сей пѣсни тонъ.
Народы! васъ къ себѣ сбираю,
Великость вамъ внушать желаю,
И вы, цари! оставьте тронъ.
. . . . . .
Высокій духъ чрезъ все высокъ,
Всегда онъ твердъ, что ни случится:
На западъ, югъ, полнощь, востокъ
Готовъ онъ въ правдѣ ополчиться.
Пускай самъ Богъ ему грозитъ,
Хотя въ пыли, хоть на престолѣ,
Въ благой своей онъ крѣпокъ волѣ
И въ ней по смерть, какъ холмъ, стоитъ.

Въ такихъ мысляхъ онъ прожилъ почти три мѣсяца. Внезапно всѣмъ офицерамъ гвардіи приказано было явиться въ Москву: Екатерина торжествовала миръ съ Турціей. Со своихъ высотъ Державинъ спустился на землю и опрометью кинулся въ Москву. Участь его должна была тамъ рѣшиться. Завѣтную нѣмецкую книгу онъ второпяхъ забылъ вернуть собственнику. Потомъ, по дорогѣ, оставилъ ее въ Казани. А черезъ девяносто лѣтъ почтенный ученый купилъ ее тамъ же на рынкѣ, совсѣмъ истрепанную. На заглавномъ листѣ, старинным почеркомъ, было выведено: Karl Wilmsen.

***

Кн. Щербатовъ, не тотъ, что временно послѣ смерти Бибикова былъ главнокомандующимъ, а другой, герольдмейстеръ Сената, извѣстный историческими своими трудами, до такой степени спѣшилъ познакомиться съ Державинымъ, что написалъ свіяжскому воеводѣ Чирикову письмо: «Когда будетъ проѣзжать мимо васъ нѣкто гвардіи офицеръ Державинъ, находящійся теперь въ вашемъ

краю, то скажите ему отъ меня, чтобъ увидѣлся со мною въ домѣ моемъ, когда пріѣдетъ въ Москву».

Такое странное приглашеніе удивило Державина, но и возбудило въ немъ сильную надежду пріобрѣсти покровительство этого высоко стоящаго человѣка. Державинъ рѣшилъ побывать у Щербатова непремѣнно.

Посѣщеніе, однако же, пришлось отложить. Начальство въ Преображенскомъ полку смѣнилось. Державинъ былъ встрѣченъ безъ всякаго вниманія. Велѣно было просто числить его при полку, словно онъ изъ отпуска. Это крайне его уязвило. Командовалъ полкомъ теперь графъ Григорій Александровичъ Потемкинъ, фаворитъ. Безъ покровителей добиться его вниманія казалось немыслимо. Державинъ въ тотъ же день бросился къ Голицыну и къ другимъ генераламъ, которые нѣкогда обѣщали представить его даже «прямо къ высочайшему престолу». Куда тамъ! Теперь усмирители Пугачева и побѣдители турокъ рвали чины и награды изъ рукъ другъ у друга. Хлопотать за Державина — того и гляди, что свое упустишь. Отъ него отвернулись. Тутъ бы и обратиться за помощію къ Щербатову.

Но на другой день нарядили Державина въ дворцовый караулъ. Преображенцы были одѣты въ новую щегольскую форму, по вкусу Потемкина. Выстроились передъ дворцомъ. Самъ фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ явился въ окнѣ, вмѣстѣ съ Потемкинымъ, который хотѣлъ передъ нимъ похвастаться. Рота должна была проходить повзводно. Державинъ скомандовалъ:

— Лѣвый стой, правый заходи!

Вмѣсто блестящаго захожденія вышло одно замѣшательство: солдаты не знали, что дѣлать, потому что безъ Державина введена была новая команда — «вправо заходи». Потемкинъ разсвирѣпѣлъ и приказалъ, когда полкъ выступитъ на Ходынку въ лагерь, нарядить Державина въ палочный караулъ. «Сіе наипаче поразило честолюбивую его душу». Давно ли ввѣрено было ему важное порученіе? Давно ли черезъ свои сообщенія двигалъ онъ корпусами? Давно ли хозяйничалъ въ казначействахъ, соперничалъ съ губернаторами, наводилъ ужасъ и каралъ смертію? А теперь, безъ всякаго уваженія, поставленъ въ палки, какъ неголяй.

Внезапно надъ головой Державина разразилась еще одна буря. Два года тому назадъ, живя въ деревянныхъ

покойчикахъ госпожи Удоловой и водя веселую дружбу съ поручикомъ Масловымъ, онъ по пріятельству поручился за вертопраха въ Дворянскомъ банкѣ. Въ два года Масловъ совсѣмъ замотался, бѣжалъ въ Сибирь и тамъ скрылся. Теперь съ Державина требовали весь банковскій долгъ. Сверхъ того, такъ какъ онъ, не имѣя собственной недвижимости, не имѣлъ права ручаться за Маслова, то его привлекли за подложное ручательство, а денежное взысканіе было обращено на имѣніе его матери. Для старухи это былъ жесточайшій ударъ: все, что она съ такимъ трудомъ собирала больше двадцати лѣтъ, теперь должно было пойти прахомъ. Добыть нужную сумму изъ деревенскихъ доходовъ не было никакой надежды. Правительственныя войска, шедшія на выручку Оренбурга, въ числѣ 40.000 подводъ, въ двѣ недѣли разорили державинскія земли до тла, солдаты съѣли весь хлѣбъ, забрали соломy и сѣно, уничтожили скотъ и птицу, пожгли дворы и обобрали крестьянъ до нитки, отнявъ одежду и все имущество. За все это съ казны причиталось Державинымъ тысячъ двадцать пять, но Голицынъ, въ рукахъ котораго находилось дѣло, насилу-то согласился выдать квитанцію на семь тысячъ. Словомъ, бѣда шла со всѣхъ сторонъ. Только награда за дѣйствія противъ Пугачева могла бы спасти Державина. Теперь надобно было ея добиваться не изъ тщеславія (хоть и тщеславіе было больно уколото) — но ради пропитанія. Вся надежда была на Щербатова. Державинъ къ нему поѣхалъ.

Историкъ принялъ его наипріятнѣйшимъ образомъ. Тотчасъ объяснилось и особливое желаніе князя съ нимъ познакомиться. Вмѣстѣ съ другими бумагами, относящимися къ пугачевщинѣ, получилъ Щербатовъ отъ государыни державинскія реляціи. Историки жадны до документовъ. Щербатовъ смекнулъ, что у Державина должно быть еще не мало любопытныхъ бумагъ и свѣдѣній; разсыпался въ любезностяхъ; предлагалъ даже нѣсколько покоевъ у себя въ домѣ; не скупился на похвалы.

— Но при всемъ томъ, — прибавилъ онъ, — вы несчастны. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ — страшный вашъ гонитель. При мнѣ у императрицы за столомъ описывалъ онъ васъ весьма черными красками, называя васъ дерзкимъ, коварнымъ и тому подобное.

Теперь Державинъ окончательно понялъ, откуда идутъ на него напасти. Онъ сказалъ князю:

— Когда ваше сіятельство столько ко мнѣ милостивы, что откровенно наименовали мнѣ моего недоброхота, толь сильнаго человѣка, то покажите мнѣ способы оправдать меня противъ онаго въ мысляхъ моей всемилостивѣйшей государыни.

— Нѣтъ, сударь, отвѣтилъ Щербатовъ, — я не въ силахъ подать вамъ какой-либо помощи; графъ Панинъ нынѣ при дворѣ въ великой силѣ, и я ему противоборствовать никакъ не могу.

— Что же мнѣ дѣлать? — въ отчаяніи воскликнулъ Державинъ.

— Что вамъ угодно. Я только вамъ искренній доброжелатель.

На этомъ они разстались. Послѣдняя опора рушилась. Пріѣхавъ на квартиру, Державинъ захлопнулъ ставни, сѣлъ, задумался, крутыя брови его сдвинулись къ переносицѣ, пухлыя щеки вздулись, углы широкаго рта растянулись еще болѣе и поползли къ низу, тяжелый носъ покраснѣлъ... Лейбъ-гвардіи поручикъ, усмиритель Пугачева, авторъ стоическихъ одъ сидѣлъ въ темнотѣ и плакалъ.

***

Екатерина купила у князя Кантемира подмосковную деревню Черныя Грязи (что впослѣдствіи стала селомъ Царицынымъ). Здѣсь, въ маленькомъ домикѣ о шести всего комнатахъ, уединялась она съ Потемкинымъ. Утромъ 11 іюля графъ сидѣлъ у себя въ уборной; его причесывали. За дверью дежурилъ камеръ-лакей. Но вотъ послышался гнѣвный говоръ, лакей отлетѣлъ въ сторону, гвардейскій офицеръ вошелъ въ комнату и подалъ письмо, въ которомъ его заслуги и бѣдствія были перечислены. «Вотъ обстоятельства подъ командою вашего сіятельства служащаго офицера. Для чего я обиженъ предъ ровными мнѣ? Дайте руку помощи и дайте прославленіе имени вашему. Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ». Такъ заканчивалось письмо.

Прочитавъ, Потемкинъ сказалъ, что доложитъ государынѣ. Прошло нѣсколько дней, и Державинъ узналъ, что приказано его наградить, а какъ — онъ узнаетъ въ

Преображеніе, 6 августа (это былъ день полкового праздника). 6 августа наступило. Офицеры были приглашены на Черныя Грязи къ обѣду, императрица присутствовала. Державинъ все ждалъ, когда будетъ объявлено объ его награжденіи, — да и не дождался. Потерпѣвъ еще сколько то, вновь явился къ Потемкину. Но, завидѣвъ его, вельможа вскочилъ съ досадой — и вышелъ вонъ.

Послѣднія деньги межъ тѣмъ подходили къ концу. Масловскій долгъ висѣлъ надъ душой. Державинъ со дня на день ждалъ, что его потянутъ въ судъ. Кромѣ голицынской квитанціи на полученіе семи тысячъ, у него не было ничего. Но чтобы получить эти деньги, надо было ѣхать въ Петербургъ. Державинъ туда отправился, надѣясь кстати похлопотать: нельзя ли добиться какихъ-нибудь облегченій по масловскому дѣлу?

Въ Петербургѣ выяснилось, что единственная для него надежда — попридержать ходъ дѣла, покуда прійдетъ обѣщанная награда. Державинъ сталъ обивать судейскіе пороги. Время шло, полученныя семь тысячъ таяли. За время пугачевщины онъ совсѣмъ обносился и растерялъ все добро свое. Пришлось обзаводиться платьемъ, бѣльемъ, экипажемъ. Въ отчаяніи, Державинъ еще разъ писалъ Потемкину — на сей разъ отвѣта не было вовсе.

Къ серединѣ октября, за уплатою нѣкоторыхъ долговъ, осталось всего пятьдесятъ рублей. Какъ ихъ употребить? Не видно было другого выхода, какъ только искать счастія старымъ способомъ. Семеновскаго полка капитанъ Жедринскій держалъ нѣчто вродѣ игорнаго дома. Державинъ туда поѣхалъ и въ первый же вечеръ выигралъ тысячъ восемь. Затѣмъ, развивая игру, онъ въ нѣсколько дней оказался обладателемъ цѣлыхъ сорока тысячъ. Фортуна ему доплатила то, что не додано было отечествомъ.

Половина выигрыша тотчасъ же пошла на покрытіе масловскаго долга. Этотъ камень, наконецъ, свалился съ души Державина. Однако, будущее не сулило ничего добраго. Державинъ очутился въ обстоятельствахъ худшихъ, нежели тѣ, отъ которыхъ нѣкогда кинулся онъ на усмиреніе Пугачева. Имѣнія были разорены, госпожи Удоловой съ ея уютными покойчиками ужъ не было, среди полкового начальства друзья смѣнились недругами.

Время шло. Потемкинъ успѣлъ впасть въ немилость, проблисталъ Завадовскій и вновь укрѣпился Потемкинъ.

Смѣнялись фавориты и фавориты фаворитовъ. Дворъ и полкъ давно уже вернулись въ столицу. Изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, перебиваясь единственно карточною игрой (она была уже не такъ счастлива, какъ въ началѣ), Державинъ жилъ въ полномъ невѣдѣніи дальнѣйшей судьбы своей. Полкъ ему опротивѣлъ. Теперь онъ хотѣлъ немногаго: чтобы его выпустили въ армію полковникомъ и наградили хотя бы такъ, какъ были награждены другіе офицеры изъ секретной комиссіи (заслуги его были, конечно, выше). Надежда то разгоралась, то меркла. Вѣсы справедливости плясали. То на одну ихъ чашу, то на другую Державинъ подкидывалъ письма, прошенія, къ самой даже императрицѣ, — все было тщетно. Его судьба зависѣла отъ Потемкина. Тому было въ сущности все равно, онъ былъ готовъ согласиться, но враги Державина его удерживали. Особенно старался нѣкій маіоръ Толстой, съ которымъ Державинъ поссорился тому назадъ года три.

Все это тянулось долго и завершилось, наконецъ, тѣмъ, что Державина, прослужившаго въ гвардіи пятнадцать лѣтъ, указомъ 15 февраля 1777 года выпустили не въ армію, а въ статскую службу, объявивъ его *неспособнымъ* къ военной. Онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и 300 душъ въ Бѣлоруссіи, въ Себежскомъ уѣздѣ, — ничто по сравненію съ наградами, которыя были розданы другимъ офицерамъ, служившимъ хуже Державина и сдѣлавшимъ меньше.

На этомъ закончилась для него пугачевщина. Какъ далека была теперь та пора, когда впервые являлся онъ къ Бибикову, мечтая устроить свою будущность!..Сражаясь на сторонѣ побѣдителей, Державинъ вышелъ изъ борьбы побѣжденнымъ.

Владиславъ Ходасевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Изъ прошлаго

Въ сравненіи съ тусклой эпохой конца XIX вѣка шестидесятые годы казались чѣмъ то волшебнымъ. Они ничего не потеряли въ нашихъ глазахъ и теперь; но послѣ девятисотыхъ стали гораздо понятнѣе.

Для поколѣній, которыя начали жить послѣ 905 года, трудно представить себѣ необъятность той перемѣны, которую принесъ этотъ годъ. Тѣ, кто позднѣе жаловался на несвободу печати, на стѣсненія партій, на безсиліе Думы, не имѣли понятія о положеніи, въ которомъ выросли мы, которые не смѣли мечтать о томъ, на что они жаловались. И однако эта перемѣна политической жизни показалась всѣмъ столь естественной, что никто уже не представлялъ себѣ возможности жить въ старыхъ условіяхъ. Реформы такъ назрѣли въ сознаніи, что общество сразу къ нимъ приспособилось; онѣ провели грань, за которую было нельзя возвратиться. Послѣ роспуска I-ой Государственной Думы началась реакція, которая связана съ именемъ Столыпина; но увѣренія, будто общество все потеряло, вернулось къ эпохѣ Плеве или Сипягина, что хуже быть не могло и отступать дальше некуда — сужденія, которыя мы слыхали не разъ, — показывали только несерьезность нашего общества. То, что составляло сущность новаго строя, переходъ страны на конституціонные рельсы, не было затронуто этой реакціей. Николай II данную имъ конституцію могъ ненавидѣть, взять ее назадъ онъ уже не могъ. Реакція могла быть и была, но въ рамкахъ новаго строя. И только въ январѣ 917 г. Николай II задумалъ наконецъ отмѣнить конституцію, что кончилось революціей.

Въ этомъ сходство съ шестидесятыми годами. Объ нихъ у насъ нѣтъ личныхъ воспоминаній, но мы легко можемъ понять разницу внесенную ими въ русскую жизнь. Мы представляемъ себѣ теперь, какъ засѣданія земскихъ

*) Редакція «С. З.» не раздѣляетъ освѣщенія историческихъ событій, даннаго В. А. Маклаковымъ.

Предполагая еще не разъ вернуться къ вопросамъ объ истокахъ русской революціи, Редакція въ ближайшей же книгѣ расчитываетъ дать на эту тему статью П. Н. Милюкова.

собраній, гдѣ вчерашніе крѣпостные сидѣли рядомъ со своими господами, какъ публичность и устность суда, какъ весь судебный процессъ съ участіемъ присяжныхъ и адвокатуры смущали, волновали и плѣняли непривыкшее къ этому общество. Это какъ въ наше время стали плѣнять засѣданія Государственной Думы и публичныя схватки депутатовъ съ министрами. И происшедшая перемѣна показалась тоже столь натуральной, что возвращеніе къ старому стало немыслимо. И когда позднѣе началась реакція Александра III-го, болѣе глубокая, чѣмъ при Столыпинѣ, она сдѣланныхъ реформъ не смогла уничтожить. Такъ шестидесятые годы тоже провели грань, за которую правительство не могло отступить.

Но главное сходство эпохъ было конечно въ содержаніи реформъ. Онѣ вытекали изъ одного и того-же начала. Шестидесятые годы вели къ девятисотымъ, какъ девятисотые только дополняли шестидесятые. И при этомъ въ обѣ эпохи правительство рѣзко мѣняло свой курсъ, указывало кораблю новое направленіе.

Девятисотые годы имѣли преимущество опредѣленности. Курсъ измѣненъ былъ не втихомолку, а у всѣхъ на глазахъ. Онъ былъ возвѣщенъ Манифестомъ. Историческая власть не притворялась, будто все осталось по старому. Манифестъ былъ отказомъ отъ январьской программы 95 г. То, что тогда было названо «безсмысленными мечтаніями», теперь осуществилось. Словомъ была возвѣщена такая перемѣна политики, которая бываетъ въ Европѣ, когда выборы даютъ новое большинство.

Подобнаго програмнаго акта въ шестидесятыхъ годахъ издано не было; историческая власть не приносила повинной. Но не объявляя программы, правительство практически перемѣнило курсъ всей политической жизни, направило ее къ той же цѣли, которую черезъ 44 года Манифестъ 17-го октября формулировалъ. Реформа 61 года не только освобождала крестьянъ, но этимъ признавала принципы свободы и равенства, которые въ болѣе глубокомъ ихъ пониманіи были провозглашены въ пунктѣ I-мъ и II-мъ манифеста 905 г. Реформа судебная 64 года была глубже, чѣмъ простое устраненіе неправосудія: законность и право были объявлены самостоятельными началами государственной жизни. Этимъ создавался зародышъ правового порядка въ странѣ; и это начало было развито въ 3-мъ пунктѣ Манифеста 905 г. Введеніе об-

ще-сословнаго самоуправленія логически вело къ тому, что стали позднѣе называть «увѣнчаніемъ зданія», къ конституціи, осуществленной наконецъ манифестомъ 905 г. Такъ 60-ые годы въ главныхъ реформахъ и манифестъ 905 г. въ своихъ обѣщаніяхъ совершенно совпали.

Если девятисотые годы по своей опредѣленности имѣютъ преимущество передъ шестидесятыми, то по своей глубинѣ реформы этихъ послѣднихъ годовъ наше время во много разъ превышаютъ. Манифестъ 905 года былъ мечтой меньшинства населенія. Большинство народа — крестьянство къ политической реформѣ отнеслось безучастно; она ихъ жизни не измѣнила. Реформы Александра II затронули всѣхъ, отозвались въ каждой хижинѣ; въ этомъ смыслѣ онѣ были болѣе народны, чѣмъ тѣ которыя увидѣло время девятисотыхъ годовъ.

Если въ содержаніи реформъ двухъ эпохъ было полное сходство, то громадная разница была въ обстановкѣ ихъ осуществленія. Реформы девятисотыхъ годовъ явились на десятомъ году царствованія Николая II въ результатѣ долгой борьбы его съ обществомъ. Николай II далъ эти реформы противъ желанія, какъ черезъ 12 лѣтъ далъ свое отреченіе. Въ шестидесятыхъ годахъ Императоръ шелъ наоборотъ впереди прогрессивной волны, взялъ починъ реформъ на себя и выдержалъ за нихъ борьбу съ большинствомъ тогдашняго «общества».

Это не значитъ, что реформы были дѣломъ его личныхъ симпатій. Въ бытность наслѣдникомъ Александръ II не скрывалъ реакціоннаго настроенія, и дворянская крѣпостная среда его считала своимъ. Его воцареніе ничего добраго для крестьянъ не предвѣщало. Къ тому же Александръ своего отца обожалъ и передъ политикой его преклонялся; отъ него было трудно ожидать крутой перемѣны. Реформы Александра II въ сущности были такъ-же вынуждены, какъ и реформы Николая II; ихъ исторгнули у него обстоятельства и дальновидные сотрудники трона. Но онъ умѣлъ во время уступить. Если по своимъ личнымъ симпатіямъ Александръ II принадлежалъ къ противоположному лагерю, его заслуга только тѣмъ больше. Говоря языкомъ нашего времени, это явилось примѣромъ «жертвеннаго» служенія государству. Въ воспоминаніяхъ Б. Н. Чичерина, авторъ, который преклонялся передъ реформами Александра II, съ огорченіемъ говоритъ, что личность Александра II не соотвѣтствовала его вели-

кому дѣлу. Наблюдая его, онъ былъ разочарованъ. «Откуда, спрашивалъ онъ, взялись эти великія дѣянія, которыя перевернули русскую землю и разомъ поставили ее на новый путь?» Несоотвѣтствія исторической личности дѣлу, которое она совершаетъ въ исторіи и памяти, которую по себѣ оставляетъ, довольно обычны, и отъ трагизма доходятъ иногда до комизма. Это капризы исторіи, которые просто надо принять, какъ принимаютъ случайности. Но слѣдуетъ быть справедливымъ. Если за ошибки царствованія мы обвиняемъ не только совѣтчиковъ, но и Монарха, который ихъ слушаетъ, мы не должны отнимать у него заслуги тогда, когда онъ внемлетъ разумнымъ совѣтамъ.

Въ личныхъ режимахъ перемѣна политики естественно совпадаетъ съ перемѣною царствованія; въ это время всегда надѣются на перемѣну. Это случилось и съ Александромъ и съ Николаемъ II. Александръ II еще ничѣмъ себя не обнаружилъ, а всѣ чего-то отъ него ожидали. Это можно видѣть на Герценѣ. Къ Николаю I онъ былъ безпощаденъ; смерть его вызвала въ немъ не только взрывъ необузданной радости, но и сомнительный способъ ея выраженія. Но тотъ же Герценъ былъ полонъ надеждъ на Александра II и при его воцареніи написалъ ему одно изъ тѣхъ писемъ, которыя умѣлъ писать только онъ. Онъ указалъ, что Александръ II входилъ на престолъ подъ счастливымъ созвѣздіемъ; на немъ нѣтъ ни кровавыхъ пятенъ, ни угрызеній совѣсти (намекъ на декабристовъ и Павла). Въ этомъ была вѣрная мысль; Александръ II не былъ еще связанъ съ опредѣленной политикой. Восшествіе его на престолъ было моментомъ, когда можно было рѣшаться и онъ его не упустилъ.

Не такъ поступилъ Николай II. Смерть Александра III тоже возбудила надежды, что реакція окончилась. Николай II, какъ и Александръ II, вступилъ на тронъ кровью не обагренный. Въ этомъ было преимущество ихъ обоихъ передъ ихъ отцами, Николаемъ I и Александромъ III, которые шли на престолъ черезъ трупы. У Николая II были психологическія предпосылки для измѣненія курса. Въ совѣтахъ, направленныхъ въ эту сторону, не было недостатка. Николай II ихъ не послушалъ. Онъ объявилъ ихъ безсмыслицей и политику своего отца продолжалъ. И когда черезъ 10 лѣтъ онъ вступилъ, наконецъ, на либеральный путь, какъ побѣжденный въ борьбѣ, и связалъ

свое имя съ реформой, которую можно было бы поставить на-ряду съ реформами Александра II, это личнаго его престижа и популярности не увеличило. Искренности его никто не повѣрилъ; примиренія общества съ исторической властью не состоялось; и моментъ, когда все было такъ просто, къ нему не вернулся.

Но въ шестидесятыхъ годахъ надежды страны обмануты не были. Въ самомъ Манифестѣ о мирѣ зазвучали новые ноты; а рескриптъ 57 г. Назимову поставилъ точки на і. Было произнесено завѣтное слово. Вѣдь это какъ если бы Николай II въ январѣ 95 г. вмѣсто «безсмысленныхъ мечтаній» заявилъ о рѣшеніи дать конституцію. И откликъ общества не замедлилъ. Взрывъ восторга закрѣпилъ слова Государя. «Мы имѣемъ дѣло», писалъ Герценъ въ статьѣ «Ты побѣдилъ Галилеянинъ», уже не съ случайнымъ преемникомъ Николая, — а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи; онъ столько же наслѣдникъ 14 декабря, какъ Николая. Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи... Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ».

Не молчало и легальное общество. 28 декабря 57 года самые видные его представители собрались въ Москвѣ на политическій банкетъ, вещь дотолѣ неслыханную. На немъ говорили: «новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало. Мы дожили, мы присутствуемъ при второмъ преобразованіи Россіи» (рѣчь Павлова).

Вотъ какъ началась эпоха реформъ. Можно было думать, что война общества съ властью окончилась. Чтобы Герценъ назвалъ Александра II наслѣдникомъ декабристовъ, принесъ повинную — ты побѣдилъ Галилеянинъ, — нуженъ былъ душевный переворотъ. Его сдѣлалъ починъ Александра II. Для реформъ это было неоцѣненное благо. Царствованіе Николая II могло пойти иначе, если бы въ 95 году онъ вдохновился примѣромъ своего Великаго Дѣда; и, наоборотъ, взрывъ 1917 года совершился бы раньше, если бы Александръ II попытался продолжать политику Николая. Конечно, никому не дано обойти этапы естественнаго развитія государства, какъ никому не дано помѣшать организму расти, зрѣть и стариться. Но какъ можно избавить организмъ отъ болѣзней или увѣчій, можно избавить и государство отъ катастрофъ и революцій.

Именно въ этомъ заключалась заслуга Александра II. «Второе преобразованіе Россіи» онъ сумѣлъ провести и притомъ безъ Революціи. Но если сейчасъ мы въ этомъ видимъ заслугу, то тогда это цѣнили иначе.

Взрывъ восторга, который вызвалъ рескриптъ Государя Назимову, продолжался не дольше, чѣмъ знаменитый baiser Lamourette, или въ наши дни рукопожатіе Бубликова. Все вернулось на прежнія рельсы. Реформы Александра II, которыя осуществляли программу русскаго либерализма, совершались въ парадоксальной обстановкѣ: при увеличивающемся охлажденіи власти и либеральной общественности, при преслѣдованіи прессы и общественныхъ дѣятелей и ростѣ въ странѣ революціоннаго озлобленія. Общественность того времени, а позднѣе и нашего вину за это возлагала на одного Александра II: онъ оттолкнулъ силу, которая шла навстрѣчу ему и не дооцѣнилъ помощи, которую она могла ему дать; онъ не сумѣлъ оторваться отъ привычекъ самодержавія и поручилъ дѣло либеральныхъ реформъ тѣмъ, кто ихъ въ душѣ ненавидѣлъ. Это испортило эпоху реформъ, толкнуло страну къ революціонной борьбѣ съ исторической властью. Словомъ, Александръ II сдѣлалъ ту-же ошибку, какая была сдѣлана въ 906 г., когда Столыпинъ во время Первой Думы сорвалъ кадетское министерство.

Послѣ нашего опыта такъ односторонне глядѣть мы не можемъ. Негодованіе тогдашней общественности можно понять. Мы сами видѣли, какъ незаслужено могло быть поступлено съ тѣми, кто хотѣлъ помогать исторической власти. Но теперь мы должны цѣнить то, о чемъ въ шестидесятые годы не думали, что реформа такой глубины, притомъ опоздавшая на много десятилѣтій, была проведена безъ революціоннаго потрясенія. Александръ II не только сумѣлъ взять на себя починъ реформы, но и до конца ее въ своихъ рукахъ удержать. Раньше видѣть въ этомъ заслугу мы были несклонны. Героическая сторона Революцій насъ прельщала больше, чѣмъ проза реформы и 14-го іюля было ближе нашему сердцу, чѣмъ 19 февраля. Блага порядка и права цѣнятъ, когда ихъ болѣе нѣтъ, какъ цѣнятъ миръ во время войны, а по сравненію Мицкевича — здоровье во время болѣзни. Конечно, если бы Александръ II выронилъ власть и Революція разразилась бы, она въ его время не привела бы къ такой катастрофѣ, какъ въ наше. Аппаратъ старой власти

не былъ тогда такъ разложенъ. Революцію бы не встрѣтили такимъ общимъ восторгомъ; съ ней бы стали бороться и ее побѣдили бы; но ея усмиреніе стоило бы все-таки столько крови и горя, что въ сравненіи съ ними законныя обиды либеральной общественности покажутся мелочью.

Наше отношеніе къ политикѣ Александра II зависитъ поэтому отъ вопроса; была ли дѣйствительно опасность, что его реформы приведутъ къ Революціи? Теперь легко говорить: Революціи не произошло, значитъ ея быть не могло. Это такъ-же легко, какъ сказать про 17-ый годъ, что избѣжать Революціи было нельзя. Конечно, искусственно Революціи сдѣлать нельзя. Пропаганда, деньги, жертвы собой — все останется втунѣ, если для Революціи не имѣется почвы. И почву готовитъ не пропаганда революціонеровъ, которая можетъ падать на народныя массы такъ-же безплодно, какъ зерно на мостовую; почву въ теченіе поколѣній готовитъ вся жизнь и больше всего дѣйствія власти. Если Революція разразилась и ею были захвачены глубокія массы, то это показываетъ, что почва готова была. Но одной почвы мало, какъ для пожара мало одного горючаго матеріала. Для того, чтобы задвигались массы и своей стихійной силой могли сбросить прежній порядокъ, необходимо опредѣленное поведеніе власти. Правительство, у котораго въ рукахъ вся сила, всегда виновато. Революція его преступленіе и его Немезида. Оно виновато тѣмъ, въ чемъ лежитъ его прямая обязанность: сначала непониманіемъ своего долга, а потомъ неиспользованіемъ своей силы. Оно не уступаетъ тогда, когда нужно, и уступаетъ тамъ, гдѣ нельзя; борется съ тѣмъ, что само должно было дѣлать, а складываетъ оружіе тогда, когда должно бороться. Когда почва готова для взрыва, такія ошибки ведутъ къ катастрофѣ Въ 1917 году почва для Революціи конечно была подготовлена и не со вчерашняго дня; вѣдь всѣ нужные для Революціи элементы были уже на-лицо въ 905 году. Но тогда она не разразилась; а тѣ, которые по своей терминологіи предпочитаютъ событія 905 г называть «Революціей», должны будутъ по крайней мѣрѣ признать, что она была остановлена въ самомъ началѣ опредѣленными дѣйствіями власти. За эти дѣйствія власть тогда и поносили. То-же могло произойти и во время войны. Мы можемъ разно мыслить о томъ, какія дѣйствія могли пре-

дотвратить Революцію; соглашеніе ли Государя съ Думой на программѣ Прогрессивнаго Блока, дворцовый ли переворотъ въ пользу Думы, воцареніе Михаила или, напротивъ, какъ думали справа - - государственный переворотъ, который отмѣнилъ бы конституцію и возстановилъ Самодержавіе. Подобныхъ предположеній провѣрить нельзя и потому ихъ можно только высказывать. Но едва ли кто будетъ поддерживать мнѣніе, что никакими дѣйствіями и ни съ какого момента сохранить порядокъ въ Россіи было нельзя. Кто смотритъ такъ на исторію, тому нечего дѣлать въ политикѣ. Политикамъ всегда приходится имѣть дѣло съ матеріаломъ, который приготовленъ не ими. Въ немъ они неповинны; но зато обязаны понимать, что можно съ нимъ сдѣлать. Всѣ революціи въ концѣ концовъ происходятъ лишь отъ того, что люди у власти необходимость нѣкоторыхъ перемѣнъ во время не понимаютъ. Чѣмъ позднѣе берутся за нихъ, тѣмъ провести ихъ труднѣе; тѣмъ болѣе власть должна быть осторожна, чтобы не дать вспыхнуть пожару. Власть, которой приходится проводить реформу уже опоздалую, подобна оператору, который дѣлаетъ операцію въ моментъ обостренія застарѣлой болѣзни. Операція становится отъ этого трудной. Но если больной умретъ въ рукахъ оператора, это не значитъ, что въ болѣе умѣлыхъ рукахъ операція не могла кончиться иначе. И если самъ операторъ такъ объясняетъ свою неудачу, то ему меньше всѣхъ можно на слово вѣрить. Точно такъ же, когда реформа кончается общимъ крушеніемъ, это само по себѣ не доказываетъ, что болѣе умѣлые люди у власти не могли бы этого избѣжать, хотя бы сами реформаторы своихъ ошибокъ не признавали и одно допущеніе ихъ возможности клеймили «отступничествомъ» и «отреченіемъ отъ идеала».

Взглянемъ съ этой точки зрѣнія на шестидесятые годы. Была ли въ это время подготовлена почва для Революціи? Во всѣхъ странахъ, а въ Россіи особенно Революція безъ участія крестьянства немыслима. Крестьяне вездѣ представляютъ консервативную силу, которая является основой порядка. Только когда недовольно крестьянство, сила правительства противъ народныхъ движеній становится шаткой. Вѣдь будь въ 917 году крестьяне довольны, не отзовись они на революціонные лозунги, — Революція не получила бы того развитія, кото

рое она получила. И большевистская власть серьезно зашаталась только съ тѣхъ поръ, какъ своей политикой возмутила крестьянство; съ нимъ однимъ она не справилась и не справится. Но что было въ шестидесятые годы? Несомнѣнно, что положеніе и настроеніе крестьянъ было тогда безконечно острѣе. Какими бы красками мы ни рисовали современный крестьянскій вопросъ, положеніе крестьянъ въ наше время не могло идти въ сравненіе съ крѣпостнымъ состояніемъ. Болѣе: если наши крестьяне болѣзненно переносили недочеты своего крестьянскаго быта, то потому, что они имъ напоминали старое господское время, не давали забыть крѣпостничества. Въ какомъ же настроеніи жила деревня тогда, когда крѣпостное право было фактомъ, на которомъ стояла вся жизнь? Намъ нечего и догадываться. Суровая эпоха Николая I была тѣмъ не менѣе эпохой крестьянскихъ волненій; число ихъ исчислялось многими сотнями. Только позднѣе стало понятно, какой трагическій смыслъ имѣлъ намекъ Александра II въ его рѣчи къ дворянамъ Москвы, что крѣпостное право продолжаться не можетъ и лучше отмѣнить его сверху, чѣмъ ждать «пока оно отмѣнится снизу». Пусть государственная власть была сильнѣе отдѣльныхъ крестьянскихъ бунтовъ; однородность крестьянскаго настроенія дѣлала возможнымъ превращеніе ихъ въ общій пожаръ, подобный тому, который меньше чѣмъ за 75 лѣтъ передъ этимъ зажегъ Пугачевъ. Конечно и этотъ бунтъ, по вѣщему слову поэта, былъ бы такимъ же «безсмысленнымъ и безпощаднымъ», не имѣлъ бы ни программы, ни будущности; онъ былъ бы отъ этого не менѣе страшенъ. Что Александръ II рѣшилъ дать волю крестьянамъ, не дожидаясь его — большая передъ Россіей заслуга Но онъ долженъ былъ помнить, какъ запоздала реформа, на какой взрывчатой почвѣ онъ принужденъ былъ работать и какъ надо было быть осторожнымъ.

Уже въ этомъ пунктѣ власть расходилась съ нашей общественностью. Опасенія и тревоги правительства могутъ быть или дальше, чѣмъ нужно: такъ эта боязнь заставила отложить на двѣ недѣли объявленіе Манифеста; надъ этой мѣрой можно смѣяться, какъ надъ ненужной мнительностью. Но общественность того времени, полная той же вѣры въ народъ, которой она была переполнена въ 917 г., грѣшила противоположной болѣе опасною крайно-

стью. Она самой возможности революціоннаго взрыва не видѣла или его не боялась. При лучшихъ намѣреніяхъ она могла скомпрометировать успѣхъ того дѣла, которому хотѣла служить. Возьмемъ того же Герцена, въ тотъ моментъ его жизни, когда его довѣріе къ власти, желаніе безкорыстно ей помогать, достигло своего апогея. О чемъ онъ мечталъ въ своей статьѣ «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ»? Объ единствѣ власти и мысли, Государя и общества. «Что могутъ они (крѣпостники) противопоставить, когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе? (Колоколъ № 9, г. 58).

Можно ли представить себѣ болѣе разумное настроеніе? Но Герценъ тутъ же даетъ образчикъ той помощи, которую гласность и общество могутъ оказать исторической власти. Только дайте имъ схватиться съ крѣпостниками; «Посмотрѣли бы мы, право, au grand jour на этихъ защитниковъ розогъ и крещеной собственности, забрызганныхъ кровью жертвъ, на этихъ грабителей по дворянской грамотѣ, на этихъ людокрадовъ, отнимающихъ у матерей дѣтей, торгашей, продающихъ дѣвокъ, барышниковъ рекрутами. Выходите же на арену — дайте на васъ посмотрѣть, родные волки великороссійскіе, можетъ Вы поумнѣли со временъ Пугачева, какая у Васъ шерсть, есть ли у Васъ зубы, уши... Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться. Помѣряемтесь».

Легко представить, что Герценъ могъ написать на эти темы, какіе удары онъ нанесъ бы крѣпостникамъ! Въ странѣ управляемой общественнымъ мнѣніемъ, гдѣ нужно его убѣждать, общественное мнѣніе такъ и составляется. Европеецъ Герценъ видѣлъ свое дѣло въ томъ, въ чемъ въ Европѣ было призваніе всякаго публициста. Въ Россіи того времени предпосылки для удачи реформъ были другія. И мы можемъ понять Александра II, когда отъ подобной помощи общества онъ уклонился и ее запретилъ. Ни Герценъ, ни тѣ низшіе по таланту писатели, которые стали бы разрабатывать тѣ-же самыя темы, не могли представить себѣ, не измѣняя традиціи русской общественности, что подобная идейная борьба въ условіяхъ русской жизни была не нужна и безконечно

опасна. Если бы крестьяне были довольны своимъ положеніемъ или если бы забитость ихъ была такъ велика, что никакая неосторожность не могла бы ихъ сдвинуть, публичная борьба идей была бы только полезна. Но реформа сверху во время сдѣлана не была; ее дѣлали теперь потому, что она сама шла уже снизу; въ странѣ то и дѣло вспыхивали пожары, которые едва успѣвали тушить. Элементарная осторожность подсказывала, что надо поставить крестьянъ передъ совершившимся фактомъ, не томить ихъ неопредѣленностью, возбуждая въ нихъ надежды или отчаяніе. Какая сила могла заставить крестьянъ по-прежнему подчиняться помѣщикамъ, если бы они узнали, что освобожденіе предрѣшено, что его задерживаютъ простыя формальности, да упорство помѣщиковъ, которыхъ за это публично распинала бы литература? Наша общественность вообще мало считалась съ свойствами народной психологіи. При обсужденіи закона 9-го ноября въ Государственной Думѣ отъ имени кадетской партіи было внесено предложеніе о простомъ распространеніи на крестьянъ общихъ законовъ о раздѣлѣ общей собственности, вмѣсто спеціальныхъ правилъ 9 ноября. А. И. Лыкошинъ, который представлялъ правительство, указывалъ, во что въ условіяхъ крестьянской дѣйствительности превратятся тѣ два года легальнаго оставленія подобныхъ просьбъ «безъ движенія», когда по закону заинтересованныя лица должны сойтись миролюбиво. Какой адъ былъ бы внесенъ въ деревню этимъ благожелательнымъ, принципіально безупречнымъ предложеніемъ, благодаря только тому, что о психологической неподготовленности народа думали мало? Послѣ нашего опыта мы можемъ представить то, что получилось бы въ шестидесятыхъ годахъ при такомъ способѣ дѣйствій. Мы сами испытали къ какимъ послѣдствіямъ могутъ приводить публичныя обѣщанія власти. Когда 17 октября 905 г. Манифестъ былъ объявленъ, онъ только возложилъ на правительство долгъ выработать новые законы и воплотить въ нихъ иныя начала политической жизни. По Манифесту надо было ожидать новыхъ законовъ, а пока жить по-старымъ. Въ способѣ ихъ примѣненія могла уже быть разница, но старые законы пока должны были регулировать жизнь. Такъ говорила логика. Но никто не хотѣлъ такъ понимать Манифеста. Люди юридически образованные, по взглядамъ часто умѣренные,

считали, что послѣ Манифеста старыхъ законовъ болѣе нѣтъ, не можетъ быть ограниченій свободы слова, собраній, личности; они отказывались предупреждать полицію о публичныхъ собраніяхъ и представлять въ цензуру узаконенное число экземпляровъ, въ увѣренности, что старыхъ законовъ не существуетъ, а есть только «свобода». Юридически такая увѣренность была безсмысленна, но психологически совершенно понятна. Помню разговоръ со Столыпинымъ, который всю вину за событія 905 г. возлагалъ на С. Ю. Витте за то, что тотъ, объявляя принципы, не издалъ одновременно съ этимъ законовъ. И Витте понималъ эту опасность; у него только матеріально не было времени, да къ тому же онъ преувеличивалъ благоразуміе образованнаго русскаго общества. Онъ въ этомъ ошибся. Но чѣмъ можно было бы оправдать подобный легкомысленный образъ дѣйствій въ шестидесятыхъ годахъ? Развѣ изъ-за того, что власть взяла на себя иниціативу реформы, она имѣла право забыть, что положеніе все же опасно, что крестьянство доведено до бѣлаго каленія? Допустить роскошь публичнаго обсужденія своихъ предположеній, обезпечить свободу всѣмъ мнѣніямъ, значило бы не понимать той отвѣтственности, которая лежала на власти. Это значило бы предполагать, что народъ воспитанный въ рабствѣ и темнотѣ столь же политически зрѣлъ, какъ искушенныя опытомъ демократіи, гдѣ ни газетныя схватки съ властями, ни поношенія ихъ, ни соблазнительные лозунги вродѣ свободы и равенства, впечатлѣнія не производятъ, такъ какъ къ громкимъ словамъ всѣ привыкли и цѣну имъ знаютъ.

Эти соображенія не ограничиваются крестьянской реформой; вопросъ стоялъ шире. Въ государственномъ организмѣ все связано. Напряженное состояніе крестьянства не исчезло и послѣ 19 февраля; напротивъ. «Положеніе» поставило передъ крестьянами рядъ новыхъ вопросовъ, на которые не отвѣчала привычка и которые давали крестьянамъ поводъ высказывать свои пожеланія. Какъ отмѣчаетъ В. А. Мякотинъ въ интересной статьѣ, напечатанной въ № 4 «Послѣднихъ Новостей» (за текущій годъ), въ которой онъ реферируетъ работу Дубровскаго, въ одной Черниговской губерніи въ годы освобожденія, уже послѣ него участвовали въ бунтахъ 12 тысячъ человѣкъ. Бунты прекратились только позднѣе, а въ первое время усилились. Это было въ порядкѣ вещей. Но потому

въ этотъ періодъ была необходима Россіи не только разумная, но и сильная власть, которая не боялась бы либеральныхъ реформъ, но не переставала бы быть властью, которая управляла бы страной, а не носилась по волѣ народной стихіи. Въ переломные моменты исторіи естественны, но и опасны проявленія неподчиненія властямъ и закону; въ нихъ начинаютъ видѣть тогда не простой безпорядокъ,а выраженіе суверенной воли народа. А при такомъ взглядѣ на нихъ эти явленія становятся прологомъ къ Революціи. Это сознавалось отдѣльными умами за весь долгій періодъ, который начался въ 60-ые годы и кончился катастрофой 917 г. Въ 57 году Б. Н. Чичеринъ въ частномъ письмѣ писалъ своему брату Василію: «въ настоящее время въ Россіи потребны двѣ вещи: либеральныя мѣры и сильная власть». Эта формула, какъ видно изъ отвѣта Василія, нашла на верху большой откликъ. Въ 905 г., какъ вспоминаетъ Д. Н. Шиповъ, Витте говорилъ ему то-же самое: «онъ не боится людей лѣваго направленія, но считаетъ необходимымъ, чтобы общественные дѣятели, которые войдутъ въ составъ кабинета, опредѣленно сознавали необходимость поддержать авторитетъ государственной власти и порядокъ въ странѣ въ переходное трудное время». Если видѣть спасеніе Россіи въ глубокихъ реформахъ съ ея «завоеваніями», эта формула «либеральныя мѣры и сильная власть» была программой, отъ которой отступать было нельзя.

Была ли готова Россія къ воспріятію подобной программы? Все наше прошлое, роковое царствованіе Николая I ее учило другому. И опытъ нашего времени позволяетъ теперь яснѣе понять трагедію шестидесятыхъ годовъ.

Во-первыхъ, годилась ли власть къ проведенію либеральныхъ реформъ? Она ихъ провела и реформы оказались лучше, чѣмъ это думало неопытное русское общество. Но сколько было при этомъ ненужныхъ ошибокъ и треній! Власть въ теченіе поколѣній привыкла смотрѣть на либеральные принципы, какъ на преступные, съ государственнымъ порядкомъ несовмѣстимые. Ни за отдѣльнымъ человѣкомъ, ни за обществомъ власть не признавала права на самостоятельность; свою силу власть смѣшивала съ возможностью самой во все вмѣшиваться, быть выше закона. Либеральная политика по отношенію къ обществу не была ей понятна. И когда приходилось ее

примѣнять, воспитанная въ прежнихъ традиціяхъ власть либо ей старалась противодѣйствовать, либо забывала свой долгъ и уступала легкомысленнымъ общественнымъ требованіямъ тамъ, гдѣ уступать было нельзя. Такъ наряду съ властными чиновниками старой формаціи появился типъ либеральныхъ администраторовъ, ищущихъ популярности, которые сдавали позиціи передъ малѣйшимъ напоромъ и компрометировали либерализмъ. Власти приходилось себя переучивать и ученіе не всегда шло успѣшно. Примѣровъ ошибокъ и даже нелѣпостей было сколько угодно и общество злорадно ихъ отмѣчало, приходя къ заключенію, что съ подобной властью ничего сдѣлать нельзя.

Но надо посмотрѣть и обратную сторону. Было ли самое общество подготовлено къ выполненію этой задачи, понимало ли оно, чего отъ него требуетъ формула — «либеральныя реформы и сильная власть»? Этого пониманія a priori было нельзя ожидать. Русское общество или та часть его, которой присвоенъ своеобразный терминъ «общественность», т. е. та часть, которая хотѣла активно участвовать въ строеніи государственной и общественной жизни, пережило при прежнемъ режимѣ вредную школу. Бисмаркъ сказалъ, что ничто такъ не развращаетъ политиковъ, какъ долгое пребываніе въ оппозиціи. А для нашей либеральной общественности состояніе оппозиціи было хроническимъ; для нея не было надежды стать когда либо властью. Никакой опытъ не позволялъ ей провѣрить на практикѣ ея утвержденія; вся ея сила была въ теоретическомъ идеалѣ и въ вѣрности этому идеалу, безъ раздумья о томъ, въ какой мѣрѣ страна была къ нему подготовлена. Эта черта нашей общественности съ яркостью обнаружилась въ нашу эпоху; ей объясняется негодованіе, съ которымъ общество встрѣтило основные законы 906 г., легкость, съ которой всѣ сошлись на требованіи полновластнаго Учредительнаго Собранія для переустройства Россіи и вѣра въ своевременность и спасительность четырехвостки. Въ 3-ей Государственной Думѣ Милюковъ сказалъ въ одной рѣчи, что русское государство заперто тремя замками, которые нужно сначала снять: нужно начать съ введенія четырехвостки, однопалатности и парламентаризма. Какъ демократическій идеалъ такая концепція совершенно законна; но съ идеала нельзя начинать. Страну надо къ нему воспитывать и

готовить. Либеральная общественность этого признавать не хотѣла. Едва ли всѣ это поняли и теперь въ эмиграціи. Можемъ ли мы удивляться, что въ шестидесятыхъ годахъ нашейобщественности это было еще менѣе понятно и что всѣ тѣ реформы, о которыхъ она въ то время мечтала, шли гораздо дальше того, что освобожденная впервые страна могла бы воспріять и усвоить? Потому было нельзя ожидать, что бы либеральная общественность съ ея взглядами могла въ то время стать опорой для власти.

И это особенно потому. что у нашей общественности была другая основная черта, какъ послѣдствіе того же хронологическаго состоянія оппозиціи. Власть и общество представляли два воюющихъ лагеря. Поистинѣ страшно смотрѣть какъ за послѣдній вѣкъ мы въ сущности мало мѣнялись. Классическое противоположеніе — мы и они — на которомъ стояла русская жизнь нашего времени, въ тѣхъ же почти выраженіяхъ было изложено въ 57 году Чичеринымъ въ его письмѣ къ брату.

«Все наше несчастье въ настоящее время состоитъ въ томъ, что правительство и общество составляютъ какъ бы два лагеря, которые не имѣютъ между собой рѣшительно ничего общаго. Правительство живетъ въ заколдованномъ кругу тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, а общество всякаго тайнаго и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника считаетъ почти что личнымъ своимъ врагомъ».

У враговъ во время войны свои отношенія; потому для нашего общества всякое соглашеніе съ властью, простое перемиріе съ ней казалось измѣной. Перемиріе допускалось только какъ скрытая капитуляція, подобная перемирію, которое Фошъ предложилъ нѣмецкимъ войскамъ. Въ русскомъ сознаніи понятіе компромисса, т. е. то, что по Бисмарку является сущностью политической жизни, имѣло одіозный характеръ. Сотрудничество съ властью казалось переходомъ къ врагу. Отъ этихъ привычекъ общество не отдѣлалось даже послѣ 917 г., когда само стало властью; оно даже нашу февральскую власть не переставало упрекать въ томъ, что власть не считается съ общественнымъ мнѣніемъ. Поддерживать же людей противоположнаго лагеря, сотрудничать съ ними, всегда казалось измѣной. Наша общественность показала это въ 906 г., когда на просьбу новой власти ее

поддержать, отвѣтила своимъ ультиматумомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ эти настроенія были не только острѣе, но и много понятнѣе; потому самая формула, «сильной власти» была въ рѣзкомъ противорѣчіи съ привычными взглядами нашей общественности.

Вѣковая отчужденность власти отъ общества воспитала въ обоихъ два крайнихъ взгляда на то, что такое сильная власть. Власть видѣла силу въ превращеніи общества въ послушныхъ подданныхъ, въ возможности быть самой выше закона и права. Сочувствіе общества казалось ненужнымъ; власть черпала свою силу въ себѣ, въ своемъ аппаратѣ, въ идеологическомъ представленіи о власти «Божьей Милостью». А общество борясь съ ней, кончило тѣмъ, что стало считать власть инородным тѣломъ въ странѣ, оскорбляться на всякое проявленіе силы, видя въ немъ покушеніе на «народную волю», мистическій терминъ, сущность котораго не сумѣло раскрыть ни одно колдовство. Россія была во всѣхъ отношеніяхъ отсталой страной. Ея отсталость заключалась не только въ политическомъ строѣ, въ экономической неразвитости, но въ примитивности воззрѣній передовыхъ нашихъ партій, которыя продолжали отражать въ себѣ давно изжитыя представленія. Общественность не хотѣла признать, что власть, одно обладаніе ею есть великая сила, которая можетъ стать источникомъ зла, но можетъ сдѣлать и то неоцѣненное благо, съ которымъ не идутъ въ сравненіе самоотверженныя потуги общественности. Общество привыкло видѣть въ власти одно только зло и его идеологія стремилась къ ослабленію этого зла, къ парализованію власти, къ подчиненію ея тому, въ чемъ видѣли «волю народа». Наше общество думало, что стоитъ власти отказаться отъ примѣненія силы, какъ власть станетъ сильной однимъ сочувствіемъ общества. Истинная проблема власти знакома ему не была. Ведя идейную борьбу съ правительствомъ во имя народа, обществу мало приходилось сталкиваться съ несовершенствомъ народа, да и самого общества. Борьба съ ними лежала почти цѣликомъ на плечахъ одной власти. Дѣломъ общественности было показывать, какъ власть далека отъ идеала и какъ нашъ государственный строй, пріемы правительства не похожи на европейскую демократію. Полемика, діалектика были главными орудіями этого дѣла; спеціалисты полемики письменной или устной, писатели и

ораторы, журналисты и адвокаты, сходили за людей государственныхъ и однимъ краснорѣчіемъ можно было дѣлать карьеру. Того, что составляетъ сущность государственнаго человѣка, т. е. умѣнья правильно оцѣнить с в о и силы, понять, ч т о въ данной обстановкѣ возможно и умѣть этого достигнуть не на одинъ только моментъ, э т о г о свойства общественность выявить не могла, если бы объ этомъ и думала. Но ей объ этомъ думать не приходилось; стать правительствомъ она все равно не могла, а указаніями на неподготовленность общества пользовалась и злоупотребляла п р е ж н я я власть. Общественность не хотѣла выступать на путь, который привыкла оспаривать, и она укрѣпила въ себѣ вѣру въ тѣ исключительныя достоинства нашего народа и общества, которыя будто бы только бездарная власть не умѣла использовать.

Эти черты съ исключительной яркостью сказались въ тѣ времена, которыя пережили м ы; но по нимъ мы можемъ теперь судить и о томъ, что происходило въ ш е с т и д е с я т ы е годы. Вѣдь у насъ создалось убѣжденіе, что введеніе народнаго представительства немедленно настолько власть укрѣпитъ, что революціонная борьба съ э т о й властью станетъ немыслима. Земскія привѣтствія Святополкъ-Мирскому послѣ его словъ о довѣріи, адреса Государю, ноябрьскій съѣздъ 904 г., депутація іюля 905 г. и знаменитая рѣчь С. Н. Трубецкого, были искренни. На Московскомъ дворянскомъ собраніи 904 г., гдѣ меньшинство съ предводителемъ во главѣ хотѣло провести адресъ либеральнаго направленія, томъ единственномъ дворянскомъ собраніи, на которомъ меня пригласили участвовать, многіе убѣжденно доказывали, что созывъ народнаго представительства дастъ Государю такую опору, противъ которой голосъ крамолы не посмѣетъ подняться. Пусть тогда это было «весенней» иллюзіей. Но когда и позднѣе мы уже видѣли событія октября 905 г., успѣшную проповѣдь вооруженнаго возстанія послѣ объявленія конституціи, слышали заявленія, что революціонныя партіи не подчинятся даже четырехвосткѣ, наблюдали пропаганду въ деревнѣ, московское возстаніе и баррикады, мы все-таки продолжали утверждать, что причина этого и с к л ю ч и т е л ь н о провокаціонныя дѣйствія власти, что полная амнистія, четырехвостка, полновластное Учредительное Собраніе сразу у с п о к о я т ъ

хаосъ. Въ доказательство этого мы все еще ссылались на то, что наши революціонеры протестовали противъ убійства Американскаго Президента Гарфильда, а въ 81 году обѣщали прекратить терроръ, если Александръ III дастъ конституцію. Даже такой человѣкъ, какъ Д. Н. Шиповъ, тогда совѣтовалъ четырехвостку, такъ какъ одна она можетъ общество успокоить и сдѣлать власть сильной. Эти примитивные взгляды, которымъ общественность осталась вѣрна и въ 917 г., отъ которыхъ многіе не отказались и въ эмиграціи, въ которыхъ и сейчасъ не позволено усомниться, подъ страхомъ упрека въ «отступничествѣ», были если не національнымъ характеромъ, то возрастнымъ свойствомъ нашей общественности.

То-же самое въ еще болѣе обостренной формѣ происходило въ шестидесятыхъ годахъ; Николаевская школа дала нашему обществу еще менѣе опыта практической дѣятельности и потому еще болѣе непоколебимую вѣру въ мудрость народа. Потому формула Чичерина о «либеральныхъ мѣрахъ и сильной власти, т. е. формула истиннаго либерализма (безъ которой онъ былъ бы только предверіемъ Революціи), имѣла такую судьбу. Она вызвала радостную сенсацію въ лагерѣ правыхъ, гдѣ въ ней оцѣнили непривычное для либерала желаніе сильной власти. А для лѣваго лагеря она звучала реакціей и Чичеринъ былъ зачисленъ въ разрядъ ренегатовъ. Только позднѣе стали отдавать справедливость его личности и его взглядамъ. Въ разгаръ освободительнаго движенія С. Н. Трубецкой говорилъ, съ какимъ восторгомъ перечитывалъ его давно забытую книгу «о народномъ представительствѣ», полную не только политической мудрости, но злободневности. Но въ упоеніи шестидесятыхъ годовъ указанія Чичерина на неподготовленность общества, на его излишнюю нервность и требовательность, а главное его основная мысль о необходимости сотрудничать съ властью, а не только съ нею бороться, была доступна только избраннымъ людямъ, отъ которыхъ за это отвертывалось широкое общество. Не Чичеринъ, а Герценъ былъ выразителемъ нашего общества. Герценъ человѣкъ исключительныхъ дарованій и патріотизма, закидывавшій, по выраженію Кавелина, мысли впередъ на столѣтія, преданный дѣлу безъ тщеславія, сумѣвшій отдать должное Александру II, Герценъ безпощадно осудилъ Чичерина, и не за Чичеринскій «обвинительный актъ», который могъ

его лично обидѣть, но за который такой рыцарь, какъ Герценъ и въ ту эпоху, когда джентельменство не исключалось въ партійной полемикѣ, мстить бы не сталъ; Герцену какъ революціонной натурѣ было ненавистно самое «пріятіе» власти, какъ говорятъ въ наше время, сотрудничество съ ней, совѣтъ подчиняться з а к о н а м ъ страны. Юмористически пересказывая свой разговоръ съ полицейскимъ агентомъ въ Парижѣ, который сентенціозно внушалъ, что «un bon citoyen respecte les lois de son pays», Герценъ презрительно замѣчаетъ, что «нѣчто подобное проповѣдывалъ въ Московскомъ Университетѣ Чичеринъ». Въ своей спеціальной статьѣ о Чичеринѣ Герценъ смѣется надъ тѣмъ, что Чичеринъ больше интересовался дѣятельностью п р а в и т е л ь с т в а, нежели о б щ е с т в а и уничтожаетъ Чичерина замѣчаніемъ, что при такихъ его взглядахъ ему надо было искать не каѳедры, а п о р т ф е л я. Въ этомъ Герценъ былъ только послѣдователенъ. Онъ осуждалъ и вышучивалъ не одного Чичерина; онъ не щадилъ всѣхъ либеральныхъ дѣятелей своего времени, несмотря на ихъ заслуги передъ страной, если эти либералы умѣли быть дѣйствительно властью, какъ Гладстонъ, Кавуръ или Тьеръ. Герценъ болѣе цѣнилъ отрицаніе и разрушеніе, какъ это онъ самъ писалъ въ своей статьѣ о Прудонѣ, котораго онъ ставилъ высоко, несмотря на то, что самъ признавалъ его практическую программу неудачной утопіей. Заключить союзъ съ тогдашней русской властью, по мнѣнію Герцена, могли только политически клейменные люди; его оскорбляла возможность увидѣть въ этой роли людей и н о г о моральнаго облика. Поэтому отношеніе революціонера Герцена къ Чичерину совершенно понятно. Но почти все либеральное общество шло тогда вмѣстѣ съ нимъ. Такой умѣренный человѣкъ, какъ Кавелинъ, который позднѣе съ Герценомъ долженъ былъ самъ разорвать, а въ эпоху «обвинительнаго акта», осуждая Чичерина за выступленіе, имѣлъ все-таки смѣлость признать, что во многомъ Чичеринъ былъ правъ, тотъ-же Кавелинъ въ концѣ концовъ разошелся съ Чичеринымъ, обвиняя его за то, что онъ «по заслугамъ сопричисленъ къ лику благонамѣренныхъ и даже можетъ попасть въ кандидаты на Анну на шею». А Кавелинъ и Герценъ были люди исключительной культуры и одаренности. Между тѣмъ на сцену выдвигались новые слои, новое поколѣніе, у котораго были д р у г і е властители думъ. Когда Герценъ

написалъ въ 59 году свою статью «Very dangerous», въ которой намекнулъ на то, о чемъ говорилъ и Чичеринъ въ «обвинительномъ актѣ», т. е. что въ нѣкоторыя эпохи отрицанія недостаточно, ибо можно дѣлать и практическое дѣло, то истинный властитель думъ того поколѣнія Добролюбовъ пришелъ въ негодованіе и подъ 5-мъ іюня записалъ въ своемъ дневникѣ: «Однако, хороши наши передовые люди. Успѣли уже пришибить въ себѣ чутье, которымъ прежде чуяли призывъ къ революціи, гдѣ бы онъ ни слышался и въ какихъ бы формахъ ни являлся. Теперь уже у нихъ на умѣ мирный прогрессъ при иниціативѣ сверху, подъ покровомъ законности».

Таково было настроеніе той русской общественности, на которую власть принуждена бы была опираться, если бы пошла той дорогой реформъ, на которую ее звала эта общественность. И реформы, которыя правительство начало проводить, не увеличили порыва широкаго общества ему помогать. Этотъ парадоксъ совершенно понятенъ. Въ странѣ, гдѣ власть борется противъ либеральныхъ идей, гдѣ либерализмъ считается несовмѣстимымъ съ государственнымъ строемъ, осуществленіе либеральныхъ реформъ является не только сенсаціей, но знаменуетъ п о б ѣ д у надъ властью. Это не располагаетъ къ умѣренности либеральное общество; въ моментъ побѣды требованія его неудержимо р а с т у т ъ. Мы это видѣли сами на опытѣ. Когда въ 905 году рухнуло самодержавіе, которое наканунѣ казалось непобѣдимымъ, въ общественномъ сознаніи исчезла грань между возможнымъ и невозможнымъ; в с е стало казаться доступнымъ и легкимъ. То же повторилось въ 917 г. Тогда тоже совершилось чудо, а всякое чудо связано съ вѣрой; тамъ нѣтъ мѣста законамъ исторіи. Полное перерожденіе Россіи мирнымъ путемъ, Революція безъ крови и жертвъ, удесятереніе боеспособности арміи безъ принудительной дисциплины, успѣшное управленіе фабриками при посредствѣ рабочихъ, абсолютное народоправство, Учредительное Собраніе съ 18-лѣтняго возраста, приспособленіе міровыхъ цѣлей войны къ желаніямъ русской демократіи, словомъ все, что въ спокойномъ состояніи показалось бы вызовомъ здравому смыслу, оправдывалось «вѣрой» и близостью «чуда». Того же повышеннаго настроенія не могло не быть и тогда, когда пало крѣпостное право, основной стержень всей русской жизни. Выходъ на волю милліоновъ кресть-

янъ, превращеніе ихъ изъ помѣщичьей собственности въ гражданъ, поставило проблему о новой роли *народа*. Тогда родилось и народничество, которое звало всѣ классы добровольно подчиниться «народу». У всѣхъ создалось ощущеніе, что Россія вступила въ полосу чудеснаго возрожденія, что старой власти отнынѣ нечего дѣлать, что она ни на что не нужна съ тѣхъ поръ, какъ можетъ проявляться державная «воля народа». Этой волѣ надо только дать себя осознать. Съ разныхъ сторонъ бросились люди въ народъ изучать его и учить его, помогать ему проявить свою волю. Мы не застали этой эпохи, но по тому, что мы пережили въ 905 г. и въ 917 г. мы можемъ понять, *что* происходило и въ шестидесятые годы. Мы видимъ не карикатуру, а правду въ изображеніи нашихъ писателей, чувствуемъ, насколько жизненно нарисовано въ Тургеневской «Нови» то ожиданіе, въ которомъ жила молодежь этого времени. «Народъ поднимается, собирается толпами, отказывается платить подати» — съ радостью сообщаетъ Маріанна Нежданова.

Это настроеніе знакомо тѣмъ, кто пережилъ 1905 и 1917 годы. Это идетъ «Революція», «народъ разгинаетъ могучую спину», какъ пѣлось въ студенческой пѣснѣ. Въ моменты такого подъема побѣждаетъ не благоразуміе, не заботы о порядкѣ, не желаніе не ослабить существующей власти, а вѣра въ *чудесное* и *энтузіазмъ*. И такое общество, взбудораженное, томящееся нетерпѣніемъ, сознавшее себя въ преддверіи великихъ событій, вѣрующее, что *все* стало возможно, что старая власть непремѣнно обманетъ общественность, это общество, сочувствующее наступившимъ реформамъ, стояло въ шестидесятыхъ годахъ надъ тѣмъ пороховымъ погребомъ, который представляло крестьянство.

Иниціатива, которую сумѣлъ взять на себя Александръ II, оставила за нимъ свободный выборъ пути; но передъ нимъ стояла *дилемма*.

Можно было построить политику на *довѣріи* къ общественнымъ силамъ и къ ихъ благоразумію. Можно было разсчитывать, что сочувствіе общества дастъ власти ту силу, которая ей будетъ нужна противъ противниковъ и справа и слѣва. Можно было надѣяться, что даже эксцессы непоправимаго вреда не принесутъ, а научатъ общество осторожности. Избравъ *этотъ* путь, надо было не только открыть просторъ прессѣ и столкновенію

мнѣній; надо было надѣлить избранныхъ представителей общества в л а с т ь ю, при которой они перестали бы быть только критиками. Это былъ бы тотъ опытъ, который сдѣлалъ Людовикъ XVI 23-го іюня 89 г., когда подчинился превращенію Генеральныхъ ъШтатовъ въ Assemblée Nationale; опытъ, на которомъ настаивала общественность въ 900-хъ годахъ, требуя созыва Учредительнаго Собранія для выработки основъ конституціи; опытъ, который былъ сдѣланъ наконецъ въ 917 г., но былъ сорванъ большевиками. Его можно было попробовать въ 50-хъ годахъ; можно было переложить отвѣтственность на самое общество и предоставить ея представителямъ сражаться съ духами, которыхъ они сами бы вызвали. Это было бы ставкой на государственный р а з у м ъ народа, на авторитетъ и искусство либеральныхъ в о ж д е й. Была возможность удачи и она привела бы сразу къ большимъ достиженіямъ. Но былъ также и рискъ. Либеральные вожди съ ихъ программой могли бы оказаться безсильными противъ волны народнаго моря и демагоговъ; они бы ушли, жалуясь на то, что ихъ не поняли и не оцѣнили, но ушли бы тогда, когда народная стихія все затопила бы. Пусть 1917 годъ не наступилъ бы и Россія не развалилась бы. Все равно это бы было несчастіемъ; стихію пришлось бы останавливать пролитіемъ крови, какъ въ 1905 году, и в ь этой ненужной борьбѣ со стихіей либеральныя идеи были бы скомпрометированы. Таковъ былъ путь, на который оптимистично звала наша преисполненная радостной вѣры общественность.

Былъ и другой путь, испробованный въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. На этомъ пути монархія своего долга и отвѣтственности ни на кого не перелагала. Она считала себя обязанной самой сначала исправить то зло, которое сдѣлала въ прошломъ и приготовить новыя формы государственной жизни. Въ манифестѣ 61 г. были слова: самодержавная власть создала крѣпостное право, ей надлежитъ его и отмѣнить. Эта мысль, исторической точности которой я не хочу разбирать, примѣнима ко всѣмъ реформамъ 60-хъ годовъ. Русская власть съ эпохи Петра сама превратила Россію въ вотчину бюрократіи, гражданъ въ подданныхъ; сама создала психологію двухъ в о ю ю щ и х ъ с т а н о в ъ, при которыхъ должна была опираться исключительно на свой аппаратъ. На этомъ пути Россія уперлась въ тупикъ. Власти, которая поняла свой долгъ

эту ошибку исправить и поставить государственную машину на новыя рельсы, приходилось прежде всего эти рельсы построить, создать обстановку, въ которой могла бы начаться новая практическая дѣятельность общества, политическое его воспитаніе. Въ этомъ была не менѣе важная сторона великихъ реформъ. Во всѣхъ сторонахъ жизни и на всѣхъ ступеняхъ русскаго общества онѣ подготовляли кадры людей новыхъ политическихъ навыковъ, понимающихъ свои права и обязанности, сознающихъ возможность достигать своихъ цѣлей законнымъ путемъ, умѣющихъ не только критиковать, но и дѣлать. Шестидесятые годы впервые начинали создавать въ Россіи не миѳическое, а реальное общество. Реформы этого времени издалека, съ самаго низа стали работать надъ тѣмъ, что осуществилось много позднѣе, надъ превращеніемъ Россіи въ конституціонную демократію. Приказами сверху такого превращенія не происходитъ или оно ведетъ къ разочарованіямъ и катастрофамъ. Историческая власть правильно понимала свой долгъ, если хотѣла *сама* провести въ жизнь, укрѣпить, защитить противъ покушеній и справа и слѣва основы обновленной Россіи. Аппаратъ государственной власти есть великая сила; его нужно было не ослаблять; именно имъ нужно было воспользоваться, чтобы безболѣзненно перевести страну черезъ опасный моментъ, къ ея новому будущему.

У Александра II были особыя основанія поступать именно такъ. Тогда было виднѣе то, о чемъ мы забыли сейчасъ; что у реформы были не только сторонники, но и враги, сильные ролью, которую они играли въ государственномъ механизмѣ и въ соціальномъ строѣ страны. Для Александра II борьба съ ними, т. е. борьба со *своими*, со вчерашними опорами власти казалась самымъ главнымъ дѣломъ момента; историческая заслуга Александра II была въ томъ, что онъ сумѣлъ разорвать и справиться именно съ ними. Но чтобы сломить ихъ, не разваливши всего государства, было несвоевременно *умалять* авторитетъ существующей власти. Потому главные дѣятели этой эпохи вродѣ Милютина, во имя освобожденія стали за права *Самодержавія*, а, наоборотъ, крѣпостники заговорили о правахъ *общества* и конституціи. Для борьбы съ ними Императоръ могъ конечно позвать на помощь наше либеральное общество, какъ на этомъ настаивалъ Герценъ. Эта помощь была бы

очень дѣйствительной, но и опасной; при тогдашнемъ настроеніи общества его участіе въ борьбѣ съ крѣпостниками рисковало разнуздать такую стихію, которая унесла бы дворянство, а потомъ и монархію. Александръ II считалъ — и въ этомъ онъ не ошибся, — Самодержавіе достаточно сильнымъ, чтобы противопоставить сторонникамъ стараго одну свою самодержавную волю. Проведеніе реформъ было неотложной задачей; но если историческая власть имѣла достаточно силы, чтобы ихъ провести, она должна была сдѣлать это сама, не ослабляя себя капитуляціей передъ обществомъ. Въ іюнѣ 915 г. въ Москвѣ на одномъ памятномъ мнѣ совѣщаніи политическихъ дѣятелей въ моментъ охватившей всѣхъ въ это время тревоги, былъ неожиданно поставленъ вопросъ о монархіи. Ѳ. Ѳ.Кокошкинъ, который два года спустя на съѣздѣ кадетской партіи явился докладчикомъ по превращенію партіи въ республиканскую, монархію защищалъ; пока монархія, доказывалъ онъ, есть еще сила, ее надо использовать. Если въ шестидесятыхъ годахъ историческая власть имѣла довольно силы, чтобы сломить дворянскую оппозицію, освободить крестьянъ съ землей, провести реформы, охватившія всѣ стороны жизни, она не могла, не измѣнивъ своему долгу, не использовать себя до конца, а сбросить свое дѣло на «общество». Всю тяжесть реформъ, борьбу съ своими приверженцами она должна была взять на себя. Когда-то Герценъ писалъ дворянамъ: «освободите крестьянъ сами, иначе это сдѣлаетъ самодержавная власть, и надолго оправдается передъ народомъ» Въ этомъ утвержденіи была доля правды, но еще больше ошибки. Реформа 61го года могла на время укрѣпить самодержавіе, что и случилось; но она же создавала тѣ условія политической жизни, которыя фатально вели къ упраздненію самодержавія, къ установленію правового порядка. Самодержавіе, освобождая крестьянъ, о своемъ престижѣ и пріоритетѣ не думало, какъ стала думать позднѣе монархія, когда она въ 1906 - 1916 г. состязалась въ популярности съ Государственной Думой и даже съ работой Союзовъ на театрѣ войны. Въ шестидесятыхъ годахъ историческая власть наоборотъ пыталась даже переложить заслугу освобожденія на дворянство; предоставить ему «le beau rôle», выставить его иниціаторомъ освобожденія. Нанося дворянству непоправимый ударъ, власть не хотѣла его унижать; она хотѣла эволюціи существующаго строя,

не перелома, который могъ обратиться въ непоправимую катастрофу.

Но эта политика вела власть къ столкновенію съ русской общественностью. Ея идеалы и пожеланія были совершенно иные. Общественность понимала, что побѣдили ея идеи, что насталъ ея часъ, что власть мѣняетъ свой курсъ, а она естественно хотѣла непосредственно осуществлять тѣ реформы, за которыя она прежде столько боролась и принесла столько жертвъ. Она возмущалась, что въ этомъ отношеніи власть не пошла ей навстрѣчу. Конечно силами одной бюрократіи провести реформы было нельзя; но власть нашла себѣ среди общества безкорыстныхъ и умѣлыхъ помощниковъ. Идейная и практическая помощь представителей нашей общественности въ шестидесятыхъ годахъ была неоцѣнима; заслуги ихъ были тѣмъ больше, что условія въ которыхъ они работали, часто дѣлали ихъ работу неблагодарной. Въ глазахъ власти ни казались опасными, а въ рядахъ общественности ихъ осуждали за соглашательство. Великая заслуга русскаго общества, что среди него оказались люди, которые согласились служить дѣлу въ неблагопріятной для себя обстановкѣ и благо власти, которая сумѣла ихъ привлечь и использовать. Но общественность ждала не этого; она мечтала не объ изолированной помощи отдѣльныхъ лицъ своему исконному врагу — исторической власти. Если у нея въ это время не сложилось такихъ опредѣленныхъ лозунговъ, какъ въ 905 году, если она не отвѣчала власти такъ, какъ на приглашеніе Витте отвѣтило бюро земскихъ съѣздовъ, то у нея были все-таки другіе неотъемлемые отъ нея идеалы. Она хотѣла свободы печати, свободы идейной борьбы, хотѣла передачи дѣла лицамъ ей самой выбраннымъ, словомъ хотѣла порядка, который въ противовѣсъ бюрократическому мы называемъ — общественнымъ. Она мечтала о пути, отъ котораго историческая власть тогда сознательно уклонилась. Власть считала себя обязанной сначала создать законные пути для общественной дѣятельности, сдѣлать первые шаги для политическаго воспитанія общества, раньше чѣмъ раздѣлять съ нимъ управленіе государствомъ. Общественность смотрѣла на это совершенно иначе: она была увѣрена, что общество готово и зрѣло, что ему нужно не сотрудничать съ властью, а проявлять свою «волю». И потому тотъ путь,

которымъ пошелъ Александръ II, обрекалъ его на роковую борьбу съ либеральной общественностью.

Эта борьба омрачила эпоху реформъ; придала ей парадоксальный характеръ, внесла много горечи въ атмосферу. Струя холодной воды, которую власть выливала на ликованіе общества, была ему непонятна и казалась незаслуженной. Старый арсеналъ административныхъ воздѣйствій — удары по печати, высокомѣрные, не хуже «безсмысленныхъ мечтаній» окрики въ отвѣтъ на лояльные адреса и пожеланія, ссылки и увольненія независимыхъ дѣятелей, все было пущено въ ходъ противъ тѣхъ, кто восторженно встрѣтилъ реформы и безъ заднихъ мыслей хотѣлъ имъ помогать. А, главное, въ примѣненіи репрессій трудно было ожидать такта отъ власти. Репрессіи воскрешали старую, привычную психологію власти, которая во всякой критикѣ видѣла преступное непослушаніе; положеніе было обострено тѣмъ, что репрессіи исходили отъ тѣхъ, кто реформъ не хотѣлъ, кто служилъ имъ противъ желанія и имѣлъ случай выместить свою злобу на тѣхъ, кто представлялъ эти идеи. Въ политику, которая могла быть оправдана государственной необходимостью, вносились элементы партійнаго ожесточенія и злорадства. Это возмущало моральное чувство, давало право обвинять власть въ лицемѣріи. Происходило то же, что было и у насъ въ 900-хъ годахъ, когда сторонникамъ конституціоннаго строя наносились торжествующіе удары тѣми, кто принадлежалъ къ «Союзу истинно русскихъ людей». И чѣмъ болѣе въ шестидесятыхъ годахъ общественность была искренна, тѣмъ менѣе она могла понять такое къ себѣ отношеніе. Она его объясняла интригами, вліяніемъ крѣпостной камарильи, происками враговъ всякихъ реформъ. Въ то время такого отношенія къ себѣ она иначе объяснить не могла. Для этого былъ нуженъ нашъ опытъ; надо было воочію видѣть, какъ можетъ свалиться порядокъ, который наканунѣ казался непобѣдимымъ и надо было пережить то, что изъ этого вышло Только такой цѣной общество поняло, и то не совсѣмъ, что на свѣтѣ чудесъ не бываетъ, что къ свободѣ нужно воспитывать, что къ ней надо привыкать постепенно; только послѣ этого общество догадалось, что знаменитая фраза Гершензона въ «Вѣхахъ», на которую такъ искренно негодовали, о томъ, что ждетъ нашу интеллигенцію отъ народа, была не однимъ парадоксомъ; только тогда общест-

восмогло оцѣнить трагическій постскриптумъ предсмертнаго письма Нежданова къ Силину о томъ, что если что-нибудь разбудитъ нашъ народъ, то «это пробужденіе будетъ не то, что мы думаемъ». Нужно было пережить наше время, чтобы согласиться, что Государь, на которомъ лежала отвѣтственность за все, что совершается, не могъ, не измѣняя своему долгу передъ страной, передать въ руки общества и власть и отвѣтственность. Нужны были событія нашего времени, чтобы понять, чѣмъ это могло Россіи грозить, понять, что обида, которая несправедливо была нанесена нашей общественности и даже послѣдствія, которыя вытекли изъ этой обиды, все же были ничто въ сравненіи съ ужасомъ, которымъ въ случаѣ Революціи рисковала Россія. Нужно было пережить 1917 - 1929 годы, чтобы оправдать Александра II и оцѣнить самопожертвованія соглашателей того времени, которые не замкнулись въ гордую позу оппозиціи, не потребовали всей власти себѣ и несмотря на все пошли помогать самодержавію. Но такихъ было немного; широкая общественность того времени и ея идейные руководители этого не понимали; они Александру II его политики не простили; борьба съ нимъ продолжалась.

Трагизмъ столкновенія усиленъ былъ тѣмъ, что если общество негодовало и имѣло право на это, то и Александръ II имѣлъ не меньше права чувствовать себя оскорбленнымъ тѣмъ отношеніемъ, которое онъ къ себѣ встрѣтилъ. Онъ сдѣлалъ великое и нелегкое дѣло. Великое, такъ какъ реформами шестидесятыхъ годовъ онъ поставилъ Россію на тѣ новыя рельсы, съ которыхъ послѣ она уже не сошла; не легкое, такъ какъ для этого онъ долженъ былъ разорвать съ тѣми, на кого монархія до тѣхъ поръ опиралась. Александръ II лучше чѣмъ либеральное общество зналъ силу сопротивленія, которое онъ долженъ былъ преодолѣть. Въ томъ, что онъ дѣлалъ, не было элементовъ честолюбія или личныхъ мотивовъ, а только исполненіе своего долга Монарха. Этотъ долгъ заставилъ его провести реформы, которыхъ онъ можетъ быть самъ не хотѣлъ бы, и тотъ-же долгъ велѣлъ ему оттолкнуть помощь тѣхъ, кто объ этихъ реформахъ мечталъ. Наивно разсчитывать на благодарность; но люди ждутъ *справедливости*. Этого онъ по отношенію къ себѣ не увидѣлъ и это оставило въ его душѣ глубокую горечь. Реформаторъ и освободитель, Александръ II былъ отвергнутъ тѣми, чьи идеи онъ

осуществлялъ. Условія политической жизни не давали этому отверженію проявиться открыто; но радостные голоса, которые прозвучали въ 57 году, прекратились давно, замѣнившись угрюмымъ и краснорѣчивымъ молчаніемъ. Такое отношеніе либеральнаго общества естественно отталкивало симпатіи Императора, возвращало его къ своему старому «вѣрному» окруженію. А когда болѣе нетерпѣливые элементы взялись за открытую борьбу съ нимъ, проявили модную теперь «жертвенность» и «дѣйственность», то отвѣтственными за это въ глазахъ Императора были сдѣланы либеральное общество и его пожеланія. Тутъ былъ ложный кругъ, изъ котораго, какъ изъ всякаго ложнаго круга, не было выхода. Послѣ 1867 г. разрывъ сдѣлался полнымъ. А во время единоборства власти съ активными революціонными элементами, либеральное общество, хотя и стояло въ сторонѣ, но было не съ властью и сочувственно отмѣчало удары, которые ей наносились, указывая на то, что оно объ этомъ «предупреждало». Александру II пришлось пережить трагедію политическаго одиночества. Онъ оказался чуждъ и тѣмъ, кто вначалѣ его реформы привѣтствовалъ и тѣмъ, кто ихъ совсѣмъ не хотѣлъ. И трагедія была всего болѣе въ томъ, что въ этомъ не были виноваты ни Александръ II, ни общественность, что избѣжать этого было нельзя. Александръ II своей судьбой платилъ за все наше прошлое, за грѣхи своего любимаго отца, за мишурный блескъ предыдущаго царствованія. За эти грѣхи могла пострадать вся Россія, заплативъ за нихъ ужасами Революціи. Отъ этого Александръ II избавилъ ее; но за эту послѣднюю услугу родному народу самъ заплатилъ своей кровью.

Я не хочу злоупотреблять аналогіями, но отъ одной не могу удержаться. Судьба Александра II, поскольку въ немъ можно видѣть не только личность, но символъ, во многомъ напоминаетъ Столыпина. Я не разъ говорилъ въ Думѣ противъ Столыпина рѣзкія слова осужденія и многихъ изъ нихъ теперь назадъ бы не взялъ; въ его дѣйствіяхъ были ошибки и скрывать ихъ нѣтъ основанія. Но мы недостаточно понимали мотивы Столыпина и трудности, съ которыми ему приходилось бороться. Потому мы не уяснили себѣ того мѣста, которое онъ займетъ въ нашей исторіи, несмотря на общую неудачу всѣхъ н а с ъ. Ему суждено было пасть жертвой дѣла, которому мы же слу-

жили, и онъ имѣетъ право на большую къ себѣ справедливость.

Кѣмъ бы ни былъ Столыпинъ въ до-революціонные годы, съ 905 г. онъ выбралъ свой курсъ. Онъ примирился съ введеніемъ въ Россіи конституціоннаго строя и отъ него не отрекся; этого правые ему не простили. Попытки ихъ склонить Государя взять назадъ свои обѣщанія, пока Столыпинъ былъ живъ, въ немъ встрѣчали преграду. Государь не любилъ слова «Конституція», и въ этомъ Столыпинъ ему уступилъ; этого слова онъ ни разу не произнесъ. Но въ преніяхъ по декларации въ 3-й Государственной Думѣ онъ все-таки назвалъ новый русскій государственный строй уже не самодержавнымъ, а представительнымъ. Его конституціонности не опровергъ и актъ 3-го іюня, Столыпинъ не отрицалъ, что это былъ переворотъ, не пытался выдать его за актъ легальный; въ оправданіе его онъ не ссылался на неограниченность власти Монарха и въ своемъ отношеніи къ нему былъ логичнѣй и искреннѣй, чѣмъ въ защитѣ своихъ Финляндскихъ законовъ. Онъ только указалъ Государственной Думѣ на долгъ существующей власти хотя бы путемъ нарушенія формальнаго права спасать государство, т. е. выставилъ тотъ самый мотивъ, которымъ Бисмаркъ оправдывалъ свой конфликтъ съ Прусской палатой, Мирабо превышеніе власти Національнымъ Собраніемъ и который всегда лежитъ въ основѣ идеологіи всѣхъ «революцій». Къ Столыпину мнѣ еще придется вернуться; сейчасъ я хочу подчеркнуть только эту сторону его дѣятельности. Онъ съ конституціей помирился и подъ нее не подкапывался.

Но Столыпинъ про конституцію могъ сказать то же самое, что Тьеръ сказалъ про республику: «elle sera conservatrice, ou ne sera pas». Столыпинъ былъ убѣжденъ, что укрѣпленіе конституціоннаго порядка можетъ быть только въ томъ случаѣ полезно Россіи, если онъ не превратится въ революціонный хаосъ. Для этого, по его мнѣнію, онъ вначалѣ долженъ былъ опираться исключительно на умѣренные и избранные слои населенія, долженъ былъ терпѣливо и осторожно воспитывать общество и прежде всего массу крестьянства путемъ своихъ крестьянскихъ законовъ. Столыпинъ былъ убѣжденъ, что конституція будетъ загублена, если передать всю власть народу въ томъ его состояніи, въ которомъ онъ находился въ 906 г. И потому Столыпинъ удержалъ Государя отъ опы-

та Кадетскаго министерства во время I-ой Государственной Думы; онъ предпочелъ сохранить власть въ рукахъ бюрократіи, предоставить ей преобразовывать страну въ томъ направленіи, котораго эта бюрократія совсѣмъ не желала. На этомъ пути Столыпину пришлось столкнуться съ нашей общественностью; но въ эти годы политика уже подвергалась публичному обсужденію; Столыпинъ имѣлъ поэтому случай формулировать ту дилемму, которая стояла передъ Александромъ II. Онъ это сказалъ въ своей знаменитой рѣчи «не запугаете». Дилемма та-же, что стояла передъ правительствомъ въ шестидесятые годы. «Передъ правительствомъ было два пути, — говорилъ Столыпинъ, — когда начался ужасъ и терроръ, когда распространились крестьянскіе безпорядки, правительство должно было или отойти и дать дорогу революціи, забыть, что власть есть хранительница государственности и цѣлости русскаго народа или дѣйствовать и отстоять то, что было ей ввѣрено. Но принимая второе рѣшеніе, правительство такимъ образомъ навлекало на себя и обвиненіе. Ударяя по революціи, правительство несомнѣнно не могло не задѣть частныхъ интересовъ».

Столыпинъ выбралъ второй путь и то, чѣмъ грозилъ ему этотъ путь, онъ сталъ дѣлать сознательно. Чтобы задавить революцію, онъ билъ по законности, по частнымъ правамъ и интересамъ; этимъ онъ оттолкнулъ отъ себя либеральное общество, былъ принужденъ управлять при помощи тѣхъ, кто, какъ это показалъ Стремоуховъ *), противъ него интриговали и старались его потопить. Либеральное общество Столыпина ненавидѣло потому, что видѣло съ его стороны несправедливое къ себѣ отношеніе, не могло понять причинъ этого отношенія. Оно не сознавало, что если бы оно сдѣлалось властью въ 906 г., оно не справилось бы съ революціонными элементами; въ политикѣ Столыпина оно искало поэтому личныхъ мотивовъ. Трагедія Столыпина была именно въ томъ, что онъ принужденъ былъ бороться съ тѣми, къ кому идейно былъ б л и ж е, чѣмъ къ тѣмъ, съ кѣмъ в м ѣ с т ѣ работалъ. На Столыпинѣ, какъ когда то на Александрѣ II, вымещались ошибки нашего прошлаго, царствованія Александра III, первое десятилѣтіе царствованія Николая II. Какъ Алек-

*) Архивъ Русской Революціи, томъ XVI. Моя борьба съ Епископомъ Гермогеномъ и Иліодоромъ.

сандръ II, Столыпинъ былъ отвергнутъ и справа и слѣва, и Союзомъ Русскаго Народа, который не прощалъ ему конституціонныхъ симпатій, и либералами, которые обвиняли его въ томъ, что онъ конституцію губитъ. И послѣднее совпаденіе въ загадочной смерти обоихъ. Въ лицѣ Багрова символически соединились революціонеры и охранное отдѣленіе. Александра II убили революціонеры; но и тогда была мысль, которая какъ въ дѣлѣ Столыпина на-долго останется загадкой; и тогда себя спрашивали, не было ли и попустительства, возможно ли было, чтобы циклопическія саперныя работы подъ улицами, въ самомъ Зимнемъ Дворцѣ, могли происходить безъ Азефовъ, безъ пассивнаго содѣйствія тѣхъ, кто былъ долженъ съ ними бороться?

Кто бы ни былъ повиненъ въ событіи 1-го марта, Александръ II палъ искупительной жертвой за чужіе грѣхи. Свое великое дѣло обновленія Россіи онъ сдѣлалъ и сумѣлъ сдѣлать безъ Революціи. Это была съ его стороны двойная заслуга, и онъ поплатился за ея обѣ стороны. Такая жертва могла оказаться достаточной, но преемники Александра II сумѣли пойти такимъ ложнымъ путемъ, сдѣлать столько новыхъ ошибокъ, что новую искупительную жертву за Россію пришлось принести его внуку.

Царствованіе Александра III, несмотря на его внѣшній успѣхъ, явилось самымъ роковымъ для Россіи; оно подготовило революцію. Въ извѣстной мѣрѣ оно не могло не быть реакціоннымъ; послѣ цареубійства это было естественно. 1-го марта могло стать прологомъ или къ Революціи или къ реакціи. Вѣдь и въ 917 г. была бы «реакція», если бы побѣдило Правительство. Въ 1881 году цареубійство страной поддержано не было; отъ революціонеровъ отшатнулись тѣ, кто имъ вначалѣ сочувствовалъ. Для исторической власти создалась благопріятная атмосфера чтобы разгромить революцію. Преждевременная удача революціонеровъ стала ихъ концомъ; она убила симпатіи къ нимъ. Общественная реакція противъ революціи была неизбѣжна и могла быть даже спасительна. Она могла вернуть общество къ благоразумію и закрѣпить либеральныя реформы прошлаго царствованія. Но Александръ III подпалъ подъ вліянія, которыя повели его по другому пути. Его царствованіе превратилось въ борьбу не съ Революціей, что было бы законно, а съ реформами Александра II. Не то было важно, что былъ взятъ назадъ не обнародо-

ванный манифестъ 1-го марта, такъ неосновательно именуемый въ общежитіи «конституціей» Лорисъ-Меликова и что 29-го апрѣля Александръ III провозгласилъ незыблемость и правду самодержавія. Какъ это ни противорѣчило не только либеральнымъ надеждамъ, но и ходу исторіи, утвержденіе самодержавія въ этотъ моментъ реакціей еще не было. Это могло быть «передышкой» на прежнемъ пути. Даже не то было важно, что борьба противъ революціи, которая въ любой странѣ сопровождается «пріостановкой конституціонныхъ гарантій», въ условіяхъ русской жизни, при безцеремонныхъ пріемахъ старой власти, должна была искажать и ломать нормальный ходъ жизни. Было важно и гибельно, что утвержденіе Самодержавія выродилось въ борьбу съ основами прошлаго царствованія, съ той программой превращенія Россіи въ современное европейское государство, которое уже было начато. Въ этомъ отношеніи царствованіе Александра III было болѣе реакціонно, чѣмъ даже казалось.

Въмѣрахъ Александра III современники естественно часто всего болѣзненнѣй ощущали внѣшнюю сторону. Ихъ сужденія бывали поэтому не всегда справедливы. Возьмемъ область судебныхъ реформъ. Многія ненавистныя новеллы нельзя было бы объяснять однимъ недоброжелательствомъ къ Судебнымъ Уставамъ. Такъ общество болѣзненно реагировало на всякое покушеніе на судъ присяжныхъ, на адвокатуру, на выборность мировыхъ судей, на ограниченіе гласности. А между тѣмъ эти нововведенія не только были сравнительно менѣе важны, но въ извѣстной мѣрѣ могли быть оправданы интересами правосудія. Судъ присяжныхъ, адвокатура и гласность не панацея. Когда мы видимъ, какъ функціонируетъ судъ присяжныхъ во Франціи, при полной свободѣ адвокатуры и гласности, м ыпонимаемъ, насколько онъ можетъ оказаться далекъ отъ правосудія. Любопытно, что когда во Франціи пошелъ слухъ о реформѣ этого суда, который себя явно компрометировалъ, Леонъ Блюмъ отъ имени соціалистовъ выступилъ на его защиту, на томъ основаніи, что въ этомъ судѣ заключается «народный суверенитетъ», на который соціалисты не позволятъ никому посягнуть. Такой аргументъ — замѣна идеи суда идеей народоправства, есть очевидное искаженіе задачъ правосудія, подчиненіе его политикѣ. Но то, что во Франціи звучитъ фальшиво, въ Россіи было нормально. У насъ, гдѣ

принципъ народнаго суверенитета вовсе отсутствовалъ, судъ присяжныхъ имѣлъ свой символическій смыслъ, былъ дорогимъ началомъ либерализма. Мѣры правительства, которыя были направлены противъ него, чѣмъ бы онѣ ни оправдывались, воспринимались какъ покушеніе на права общества. Это могло быть оптическимъ обманомъ, но это было естественно. То-же самое съ другимъ популярнымъ институтомъ, выборностью мирового суда. Польза его очень спорна; это высшая форма судебной смѣняемости, зависимости судей отъ избирателей; съ точки зрѣнія правосудія это сомнительный, чтобы не сказать негодный порядокъ. И тѣмъ не менѣе всякое прикосновеніе къ нему оскорбляло общественность больнѣе, чѣмъ сама мѣра этого стоила, ибо этимъ наносился ударъ правамъ общества. Поэтому критика судебныхъ новеллъ Александра III была не всегда справедлива; она отстаивала то, чего защищать и не стоило, закрывала глаза на недостатки; словомъ, читала между строками. А подлинная реакціонность этого царствованія заключалась тамъ, о чемъ меньше задумывались. Она посягнула на то, въ чемъ былъ смыслъ и задача суда, — на его служеніе исключительно закону и праву, на охраненіе ихъ отъ нарушеній, откуда бы эти нарушенія ни исходили. Реакція отвергла принципіально основное свойство судьи, независимость его дѣятельности отъ власти или политическихъ настроеній самого общества. Изъ охранителей закона, не знающихъ другого авторитета, кромѣ закона, судъ превращенъ былъ въ органъ управленія подчиненный злополучнымъ «видамъ правительства». И потому идейный походъ Каткова противъ Сената, верховнаго хранителя закона въ Россіи, былъ страшнѣе его же похода противъ присяжныхъ. Отрицаніе права, какъ самостоятельной силы, которая должна стоять в ы ш е п о л и т и к и, — эта идеологія, общая, какъ это бываетъ всегда, обѣимъ крайностямъ и реакціи и революціи, прикрытая у Каткова идеей полноты власти Самодержца, а у революціонеровъ идеей неограниченности «воли народа» — отрицала важнѣйшій пунктъ программы реформъ Александра II, то есть самое понятіе «правового порядка». Когда при пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ Министръ Юстиціи Муравьевъ доказывалъ, что независимость судебной дѣятельности есть предразсудокъ несогласный съ природой Самодержавія и что въ самодержавной странѣ судъ долженъ быть обыкновен-

нымъ органомъ власти, то чѣмъ бы ни были вызваны эти слова, желаніемъ ли успокоить враговъ судебныхъ уставовъ, или взглядомъ министра, они выражали оффиціальную идеологію. И что хуже всего, въ видѣ естественной реакціи противъ этого, либеральное общество и само стало оцѣнивать и судебную дѣятельность съ точки зрѣнія противоположной либеральной политики. Такимъ образомъ власть развращала само общество, превращало судъ въ арену партійной борьбы; и то, что было истинно великаго въ судебной реформѣ Александра II, было однимъ изъ устоевъ либерализма, зародышъ правового порядка въ Россіи, отступало въ глазахъ и тѣхъ и другихъ на задній планъ, какъ несвоевременный «предразсудокъ».

Возьмемъ другой принципъ — самоуправленіе. Мы увидимъ въ немъ ту же картину. Практика городской и земской реформы 64 года могла обнаружить много ихъ недостатковъ. Ихъ можно и должно было исправить; и самой естественной мѣрой для этого было бы увеличеніе дѣйствительнаго государственнаго контроля за самоуправленіемъ. Подобная мѣра была бы непопулярна по предвзятому отношенію русскаго общества къ администраціи и могла быть даже опасна по настроенію самой администраціи; это все послѣдствія нашихъ ненормальныхъ политическихъ отношеній. Но самъ по себѣ контроль государства за самоуправленіемъ не только законенъ, но составляетъ прямой долгъ государства. Можно было измѣнить и избирательный законъ и не въ направленіи четырехвостки. Уже одно несоотвѣтствіе «недвижимаго» и «движимаго» ценза было неправильно и несправедливо. Слѣдовательно принципіально такія новеллы были возможны. Но исправляя практическую постановку самоуправленія, нельзя было колебать самого принципа. Его должно было расширять, распространять и къ верху и къ низу, на всѣ отрасли жизни. Въ немъ было спасеніе и будущность Россіи. Должно было быть ясно, что управленіе Россіей изъ Петербурга есть тормазъ, что Россіи необходима школа самоуправленія, постепенное привлеченіе всего населенія къ дѣламъ государства. Только это могло воспитать въ народѣ гражданственность, отучить наше общество отъ предвзятой, озлобленной критики, познакомить его съ практическими проблемами общежитія. Пока Россія не прошла этой школы и русская общественность не

научилась работать на государственной нивѣ, хотя бы ограниченной и подконтрольной, введеніе въ нее представительнаго строя было рисковано. Главная заслуга реформъ Александра II была въ томъ, что онѣ были первымъ шагомъ на томъ пути, который неминуемо велъ къ «увѣнчанію зданія». А реакція Александра III стала отрицать этотъ принципъ. Земскія новеллы оказались не благожелательными, хотя бы ошибочными исправленіями практической постановки русскаго земскаго дѣла, а замаскированной борьбой съ самимъ принципомъ. Когда русская общественность протестовала противъ всѣхъ нововведеній, подозрѣвала въ нихъ затаенную борьбу съ идеей самоуправленія — она была права; эта мысль была позднѣе при Николаѣ II блестяще изложена Витте въ его знаменитой брошюрѣ. Что хотѣлъ онъ ею сказать, едва ли для кого-нибудь можетъ быть ясно. Въ брошюрѣ важна постановка вопроса, а не отвѣтъ. Какъ въ 905 г. Витте правильно указалъ Государю, что передъ нимъ лежатъ два пути, которые исключаютъ другъ друга и что между ними надо, наконецъ, сдѣлать выборъ, т. е. путь военныхъ репрессій и диктатуры или путь конституціи, такъ и въ 90-хъ годахъ Витте доказывалъ съ большой убѣдительностью, что принципъ Самодержавія и земскаго самоуправленія à la longue несовмѣстимы, что земское самоуправленіе есть конституціонная школа и приведетъ къ конституціи. Если правительство хочетъ такого конца, пусть оно къ нему готовится и готовитъ къ нему и самое земство; но если правительство своего Самодержавія странѣ не уступитъ, пусть оно не искушаетъ страну земскими учрежденіями. Какъ бы въ это время ни рѣшилъ самъ Витте этого вопроса, идеологія власти ни въ комъ не оставляла сомнѣнія. Реакція вычеркивала и этотъ пунктъ программы Александра II.

Но реакція была бы не полной, а можетъ быть и не страшной, если бы она не коснулась главнаго дѣла Александра II — крестьянской реформы. Это самая интересная ея сторона.

Реформа 61 г. была не закончена и иначе быть не могло. Дѣятели этой реформы были правы, когда на нѣкоторое переходное время сохранили за крестьянами ихъ особыя правовыя отношенія и создали особый судъ, чтобы эти отношенія охранять. Они были правы и въ томъ, что

издали въ интересахъ крестьянъ спеціальное законодательство, легализовали на сѣверѣ общинный порядокъ, чтобы этими мѣрами мѣшать опасности обезземеленья. Каковы бы ни могли быть недостатки спеціальныхъ крестьянскихъ законовъ, самая мысль объ особомъ крестьянскомъ законодательствѣ была правильна. Принципіальную пользу, даже необходимость его отрицать было нельзя, какъ нельзя отрицать пользы всякой соціальной охраны. Но разъ это такъ, то поневолѣ приходилось сохранить и существованіе крестьянъ, какъ с о с л о в і я. Но все это было разумно при одномъ непремѣнномъ условіи: чтобы сохраненіе крестьянъ какъ с о с л о в і я было только переходнымъ этапомъ. Всѣ современныя демократіи знаютъ с о ц і а л ь н ы е к л а с с ы, но они не знаютъ больше с о с л о в і й, какъ правовыхъ группировокъ. Правовыя перегородки съ теченіемъ времени исчезаютъ и власть должна такому процессу содѣйствовать. Первый и главный шагъ къ уравненію сословій былъ сдѣланъ освобожденіемъ. Дальнѣйшій процессъ жизни, разслоеніе самой крестьянской массы, пріобщеніе крестьянъ къ общимъ интересамъ страны должны были стирать сословныя ихъ отличія, подводить крестьянъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ и превращать прежнее крестьянское с о с л о в і е въ то, что крестьянство представляетъ и повсюду въ Европѣ, т. е. въ простой соціальный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Этотъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ могъ пользоваться особой «соціальной защитой» со стороны государства и породить особое законодательство. Но подобное законодательство было бы соціальнымъ, а не сословнымъ, оно защищало бы всѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, а не крестьянъ, какъ такое же соціальное законодательство защищаетъ в с ѣ х ъ фабричныхъ рабочихъ, независимо отъ ихъ сословія; это особое соціальное законодательство имѣло и свой соціальный характеръ и свою цѣль соціальной защиты и въ этомъ свой raison d'être.

Только въ этомъ, т. е. въ превращеніи «сословія» въ «классъ» состоялъ крестьянскій вопросъ съ точки зрѣнія либерализма. Помогать естественному процессу органической эволюціи, устранять препятствія на этомъ пути, снимать соціальную охрану тамъ, гдѣ она ненужна и уже мѣшаетъ излишней опекой; понять, что въ нормальномъ государствѣ не можетъ быть дуализма, двухъ различныхъ правовыхъ системъ и порядковъ, помириться съ тѣмъ, что

превращеніе Россіи въ современную демократію — неизбѣжность, предрѣшенная освобожденіемъ, что въ этомъ прогрессѣ, надъ которымъ надо работать — такова была задача, которая въ крестьянскомъ вопросѣ стояла передъ властью.

Реакція Александра III пошла по обратной дорогѣ. Возстановить крѣпостное право было уже невозможно. Поэтому реакціи стало необходимо отдѣлить освобожденіе отъ прочихъ реформъ, поставить его на особое мѣсто, доказать, что оно съ ними *не* связано. Въ этомъ отношеніи изобрѣтательность реакціи дошла до виртуозности. Катковъ писалъ, что смыслъ крестьянской реформы заключался не въ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ, а въ укрѣпленіи самодержавія. Крѣпостничество, говорилъ онъ, давало дворянству политическія права надъ однимъ изъ сословій, *ограничивая* тѣмъ права *Государя*. Это было недопустимо для Самодержца и потому во имя Самодержавія, полноты его неограниченной власти было уничтожено это сословное дворянское право; въ *этомъ* будто бы и заключался смыслъ крестьянской реформы. Старанія Каткова противопоставить реформу 61 г. другимъ пунктамъ либеральной программы показываютъ, что эта реформа сдѣлалась исторической гранью, отступить за которую было нельзя. Къ крѣпостному праву не возвратились; но реакція успѣла въ другомъ; она установила, что то особливое правовое устройство крестьянъ, которое въ ихъ интересахъ было на время допущено и которое объединяло ихъ въ *сословіе*, живущее не по общимъ законамъ, что это правовое устройство крестьянъ является не переходнымъ этапомъ, а однимъ изъ драгоцѣнныхъ русскихъ устоевъ, который власть должна была охранять противъ поступательнаго движенія жизни.

Удивительна судьба этого вопроса. Мысль о самобытности русскаго крестьянства, желаніе какъ можно дольше сохранить его особенный историческій обликъ была давно популярна. Она лежала въ основѣ народничества, увлекала такіе различные умы, какъ Чернышевскій и Герценъ. Спеціальныя бытовыя черты русскаго крестьянства, основанныя прежде всего на долголѣтнемъ отсутствіи у него личныхъ правъ, личной собственности, на поглощеніи его посторонней волей то помѣщика, то сельскаго общества, трудовая обстановка всей его жизни съ знаменитой «вла-

стью земли» — питала въ самыхъ серьезныхъ умахъ надежду, что крестьянство представляетъ въ себѣ зародышъ иныхъ началъ общежитія, которыя выше и лучше обычной буржуазной цивилизаціи. Поэтому отрицаніе обязательности для Россіи пройти черезъ естественные этапы органическаго развитія государства само по себѣ не казалось самонадѣянной мыслью, защищалось такими реалистами, какъ Чернышевскій. Передовыя теченія, несмотря на принципіальное признаніе общаго равенства, стояли за крестьянскую общину, т. е. за такой видъ общей собственности, котораго для себя бы не захотѣли. Любопытно сопоставить съ этимъ и то, что въ девятисотыхъ годахъ былъ выставленъ именно ими принципъ принудительнаго отчужденія земли въ пользу крестьянъ, т. е. опять-таки въ пользу сословія.

Эти обстоятельства объясняютъ, почему крестьянство, какъ замкнутое сословіе съ своими спеціальными институтами, сельской общиной и общественной собственностью, съ обычаями равноцѣнными закону, сохранилось дольше, чѣмъ нужно. Общественное мнѣніе слишкомъ легко соглашалось видѣть въ этихъ особенностяхъ не только переходной этапъ, а основаніе будущаго строя Россіи. Даже такой поистинѣ чудовищный порядокъ какъ тотъ, при которомъ до закона 5-го октября 906 г. крестьянинъ, получившій образованіе или возвысившійся на службѣ, словомъ не опороченный, а преуспѣвшій, поднявшійся надъ среднимъ уровнемъ массы, въ награду за это автоматически исключался изъ крестьянскаго общества и терялъ право на надѣльную землю, порядокъ, при которомъ всѣ удачливые крестьяне, которые должны были бы быть руководителями своего сословія, вмѣсто этого изъ него исключались, а крестьянское сословіе оставалось быдломъ, низшими неполноправными гражданами—этотъ порядокъ могъ продолжаться до 906 г., не возбуждая протеста только потому, что по мотивамъ совершенно различнымъ и даже противоположнымъ, но мысль объ обособленности крестьянства, внѣдрилась въ сознаніе очень широкаго круга.

Но если либеральное общество признавало, что крестьянская среда есть носительница высшихъ началъ общежитія и во имя этого мирилось съ обособленностью крестьянства, то реакція Александра III защищала ее на другихъ основаніяхъ. Государственный строй той эпохи въ

значительной мѣрѣ держался на принудительной работѣ крестьянства; крестьянство по-прежнему было обложено спеціальными тяготами въ интересахъ всего государства. На немъ лежала обязанность поставлять государству персоналъ всей низшей администраціи, сельской полиціи, сельскихъ должностныхъ лицъ, поставлять его по выборамъ, по наряду, вѣрнѣе по очереди, и изъ своихъ сословныхъ крестьянскихъ средствъ его оплачивать. На принудительномъ крестьянскомъ трудѣ основаны были и нужныя для всего государства натуральныя повинности. Словомъ управленіе всей сельской, не городской Россіей, производилось черезъ крестьянство, за его счетъ; благодаря такому порядку крестьянство служило на всѣхъ, на все государство, на своихъ сосѣдей, на тѣхъ членовъ другихъ сословій, которые жили въ томъ же административномъ дѣленіи, волости, пользовались услугами этой волости, а сами эти волости ни деньгами, ни личнымъ трудомъ не помогали. Эту вопіющую несправедливость, избавлявшую правительство отъ затратъ и заботъ о сельской Россіи, крестьяне переносили только потому, что къ несправедливости издавна привыкли и что тѣ, кто по своему положенію и образованію должны были протестовать, возвышаясь надъ среднимъ уровнемъ, переставали быть крестьянами.

При такомъ положеніи дѣла защита обособленности крестьянскаго сословія была уже сама по себѣ равносильна закрѣпленію его подчиненнаго положенія въ государствѣ. Но реакція Александра III, и въ этомъ главное ея преступленіе, пошла дальше. Она подчинила крестьянство дворянству, заставила крестьянъ вспомнить ту свою старую зависимость отъ дворянства, которую въ интересахъ гражданскаго мира надо было какъ можно скорѣе забыть. Въ этомъ была самая роковая сторона реформы 89 г. Самъ по себѣ правительственный контроль за крестьянствомъ могъ бы быть только полезенъ. Либеральная общественность его осуждала, какъ она осуждала всякое проявленіе власти; въ этомъ сказывалось ненормальное наслѣдіе прошлаго. Но эту тенденціозную критику власть имѣла бы право не слушать. Въ крестьянскомъ быту, особенно со времени разслоенія крестьянской массы, появилось много хаоса, съ которымъ не могли справиться ни крестьянскія власти, ни ихъ суды. Структура сельскаго общества давала поводъ такимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ об-

щества надъ отдѣльными лицами, что государственная власть была обязана положить имъ предѣлъ. Доброжелательный правительственный контроль былъ нуженъ въ интересахъ именно преуспѣвшихъ крестьянъ, чтобы защитить ихъ отъ произвола и деспотизма косной неудачливой м а с с ы. Но въ 89 году контроль государства получилъ форму обиднаго, недоброй памяти подчиненія крестьянской массы дворянству. Реформа земскихъ начальниковъ и выборъ ихъ изъ помѣстныхъ дворянъ стали символомъ; и зловѣщій ея символическій смыслъ былъ много хуже того зла, которое земскіе начальники фактически сдѣлали. Эта реформа по тенденціи стояла въ такомъ же противорѣчіи съ основами крестьянской реформы, какъ знаменитыя слова Александра III къ волостнымъ старшинамъ: слушайтесь В а ш и х ъ предводителей дворянства. По представленію людей, которые вдохновляли Александра III, въ нетронутомъ крестьянскомъ быту, въ народѣ неиспорченномъ цивилизаціей, должна была сохраниться преданность старымъ началамъ, помѣщикамъ и Государю, т. е. долженъ былъ сохраниться обликъ дореформенной старины. Уступая жизни законодательство не мѣшало отдѣльнымъ крестьянамъ пріобрѣтать образованіе и возвышаться надъ массой — но автоматически ихъ изъ сословія у д а л я л о, какъ чужой и нежелательный элементъ. Вмѣсто того, чтобы завершить реформу 61 г. сближать крестьянъ съ другими въ единую націю — правительство Александра III заставило крестьянство чувствовать себя не только особымъ міромъ, но государствомъ въ государствѣ.

Эта вредная политика результаты свои принесла. Сознавая себя обдѣленнымъ сословіемъ, со своими спеціальными интересами противоположными интересамъ тѣхъ, на кого крестьяне служили, они естественно становились равнодушными къ общимъ потребностямъ государства, они неизбѣжно, даже безъ проповѣди классовой розни противопоставляли имъ с в о и спеціальныя к р е с т ь я н с к і я нужды. Государство было для нихъ внѣшней силой, которой крестьяне служили, пока она могла з а с т а в и т ь себѣ подчиняться. Но свои с о с л о в н ы я пожеланія они отчетливо знали и въ ихъ выводахъ была своя логика. Они понимали, что работаютъ на другихъ; что въ лицѣ своихъ выборныхъ лицъ несутъ повинности не въ своихъ интересахъ и обслуживаютъ чужія сослов-

ныя нужды. И на этой почвѣ родился, какъ Немезида, пресловутый аграрный вопросъ въ той формѣ, въ которой онъ появился у насъ. Вѣдь это идиллія, будто крестьянское правосознаніе не мирится съ личной собственностью на Божью землю и проникнуто идеей коллективизма. Тотъ пріемъ, который къ изумленію многихъ идеалистовъ встрѣтилъ въ крестьянской средѣ законъ 9-го ноября, показалъ, что несмотря на всѣ свои недостатки, онъ отвѣчалъ реальной потребности, что идея личнаго отрубного хозяйства была крестьянской душѣ дорога. Но самосознаніе крестьянъ было убѣждено, что земля бывшихъ помѣщиковъ должна полностью къ нимъ отойти и эта отрыжка крѣпостного права, которая должна бы была испариться съ исчезновеніемъ послѣднихъ слѣдовъ крѣпостничества, была поддержана и закрѣплена той политикой Александра III, которая этимъ воспоминаніямъ не давала исчезнуть. Крѣпостное крестьянство было безправно, работало на помѣщиковъ, но зато помѣщики ему нужную землю давали. И не то важно, что крестьянскій надѣлъ былъ невеликъ, что въ 61 г. — большая ошибка — онъ былъ иногда меньше того, чѣмъ фактически владѣли крестьяне. Этой ошибкой широко воспользовался оппозиціонный лагерь, но съ его стороны это было оптическимъ обманомъ или простой демагогіей. Величина тогдашнихъ надѣловъ большой роли играть не могла и при увеличеніи населенія помѣщичьей земли все равно на всѣхъ не хватило бы. А то было важно, что въ 61 г. крестьяне не получили и не могли получить полной свободы, что они были для уплаты повинностей къ своей землѣ прикрѣплены, что за полученную помѣщичью землю они продолжали служить на другихъ, въ томъ числѣ на помѣщиковъ, и что тѣсная связь этого неполноправнаго положенія съ крѣпостничествомъ заставляла ихъ думать, что у нихъ остались права и на остальную землю помѣщиковъ. И тѣ, которые въ интересахъ своей политической идеологіи поддерживали крестьянскую обособленность, не замѣчали, что этимъ они вскормили тотъ аграрный вопросъ, безъ котораго Революція не пошла бы въ деревню. И какъ апогей безумія этой политики реакція не понимала, что остроту этого вопроса ей было нужно ослабить, что ей было нужно радоваться тому, что по естественному развитію жизни земля переходитъ изъ помѣщичьихъ рукъ въ руки крестьянства. Если по причинамъ, въ которыя

не стоитъ входить, земельная мобилизація развивалась въ направленіи перехода дворянскихъ земель въ крестьянскія руки, то въ интересахъ дворянства и государства было этотъ процессъ облегчить. Для этого Крестьянскій Банкъ и былъ созданъ; но долгое время дѣятельность его была связана нелѣпымъ условіемъ, чтобы банкъ помогалъ не отдѣльнымъ крестьянамъ, а только обществамъ или товариществамъ, т. е. коллективамъ, иначе сказать Колхозамъ, любимому дѣтищу большевистской политики. Любопытно, что именно либеральное общество было съ этимъ согласно. Я это самъ испыталъ въ своемъ уѣздномъ Комитетѣ въ эпоху обсужденія сельско-хозяйственныхъ нуждъ. Мое указаніе на вредъ и несправедливость этого правила вызвало возраженія со стороны передовыхъ дѣятелей Комитета. Ихъ мотивы были — боязнь «кулаковъ». И въ этомъ отношеніи какъ и во многихъ другихъ нѣкоторыя либеральныя идеи нашли въ практикѣ большевиковъ свою Немезиду. А кромѣ того почти одновременно съ Крестьянскимъ былъ созданъ на болѣе льготныхъ условіяхъ и Дворянскій Банкъ, чтобы противодѣйствовать переходу дворянской земли въ крестьянскія руки. При Плеве и вся дѣятельность Крестьянскаго Банка была взята подъ подозрѣніе, такъ какъ самой цѣли его, естественному переходу земли въ руки крестьянъ, правительство перестало сочувствовать и подобно большевикамъ хотѣло установить «плановой порядокъ». Любопытно, что и позднѣе кадетское «принудительное отчужденіе» въ пользу крестьянъ, долженствовавшее замѣнить естественную земельную мобилизацію, mutatis mutandis отражало ту-же «реакціонную» идеологію.

Такимъ образомъ реакція коснулась не частностей, не недостатковъ реформъ Александра II; она представляла міровоззрѣніе, которое можно было противопоставить міровоззрѣнію эпохи реформъ. Эти послѣднія, не исключая крестьянской реформы, были объявлены измышленіемъ чуждымъ русскому духу, рабскимъ заимствованіемъ у Европы. Въ этомъ реакція не заблуждалась; въ своей совокупности эти реформы превращали Россію въ европейскую демократію, дѣлали новый шагъ на пути, которымъ со времени Петра шла Россія. Ей предстояло изъ полу-феодальной страны превратиться въ буржуазное государство, начать накопленіе капиталовъ, укрѣплять нуж-

ный для капитализма правовой строй и порядокъ, развивать привычку къ самоуправленію и тѣмъ идти къ народоправству. Въ этомъ заключался прогрессъ. Реакція Александра III, несмотря на старанія, Россію съ этого пути свести не могла. Но она съ нимъ боролась; она противопоставила ему свою идеологію съ привлекательной самобытностью; вмѣсто равенства восхваляла сословную обособленность, вмѣсто самоуправленія — просвѣщенную бюрократію; вмѣсто народоправства, превознесла «правду самодержавія» *). Въ этомъ должно было быть счастье національной Россіи.

Эта политика, вытекшая изъ законной борьбы съ революціей, но къ несчастью выродившаяся въ борьбу съ Александромъ II и европеизмомъ, могла окончиться съ царствованіемъ этого Государя. Николай II имѣлъ возможность вернуться къ идеямъ эпохи реформъ и общество отъ него этого ждало. Этого онъ не захотѣлъ. Онъ продолжалъ гибельное дѣло отца не какъ естественную въ исторіи «передышку», а какъ возвращеніе Россіи на ея историческій путь. Именно при Николаѣ II идеологія реакціи получила свою окончательную формулировку. Царствованіе началось, какъ и при Александрѣ III, торжественнымъ провозглашеніемъ Самодержавія, и январьская рѣчь въ Зимнемъ Дворцѣ соотвѣтствовала апрѣльскому Манифесту. Но при Николаѣ II изъ преданности Самодержавію, какъ окончательной формы правленія для Россіи были сдѣланы дальнѣйшіе выводы. Люди различныхъ взглядовъ и настроеній, какъ Муравьевъ, Сипягинъ, Витте и Плеве, именемъ Самодержавія, во имя его интересовъ осудили основы введеннаго въ шестидесятыхъ годахъ порядка; и земское самоуправленіе и судебную независимость и демократическое равенство и всѣ либеральныя пожеланія о политическихъ правахъ населенія. Идеей Самодержавія стало опредѣляться все устройство Россіи и ея отличіе отъ Европы. Въ рѣдкій моментъ такая программа, сводившая все къ сохраненію политическаго строя Россіи, звучала такой бѣдностью воображенія, непониманіемъ стоявшихъ передъ Россіей задачъ. А личность новаго Самодержца менѣе всего соотвѣтствовала роли, которую онъ на самодержавіе возлагалъ. И общество приняло вызовъ. Старый споръ общества съ властью пріобрѣлъ особенно за-

*) Выраженіе Манифеста 29 апрѣля 1881 г.

остренную форму; онъ былъ сконцентрированъ въ одномъ главномъ пунктѣ. Стали думать не о реформахъ, а о реформѣ, по выраженію М. О. Меньшикова. Какъ наканунѣ шестидесятыхъ годовъ въ основѣ режима стояло крѣпостное право, и прогрессивное общество сошлось на одномъ требованіи — освобожденіи; какъ с е й ч а с ъ въ Россіи есть одна проблема низверженія коммунистической партіи, безъ разрѣшенія которой, кромѣ обмана и разочарованія ничего выйти не можетъ; такъ при Николаѣ II съ той же остротой и исключительностью сталъ вопросъ о Самодержавіи. Съ нимъ во всякомъ случаѣ надо было покончить раньше всего и на этомъ пунктѣ сошлись всѣ прогрессивныя направленія. Это движеніе сначала стихійно, а потомъ и организованно охватило Россію въ началѣ 900-хъ годовъ. Оно получило въ исторіи названіе Освободительнаго и стало первымъ практическимъ дѣломъ нашего поколѣнія.

В. Маклаковъ.

Исканія молодого Герцена

(Окончаніе).

3.

Въ настроеніи романтическаго протеста, съ богатствомъ творческихъ плановъ и жаждою «учиться», на самомъ порогѣ жизни Герценъ былъ застигнутъ «тюрьмою и ссылкой». Три трудныхъ года пришлось ему провести внѣ привычнаго дружескаго круга, въ глухой и заброшенной Вяткѣ. Но эти годы невольнаго изгнанія были для Герцена временемъ напряженнаго раздумья и «вырабатыванія себя», а не только порою безсильныхъ грезъ, внушенныхъ тоскливымъ одиночествомъ. Именно въ эти годы принужденнаго Вятскаго сидѣнія въ его сознаніи складываются, и опредѣляются тѣ основныя идеи, которыми онъ живетъ въ слѣдующую эпоху, въ эпоху «сороковыхъ годовъ». Это было время «судорожной юности». Жгучій «опытъ сердца» непрестанно проводился чрезъ горнило раздраженной «рефлексіи» и отливался въ художественные образы. Вокругъ автобіографической темы группируются всѣ литературные замыслы Герцена въ эти годы ссылки. «Я рѣшительно хочу въ каждомъ сочиненіи моемъ видѣть отдѣльную часть души моей», говорилъ онъ тогда, — «пусть ихъ совокупность будетъ іероглифическая біографія моя». Здѣсь сказывался заразъ и повышенный интересъ къ каждому индивидуальному существованію, къ неповторимой и своеобразной «Иліадѣ человѣка обыкновеннаго», и ясное сознаніе трагической загадочности своей личной жизни. И «книжныя теоріи» романтизма, и собственный «опытъ сердца» постоянно раскрывали передъ Герценомъ неизъяснимую прелесть личности человѣческой, и душа его исполнялась благоговѣйнаго трепета предъ мистеріей жизни. «Каждый человѣкъ, говоритъ Гейне, есть вселенная, которая съ нимъ родится и умираетъ, подъ каждымъ надгробнымъ камнемъ погребена все-

*) См. «Совр. Зап.» № 39.

ленная», цитируетъ Герценъ въ предисловіи къ «Запискамъ одного молодого человѣка», и прибавляетъ: «исторія каждаго существованія имѣетъ свой интересъ; это понималъ Шекспиръ, Вальтеръ Скоттъ, Теньеръ и вся фламандская школа: интересъ этотъ состоитъ въ зрѣлищѣ развитія души подъ вліяніемъ времени, обстоятельствъ, случайностей, растягивающихъ, укорачивающихъ его нормальное общее направленіе». Но не извнѣ, пассивно и покорно, слагается личность, а творчески и изнутри.. «Жизнь — мое естественное право», продолжаетъ Герценъ; «я распоряжаюсь хозяиномъ въ ней, вдвигаю свое «я» во все окружающее, борюсь съ нимъ, раскрываю свою душу всему, всасываю ею весь міръ, переплавляю его, какъ въ горнилѣ, сознаю связь съ человѣчествомъ, съ безконечностью»... И отсюда потребность исповѣди. Исповѣдуется Герценъ въ воспоминаніяхъ. Для романтика типично жить воспоминаніемъ или надеждою, — «сіе къ далекому стремленье, сей миновавшаго привѣтъ»... Въ прошломъ и будущемъ, — болѣе, чѣмъ въ настоящемъ, — жилъ Герценъ въ годы ссылки. «Нѣтъ статей, болѣе исполненныхъ жизни, какъ воспоминанія», говорилъ онъ въ 1837 г. «Облекай эти воспоминанія во что угодно, въ повѣсть или другую форму, всегда они для самого себя имѣютъ особый запахъ, пріятный для души. Половина лицъ въ лучшихъ романахъ образовалась такъ; сверхъ того, лицо существующее имѣетъ какую-то непреложную реальность, свой рѣзкій характеръ по тому самому, что оно существуетъ». И Герценъ «набираетъ барельефы изъ своей жизни»... Сперва разрозненные образы прошлаго выступаютъ въ его памяти, затѣмъ они сливаются въ непрерывную кинематографическую ленту. Онъ фиксируетъ ее, и пишетъ повѣсть своей жизни, начиная ломъ Москвы и станомъ Иловайскаго, «гдѣ я сосалъ молоко подъ выстрѣлами», — точь-въ-точь, какъ впослѣдствіи въ «Быломъ и Думахъ». Въ предѣлы этой біографіи входитъ «все», — «я вижу», сознавался Герценъ, «что если я буду продолжать, то почти всѣ статьи взойдутъ въ ту общую статью»; «порядка нѣтъ — отдѣльныя статьи, письма, tutti frutti, далѣе что напишется». Уже во Владимірѣ окончилъ онъ эту «поэму» — «о себѣ». «Три тетради было написано», вспоминаетъ онъ въ предисловіи къ «Былому и Думамъ». Это были «Записки одного молодого человѣка», напечатанныя съ пропускомъ середины въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 и 1841 годовъ. Герценъ ошибался,

будто писаны онѣ были во Владимірѣ отъ скуки: во Владимірѣ онъ только отдѣлалъ на бѣло тѣ черновыя тетрадки, которыя велъ уже давно. По письмамъ Вятскихъ лѣтъ не трудно установить, что за ними стоитъ долгое и непрестанное автобіографическое раздумье. И для окончательной обработки своихъ записей Герценъ выпросилъ у Наташи всѣ свои письма, — «это важнѣйшій документъ нашего развитія и моей жизни», писалъ онъ, — «безъ нихъ мнѣ не было бы возможности продолжать біографію»... Такъ рано началъ Герценъ вспоминать, — началъ вспоминать, когда, казалось бы, нечего и вспоминать. И это потому именно, что воспоминанія были родъ исповѣди для него. Никогда не умѣлъ Герценъ только вспоминать, только разсказывать и описывать. Мыслилъ онъ всегда въ образахъ, но и созерцалъ въ размышленіи. Какъ замѣтилъ еще Бѣлинскій, его «вдохновеніе вспыхивало только для того, чтобы чрезъ вѣрное изображеніе предмета сдѣлать въ глазахъ всѣхъ очевиднымъ и осязательнымъ е г о с м ы с л ъ»... И свою жизнь созерцалъ и описывалъ Герценъ затѣмъ, чтобы вскрыть ея смыслъ, ея «идею». Это неотступное вниманіе къ самому себѣ, это пристальное пересматриваніе всего «яркаго и цвѣтистаго своей юности», это разглядываніе и обдумываніе каждаго шага, каждой встрѣчи, каждаго своего и чужого слова, каждаго движенія души, — все это обличаетъ темпераментъ индивидуалиста, темпераментъ человѣка, сознающаго свою «особенность», свою непринадлежность къ «буйной толпѣ». По характеру своего изобразительнаго дара и самой своей воспріимчивости Герценъ былъ портретистъ и прежде всего портретистъ самого себя. Взоръ Герцена всегда былъ обращенъ внутрь, на самого себя, — начиная съ юности. И годы сосредоточенной «рефлексіи» не могли пройти безслѣдно, не запечатлѣвшись на всемъ душевномъ обликѣ и складѣ. Это было первое «сведеніе счетовъ съ жизнью», первый судъ надъ собою, — и съ этихъ раннихъ поръ надолго впередъ онъ тянется и длится — вплоть до «Былого и Думъ» *).

По счастливой случайности мы можемъ въ Вятскіе го-

*) Автобіографическій характеръ носила и маленькая «повѣсть» — «Елена», писанная въ 1837 году, — въ ней Герценъ изображаетъ свою «земную любовь» (къ Р Медвѣдевой); «она... представивъ тебѣ меня въ третьемъ лицѣ, живо представила всю черноту моего поступка», писалъ онъ Кетчеру. «Это исповѣдь, и исповѣдь, вырвавшаяся

ды слѣдить за Герценомъ почти что изо дня въ день, и слѣдить по его собственнымъ самосвидѣтельствамъ и самопризнаніямъ, — быть можетъ, и преувеличеннымъ нерѣдко прикрасою восторженныхъ увлеченій, но зато не тронутыхъ въ своей непосредственности позднѣйшей правкой и толкованіемъ. Переписка Герцена съ Н. А. Захарьиной, которая въ эти годы и почти что заочно становится его невѣстою, избранницей его мечтательнаго сердца, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ романтической эпохи. Это одна изъ самыхъ благовонныхъ страницъ въ исторіи русскаго романтизма. Въ сущности, это — лирическій дневникъ любви и, при томъ, въ живой діалогической формѣ. «Здѣсь ты — святая», писалъ Герценъ, — «и твое владѣніе безгранично, и я на колѣняхъ предъ тобою»... Съ какою-то нескромною искренностью восторженные и прекраснодушные корреспонденты раскрываютъ здѣсь самые нѣжные тайники своихъ пламенныхъ душъ, и обнажаютъ священнодѣйствіе своей любви. Ибо именно какъ нѣкую мистерію переживаютъ и сознаютъ они свою любовь. Любовь переливается въ молитву, и молитва исходитъ томленіемъ любви. Взаимное стремленіе не только озаряется религіознымъ чаяніемъ, но почти что отожествляется съ нимъ, — обрамляется и обрастаетъ цѣлой тканью религіозныхъ переживаній и грезъ. И въ мечтательной экзальтаціи образы теряютъ свои четкія очертанія, превращаются въ какія-то сверхестественныя, неземныя, святыя видѣнія. Чувства расцвѣчиваются и раскаляются раздраженнымъ «сердечнымъ воображеніемъ». И сердце цвѣтетъ и рдѣетъ. «Огненныя души», удачно выразился тогда самъ Герценъ. — Письма Наташи раскрываютъ глубокую муку дѣйствительно «покинутой подруги», одинокой дѣвушки, окруженной совсѣмъ чуждыми, духовно-грубыми людьми, гордыми въ сознаніи своихъ притязаемыхъ благодѣяній, уже уставшими въ этой роли, принятой на себя когда то въ минуту вспышки скорѣе родового самолюбія, нежели родственнаго участія, и теперь торопящимися переложить свой «долгъ» на первыя попавшіяся плечи... И одна толь-

---

въ самую страдательную, болѣзненную эпоху», поясняетъ онъ. Изданa только въ самое послѣднее время. — Повидимому, біографическій характеръ должна была носить и задуманная повѣсть: Его Превосходительство, — «мрачная, какъ черная ночь» (вѣроятно, о Тюфяевѣ).

ко греза о будущемъ счастьи и о томъ, кто можетъ ей дать его, объ избранникѣ, своемъ суженномъ и обрученномъ, спасаетъ отъ этой ни на мигъ не перестающей внутренней пытки. «Вообрази это сердце, пронзенное несмѣтнымъ множествомъ орудій, все окровавленное и полное любовью, такъ что каждая капля крови, падая на землю, напоятъ любовью и ее, и воздухъ, и согрѣваетъ ихъ, и дымится до самаго неба... — Вообрази теперь, какъ черты твои, изображенныя карандашемъ на бумагѣ, отдѣляются... свѣтлѣютъ... горятъ... горятъ огнемъ святой любви, — о, какъ горятъ... сливаются съ голубымъ свѣтомъ, съ огненными лучами... вотъ, ты небо, ты солнце, солнце и небо твой образъ... Вся природа твой ликъ, огненный и лучезарный. Не видно ни растеній, ни горъ, ни морей, ни людей, — все ты, твое око... — Блѣднѣютъ на душѣ полосы, проведенныя толпою, стихаетъ голосъ сильнаго страданія, закрываются и самыя раны, миръ низлетаетъ на душу и обнимается съ любовью... Островъ покоя... — Прощай, стану читать Евангеліе, у меня ихъ два: Христово и твое. Господь далъ мнѣ твое, и оно указало и открыло мнѣ Господне, и такъ они нераздѣльны, одно безъ другого не существуетъ для меня»... Такъ о себѣ писала Наташа своему Александру. И онъ съ тревогою переживаетъ терзанія самого дорогого и близкаго существа, какъ безсильный и бездѣйственный свидѣтель изъ безпомощнаго далека. Со своей стороны въ Наташѣ видитъ Герценъ «святую голубицу, присланнаго изъ рая ангела Господня», — она даритъ его своею чистою и «небесною любовью», и этимъ даромъ спасаетъ его отъ страсти и осадка «земной любви», отъ дикихъ страстей и гордаго самолюбія. «Рано разбудили мою душу мечты и мысли, и не было чистоты въ этихъ мечтахъ; гордость и самолюбіе захватили душу, и одно чувство дружбы спасало меня отъ холоднаго эгоизма». Вятская идиллія восторженной любви на разстояніи была омрачена «паденіемъ», — покаянные мотивы все время вплетались въ нее... «Существо, далекое отъ высокаго, идеальнаго, но на которомъ несчастія разлили какую то поэзію», писалъ о Медвѣдевой Герценъ Наташѣ... «Мнѣ ее стало жаль»... И жалость смѣшалась съ шалостью, съ шалостью отъ скуки, отъ «стремленія ко всякой симпатіи»... Впослѣдствіи безо всякой жалости разсказалъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» о своей вятской «земной любви», какъ безъ жалости и безъ раскаянія разсказывалъ и о

Гаэтанѣ, — въ немъ, дѣйствительно, было всегда что-то жесткое и безжалостное, какъ огорчался позже Грановскій. Но когда Герценъ писалъ Наташѣ: «я воскресъ любовью къ тебѣ», онъ говорилъ искренно, онъ не только убѣждалъ въ томъ самъ себя. Земная любовь не была подлинной любовью, — «одно самолюбіе увлекало меня». «Наконецъ, душа устала, утомилась», правдиво описывалъ Герценъ. «Она до того падала, что захотѣла воспрянуть оттого, что увидѣла всю пустоту, ужасную пустоту, наполненную смрадомъ, больнымъ дыханіемъ поддѣльныхъ страстей. Тогда среди всего этого тумана, блеснула молнія и при ея свѣтѣ исчезъ туманъ; день еще не насталъ, но туманъ очистился. И это огненное слово было любовь»... Ко дню рожденія Наташи въ 1837 году Герценъ посвящаетъ ей лирическую «Фантазію». Рождается ангелъ, — падучая звѣздочка. На его долю назначено спасти юношу, рожденнаго съ печатью Люцифера, — «съ пурпуровымъ свѣтомъ своимъ, съ высокой необъятною мыслью»... Но онъ хрупокъ и болѣзненъ, «этотъ сосудъ пламенной мысли и сильнаго чувства»; и безъ помощи Божьей «грубыми руками люди захватаютъ, погнутъ, сломаютъ его»... И въ помощь посылается ангелъ, «чистый ангелъ, ангелъ Божій и могъ только воскресить Абадонну»... «Ты возвратила мнѣ небо, великъ твой подвигъ», пишетъ Герценъ. И новая антитеза освѣщаетъ ему смыслъ ихъ встрѣчи и ихъ любви. «Во мнѣ всѣ элементы земли со стремленіемъ туда; въ тебѣ небо, нисходящее на землю. Я однажды писалъ: ты — лучъ свѣта, чистый, падающій на мрачную планету; я — отраженный землею, переломленный лучъ, утративший бѣлый цвѣтъ и возвращающій пурпуромъ... — Я падшій ангелъ, но всему падшему обѣщано искупленіе; ты — путь, черезъ который я долженъ подняться... Любовь есть прямая связь человѣка съ Богомъ... — Мы два потока: ты — широкій, ясный, отражающій вѣчноголубое небо съ солнцемъ; я — бурный, подмывающій скалы, ревущій судорожно, — но однажды слитые: не можетъ быть раздѣла. волна назадъ не польется... — Ты отдалась бурной жизни моей, и мнѣ жаль тебя. Ты или поведешь меня въ рай, или падешь со мною такъ, какъ цѣлыя легіоны ангеловъ, прельщенные красотою Люцифера. Твоя судьба рѣшена...» — Въ этихъ возбужденныхъ взаимныхъ признаніяхъ «сердечное воображеніе» закрываетъ и подавляетъ дѣйствительныя чувства. Въ нихъ многое кажет-

ся надуманнымъ, дѣланнымъ, внушеннымъ. И за условною символикой напыщеннаго «іероглифическаго» языка съ трудомъ угадываются—скорѣе, чѣмъ улавливаются—прямыя и естественныя движенія непосредственнаго и живого чувства. Но было бы неправильно видѣть здѣсь только риторическія фигуры. Тогда такъ не только писали, но такъ видѣли и переживали. И экзальтированный романъ-переписка юныхъ Герценовъ типиченъ для эпохи, для эпохи сентиментальнаго романтизма. Было бы невѣрно относить это самоуниженіе, переплетенное съ самомнѣніемъ, надрывное самообличеніе, соединенное съ чувствомъ какого-то высшаго избранничества, это «развѣнчаніе ума и апотеозъ сердца» — за счетъ временной, внушенной экзальтаціи, развившейся въ тепличной обстановкѣ вынужденнаго бездѣлія, за счетъ «совершенно несвойственной натурѣ Герцена» мечтательной грезы, Grübelei... Ибо вся сентиментально-романтическая фразеологія, весь запасъ образовъ, причудливыхъ и пестрыхъ, которые такъ рѣжутъ «положительный» вкусъ въ вятской перепискѣ Герцена, все это былопредобразовано въ его сознаніи задолго до того, какъ могло сказаться стороннее внушеніе или вліяніе ссылочнаго уединенія и вятской «земной любви». Романъ съ «Гаэтаной» былъ прелюдіей къ «первой любви». Въ «Поэмѣ любви», посвященной Гаэтанѣ (Л. В. Пассекъ) и писанной еще въ серединѣ 1833 года, мы имѣемъ предвареніе тѣхъ стихотвореній въ прозѣ, какими являются письма Герцена къ Наташѣ. То-же противоположеніе страстной, испепеляющей любви и любви мечтательной, говорящей о небѣ, скучающей на землѣ. Та-же гамма красокъ — «отъ синяго до пунцоваго», съ рѣзкимъ преобладаніемъ краснаго цвѣта: «кровавое небо, кровавая рѣка, все кровавое, океанъ крови»... Тѣ-же контрасты — огнедышащая гора, сжигаемая внутреннимъ жаромъ, и «дѣвственница-луна», робкая, религіозная. И тотъ-же роковой исходъ: въ каленомъ воздухѣ пламенной любви сгораетъ и задыхается нѣжное деревцо, — «дерево сѣвера, дерево неба не могло сдружиться съ огнемъ земнымъ». Конечно, безъ труда здѣсь можно угадать книжныя вліянія, — они и въ Вяткѣ остались тѣми-же, что были въ Москвѣ: Шиллеръ и нѣмецкій романтизмъ; теперь прибавились Жанъ-Поль, Жуковскій, Одоевскій, Манцони, Сильвіо Пеллико, Гюго, Шекспиръ (Гамлетъ) и Дантъ, — и, наконецъ, «духовныя книги». Но эти книги не ложились поверхъ души,

а проникали вглубь, «вырабатывали» ее. И юный Герценъ сердцемъ и душою прошелъ весь опытъ сентиментальнаго романтизма; это была эпоха, ступень его внутренняго роста.

Ссылка не переломила духовнаго пути Герцена. Конечно, она дала ему новыя впечатлѣнія и новый опытъ, — не только книжный и не только житейскій. И на воспріимчивой психеѣ человѣка всегда остаются слѣды всѣхъ тѣхъ духовныхъ и внѣшнихъ условій, въ которыхъ слагается и протекаетъ его жизнь. Ни одно впечатлѣніе бытія не теряется даромъ, и каждое, иногда неуловимою нитью, вплетается въ пестрый и перемѣнчивый узоръ душевной жизни. Но вліянія бываютъ разныя. Вліяетъ на фотографическую пластинку и тотъ лучъ свѣта, который впервые запечатлѣваетъ на ней невидимое изображеніе, и проявитель, который только обнаруживаетъ и закрѣпляетъ дотолѣ скрытый, но уже задолго наличный рисунокъ. И слѣдуетъ признать, тѣ «вліянія», которыя переживалъ за время своей ссылки Герценъ, принадлежали ко второму типу: они не вносили новыхъ, прежде невѣдомыхъ и небывалыхъ чувствъ и настроеній въ его духовный міръ; они лишь обостряли, поддерживали и питали то, что уже намѣтилось и обозначилось въ душѣ въ ея собственномъ внутреннемъ ростѣ.

Опираясь на позднѣйшій разсказъ Герцена въ «Былом и Думахъ», большинство его біографовъ говорятъ о полномъ отсутствіи религіознаго элемента въ его воспитаніи и его раннемъ ростѣ, и даже объ органической безрелигіозности его натуры. И на такомъ «трезвомъ» фонѣ сентиментально-«мистическая» восторженность его переживаній и грезъ Вятскаго періода, дѣйствительно, выступаетъ какъ что-то чужеродное и наносное. Кончилась ссылка, кончилось вынужденное одиночество, и гипнотическія чары разсѣялись безъ слѣда, и «трезвая» натура вступила въ права свои... Въ такомъ объясненіи мало чуткости и много фактическихъ ошибокъ. Врядъ ли можно говорить о врожденной «трезвости» Герценовой натуры, — и впослѣдствіи въ самомъ «позитивизмѣ» своемъ онъ всегда оставался «романтикомъ», «идеалистомъ», мечтателемъ, поэтомъ... Его духовный типъ лучше другихъ разгадалъ Достоевскій: «онъ былъ вездѣ и всегда — *поэтъ по преимуществу*», писалъ Достоевскій Страхову послѣ смерти Герцена. «Поэтъ беретъ въ немъ верхъ вездѣ и

во всемъ, во всей его дѣятельности. Агитаторъ — поэтъ, политическій дѣятель — поэтъ, соціалистъ — поэтъ, философъ — въ высшей степени поэтъ! Это свойство его натуры»... И въ свойствахъ его натуры, а не во вліяніяхъ со стороны нужно искать разгадку и объясненіе душевныхъ колебаній и крушеній Герцена, переломовъ его жизни, его душевной драмы. Трудно позабыть о безрадостномъ обрывѣ религіозной весны Герцена, о томъ, что въ концѣ концовъ все это бореніе и исканіе разрѣшается какимъ-то сѣрымъ и даже пошловатымъ распадомъ, въ пустой скукѣ и старческомъ брюзжаніи. Трудно слѣдить за восторженной мелодіей, когда наперед знаешь, что вскорѣ струна лопнетъ и безобразный трескъ разрыва наперед тягостно навязывается слуху: отравляющимъ предчувствіемъ наперед искажается вся игра созвучій. И начинаетъ казаться, что всего этого не было, что это была только поверхностная игра фантазіи, что не было ничего до конца и подлинно пережито. Это — напрасный обманъ зрѣнія. Въ «романтизмѣ» Герцена, дѣйствительно, были основанія для будущаго срыва, — но не потому, что онъ не отвѣчалъ натурѣ Герцена, и не потому, что былъ онъ для него лишь подражательною позой; но потому, что такова двусмысленная природа самого «романтизма».

Мы видѣли, какъ мало «трезвости» было въ юныхъ исканіяхъ Герцена. И къ тому же рисунокъ юности въ «Быломъ и Думахъ» завѣдомо неточенъ. Менѣе всего «просвѣщеніе» и «вольтерьянство» повивало его отроческую душу. И въ юные годы совсѣмъ не одно только Евангеліе читалъ тогда Герценъ, — и читалъ такъ внимательно, что поражалъ законоучителя знаніемъ текстовъ. И не только оно одно «низводило миръ и кротость на душу», отравленную «вольтерьянскою ироніей» и «матеріалистическими софизмами» другихъ учителей. Еще въ годы совмѣстнаго ученія съ Т. П. Пассекъ (и, стало быть, не позже 1828 г.) Герценъ увлекался Ѳомою Кемпійскимъ, и они зачитывались имъ «съ религіознымъ благоговѣніемъ» — «если бы не Ѳома Кемпійскій», признавался тогда же Герценъ, «не знаю, что бы со мною было, въ немъ я нашелъ успокоеніе». Его законоучитель, о. Василій Боголѣповъ, вовсе не ограничивался подготовкою своего питомца «къ экзамену у Терновскаго», какъ разсказывается въ «Быломъ и Думахъ». «О. Василій — восторженный мистикъ, съ душой, раскрытой всему таинственно-изящному», писалъ о

немъ Герценъ въ 1828 году, — «я видѣлъ огонь въ его глазахъ во время преподаванія, видѣлъ слезы на его глазахъ во время литургіи». И даже именно эта восторженность мѣшала ему овладѣть вполнѣ душою юнаго мечтателя, которую болѣе бы тронула простота. Но душа все-таки была пробуждена. И впослѣдствіи Огаревъ вспоминалъ, какъ «тепло молились мы вдвоемъ»... Съ религіозно-патетической стороны, при всей скудости положительнаго религіознаго содержанія, дѣйствовалъ и сенъ-симонизмъ, впослѣдствіи «полу-сенъ-симонизмъ» П. Леру. Какъ вѣрно замѣтилъ еще Скабичевскій, «сенъ-симонистская религія изъ фантазіи перешла въ кровь и нервы, приняла характеръ ожесточенія и развилась въ пламенный мистицизмъ». «Соціалистическіе» писатели любили сравнивать современность съ первохристіанствомъ, и подъ этимъ вліяніемъ Герценъ читалъ Новый Завѣтъ. Передъ ссылкою онъ «велитъ» Наташѣ «читать Посланія»... Въ Крутицахъ, въ казематѣ, во время слѣдствія и суда, онъ берется за чтеніе «Четьихъ Миней»,—«вотъ гдѣ божественные примѣры самоотверженія, вотъ были люди», писалъ онъ Наташѣ изъ тюрьмы. Здѣсь его не разъ навѣщалъ его бывшій законоучитель, «и бесѣда его всякій разъ оставляла въ моей душѣ свѣтлый слѣдъ»... «Возбужденная душа раскрывалась всему святому», разсказывалъ Герценъ о послѣдней, прощальной бесѣдѣ; «плавнымъ, торжественнымъ maestoso окончилась она: благословеніе пастыря, объятія друга напутствовали меня, слезы души любящей заключили ее». И во время ссылки о. Василій освѣдомлялся о Герценѣ, и ему довѣряли въ спискахъ тогдашніе литературные опыты его бывшаго ученика. - Такъ издавна и постепенно подготовлялась въ душѣ Герцена та религіозная возбужденность, которая бурно прорвалась въ годы Вятскаго сидѣнія. Это была не столько вѣра, сколько жажда вѣры. - не религія, но религіозность. И въ этомъ Герценъ не отличался отъ своего поколѣнія.

Во время Крутицкаго заключенія въ творческомъ воображеніи Герцена впервые облекается въ художественныя формы та мысль о столкновеніи двухъ міровъ, къ которой онъ приходилъ въ своемъ историческомъ раздумьи и которая навсегда остается въ фокусѣ его думъ. Въ Крутицахъ Герценъ пишетъ «Легенду», — «Мартирологъ св. Ѳеодоры». «Это было время великой борьбы противъ аріанизма», опредѣляетъ Герценъ время дѣйствія своей

«легенды». «Никогда рвеніе христіанскихъ учителей не было обширнѣе. Весь міръ участвовалъ въ спорахъ, и гонцы спѣшили по всему міру передавать мысли Августина, слово Афанасія». Это было переходное время, два міра сталкивались, и Герценъ выставляетъ, какъ эпиграфъ къ одной изъ главокъ Легенды, слова Августина о двухъ весяхъ и о двоякой любви. Его поражаетъ и восхищаетъ «эта дѣятельность съ колоссальною цѣлью пересоздать общество человѣческое, пересоздать самого человѣка, возвратить его Богу и чрезъ него всю природу». «Монастырскій чинъ и устройство христіанскаго духовенства», пишетъ онъ, «явило дивные примѣры согласованія двухъ идей, постоянно враждующихъ, — іерархіи и равенства, въ то время, какъ политическая исторія человѣчества показываетъ одно безпрерывное стремленіе къ этому согласованію, стремленіе несчастное, ибо способы, для этого употребляемые, бѣдны и мелки»... «Сами христіане, дѣятельность ихъ для развитія идеи, безраздѣльная вѣра въ нее и чистое, святое самоотверженіе», христіанскій героизмъ восхищалъ Герцена. «Забудемте, ради Бога, забудемте нашъ вѣкъ, переселимтесь въ эти времена тихаго созерцанія, въ эти времена неба на землѣ». Тихое созерцаніе это не было сномъ и бездѣйствіемъ. «Весь земная падаетъ, весь небесная создается», — говоритъ игуменъ юношѣ — Ѳеодорѣ, пришедшей въ обитель искать успокоенія. «Что за торжественный день былъ для міра, когда онъ огласился въ первый разъ Евангеліемъ. Міръ, истерзанный войною, услышалъ слова мира; міръ попранный — слово свободы; міръ ненависти — слово любви; міръ невѣрія — слово вѣры. Всѣмъ говорило Евангеліе: исчезли племена и состоянія, фарисеи и саддукеи отвергнуты, эллинъ и іудей приняты. Всѣхъ манило оно въ лоно Божіе, всѣхъ — въ объятія братства». И предъ этою силою, предъ словомъ «гонимыхъ, униженныхъ, отребій міра, скитающихся, нагихъ», палъ и склонился весь міръ, склонился Римъ, этотъ Вавилонъ, «великій городъ, облеченный въ висонъ, порфиру и багряницу», о силу котораго раздробились всѣ народы земные. Но «голосъ ихъ былъ голосъ истины, голосъ Бога и человѣчества», — «они душою предали себя Христу и своему призванію». Они были подвижники вѣры, пламенной и дерзновенной. «Живо представляются мнѣ», говоритъ Герценъ, «эти люди съ пламенной фантазіей и огненнымъ сердцемъ, кото-

рые проводили всю жизнь гимнами Богу, которыхъ обнаженныя ноги сожигались знойными песками Палестины и примерзали ко льдамъ Скандинавіи. Эта жизнь для идеи, жизнь для водруженія Креста, для искупленія человѣка, казалась мнѣ высшимъ выраженіемъ общественности. Ея нѣтъ болѣе, и она невозможна, теперь. Тогда были вѣка, умѣвшіе вѣровать, умѣвшіе понимать власть идеи, умѣвшіе покоряться, умѣвшіе молиться въ храмѣ и умѣвшіе воздвигать храмъ... И тутъ же, казалось, я слышалъ свистъ и смѣхъ, съ которыми встрѣтило XIX столѣтіе религіозное направленіе». «Теперь нѣтъ болѣе въ сердцахъ окрыляющей душу вѣры, вдохновенія, парящаго ввысь», писалъ Герценъ Наташѣ изъ каземата. Свѣтъ холодными, оловянными глазами смотритъ на всякій задушевный порывъ, на всякое искреннее стремленіе, ибо нѣтъ въ немъ вѣры. «Мы восторгаемся, для того, чтобы печатать восторги; мы чувствуемъ, для того, чтобы строчить журнальныя статейки; живемъ для того ,чтобы писать отрывки нашей жизни, какъ будто дѣйствовать есть что-нибудь низшее, а писать — цѣль человѣка на землѣ словомъ, мы слишкомъ авторы, чтобы быть людьми». такъ судитъ Герценъ современность. «Наша жизнь рѣшена, жребій брошенъ, буря увлекла, куда не знаю», пишетъ Герценъ Наташѣ послѣ объявленія «сентенціи» суда. «Не знаю, что т а м ъ будетъ хорошо, тамъ отдыхъ и награда. Человѣчество, для него все. Для него родятся люди ему обязаны мы; но что мы можемъ? Малое, — но и малое есть нѣчто... «Послушайте, братія, не нищихъ ли Богъ избралъ быть богатыми вѣрой»... — Такъ подводилъ Герценъ юношескіе итоги, и съ такими грезами отправлялся въ дальній путь. Въ этомъ религіозно-мечтательномъ героизмѣ слились всѣ думы «ученическихъ лѣтъ».

И любопытно сравнить тотъ путь, который проходитъ въ то же время присный другъ Герцена, Огаревъ. Сразу же по пріѣздѣ въ Пензу, гдѣ, въ родительскомъ домѣ, онъ чувствуетъ себя, пожалуй, еще болѣе одинокимъ, чѣмъ Герценъ въ Перми и Вяткѣ, Огаревъ погружается въ натурфилософское чтеніе, и принимается «строить вселенную а ргіогі». «Обнять весь этотъ міръ знанія, провидѣть начало и результаты идей и потомъ съ твердостью и силою выступить на поприще практической дѣятельности, — вотъ цѣль моя», писалъ онъ московскимъ друзьямъ. — «Очеркъ» построенной имъ тогда системы сохранился до

насъ, — онъ весь въ тонахъ шеллингизма. И назвалъ его Огаревъ «исповѣданіемъ вѣры», profession de foi. Огаревъ писалъ по французски, — кажется, съ шеллингизмомъ онъ познакомился сперва во французскомъ переложеніи. Мысль его колеблется, слова двоятся, — онъ самъ признается, что «надобно учиться, безконечно больше учиться, чтобы разобраться въ этомъ»... Онъ старается понять мірозданіе, какъ реализацію Бога, Бога, какъ идеи. Но въ Богѣ идея и дѣйствіе одно. Богъ связанъ съ міромъ любовію, и Божественная любовь есть чистая умная любовь. И въ мірѣ все связано любовію, взаимнымъ притяженіемъ. Есть путь отъ природы къ человѣку; это — путь «идеализаціи», побѣда «идеи». Человѣкъ есть въ мірѣ нѣкій самостоятельный міръ, un monde à lui; и въ немъ собираются всѣ предшествующія ступени, и онъ собираетъ въ себѣ Божественную жизнь. Dans son organisation toute la nature se récapitule... Человѣкъ есть малый міръ и средоточіе міра. Во взаимной всеобщей связи все вліяетъ другъ на друга, и ни одной частицы нельзя вынуть изъ этого цѣлаго, безъ того, чтобы вселенная не распалась. Взаимная любовь людей, это прекрасное и чистое братство, провозглашенное Іисусомъ, думаетъ Огаревъ, есть тоже отраженіе всеобщей связи, этой міровой души, живущей въ мірозданіи. Взаимная любовь людей коренится въ любви къ Богу, и потому эгоизмъ безбоженъ. Человѣчество должно стремиться къ возсоединенію. И въ этомъ всечеловѣческомъ развитіи каждый имѣетъ свою задачу и призваніе. Каждый есть апостолъ нѣкой идеи, и такъ свершается Божественное откровеніе, — chaque individu est un apôtre d'une idée et c'est ainsi que nous vient la révélation divine. Есть избранные, и въ нихъ открывается Душа міра... Къ избраннымъ причисляетъ себя Огаревъ: «мой fatum написанъ рукою Бога на пути вселенной: онъ неизмѣненъ»... Путь къ единству лежитъ черезъ противопоставленія и противоборство. Такова современность. Христіанство есть дуализмъ, думаетъ Огаревъ. Матерія — зло, и надо бѣжать отъ печальной земли въ «иной міръ». Но будетъ боренію конецъ, человѣчество ожидаетъ величественное и прекрасное будущее... И власть міра падетъ, и воцарится іерархія, которая откроетъ вамъ божество и освѣтитъ вамъ путь, и ваше искусство будетъ выраженіемъ Божества во вселенной, оно будетъ поэмой мірозданія, гимномъ Богу...» «Я вижу вѣкъ, который пре-

ходитъ и умираетъ, и будущее, которое родится изъ его пепла», восклицаетъ Огаревъ, — Je vois le siècle qui passe et meurt et l'avenir qui renait de sa cendre... И онъ заключаетъ свое «исповѣданіе» своеобразной молитвой и славословіемъ: Etre absolu! Gloire à toi! parce que tu es... Gloire à toi parce que tu es dans l'univers et l'univers en toi... Gloire à toi parce que tu es dans l'humanité et l'humanité en toi... Gloire à toi parce que tu es en moi et moi en toi, et je tacherai de marcher dans tes voies et d'accomplir ce que tu m'auras ordonné... Gloire à toi! Amen. — Въ этомъ пантеистическомъ исповѣданіи причудливо сплетаются мотивы религіи сенъ-симонизма и натурфилософіи.

По сохранившимся письмамъ Огарева мы можемъ точно и подробно установить, что онъ читалъ и гдѣ искалъ вдохновенія. И прежде всего это была поэзія и музыка. Затѣмъ — философія и натурфилософія: самъ Шеллингъ, его «Система трансцендентальнаго идеализма», натурфилософія Окена, исторія нѣмецкой философіи Баршу-де-Пенгоена, сравнительная анатомія Биша, система медицины Кизера, Ганеманнъ... Съ такими вкусами Огаревъ уже и выѣхалъ изъ Москвы, натурфилософская фаза ума тамъ началась для него. «Мои теоретическія занятія», вспоминалъ онъ впослѣдствіи, «не вели меня къ дѣятельному спокойствію яснаго сознанія, сильно пахли метафизическимъ мистицизмомъ безъ религіи, отысканіемъ таинственныхъ силъ и таинственной связи вещей... Но какъ бы то ни было, я считалъ себя взошедшимъ на поприще мученичества и ждалъ выхода, но выхода въ новую дѣятельность и новое мученичество». Сенъ-симонизмъ еще властвовалъ надъ его мыслію, онъ размышлялъ о томъ, какъ въ общественной организаціи «сохранить при высочайшемъ развитіи общественности полную свободу индивидуальную». «Да, это задача для жизни рода человѣческаго», писалъ Огаревъ, «чѣмъ ближе къ разрѣшенію, тѣмъ ближе къ совершенству. Эту задачу пусть разрѣшаетъ человѣчество, какъ скоро сброситъ ветхую епанчу свою. Сочетать эгоизмъ съ самопожертвованіемъ — вотъ въ чемъ дѣло; вотъ къ чему должно стремиться общественное устройство». Сопоставляя впослѣдствіи вліяніе сенъ-симонизма и натурфилософіи, Огаревъ признавался, что, «помогая въ стремленіи къ мученичеству за новыя вѣрованія», сенъ-симонизмъ помогалъ ему «и въ метафизическомъ мистицизмѣ не меньше, чѣмъ натурфилософія»..

Сердце Огарева жаждало любви, и мы знаемъ теперь исторію его «первой любви», - буйный экстазъ и экзальтація, сплавъ «идеализма» и «мистики»... На Кавказскихъ водахъ, куда Огаревъ съ женой былъ отпущенъ изъ Пензы въ 1838 году, онъ встрѣчается съ декабристомъ кн. А. И. Одоевскимъ, и тотъ вводитъ его въ кругъ александровскаго мистицизма. «На моей хорошо подготовленной романтической почвѣ», разсказывалъ онъ впослѣдствіи, «быстро выросталъ христіанскій цвѣтокъ — блѣдный, унылый, съ наклоненной головой, у котораго самая чистая роса похожа на слезы. Вскорѣ я могъ съ умиленіемъ читать Ѳому Кемпійскаго, стоять часы на колѣняхъ передъ распятіемъ и молиться о ниспосланіи страдальческаго вѣнца и за русскую свободу».

Хочу переносить гоненья,
Чтобы замолкнулъ звукъ цѣпей
И часъ ударилъ примиренья.

(Христіанинъ, 1838).

Въ душѣ Герцена «романтическая почва» тоже издавна была хорошо подготовлена. Друзья шли разными и независимыми путями, но передъ концомъ ссылки они встрѣчаются въ полномъ созвучіи стремленій, въ одинаковомъ настроеніи религіознаго возбужденія и грезы. И вмѣстѣ плачутъ на колѣняхъ передъ чугуннымъ распятіемъ, — это было новое «вѣнчаніе сочетающихся душъ, вѣнчаніе дружбы и симпатіи». Эта внутренняя встрѣча безспорно свидѣтельствуетъ, что корни мистической «религіозности» у обоихъ друзей лежали много глубже того душевнаго слоя, гдѣ собираются и перерабатываются внѣшнія воздѣйствія, — въ изначальныхъ основахъ личности, въ ея первозданной природѣ.

Въ одномъ изъ своихъ вятскихъ писемъ Герценъ вкратцѣ разсказываетъ о своемъ религіозномъ пути. «Знаешь ли ты», писалъ онъ Н. А. Захарьиной 9 апрѣля 1837 года, «что до 1834 года у меня не было ни одной религіозной идеи; въ этотъ годъ, съ котораго начинается другая эпоха моей жизни, явилась мысль о Богѣ; что-то не полонъ, недостаточенъ сталъ мнѣ казаться міръ, долженствовавшій вскорѣ грозно наказать меня». «Въ тюрьмѣ усилилась эта мысль», продолжаетъ онъ, «и по-

требность Евангелія была сильна; со слезами читалъ я его, — но не вполнѣ понялъ; доказательство тому — «Легенда». Я выразумѣлъ самую легкую часть—практическую нравственность христіанства, а не само христіанство. Уже здѣсь, въ Вяткѣ, шагнулъ я далѣе, и моя статья «Мысль и Откровеніе» выразила религіозную фазу, гораздо высшую... Я такъ успѣлъ перестрадать и пережить много, что увидѣлъ съ ужасомъ на 23 году жизни, что весь міръ этотъ суета суетствій, и, испуганный, сталъ искать отчизны души и мѣста покоя. Первый примѣръ были апостолы и святые, въ нихъ я видѣлъ именно тотъ покой, котораго недоставало въ моей душѣ. Отчего же? Отъ вѣры, — надобно было узнать, что такое вѣрованіе, но у меня недоставало чистоты понять Евангеліе, тогда-то Провидѣніе сдѣлало чудо для меня, послало 9-ое апрѣля. Этотъ переворотъ былъ огроменъ... Тѣло отставало отъ духа, я уснулъ, и сонъ мой — печальная жизнь въ Вяткѣ, была послѣдняя дань пороку. Проснувшись, я другими глазами взглянулъ на природу, на человѣка, и наконецъ на Бога, я сдѣлался христіанинъ»... Въ этомъ волнительномъ самопризнаніи Герценъ четко изображаетъ свой религіозный путь: отъ «практической нравственности», отъ моралистическаго героизма, къ религіозному реализму. То новое, что ему открылось въ Вяткѣ (и, можетъ быть, подъ вліяніемъ Витберга), это было религіозное воспріятіе космоса, — если угодно, эстетическій пантеизмъ. Міръ, какъ Откровеніе, — вотъ содержаніе новаго опыта Герцена. Герценъ не только противополагаетъ теперь наличной «дѣйствительности» идеальную норму «иного», будущаго и «лучшаго міра», но ощущаетъ преимущественную и вѣчную дѣйствительность этого «иного» міра. Письма Герцена изъ Вятки обвѣяны такою непосредственностью опытнаго узнаванія, которую совершенно несообразно сводить на литературную условность. Романтическая поэзія и «духовныя книги» (мистическая литература Александровской эпохи, Эккартсгаузенъ, между прочимъ) дали ему только словесный аппаратъ для закрѣпленія того, что было на-яву испытано и пережито. «Земля — это падшій ангелъ, земля — это рука Божія, ведущая падшаго въ рай, и на ней соединились двѣ красоты: красота ангела и красота мило-

сердія Божія. Посмотри на это небо, на немъ солнце роскошное и теплое, - - это любовь Бога, взглядъ отца. Посмотри на эти горы, утесы, разбросанные камни, — это изнеможенное тѣло непокорнаго сына; но вотъ, отовсюду ко взору отца стремится жизнь, деревья, мохъ, и это усиліе жизни, кончающееся цвѣткомъ, — въ цвѣтахъ уже стерта печать отчаянія, въ нихъ радость бытія. И между этимъ-то взоромъ отца и воскресающимъ трупомъ сына есть мысль и чувство, облеченное въ свѣтъ Бога, въ плоть падшаго ангела, — человѣка. Ему дано узнать изящное вселенной, онъ умѣетъ радоваться небомъ, моремъ, взглядомъ подруги, и онъ не долженъ прежде уйти съ земли, покуда не постигнетъ все изящное на ней. Самая раздѣльность... носитъ на себѣ начало наслажденій Божественнаго»... Здѣсь не одна только условная символика, это — исповѣдь.

Здѣсь - черта, роднящая Герцена со всѣмъ поколѣніемъ «тридцатыхъ годовъ». М. О. Гершензонъ мѣтко опредѣлялъ основную черту тогдашняго юношескаго идеала, какъ «возвышенную мечту о нерасторжимой связи, соединяющей человѣка съ космосомъ, о красотѣ, наполняющей космосъ, о божественномъ достоинствѣ человѣческой личности». Не для одного Станкевича, религія была прежде всего — радостнымъ утвержденіемъ міра. Это было типично для всего поколѣнія. И болѣе того, это есть основная черта всего романтизма, созидающая его мощь и въ то же время взрывающая его изнутри. Въ области религіознаго чувства и религіознаго умозрѣнія романтизмомъ было осуществлено то, что въ философіи новаго времени связано съ именемъ Шеллинга, — открытіе природы, открытіе и утвержденіе ея существенной подлинности. Религіозное чувство перестаетъ быть только переживаніемъ, схороненнымъ въ сердцѣ человѣческомъ; разбиваются оковы религіозно-психологическаго солипсизма, человѣкъ пересталъ себя чувствовать наединѣ и въ чужомъ мірѣ, ощущаетъ себя въ реальномъ созвучіи и сожитіи со вселенной. Такъ дается, такъ открывается романтику міръ, — какъ божественная симфонія, какъ риза Божія, какъ храмъ, нерукотворное чудо, зажигающее душу восторгомъ трепетнаго сразу и бодраго благоговѣнія. Въ этомъ, конечно, не весь романтизмъ, — въ романтизмѣ былъ и противоположный полюсь, тоскливая тяга къ замыканію души, переполненной до края уже въ самой

себѣ, однимъ уже самонаблюденіемъ, тяга къ тому полусолипсическому и прекраснодушному томленію, которое проповѣдывалъ, напримѣръ, Шлейермахеръ. Но въ религіозномъ воспріятіи и чувствѣ природы была частичная правда романтики. И ее почувствовалъ и пережилъ въ Вяткѣ Герценъ, разбуженный къ полнотѣ жизни дружбою и любовью. Въ этомъ пробужденіи помогъ ему и Витбергъ. Сразу полюбилъ его Герценъ и склонился передъ нимъ, какъ предъ непризнаннымъ и гонимымъ геніемъ, какъ предъ великимъ художникомъ, недоступнымъ для толпы. «Онъ понимаетъ всякій восторгъ, цѣнитъ всякое чувство, онъ артистъ въ душѣ, артистъ не zum Zeitvertrieb, а потому что онъ не могъ бы быть не артистомъ. Въ его головѣ родилась мысль высокая, — сбыточная или нѣтъ, — что за дѣло! Мысль эта обвила все его существованіе, была сердцемъ его жизни, — и не удалась. Пусть другіе назовутъ его сумасшедшимъ; я думаю, что онъ великій человѣкъ мелочнаго времени». Таково было первое впечатлѣніе Герцена. «Твой голосъ, какъ голосъ Бога къ избранному народу, воскресилъ меня», писалъ Герценъ Наташѣ: «но мнѣ нужна была опора твердая, крѣпкая. Душа вырвалась уже отъ пыли земной, но тѣло еще лежало, и, дивись Провидѣнію, въ самое это время явился Витбергъ. Наша жизнь встрѣтилась, наши несчастія насъ сблизили, еще болѣе симпатія души тѣсно и крѣпко связала мою жизнь съ его жизнью»... Витбергъ, по личному складу своему и по своимъ творческимъ замысламъ, былъ типическимъ человѣкомъ «Александровыхъ дней», эпохи прекраснодушно-мечтательныхъ и въ то же время пряныхъ религіозныхъ предчувствій. Вѣроятно, онъ давалъ Герцену «духовныя книги» и Экхартсгаузена прежде всего. Онъ училъ Герцена «вникать въ обряды нашей Церкви», и не одними только умомъ постигать ихъ «глубокій, таинственный смыслъ», но «чтобы и сердце брало въ нихъ участіе». Религіозный смыслъ искусства, таинственный его символизмъ — это основная мысль Витберга; основная идея его творческаго плана, чтобы все во храмѣ и самое зданіе являло и было воплощенной молитвой. Подъ вліяніемъ Витберга, конечно, начинаетъ Герценъ писать «архитектурную статью». «Въ Церкви любовь къ Богу выражена всѣми искусствами», говоритъ онъ; «литургія — поэзія, гіероглифъ, какъ тѣсно изящное съ религіей». И съ благоговѣніемъ приступаетъ Герценъ къ исповѣди и причастію, въ восто-

гѣ переживаетъ Пасхальную радость... Это не была субъективная эстетика, но символическій реализмъ *).

Уже въ первый годъ ссылки Герценъ проситъ и умоляетъ Сазонова и Кетчера прислать ему «духовныя книги», — «Сведенборговы духовидѣнія, Эйнемозера о магнетизмѣ, и все, что можете, объ алхиміи, адептахъ, Парацельсѣ, неоплатоникахъ временъ Аполлонія Тіанскаго». Ему это было нужно для литературной работы: онъ писалъ «статью о религіи и философіи», — «Мысль и Откровеніе», называлъ онъ ее впослѣдствіи. Это не было разсужденіе, — «это просто пламенное изложеніе моей теоріи», пояснялъ онъ, и туда «надобно вписывать каждую религіозную мысль»; «это — повѣсть, разговоръ, диссертація, это изложеніе чувствъ и думъ, какъ вылилось»... Повидимому, эта «повѣсть» была связана съ лицемъ Витберга, — второе названіе ея было: Шведъ. Впослѣдствіи Герценъ хотѣлъ продолжить свою запись «чувствъ и думъ», — въ повѣсти «Тамъ!» Опять «лицо самого шведа должно было явиться» въ ней. И Герценъ спрашиваетъ своихъ другей: «можно ли въ формѣ повѣсти перемѣшать науку, каррикатуру, философію, религію, жизнь реальную, мистицизмъ? можно ли середь пошлыхъ фигуръ des Alltagslebens поставить фигуру алхимическую, середь страстей теллурическихъ — показать путь т у д а?». Въ оправданіе Герценъ ссылается на Мейстера и на Данта. — Эти опыты Герцена не сохранились. Но объ ихъ основной «религіозной мысли» мы можемъ догадаться по письмамъ Герцена и по возраженіямъ Огарева. «Теперь о твоей системѣ», писалъ Огаревъ, — «я ей не вѣрю... Я не вѣрю двумъ началамъ міра. Одно начало въ немъ — Богъ; одна идея выразилась въ безконечности міра, одно существо составило его». «Если міръ есть воплощеніе, — о т к р о в е н і е», продолжаетъ Огаревъ, «то какъ же матерія можетъ быть болѣзнью»; и противопоставляетъ «дуализму»

*) Вѣроятно, съ Витбергомъ посѣщалъ Герценъ экзамены въ духовной семинаріи, — о преподаваніи въ ней онъ отзывается въ общемъ съ одобреніемъ («латынь знаетъ самый маленькій, преподаваніе философіи бѣдно, но богословіе въ объемѣ высшемъ, философскомъ»), — учителя большей частью изъ Петербургской академіи, временъ еще Филарета и библейскаго общества. Посѣщалъ Герценъ и мѣстнаго архіерея. «И такъ духовенство досель еще не лишилось своего истиннаго и высокаго призванія — просвѣщать», заключаетъ Герценъ, — «жаль, что оно такъ недѣятельно».

своего друга Шеллингово «тожество бытія и идеи», отгораживаясь въ то-же время и отъ «новѣйшаго пантеизма»: «здѣсь» и «тамъ», – заострилась греза по «мірѣ иномъ». Для Герцена это было не только догадкой, но переживаніемъ; «дуализмъ», несомнѣнно, наполовину былъ вычитанъ изъ «духовныхъ книгъ», подсказанъ «мистической» и сентиментальной аскетикой, но Герценъ почувствовалъ и на яву жало плоти. «Это тѣло мѣшаетъ», писалъ онъ Наташѣ. «Просторъ, просторъ, и я наполню все безпредѣльное пространство одною любовью. Прочь тѣло»! — Это была реакція на прежнее «искупленіе плоти». И Герценъ обосновываетъ ее идеей паденія. «Паденіе Люцифера, какъ огромная аллегорія», эта мысль занимаетъ его уже весною 1836 года. «Всѣ теоріи о человѣчествѣ — вздоръ», пишетъ онъ нѣсколько позже «московскимъ друзьямъ». «Человѣчество есть падшій ангелъ... Всѣ понимавшіе вѣрили въ потерянный рай: Вико, Паскаль. И что намъ осталось? два эти теченія противоположныя, которыя губятъ, отравляютъ насъ своею борьбой: эгоизмъ — это тяготѣніе, это мракъ, контрактивность, прямое наслѣдіе Люцифера, и любовь, — это свѣтъ, расширеніе, прямое наслѣдіе Бога». Эгоизмъ – «это проказа, это чума душъ человѣческихъ, остатокъ паденія»... «Представь себѣ человѣчество, соединенное такъ тѣсно любовью, подающее другъ другу руку и сердце, дополняющее другъ друга», писалъ Герценъ Наташѣ, — «и великая мысль Творца, великая мысль христіанства откроется передъ тобою. Что мѣшаетъ этому соединенію? Тѣло въ смыслѣ матеріальномъ, эгоизмъ, въ смыслѣ духовномъ, — вотъ орудіе, которымъ дѣйствуетъ Люциферъ противъ воплощеннаго Слова»... — Робкій, застѣнчивый, но пылкій юноша, передаетъ Герценъ замыселъ своей повѣсти «Студентъ», —влюбляется въ прелестную дѣвушку, трупъ которой ему приходится разсѣкать въ анатомическомъ театрѣ, — это его первая любовь. Онъ сожигаетъ трупъ и благоговѣйно хранитъ драгоцѣнный пепелъ; и всю жизнь, до сѣдинъ, ищетъ тайны воскресенія. Она не дается ему, онъ живетъ только надеждою, – «главная идея повѣсти», замѣчаетъ Герценъ; и только на смертномъ одрѣ «она слетаетъ къ нему, и онъ не существуетъ болѣе»... — «Не въ томъ-ли и состоитъ жизнь человѣчества», спрашиваетъ Герценъ, «чтобъ наконецъ выразить собою одного человѣка, одно существо, одну душу, одну волю; и это чело-

вѣчество сплотившееся — Христосъ, это его второе пришествіе, возвращеніе къ Богу... — Любовь есть единственный возможный путь къ возстановленію человѣка..., два человѣка потерянные другъ въ другѣ, любовью составляютъ ангела, т. е. выражаютъ во всей чистотѣ перваго человѣка, возвращаются къ тому единству, которое уничтожаетъ бореніе. Двойство — всегда бореніе. Богъ — единъ... Знаешь-ли, кто только не эгоистъ? Тотъ, кто смиренно лежитъ во прахѣ передъ иконой Спасителя съ полной вѣрою; тотъ, кто сладостный и грустный взоръ остановитъ на дѣвѣ съ чистою любовью. Тутъ погибаетъ это гордое, всепожирающее я»... — Такъ поверхърелигіозно-моралистическаго героизма, поверхъ космическаго чувства наслаивается въ сознаніи Герцена мистическая романтика любви. И этимъ исчерпывается его религіозный опытъ.

Этимъ исчерпывалась романтическая религіозность вообще, — религіозность заступала мѣсто религіи. Это была религія въ предѣлахъ одного только міра,—откровеніе Божественнаго, а не Бога. Все божественно въ мірѣ, но за предѣлами міра нѣтъ ничего. Въ этомъ роковой порокъ и порогъ романтической религіозности. Въ этомъ ея дурной субъективизмъ, — не въ текучести непостоянныхъ настроеній, но въ натурализмѣ опыта. И отсюда трагическая діалектика идеи рока и судьбы. Міръ открывается, какъ связное и цѣльное единство, самодовлѣющее и самозаконное, влекущее или ведущее человѣка. Божественное открывается, какъ Провидѣніе или какъ судьба. Для однихъ эта судьба открывается, какъ высшая и благая разумность, — и всенародно и всеблаженно отдаются они ея непреоборимой силѣ. Для другихъ, непримиренныхъ и непримиримыхъ, она повертывается къ нимъ своимъ слѣпымъ, своимъ злымъ ликомъ; и они переживаютъ нездѣшнюю волю, какъ безсмысленныя оковы... Душа человѣка не есть что-то разъ навсегда опредѣленное, она переходитъ въ своемъ опытѣ отъ консонансовъ къ диссонансамъ бытія; въ минуты «счастья» хочется благословлять «судьбу», въ минуты отчаянія накипаютъ проклятія. На такомъ зыбкомъ основаніи не можетъ укрѣпиться религіозная жизнь, какъ бы сильна ни была первоисходная тяга духа. Станетъ непосильно мечтательное оправданіе міра, явившаго свой безсмысленно-безпощадный ликъ, и вѣра рухнетъ. Останется «равнодушная природа». — Такъ

именно и случилось съ Герценомъ. Его религіозное крушеніе связано съ противорѣчіями религіозно-натуралистическаго провиденціализма. Провидѣніе для него заслоняло Бога. Случай, предопредѣленіе, судьба, — это постоянныя темы размышленій юнаго Герцена. Онъ постоянно убѣждается въ недовѣдомой ирраціональности жизни, и пока покорно склоняется предъ непостижною судьбой. «Есть ужасная вещь — предопредѣленіе», пишетъ онъ; «оно ежели гонитъ кого, то гонитъ до погибели»... «И замѣть», подчеркиваетъ онъ, «что во всѣхъ этихъ возможностяхъ воля моя нисколько не участвуетъ; я именно, какъ лодка, брошенная на морѣ, даже не имѣю силы желать того или другого, а долженъ ждать, чѣмъ и какъ развяжетъ судьба эту повѣсть моей жизни». Часто Герцена смущаетъ, «неужели Провидѣніе такъ непонятно управляетъ дѣйствіями нашими, жизнью, — что иногда имѣетъ весь видъ слѣпого случая»... Но онъ вѣруетъ, «что за непонятными іероглифами передаетъ свою волю Провидѣніе человѣку, и эта таинственность, завѣса непроницаемая, этотъ безотчетный приказъ, котораго цѣли не видать, а необходимость повиноваться очевидна»... «Случая нѣтъ, — вездѣ перстъ Его», восклицаетъ Герценъ, — «это іероглифъ съ высокимъ смысломъ». «Человѣкъ не долженъ забѣгать Провидѣнію, не долженъ натягивать себѣ поприще. Ежели онъ избранный, то его задавитъ огромность предположенія безъ силъ исполнить... Человѣкъ понялъ высокимъ инстинктомъ, еще лучше откровеніемъ, тотъ общій законъ, по которому Богъ ведетъ человѣчество, — онъ понялъ, что вся эта природа есть возвращеніе отъ паденія. Но частности этого закона — тайна Его... Но не тщетно же существованіе ихъ. Нѣтъ, я твердо вѣрю въ строгую послѣдовательность и отчетливость Провидѣнія... Но какъ найти твердости, чтобы спокойно переносить и тою же молитвою благодарить бы ударъ ножомъ въ сердце, и за небесный цвѣтокъ, брошенный ангеломъ. Какъ? Вотъ въ этомъ-то вся задача. Опять воротимся къ Чашѣ горькой и къ молитвѣ на Масличной горѣ»... «Непонятны иногда Его пути, но я вѣрю въ нихъ, и слѣпо повинуюсь», заключаетъ Герценъ. — И настало время, когда въ Провидѣніи ему почудился слѣпой случай, безъ «высокаго смысла». И тогда поблекъ для него весь міръ, опустошенный, пустой, но всесильный. Но и тогда не изсякъ пылъ души, огненной и бурной.

4.

«Тутъ оканчивается лирическій отдѣлъ нашей жизни», писалъ впослѣдствіи Герценъ, вспоминая о Владимірѣ. Здѣсь исполнилась его давняя мечта и греза, онъ соединяется съ Наташей. И послѣ первыхъ восторговъ, успокаивается его мысль, — наступаетъ «гармоническое бытіе послѣ судорожной юности»... Новые творческіе планы рождаются. Но прежде всего Герценъ подводитъ итоги пережитому и передуманному. Онъ обрабатываетъ свои Вятскія автобіографическія тетрадки, кончаетъ «архитектурную статью», «Кристаллизація человѣчества», — «безспорно лучшее, что выходило изъ моего пера», казалось ему тогда. Онъ много читаетъ, и впервые прочитываетъ «Иліаду». Читаетъ Библію, и думаетъ писать поэму: Даніилъ въ Вавилонѣ. И среди всѣхъ этихъ занятій старая антитеза двухъ міровъ снова оживаетъ въ его творческомъ воображеніи, — тема, надъ которой онъ задумывался на порогѣ ссылки и освѣщалъ въ своей «Легендѣ».

«Человѣчество живетъ въ разныя эпохи по двумъ разнымъ направленіямъ», писалъ Герценъ по поводу Гамлета въ 1837 году, — «или оно имѣетъ вѣрованіе, и тогда всѣ искусства запечатлѣны религіозностью, надеждою на лучшій міръ, или оно низлагаетъ вѣрованіе, и тогда что за удѣлъ поэта: небо у него отнято вѣкомъ, люди, ломающіе вѣру, обыкновенно гнусны, въ собственной душѣ находитъ онъ пустоту, и ему остаются два чувства: проклятіе и отчаяніе. Въ такую-то эпоху жилъ Шекспиръ». И такая-же эпоха вновь настала въ XVIII-омъ вѣкѣ, — «грубыя правила философіи прошлаго столѣтія, матеріализмъ и невѣріе», опредѣляетъ Герценъ; нѣтъ никакого переходa къ новому вѣку, къ нашему времени съ его пробуждающимся «вѣрованіемъ» — люди разныхъ эпохъ не понимаютъ другъ друга, оврагъ дѣлитъ ихъ. Кстати замѣтить, сопоставленіе эпохъ вѣры и невѣрія Герценъ могъ встрѣтить и у Гёте, котораго читалъ онъ во Владимірѣ, въ «Замѣткахъ къ Западно-Восточному Дивану». «Всѣ эпохи, въ которыхъ господствуетъ вѣра», говоритъ Гете, «отличаются блескомъ, могучимъ подъемомъ духа и плодотворною дѣятельностью. Напротивъ, всѣ эпохи, когда невѣріе одерживаетъ печальную побѣду, хотя бы гордились нѣкоторое время обманчивымъ блескомъ, исчезаютъ для потомства». — Смѣну вѣковъ Герценъ хотѣлъ изобразить,

и снова на историческихъ примѣрахъ, въ своей «фантазіи»: Палингенезія. Ея первое дѣйствіе или первая часть — «Римскія сцены», «сцены изъ умирающаго Рима». Невѣріе встрѣчается и сталкивается съ вѣрою... «Есть особое состояніе трепета и безпокойства, мучительнаго стремленія и боязни, когда будущее, чреватое цѣлымъ міромъ, хочетъ развернуться, отрѣзать все былое, но еще не развернулось, когда сильная гроза предвидится, когда ея неотразимость очевидна, но еще царитъ тишина», такъ характеризуетъ Герценъ теперь «переходныя эпохи». — «Этотъ трепетъ предъ будущимъ, неизвѣстнымъ, но близкимъ, - - это отрицаніе всѣхъ узъ, которыми сросся человѣкъ съ былымъ и съ существующимъ, — это мученіе неизвѣстности, мученіе предчувствія и необладанія хотѣлось мнѣ уловить въ тогдашнемъ состояніи умовъ», такъ нѣсколько позже передавалъ Герценъ мысль «Римскихъ сценъ». Съ одной стороны Римъ — «мрачный, окровавленный, развратный, снѣдаемый страстями», отходящій «въ корчахъ ,судорогахъ, съ рѣчью предсмертнаго бреда»; съ другой — «бѣдная община гонимыхъ, угнетенныхъ проповѣдниковъ Евангелія, сознавшая, что ей вручено пересозданіе всего міра», — «рядомъ съ распадающейся весью, которой все достояніе въ воспоминаніи, въ прошедшемъ, — святая хранилищница благой вѣсти, вѣры и надежды въ грядущее». Съ одной стороны ф а к т ъ Рима, съ другой — и д е а л ъ христіанства. Не внѣшняя, общественная или бытовая, сторона этого столкновенія двухъ міровъ занимаетъ Герцена, но внутренняя и психологическая, — «не страданіе города, а отчаянный крикъ человѣка — и врачеваніе его словомъ Евангелія». Борьбу двухъ міроощущеній хочетъ Герценъ прежде всего представить, и изображаетъ ее въ противоположности двухъ типическихъ лицъ: Мевія и Лицинія. Мевій, опредѣляетъ онъ, — «юноша блестящій умомъ и красотою, пылающій здоровьемъ», — истый эллинъ скорѣе, чѣмъ трезвый и холодный римлянинъ. Онъ преклоняется передъ Космосомъ, вѣчнымъ и самодовлѣющимъ: жизнь вѣчна, міръ «живетъ, обновляясь поколѣніями», и лишь совокупность существующаго непреложна. «Царства, дѣла рукъ человѣческихъ, падутъ; жизнь вѣчно юная цвѣтетъ на ихъ развалинахъ. Что за дѣло, куда ушли египтяне, чего жалѣть ихъ?... Сегодня цвѣтетъ одно дерево, а завтра другое. Теперь гдѣ-нибудь въ полуразрушенныхъ

Θивахъ нѣтъ прежней исторической жизни, а змѣямъ и ящерицамъ жить веселѣе и птицамъ привольнѣе вить себѣ гнѣзда»... Таково міросозерцаніе умирающаго міра. Оно страшитъ и не насыщаетъ Лицинія. Онъ чувствуетъ приближеніе смерти и сознаетъ невозможность воскресить Римъ: «его часъ насталъ, и спасти его нельзя и не нужно»... «Истинный Римъ былъ построенъ не изъ камня, онъ былъ въ груди гражданъ, въ ихъ сердцахъ; а теперь его нѣтъ, остался его остовъ, каменныя стѣны, каменныя учрежденія. И въ этомъ трупѣ, уже загнившемъ, тлѣетъ какая-то болѣзненная, лихорадочная, упорная искра жизни»... Лициній видитъ и переживаетъ крушеніе всѣхъ идеаловъ, какъ бы сумерки боговъ, — почва трепещетъ подъ ногами. «Я ищу, жажду», восклицаетъ онъ, «и все камень, все слова, все мертвое, до чего ни коснусь»... И самое существованіе человѣческое начинаетъ ему казаться безсмысленною загадкою, очевидной нелѣпицей: «вложить духъ, разумъ въ безволосую обезьяну и оставить ее обезьяною, чтобы вся жизнь была страданіе отъ двухъ противоположныхъ влеченій, — одного, не имѣющаго силъ подняться на небо, другого, — не имѣющаго силы стянуть на землю... Безжалостное время давитъ личность, а цѣль жизни только личною и можетъ быть... Человѣкъ — носитель безсмертнаго духа, къ которому природа только рвется. Каждая слеза, каждое страданіе человѣка отзывается въ моемъ сердцѣ. Безчувственно жертвовать какому-то отвлеченному понятію о жизни людьми, не жалѣя ихъ».. «Стоическая нравственность», «философскія доказательства» не удовлетворяютъ Лицинія. Одинъ Платонъ что-то угадывалъ, но угадывалъ тайну. «Пусть явится, кто-бъ онъ ни былъ, и откроетъ мнѣ эту тайну — я обниму его ноги, оболобызаю прахъ его сандалій. Предчувствіе мое меня мучитъ, знать, что не знаешь, — ужасно. Логосъ, Логосъ — профорикосъ, въ этомъ словѣ для меня заключено все — идея, событія, гіероглифъ, связь міра и бога — и не могу понять»... И Лициній вспоминаетъ о встрѣчѣ съ какимъ-то плѣшивымъ старикомъ, «пророкомъ или волхвомъ, котораго вѣра была такъ полна покоя, надежды»... Это былъ апостолъ Павелъ; онъ воскрешаетъ и мертвыхъ тѣломъ, и мертвыхъ духомъ — къ новой жизни. Народъ ему рукоплещетъ, — жрецъ идетъ съ доносомъ въ «языческую консисторію»... Лициній не вѣруетъ еще, но онъ жаждетъ вѣры, жаждетъ новой жизни, и ищетъ смыслъ въ

жизни. И не можетъ примириться съ упадочнымъ равнодушіемъ Мевія, — онъ не хочетъ раствориться въ природѣ. Онъ еще на полу-пути, — онъ человѣкъ переходной эпохи. «Что-то великое совершается. Этимъ путемъ міръ дальше идти не можетъ: онъ своими когтями разорвалъ свою грудь и пожираетъ свои внутренности; на такой пищѣ долго не проживешь. Бродятъ вопросы, никогда не являвшіеся прежде. Если бы можно было приподнять завѣсу — хоть для того, чтобъ взглянуть и умереть... Фатумъ призвалъ насъ быть страдательными свидѣтелями позорной смерти нашего отца и не далъ никакихъ средствъ помочь умирающему, даже отнялъ уваженіе къ развратному старику. А между тѣмъ въ груди бьется сердце, жадное дѣяній и полное любви... Можетъ, придутъ другіе поколѣнія, будетъ у нихъ вѣра, будетъ надежда, свѣтло имъ будетъ, зацвѣтетъ счастье, можетъ. Но мы — промежуточное кольцо, вышедшее изъ былого, недошедшее до грядущаго. Для насъ темная ночь — ночь, потерявшая послѣдніе лучи заходящаго солнца и не нашедшая алой полосы на востокѣ»... — Въ «Римскихъ сценахъ» Герценъ повторяетъ тему «Легенды», но слышатся и новые мотивы. Рѣзче проводится грань міровъ и суровѣе приговоръ надъ старымъ. Въ «Легендѣ» о новомъ говорилъ Герценъ, сейчасъ онъ изображаетъ обреченность стараго. И со всей остротой обозначается двоякій путь: равнодушной покорности роковому перевороту и дерзанія вѣры, обосновывающей неповторимую цѣнность личности. Объ этой дилеммѣ Герценъ напряженно думаетъ въ послѣдующіе годы.

Древнія времена для Герцена только прообразъ современности. Основная тема его раздумія — «какое звено между прошедшимъ и будущимъ нашъ вѣкъ?» — «Именно въ томъ-то и вопросъ нашего вѣка», пишетъ онъ Витбергу по поводу своего «Лицинія», — «помирить религію съ жизнью, откровеніе съ мыслью»... Объ этомъ примиреніи Герценъ думаетъ еще съ Вятки. И теперь повторяетъ въ сущности свое еще болѣе давнее рѣшеніе, — подтвержденіе своимъ мыслямъ онъ находитъ у Цѣшковскаго, новую книгу котораго ему прислалъ, какъ «прекрасную», изъ Москвы Огаревъ; это были Prolegomena zur Historiosophie... «Представьте мою радость, что во всемъ главномъ я сошелся съ авторомъ до удивительной степени», писалъ Герценъ Витбергу. — Вслѣдъ за «Лициніемъ» Герценъ пи

шетъ «Вильяма Пена». «Опять отходящее старое тѣснитъ возникающее новое, опять двѣ нравственности съ ненавистью глядятъ другъ на друга»... Нарождается новая сила — «соціальное христіанство», le christianisme — religion sociale, progressive; и оно борется съ оффиціальною Церковью. В. Пенъ покидаетъ Европу, ибо «для основанія братской общины надобна свѣжая, дѣвственная почва». Въ «Лициніи», объяснялъ Герценъ Огареву, — «явленіе христіанства въ идеѣ, здѣсь явленіе въ фактѣ, — квакерство». Идею «соціальнаго и прогрессивнаго христіанства» Герценъ, вѣроятно, взялъ у Леру или Ламенне, которыхъ онъ читалъ какъ разъ во Владимірѣ, — и сравнивалъ Ламенне съ Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ; но врядъ ли не Витбергъ обратилъ его вниманіе на квакеровъ, — квакеры въ Россіи были въ почетѣ и любви у людей Александровскаго времени. — Но и въ Америкѣ мечта В. Пена о евангельскомъ братствѣ не сбывается. И все-таки, новый край оживаетъ, и «растетъ съ могучей красотою». Впервые у Герцена появляется эта мысль о новомъ краѣ, о новой странѣ, — а впослѣдствіи она становится основнымъ мотивомъ его исторіософическаго построенія. Мысль объ Америкѣ, какъ о сѣдалищѣ новой культуры, приходитъ Герцену въ голову еще въ Вяткѣ, и тогда-же невольно напрашивается сопоставленіе между Америкою и Россіей. «Я вдыхаю въ себя ледяной воздухъ Уральскаго хребта», писалъ Герценъ о своемъ путешествіи въ Пермь и Вятку, — «его дыханіе холодно, но свѣжо и здорово. Знаете-ли, что Сибирь есть совсѣмъ новая страна, Америка sui generis по тому самому, что она страна безъ аристократическаго происхожденія, страна — дочь казака-разбойника, не помнящаго родства, страна, въ которую являются люди обновленные, закрывающіе глаза на всю прошедшую жизнь, которая представляетъ для нихъ черную тюрьму, цѣпи, долгую дорогу, нерѣдко кнутъ... Тамъ весело, тамъ есть просвѣщеніе, и главное дѣло — свѣжесть, новизна». Слѣдуетъ отмѣтить, что въ тѣ-же годы и Ив. Кирѣевскій сравниваетъ Россію и Америку, какъ двѣ свѣжихъ и нетронутыхъ страны, и противопоставляетъ ихъ переутомленнымъ исторіей и перегруженнымъ наслѣдствомъ странамъ Европы. Герцену пока еще не ясенъ будущій путь, онъ еще гадаетъ о немъ, и думаетъ: «Россія и Америка — двѣ страны, которыя поведутъ далѣе юридическую жизнь человѣчества Россія — какъ высшее

развитіе самодержавія на народныхъ основаніяхъ, и Америка — какъ высшее развитіе демократіи на монархическихъ основаніяхъ»... «Въ гражданскомъ обществѣ (dans le fait social)», говоритъ Герценъ, «прогрессивное начало есть правительство, а не народъ. Правительство есть формула движенія (du progrès), выраженіе идеи общества, форма его историческая»... И въ особенности такъ было въ Россіи, правительство всегда «стояло выше народа и хотѣло поднять его», — такъ это и теперь. Въ законахъ имп. Николая Герценъ отмѣчаетъ «характеръ положительности, котораго не доставало прежде, характеръ внутренней силы государства, чувствующаго всю мощность свою»... И онъ оправдываетъ самое самодержавіе, — «изъ уваженія къ самому народу такъ должно быть», говоритъ онъ о безаппелляціонности царскихъ рѣшеній; «воля царя самодержавнаго есть воля самого народа, его рѣшеніе имѣетъ святость; эту мысль хорошо развили въ восточныхъ законодательствахъ». Такъ писалъ Герценъ еще въ Вяткѣ. — Нѣсколько позже Герценъ уже разочаровывается въ Америкѣ и, читая Токвиля, который тоже указывалъ на Россію и Америку, какъ страны будущаго, въ письмѣ къ Кетчеру, замѣчаетъ вопросительно: «Но гдѣ-же въ Америкѣ начало будущаго развитія? Страна холодная, разсчетливая. А будущее Россіи — необъятно, — о, я вѣрую въ ея прогрессивность». И присоединяетъ совѣтъ прочесть книгу Уркварта о Турціи, — «великъ Востокъ, но мы его не знаемъ». Еще въ Вяткѣ, подъ вліяніемъ чтенія кругосвѣтнаго путешествія Дюмонъ д'Юрвилля, Востокъ началъ манить его. «Востокъ, — какъ манитъ онъ душу, умѣющую чувствовать; тамъ другая природа, пышная, огромная; тамъ другіе люди съ вѣчнымъ покоемъ, съ почившею мыслію, съ минутнымъ пробужденіемъ, съ поэзіей; тамъ люди затеряны, какъ песчинки ихъ Гималая, ихъ подавила богатая природа. Желалъ бы я взглянуть на Востокъ, на Индію — колыбель идей и фактовъ, на мистическій Египетъ»... Не одного только Герцена манилъ тогда Востокъ.

Во Владимірѣ Герценъ впервые встрѣчается съ Гегелемъ. По письмамъ Огарева, уже вернувшагося изъ «ссылки» въ Москву, онъ узнаетъ о «московскихъ гегельянцахъ», о возродившемся кружкѣ «друзей Станкевича», Бѣлинскаго и Бакунина. По присланнымъ книгамъ, сперва изъ вторыхъ рукъ, Герценъ знакомится съ новою системой, и пер-

вое впечатлѣніе у него складывается «очень утѣшительное», — въ письмѣ къ Витбергу онъ характеризуетъ ее, какъ «сліяніе мысли и откровенія, воззрѣнія идеализма и воззрѣнія теологическаго». Такое опредѣленіе очень характерно. Оно связано не только съ преобладающимъ интересомъ самого Герцена, занятаго во Владимірѣ задачею примиренія вѣры и мысли, но и съ тѣмъ, что онъ тогда узналъ о Гегелѣ, что тогда въ Гегелѣ интересовало и занимало московскихъ гегельянцевъ. Огаревъ въ это время готовился къ чтенію именно гегелевой **Religionsphilosophie** и въ качествѣ «предуготовительнаго класса» изучалъ книгу Эрдманна: **Einleitung zur Religionsphilosophie oder über Glauben und Wissen**; — «человѣкъ хорошій Эрдманнъ: онъ своего Равви довелъ до разсудочности, до ясности осязательной», писалъ Огаревъ Герцену. «Со страхомъ и вѣрою» подходилъ Огаревъ къ Гегелю, — «какъ религія была таинствомъ, къ которому въ былыя времена приступали со страхомъ и вѣрою, такъ въ наше время — философія и именно философія Гегеля». Не одинъ Огаревъ такъ подходилъ къ Гегелю. И Бакунина въ эти годы (1837 - 1839 г.) въ философіи интересовала прежде всего религіозная сторона, и легче всего читались именно изданныя Маргейнеке лекціи Гегеля по философіи религіи. Съ этой стороны подошелъ къ Гегелю и Герценъ. Въ Владимірѣ онъ читалъ только учениковъ Гегеля или изложенія его системы. Съ самимъ Гегелемъ онъ познакомился уже позже, послѣ переѣзда въ Москву. И эта встрѣча съ Гегелемъ была для него событіемъ, всколыхнувшимъ весь душевный міръ, хотя онъ и сразу сталъ въ «оппозицію» и заспорилъ съ «гегельянцами». Встрѣча съ Гегелемъ и образуетъ тотъ внутренній рубежъ, которымъ заключается судорожная юность Герцена, пора его молодыхъ исканій.

5.

Юные годы Герцена были временемъ исканія. Въ его мысляхъ было много неяснаго, неотчетливаго, недодуманнаго и недоконченнаго, много слишкомъ личнаго и субъективнаго. И вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно отстаивались основныя идеи, вокругъ которыхъ въ дальнѣйшемъ собираются новыя впечатлѣнія, на которыя опирается ищущая мысль.

И прежде всего изъ своего ранняго опыта Герценъ вы-

несъ острое впечатлѣніе непостижимости жизни, несоизмѣримости совершающагося со всякими прямыми логическими расчетами и выкладками, нѣчто вродѣ бергсоновскаго: la vie déborde la raison. Это было воспріятіе, а не теорія. И это не было только темпераментъ, но — опытъ. Герценъ воспринималъ жизнь, какъ текучій и измѣнчивый потокъ событій, превышающій личный умыселъ и волю. И въ этомъ смыслѣ онъ вѣрилъ въ судьбу. — Существо жизни схватывается не въ понятіяхъ, но въ непосредственномъ воспріятіи, въ религіозномъ порывѣ, въ эстетическомъ экстазѣ. Высшее въ душѣ, это — именно непосредственное чувство, вѣрованіе, любовь. Такъ обосновывается индивидуализмъ, дорожащій всѣмъ неповторимымъ и особеннымъ въ его непосредственной конкретной полнотѣ, отвергающій насильственное логическое упрощеніе разсудочныхъ формулъ. Индивидуализмъ связанъ съ интуитивнымъ волюнтаризмомъ и на него опирается, — ощущеніе волевой природы существующаго питаетъ героическое самочувствіе и самосознаніе; личность сознаетъ и ощущаетъ себя реально участвующей въ жизненной борьбѣ, сознаетъ себя реальною силой.. Космическій волюнтаризмъ романтики, переживаніе міра, какъ мощи и воли, Naturgewalt, оправдываетъ и обосновываетъ культъ «великихъ людей», «особенныхъ», ярыхъ и яркихъ. Весь героическій пафосъ эпохи «бури и натиска» связанъ съ идеею рока. И кажется, — только на просторѣ непредопредѣлимаго и непредвидимаго человѣкомъ жизненнаго волненія есть мѣсто для самоутверждающагося и самосознательнаго дѣйствія. Внутренній строй романтическаго міросозерцанія въ послѣднее время съ особенной отчетливостью раскрывалъ Шпенглеръ, и онъ выдвигаетъ идею судьбы именно въ обоснованіе дѣйственнаго, практическаго и прагматическаго, отношенія къ міру. «Судьба», говоритъ Шпенглеръ, — «слово, содержаніе котораго надо чувствовать: Время, тоска, жизнь, — близкія, родственныя слова». Судьба — это символъ подвижности, становленія, движенія; это основной символъ исторіи. Это — область «физіогномическаго такта», схватывающаго неповторимо-своеобразное, проникающаго въ души; это — область непосредственнаго переживанія, «образъ міра, въ которомъ можно жить», а не «система міра, гдѣ можно только мечтать (grübeln)». Въ этой концепціи не-

трудно вскрыть противорѣчія и невязки, нетрудно показать ея объективную неправду; значеніе ея — въ субъективной связности, въ односторонней послѣдовательности, и — въ типичности. Это типическая романтическая концепція, но эпигонски доведенная подъ самую крышу. И въ ней мы видимъ это психологическое смыканіе «фатализма» и «героизма». — Подобнымъ образомъ развертывалась и живая діалектика Герценовскаго ирраціонализма. Волюнтаристическое самочувствіе и связанное съ нимъ ощущеніе пластичности всегда рыхлаго, всегда податливаго, всегда становящагося и никогда не устанавливающагося міра у Герцена такъ сильны, что заслоняютъ и маскируютъ связанность особи силами стихій, ея рабство случаю. При этомъ мало важенъ вопросъ о характерѣ ирраціонализма: есть ли это преодолѣніе раціонализма в в е р х ъ, или только безсильная уступка алогическому голому факту, обезсмысливающая все бываніе. Оба мотива сплетены въ романтическомъ воспріятіи и не могутъ быть обособлены или разъединены. Въ этомъ неизбывная двусмысленность романтики. Неоформленный юношескій «ирраціонализмъ» Герцена отливаетъ сразу и красками «фатализма», и красками «провиденціализма», — и постольку таитъ уже въ себѣ зародышъ позднѣйшаго распада, но распада имманентнаго. Во имя романтическаго космическаго волюнтаризма борется въ «сороковые годы» Герценъ съ «гегелизмомъ» и «гегелингами», съ замысломъ «прикладной логики», и при этомъ не то отступаетъ въ романтику и натурфилософію, не то выходитъ впередъ — къ Фейербаху. Но и Фейербахъ въ извѣстномъ смыслѣ выражаетъ «романтическую» реакцію на гегелевскій панлогизмъ... На всѣхъ ступеняхъ своего философскаго развитія Герценъ остается ирраціоналистомъ и п о т о м у индивидуалистомъ, — не только индивидуалистомъ-созерцателемъ, знатокомъ, любителемъ и цѣнителемъ «своеобразнаго», но и героическимъ индивидуалистомъ, утверждающимъ свое хотѣніе и волю. Всѣ лица распадаются для Герцена на два разряда: стертыя и невыразительныя, на которыхъ нечего прочесть, и яркія, вдохновенныя, неповторимыя, на которыхъ запечатлѣна сила страсти и молодость духа. Такимъ эстетическимъ критеріемъ мѣритъ Герценъ всю жизнь, и въ этомъ основа его историческихъ оцѣнокъ. Героизмъ на основѣ «фатализма», и вѣра въ случай и судьбу на почвѣ самоутвержденія воли и лично-

сти, — это парадоксальное сочетаніе ирраціонализма и индивидуализма типично и повторяется въ романтическомъ кругу. Въ міровоззрѣніи молодого Герцена оно намѣчается, оно еще въ зачаточномъ видѣ. Позже оно разовьется до послѣднихъ выводовъ.

Съ романтическимъ волюнтаризмомъ связано катастрофическое воспріятіе исторіи и, какъ выводъ изъ него, переживаніе современности, какъ эпохи «переходной», какъ водораздѣла двухъ міровъ. Романтическая исторіософія есть прежде всего эволюціонизмъ, теорія развитія и планомѣрности историческаго процесса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ историческомъ процессѣ, несмотря на его непрерывность, выдѣляются своего рода узловыя и разрывныя точки, въ которыхъ рѣзко мѣняется и его направленіе, и содержаніе, и ритмъ, — выступаютъ ли новые народы, или новыя идеи ложатся въ основу жизни, никогда новая эпоха не бываетъ только продолженіемъ или восполненіемъ предыдущей. Бываютъ моменты перелома, когда завершается одинъ циклъ развитія и начинается другой, когда одинъ міръ кончается и на смѣну приходитъ новый. Каждый такой циклъ есть нѣкій замкнутый и самодовлѣющій организмъ, живущій своею жизнью. Отсюда именно проистекаетъ романтическая «негація», — рѣзкій отрывъ отъ существующаго, отъ «дѣйствительности» и безраздѣльное устремленіе впередъ въ творимое будущее. Романтическія эпохи такъ и переживаются, какъ стояніе на перевалѣ, какъ сумерки и зори, какъ всемірно-историческое междуцарствіе. Въ такія эпохи особенно изощряется вниманіе къ различенію подобныхъ моментовъ въ прошломъ. Герценъ воспринялъ эту романтическую схему, и она оставалась властной надъ его сознаніемъ во всю жизнь. Но это не была только заимствованная схема, но и подлинное переживаніе: Герценъ переживалъ свое время, какъ грань и рубежъ двухъ всемірно-историческихъ цикловъ. Его вниманіе было пробуждено сенъ-симонизмомъ и философіей, но это пробужденіе раскрылось въ живой опытъ. Отсюда, съ одной стороны, рѣзкое отрицаніе существующаго, «факта», какъ сгущеннаго наслѣдія вѣковъ, какъ амальгамы застарѣлыхъ и омертвѣлыхъ навыковъ и предразсудковъ, лишенныхъ внутренней силы и мощи; съ другой — пылкость чаянія, обращеннаго впередъ, ибо будущее не изъ прошлаго выростаетъ, не его силою живетъ, и не связано его

предѣлами, представляя собою нѣчто новое, исполненное непочатой свѣжести и молодости. Это сознаніе окрыляетъ національно-историческія упованія, освобождаетъ путь созидающему творчеству. И до послѣднихъ лѣтъ жизни Герценъ чувствуетъ и мыслитъ, какъ человѣкъ, взошедшій на кряжъ: подъемъ конченъ, спускаться еще рано... И съ тѣмъ вмѣстѣ онъ твердо знаетъ, что этотъ перевалъ не единственный; тотъ, который сейчасъ преодолѣваетъ человѣчество — не первый и не послѣдній, — не конецъ міровой исторіи. Путь всемірно-историческаго развитія не есть наклонная плоскость, по которой нужно взбираться до верхняго предѣла или спускаться подъ гору. Это — равнина, безкрайная и широкая, перерѣзанная, сколько видно взору, горными хребтами. И всякій подъемъ есть творческая задача, совершаемая волевымъ напряженіемъ людей въ ихъ круговой порукѣ и взаимодѣйствіи. Воля зажигается и закаляется вдохновеніемъ, вѣрою, паѳосомъ души. Съ юности и до конца жизни Герценъ искомое и чаемое будущее всегда представлялъ себѣ, какъ эпоху вѣры, силы, свѣжести. — Катастрофическое міроощущеніе и воля къ дѣйствію, это — вторая пара идей, обозначившихся въ сознаніи Герцена въ юношескіе годы. И на этой основѣ впервые открылась для него проблема Россіи.

Эти мысли въ юношескую пору у Герцена были едва намѣчены — въ смѣлыхъ догадкахъ, въ грезѣ, въ смутномъ предчувствіи. Переживанія слѣдующихъ лѣтъ, могущественныя, ослѣпительныя иногда до боли, укрѣпили и усилили эти раннія прозрѣнія. Въ новыхъ «системахъ» и ученіяхъ нашлись новые термины и новые доводы для прежнихъ утвержденій. Они осложнялись, росли, выливались въ новые образы и формы, окрашивались новыми красками, вбирали въ себя новыя впечатлѣнія житейскаго и мыслительнаго опыта. Многое отпало и потерялось на протяженіи четырехъ десятилѣтій отъ «ребячества» до старческихъ лѣтъ. Но ни разу не происходило рѣзкаго разрыва, который бы нарушилъ непрерывность духовнаго роста, который замѣнилъ бы одни основанія міровоззрѣнія противоположными другими. Основное воспріятіе осталось у Герцена до конца жизни такимъ-же и тѣмъ-же, какимъ оно сложилось во времена юношескихъ бурь, «молодой дружбы» и «первой любви».

Г. Флоровскій.

Законодатель и жизнь въ совѣтскомъ правотворчествѣ

Одно явленіе съ несомнѣнностью вырисовывается для каждаго, внимательно и безпристрастно изучающаго совѣтскую Россію. Это явленіе можно охарактеризовать какъ отвердѣваніе, стабилизацію правового уклада русской жизни. Вышедшая изъ береговъ, сломившая въ своевъ революціонномъ натискѣ всѣ прежнія формы, опрокинувшая вѣковой строй стихія возвращается въ русло. Періодъ разрушенія, ломки, когда одна мысль руководила совѣтской властью — съ корнемъ вырвать все исторически сложившееся, — прошелъ. Проходитъ и періодъ острой, а подчасъ и кровавой, борьбы власти съ жизнью, съ неукладывающимися въ теоретическія схемы и партійныя рамки хозяйственными явленіями. Жизнь начинаетъ явно брать верхъ надъ доктринерской властью, заставляетъ эту власть подчиняться себѣ, отказываться отъ выдуманныхъ безжизненныхъ концепцій и признавать вырабатываемыя ею самой формы. Намѣчаются опредѣленные контуры того экономическаго и правового строя, который складывается въ результатѣ пережитой Россіей катастрофы.

Понять процессъ правообразованія въ современной Россіи, оцѣнить роль въ этомъ процессѣ совѣтскаго законодательства и совѣтской судебной практики, выявить своеобразіе этого законодательства, даже правильно истолковать отдѣльныя нормы совѣтскаго права нельзя, не усвоивъ одного основного факта.

Руководящая идея современнаго правового государства, не только опредѣляемая идеологическими мотивами, но и властно диктуемая требованіями современнаго хозяйственнаго оборота, это — полная опредѣленность, твердость и устойчивость права. Къ обезпеченію такой опредѣленности и устойчивости направлены всѣ усилія

правового государства, въ гарантированіи ихъ смыслъ и цѣль цѣлаго ряда учрежденій.

Эта идея до сего времени не только чужда, но прямо противна духу совѣтскаго законодательства.

Для оффиціальной идеологіи правящей коммунистической партіи право не есть регулятивный принципъ общественной жизни. Нормы права это лишь орудіе борьбы, пригодное до тѣхъ поръ, пока оно служитъ цѣлямъ совѣтской власти, и отбрасываемое каждый разъ, когда примѣненіе нормы не соотвѣтствуетъ интересамъ рабоче-крестьянскаго государства. «Право — такое цѣлесообразное правило, обсуждая результаты котораго, мы приходимъ къ заключенію, что были правы, установивъ его» (Ленинъ). «Мы отказываемся видѣть въ правѣ нѣкоторую идею, которая явилась бы полезной для рабочаго класса и для пролетаріата». «Религія и право — идеологіи угнетающихъ классовъ, постепенно смѣняющіяся одна другою». «Еще болѣе, нежели съ религіей, придется бороться съ правовой идеологіей». Идею права «необходимо вытравлять изъ пролетарскихъ мозговъ» (Гойхбаргъ). Эти слова виднаго совѣтскаго юриста, главнаго автора совѣтскаго Гражданскаго Кодекса, точно отражаютъ умонастроеніе совѣтскихъ законодателей, неизжитое ими и до сихъ поръ. Правопорядокъ — изобрѣтеніе буржуазнаго государства для охраны интересовъ буржуазныхъ классовъ, субъективныя права это также выдумка буржуазной юриспруденціи; право надо замѣнить нормами, которыя примѣняются лишь тогда и постольку, поскольку это цѣлесообразно съ точки зрѣнія политики рабоче-крестьянскаго государства — таковы идеи, вдохновлявшія творцовъ Гражданскаго Кодекса, санкціонированныя Ленинымъ, твердо держащіяся въ умахъ руководителей совѣтскаго государства, составляющія одинъ изъ главныхъ элементовъ ихъ оффиціальной идеологіи. Не для созданія «правовыхъ гарантій» (Freund), не для установленія «легальной обезпеченности юридическихъ отношеній» (Lambert), а для обезпеченія «диктатуры пролетаріата» были, по замыслу совѣтской власти, изданы декреты и созданы кодексы.

Въ Наказѣ, разосланномъ въ 1927 г. Гражданской Кассаціонной Коллегіей Верховнаго Суда РСФСР всѣмъ главнымъ, краевымъ, областнымъ и губернскимъ судамъ, этотъ высшій органъ правосудія поучаетъ подчиненныя

инстанціи: «догматическое, исключительно формальное толкованіе закона должно быть чуждо совѣтскому суду», судъ долженъ руководиться «діалектикой жизни», а «отсюда неизбѣжно, что руководящія рѣшенія высшихъ партійныхъ организацій, въ особенности, рѣшенія XVI Партсъѣзда и XV Партконференціи и изданные, согласно этихъ рѣшеній, законы и постановленія органовъ совѣтской власти... обязываютъ и суды соблюдать эту діалектику». «Нашему суду нѣтъ необходимости прибѣгать къ лицемѣрію передъ закономъ. Когда этого настойчиво требуютъ интересы трудящихся или государства, онъ откровенно можетъ пойти дальше, чѣмъ гласитъ буква закона». Вопросъ о «революціонной законности» въ области гражданскихъ отношеній «требуетъ наибольшаго вниманія, ибо какъ разъ въ этой области проявляется особенно незамѣтно прикрытая подъ правовыми формами борьба соціалистическихъ элементовъ совѣтскаго строя съ капиталистическими». «Рѣшенія суда по конкретнымъ дѣламъ должны защищать интересы рабочаго класса и трудящихся вообще, а равно и соціалистическаго строительства» (Ежен. Сов. Юст. 1927 г., стр. 248 сл.).

По поводу празднованія 10-тилѣтія совѣтовъ въ руководящей статьѣ журнала «Совѣтское Право», журнала оффиціальнаго Института Совѣтскаго Права, мы читаемъ. «Наше право, какъ и само государство диктатуры пролетаріата, стоитъ на пути, ведущемъ къ полному отмиранію государства и права, вмѣстѣ съ отмираніемъ порождающихъ ихъ общественныхъ условій производства и распредѣленія... И здѣсь, въ области наукъ о правѣ, первой и основной задачей является борьба съ юридическимъ фетишизмомъ буржуазнаго міровоззрѣнія». Въ то же самое время предсѣдатель Верховнаго Суда, П. Стучка, котораго оффиціальный органъ Комиссаріата Юстиціи называетъ «основнымъ руководителемъ совѣтской юстиціи» громко жалуется, что совѣтской власти не удалось «вытѣснить вѣру въ законность изъ головъ, хотя бы самыхъ сознательныхъ», и что «юридическое или буржуазное міровоззрѣніе» господствуетъ, «хотя бы подъ громкимъ названіемъ революціоннаго правосознанія» (Ежен. Сов. Юст. 1927 г., стр. 1330).

Эти положенія, формулированныя черезъ 10 лѣтъ существованія совѣтскаго государства и черезъ 5 лѣтъ дѣйствія Гражданскаго Кодекса органомъ, съ которымъ въ

правовыхъ государствахъ связано представленіе, какъ о высшемъ блюстителѣ законности, ярко подчеркиваютъ, что идеологія правящихъ коммунистическихъ круговъ осталась тою же, какой она была въ моментъ ихъ прихода къ власти.

Если, тѣмъ не менѣе, жизнь Совѣтской Россіи начинаетъ укладываться въ опредѣленныя правовыя формы, если эти формы постепенно начинаютъ вырисовываться все явственнѣе и становиться все устойчивѣе, то совершается это не въ силу сознательной творческой работы совѣтскаго законодателя, а внѣ его воли и часто вопреки этой волѣ. Та борьба, подчасъ глухая, но совершенно несомнѣнная, которую мы можемъ сейчасъ наблюдать со стороны нѣкоторой части совѣтскаго юридическаго аппарата и совѣтской юридической доктрины за установленіе устойчиваго правового порядка, есть лишь выраженіе основной тенденціи русской, прежде всего, русской хозяйственной жизни. Идетъ она не навстрѣчу, а наперекоръ основному тону совѣтскаго законодательства и являетъ собою лишь одно изъ многихъ противорѣчій современнаго совѣтскаго строя.

Гдѣ корни такого парадоксальнаго явленія? Каковы истинные факторы русскаго правообразованія, и откуда почерпнуты основные элементы складывающагося правового строя? Таковы вопросы, которые встаютъ передъ изслѣдователемъ современной Совѣтской Россіи.

I.

Какъ всякое правительство, вышедшее изъ революціи, совѣтская власть прежде всего обратилась противъ стараго порядка. Какъ правительство, вышедшее изъ партіи, которая своимъ лозунгомъ выставила соціальную революцію, совѣтская власть сразу же принялась за полное уничтоженіе прежняго правового и соціальнаго строя.

Новая власть правильно учла, что подорвать прежній правовой порядокъ она сможетъ лучше всего, разрушивъ судебный строй. «Мы начали очень смѣло, говоритъ цитированный выше предсѣдатель Верховнаго Суда, Стучка, мы декретомъ о судѣ № 1 еще 24-го ноября 1917 г. не только постановили закрыть всѣ суды прежнихъ режимовъ и объявили «сожженными» всѣ прежніе законы; мы и на самомъ дѣлѣ все это тутъ же исполнили, не останав-

ливаясь передъ закрытіемъ и самаго «правительствующаго сената». Декретъ этотъ, разрушая прежніе суды, поставилъ на ихъ мѣсто новый Народный Судъ. Этотъ новый судъ могъ примѣнять прежніе законы лишь постольку, поскольку «таковые не отмѣнены революціей», т. е. «не противорѣчатъ декретамъ совѣтской власти», «программамъ минимумъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи и Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ» и «революціонной совѣсти и революціонному правосознанію».

Декретъ о судѣ ярко характеризуетъ представленія пришедшихъ къ власти людей о законодательной техникѣ. Реальное его значеніе было не въ попыткѣ огуломъ и почти сплошь отмѣнить старое право, а въ разрушеніи судебнаго строя. Фактически судебная защита правъ перестала существовать. Туманная и безсодержательная формула отмѣны стараго права къ этому мало что прибавляла. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было новыхъ, революціонныхъ, законовъ Народный Судъ, гдѣ онъ фактически началъ дѣйствовать, или дѣйствовалъ «въ революціонномъ порядкѣ», какъ прочія революціонныя учрежденія, по личному усмотрѣнію руководящихъ имъ лицъ, т. е. судомъ не былъ, или же, если хотѣлъ дѣйствовать на основаніи не произвола, а объективныхъ нормъ, примѣнялъ старое матерьяльное право.

Гораздо большее значеніе для этого стараго права имѣло предпринятое совѣтскимъ законодательствомъ систематическое разрушеніе всего частнаго хозяйственнаго строя.

Какъ извѣстно, съ перваго же момента большевистскаго переворота, съ изданной въ ночь на 26-го октября 1917 г. «Декларації правъ трудящагося и эксплоатируемаго народа», провозгласившей отмѣну частной собственности на землю, начинается систематическое разрушеніе всѣхъ основъ прежняго экономическаго и соціальнаго строя. Мы не будемъ перечислять здѣсь отдѣльныхъ мѣропріятій, приведшихъ къ полному исчезновенію всѣхъ частныхъ предпріятій промышленныхъ, транспортныхъ, торговыхъ, банковскихъ, страховыхъ *). Что тутъ не бы-

*) Развитіе и обоснованіе высказываемыхъ здѣсь положеній см. въ выходящей въ ближайшее время коллективной работѣ подъ ред. Eliachevitch, Noldé et Tager, «Traité de droit civil et commercial des Soviets».

ло додѣлано путемъ общихъ мѣропріятій, довершили безпрестанныя реквизиціи, экспропріаціи, захваты. Къ послѣдней четверти 1918 года весь гражданскій оборотъ, по крайней мѣрѣ, легально, перестаетъ существовать.

Въ эти первые мѣсяцы ея владычества, большевистской власти, занятой ликвидаціей внѣшней войны, уничтоженіемъ внутреннихъ враговъ, разрушеніемъ стараго порядка, было не до соціалистическаго строительства. Но по мѣрѣ того, какъ шло время и само совѣтское правительство начинало вѣрить въ свою прочность, передъ нимъ становился вопросъ объ осуществленіи того, что было написано на его знамени и что составляло его **raison d'être** — установленіе соціалистическаго строя. Декретъ 28 іюня 1918 г. о націонализаціи крупной промышленности поставилъ совѣтскую власть вплотную передъ этой задачей. На ея рукахъ оказались крупнѣйшія предпріятія съ милліонами рабочихъ. Нужно было наладить работу этихъ предпріятій, нужно было, что еще важнѣе, приспособить къ этимъ новымъ формамъ промышленной жизни и остальную хозяйственную жизнь. Ставится грандіозная задача: осуществить единое плановое хозяйство, охвативъ единымъ планомъ не только область промышленнаго, но и сельско-хозяйственнаго производства, не только кредитъ, но и распредѣленіе, даже потребленіе, обобществивъ это послѣднее. Это періодъ интегральнаго осуществленія соціализма, получившій оффиціальное наименованіе военнаго коммунизма.

Внѣшняя торговля была объявлена монополіей государства еще 22-го апрѣля 1918 г., а съ конца этого года и до первыхъ мѣсяцевъ 1921 г. издается безчисленное количество декретовъ, которые должны были включить въ эту систему единаго соціалистическаго хозяйства промышленность, торговлю, транспортъ, кредитъ, распредѣленіе. Сельско-хозяйственная промышленность, какъ таковая, первоначально остается внѣ этого единаго плана. Но съ конца 1920 года въ этотъ кругъ вовлекается и крестьянское хозяйство. Декретъ 8 Съѣзда Совѣтовъ «О мѣрахъ къ укрѣпленію и развитію крестьянскаго сельскаго хозяйства» отъ января 1921 г. и рядъ изданныхъ въ теченіе двухъ ближайшихъ мѣсяцевъ въ развитіе его декретовъ становятся уже на путь принудительнаго государственнаго регулированія всего крестьянскаго хозяйства. Не оставалось ни одной, даже самой маленькой, области на-

родной экономіи, которая была бы внѣ этого единаго плана соціалистическаго хозяйства. На развалинахъ прежняго порядка вырасталъ, казалось, новый соціальный строй.

При такихъ условіяхъ говорить объ отмѣнѣ прежнихъ, дореволюціонныхъ законовъ, какъ будто бы, уже не приходилось: они отмѣнялись самимъ новымъ порядкомъ вещей. Тѣмъ не менѣе, для большей увѣренности, совѣтское законодательство въ прим. къ ст. 22 Декрета о Народномъ Судѣ 30-го ноября 1918 г. совсѣмъ воспретило «ссылку на законы свергнутыхъ правительствъ въ рѣшеніяхъ и приговорахъ». 21-го октября 1920 г. въ Декретѣ, который кодифицировалъ положеніе о Народномъ Судѣ, это воспрещеніе было воспроизведено. Все прежнее законодательство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все старое право было отмѣнено. Такъ, по крайней мѣрѣ, восприняла это постановленіе вся совѣтская юриспруденція. Какъ выразился одинъ изъ совѣтскихъ юристовъ: «создалось совершенно расчищенное мѣсто». Дѣлая выводъ изъ этого положенія, Вводный Законъ къ Гражданскому Кодексу отъ 31-го октября 1922 г. въ ст. 2 постановлялъ «никакіе споры по гражданскимъ правоотношеніямъ, возникшимъ до 7-го ноября 1917 г., не принимаются къ разсмотрѣнію судебными и иными учрежденіями Республики». Не только отмѣнялись всѣ прежнія нормы, но и разрушались прежде существовавшія правоотношенія.

Эта оффиціальная доктрина объ отмѣнѣ всего прежняго права была воспринята и въ западно-европейской литературѣ всѣми авторами, писавшими по совѣтскому праву. Только въ послѣднее время противъ этого выступилъ одинъ изъ авторовъ *). Онъ исходилъ изъ положенія, что въ короткое время, протекшее съ момента захвата власти до ноября 1918 г., совѣтское законодательство не могло разрѣшить тысячи юридическихъ вопросовъ, которые ставила жизнь, и при такихъ условіяхъ огульное уничтоженіе всего стараго права было бы «актомъ безумнаго». Установивъ, что въ рядѣ декретовъ и законовъ совѣтской власти, изданныхъ уже послѣ Декрета о Народномъ Судѣ 30-го ноября 1918 г., содержится ссылка на до-революціонные законы, съ указаніемъ, что они отмѣняются или даже попол-

*) I. Rabinovitch - Zeitschrift für Osteuropäisches Recht, 1927, H. I. стр 18 - 20

няются, авторъ приходитъ къ выводу, что въ прим. къ ст. 22 Декрета 30-го ноября 1918 г. содержится не матерьяльно-правовое постановленіе — уничтоженіе стараго права, а процессуальная норма — воспрещеніе суду примѣнять до-революціонные законы и защищать пріобрѣтенныя до революціи права.

Въ этомъ вопросѣ мы имѣемъ передъ собой яркую иллюстрацію того, какъ опасно къ изученію совѣтскаго права и совѣтской правовой дѣйствительности подходить съ пріемами обычной юридической догматики.

Не подлежитъ никакому спору, что въ Декретѣ 30-го ноября 1918 г. совѣтскій законодатель имѣлъ въ виду именно отмѣну всего прежняго права, общую замѣну его новымъ, революціоннымъ, правомъ. Но столь же несомнѣнно, что по существу г. Рабиновичъ правъ: и послѣ изданія Декрета 30-го ноября 1918 г. и подтвержденія его въ 1920 году, какъ даже послѣ введенія въ дѣйствіе Гражданскаго Кодекса, далеко не все прежнее право оказалось фактически отмѣненнымъ, многое сохранилось, многія нормы продолжали дѣйствовать, даже по признанію самого совѣтскаго законодателя.

Убѣдиться, что революція и періодъ военнаго коммунизма далеко не означали полнаго разрыва между старымъ и новымъ правомъ, вовсе не вырыли между ними непроходимой пропасти, легче всего, если обратиться къ той сферѣ правоотношеній, которая обычно менѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе юристовъ догматиковъ, но въ которой живутъ болѣе 5/6 русскаго населенія — къ сферѣ крестьянскаго права.

И въ до-революціонномъ правѣ крестьяне, какъ извѣстно, жили по особому, отличному отъ общаго, праву. Общегражданскіе законы — ч. I, т. X Свода Законовъ — на нихъ принципіально не распространялись. Ихъ земельныя отношенія нормировались особыми положеніями. Особымъ было и юридическое положеніе надѣльныхъ земель, предоставленныхъ крестьянамъ на основаніи этихъ положеній. Ограниченія владѣльцевъ въ правѣ распоряженія ими были настолько значительны ,что нѣкоторые юристы теоретики характеризовали принадлежащее на нихъ владѣльцамъ крестьянамъ право не какъ право собственности, а какъ право пользованія, приписывая право собственности государству. Своеобразными были и формы крестьянскаго землепользованія — общинная и подворно-

участковая. Лишь такъ называемыя купчія земли, т. е. пріобрѣтенныя крестьянами независимо отъ надѣловъ, принадлежали имъ на общегражданскомъ правѣ.

Создавая для крестьянъ своеобразный земельный строй, Положенія о крестьянахъ въ то же время устанавливали, что въ сферѣ семейныхъ и наслѣдственныхъ отношеній крестьяне должны руководиться не общегражданскими нормами, а обычнымъ правомъ. Судебно-административная практика обобщила это положеніе, совсѣмъ изъявъ крестьянъ изъ-подъ дѣйствія общегражданскихъ законовъ. Наличность особыхъ крестьянскихъ судовъ облегчила осуществленіе этой задачи. Даже тамъ, гдѣ нормы обычнаго права отсутствовали, волостные суды, по укоренившейся практикѣ, не могли примѣнять нормы Законовъ Гражданскихъ. Если они это фактически дѣлали, то всегда безъ ссылокъ, контрабандно.

Вся область крестьянской жизни образовала, такимъ образомъ, совершенно обособленную сферу права.

Революція въ этомъ мало что измѣнила. Первый періодъ революціи, ознаменовавшійся для крестьянства захватомъ и раздѣломъ помѣщичьихъ земель, уклада крестьянской жизни не затронулъ, ибо самый раздѣлъ захваченныхъ земель былъ произведенъ въ общемъ и цѣломъ, какъ это ни кажется удивительнымъ, примѣнительно къ существующимъ въ данной мѣстности формамъ уравнительнаго землепользованія. Провозглашенная совѣтскимъ законодательствомъ націонализація земли на положеніи надѣльнаго землевладѣнія совершенно не отразилась. Запрещеніе сдѣлокъ по отчужденію недвижимостей, конечно, значительно сократило число таковыхъ въ деревнѣ, но далеко не уничтожило ихъ, ибо деревня сразу же нашла средства обхода этого запрещенія. Измѣнился строй административныхъ учрежденій, но крестьяне продолжали жить въ деревнѣ въ тѣхъ же формахъ и по тѣмъ же нормамъ, что раньше.

Попытки совѣтскаго законодательства, начиная съ 1919 года, насадить въ деревнѣ совѣтскія хозяйства, «совхозы», какъ особыя соціалистическія формы хозяйства, и коллективныя хозяйства, «колхозы», даже попытка, въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1921 г., регламентировать крестьянское хозяйство проходятъ мимо установившихся правовыхъ формъ крестьянской жизни, не затрагивая ихъ. И когда, послѣ произошедшаго радикальнаго перевороа-

та въ экономической политикѣ совѣтской власти, издается 30 октября 1922 г. Земельный Кодексъ, мы находимъ въ немъ воспроизведенными въ чистомъ, а подчасъ очищенномъ, видѣ формы и институты дореволюціоннаго крестьянскаго права. Центральное понятіе крестьянскаго земельнаго права — земельное общество — воспринято изъ стараго права, при чемъ рамки его раздвинуты чрезвычайно либерально (ст. 42 - 49). Крестьянскій дворъ — этотъ своеобразный субъектъ крестьянскаго имущества — (ст. 65 - 72), порожденіе судебно-административной практики, главнымъ образомъ, эпохи Императора Александра III, получаетъ въ Земельномъ Кодексѣ законодательную базу. Всѣ прежнія формы землепользованія воспроизведены здѣсь съ полной отчетливостью (ст. 90 - 111). Восприняты даже, и надо признать, въ значительно усовершенствованномъ видѣ (ст. 134 - 140), законы Столыпина (1906 и 1910 г. г.) о выдѣлѣ отдѣльныхъ крестьянъ изъ земельной общины, законы, направленные на насажденіе индивидуальной собственности.

Земельный Кодексъ 1922 г. — не порожденіе новаго, послѣреволюціоннаго духа, не разрывъ съ старымъ, а проявленіе нормальной законодательной эволюціи.

Что касается другихъ формъ крестьянской правовой жизни — семейственныхъ отношеній, опеки, даже наслѣдованія, то ихъ совѣтскій законодатель даже не пытался коснуться.

То же явленіе преемственности правовыхъ формъ можно наблюдать и въ другихъ областяхъ жизни. Отмѣнивъ 30-го ноября 1918 года старое право, совѣтская власть не остановила теченія жизни. Жизнь шла, и въ областяхъ, которыя лежали внѣ непосредственныхъ политическихъ и соціальныхъ заданій совѣтской власти, старый порядокъ продолжалъ дѣйствовать. Нормы вродѣ почтово-телеграфныхъ постановленій или желѣзнодорожныхъ правилъ далеко не цѣликомъ были сметены новымъ революціоннымъ порядкомъ, и совѣтскій законодатель это вполнѣ сознавалъ. Новый Желѣзнодорожный Уставъ былъ изданъ только 16-го іюля 1920 года, и здѣсь законодатель чрезвычайно осторожно подходитъ къ вопросу о соотношеніи этого Устава съ старымъ правомъ: со дня вступленія его въ силу отмѣняются «всѣ прежде опубликованныя распоряженія и постановленія, п р о т и в о р ѣ ч а щ і я новому Уставу», но и пришедшій ему на смѣну Желѣзнодо-

рожный Уставъ 1922 г. базируется полностью на дореволюціонномъ правѣ - - въ основу его положены работы Комиссіи Лазарева 1910 г. Въ Кодексѣ Законовъ объ актахъ гражданскаго состоянія 16 сентября 1918 года примѣчаніе къ ст. 52 прямо отсылаетъ къ ряду статей прежнихъ Законовъ Гражданскихъ для установленія условій дѣйствительности браковъ, заключенныхъ до 20-го декабря 1917 г. Когда выяснилось, что предусмотрѣнныя этимъ Кодексомъ учрежденія для регистраціи актовъ гражданскаго состоянія были организованы не съ той быстротой, какъ то предполагалось, Правительство принуждено было издать циркуляръ отъ 21-го іюня 1924 г., которымъ фактически признавалось дѣйствіе указанныхъ нормъ прежнихъ Законовъ Гражданскихъ и много позднѣе 20-го декабря 1917 года.

Даже въ той сферѣ права, которая, казалось, цѣликомъ должна была исчезнуть въ періодъ военнаго коммунизма, — сферѣ подлиннаго гражданскаго оборота — старыя гражданско-правовыя формы частично сохранились.

Первоначальная оффиціальная доктрина учила о полномъ уничтоженіи въ эту эпоху гражданско-правового оборота. Гойхбаргъ утверждаетъ, что «на съѣздѣ совѣтскихъ юристовъ лѣтомъ 1920 года, когда зашла рѣчь о нѣкоторой кодификаціи гражданскаго права, участники съѣзда не могли привести почти ни одного частно-правового отношенія, кромѣ найма пастуха въ деревнѣ» (Хозяйственное право, стр. 5). «Октябрьская революція, пишетъ другой авторъ (Ежен. Сов. Юст. 1925 г., стр. 1374), смела всякую собственность и прежнее понятіе о ней: собственность перестала существовать».

Но при болѣе безпристрастномъ и внимательномъ изученіи эту доктрину пришлось оставить даже оффиціальнымъ представителямъ совѣтской юриспруденціи.

«Мы, писалъ въ 1924 году Стучка, предсѣдатель Верховнаго Суда, отмѣняя всѣ законы, т. е., по тогдашнимъ понятіямъ, все старое право, воображали себѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнили и гражданское право» (Стучка — Классовое Государство и Гражданское Право, стр. 9). Въ 1927 году онъ еще откровеннѣе: по поводу 10-тилѣтія совѣтской юстиціи онъ указываетъ «на исключительно трудную задачу рабочаго судьи: въ дни коммунизма справиться съ невытѣсненными изъ жизни буржуазными экономическими отношеніями, въ дни отступленія примѣнять

противорѣчащія классовому его сознанію буржуазныя правоотношенія» (Ежен. Сов. Юст. 1927 г., стр. 1330). Въ изданіи коммунистической академіи «Энциклопедіи Государства и Права» другой авторъ, говоря объ эпохѣ послѣвоеннаго коммунизма, пишетъ: «частный оборотъ еще лишь оживалъ послѣ трехлѣтняго летаргическаго сна и частью перебирался изъ нелегальнаго положенія въ легальное» (стр. 700). Несомнѣнно, что гражданскій оборотъ былъ въ эпоху военнаго коммунизма, съ точки зрѣнія совѣтскаго законодателя, нелегальнымъ. Тѣмъ не менѣе, фактически онъ существовалъ, и именно благодаря нелегальности своего положенія, никакими другими правовыми формами, кромѣ старыхъ, пользоваться не могъ. Впрочемъ, само совѣтское законодательство оставило лазейку для примѣненія этихъ формъ. Декретъ 16 февраля 1918 года узаконилъ третейскій судъ. И въ эту эпоху третейскій судъ, состоящій обыкновенно изъ представителей прежней адвокатуры и магистратуры, руководился привычными, выработанными прежней правовой жизнью, формами.

Эта тенденція была не только у третейскихъ судовъ, но и у совѣтскаго суда. Несомнѣнный фактъ, что и совѣтскіе суды были склонны примѣнять, правда, безъ прямой ссылки, нормы стараго права, въ особенности тамъ, гдѣ нормы совѣтскаго права еще отсутствовали. Комиссаръ Юстиціи Курскій констатировалъ недавно, что «первые годы революціи нормы уголовнаго и гражданскаго права въ очень значительной степени творилъ судъ и, за немногими исключеніями, въ этой отрасли дѣйствовало неписанное право» (Ежен. Сов. Юст. 1927, стр. 1329). Это «правотворчество» суда, это «неписанное право» въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ было прежнее писаное, формально отвергнутое, право.

Новое Положеніе о векселяхъ было издано совѣтской властью только 20-го марта 1922 года. Но и до этого времени векселя изъ жизни не исчезли. Созданный совѣтами Народный Банкъ бралъ таковые съ частныхъ лицъ. И это были векселя стараго права, какъ то призналъ и самъ совѣтскій законодатель. Законы о договорныхъ комиссіяхъ были изданы лишь 16 декабря 1925 г. на Украинѣ и 6 сентября 1926 г. въ РСФСР. Но договоры комиссіи были распространены и «конструировались по образцу дореволюціонныхъ» договорныхъ комиссій (Ежен. Сов. Юст. 1926, стр. 1401). Особыхъ нормъ о несостоятельности совѣтскій

законодатель не установилъ. Имѣется лишь проектъ въ формѣ новеллы. И вотъ, уже много позже, послѣ изданія Гражд. Код., Верховному Суду приходится констатировать стремленіе судовъ руководствоваться и здѣсь старымъ правомъ и старыми правовоззрѣніями. «Законъ не устанавливаетъ ни особаго порядка объявленія несостоятельности, ни порядка ликвидаціи (полнаго товарищества), что, однако, не означаетъ, чтобы мы имѣли право просто позаимствовать старые, отмѣненные законы, какая тенденція, однако, очень сильна, въ особенности въ подражаніе бывшимъ конкурснымъ управленіямъ, пользующимся печальной извѣстностью» (рѣш. 1924 г. № 63). Въ другомъ рѣшеніи Верховный Судъ упрекаетъ низшій судъ, что онъ «чисто буржуазный взглядъ на семью» прокламировалъ «подъ видомъ примѣненія законовъ о дѣйствующемъ семейномъ правѣ» (рѣш. 1924 г. № 161). На живучесть старыхъ правовоззрѣній жалуется и Генеральный Прокуроръ Крыленко: «Далеко не тайна, пишетъ онъ, что мы все еще находимся въ плѣну у старыхъ фетишей либеральнаго состязательнаго процесса» (Ежен. Сов. Юст. 1927 г., стр. 1333).

II.

Если картина преемственности стараго и новаго права, живучести прежнихъ правовыхъ формъ вырисовывается съ несомнѣнностью при изученіи образованія въ послѣреволюціонный періодъ нормъ права, то то же самое мы должны констатировать, изслѣдуя вопросъ о правоотношеніяхъ.

Совѣтскому законодателю такія юридическія тонкости, какъ различіе между правомъ въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ, были чужды. Онъ рубилъ съ плеча. Отмѣнивъ все прежнее право, онъ полагалъ, что онъ разрушилъ и всѣ прежнія правоотношенія, уничтожилъ всѣ пріобрѣтенныя права. Ст. 2 Вводнаго Закона къ Гр. Код. гласитъ: «Никакіе споры по гражданскимъ правоотношеніямъ, возникшимъ до 7-го ноября 1917 года, не принимаются къ разсмотрѣнію судебными и иными учрежденіями Республики». Гойхбаргъ, главный изъ составителей Гр. Код. и докладчикъ при его обсужденіи, такъ комментируетъ это постановленіе: «Передъ Вводнымъ Зако-

номъ къ Гражданскому Кодексу стояла не столько задача регулировать правоотношенія, возникшія до его изданія, сколько воспрепятствовать воскрешенію уничтоженныхъ за время революціи правонарушеній, задача ликвидировать неосновательныя притязанія въ этомъ отношеніи, выражаясь попросту — поставить крестъ надъ могилою дореволюціонныхъ отношеній» (op. cit. стр. 42). Догма о прекращеніи всѣхъ дореволюціонныхъ правоотношеній тѣмъ болѣе естественна для Гойхбарга, что, по его утвержденію, въ періодъ 1918 - 1921 г. г. отсутствовала даже «частно-имущественная правоспособность» (op. cit. стр. 56).

Это положеніе объ отмѣнѣ дореволюціонныхъ право отношеній внѣшне какъ будто бы вполнѣ было воспринято практикой. «Изъ всего духа совѣтскаго законодательства, говоритъ Верх. Судъ УССР, вытекаетъ правовая норма, соотвѣтствующая содержанію этой статьи; моментъ Октябрьской Революціи являлся той гранью, которая, кладя предѣлъ развитію старыхъ буржуазныхъ правоотношеній, положила начало новымъ правоотношеніямъ, вызваннымъ къ жизни революціей» (опр. 16 ноября 1923 г. № 343). Всѣ прежде существовавшія права, по выраженію того же Верховнаго Суда УССР, «погашены Октябремъ» (опр. 27 іюля 1923 г. № 109).

Болѣе углубленное изученіе обнаруживаетъ, однако, и здѣсь полное несоотвѣтствіе оффиціальной доктрины фактическому положенію.

Мы уже видѣли, что Кодексъ Законовъ объ актахъ гражданскаго состоянія 1918 г. призналъ законность браковъ, заключенныхъ до революціи, а, слѣдовательно, и всѣ основанныя на нихъ правоотношенія. Передъ существующими уже брачными и семейными отношеніями остановился даже радикализмъ совѣтскаго законодателя. Но то же самое находимъ мы и въ области крестьянскихъ земельныхъ отношеній. Постановленіе ВЦИК отъ 9 марта 1922 года по отношенію къ лугамъ, Основной Законъ о трудовомъ землепользованіи 22-го мая 1922 г. по отношенію къ прочимъ землямъ, оба закона, вошедшіе затѣмъ въ Земельный Кодексъ, устанавливали принципъ правъ обществъ, селеній и другихъ сельскохозяйственныхъ объединеній, а также единоличныхъ хозяйствъ на принадлежавшія имъ прежде надѣльныя и купчія земли. Наиболѣе авторитетный изъ изслѣдователей совѣтскаго

земельнаго права характеризуетъ это, какъ «возстановленіе прежнихъ частныхъ правъ крестьянства на землю» (Розенблюмъ, Земельное Право РСФСР, стр. 101). Все равно, было ли тутъ возстановленіе прежнихъ правъ, или ихъ подтвержденіе. Во всякомъ случаѣ, прежнія правоотношенія продолжали и продолжаютъ существовать.

Семейное право и земельное право — двѣ области, лежащія внѣ Гражданскаго Кодекса и формально необъемлемыя статьей 2-ой Вводнаго Закона, несмотря на общую формулировку этой послѣдней. Но и въ предѣлахъ правоотношеній, обнимаемыхъ Гр. Код. ,съ полной силой сказалось то же явленіе. И прежде всего въ области тѣхъ же отношеній по собственности.

Декретъ 20 августа 1918 г. «Объ отмѣнѣ частной собственности на недвижимости въ городахъ» отмѣнилъ право частной собственности далеко не на всѣ строенія, расположенныя въ городахъ. Городовъ съ населеніемъ менѣе 10.000, онъ въ этомъ отношеніи вообще не коснулся. Но и въ городахъ съ населеніемъ свыше 10.000, мѣстной власти предоставлялось опредѣлить предѣльную стоимость или доходность, до которой строенія муниципализаціи не подлежали. Такимъ образомъ, вопреки ученію совѣтскихъ юристовъ (ср. Ежен. Сов. Юст. 1926, стр. 1374) собственность отнюдь не «перестала существовать». Рядъ собственниковъ городскихъ домовъ сохранился даже въ эпоху военнаго коммунизма И совѣтскій законодатель прямо призналъ это. Ст. I декрета 8-го авг. 21 г. постановляетъ: «разрѣшить возмездное отчужденіе немуниципализированныхъ строеній собственникамъ ихъ». Старыя отношенія по собственности непосредственно переходятъ въ послѣреволюціонный періодъ, и вполнѣ естественно, что для доказательства этого права собственности должны были служить дореволюціонные документы (рѣш. Касс. Колл., Суд. Пр., 1927, № 6, стр. 12).

Декретъ 10 декабря 1921 г. о предпріятіяхъ, перешедшихъ въ собственность Республики, постановляетъ въ ст. 3, что «предпріятія, въ отношеніи коихъ фактическая націонализація не произведена въ порядкѣ ст. 2 сего постановленія, принадлежатъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ», а ст. 6 прибавляетъ: «при возстановленіи правъ кооперативовъ и частныхъ владѣльцевъ на принадлежавшія имъ предпріятія»... Еще раньше Декретъ 6-го октября 1921 г. постановлялъ о возвращеніи потребитель-

ской кооперації націонализированныхъ и муниципализированныхъ у нея предпріятій и промысловъ со всѣмъ сырьемъ. Это было затѣмъ распространено и на отнятыя у нихъ строенія и складочныя помѣщенія. Въ 1924 году то же самое было распространено и на всѣ прочіе виды кооперації — сельско-хозяйственную, промысловую и кредитную, и нынѣ всѣ эти постановленія восприняты въ приложеніи 6 къ прим. 3 къ ст. 59 Гражд. Код. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ возстановленіе въ чистомъ видѣ прежнихъ дореволюціонныхъ правоотношеній по собственности. Для своего осуществленія такое возстановленіе по самому существу требуетъ провѣрки прежнихъ юридическихъ титуловъ. Характерно въ этомъ отношеніи текстъ инструкціи, изданной въ осуществленіе декрета 26-го октября 1921 г. Въ силу этой инструкціи возврату потребительской кооперації подлежатъ всѣ принадлежащіе ей на правѣ собственности націонализированные или муниципализированные, или инымъ какимъ либо способомъ обращенные въ пользу Государства... предпріятія и промыслы» (ст. 1). По ст. 9 той же инструкціи «предпріятія и промыслы, находившіеся до момента націонализаціи или муниципализаціи въ пользованіи потребительской кооперації на основаніи арендного договора, срокъ коего не истекаетъ къ указанному моменту, подлежатъ передачѣ ей въ аренду безъ конкурса». Здѣсь новое право воспринимаетъ и старыя правоотношенія по арендѣ.

Но не одни только отношенія по собственности пережили революцію. Сохранился и рядъ другихъ правоотношеній.

Текстъ ст. 2 Вводнаго Закона оказался въ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизнью, и доктринѣ и судебной практикѣ пришлось находить изъ этого выходъ. И здѣсь, какъ и всегда при столкновеніи замысла революціоннаго законодателя съ жизнью, побѣдительницей осталась жизнь. Выходъ былъ найденъ въ признаніи продолжающими существовать такъ называемыхъ отношеній длящихся, т. е. предполагающихъ длительность въ фактическомъ существованіи права. «Можетъ быть допущено разсмотрѣніе въ совѣтскихъ судахъ только такихъ споровъ, которые вытекаютъ изъ гражданскихъ правоотношеній, юридически возникшихъ до 7-го ноября 1917 года, но фактически продолжающихся между сторонами и другими принимаю-

щими участіе въ этихъ отношеніяхъ лицами и послѣ 7-го ноября, при наличности непремѣннаго условія, чтобы эти фактическія отношенія не были запрещены совѣтскими законами или не противорѣчили имъ» (Малицкій — Гр. Код., стр. 18). Изъ этого разъясненія Верховнаго Суда ВЦИК Грузіи сдѣлалъ выводъ: «Тѣ споры, которые могутъ проистекать изъ гражданскихъ правоотношеній, хотя и возникшихъ до 25-го февраля 1921 г. (моментъ появленія въ Грузіи совѣтской власти), но которыя продолжаютъ осуществляться, какъ, напримѣръ, правоотношенія изъ договора товарищества, общей собственности и т. п., подходятъ подъ дѣйствіе указанной ст. 2, ибо такія правоотношенія, какъ длящіяся, считаются возобновленными сторонами и послѣ совѣтизаціи Грузіи» (тамъ же).

Чтобъ оправдать несоотвѣтствіе съ закономъ, совѣтская юриспруденція выставила положеніе, что здѣсь дѣло идетъ не объ юридическихъ, а о «фактическихъ отношеніяхъ, существовавшихъ въ дореволюціонный періодъ» (Александровскій — Гражд. Код., стр. 5). «Совѣтское законодательство, говоритъ Верх. Судъ УСРР, стоитъ на точкѣ зрѣнія закрѣпленія за сторонами того фактическаго положенія, въ которомъ ихъ застигла Октябрьская Революція, безотносительно къ правовому основанію» (Малицкій — Гражд. Код., стр. 17).

Можно не останавливаться на вопросѣ, чисто доктринальномъ, насколько правильно въ данномъ случаѣ это противоположеніе фактическихъ и юридическихъ отношеній, въ какой мѣрѣ эти фактическія отношенія, сложившіяся между сторонами при старомъ порядкѣ на почвѣ ихъ юридическихъ отношеній и нынѣ признаваемыя новымъ революціоннымъ правомъ, признаются таковыми правоотношеніями въ ихъ качествѣ фактическихъ или въ качествѣ юридическихъ отношеній. Искусственность самаго противоположенія иногда очень ярко видна изъ судебныхъ рѣшеній.

Сталкиваясь съ такими длящимися правоотношеніями, судъ неизмѣнно долженъ обращаться къ анализу этого дореволюціоннаго правоотношенія какъ такового и выяснять его юридическій характеръ (Суд. Пр. 1927, № 17, стр. 4). Если изъ этого анализа совѣтскому суду приходится, въ виду измѣненія законодательства, дѣлать не всѣ тѣ выводы, какіе сдѣлалъ бы дореволюціонный судъ, то это не мѣняетъ того факта, что эти старыя правоотноше-

нія вошли въ послѣреволюціонную жизнь, восприняты ею. Чтобы учесть значительность этого явленія, мы должны принять во вниманіе, что опубликованная кассаціонная практика отражаетъ лишь въ незначительной степени истинный характеръ работы низш. судовъ. У насъ имѣется прямое свидѣтельство Верх. Суда, что не только усилія лицъ, участвующихъ въ правоотношеніи, направлены въ эту сторону, но и тенденція низшихъ судовъ идетъ въ томъ же направленіи (Докладъ о работѣ Гражд. Касс. Колл. Верхсуда за 1925 г. — Ежен. Сов. Юст. 1927, № 4, стр. 108). «Не исключена, пишетъ далѣе въ томъ же докладѣ Гражд. Касс. Колл., возможность постояннаго рецидива цѣпляніи мертваго стараго права за живое совѣтское право. Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего удивительнаго, если, напр., судами признается наилучшимъ доказательствомъ правъ на домъ не фактическое трудовое пользованіе этимъ домомъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣреволюціоннаго періода, а, напримѣръ, духовное завѣщаніе 1902 г. или же вообще право собственности въ дореволюціонное время, подкрѣпленное купчей крѣпостью отъ 25 іюня 1917 г.».

Однако, отступать отъ ст. 2 Вводнаго Закона судебной практикѣ пришлось не только въ связи съ длящимися правоотношеніями. Принципъ абсолютнаго непризнанія пріобрѣтенныхъ дореволюціонныхъ правъ съ самаго начала оказался безжизненнымъ. Судя даже по кассаціонной практикѣ, брешь, пробитая здѣсь въ ст. 2, оказалась очень широкой. Прежде всего, признаны были на основаніи декрета объ отмѣнѣ наслѣдства наслѣдственныя права, пріобрѣтенныя до революціи (Пр. Суд 1927, № 12, стр. 12). Еще радикальнѣе было отступленіе, сдѣланное подъ прикрытіемъ ст 5 того же Вводнаго Закона. Статья эта гласитъ: «распространительное толкованіе Гражд. Код. РСФСР допускается только въ случаѣ, когда этого требуетъ охрана интересовъ рабоче-крестьянскаго государства и трудящихся массъ». По существу она къ вопросу о дореволюціонныхъ правахъ никакого отношенія не имѣетъ. Она говоритъ о распространительномъ толкованіи Гражд Код., а не объ исключеніи изъ принциповъ, установленныхъ въ Вводномъ Законѣ. Но ею пришлось воспользоваться, чтобы оправдать невозможность соблюсти ст. 2. По рѣшенію Окружного Суда 1913 г. рабочій имѣлъ право на ежемѣсячное пособіе съ владѣльца мельницы. Граж Касс. Колл. вынесла по этому поводу нижеслѣдующее оп-

редѣленіе: «хотя искъ Ж. основанъ на взаимоотношеніяхъ сторонъ, возникшихъ до 7-го ноября 1917 г., но поскольку гражданинъ Ж. является трудящимся, получилъ увѣчье вслѣдствіи эксплоатаціи его труда частнымъ предпринимателемъ и поскольку Рабоче-Крестьянское Правительство, вводя ограниченіе защиты частныхъ правъ отдѣльныхъ гражданъ, вытекающихъ изъ правоотношеній, возникшихъ до 7-го ноября 1917 г., не имѣло цѣли ограничивать этимъ права трудящихся, постолько Губсудъ правильно поступилъ, принявъ къ своему разсмотрѣнію исковое требованіе гр. Ж.» (1925, № 2). «Нельзя было допустить, говоритъ Гражд. Касс. Колл. въ докладѣ о своей дѣятельности за 1925 г., что категорическое требованіе ст. 2. распространяется и на случаи увѣчій рабочихъ въ дореволюціонное время... Такое толкованіе закона было бы, очевидно, недопустимо съ точки зрѣнія революціоннаго закона. Поэтому и стало необходимымъ допущеніе, въ соотвѣтствіи съ ст. 5 Вводнаго Закона къ Гр. Код., этого исключенія изъ общаго правила». «Безпощадно проводя запрещенія, изложенныя въ ст. 2 и 6 Вводн. Зак. къ Гражд. Код., поучаетъ Гражд. Касс. Колл. въ своемъ наказѣ судамъ отъ 22 декабря 1924 г., судъ, однако, не долженъ забывать, что въ задачи Октябрьской Революціи не могло входить умаленіе правъ рабочихъ и трудового крестьянства и нанесеніе ущерба отдѣльнымъ трудящимся, если ихъ интересы въ данномъ случаѣ не противорѣчатъ интересамъ рабочаго класса въ цѣломъ и трудового крестьянства. Поэтому ст. 5 Вводнаго Закона Гражд. Код. и ст. 254 Гражд. Проц. Код. и предоставляютъ извѣстный просторъ для отступленія отъ ст. ст. 2 и 6 Вводнаго Закона къ Гражд. Код. въ интересахъ Рабоче-Крестьянскаго Правительства и трудящихся массъ».

Изученіе совѣтскаго законодательства, знакомство съ судебной практикой, непосредственное изслѣдованіе правоотношеній — все это приводитъ насъ къ одному выводу: того разрыва между старымъ правопорядкомъ и новымъ складывающимся правовымъ строемъ, который провозгласилъ и на которомъ настаиваетъ совѣтскій законодатель, въ дѣйствительности не существуетъ. Совершенно несущественно, призналъ ли формально новый законодатель старое право въ качествѣ дѣйствующаго, или онъ молчаливо долженъ былъ допустить его дѣйствіе, продолжали ли нормы стараго права дѣйствовать какъ таковыя,

или революціонный законодатель облекъ это старое право въ новую форму. Старыя правовыя формы, несмотря на революцію и вопреки ей, въ значительной мѣрѣ вошли въ новую жизнь, вошли въ качествѣ фактически сложившихся отношеній, въ качествѣ заимствованій революціоннаго законодательства изъ стараго, а подчасъ и въ качествѣ продолжавшихъ дѣйствовать старыхъ нормъ. Исторія врядъ ли знаетъ примѣръ другого законодателя, который съ такой безпощадностью приступилъ бы къ разрушенію стараго, который столь мало считался бы съ историческимъ строемъ, съ вѣковымъ укладомъ, съ сложившимися обычаями, съ интересами отдѣльныхъ лицъ, который хотѣлъ бы вырыть такую пропасть между прежнимъ и новымъ и который при этомъ дѣйствовалъ бы съ такой радикальностью, какъ совѣтскій законодатель. Но и этому законодателю не удалось разорвать цѣпь живой жизни. Думая совершенно расчистить мѣсто и на расчищенномъ мѣстѣ возвести совершенно новую постройку, онъ въ сущности долженъ былъ не только воспользоваться для постройки старымъ матерьяломъ, но и шагъ за шагомъ мѣнять планъ этой постройки, считаясь съ сложившимися отношеніями, съ историческимъ укладомъ. Подчасъ подъ видомъ совершенно новаго мы находимъ лишь обновленное старое. Значительные и очень существенные элементы стараго правового порядка входятъ въ новый складывающійся правовой строй, иногда съ вѣдома, но всегда вопреки оффиціальной идеологіи и фразеологіи совѣтскаго законодателя.

III.

Послѣдніе мѣсяцы 1920 года и первые 1921 года были кульминаціоннымъ пунктомъ военнаго коммунизма. Мы видѣли, что декретами января - февраля 1921 года плановое соціалистическое хозяйство должно было быть распространено на сельско-хозяйственное производство. Крестьяне подчинялись обязательному плану посѣва, обязательному порядку работъ. Но попытка наложить руку на крестьянское хозяйство, этотъ жизненный нервъ русскаго народнаго хозяйства, сейчасъ же стала угрожать полнымъ параличемъ всей экономической жизни. Уже раньше, въ 1920 году, крестьяне начали реагировать на мѣро-

пріятія правительства и, прежде всего, на продовольственную разверстку сокращеніемъ площади запашекъ. Къ веснѣ 1921 года это приняло катастрофическіе размѣры, появились грозные признаки грядущаго голода. Со свойственной ему рѣшительностью Ленинъ круто измѣнилъ курсъ. 15-го марта 1921 года, на Съѣздѣ Коммунистической Партіи онъ заявилъ: «только соглашеніе съ крестьянствомъ можетъ спасти соціалистическую революцію въ Россіи, пока не наступитъ революція въ другихъ странахъ... Мы должны постараться удовлетворить требованія крестьянъ, которые недовольны и законно недовольны, и не могутъ быть довольны».

21-го марта 1921 г. издается Декретъ о продовольственномъ налогѣ, который является поворотнымъ пунктомъ въ русской революціи. Изъ этого акта съ желѣзной необходимостью вытекли всѣ тѣ мѣропріятія, которыя въ своей совокупности дали «новую экономическую политику», знаменующую полный разрывъ съ прежней коммунистической программой и направившую всю русскую хозяйственную жизнь въ новое русло.

Декретъ о продовольственномъ налогѣ исходитъ изъ принципа хозяйственной автономіи частнаго единоличнаго крестьянскаго хозяйства. Провозглашается право крестьянина на его урожай. Послѣ уплаты государству причитающагося съ крестьянина налога послѣдній вправѣ распорядиться своимъ урожаемъ. Если прежде государство смотрѣло на урожай крестьянина, какъ на продуктъ государственнаго хозяйства, то теперь оно подходитъ къ нему въ порядкѣ налоговомъ. Тѣмъ самымъ крестьянское хозяйство принципіально выводится изъ сферы единаго планового государственнаго хозяйства, и это принципіальное измѣненіе въ отношеніи крестьянскаго хозяйства тотчасъ же сказывается на всей линіи аграрнаго законодательства. Весь государственный аппаратъ по принудительной организаціи крестьянскаго хозяйства отмѣняется. Отбрасывается принципъ безплатнаго снабженія крестьянства орудіями сельско-хозяйственнаго производства и вводится принципъ обязательной платности за всѣ услуги, оказываемыя частному, въ томъ числѣ крестьянскому, хозяйству. Главное же — изъ признанія за крестьяниномъ права на урожай дѣлается выводъ о признаніи за нимъ «права на землю, которую онъ обрабатываетъ и право на твердость, устойчивость и непрерывность его пользованія дан-

ной землей до тѣхъ поръ, пока онъ ее обрабатываетъ» (Слова докладчика Земельнаго Кодекса Мѣсяцова на Всероссійскомъ Съѣздѣ Землеустроителей въ февралѣ 1922 года). Провозглашенный въ этихъ словахъ принципъ ложится въ основу Земельнаго Кодекса 30-го октября 1922 года, вступившаго въ силу съ 1-го декабря того же года. Здѣсь провозглашены и юридически формулированы начала частно-правового и частно-хозяйственнаго крестьянскаго поземельнаго строя: вещное право крестьянина на его землю (ст. 10, 11, 26), право на строенія, посѣвы, растенія, находящіеся на его землѣ (ст. 25), право на самостоятельное веденіе своего хозяйства (ст. 24). За крестьянскими обществами закрѣпляется вся земля, которая къ тому моменту находилась въ ихъ фактическомъ обладаніи (ст. 141). Дальнѣйшее поравненіе земель между волостями и селеніями воспрещается (ст. 142). Выборъ формъ землепользованія — общиннаго, участковаго, товарищескаго — предоставляется свободному усмотрѣнію земельнаго общества, по рѣшенію большинства его членовъ (ст. 58 и 59). Отдѣльные крестьянскіе дворы имѣютъ право на выдѣлъ изъ земельнаго общества какъ при общинномъ, такъ и при участковомъ порядкѣ землепользованія (ст. 134 и сл.).

Еще болѣе рѣшающее значеніе имѣла новая экономическая политика для города. Въ деревнѣ она означала лишь отказъ совѣтской власти отъ борьбы съ установившимся крестьянскимъ строемъ. Это было провозглашеніе мира съ крестьяниномъ, «смычка съ деревней». Измѣненій въ правовой и хозяйственный строй деревни эта новая политика не вносила. Совсѣмъ иначе отразились правительственныя мѣропріятія, неизбѣжно вытекшія изъ декрета о продналогѣ, на городѣ.

Признавъ крестьянина хозяиномъ его урожая и предоставивъ ему право свободной реализаціи этого урожая, декретъ о продналогѣ открывалъ для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ вольный рынокъ. Декретъ 21-го мая 1921 г. провозглашаетъ общій принципъ: «разрѣшаются свободный обмѣнъ, покупка и продажа оставшихся у населенія послѣ выполненія натуральнаго налога продуктовъ сельскаго хозяйства». Но это право свободнаго обмѣна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ было бы для крестьянина чисто иллюзорнымъ, если бы на рынкѣ не было продуктовъ промышленности, на которые онъ могъ

бы мѣнять свой урожай. Допустивъ вольный рынокъ для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, по необходимости пришлось допустить на этотъ рынокъ и продукты промышленности. Этотъ выводъ и дѣлаетъ Декретъ: «право обмѣна, покупки и сбыта распространяется также на издѣлія и предметы кустарной и мелкой промышленности».

Тѣмъ самымъ возстанавливалась свобода внутренней торговли, разносной и осѣдлой, на рынкахъ, базарахъ и въ магазинахъ. Декретъ 19-го іюля 1921 г., который устанавливаетъ общее положеніе для этой свободной внутренней торговли, дѣлаетъ еще шагъ впередъ. Онъ не упоминаетъ уже о «продуктахъ кустарной и мелкой промышленности», а декларируетъ въ общей формѣ: «всѣмъ гражданамъ разрѣшается производить открытую продажу и обмѣнъ продуктовъ сельско-хозяйственнаго производства, издѣлій изъ нихъ и предметовъ кустарной и фабрично-заводской промышленности».

Рядомъ съ признаніемъ права на торговлю и въ неразрывной связи съ нимъ шло признаніе права на свободную промышленную дѣятельность, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленной сферѣ. Декретомъ 17-го мая 1921 г. отмѣнялись ограниченія, установленныя въ періодъ военнаго коммунизма для кустарной и мелкой промышленности. Декр. 7-го іюля 1921 г. провозглашалъ, въ качествѣ руководящаго положенія: «каждый гражданинъ можетъ свободно заниматься кустарнымъ промысломъ, а также организовать мелко-промышленное предпріятіе». Этимъ терминомъ обозначаются предпріятія съ 10 или 20 наемными рабочими въ зависимости отъ отрасли. На практикѣ установилась единообразная норма — 20 чел.

Еще либеральнѣе оказался совѣтскій законодатель въ отношеніи кооперацiи. Допустивъ свободное образованіе промысловыхъ кооперацій, декр. 7-го іюля 1921 г. предоставилъ имъ открывать промышленныя предпріятія безо всякихъ ограниченій. То же самое было сдѣлано и для потребительскихъ обществъ (декр. 7 апр. 1921 г.), и для сельско-хозяйственной кооперацiи (декр. 16 авг. 1921 г.) Такимъ образомъ, кооперативныя общества всѣхъ видовъ могутъ эксплоатировать всякія промышленныя предпріятія, включая самыя крупныя.

Наконецъ, въ области горной промышленности Положеніе о нѣдрахъ земли и разработкѣ ихъ отъ 13-го іюля 1923 г. устанавливаетъ принципъ горной свободы во всѣхъ

ея проявленіяхъ: свободы поисковъ, свободы развѣдокъ и права находчика производить разработку найденныхъ ископаемыхъ. Частная предпринимательская инициатива получаетъ въ этой области широкое примѣненіе.

IV.

Самостоятельное частное крестьянское хозяйство, свободная внутренняя торговля, свободная мелкая промышленность, свобода промысловой кооперації и право кооперації участвовать въ крупной промышленности, горная свобода — все это совершенно выходило за предѣлы концепціи единаго планового хозяйства, интегральному проведенію котораго былъ посвященъ весь періодъ военнаго коммунизма. Частной предпринимательской инициативѣ, частному хозяйству, предоставлялись отнынѣ обширнѣйшія области народнаго хозяйства. Коммунистическая власть не отказалась отъ соціалистическаго строительства, отъ идеи планового хозяйства. Она только ограничила — но чрезвычайно значительно — сферу его примѣненія. Въ рукахъ государства остались внѣшняя торговля, банки, транспортъ и, прежде всего, крупная промышленность, области, которыя, вслѣдъ за Ленинымъ, стало привычнымъ обозначать именемъ «командныхъ высотъ». Согласно новой оффиціальной идеологіи, приспособленной къ новому положенію вещей, соціалистическое государство, стоя на этихъ командныхъ высотахъ, будетъ направлять все народное хозяйство, воздѣйствуя на «стихію» частнаго хозяйства, преобразуя эту частно-хозяйственную стихію по своему образу и подобію, а по минованіи переходнаго періода и совсѣмъ поглотивъ ее.

Въ ожиданіи этого, имѣющаго наступить, даже по оффиціальной концепціи, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, момента полнаго воцаренія соціалистическаго планового хозяйства, нынѣшнее народное хозяйство Совѣтской Россіи оказалось построеннымъ на двухъ совершенно разнородныхъ началахъ: единаго планового хозяйства и автономнаго частнаго хозяйства. Народная хозяйственная жизнь оказалась разбитой на двѣ сферы — сферу соціалистическаго хозяйства и частно-хозяйственную сферу. Совѣтская доктрина, а за ней и прочіе изслѣдователи стали говорить о «соціалистическомъ» и «частно-хо-

зяйственномъ» секторахъ народнаго хозяйства. Достаточно учесть громадное преобладаніе въ Россіи крестьянскаго населенія, чтобы представить себѣ объемъ и значеніе этого частно-хозяйственнаго сектора.

Допущеніе частно-хозяйственнаго начала въ такихъ размѣрахъ ставило передъ совѣтскимъ законодателемъ совсѣмъ особыя и очень сложныя задачи.

Частный гражданскій оборотъ, который, какъ мы видѣли, фактически не исчезалъ даже въ разгаръ военнаго коммунизма, но существовалъ какъ бы на нелегальномъ положеніи, теперь «перебирался изъ нелегальнаго положенія въ легальное». Необходимо было создать для этого гражданскаго оборота оффиціально признанныя правовыя формы и нормы. Иначе формы стараго, дореволюціоннаго права ,нелегально, несмотря на ихъ отмѣну, продолжавшія существовать, окончательно закрѣпились бы, перейдя на положеніе легальныхъ. Чтобы убить этотъ призракъ возрожденія стараго права, надо было создать новое.

Но это была только одна, наименѣе сложная, часть задачи. Создать новое частное право само по себѣ не представляло затрудненій. Передъ глазами были западно-европейскіе образцы, воспринятые и переработанные не только русской юридической наукой, но отчасти и русской законодательной техникой въ «Проектѣ Гражданскаго Уложенія» 1905 - 1913 г. г. Достаточно было усвоить эти нормы. Сугубо «буржуазный» характеръ ихъ не пугалъ, наоборотъ, какъ мы увидимъ, привлекалъ совѣтскаго законодателя. Гораздо труднѣе была другая сторона задачи.

Вольный рынокъ являлся звеномъ, связующимъ соціалистическое плановое хозяйство, соціалистическій секторъ, съ секторомъ частно-хозяйственнымъ. На этомъ рынкѣ представители частнаго хозяйства, «частники», по совѣтскому жаргону, встрѣчались съ государствомъ капиталистомъ, захватившимъ въ свои руки важнѣйшія отрасли народнаго хозяйства въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ и ведущимъ это хозяйство не на общепризнанныхъ коммерческихъ основаніяхъ, а съ точки зрѣнія своихъ особыхъ специфическихъ заданій. Уравненіе на этомъ рынкѣ, по западно-европейскому образцу, государства съ частнымъ хозяиномъ, съ юридическимъ лицомъ частнаго права, совершенно противорѣчило бы заданіямъ совѣтскаго законодателя, его взглядамъ на частное хозяйство какъ на пре-

ходящую стадію, какъ на временнаго пособника на пути соціалистическаго строительства, обреченнаго въ недалекомъ будущемъ исчезнуть. Надо было найти формы, примиряющія два по существу противоположныхъ принципа — руководящую хозяйственную роль пролетарскаго государства, съ одной стороны, и автономное частное хозяйство — съ другой стороны. При этомъ надо было дать такія формулы, которыя при столкновеніи этихъ двухъ враждебныхъ принциповъ обезпечивали бы преобладаніе первому изъ нихъ. «Необходимо было, говорилъ при обсужденіи Гражданскаго Кодекса докладчикъ, дать гарантіи въ томъ смыслѣ, что тѣ завоеванія, тѣ комадныя высоты, которыя государство за собой сохраняетъ, даже при уступкахъ новой экономической политикѣ, что эти командныя высоты будутъ оставлены неприкосновенными въ рукахъ рабоче-крестьянскаго государства, и наряду съ этимъ дать возможность развиваться частной иниціативѣ, въ тѣхъ предѣлахъ, которые допускаются интересами рабоче-крестьянскаго государства». Это заданіе шло совершенно вразрѣзъ съ основнымъ положеніемъ, принятымъ во всѣхъ современныхъ правовыхъ государствахъ, въ силу котораго государство, участвуя въ гражданскомъ оборотѣ, принципіально подчиняется нормамъ гражданскаго права, становится вровень со всѣми прочими участниками гражданскаго оборота.

Таковы были задачи, поставленныя НЭП-омъ передъ совѣтскимъ законодателемъ, когда онъ приступилъ къ созданію Гражданскаго Кодекса.

Работы по созданію этого послѣдняго являютъ картину, можетъ быть, единственную въ исторіи гражданскаго законодательства.

Въ концѣ іюля 1922 г. была создана особая междувѣдомственная комиссія для разработки проекта Гражданскаго Кодекса и для этой работы ей былъ предоставленъ срокъ до 15-го августа, т. е. около двухъ недѣль Затѣмъ этотъ срокъ былъ продленъ до конца августа, т. е. на двѣ недѣли. Выполненная къ этому сроку междувѣдомственной комиссіей работа чрезвычайно мало удовлетворила представителей совѣтскаго правительства, которымъ было поручено руководство этой работой. «Юристы, въ количествѣ около десяти наилучшихъ отвѣтственныхъ работниковъ, собрались и выработали начало проекта, въ которомъ оказалось, что всякій буржуа могъ найти от-

вѣтъ на всѣ вопросы, которые его интересуютъ, но не было почти намека на то, что произошло у насъ пять лѣтъ тому назадъ» (большевистская революція) — такъ охарактеризовалъ эту работу докладчикъ Гражданскаго Кодекса при его обсужденіи. Междувѣдомственная комиссія была упразднена и работа была поручена двумъ лицамъ, одно изъ которыхъ явилось потомъ докладчикомъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ проектъ былъ переработанъ, законченъ и 25-го октября внесенъ на обсужденіе ВЦИКА, гдѣ и былъ принятъ 31-го октября съ очень небольшими поправками. Распубликованный 11-го ноября Гражданскій Кодексъ РСФСР вступилъ въ силу съ 1-го января 1923 г.

Первое, что бросается въ глаза при ознакомленіи съ этимъ Кодексомъ, это полное сходство, иногда даже тождество, громаднаго большинства его постановленій съ соотвѣтствующими постановленіями новѣйшихъ «буржуазныхъ» кодексовъ. На это обратилъ вниманіе еще при обсужденіи проекта бывшій комиссаръ юстиціи, нынѣ предсѣдатель Верховнаго Суда, Стучка. По его словамъ, «Кодексъ составленъ, вѣроятно ,такимъ образомъ: взято наше Гражданское Уложеніе стараго правительства (Стучка имѣетъ въ виду проектъ Гражданскаго Уложенія) и изъ него вычеркнуто то, что показалось ненужнымъ, и вставлены нѣкоторыя статьи принципіальнаго совѣтскаго характера. Такимъ образомъ Кодексъ оказался совершенно случайнымъ подборомъ статей». На эту сторону Гр. Код. обратили преимущественно вниманіе его зарубежные изслѣдователи, нѣкоторые даже съ извѣстнымъ злорадствомъ, чтобъ показать тщету попытки создать оригинальное «соціалистическое» гражданское законодательство.

Но такое совпаденіе по содержанію постановленій совѣтскаго Гражданскаго Кодекса съ «буржуазными» вполнѣ естественно и диктовалось какъ поставленной совѣтскому законодателю задачей, такъ и условіями момента.

Надо было дать формы для частно-хозяйственнаго, буржуазнаго оборота. Такими формами могли быть только формы «буржуазнаго» права. При этомъ, теоретически говоря, возможны были два выхода: можно было опереться на новѣйшіе европейскіе гражданскіе кодексы, или можно было пойти за русскимъ дореволюціоннымъ правомъ, значительно отъ этихъ кодексовъ отличающимся. Этотъ послѣдній выходъ былъ исключенъ условіями историческаго момента: для революціоннаго законодателя не было ничего

болѣе ненавистнаго, чѣмъ старое право, и, какъ мы уже видѣли, всѣ усилія совѣтскаго законодателя были направлены на то, чтобы совершенно искоренить это право.

Но были и другія, чрезвычайно своеобразныя, обстоятельства, заставившія совѣтскаго законодателя взять за образецъ новѣйшіе кодексы: дореволюціонное русское право было для него недостаточно «буржуазнымъ»! «Мы сознательно не возстанавливаемъ прежняго буржуазнаго права, ибо у насъ X Томъ такимъ и считаться не могъ... Для чисто гражданскаго оборота мы ввели въ Кодексъ самыя совершенныя формы эксплоатаціи, даже надѣясь эти формы использовать въ цѣляхъ обузданія частнаго капитала въ сношеніяхъ съ нами, какъ монополистами». Такъ пишетъ въ оффиціальномъ изданіи Коммунистической Академіи «Энциклопедія Государства и Права», только что упомянутый Стучка (вып. 2-ой 1925, стр. 914). Заимствуя наиболѣе развитыя формы капиталистическаго оборота, совѣтская власть разсчитывала, что она, какъ самый могущественный капиталистъ, держащій въ своихъ рукахъ главныя орудія производства и всю крупную промышленность, сможетъ использовать эти формы въ своихъ выгодахъ. Поэтому то совѣтскій законодатель пошелъ вслѣдъ за германскимъ и, отчасти, швейцарскимъ Гражданскимъ Уложеніемъ. Если составители Гр. К. пользовались русскимъ проектомъ Гражданскаго Уложенія, то лишь постольку, поскольку этотъ проектъ опирался на названные кодексы, а не въ тѣхъ его частяхъ, которыя корни свои имѣли въ старомъ русскомъ правѣ. Къ этому надо прибавить, что непосредственные редакторы Гр. Код. были люди, вышедшіе, какъ и подавляющее большинство русскихъ юристовъ, изъ германской научной школы. Оттуда они вынесли принципы и пріемы германской научной догматики, вліяніе которой совершенно явственно въ Гражд. Код. Нѣкоторое нарочитое упрощеніе этой догматики, продиктованое желаніемъ придать всему болѣе «демократическій» видъ, не послужило для пользы Гражд. Код., ибо пошло во вредъ его ясности и послѣдовательности.

Заимствуя изъ западно-европейскаго права формы и нормы для частнаго оборота, совѣтскій законодатель не могъ, однако, ограничить этимъ дѣло своего гражданскаго законодательствованія. Два основанія дѣлали неизбѣжнымъ введеніе въ кадръ гражданскаго законодательства

особенностей, неизвѣстныхъ западно-европейскому «буржуазному» праву.

Первое изъ этихъ основаній, это то ограниченное мѣсто, которое отводилось коммунистической концепціей, даже послѣ вызваннаго НЭП-омъ пересмотра этой концепціи, гражданскому обороту. Въ то время какъ во всѣхъ современныхъ государствахъ гражданскій оборотъ есть основа всего хозяйственнаго строя, есть въ сущности этотъ самый хозяйственный строй въ его юридическомъ выраженіи, хозяйственный строй совѣтской Россіи и послѣ НЭП-а долженъ былъ, какъ мы видѣли, быть построенъ совершенно иначе. Основой должно служить государственное плановое хозяйство, образующее соціалистическій секторъ. Командныя высоты должны остаться въ рукахъ государства. Въ его рукахъ сосредоточены земля, всѣ орудія транспорта, промышленныя предпріятія, за исключеніемъ мелкихъ, и вся внѣшняя торговля. Гражданскій оборотъ допускается лишь на вспомогательныхъ роляхъ, въ предѣлахъ ограниченныхъ. «Предполагалось выработать Кодексъ, говорилъ докладчикъ при обсужденіи этого Кодекса, считаясь съ нашими условіями, въ тѣхъ предѣлахъ, очень ограниченныхъ, въ которыхъ у насъ могутъ быть допущены буржуазныя отношенія, частно-хозяйственный оборотъ».

На Гражданскомъ Кодексѣ это должно было отразиться въ двоякомъ направленіи.

Прежде всего, изъ гражданскаго оборота изымались главнѣйшія орудія производства и все то, что должно было составить монопольное достояніе государства. Ни одно уложеніе въ мірѣ не знаетъ столь широкаго круга вещей, изъятыхъ изъ гражданскаго оборота, какъ совѣтскій Гражданскій Кодексъ (ст. 21 - 24). При этомъ онъ различаетъ два рода объектовъ. Для нѣкоторыхъ — земля, нѣдра, лѣса, воды, желѣзныя дороги общаго пользованія, летательные аппараты — это изъятіе абсолютное. Эти объекты могутъ принадлежать на правѣ собственности только государству (ст. 53). Другіе могутъ быть объектами и частной собственности, но лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ. Сюда относится оружіе, взрывчатыя вещества, главнымъ же образомъ промышленныя предпріятія.

Предоставленіе государству исключительнаго или преимущественнаго права на эту категорію объектовъ есть

первое изъ средствъ для обезпеченія за нимъ «командныхъ высотъ».

Къ этой же категоріи постановленій относится и ст. 17, превозглашающая исключительное право государства на внѣшнюю торговлю.

Съ этимъ связана и другая своеобразная черта Гражд. Кодекса.

Сосредоточеніе въ рукахъ государства важнѣйшихъ объектовъ права, въ качествѣ его исключительной или преимущественной собственности и монополія внѣшней торговли привели къ тому, что въ хозяйственномъ оборотѣ государство приняло участіе въ еще небывалыхъ до селѣ размѣрахъ. И вопросъ, на который совѣтскій законодатель долженъ былъ дать отвѣтъ, это — вопросъ о формахъ участія государства въ оборотѣ. Проблема получила не только особенное значеніе, но и была связана съ совершенно исключительными трудностями. Надо было, прежде всего, дать принципіальный отвѣтъ на вопросъ о формѣ вступленія государства въ гражданскій оборотъ, т. е. въ отношенія съ частными лицами. Съ другой стороны, надо было разрѣшить и вопросъ о соотношеніяхъ между собой безчисленныхъ хозяйственныхъ органовъ государства.

Гражданскій Кодексъ эту проблему не разрѣшаетъ, а только намѣчаетъ. Но тотъ путь, на который онъ при этомъ вступаетъ, имѣлъ громадное, въ моментъ изданія Кодекса, совсѣмъ необозримое значеніе. Въ ст. 19 Гражданскій Кодексъ постановляетъ:

«Государственныя предпріятія и ихъ объединенія, переведенныя на хозяйственный разсчетъ и не финансируемыя въ смѣтномъ порядкѣ, выступаютъ въ оборотѣ, какъ самостоятельныя и не связанныя съ казной юридическія лица. За ихъ долги отвѣчаетъ лишь имущество, состоящее въ ихъ свободномъ распоряженіи, т. е. не изъятое изъ оборота согласно ст. ст. 21 и 22. Исключенія изъ этого правила особо указываются закономъ».

Законодательные мотивы этого постановленія изложилъ въ своемъ докладѣ, при обсужденіи Гражданскаго Кодекса, Гойхбаргъ: «У насъ имѣется такая особенность, которой нѣтъ ни въ одномъ буржуазномъ государствѣ. У насъ вся крупная промышленность національзирована, но вся она передана на хозяйственный разсчетъ, хотя она

считается государственной. Государство потому и разрѣшило ей объединяться въ отдѣльныя части, чтобы все государство цѣликомъ не несло отвѣтственности за отдѣльныя ошибки и промахи различныхъ отраслей промышленности. Поэтому, если заграницей можно сказать, что всякій государственный органъ, поскольку онъ выступаетъ въ оборотѣ, онъ тѣмъ самымъ налагаетъ отвѣтственность за свою дѣятельность на все государство, — у насъ нѣтъ возможности этого сказать. Ибо если бы государство цѣликомъ всѣмъ имуществомъ отвѣчало за всякую сдѣлку той или другой отрасли промышленности, переведенной на хозяйственный разсчетъ, то тогда это было бы не хозяйственнымъ разсчетомъ. Если бы каждая отрасль промышленности знала, что она, если она обанкротится, то за это отвѣчаетъ государство, тогда никакого стимула не было бы для этой отрасли промышленности дѣйствовать хозяйственнымъ образомъ. Мы установили, что отдѣльныя отрасли и предпріятія, переведенныя на хозяйственный разсчетъ, выступая въ оборотѣ, выступаютъ какъ несвязанныя съ казной лица, и отвѣчаютъ по своимъ сдѣлкамъ только свободно находящимся въ ихъ распоряженіи имуществомъ».

Чтобы гарантировать государство отъ послѣдствій безхозяйственной работы его хозяйственныхъ органовъ, была придумана особая форма перевода этихъ органовъ «на хозяйственный разсчетъ», съ которымъ была связана безотвѣтственность государства за сдѣлки этихъ органовъ. Государство вдвигалось въ гражданскій оборотъ не какъ единое юридическое лицо, а какъ безчисленное множество такихъ юридическихъ лицъ. Результаты, которые дало это нововведеніе, оказались совершенно выходящими за предѣлы первоначальныхъ разсчетовъ законодателя. Это привело къ установленію особыхъ формъ не только участія государства въ оборотѣ съ частными лицами, но и для отношеній отдѣльныхъ государственныхъ органовъ между собой. Создались формы чрезвычайно своеобразныя и до сихъ поръ неизвѣстныя ни одной системѣ права.

V.

Если дуализмъ совѣтской хозяйственной системы, симбіозъ соціалистическаго и частно хозяйственнаго секторовъ, привелъ въ Гражданскомъ Кодексѣ къ чрезвычайно значительнымъ ограниченіямъ сферы дѣйствія гражданско-правовыхъ нормъ — правда, больше съ внѣшней стороны, чѣмъ по существу, — то у совѣтскаго законодателя было и второе основаніе для уклоненія отъ установившагося типа гражданскаго законодательствованія. Это второе основаніе приводило не къ внѣшнему ограниченію сферы примѣненія гражданско-правовыхъ нормъ, а къ совсѣмъ иному подходу къ вопросу о дѣйствіи этихъ нормъ, къ охранѣ гражданскихъ правъ, какъ таковыхъ.

Совѣтское законодательство не могло усвоить основного принципа современнаго гражданскаго права абсолютной защиты гражданскихъ правъ, какъ таковыхъ. Это значило бы не только консолидировать частно-хозяйственный гражданскій оборотъ, не только дать ему поле для безграничнаго развитія, но и превратить его въ нѣчто вродѣ неприступной цитадели, самостоятельнаго государства въ совѣтскомъ соціалистическомъ государствѣ. Заимствуя у современнаго правового государства принципъ нерушимости, неприкосновенности имущественныхъ правъ гражданъ, совѣтское государство рисковало, что частно-хозяйственная стихія, которая, по коммунистической концепціи, предназначена быть поглощенной соціалистическимъ строемъ, окажется въ естественной борьбѣ болѣе сильной и сведетъ все соціалистическое строительство на нѣтъ. Признаніе неприкосновенныхъ гражданскихъ правъ и созданіе обезпеченной правовой позиціи для гражданскаго оборота противорѣчило всей коммунистической идеологіи, ея взглядамъ на гражданскій оборотъ, какъ на преходящее зло, временно необходимое для вящшаго процвѣтанія въ будущемъ соціалистическаго строя, противорѣчило взглядамъ коммунистическаго законодателя на право, какъ на средство борьбы за достиженіе его идеала. Необходимо было, предоставляя гражданскія права, создавая формы гражданскаго оборота, обставить это условіями, гарантирующими соціалистическое государство, при всѣхъ возможныхъ экономическихъ условіяхъ,

противъ враждебной ему частно-хозяйственной стихіи обезпечивающими ему во всякомъ случаѣ побѣду въ борьбѣ, дающими ему возможность въ любой моментъ пресѣчь пользованіе гражданскими правами, когда такое пользованіе идетъ во вредъ «рабоче-крестьянскому государству», или — что, согласно оффиціальной идеологіи правящей партіи, означаетъ то же самое — соціалистическому строительству.

Основная проблема, которая встала передъ совѣтскимъ законодателемъ при созданіи формъ для гражданскаго оборота въ соціалистическомъ государствѣ, заключалась вовсе не въ переработкѣ институтовъ буржуазнаго гражданскаго права въ соціалистическомъ духѣ. Такъ проблема не ставилась и не могла быть поставлена.

Совѣтскіе законодатели прекрасно понимали, что, будучи вынужденными допустить частную иниціативу и частное хозяйство, они никакихъ другихъ формъ для этого частнаго хозяйства не могутъ дать, какъ тѣ, которыя приняты во всѣхъ капиталистическихъ государствахъ, что внѣ этихъ формъ они не достигнутъ своей основной задачи — поднять падающее народное хозяйство, ради чего они и вынуждены были призвать на помощь частную иниціативу. Мы видѣли, что они, напротивъ, искали наиболѣе совершенныхъ буржуазныхъ формъ, «формъ эксплоатаціи», по выраженію совѣтскаго сановнаго автора.

Борьба, возгорѣвшаяся вокругъ вырабатываемаго Гражданскаго Кодекса, шла не по вопросу, нужно ли искать какихъ то новыхъ формъ гражданскаго оборота, или заимствовать ихъ изъ права современныхъ капиталистическихъ странъ — этотъ вопросъ былъ предрѣшенъ, — а по вопросу, нужно ли воспринять эти институты буржуазнаго права въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ дополненій, или же при этомъ надо сдѣлать какія то оговорки, изобрѣсти какія либо средства, которыя позволили бы совѣтской власти въ любой моментъ совладать съ духами, по необходимости вызываемыми ими къ жизни. Отличіе первоначальнаго проекта междувѣдомственной комиссіи отъ позднѣйшаго проекта, превратившагося въ Гражданскій Кодексъ, заключается именно въ томъ, что въ этотъ новый проектъ были введены дополненія, оговорки, которыя, по выраженію докладчика Гражданскаго Кодекса Гойхбарга, должны были «сочетать двѣ системы собственности — коммунистическую и буржуазную, и на каж-

домъ шагу отстаивать интересы рабоче-крестьянскаго государства, давать ему ту защиту, въ которой оно нуждается при столкновеніи съ частными интересами». И относительно этихъ оговорокъ, этихъ дополненій и шелъ споръ во время выработки Гражданскаго Кодекса. «Не только спецы юристы, разсказываетъ тотъ-же Гойхбаргъ въ своей статьѣ, посвященной Ленину (В. И. Ленинъ и совѣтское право — «Совѣтское Право» 1924 г. № 2), но и нѣкоторые коммунисты хозяйственники склонялись къ тому, чтобы аннулировать въ этомъ кодексѣ коммунистическія начинанія, которыя являются специфическимъ отличіемъ нашего кодекса переходнаго времени». Гойхбаргъ разсказываетъ далѣе, что, наканунѣ своего выступленія въ этой законодательной сессіи, Ленинъ вызвалъ его къ себѣ и сказалъ: «ваши коммунистическія начинанія въ Гражд. Код. я поддержу». И въ своей рѣчи Ленинъ указалъ, что въ будущемъ можетъ идти рѣчь только о томъ, что эти противуиндивидуалистическія начинанія укрѣплять, а индивидуалистическія суживать, а никакъ не наоборотъ. «Мы старались, говорилъ Ленинъ, изобрѣсти грани между тѣмъ, что является законнымъ удовлетвореніемъ любого гражданина, связаннаго съ современнымъ экономическимъ оборотомъ, и тѣмъ, что представляетъ собой злоупотребленіе нэпомъ, которое во всѣхъ государствахъ легально и которое мы легализовать не хотимъ. Насколько успѣшны тѣ поправки, которыя мы спеціально внесли съ этой цѣлью и которыя вы одобрили — это покажетъ будущее. Мы ни въ коемъ случаѣ не будемъ связывать себѣ руки на этотъ счетъ».

Надо признать, что поставленная такимъ образомъ задача представляла для редакторовъ Гражданскаго Кодекса исключительныя трудности. Не приходится уже говорить, что они не могли опереться въ своей работѣ ни на какіе образцы. Такая проблема никогда еще ни передъ однимъ законодателемъ не возникала. «Надо было изыскать новыя средства, новыя комбинаціи, еще неизвѣстныя буржуазному міру» (Стучка — Классовое государство, стр. 65). Творцы Гражданскаго Кодекса не имѣли въ этомъ отношеніи предшественниковъ даже и въ научной литературѣ. Если научная мысль и задавалась вопросомъ о характерѣ права въ соціалистическомъ строѣ (работы австрійскаго ученаго Антона Менгера), то вопросъ о томъ, какъ должно выглядѣть гражданское право въ ча-

стно-хозяйственномъ оазисѣ на общемъ фонѣ соціалистическаго хозяйства, никогда не ставился и не могъ быть поставленъ, ибо самая идея о возможности такого отступленія отъ соціалистическаго строительства, такого частичнаго возврата къ частному хозяйству никогда ни одному соціалисту мыслителю въ голову не приходила. Именно эта новизна «коммунистическихъ начинаній», коммунистическихъ оговорокъ къ гражданско-правовымъ нормамъ и дѣлаетъ ихъ изученіе особенно интереснымъ, особенно поучительнымъ, и именно эти коммунистическія начинанія придаютъ совершенно своеобразную физіономію Гражданскому Кодексу РСФСР.

В. Б. Ельяшевичъ.

Нація и языкъ

Нація есть культурный союзъ. Нѣтъ культуры — нѣтъ и націи. Національная культура проявляетъ себя рѣшительно во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Хозяйство, семейный бытъ, право, государственность, наука, искусство, — все это «части» одной и той же культуры, все это объединено общимъ «духомъ» и носитъ на себѣ отпечатокъ общаго «культурнаго стиля». Безсмысленно дѣлить культуру на «матеріальную» и «духовную», какъ дѣлаютъ часто: «печной горшокъ» продуктъ дѣятельности духа въ такой же степени, какъ и «кумиръ Бельведерскій». Изъ этого не слѣдуетъ, что для историка, или морфолога культуры всѣ сферы «культурной дѣятельности одинаково значительны. Надо различать: абсолютную цѣнность культурныхъ дѣйствій и ихъ результатовъ, ихъ общественную полезность и ихъ показательность. Можно спорить о томъ, что «дороже», кумиръ-ли Бельведерскій или печной горшокъ, и въ какомъ отношеніи «дороже»: для морфолога культуры это безразлично. У него своя скала культурныхъ цѣнностей — по степени ихъ показательности. Не всѣ народы — и опредѣленный данный народъ не во всѣ моменты своего существованія — способны къ ваянію «кумировъ», но безъ печныхъ горшковъ люди обойтись не могутъ. Это, однако, не значитъ, что для морфолога культуры печной горшокъ тѣмъ самымъ — не «дороже», но просто важнѣе, интереснѣе «кумира Бельведерскаго». Именно благодаря тому, что для «черни» печной горшокъ «дороже» въ виду его назначенія — ты пищу въ немъ себѣ варишь, — выдѣлка «печныхъ горшковъ» скорѣе поддается «раціонализаціи», слѣдовательно и обезличенію. Въ этомъ вѣдь и состоитъ въ значительной степени «культурный прогрессъ» нашего времени. Аттическая ваза столь-же показательна для историка древнихъ Аѳинъ, какъ и надгробная рѣчь Перикла у Ѳукидида, или діалогъ Платона: все это въ одинаковой степени проникнуто аѳинскимъ «геніи-

емъ». Но современный аѳинянинъ ѣстъ изъ такой же самой посуды, носитъ такіе же самые пиджаки и брюки, какъ и современный парижанинъ. Съ точки зрѣнія морфологіи культуры, самой важной сферой будетъ та, которая удовлетворяетъ двумъ признакамъ: наибольшей всеобщности и наибольшей самобытности. Такой сферой является языкъ. Есть культуры — и націи — «безъ-индустріальныя», «безъ-музыкальныя», безъ-государственныя, но культуръ безъ-языкъ нѣтъ. Далѣе: всѣ безъ исключенія сферы культуры поддаются, въ большей или меньшей степени «раціонализаціи»: кино и радіо, желѣзныя дороги и почта «нивеллируютъ» человѣчество, — и только языки остались внѣ этого общаго движенія въ сторону обезличенія. Языкъ современнаго русскаго, современнаго француза, нѣмца, это въ основѣ тѣ-же самые языки, на которыхъ говорили русскіе, нѣмцы, французы еще тогда, когда у нихъ были собственныя «національныя одежды» и «національные» печные горшки. Наконецъ языкъ есть то, что въ наибольшей степени, съ одной стороны, связываетъ людей, съ другой, — раздѣляетъ. Мадонна Рафаэля и Парсифаль — общечеловѣческія цѣнности: ихъ можетъ «понять» всякій сколько-нибудь развитой человѣкъ. Но «Мѣдный Всадникъ» «понятенъ» только тому, кто знаетъ русскій языкъ, какъ «свой собственный», т. е. кто въ извѣстной степени является русскимъ. Пушкинъ, Мильтонъ, Гете, Данте — непереводимы и, строго говоря, наглухо закрыты для тѣхъ, кто не въ состояніи читать ихъ въ подлинникѣ Нельзя провести знака равенства между націей и языковымъ единствомъ: еще вопросъ, существуетъ-ли швейцарская нація, но не подлежитъ сомнѣнію, что женевцы нефранцузы. Однако, никто не считаетъ Руссо, Бенжамена Констана и г-жу Сталь «швейцарскими» писателями. Англичане ввели понятіе **english speaking nations**. Оно хорошо выражаетъ реальныя отношенія, сложившіяся въ англо-саксонскомъ мірѣ: языкъ есть то, что въ наибольшей степени связываетъ духовно англо-саксонскія націи. Можно говорить объ «американской» литературѣ, отличая ее отъ «англійской»; но большинство «американскихъ» и «англійскихъ» книгъ все же выходятъ одновременно въ Лондонѣ и въ Нью-Іоркѣ. Процессъ образованія націй невѣроятно сложенъ; нерѣдко внѣшне - политическія условія играютъ при этомъ рѣшающую роль; бельгійская нація

въ значительной степени «выдумана» и «сдѣлана» англичанами: ибо для Англіи имѣетъ и всегда имѣло жизненное значеніе, чтобы Бельгія не попала въ руки Франціи; — и швейцарская нація, если таковая уже есть — скорѣе всего, *будетъ*, — является продуктомъ *нейтралитета* Швейцаріи. Языковыя границы не всюду, далеко не всюду, совпадаютъ съ національными, — и все же: какъ общее правило, общность языка есть залогъ, стимулъ, основаніе и признакъ національнаго единства. Людямъ, говорящимъ на одномъ языкѣ, свойственно сознавать себя однимъ народомъ и стремиться къ тому, чтобы оформиться въ одну націю; свойственно противопоставлять себя другимъ народамъ. По мѣрѣ того, какъ *во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ* люди становятся все болѣе и болѣе похожими другъ на друга — въ настоящее время не только одежда, обиходъ, искусство, но и государственныя формы все болѣе утрачиваютъ «традиціонно-національный» обликъ, — языки все болѣе «опредѣляются», отвердѣваютъ, пріобрѣтаютъ «непроницаемость» для вліяній извнѣ—та тревога, которую бьютъ французы по поводу «засоренія» французскаго языка ничтожнымъ количествомъ англійскихъ (почти исключительно спортивныхъ) терминовъ, служитъ какъ разъ лучшимъ подтвержденіемъ этого,—«національзуются», и такимъ образомъ тяготѣютъ къ тому, чтобы подготовить то положеніе вещей, при которомъ понятія «языкъ» и «нація» совпадутъ окончательно. Историческая наука до сихъ поръ недостаточно учитывала и не подвергла истолкованію эту особенность процесса національнаго развитія народовъ. Обычно отмѣчается, что главное содержаніе исторіи новаго времени составляетъ образованіе національныхъ культуръ и національныхъ государствъ, причемъ развитіе національнаго хозяйства, національной государственности, національнаго искусства и національнаго языка изображается какъ различныя стороны *одного и того же* и одинаковымъ образомъ протекающаго процесса, — между тѣмъ какъ на дѣлѣ это совершенно не такъ, и понятно, почему. Національная государственность и національное хозяйство слагаются и формируются подъ давленіемъ извнѣ: здѣсь есть объективныя, «раціональныя» мѣрки, опредѣляющія то, что *всегда и всюду* цѣлесообразно и выгодно. Совершенно невѣрно, будто не существуетъ «наилучшаго государства вообще» и будто государственность «долж-

на» считаться съ «національными традиціями». Caeteris paribus, демократія всегда сильнѣе автократіи, потому что въ демократіи народъ всегда сплоченнѣе и всегда сознательнѣе относится къ «общему дѣлу»; и, равнымъ образомъ, «національная» индустрія вынуждена подравниваться подъ какой-то общій «standard». Но языкъ не служитъ ни средствомъ борьбы, ни предметомъ обмѣна. Языкъ существуетъ единственно для внутренняго употребленія. Онъ, правда, можетъ сыграть и международную роль. И залогомъ успѣха его на этомъ поприщѣ можетъ, между прочимъ, явиться и степень его «раціональности». При прочихъ равныхъ условіяхъ, французскій или англійскій языкъ въ международномъ оборотѣ всегда восторжествовалъ бы надъ русскимъ или нѣмецкимъ. Однако, лишнее напоминать, что ясность и «логичность» французскаго языка или простота синтаксиса англійскаго ничуть не были результатомъ приспособленія этихъ языковъ къ потребностямъ «внѣшней» среды: эти языки создавались въ разсчетѣ исключительно на «внутреннее потребленіе», а не на «внѣшній рынокъ». Поэтому «прогрессъ» въ этой области значитъ совершенно не то, что прогрессъ въ другихъ областяхъ культуры. Французскій языкъ до Монтаня и Ронсара, нѣмецкій до Лютера, Лессинга и Гете, русскій до Державина и Пушкина были въ меньшей степени «національными» языками, нежели послѣ: они были гораздо расплывчатѣе, податливѣе, неустойчивѣе. И, наконецъ, они не были освящены той великой культурной традиціей, которая благодаря имъ и ими же у каждаго изъ этихъ народовъ сложилась. Народы мѣняютъ свои учрежденія, свои «нравы и обычаи», даже свою религію, даже — мѣсто жительства, все — кромѣ языка. Изъ всѣхъ многообразныхъ «національныхъ традицій», которыя, въ глазахъ людей, беззаботныхъ насчетъ исторіи, являются одинаково «священными», только языковая традиція сопротивляется времени, — болѣе того: временемъ укрѣпляется. Въ этомъ отношеніи съ ней, пожалуй, еще можетъ стать наравнѣ традиція внѣшней политики. Однако, устойчивость обѣихъ этихъ традицій имѣетъ совершенно различное происхожденіе: языковая традиція автономна, тогда какъ внѣшне-политическая — гетерономна. Постоянство внѣшней политики каждаго даннаго государства есть, если можно такъ выразиться, слѣдствіе «непре-

рывно длящейся случайности», каковою, напр., является для Франціи то, что «судьба» опредѣлила ей имѣть сосѣдями нѣмцевъ и англичанъ. Мы не выбираемъ себѣ сосѣдей, какъ не выбираемъ родителей, наша творческая способность здѣсь не причемъ. Языковая традиція народомъ творится; внѣшне-политическая ему навязывается. Языкомъ нація держится и живетъ. Умретъ языкъ, разложится,—и націи нѣтъ. «Національный» вопросъ есть, поэтому, вопросъ языка — всегда и прежде всего.

Что собственно, однако, мы разумѣемъ, когда говоримъ о національномъ языкѣ? Это — вопросъ далеко не пустячный, напротивъ, очень важный, очень сложный и очень неясный. И не только «умозрительно». Для насъ, русскихъ, онъ имѣетъ сейчасъ жизненное значеніе. Что такое, напримѣръ, украинскій языкъ? «Часть»-ли русскаго языка, его «діалектъ», или «отдѣльный языкъ»? И что такое, вообще, «діалектъ»? И каково «реальное» и «должное» соотношеніе «языковъ» и ихъ «діалектовъ». На этотъ счетъ существуютъ, какъ извѣстно, разныя мнѣнія. Для однихъ, дѣло обстоитъ просто. «Діалекты» въ ихъ глазахъ нѣчто подобное тому, чѣмъ для героевъ Пошехонской старины были крѣпостные: есть господа и есть рабы; это самимъ Богомъ такъ устроено, не съ насъ повелось и не нами кончится. Филологи, однако, придерживаются другого взгляда. Для филолога раздѣленіе языковъ на «собственно языки» и «діалекты» или «нарѣчія» является чистой условностью. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, граница между «языкомъ» и «его» нарѣчіями? «Языкъ вообще» есть чистѣйшая абстракція. Строго говоря, существуетъ столько же языковъ, сколько есть людей на свѣтѣ, обладающихъ даромъ рѣчи. Внѣ говорящихъ людей нѣтъ языка; стихотвореніе Пушкина «существуетъ» въ собраніи сочиненій Пушкина лишь «виртуально»; «реально» же только въ тотъ моментъ, когда я его читаю. Но нѣтъ двухъ людей, которые бы говорили на «одномъ и томъ же» языкѣ совершенно одинаково. Внѣ говорящихъ на «одномъ и томъ же» языкѣ людей есть только одно: нѣкоторая общая граница, полагающая предѣлъ ихъ языковому творчеству, каковымъ является всякое говореніе. Это: синтаксисъ «виртуальнаго» языка и его словарь. Словарь «языка вообще» и словарь каждаго говорящаго на немъ — далеко не одно и то же. Ни одинъ русскій не пользуется всѣми словами, имѣющимися у Даля, и ни одинъ

французъ не нуждается въ своемъ обиходѣ во всѣхъ словахъ, занесенныхъ Литтре въ его словарь. У Даля имѣется множество словъ «областныхъ», а также множество словъ, правда, болѣе или менѣе общерусскихъ, но «простонародныхъ». Лишь часть словъ, извѣстныхъ Далю, попала въ русскій «литературный» языкъ. И можно быть увѣреннымъ, что, кромѣ словъ, занесенныхъ въ словарь Даля, словъ «областныхъ» или «классовыхъ», не «литературныхъ», есть еще великое множество другихъ. Слова постоянно «нарождаются» и постоянно «умираютъ»: несомнѣнно, что много словъ, которыя приходилось слышать Далю, теперь уже услышать нельзя. Въ этомъ отношеніи «литературный» языкъ устойчивѣе. Литература обезпечиваетъ словамъ долгую, иной разъ и вѣчную жизнь; но она же и кладетъ преграды дальнѣйшему обогащенію «литературнаго» словаря. Не всякій отважится напечатать слово, котораго нѣтъ у Толстого или у Тургенева. Литература создаетъ «классическій» языкъ, т. е. «образцовый», слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ — мертвый. Іерархія «языка» и его діалектовъ возникаетъ вмѣстѣ съ литературой. Діалекты даннаго языка, это — т о т ъ ж е с а м ы й языкъ, но только — языкъ ж и в о й, въ отличіе отъ литературнаго «мертваго». Ясно, что каждый «діалектъ» можетъ стать «языкомъ», и каждый языкъ — упасть до степени «діалекта». Провансальскій языкъ сталъ «языкомъ» раньше нынѣшняго французскаго. На этомъ языкѣ существовала богатая и очень «ученая» поэзія, въ свое время сильно повліявшая на развитіе поэзіи романскихъ народностей вообще. Что же сталось съ этимъ языкомъ? Онъ заглохъ, оскудѣлъ, послѣ того какъ Лангедокъ утратилъ свою самостоятельность, послѣ того какъ Арль, Авиньонъ и Монпелье уступили свое мѣсто Парижу. Онъ обратился въ «провинціальный» языкъ, на немъ перестали писать стихи для «куртуазнаго» общества, его классики были забыты. Заглохши, онъ — «воскресъ», изъ «классическаго», «мертваго» языка сдѣлался «живымъ», т. е. «діалектомъ». Соотечественники Тартарена въ произведеніяхъ Бертрана де Борна или Пейра Кардиналя не находили — потому что они ихъ забыли — никакихъ препонъ своему языковому творчеству. Въ пол. XIX вѣка у провансальцевъ явился большой поэтъ, Мистраль. Его поэма «Мирейо» стала «классической». Съ Мистралемъ связано движеніе «фелибровъ», «Félibrige» воз-

родило провансальскій языкъ, если можно употреблять глаголъ «возродить», когда рѣчь идетъ объ обращеніи «живого» языка въ «мертвый», чѣмъ, болѣе или менѣе, всегда является переходъ «діалекта» на степень «языка».

Изъ того, что каждый «діалектъ» м о ж е т ъ стать «языкомъ», нѣкоторые дѣлаютъ тотъ выводъ, что въ условіяхъ «нормальнаго» развитія онъ имъ и д о л ж е н ъ стать. Въ настоящее время мы присутствуемъ при весьма курьезномъ — но и зловѣщемъ — процессѣ искусственной выдѣлки «языковъ» изъ діалектовъ русскаго языка. Ясно, что тамъ, гдѣ у данной діалектологической группы нѣтъ литературы — а ея у нея нѣтъ никогда, ибо, если-бы она была, то «діалектъ» т ѣ м ъ с а м ы м ъ сталъ бы «языкомъ», а діалектологическая группа націей — приходится в ы д у м ы в а т ь такія черты, которыя бы служили основаніемъ для отторженія даннаго «діалекта» отъ его «языка». Такимъ в ы м ы ш л е н н ы м ъ признакомъ является, напр., ф о н е т и к а «бѣлорусскаго языка». «Создатели» этого послѣдняго «закрѣпляютъ» эту фонетику, долженствующую служить, въ ихъ представленіи, «титуломъ» на право бѣлорусскаго языка быть повышеннымъ изъ «діалектовъ» въ «языки», путемъ правописанія. То начертаніе, которыми пользовались русскіе фольклористы, напр., Аѳанасьевъ въ своихъ «Сказкахъ», для передачи особенностей бѣлорусскаго говора — хадиць, гавариць, бэларуски, прійшоу и т. под., — они обратили въ «оффиціальную» орѳографію, а эта орѳографія с а м а уже долженствуетъ свидѣтельствовать о томъ, что новоявленный языкъ ничего общаго съ русскимъ не имѣетъ. Конечно, это — заблужденіе, — и врядъ-ли добросовѣстное. Вѣдь общерусское правописаніе — совсѣмъ не фонетическое, а чисто у с л о в н о е. Если бы для русскаго общелитературнаго языка было усвоено фонетическое правописаніе, то русскія книги были бы по внѣшнему виду очень похожи на нынѣшнія изданія «бэларусскава» университета въ «Менскѣ» (Минскѣ). Мы бы писали (заимствую примѣръ изъ чеховскаго «Экзамена на чинъ») такъ: «харашa халодная вада, кадa хочица пить». Слѣдуя способу бѣлорусскихъ патріотовъ, можно было бы наплодить въ Россіи множество новыхъ «языковъ». Стоило бы только писать «холоука» (головка), «сапохоу» — и «новороссійскій языкъ» готовъ. Общерусское правописаніе совсѣмъ не отражаетъ фонетическихъ особенностей великорусскаго го-

вора по сравненію съ бѣлорусскимъ, или новороссійскимъ, или говоромъ области войска Донского, или Сибирскимъ. Это — правописаніе именно условное, «среднее», никакъ не отражающее тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ особенностей произношенія. Введеніе областныхъ фонетическихъ орѳографій не болѣе какъ уловки, передергиваніе картъ.

Надо полагать, что въ основѣ этой некрасивой игры лежитъ все же нѣкоторое искреннее убѣжденіе, весьма распространенное. Природу этого убѣжденія я бы характеризовалъ такъ: это — романтическій натурализмъ, осложненный эгалитарно - демократическимъ догматизмомъ. Съ одной стороны всякій «діалектъ» разсматривается, какъ «будущій языкъ» и притомъ, какъ «естественно» д о л ж е н с т в у ю щ і й стать «языкомъ»; съ другой — какъ «угнетенный» языкъ, имѣющій н р а в с т в е н н о е п р а в о на «эмансипацію». Здѣсь кроется своеобразное «сентиментальное народничество», то народничество, которое хочетъ и «поднять» до высшаго уровня «простой народъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить неприкосновенность его «народныхъ», признаваемыхъ «истинно-національными», особенностей. Есть нѣчто отъ руссоистскаго «ressentiment» въ томъ убѣжденіи, что въ фактѣ образованія русскаго литературнаго языка на базѣ преимущественно в е л и к о р у с с к а г о «нарѣчія», вѣрнѣе великорусскихъ говоровъ, заключается нѣкоторая историческая «несправедливость» и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное отклоненіе отъ «нормы». Вѣдь для демократической догматики — именно д о г м а т и к и, а не теоріи, — характерна вообще вѣра въ «нормальный» историческій процессъ и въ его «отклоненіе» отъ нормы, каковымъ представляется в с я доселѣ протекшая исторія человѣчества. Что же касается вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ «выправить» историческій процессъ и загладить «грѣхи исторіи», то, примѣнительно къ данному случаю, на помощь приходитъ догматизмъ иной категоріи, хотя, по происхожденію и по «пафосу» родственный первому: догматизмъ романтическаго натурализма, тотъ о которомъ я сейчасъ говорилъ: «простонародность» есть какъ-бы признакъ и залогъ «истинной», «подлинной» народности. Историческое «преступленіе» должно быть искуплено и историческая «ошибка» исправлена: русскую націю, поглотившую постороннія ей «народности», слѣдуетъ «раздѣлать» и этимъ народностямъ вернуть самостоятельное бытіе, чтобы онѣ стали нація-

ми, каковыми онѣ «по справедливости» и «естественно» д о л ж н ы стать. Нужно-ли доказывать, что это — чистѣйшій догматизмъ, съ характерной для всякаго догматизма особенностью мышленія: «додумывать» ровно до того мѣста, до котораго допускаетъ догма, а затѣмъ — переставать думать и не позволять этого другому? Вѣдь исторически сложившіяся народности составились изъ этническихъ ингредіентовъ, которые и сами были продуктами ранѣе совершившихся «несправедливостей» — и гдѣ слѣдовало-бы остановиться, «раздѣлывая» существующія нынѣ націи, — развѣ на временахъ путешествія Энея или постройки Вавилонской башни? И бѣлорусская народность — столь же «смѣшанная», какъ и русская нація, и если ужъ заглаживать «историческіе грѣхи», то приходится рѣшиться на то, чтобы воскресить вымершія «расы», чего и хотятъ, напр., бретонскіе «сепаратисты» *) Что всякая этническая группа м о г л а бы стать націей, въ этомъ нѣтъ ничего a-priori невѣроятнаго. Что разнообразіе національныхъ культуръ можетъ способствовать духовному обогащенію человѣчества, это врядъ-ли подлежитъ оспариванію. Заключать же отсюда, что в с ѣ этническія группы д о л ж н ы сдѣлаться націями и притомъ цѣною разложенія и смерти у ж е с у щ е с т в у ю щ и х ъ великихъ историческихъ націй, это и нелогично и дико.

Романтико-демократическій догматизмъ разсматриваетъ «діалекты» какъ «меньшую братію», «угнетенную» «господствующимъ» языкомъ. Для этого вида догматизма, какъ это уже давно было замѣчено (Ницше), характерно подводить всѣ отношенія подъ категорію отношеній господства и подчиненія, напр., отношеній между «капиталистами» и «пролетаріями», «работодателями» и «рабочими». Но «діалекты» по отношенію къ языку совсѣмъ не то же, что «слуги» по отношенію къ «хозяину», или титулярные совѣтники въ сравненіи съ дѣйствительнымъ статскимъ. И ни въ «эмансипаціи», ни въ «повышеніи въ чинѣ и окладѣ» они не нуждаются. «Діалекты» и «языкъ» с у т ь о д н о, элементы одного и того же живого цѣлаго и притомъ элементы р а в н о п р а в н ы е. Повторяю, для того, кто стоитъ на почвѣ реальностей, а не школьныхъ абстракцій, «діалекты» подводятся подъ болѣе общую категорію «реально существующихъ языковъ», «языковъ говорящихъ людей». Условимся, для краткости, на-

*) См. мою статью «Нація и Народъ» въ Совр. Зап. XXXVII.

зывать эту категорію «разговорнымъ языкомъ» (langue parlée). Всѣ безчисленные виды этого языка могутъ быть классифицированы по двумъ главнымъ группамъ: мѣстные говоры («діалекты» patois) и «классовые» (argot). «Argots» существуютъ не только у «апашей», «хулигановъ» и тюремной «шпаны», но и у «высшихъ классовъ». «Argot» французскаго Двора въ XVI в. оказалъ значительное вліяніе на образованіе литературнаго языка. Извѣстно, напр., что придворный обычай «zézayer» («зюзюканья») далъ начало слову «chaise» — изъ chaire (cathedra). Языковое творчество, столь ограниченное въ литературномъ языкѣ (langue écrite), въ языкахъ разговорныхъ не стѣснено рѣшительно ничѣмъ. Существуютъ различные взгляды на отношеніе этихъ языковъ къ литературному. Одни видятъ въ нихъ источникъ «порчи» литературнаго языка, хотѣли-бы, чтобы разговорные языки были «запрещены», «истреблены», по крайней мѣрѣ отдѣлены «санитарнымъ кордономъ» отъ литературнаго, — такъ, чтобы ни одно новое слово, не зарегистрованное въ «Академическомъ» словарѣ, не смѣло проникнуть въ школу и въ печать. Другіе — по большей части спеціалисты-филологи — протестуютъ противъ этого деспотизма во имя свободы языкового творчества. Нельзя, нерѣдко говорятъ они, — и невозможно, ставить преграды «естественной эволюціи» языковъ. О «естественной эволюціи» лучше было-бы не упоминать. Всякое творчество въ какомъ-то отношеніи «искусственно» и содержитъ въ себѣ элементъ «выдумки». Надо признать также и то, что «пуристы» оказываются часто вполнѣ правы. Во многихъ случаяхъ языковое «творчество» приводитъ къ обѣдненію языка, къ его обезличенію, къ умаленію выразительности. И все же въ своей основѣ «пуризмъ» есть какое-то большое недомысліе. «Литературный» языкъ создался вмѣстѣ съ «литературой», онъ есть сама эта литература. «Мѣдный Всадникъ» заключаетъ въ себѣ не весь русскій языкъ, во всѣхъ его, когда-либо осуществившихся, «возможностяхъ» и нѣтъ никакихъ логическихъ основаній къ тому, чтобы утверждать, что фактъ написанія «Мѣднаго Всадника» явился какъ-бы ручательствомъ въ томъ, что никакихъ другихъ, еще подлежащихъ реализаціи, возможностей въ русскомъ языкѣ нѣтъ. Вѣдь «Война и Миръ» написана не тѣмъ же самымъ языкомъ, что и «Мѣдный Всадникъ». Поскольку ни одинъ художникъ словъ,

какъ бы онъ ни былъ великъ, не выражаетъ и не исчерпываетъ цѣликомъ національной «души» (ибо онъ есть личность и своей личностью ограниченъ), постольку считать, что его творчество ставитъ точку развитію языка значитъ впадать въ величайшее заблужденіе: третировать жизненные процессы (а народная «душа» не что иное, какъ такой процессъ, или «становленіе»), какъ мертвыя «вещи». Великіе художники слова это всегда понимали. Для Пушкина и Толстого, для Рабле и Ла-Фонтена, для Данте и Гюго, «живые» языки, «говоры» и «argots» были тѣми источниками живой воды, которыми они питались, источниками неизсякаемыми и неисчерпаемыми, и той верховной «инстанціей», авторитетомъ которой они освящали свои дерзанія. Никто, кажется, не понялъ этого отношенія между «живыми» языками («парѣчіями», «говорами») и «мертвымъ» (литературнымъ) языкомъ глубже, и не выразилъ съ большей полнотой и опредѣленностью, чѣмъ Марсель Прустъ, — выразилъ не посредствомъ разсужденій, которымъ всегда чего-то не хватаетъ, а по своему, поэтически. Герой его романа (т. е., конечно, самъ Прустъ) учится французскому языку, бесѣдуя съ герцогиней Германтъ и со своей служанкой Франсуазой. Эти двѣ представительницы самыхъ древнихъ общественныхъ классовъ, — строго говоря, верхушки и низа одного и того же класса и одной и той же культуры, являются, каждая по своему, хранительницами языковыхъ сокровищъ, забытыхъ, заброшенныхъ, оставленныхъ въ пренебреженіи новыми общественными классами, и не вошедшими въ «литературный» языкъ. И это общеніе, съ одной стороны, съ людьми, для которыхъ герцогъ Сенъ-Симонъ былъ-бы «своимъ человѣкомъ», съ другой — съ «народомъ» и было, надо полагать, условіемъ того, что Прусту удалось достигнуть такой предѣльной выразительности рѣчи, такого богатства оттѣнковъ, такой силы и свѣжести и — въ то же время — такой самобытности стиля. Трудно представить себѣ языкъ болѣе «искусственный», болѣе «литературный», болѣе отстоящій отъ разговорнаго, — и въ то же время несомнѣнно укорененный именно въ этомъ, разговорномъ по преимуществу, языкѣ *). И какъ бы желая, при помощи контраста, сильнѣе

*) Ср. объ отношеніи «писанаго» языка къ разговорному цѣнныя мысли Thibaudet, высказанныя имъ по поводу стиля Флобера, въ его книгѣ о послѣднемъ.

подчеркнуть животворящее значеніе разговорной рѣчи для литературнаго языка, Прустъ съ неменьшей геніальностью, пользуясь просто своимъ излюбленнымъ пріемомъ — пародіи, показываетъ, какъ и почему «за свой собственный счетъ», собственными рессурсами литературный языкъ жить не можетъ. Жить — значитъ творчески продолжать традицію. И вотъ оказывается, что литературная традиція, взятая «въ себѣ», оторванная отъ живой жизни, безплодна и мертва. Прустъ изумительно уловилъ особенности «чисто-литературной» рѣчи двухъ педантовъ: академика Бришо и археолога Саніеттъ. Они, на свой ладъ, «оживляютъ» и «обогащаютъ» свою рѣчь «реминисценціями» и «почтенными» архаизмами. Но это «оживленіе» приводитъ къ тому, что ихъ трудно понять, а «обогащеніе» къ тому, что въ разглагольствованіяхъ карикатурнаго Бришо каждый слѣдящій за французской литературой безъ труда замѣтитъ разительное сходство съ тѣмъ несноснымъ въ своей полнѣйшей безличности и мертвенной невыразительности языкомъ, какимъ пишутъ въ большинствѣ случаевъ французскіе «безсмертные», языкомъ Revue des deux Mondes, этого убѣжища и оплота ревнителей «чистоты» французской національной традиціи, этого кладбища французской культуры. Бришо и его прототипы изъ Revue des deux Mondes «говорятъ, какъ пишутъ». Когда они говорятъ, имъ кажется, что они пишутъ. Литература для нихъ — самоцѣль (у Пруста, кстати сказать, съ необыкновенной силой показано вообще изсушающее дѣйствіе всякаго «самодовлѣющаго» эстетизма — въ описаніи особой, призрачной жизни художественнаго «салона» г-жи Вердюренъ). Она замѣняетъ имъ жизнь. Тѣ слова и обороты, которыми они «обогащаютъ» и «оживляютъ» — на самомъ дѣлѣ дѣлаютъ его еще скуднѣе и еще мертвеннѣе — свой языкъ они черпаютъ не изъ живой традиціи, а изъ «классиковъ», изъ «памятниковъ» литературы-же. Нечего и говорить: Прустъ и самъ писатель необыкновенно основательной и широкой литературной культуры. Я думаю, что, кто не знакомъ съ Discours de la Méthode, съ Institution de la Religion Chrestienne и съ Опытами Монтаня, не въ состояніи почувствовать всей прелести Пруста, ни даже — просто какъ слѣдуетъ понимать его. Но для него Декартъ, Кальвинъ и Монтань не «образцы», не сборники «парадигмъ»: для него это — живые люди. Они живутъ вмѣстѣ съ г-жой Гер-

мантъ и Франсуазой и — въ нихъ, въ ихъ рѣчи. Литература «въ себѣ» — безсмыслица, понятіе, которому не соотвѣтствуетъ никакая реальность: за Discours de la Méthode есть Декартъ, а за Декартомъ цѣлая полоса когда-то живой жизни. Кто безсиленъ пережить эту жизнь, угадать ее трепетъ въ Discours de la Méthode, для того и этотъ послѣдній все равно что не существуетъ, а значитъ и его языкъ будетъ уже въ буквальномъ смыслѣ слова мертвымъ языкомъ, т. е. собраніемъ словъ и оборотовъ. Вотъ почему у «литературы въ себѣ» нѣтъ никакой своей собственной традиціи и вотъ почему жизнь литературнаго языка всецѣло обусловлена жизнью «говоровъ». И поскольку всѣ классы общества и всѣ области образуютъ одну націю и одну страну, никакой іерархіи «говоровъ», въ ихъ отношеніи къ «языку», нѣтъ и быть не можетъ: ключи живой воды бьютъ повсемѣстно. Всѣ говоры, какъ «областные», такъ и «классовые» (argot), къ которымъ нужно присоединить и «возрастные» («дѣтскій» языкъ!) и говоры различныхъ половъ (въ «женскомъ языкѣ, в ъкаждомъ классѣ, есть свои особенности, отличающія его отъ «мужского»), — образуютъ одинъ «потенціальный» національный языкъ, обезпечивающій вѣчную жизнь «мертвому» литературному языку. И именно всѣ вмѣстѣ, во взаимодѣйствіи и въ совмѣстномъ вліяніи на послѣдній, — тогда какъ догматики демократическо-романтическаго натурализма хотѣли-бы, чтобы каждый мѣстный говоръ, весь цѣликомъ, со всѣми случайностями и уродливостями, результатомъ узкаго, ущербнаго, «провинціальнаго» или «кастоваго» существованія, сразу «получилъ производство» въ литературный языкъ. Нелѣпость этого требованія станетъ ясна, какъ только продумаемъ его до конца: вѣдь если создавать «бѣлорусскую націю», или «націю терскихъ казаковъ» (была рѣчь и объ этомъ), то почему и не — «націю окончившихъ училище правовѣдѣнія», или «націю дѣтей до-школьнаго возраста»? Гдѣ здѣсь остановиться? Гдѣ предѣлъ?

Предѣлъ, однако, есть — и было-бы недобросовѣстно отрицать это. Есть группы, въ силу историческихъ или географическихъ условій оторвавшіеся отъ общаго «народнаго» массива, группы, которыхъ говоры уже не питаютъ собою національнаго языка, не участвуютъ въ его жизни. Такія группы встрѣчаются не только у однихъ «неза-

вершенныхъ» націй, каковы нѣмецкая (голландскій языкъ) и русская (украинскій), но и у націй сложившихся, «готовыхъ» (провансальскій языкъ). Положеніе такихъ группъ — особое. Если подобная группа всецѣло, политически, какъ и культурно, оторвалась отъ общаго массива, — какъ голландцы, — то «діалектъ» тѣмъ самымъ становится языкомъ. Если она остается въ предѣлахъ общаго массива, то «діалектъ» или обреченъ на то, чтобы заглохнуть и вымереть (такова, повидимому, судьба сицилійскаго нарѣчія), или же онъ возрождается въ качествѣ отдѣльнаго языка, сосуществующаго съ общенаціональнымъ (провансальскій языкъ въ наше время). Все дѣло здѣсь въ размѣрахъ группы (большая группа обладаетъ и большей силой сцѣпленія своихъ частицъ, нежели малая) и въ цѣнности, а значитъ и живучести культурной традиціи. Безплодно спорить о «процессахъ» такъ, какъ если бы это были «вещи», — въ частности, напр., о томъ слѣдуетъ-ли считать украинскій языкъ «языкомъ» или же «только діалектомъ». Для тѣхъ украинцевъ, которые сознаютъ и цѣнятъ свою связь съ русской культурой, украинскій языкъ является или «только діалектомъ», или «вторымъ языкомъ», — каковымъ для провансальца является провансальскій языкъ: вѣдь ни одному провансальцу не приходитъ въ голову отрекаться, ради Мистраля, отъ Расина и Бальзака. Для тѣхъ украинцевъ, которые этой связи не чувствуютъ и не цѣнятъ, украинскій языкъ есть единственный «родной языкъ». Это вопросъ ирраціональнаго порядка, и весьма возможно, что и разрѣшенъ онъ будетъ «ирраціональнымъ способомъ; причемъ — врядъ-ли «большинствомъ голосовъ», можетъ быть — силой.

Морфологъ культуры здѣсь поневолѣ вынужденъ ограничиться предупрежденіемъ, которое, впрочемъ, врядъ-ли возымѣетъ дѣйствіе. Сила уже пущена въ ходъ. «Украинизація» проводится въ порядкѣ «государственнаго принужденія». Украинскій литературный языкъ уже сталъ совершившимся фактомъ. Какъ слѣдуетъ оцѣнивать этотъ фактъ? Прежде всего надо отбросить тѣ возраженія противъ «украинизаціи», которыя обычно выдвигаются: людямъ свойственно орудовать въ вопросахъ подобнаго рода аргументами, бьющими мимо цѣли (не удивительно, ибо наше мышленіе сплошь пропитано предразсудками догматическаго «романтическаго» натурализма), и — утѣ-

шать себя ими. Народъ «не хочетъ» украинизаціи, тотъ украинскій языкъ, который насаждаютъ украинизаторы — «не нашъ», не «народный» языкъ, народъ его «не понимаетъ» и т. д. Добиться отъ «народа», чего онъ «хочетъ» и чего не «хочетъ», не такъ легко. Въ концѣ концовъ, самъ «народъ» едва-ли знаетъ это. Извѣстно, что «народъ» въ иныхъ случаяхъ упирался противъ украинизаціи, подозрѣвая здѣсь коварство «пановъ», затѣявшихъ такимъ способомъ помѣшать «простымъ людямъ» самимъ стать «панами». Украинскій языкъ, конечно, не «народный» языкъ, — на то онъ и «литературный» языкъ. «Народъ» его «не понимаетъ», — но несомнѣнно не въ большей степени, въ какой онъ «не понимаетъ» и русскаго литературнаго языка. Отрицательная сторона затѣи «украинизаторовъ» не въ этомъ, а въ другомъ. Украинизація, проводимая въ «законодательномъ порядкѣ», есть величайшее заблужденіе и величайшее зло прежде всего для — самого украинскаго языка. Догматики романтическаго натурализма, — какъ и большая часть русской интеллигенціи, вообще, — украинизаторы вѣрятъ, что стоитъ только «снять» съ языка «оковы рабства», стоитъ только вывести его «на торную дорогу», а тамъ онъ уже «самъ» будетъ развиваться и раскрывать свои «возможности». Они вѣрятъ въ какое-то «самостоятельное» существованіе «языка въ себѣ» и въ «закономѣрность» его эволюціи, въ «естественный прогрессъ». Бѣда не въ томъ, что они, «содѣйствуя прогрессу», создаютъ «искусственно» украинскій литературный языкъ — такъ поступали и Данте, и Лютеръ и Ломоносовъ, «искусственно» всякое творчество, — а въ томъ, что они дѣлаютъ тоже самое, что и Данте, и Лютеръ и Ломоносовъ, с а м и н е б у д у ч и ни Дантами, ни Лютерами, ни Ломоносовыми. И этимъ они предрѣшаютъ вопросъ объ украинскомъ языкѣ: надолго, если не навсегда, они обрекаютъ его на существованіе языка «второго», если не еще худшаго, сорта. Надо, какъ слѣдуетъ, вникнуть въ дѣло. Нѣтъ языковъ «по природѣ» и «вообще» «плохихъ» или «хорошихъ». Іерархія языковъ по ихъ «собственной» цѣнности основана на недоразумѣніи. Существуетъ взглядъ, по которому языки «сами собою» совершенствуются въ большей или меньшей степени въ зависимости отъ многочисленности каждаго даннаго народа и длительности его исторіи. Естественно, что чѣмъ дольше прожилъ народъ, тѣмъ болѣе онъ имѣлъ творческихъ геніи-

евъ, — пусть и не передавшихъ вѣкамъ своихъ именъ. Что до численности народа, то она несомнѣнно вліяетъ на накопленіе словарныхъ богатствъ. Но эти богатства сами по себѣ — мертвый капиталъ. И къ тому же — такъ-ли они необходимы? «Душу» языка составляетъ его синтаксисъ и его словообразованіе. Первый опредѣляетъ собою границы языкового творчества и самого мышленія (нѣмецъ, овладѣвшій французскимъ языкомъ, мыслитъ яснѣе прежняго; французъ, овладѣвшій нѣмецкимъ — глубже); второе — открываетъ возможности обогащенія словаря. Въ словообразованіи заключается потенціальный словарь языка. Сколько словъ на -ость явилось въ русскомъ языкѣ на нашихъ глазахъ! Кто привыкъ мыслить отвлеченно на русскомъ языкѣ, тотъ создаетъ постоянно все новыя и новыя отглагольныя существительныя на -еніе — и дѣйствительно, мы знаемъ, что, со времени возникновенія русскаго философскаго языка, такихъ словъ у насъ накопилось во множествѣ. Говорятъ еще, что чѣмъ многочисленнѣе народъ, тѣмъ больше въ его языкѣ синонимовъ. И это тоже — недоразумѣніе. Синонимовъ въ одномъ и томъ же языкѣ нѣтъ: есть различныя слова, выражающія въ различныхъ діалектахъ одно и то же понятіе, и есть, въ предѣлахъ одного и того же діалекта, слова, выражающія различные оттѣнки одного и того же понятія. Обиліе словъ первой категоріи не къ чему: книжный языкъ всегда дѣлаетъ выборъ изъ этихъ словъ и останавливается для каждаго понятія на какомъ либо одномъ; что касается второй категоріи, то ея богатство, очевидно, зависитъ не отъ многочисленности народа, носителя даннаго діалекта, а отъ степени его развитія, т. е. въ конечномъ счетѣ опять таки отъ того, насколько содержательна была жизнь этого народа, т. е., другими словами, много-ли у него было творческихъ геніевъ. «Великій, свободный и могучій» русскій языкъ «великъ, свободенъ и могучъ» у Тургенева, у Толстого, у Пушкина, не — у Златовратскаго и у Григорія Мачтета. Языкъ несетъ на себѣ качества тѣхъ мыслей и тѣхъ чувствъ, которыя на немъ выражены. Если бы у русскаго народа вмѣсто Бѣлинскаго и Герцена были только Луначарскій и Фриче, и вмѣсто Толстого — только Златовратскій, то «русская словесность» преподавалась бы по этимъ образцамъ, Фриче и Златовратскій были бы «классиками»

и ихъ языкъ сталъ бы русскимъ «литературнымъ», т. е. «классическимъ» языкомъ. Границы для языкового творчества проложили бы они, и, кто знаетъ, народись послѣ нихъ Пушкинъ, смогъ-ли бы онъ эти границы нарушить? Вѣдь классики «убиваютъ» языкъ и опредѣляютъ — въ буквальномъ смыслѣ слова — національную индивидуальность. Убѣжденъ напередъ, что, если эти разсужденія попадутся на глаза «украинизаторамъ», то большинство изъ нихъ врядъ-ли даже ихъ пойметъ. Помимо предразсудковъ догматическаго «натурализма» романтики, здѣсь дѣйствуетъ еще одно обстоятельство. Культура нашихъ дней, времени небывалаго обостренія международнаго соперничества, — а тѣмъ болѣе культура «новыхъ народовъ», вынужденныхъ «догонять» старые, — сплошь «политизирована». Культура «новыхъ» народовъ «дѣлается» политиками и изъ политическихъ «видовъ». Сферы «духовной культуры» разсматриваются ими, въ силу профессіональной привычки, какъ «институты». Качество литературной, музыкальной, научной и т. д. «продукціи» ихъ не заботитъ, да врядъ-ли они и способны разбираться въ этомъ. Имъ важно, чтобы «продукція» удовлетворяла требованіямъ «народности», чтобы, напр., симфоніи или увертюры писались на мотивы народныхъ пѣсенъ, чтобы живописцы, изображая дѣвицъ, наряжали ихъ въ «національные» костюмы и т. под. Съ другой стороны, имъ важно, чтобы «національные» писатели, живописцы, композиторы доказали, что они «владѣютъ» новѣйшими художественными «формами» не хуже писателей, живописцевъ, композиторовъ нѣмецкихъ, русскихъ, французскихъ. «Покровительствуя» національной культурѣ, еще не существующей, и «вызывая ее къ жизни», они тѣмъ самымъ убиваютъ ее въ ея зародышѣ.

Предвижу одно, шаблонное, возраженіе: всякая новая культура начиналась съ подражанія, съ «пересадки» чужихъ формъ и лишь впослѣдствіи становилась «самобытной». Горацій подражалъ греческимъ лирикамъ, Данте «пересаживалъ» на родную почву «новый стиль» провансальскихъ поэтовъ, Ломоносовъ и Сумароковъ учились у нѣмецкихъ одописцевъ, у Расина и Вольтера. Это вѣрно, но все дѣло въ томъ, что они, если подражали кому-либо и учились у кого-либо, то для того, чтобы — писать стихи, а не для того, чтобы что-то кому-то «доказать», — хотя чувство патріотическаго самолюбія

имъ далеко не было чуждо. Предвижу и другое возраженіе. Сами украинизаторы признаютъ, что украинизацію приходится проводить насильственно, потому что русская культура столь совершенна, столь могуча и столь обаятельна, что, въ условіяхъ свободной конкуренціи, украинская развиваться бокъ-о-бокъ съ нею не въ силахъ. Это соображеніе — весьма основательное. Весьма вѣроятно, что иначе какъ принудительно насадить украинскую культуру нельзя. Но въ такомъ случаѣ — надо отъ нея отказаться. Ибо принудительно насажденная культура не есть культура, а только ея видимость. Украинизаторовъ страшитъ, что украинскій народъ, дай ему свободу «культурнаго самоопредѣленія», сольется съ русскимъ народомъ — какъ это дѣйствительно и происходитъ въ областяхъ колонизаціи, въ Сибири и въ Ср. Азіи *), - - потеряетъ «свое лицо». И, изъ опасенія этого, они напяливаютъ на него — маску. Но маска не замѣнитъ лица. Забота о сбереженіи «народнаго лица» есть тоже слѣдствіе романтическаго натурализма. «Лицо» народа постоянно мѣняется, жизнь народовъ есть непрерывная серія смертей и рожденій, народы сливаются одни съ другими, давая начало новымъ народамъ, тѣ, въ свою очередь, диференцируются на новыя націи. Преступно и безумно всякое насиліе, учиняемое однимъ народомъ ради того, чтобы ассимилировать себѣ другой; но столь же безумно — ставить преграды процессу свободной ассимиляціи народовъ. Пусть этой свободной ассимиляціи и предшествовала насильственная: въ этой сферѣ «раздѣлать» то, что было сдѣлано исторіей, невозможно. Можно «исправить» границу, можно замѣнить чужую власть своей, «національной», но какъ можно «исправить» народную душу или замѣнить «новую» его душу прежней, «традиціонной», «исконно-національной» — этого даже нельзя понять. Вѣдь у народа, какъ и у отдѣльнаго человѣка, не можетъ быть «чужой» души; та душа, которая «въ немъ» находится, это и есть «его» душа. Думать иначе, значитъ раздѣлять точку зрѣнія старинной психологіи, различавшей въ человѣкѣ «душу» и «его самого», какъ ея «вмѣстилище». Языкъ есть «душа» народа. И тотъ языкъ, на которомъ народъ думаетъ и говоритъ,

*) См. объ этомъ замѣчательную статью проф Прокоповича в «Экономическомъ бюллетенѣ», № 60, 1928 г.

есть его собственный языкъ. Допустимъ, что украинскій народъ добровольно и незамѣтно для самого себя усвоитъ русскій (т. е. общерусскій) языкъ. Украинскій народъ тѣмъ самымъ не «обезличится», онъ станетъ одно съ русскимъ народомъ, онъ сопричастится «душѣ» Пушкина и Толстого, какъ въ свое время сопричастился ей Гоголь, въ свою очередь безмѣрно обогатившій «русскую душу». Мыслимъ и другой исходъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ условіяхъ свободы развитія, въ Россіи демократической и устроенной на признаніи областной автономіи, соперничество языковъ приведетъ къ тому, что Украина дастъ міру своихъ собственныхъ великихъ писателей, какъ она уже дала Шевченка. Но украинизаторы дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы осуществленію этой возможности воспрепятствовать. Въ своемъ торопливомъ усиліи закрѣпить за собою наибольшее количество «шансовъ», они упускаютъ единственный, который чего-нибудь стоитъ. И по мѣрѣ того какъ «украинизація» пускаетъ корни и начинаетъ давать плоды, опасность, что этотъ единственный шансъ будетъ упущенъ безповоротно, — конечно, все болѣе возрастаетъ.

***

Въ теченіе вѣковъ культура Европы была «универсальной» и одно- или двуязычной. Сначала это была греческая культура, культура по преимуществу, въ противоположеніи «варварству», безкультурности. Латинская культура, ставшая впослѣдствіи рядомъ съ нею, не противопоставила себя греческой. Въ представленіи людей латинской культуры, эта послѣдняя была тою же самою культурою, что и греческая. Культурный человѣкъ поздней античности и ранняго христіанства пользовался безразлично обоими языками — и поздніе греки и народы, усвоившіе греко-римскую цивилизацію, въ пору, когда Константинополь сталъ столицей Римской Имперіи, считали и называли себя «римлянами» («ромеями»). Средневѣковая культура Западной Европы сохранила эти черты — одноязычности и универсальности. Ея содержаніе нацѣло совпадало съ содержаніемъ общечеловѣческой, міровой — именно таковою и сознаваемой — религіи, христіанства. Принадлежность къ христіанству опредѣляла собою всецѣло и то, что мы теперь назвали бы «національной принадлеж-

ностью», до такой степени, что христіане считались «новымъ народомъ» въ противоположность всѣмъ прочимъ, которые и именовались, въ отличіе отъ христіанъ, «народами», ethne, gentes, «языки». Языковое единство Европы опредѣлялось ея культурнымъ единствомъ. Латинскій языкъ старались блюсти въ чистотѣ ради сбереженія отложившейся въ немъ христіанской традиціи. «Національный вопросъ» ставился въ Средніе вѣка исключительно какъ вопросъ о гегемоніи той или иной этнической группы въ христіанскомъ мірѣ, — причемъ основой подобныхъ притязаній выдвигалось мнимое родство съ «родоначальниками» этого міра, т. е. «родоначальниками» римскаго народа — троянцами. Мѣстные языки признавались, какъ matter of fact, и всѣ нарѣчія именовались «простонародными» языками, «sermo vulgaris». Универсальность культуры не исключала мѣстныхъ своеобразій. Напротивъ, никогда не было такой пестроты законовъ, одеждъ, обычаевъ, вкусовъ, такой свободы въ проявленіи національнаго творчества, какъ тогда. Единство средневѣковой культуры состояло въ томъ, что всѣ отдѣльныя культуры, изъ которыхъ она слагалась, имѣли общее «направленіе», всѣ онѣ были выраженіемъ одного и того же устремленія — къ Богу. Поскольку религія была «нормой», «предѣломъ» и санкціей всѣхъ этихъ культуръ, постольку и языкъ религіи, латинскій, былъ «нормой» и «образцомъ» всѣхъ «простонародныхъ языковъ». Въ эпоху Возрожденія это соотношеніе осталось прежнимъ. «Гуманисты», наряду съ «очищеніемъ» латыни отъ варваризаціи, которой она подверглась въ теченіе Средневѣковья, занимались и «облагороженіемъ» «простонародныхъ» нарѣчій, ставшихъ еще ранѣе языками образованныхъ людей, но сохранившихъ то, что гуманистамъ представлялось «варварской безформенностью» и «безграмотностью». Гуманисты усиливались подчинить эти языки правиламъ латинской грамматики, латинской просодіи и латинскаго построенія періодовъ. Результатъ ихъ усилій былъ двойной: латинскій языкъ они въ концѣ концовъ у б и л и Державшійся исключительно Школой, латинскій языкъ, пребывавшій «внѣ» и «по ту сторону» жизни, не былъ въ состояніи выдержать ихъ реставраторскіе опыты: онъ поддался имъ безъ сопротивленія. Напротивъ, новые языки, связанные со всѣми сторонами «дѣйствительной» жизни, вышли изъ гуманистической обработки окрѣпшими и

усовершенствованными: жизнь отбросила то, что въ гуманистической реформѣ было непріемлемо — не потому, что шло въ разрѣзъ съ яко-бы присущимъ каждому языку его неизмѣннымъ и всегда тождественнымъ себѣ въ своей «интимной основѣ» «духомъ», а потому, что *сама жизнь и ея* «духъ» измѣнились со временъ Ливія, Цицерона и Горація, — и удержала за новыми языками то, что ими, т. е. въ сущности, опять таки *ею*, жизнью, поскольку она являлась продолженіемъ жизни «античныхъ» народовъ, могло быть удержано. «Рецепція» латинскихъ элементовъ въ языкѣ, подобно рецепціи римскаго права, отвѣчала потребностямъ новой цивилизаціи и лишь въ той мѣрѣ, въ какой она имъ отвѣчала, явилась «органическимъ», жизненнымъ процессомъ. «Облагораживая», «утончая» и обогащая новые языки, гуманисты преслѣдовали по существу прежнія, универсалистическія, цѣли, — съ тою разницею, что для нихъ «нормой» было уже не столько христіанство, сколько «античность». Національныя культуры не были и для нихъ самоцѣлью и самодовлѣющей цѣнностью. Блестящій расцвѣтъ національныхъ литературъ и, слѣдовательно, національныхъ *языковъ* былъ результатомъ устремленій, выходившихъ за предѣлы чисто-національныхъ интересовъ и потребностей. И если культурный подъемъ европейскихъ народностей въ періоды «поздняго средневѣковья», Возрожденія и Реформаціи совпалъ съ политическимъ, то здѣсь, хотя не было случайности, но не было и односторонней «причинно-слѣдственной» зависимости: «политика» не «опредѣляла» собою «культуры» и «культура» не «служила» политикѣ. Поскольку мѣстныя культуры развивались свободно и безъ «задней мысли», поскольку онѣ не «подгонялись» подъ какія-бы то ни было «мета-культурныя» цѣли, но тянулись въ направленіи *имманентной* цѣли *всякой* культуры, къ Абсолютному (ибо «Возрожденіе», не будучи чисто-христіанскимъ, по своему характеру, отнюдь, однако, не было движеніемъ отъ культа абсолютныхъ цѣнностей къ культу цѣнностей относительныхъ, и «гуманизмъ» не былъ по своему философскому содержанію проповѣдью «чистой», т. е. безъ-божной, самодовлѣющей «человѣчности»; наконецъ, не надо забывать, что «языческій», «платоновскій» гуманизмъ очень скоро былъ оттѣсненъ *новымъ*, христіанскимъ, протестантскимъ и католическимъ), — въ этомъ универсализмѣ не было ничего тако-

го, что обезличивало бы культуры, что дѣлало бы ихъ а-національными. Образованіе общенаціональной власти, національныхъ границъ и политическихъ центровъ содѣйствовало умаленію культурной пестроты и черезполосицы, характерныхъ для средневѣковья; въ каждой странѣ культура центра, «двора», главнаго города, стала преобладающей и обще-національной; на основѣ множества мѣстныхъ нарѣчій сложились національные языки, — одинъ для каждой національно-политической формаціи, для каждаго коллектива, тяготѣвшаго къ тому, чтобы стать таковой.

Въ эпоху Гердера, Гете и романтики этотъ процессъ подвергся осмысленію — и притомъ весьма разностороннему. Исходной точкой послужила реакція противъ новаго, «раціоналистическаго», «чисто-человѣческаго», нивелирующаго и обезличивающаго универсализма конца XVII и XVIII в., которому противопоставили тотъ истинный, не исключающій «народности», универсализмъ, о которомъ я говорилъ, — для однихъ, античный, для другихъ — христіанско-католическій. Не случайно новое движеніе расцвѣло именно на германской почвѣ: 1) германская культура стала въ наибольшей степени жертвой этого «новаго» универсализма; 2) обращеніе къ Средневѣковью привлекло вниманіе къ тому факту, что начало средневѣковой культуры совпало съ выступленіемъ германцевъ на сцену исторіи. Создалась теорія о нѣмцахъ, какъ объ «универсальномъ» народѣ «по преимуществу», «самою природою» своего «генія» предназначенномъ къ тому, чтобы «реализовать» христіанскую идею и стать ея «носителемъ». Одновременно съ этимъ реакція противъ «новаго» универсализма, съ его «механичностью» — плодъ «раціонализма!» — дала начало ученію объ «органичности» историческаго развитія, о Націи, какъ «организмѣ». Идея «организма», выдвинутая противъ «механизма» эпохи «Просвѣщенія» съ его номиналистическимъ атомизмомъ, имѣла значеніе первоначально и въ первую голову какъ идея «всеобщности», примата «цѣлаго» надъ «частями». Позже въ ней стали подчеркивать второй ея «моментъ»: иманентной закономѣрности историческаго развитія. Самое слово «организмъ» открывало двери вторженію натуралистическихъ представленій въ исторію. Сочетаніе «философіи германства» съ идеей «организма» дало начало ученію о «народности», какъ «организмѣ» въ смыслѣ носителя «из-

начала данныхъ» духовныхъ свойствъ, которыя подлежатъ «раскрытію» въ процессѣ историческаго развитія. Языкъ, какъ выраженіе «души» народа, самъ сталъ разсматриваться, какъ «организмъ», т. е. какъ величина, съ самаго начала обладающая особымъ «геніемъ», который «долженъ» въ силу «внутренней необходимости» проявить себя. Понятно, что отъ нѣмцевъ никому не было желательно отстать. Разъ въ «германствѣ» изначала «заложена» извѣстная «идея», въ силу которой нѣмцы и являются «историческимъ» народомъ, то почему отказывать въ томъ-же самомъ прочимъ народамъ? Собственная народность для каждаго народа стала фетишемъ. Романтическое ученіе о «народности» сдѣлалось двигателемъ и обоснованіемъ національнаго движенія въ Европѣ XIX в. Романтизмъ сочетался съ тѣмъ умственнымъ теченіемъ, въ качествѣ реакціи противъ котораго онъ возникъ, съ раціонализмомъ «Просвѣщенія» съ его вѣрой въ «механическій», т. е. могущій быть «сдѣланнымъ», осуществленнымъ по «разумному» плану, всеобщій «прогрессъ». Въ средніе вѣка народы творили свою индивидуальность, не думая о ней и именно потому, что не думали; она создавалась сама собою въ процессѣ ихъ восхожденія къ сверхъ-національнымъ, ибо сверхъ-человѣческимъ цѣлямъ. Культура во всѣхъ ея проявленіяхъ была совокупностью символовъ невыразимаго и непостижимаго. Въ наше время народы взращиваютъ и холятъ національныя культуры какъ символы — собственной народности. Они ведутъ «борьбу за языкъ», они «оберегаютъ» и «очищаютъ» свои языки, ради нихъ самихъ, и вотъ оказывается, что имъ — нечего сказать, что имъ приходится пробавляться «переводами» чужихъ словъ и чужихъ мыслей. Умноженіе національныхъ культуръ и, слѣдовательно, національныхъ языковъ до сихъ поръ не привело къ обогащенію современной культуры. Иначе и быть не можетъ. «Культура» въ своей сущности вѣдь не что иное какъ символическое выраженіе иначе невыразимаго. Культура по существу символична. Разнообразіе культуръ опредѣляется разнообразіемъ символическихъ средствъ выраженія, которыя являются естественно иными въ соснахъ Шварцвальда, иными подъ «ясными какъ радость» небесами Тосканы, иными въ безбрежныхъ равнинахъ Россіи. Но въ томъ случаѣ, когда народъ ставитъ своей единственной цѣлью «быть какъ

всѣ», возлагая все остальное на «законъ прогресса», который рано или поздно «самъ собою» обусловитъ то, что «заложенныя» въ народномъ «духѣ» возможности реализуются (к а к і я это «возможности», надъ этимъ не задумываются, да и какъ это было бы мыслимо для людей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія единообразнаго и всеобщаго «прогресса»?), для символо-творчества уже, очевидно, нѣтъ мѣста. А значитъ, — нѣтъ мѣста и для культуры.

Всякое развитіе антиномично и, слѣдовательно, трагично. Трагедія современнаго развитія европейскихъ и «европеизируемыхъ» народовъ состоитъ въ томъ, что борьба за національную самобытность и за національное самоопредѣленіе, обращая Націю въ самоцѣль и въ самодовлѣющую цѣнность, приводитъ къ національному обезличенію, къ смерти Націи и, слѣдовательно, къ гибели культуры, ибо «нація» и «культура» — о д н о.

П. Бицилли.

Религіозный смыслъ революціи

1 *).

Выясненіе религіознаго смысла революціи требуетъ точнаго опредѣленія понятія революція. То, что въ общерѣчіи называется революціей, не есть предметъ моего изслѣдованія. Содержаніе, вкладываемое мною въ понятіе революціи, гораздо бѣднѣе того многосмыслія, которое мы называемъ этимъ расплывчатымъ словомъ. Революція, въ общепринятомъ смыслѣ, представляетъ собою очень сложный узелъ цѣлаго ряда историческихъ темъ. Во всякой революціи наряду съ узко или подлинно революціонной темой (къ выясненію и опредѣленію которой и направлены мои усилія) слышны всегда и другія темы: тема сорванной революціей эволюціи, тема вмѣстѣ съ революціей зарождающейся контръ-революціи, тема изъ столкновенія революціи и контръ-революціи выростающаго пореволюціоннаго сознанія. Моя задача состоитъ въ выдѣленіи изъ сложнаго созвучія всѣхъ этихъ темъ темы революціи, какъ таковой; той главной темы, именемъ которой мы называемъ все созвучіе. Религіозный смыслъ этой главной темы и составляетъ предметъ изслѣдованія данной статьи.

Журнальная статья не научная работа. Я не могу и не хочу углубляться въ методологическіе вопросы. Изслѣдуя революцію, невозможно попутно изслѣдовать и формы моего изслѣдованія. Но все же мнѣ необходимо предпослать своимъ размышленіямъ о революціи нѣсколько общихъ соображеній. Главная трудность, которую нельзя обойти молчаніемъ, сводится къ вопросу и принципамъ выдѣле-

*) Читателямъ, не интересующимся вопросомъ методологіи, предлагаю пропустить первую главу настоящей статьи.

нія изъ полноты историческаго матеріала тѣхъ явленій, которыя подлежатъ описанію въ качествѣ революціи. Всякое ли событіе, именующее себя революціей, есть въ дѣйствительности революціи? И наоборотъ: не обязаны ли мы называть революціями событія, на первый взглядъ весьма отличныя отъ классическихъ происшествій 1789 г.?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ прежде всего отъ тѣхъ научныхъ путей, которыми мы пойдемъ къ выясненію природы революціи. Въ исторіовѣдѣніи все еще борятся другъ съ другомъ два метода. Методъ индукціи и обобщенія, заимствованный изъ естественныхъ наукъ, и методъ типологическаго описанія, связывающій себя нынѣ съ методами феноменологической философіи. Для этого второго метода, которымъ я исключительно только и пользовался, совершенно не необходимо сопоставленіе всѣхъ революцій въ цѣляхъ выдѣленія въ понятіе революціи всѣмъ имъ одинаково присущихъ чертъ. Структура революціи вполнѣ выяснима на примѣрѣ всякой классической революціи. Современная методологія съ разныхъ сторонъ углубляетъ нынѣ этотъ новый и единственно правильный, единственно научный путь изученія историческихъ феноменовъ. Одно теченіе исходитъ изъ работъ Макса Вебера, изъ его идеало-типическаго конструктивизма, другое очень интересно разрабатываетъ идею «сингулярной идеирующей абстракціи» Гуссерля, въ цѣляхъ ея примѣненія къ вопросамъ историческаго и соціологическаго познанія. Отсылая всѣхъ интересующихся методологическими вопросами къ авторамъ, перечисляемымъ мною въ примѣчаніи, я подчеркиваю въ цѣляхъ избѣжанія недоразумѣнной полемики лишь одно: моё понятіе революціи не абстракція а типологическая конструкція*).

Въ отличіе отъ отвлеченнаго понятія, включающаго въ себя черты, присущія всѣмъ охватываемымъ имъ явленіямъ, идеало-типическая конструкція сгущаетъ типическія

*) *Max Weber.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre.
Hans Oppenheimer. Die Logik der soziologischen Begrifsbildung.
E. Husserl. Logische Unterzuchungen.
Theodor Litt. Individuum und Gemeinschaft.
O. Spann. Geselschaftslehre.
Л. Карсавинъ. Философія исторіи.

черты изслѣдуемаго явленія до нѣкаго maximum'а (въ предѣлѣ), быть можетъ, вообще не встрѣчающагося въ дѣйствительности. Понятіе революціи, добытое методомъ индукціи и обобщенія, есть какъ бы чертежъ всѣхъ революцій. Идеало-типическая же конструкція революціи, напротивъ, — модель всѣхъ революцій, осуществляемая каждой историческою формою единой въ мірѣ революціи въ разной мѣрѣ и степени. Эта, построяемая методомъ типологическаго конструктивизма, модель революціи не есть однако выдумка о революціи, а, наоборотъ, — проникновеніе въ ея сущностную мысль, углубленіе въ ея первоидею.

Если не бояться всегда опасныхъ, но въ популярномъ изложеніи и всегда неизбѣжныхъ сравненій, то можно сказать, что методъ идеало-типическаго конструктивизма весьма близокъ къ той формѣ познанія, которую въ сферѣ искусства представляетъ собою портретъ. Феноменологическое описаніе предмета есть въ нѣкоторомъ смыслѣ не что иное, какъ научное портретированіе его. Эту связь между историческимъ познаніемъ и художественнымъ созерцаніемъ по своему остро почувствовалъ и методологически закрѣпилъ въ своемъ понятіи «физіономики» Освальдъ Шпенглеръ. То, что онъ въ качествѣ историка-физіономиста описывалъ исключительно только «души культуръ» связано съ сверхнаучными чертами его метафизики, отъ которой его физіономистическій методъ, какъ таковой, вполнѣ отдѣлимъ. Существуютъ ли въ качествѣ метафизическихъ первореальностей души аполлинической, магической и фаустовской культуръ — большой и неразрѣшимый вопросъ, но совершенно не подлежитъ сомнѣнію наличіе въ исторической жизни человѣчества опредѣленныхъ, внутренне закономѣрныхъ структуръ коллективистическаго сознанія. Не будь ихъ — не было бы и вообще никакой исторической жизни человѣчества. Такими структурами являются: нація, классъ, эпоха, война, государство, революція и т. д. Феноменологически описать каждую изъ этихъ структуръ значитъ найти логосъ каждаго изъ перечисленныхъ феноменовъ, т. е. смыслъ каждаго изъ перечисленныхъ явленій *).

*) Методомъ феноменологическаго описанія, методомъ «физіономики» за послѣднее время безсознательно пользовались очень многіе, и часто весьма далекіе другъ отъ друга по своему духу, ученые,

Приступая къ описанію сущностной структуры революціи, я приступаю, такимъ образомъ, къ раскрытію смысла революціи. Какъ будто возможно возраженіе, что такой подходъ не вѣренъ, тенденціозенъ, такъ какъ въ революціи, быть можетъ, вовсе нѣтъ никакого смысла, — по существу невозможно. Поскольку революція не есть только рядъ внѣшнихъ фактовъ, а есть нѣкое внутреннее событіе духа, постольку ея бытіе и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ осмысливаніи, обезсмысливаніи и переосмысливаніи жизни. Революція, такимъ образомъ, можетъ имѣть положительный и отрицательный смыслъ, но она не можетъ не имѣть никакого смысла. Для нея, какъ для событія имманентнаго судьбѣ человѣчества, неимѣніе никакого смысла было бы равносильно небытію.

Это не значитъ, конечно, что въ этомъ небытіи растворились бы и исчезли баррикады, убійства и хозяйственный развалъ, это значитъ лишь то, что все это перестало бы быть событіями исторіи: превратилось бы въ простые, натурально-біологическіе процессы, и только. Возможенъ, конечно, и такой антиисторическій взглядъ на исторію. Возможно причисленіе революціи къ такимъ явленіямъ, какъ землетрясеніе или эпидемія. Спорить съ такимъ «научнымъ» міровоззрѣніемъ безсмысленно, но преодолѣвать его обязательно для каждаго ученаго, который изъ глубины своего внутренняго опыта знаетъ разницу между духовными событіями, за которыя мы всѣ несемъ нравственную отвѣтственность, и между природными процессами, за которые мы этой отвѣтственности не несемъ.

Итакъ, революція, религіозный смыслъ которой я ищу, есть, во первыхъ, событіе въ духовной жизни, во внутренней судьбѣ человѣчества; во вторыхъ, она есть нѣкая особая, при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ повторяющаяся форма этой жизненной судьбы: нѣкая типическая форма, или, какъ принято нынѣ говорить, с т р у к т у р а, которую можно изучать, какъ всегда одну и ту-же и все-же всегда иную, какъ универсальную и одновременно конкретную, — на цѣломъ рядѣ революцій.

напр., Werner Sombart. «Der Bourgeois», «Die Juden und das Wirtschaftsleben. *Gertrud Hermes.* «Die Geistige Gestalt des marxistischen Arbeiters». Bernhardt Groethuysen. «Die Enstehung der buergerlichen Welt - und Lebensanschauung in Frankreich. Сюда же относятся и работы И. И. Бунакова: «Пути Россіи». Въ особенности Московское царство.

Всѣ явленія духа даются намъ не извнѣ, какъ вещи, а изнутри, какъ событія нашей собственной духовной жизни. Изучая структуру революціи, мы не можемъ, такимъ образомъ, изучать ее внѣ той перспективы, которая опредѣляется, во первыхъ, природою духовной жизни каждаго изъ насъ, во вторыхъ, тѣмъ фактомъ, что мы только что пережили революцію въ ея большевицкой формѣ, въ третьихъ, тѣмъ, что мы несемъ на себѣ отвѣтственность за эту форму, и т. д., и т. д.

Законъ такого перспективизма совершенно непреложенъ. Всякое историческое событіе, какъ явленіе духа, доступно всякому изучающему его, только въ опредѣленномъ перспективномъ преломленіи. Всякое феноменологическое описаніе конкретнаго историческаго явленія не можетъ потому не приводить къ портрету. Законъ портрета — законъ двуединаго сходства. Портретъ всегда портретируетъ не только изображаемое лицо, но и лицо изображающее. Категорія портрета есть категорія встрѣчи художника съ его моделью; постигающаго съ предметомъ его постиженія. Съ точки зрѣнія фотографіи, основанной на законахъ природы, на законахъ физики и химіи, — всякій портретъ, конечно, субъективенъ, но съ точки зрѣнія искусства, портретъ гораздо объективнѣе: гораздо глубже постигаетъ и точнѣе передаетъ изображаемое на немъ лицо.

Исторія — (нынѣ это можно считать уже въ достаточной мѣрѣ выясненнымъ) не естественная наука. Структура ея объективности во многихъ отношеніяхъ гораздо ближе къ структурѣ объективности эстетической, чѣмъ естественно-научной. Но отъ этого она не перестаетъ быть научной, а становится только наукой о с о б о й.

Законъ перспективизма, связывающій историческую науку со сферой искусства, связываетъ ее еще и со сферой практически-политическаго дѣланія, т. е. въ послѣднемъ счетѣ, со сферой этическаго творчества. Такъ какъ революція, въ качествѣ предмета научно-историческаго познанія, дается изслѣдователю не извнѣ (какъ естественнику — явленія природы), а изнутри, въ глубинѣ собственнаго опыта, т. к. она каждому изслѣдователю дается въ иной перспективѣ, опредѣляемой и особенностями его собственнаго духовнаго опыта и часомъ, въ который онъ приступаетъ къ своему изслѣдованію, то ясно, что не только изученіе революціи, но уже и первичный актъ ея обрѣ-

тенія въ качествѣ научнаго предмета не можетъ быть функціей чисто теоретическаго сознанія. Изъ этого положенія часто дѣлается выводъ, что въ сферѣ исторіи невозможна объективная истина. Выводъ этотъ совершенно не вѣренъ, ибо онъ покоится на произвольной предпосылкѣ, будто-бы структура всякой научной истины тождественна структурѣ раціональной, законопослушной естественно-научной неопровержимости. На самомъ же дѣлѣ включеніе историческаго изслѣдованія въ сверхтеоретическое сознаніе ведетъ въ принципѣ, во всякомъ случаѣ, вовсе не къ субъективизму, а всего только къ усложненію структуры объективности. Къ субъективизму и произволу ведетъ историка и соціолога не неизбѣжное въ сферѣ историческаго знанія включеніе теоретическаго изслѣдованія въ конкретно-индивидуальную полноту его собственнаго внутренняго опыта, а субъективность самаго этого опыта. Субъективность же эта заключается вовсе не въ недоказуемости его правды (критерій совершенно непримѣнимый въ сферѣ трансраціональнаго внутренняго опыта), а въ его нравственной дефективности: въ его корыстности, шаткости, незрячести, неискренности, — однимъ словомъ, въ его духовной ненапряженности и безпредметности.

Еще важнѣе этой связи, которою правильность теоретическаго изслѣдованія связана съ правдою цѣлостнаго духовнаго опыта, та другая связь, которою та-же правильность историческаго изслѣдованія неразрывно связана съ правдою политическаго (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) созиданія будущаго. Всѣ представленія объ историческихъ событіяхъ и явленіяхъ, какъ о какихъ то внѣшнихъ, природообразныхъ процессахъ, послушно укладывающихся въ предметъ ихъ изученія, въ опредѣленные отрѣзы времени, конечно, ложны. Сугубо ложно такое представленіе для насъ, русскихъ, въ отношеніи нашей собственной исторіи и въ особенности въ отношеніи къ русской революціи. Русскую революцію разсматривать какъ внѣшній и, въ извѣстномъ смыслѣ хотя бы, законченный процессъ — невозможно. Для каждаго изъ насъ она есть въ насъ самихъ становящаяся судьба Россіи. Но если такъ, то ясно, что то, чѣмъ была русская революція, опредѣлится, въ концѣ концовъ, тѣмъ, во что она въ будущемъ выльется, или, говоря менѣе фаталистически, тѣмъ, что мы изъ нея въ будущемъ сдѣлаемъ.

Если въ будущей Россіи установится свободный демократическій режимъ — это будетъ значить, что февраль былъ подлинной реальностью; если-же побѣдитъ азіатски-косоглазый евразіо-коммунизмъ, — февраль отойдетъ въ исторію въ качествѣ прекраснодушной мечты русской интеллигенціи. Но то, — побѣдитъ ли въ будущемъ февраль или октябрь, зависитъ, между прочимъ, и отъ вызрѣвающаго нынѣ въ насъ самихъ отношенія какъ къ февралю, такъ и къ октябрю. Предательскимъ лжеанализомъ февраля легко загубить грядущую свободу русской жизни. Недооцѣнкой октября легко снизить пафосъ вселенскихъ задачъ Россіи, который въ немъ безспорно прозвучалъ. Каждый актъ постиженія прошлаго есть, такимъ образомъ, актъ построенія или разрушенія будущаго. Въ разрушеніи будущаго – правды быть не можетъ. Это значитъ, что правильнымъ можетъ быть только то постиженіе прошлаго, которое является путемъ къ постиженію правды будущаго. Если условиться называть всѣхъ живыхъ дѣятелей и подлинныхъ творцовъ грядущаго дня человѣчества политиками, — въ нѣсколько непривычномъ, широкомъ и старомодномъ смыслѣ этого слова, — то все сказанное можно будетъ формулировать и такъ: только политики (не современные политическихъ дѣлъ мастера), т. е. только люди дѣйственно и творчески устремленные къ будущему, могутъ быть настоящими историками. Чистые же ученые, всецѣло обращенные къ прошлому, историками быть не могутъ. Ихъ удѣлъ — оставаться архивщиками-лѣтописцами.

Таковы въ краткихъ чертахъ методологическія предпосылки предлагаемыхъ размышленій.

Пишу я все время о религіозномъ смыслѣ революціи, какъ таковой. Но мой взоръ устремленъ прежде всего на русскую большевицкую революцію.

II.

Итакъ, что такое революція?

Самое общее и безспорное, что можно сказать о революціи, это то, что она представляетъ собою п р е р ы в ъ. Въ нашу, изо дня въ день себя построяющую, себя разрушающую и этимъ двуединымъ актомъ непрерывно, молекулярно, себя продолжающую жизнь, она врывается какъ

нѣкое вдругъ. Въ ней съ потрясающей силой распадается время.

Этими утвержденіями я отнюдь, конечно, не оспариваю того факта, что революція медленно вызрѣваетъ въ нѣдрахъ той жизни, на которую она мгновенно возстаетъ. И смерть медленно зрѣетъ въ человѣкѣ, зрѣетъ въ болѣзни, въ скорби, въ предчувствіи безсмертія, и все же она приходитъ вдругъ; и все же «цѣпь временъ» въ ней страшно распадается.

Каковы-же, однако, причины революціоннаго прерыва жизни и каковъ его смыслъ? Въ своемъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ я исхожу изъ недоказуемаго предположенія (всѣ исходы по существу недоказуемы), что сущность историческаго процесса заключается въ постоянномъ переоформленіи сверхъисторическаго содержанія жизни; что смыслъ человѣческой исторіи заключается въ реализаціи связи между абсолютнымъ и относительнымъ, небеснымъ и земнымъ, Богомъ и человѣкомъ. Безъ утвержденія реальности этой связи процессъ исторіи вообще не можетъ быть осмысленъ. Вопросъ-же о томъ, надлежитъ ли эту связь мыслить въ терминахъ идеалистической философіи (абсолютное, относительное), или въ религіозныхъ терминахъ (Богъ, человѣкъ) не есть вопросъ теоретическаго сознанія. Его разрѣшеніе зависитъ отъ духовнаго возраста разрѣшающей его эпохи. Мнѣ кажется, что въ современности медленно вызрѣваетъ новое углубленіе религіозной жизни. Въ дальнѣйшихъ своихъ построеніяхъ я исхожу изъ идеалистически-метафизической терминологіи. Къ концу статьи метафизическія понятія какъ бы сами вскрываютъ свой подлинный характеръ, характеръ псевдонимовъ Божіихъ. Такъ непроизвольно раскрывается въ нѣдрахъ идеалистической философіи Имя Божіе.

Формы историческаго переоформленія сверхъисторическаго содержанія жизни весьма разнообразны. Раскрытіе абсолютнаго содержанія исторіи происходитъ въ сферѣ науки, конечно, иначе, чѣмъ въ сферѣ искусства; въ религіозной сферѣ иначе, чѣмъ въ экономической, соціальной и политической. Для этой послѣдней (въ которой прежде всего и реализуетъ себя революція), характерно то, что происходящее въ ней переоформленіе сверхъисторическаго содержанія исторіи связано съ появленіемъ на исторической сценѣ новыхъ общественныхъ слоевъ, или, говоря современнымъ языкомъ, пригоднымъ, правда, толь-

ко для новѣйшей западно-европейской исторіи, — классовъ.

Съ появленіемъ этихъ новыхъ классовъ, несущихъ въ себѣ волю къ новымъ формамъ жизни и творчества, между ними и классами-держателями старыхъ формъ культуры естественно завязывается борьба. Механизмъ этой борьбы есть основная форма соціально-политическаго обновленія міра. Борьба эта сама по себѣ еще далеко не революція. Какъ до, такъ и послѣ революціи она обычно протекаетъ въ формахъ вполнѣ мирной эволюціи. Эволюція эта можетъ совершаться въ весьма различныхъ темпахъ: она можетъ замедляться и можетъ ускоряться. Всматриваясь въ развитіе исторіи, не трудно, конечно, установить тотъ фактъ, что всякое насильственное замедленіе рвущейся впередъ эволюціи приводитъ къ революціонному взрыву. Отъ этого наблюденія — прямой путь къ пониманію революціи, какъ предѣльно-ускоренной, а потому и болѣзненно протекающей эволюціи.

Какъ ни убѣдительно, на первый взглядъ, такое пониманіе, оно по существу не вѣрно. И не вѣрно потому, что въ мірѣ не было ни одной революціи, которая не была бы и культурнымъ, и соціальнымъ, и политическимъ откатомъ назадъ, «заднимъ ходомъ» исторіи.

Революція не есть, такимъ образомъ, болѣзненными явленіями осложненная эволюція, а есть болѣзнь прерыва эволюціи. Ускореніе же эволюціи свойственно не революціонному, а пореволюціонному періоду. Россія, сумѣвшая на приказъ Петра Великаго «образовываться» отвѣтить «геніальнымъ явленіемъ Пушкина», представляетъ собою, быть можетъ, единственный въ новой исторіи примѣръ предѣльно быстраго развитія страны. Съ головокружительной быстротой культурнаго развитія Россіи связаны, какъ всѣмъ намъ извѣстно, очень тяжелыя «болѣзни роста». И все же болѣзни этой предѣльно ускоренной эволюціи совсѣмъ не похожи на явленія «перманентной» революціи.

Дѣло Петра Великаго и дѣло Ленина, какъ ни модно нынѣ сближеніе обоихъ вождей, все же два весьма разныхъ дѣла. Въ чемъ же разница между предѣльно ускоренной эволюціей и революціей?

Различіе въ томъ, что всякая эволюція держится единствомъ національной культуры, единствомъ національна-

го сознанія; революція же знаменуетъ собою разрывъ этого единства: сначала въ сознаніи революціонеровъ, а затѣмъ уже и въ самомъ бытіи народовъ. Пока классы-держатели старыхъ цѣнностей, классы-хранители старыхъ формъ культуры и восходящіе къ власти новые классы борятся другъ съ другомъ лишь за разныя формы воплощенія о б щ а г о имъ духовнаго содержанія, до тѣхъ поръ революціи, въ точномъ и узкомъ смыслѣ этого слова быть не можетъ. Съ момента же, въ которомъ борьба изъза формы культуры накаляется до того, что раскалывается на-двое единство національнаго сознанія — революція уже налицо, иногда задолго до баррикадъ и казней.

Православные мужики, апеллирующіе поджогами усадебъ къ справедливости царя противъ засилья помѣщиковъ, вмѣстѣ съ ними, мужиками, вѣрующихъ въ Бога и царя, — бунтари, но не революціонеры. Рабочій же марксистъ, разстрѣливающій изъ пулемета икону, какъ символъ ненавистной богопомазанности царей-преступниковъ — революціонеръ, а не бунтарь.

Что это такъ, доказывается тѣмъ фактомъ, что всѣ большія революціи во главѣ съ французской и русской начинались съ революціонныхъ поджоговъ господствующаго міросозерцанія. Страстная борьба міросозерцаній была въ Европѣ провозглашена Возрожденіемъ и Реформаціей. Корни всѣхъ прометеевскихъ «утопій» уходятъ въ фактъ распада средневѣковой религіозной «топики» *). Этимъ же фактомъ объясняется и то, почему явленіе революціи столь характерно прежде всего для послѣднихъ столѣтій европейской исторіи и почему всѣ революціи на востокѣ связаны съ привнесеніемъ въ жизнь восточныхъ народовъ европейскаго міросозерцанія **).

Разложеніе національнаго сознанія начинается всегда среди правящихъ классовъ, среди представителей старыхъ культурныхъ формъ и традицій. Начинается оно всюду одинаково: съ обездушенія господствующихъ культурныхъ цѣнностей путемъ превращенія ихъ въ факторы власти и даже насилія надъ восходящими къ жизни новы

*) Ср. Gustav Landauer «Die Revolution», у котораго заимствую терминологическую противоположность — «топика — утопія».

**) Признаніе распада единства національнаго сознанія за конструктивную категорію революціи встрѣчается между прочимъ въ очень отвлеченной, но существенной книгѣ Geiger'a «Die Masse und ihre Aktion».

ми народными слоями, новыми классами. Не въ субъективно-психологическомъ, конечно, но въ объективно-историческомъ смыслѣ, застрѣльщиками революціи являются не столько революціонные вожди, сколько тѣ власть имущіе представители старыхъ формъ жизни, что первые производятъ девальвацію довѣренныхъ имъ культурныхъ цѣнностей путемъ прагматически-утилитарнаго отношенія къ нимъ. Народная революція, въ сущности, никогда не взрываетъ подлинныхъ твердынь господствующей культуры. Она лишь по бревнышкамъ да кирпичикамъ разноситъ и прахомъ развѣваетъ обездушенный остовъ уже мертвой жизни.

Лишь тогда, когда правящіе слои царской Россіи превратили исповѣдуемую ими религіозно- національную истину въ идеологическій заслонъ противъ народныхъ требованій, т. е. обездушили ее, возсталъ русскій народъ на царя и на Бога во славу Маркса и интернаціонала.

Оставляя на время въ сторонѣ проблему распада національнаго сознанія, къ которой намъ придется еще вернуться, я перехожу къ выясненію второго основного признака революціи.

Та революція, сущность которой я пытаюсь вскрыть, т. е. революція, какъ хаотически-кровавый прерывъ эволюціи, представляетъ собою прежде всего рядъ разрушительныхъ актовъ. Начинается это разрушеніе съ критики существующаго строя. Критика превращается въ отрицаніе, отрицаніе переходитъ въ разрушеніе. Но изъ того, что революція есть разрушеніе *), не слѣдуетъ, конечно, того, что всякое разрушеніе есть уже революція. Если бы дѣло обстояло такъ просто, то всякій организованный

*) Опредѣляя революцію какъ разрушеніе, я отнюдь не обвиняю всѣхъ дѣятелей русскаго освободительнаго движенія въ томъ, что они только и дѣлали, что стремились къ разрушенію Такое обвиненіе было бы и не логично и не справедливо Большинство русскихъ революціонеровъ стремилось, конечно, не къ революціи (въ моемъ смыслѣ), а всего только къ предѣльному ускоренію эволюціи. Долю отвѣтственности за срывъ этой ускоренной эволюціи (носившей имя революціи) въ то голое и все-же творческое разрушеніе, которое я называю революціей, на русскихъ революціонеровъ, быть можетъ, и падаетъ; но было бы верхомъ несправедливости не видѣть въ дѣлѣ русскаго освободительнаго движенія рѣшительно ничего, кромѣ его частичной неудачи Очень прошу при чтеніи моей статьи имѣть въ виду нѣкоторую необычность моей терминологіи

разбой соціально-неустроенныхъ налетчиковъ долженъ былъ бы разсматриваться, какъ революція. Ясно, что такое уравненіе разбоя и революціи феноменологически слѣпо. Ясно, что революція такъ же не есть грандіозный разбой, какъ она не есть и ускоренная эволюція. Но если такъ, то въ чемъ же разница между разрушительной стихіей разбоя и разрушительной стихіей революціи, въ которой, какъ то не разъ указывалось, «криминальныя массы» всегда играли далеко не послѣднюю роль?

Разница въ томъ, что всѣ разрушительные акты революціи являются разрушительными актами лишь въ субъективномъ сознаніи революціонеровъ, въ объективномъ же духѣ, какъ сказалъ бы гегельянецъ, они *являются актами созидательными*. Лишь объективное утвержденіе Истины, на путяхъ субъективнаго отрицанія всѣхъ истинъ, превращаетъ всѣ эти пути въ единый, подлинный революціонный путь. Разрушеніе, производимое революціей, потому только и есть революціонное разрушеніе, что оно вовсе не есть только разрушеніе, а есть *черезъ разрушеніе осуществляющее себя творчество*.

Я знаю — возможно возраженіе, что я ломлюсь въ открытую дверь. И дѣйствительно, гдѣ въ мірѣ революція, стремившаяся только къ разрушенію, гдѣ въ мірѣ революція, не создавшая ничего положительнаго? Какъ никакъ, французская революція осуществила въ томъ или иномъ видѣ, съ тѣмъ или инымъ усѣченіемъ провозглашенные ею принципы: свободы, равенства и братства. «Земля народу» русской революціей тоже передана. И если ему еще не дана свобода, то свобода отъ помѣщиковъ ему все же уже и теперь дана. Дано и чувство своегопривилегированнаго положенія. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что съ теченіемъ времени придетъ и «свобода», ибо безъ «свободы» нельзя удержать и «земли». Безъ свободы ее можно превратить только въ кладбище. Народъ-рабъ въ условіяхъ европейской жизни XX-го вѣка можетъ быть только нищимъ.

Все это вѣрно, все это я отнюдь не оспариваю, но я совсѣмъ о другомъ говорю. «Свобода, равенство и братство», «Земля и воля», «международная солидарность трудящихся» и т. д., и т. д. — все это смыслы весьма глубокіе, но все это вовсе не смыслы революціи, какъ таковой. Уже по одному тому не могутъ они разсматриваться, какъ

смыслы специфически-революціонные, что зарождаются они въ отдѣльныхъ сердцахъ, задолго до первыхъ вспышекъ революціи, осуществляются въ позднѣйшіе дни мирныхъ пореволюціонныхъ эпохъ. Революціи же, какъ таковыя, этихъ цѣнностей не только не осуществляютъ, но, наоборотъ, съ какимъ то изступленіемъ и восторгомъ втаптываютъ ихъ въ кровь и грязь.

Тема эволюціонизирующей къ «свободѣ, равенству и братству» (беру эти слова символически) жизни проходитъ, конечно, и сквозь революцію, но только какъ ярко освѣщенный поѣздъ сквозь темные, мозглые и гулкіе своды туннеля. Допустимъ даже, что революціи ускоряютъ процессы эволюціи (въ значительной степени это, конечно, оптическій обманъ: и вылетающій на замедленномъ ходу изъ туннеля поѣздъ тоже кажется несущимся со страшной силой) — вопроса о смыслѣ революціи, какъ таковой, это допущеніе не только не разрѣшаетъ, но даже и не ставитъ. Изъ того, что осмысленно ускореніе эволюціи, отнюдь вѣдь не слѣдуетъ, что осмысленно ея ускореніе черезъ всѣ ужасы и разрушенія революціи. На вопросъ о смыслѣ революціи нельзя отвѣчать указаніемъ на порождаемыя ею, въ концѣ концовъ, цѣнности. Не всякими путями можно итти даже къ весьма положительнымъ результатамъ. Ставя вопросъ о смыслѣ революціи, я спрашиваю такимъ образомъ вовсе не о томъ, какими результатами можно оправдать революціонное разрушеніе, а какую правду несетъ это разрушеніе въ себѣ самомъ, независимо отъ тѣхъ или иныхъ результатовъ? Лишь этотъ вопросъ есть интересующій меня вопросъ о смыслѣ революціи. Я утверждаю, что если въ самомъ актѣ революціи не вскрываемъ никакой положительный смыслъ, то оправданіе революціи вообще невозможно.

III.

Если вся предлагаемая постановка вопроса представляется нѣсколько необычной, то происходитъ это, думается, потому, что вопросы о смыслѣ революціи слишкомъ легко и естественно связываются въ нашемъ сознаніи со смысловымъ содержаніемъ революціонныхъ идеологій, съ ученіями революціонныхъ вождей. Ученія же эти всѣ говорятъ не о разрушеніи и тьмѣ, а о созиданіи и свѣ-

тѣ, о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, о разумѣ, счастьѣ и благѣ. Конечно, проповѣдуется и разрушеніе, но всегда какъ навязанная враждебными силами тактика, а не какъ своя верховная цѣль.

Тутъ вскрывается роковая діалектика между революціонными теоріями, ученіями, идеологіями и между идеей революціи, какъ таковой. Если идея революціи состоитъ въ разрушеніи, то ясно, что революціонныя идеологіи не могутъ не проповѣдывать созиданіе: проповѣдью разрушенія ничего не разрушишь. Разрушить до конца можно только утопической мечтой о невозможномъ творчествѣ.

Изо всѣхъ крупныхъ революціонеровъ только Бакунинъ раскрывалъ въ своей революціонной идеологіи подлинную идею революціи. Въ его боязни организаціи, въ его откровенномъ и всеохватывающемъ сокрушительствѣ, въ его призывахъ довѣриться творческому духу разрушенія, — явно слышится живое дыханіе революціонной идеи. Думается, что какъ разъ этою схожестью его революціонной идеологіи съ подлиннымъ ликомъ революціи и объясняется то, почему онъ сыгралъ въ исторіи относительно очень незначительную роль, почему подлиннымъ разрушителемъ оказался не онъ, а строитель и организаторъ Марксъ.

Вся острота революціоннаго безумія связана съ тѣмъ, что въ революціонныя эпохи сходитъ съ ума самъ разумъ; и вся глубина революціонной разрухи съ тѣмъ, что всѣ революціи стремятся къ высшей гармоніи. Безъ учитыванія этой діалектической связи между идеей революціи и революціонной идеологіей выясненіе сущности революціи вообще невозможно. Но для того, чтобы въ окончательныхъ терминахъ опредѣлить эту сущность, мнѣ необходимо болѣе отчетливо вскрыть разницу между идеей и идеологіей *).

То, что я называю идеологіей — ясно. Необходимо, быть можетъ, только отмѣтить, что въ моемъ пониманіи идеологіи вполнѣ отсутствуетъ та нота заподазриванія ея въ какой бы то ни было неподлинности, которая часто звучитъ у марксистовъ, сближающихъ идеологію съ фразеологіей (сближеніе это легко объясняется теоріей «эконо-

*) Ср. мои «Мысли о Россіи» въ № 35 «Совр. Зап.», гдѣ я уже касался этого различія.

мическаго» базиса и идеологической надстройки). Подъ идеологіей я понимаю всякую теорію, всякое построеніе теоретическаго сознанія, и только. Нѣчто совсѣмъ другое представляетъ собою *идея*. Въ отличіе отъ идеологіи она не есть построеніе теоретическаго сознанія, а *структура нашего безсознательнаго переживанія*. Не вся его случайно индивидуальная полнота, а всего только его *сущностная первооснова*. Цѣлый рядъ весьма различныхъ людей могутъ, каждый по своему, переживать одну и ту-же идею. Захватывая самыя разнообразныя психологическія территоріи и даже какъ бы примѣняясь къ ихъ различіямъ, идея всегда остается одной и той же, всегда вѣрной себѣ. Тайна ея жизни въ томъ, что она *универсальна и конкретна одновременно*. Съ каждымъ говоритъ на его языкѣ, но всегда говоритъ о своемъ. Безконечно разнообразны русскіе люди, но если при всемъ своемъ разнообразіи они всѣ все-таки русскіе, то только потому, что во всѣхъ нихъ живетъ сама себѣ тождественная идея Россіи.

Каково же должно быть взаимоотношеніе идеи и идеологіи? Какъ всюду и во всемъ, правда тутъ мыслима только одна, формы же ея нарушенія неизмыслимы, неисчислимы. Правда въ томъ, что можно назвать органической связью идеологіи и идеи. Правы и нужны въ жизни только тѣ идеологіи, которыми органически зацвѣтаютъ идеи, т. е. тѣ, которыя представляютъ собою точныя теоретическія описанія духовно-реальныхъ процессовъ. Вредны же и лживы тѣ, что рѣютъ въ воздухѣ, за которыми не стоитъ никакой духовной реальности, которыя порождаются комбинирующими энергіями отвлеченнаго сознанія, которыя возгораются не отъ вѣчнаго пламени священнаго очага жизни, а отъ случайно попадающихъ въ мозгъ искръ и отсвѣтовъ чужихъ идеологій.

Эти, реальными переживаніями не оплаченныя, запосныя, верхоходныя идеологіи представляютъ собою громадную опасность для соціальной жизни. Они создаютъ идеологическія эпидеміи, псевдодуховныя повѣтрія, идеологическія моды, они расшатываютъ устои жизни и разъѣдаютъ ткань.

Обстоятельства, наиболѣе благопріятствующія расхищенію жизненной субстанціи безпочвенными идеологіями, бываютъ двоякаго рода. Лжеидеологіи особенно легко размножаются или въ періодъ зарожденія идей, или въ

періодъ ихъ умиранія; представляютъ собою или результатъ нетерпѣливаго желанія какъ можно скорѣе, хотя бы чужими, заимствованными словами высказать только еще созрѣвающія въ душѣ идеи-реальности; или попытку словесной защиты уже умершихъ идей. Но самое главное, что характерно для всѣхъ безпочвенныхъ неорганическихъ идеологій, или короче — лжеидеологій, это ихъ взаимная враждебность, ихъ абсолютная непримиримость. Этою непримиримостью, этимъ отсутствіемъ всякой почвы для примиренія они отличаются отъ тѣхъ органическихъ идеологій, которымъ такая почва дана въ лицѣ тѣхъ живыхъ идей, на которыхъ они расцвѣтаютъ, которыя собою знаменуютъ, которыя творчески въ себѣ осознаютъ.

Для выясненія моей мысли и подтвержденія ея правильности я позволяю себѣ привести слѣдующій примѣръ. Возьмемъ двухъ монархистовъ и двухъ соціалистовъ. Съ одной стороны — прямого, старозавѣтнаго монархиста помѣщика и вышедшаго изъ народа соціалиста кооператора (оба люди почвы), съ другой — разночинца профессора, пришедшаго къ исповѣданію монархическаго принципа путемъ тщательнаго изслѣдованія творческой немощи демократіи, и профессіонала революціонера: агитатора и газетчика. Поставимъ ихъ въ условія, ну, хотя бы современной пореволюціонной Германіи, и спросимъ себя, какой парѣ легче сговориться — помѣщику съ кооператоромъ, или профессору съ газетчикомъ? Я думаю, что двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Старый монархистъ Гинденбургъ принялъ наслѣдство убѣжденнаго соціалъ-демократа Эберта, не измѣнивъ почти ни въ чемъ соціально-политическаго курса республики.

Это могло случиться только потому, что оба были людьми почвенной идеи, а не фанатиками лжеидеологіи. Какъ человѣкъ, органически связанный съ монархической идеей, Гинденбургъ не могъ не чувствовать черноты наступившихъ для нея дней; не могъ не понять, что отстаивать монархическую форму правленія въ условіяхъ, какъ бы нарочно созданныхъ для опозоренія ея — значитъ не столько служить монархической идеѣ, сколько измѣнять ей. Серьезность его скорби о смертномъ часѣ монархіи сдѣлала изъ него, конечно, не республиканца, но вѣрнаго служителя республики.

Аналогично можетъ быть стилизована и психологія такого соціалиста, какимъ былъ Эбертъ. Будь онъ безпоч-

веннымъ идеологомъ, онъ долженъ былъ бы оріентироваться на отвлеченныя догмы соціализма, но въ качествѣ человѣка жизненнаго, дыханіемъ и кровью связаннаго съ дѣломъ и вѣрой трудового народа, онъ легко и естественно пошелъ по пути сращенія соціалистической идеи со всѣми еще живыми, и потому способными ее поддержать, силами прошлаго. Онъ не сталъ ни католикомъ, ни буржуазнымъ демократомъ, но нашелъ общій языкъ съ католиками и съ демократами.

Я ни въ какой мѣрѣ и степени не настаиваю на правильности моей интерпретаціи фигуръ Гинденбурга и Эберта, какъ и всей политической ситуаціи пореволюціонной Германіи. Я вполнѣ допускаю, что моя интерпретація очень своевольная стилизація, но дѣло вѣдь не въ Германіи, а въ выясненіи на приведенномъ примѣрѣ (я нарочно взялъ примѣръ не изъ русской жизни, дабы не осложнять философской проблемы всегда острымъ для насъ политическимъ спором) важной для меня мысли, что всѣ безпочвенныя идеологіи тяготѣютъ къ взаимному отталкиванію, почвенныя же къ взаимному притягиванію. И это вполнѣ ясно, ибо принципъ конкретной жизни - - синтезъ; а принципъ отвлеченнаго разума — анализъ. Изъ этого слѣдуетъ, что пока въ политической жизни господствуютъ идеи, а тѣмъ самымъ лишь почвенныя, подлиннымъ переживаніемъ насыщенныя идеологіи, до тѣхъ поръ шансы на эволюцію еще не утеряны. Съ момента же отрыва идеологій отъ соотвѣтствующихъ имъ идей срывъ эволюціонныхъ процессовъ въ революцію становится неизбѣжнымъ.

IV.

Въ своей научно очень не солидной, но публицистически очень страстной Соціологіи революціи *) Питиримъ Сорокинъ, собравъ большой матеріалъ, безусловно доказалъ, не требовавшую доказательствъ, истину, что всѣ революціи роковымъ образомъ описываютъ одинъ и тотъ же порочный кругъ: разрушаютъ въ процессѣ своего развитія тѣ принципы, во имя которыхъ начинаютъ свой путь.

*) *Pitirim Sorokin.* «Die Soziologie der Revolution». J. F. Lehmanns Verlag. München. 1928.

Съ точки зрѣнія данной мною выше характеристики революціи, это явленіе отнюдь не парадоксально. Скорѣе наоборотъ: — въ разрушеніи революціонной идеологіи безусловно заключается одна изъ центральныхъ темъ революціи.

Революція рождается всегда изъ реакціи. Революція есть результатъ запоздавшей эволюціи. Но что такое реакція? Не думаю, чтобы кто нибудь сталъ оспаривать формулу: реакція есть инерція упорнаго отстаиванія мертвыхъ идей. Чѣмъ быстрѣе распадаются въ предреволюціонныя эпохи старыя идеи, тѣмъ пышнѣе расцвѣтаютъ реакціонныя идеологіи. Расцвѣтъ позавчерашнихъ идеологій есть вѣрный признакъ начавшейся агоніи вчерашнихъ идей. Этимъ и объясняется ихъ бредовой, горячечный характеръ. Если обезсилѣвшія правительства прибѣгаютъ къ войнѣ, или къ инымъ средствамъ агрессивной внѣшней политики, то они это почти всегда дѣлаютъ въ расчетѣ на то, что внѣшнія событія какъ то гальванизируютъ умирающую въ народѣ идеологію. Ошибка этого расчета очевидна (ее прекрасно вскрылъ 1905 г.). Оживить отживающую идеологію не можетъ ничто вторгающееся въ жизнь не какъ роковой моментъ въ становленіи идей, а какъ порожденіе все той же, подлежащей оживленію мертвой идеологіи. Потому попытки гальванизаціи идеологій всегда лишь обличаютъ ихъ окончательную мертвость.

Какъ это ни странно, но эта трагедія всѣхъ реакціонныхъ идеологій есть одновременно и трагедія идеологій революціонныхъ. Если всѣ революціонныя идеологіи попадаютъ въ концѣ концовъ подъ колеса ими же пущенной въ ходъ революціонной машины, то это объясняется, въ первую очередь, конечно, зависимостью радикально-революціонныхъ идеологій отъ идеологій реакціонныхъ. Моментъ сходства и зависимости: — оторванность отъ органической почвы, отъ творческой идеи.

Послѣдняя сущность всѣхъ революціонныхъ идеологій — въ ихъ метафизическомъ малодушіи, въ ихъ недовѣріи къ органическому вызрѣванію идей. Новая идея только еще зарождается въ объятіяхъ старой, умирающей. Новая идеологія, какъ точная формула вызрѣвающей идеи — еще не дана. Ситуація требуетъ величайшей осторожности, напряженнаго всматриванія въ брезжущіе контуры намѣчающагося міра. Но революціонная

энергія рвется впередъ: вымогаетъ у еще нѣмой идеи краснорѣчивую идеологію; выдумкою убиваетъ мысль Уточненіе мысли на почвѣ углубленнаго постиженія идеи — невозможно. Остается одно — строить революціонную идеологію въ качествѣ — реакціи-наоборотъ. По этому рецепту и строилось всегда всякое революціонное якобинство *) (беру и этотъ терминъ символически).

Фактъ этого страннаго сходства реакціонной и революціонной идеологій порождаетъ характернѣйшее явленіе предреволюціонныхъ эпохъ. Явленіе культурно-политической инфляціи. Идей нѣтъ; во всякомъ случаѣ, онѣ настолько на убыли, что не господствуютъ въ общественно-политической жизни. Остатки расхищенныхъ реальностей жизни въ полномъ подчиненіи у отвлеченныхъ построеній. И на правомъ и на лѣвомъ флангахъ господствуютъ, никакимъ золотымъ фондомъ идейно-подлинныхъ переживаній не обезпеченныя, бумажныя идеологіи. Встрѣча между ними невозможна, ибо встрѣча, какъ было показано, возможна только между идеями. Остается только одно: — борьба. Борьба не на животъ, а на смерть. Самое же страшное, что эта борьба на смерть есть борьба между двумя мертвецами; между идеологіей, случайно не похороненной вмѣстѣ со своей идеей, и идеологіей, насильнически вырванной изъ чрева своей идеи.

Возстаніе жизни противъ этого господства смерти и есть революція. Въ бурѣ и хаосѣ возстаетъ идея жизни противъ всѣхъ идеологическихъ насилій надъ ней. Какъ революціонной безсмыслицѣ, такъ и революціонной выдумкѣ готовитъ она страшный конецъ въ братской могилѣ.

Проблема этой общей могилы представляется мнѣ основной проблемой революціи. Революція, какъ таковая, въ отличіе отъ сопряженной съ ней ускоренной эволюціи, ни въ какой мѣрѣ и степени не оказываетъ никакихъ предпочтеній новому передъ старымъ. На почвѣ страстнаго увлеченія послѣднимъ словомъ послѣдней утопіи, въ ней съ внезапною силою вздымаются и самые древніе и самые

*) Ср. «Мысли о Россіи» въ № 35 «Совр. Зап.», я пытался въ нихъ показать, въ какомъ смыслѣ соціалистическая идеологія можетъ рассматриваться, какъ транскрипція капиталистической идеи.

темные инстинкты человѣка. Она представляетъ собою внезапное оголѣніе бытія, взрывъ всѣхъ смысловъ жизни, погромъ культуры. Но одновременно она представляетъ собою и обновленіе залгавшейся въ своемъ развитіи исторіи. Въ ея кровавомъ хаосѣ, но и въ ея праведномъ гнѣвѣ вѣчный въ человѣческой жизни «первый день творенія» звучитъ какъ «страшный судъ» надъ послѣднимъ историческимъ днемъ.

V.

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ выясненію религіознаго смысла революціи, мнѣ хотѣлось бы коснуться еще одного вопроса. А именно — вопроса о силахъ, которыя осуществляютъ ту революцію, образъ которой я пытался начертать выше.

Главною силою революціи всегда считалась масса. Это положеніе вѣрно, но вѣрно только при условіи правильнаго пониманія массы. Проблема массы безконечно сложна, и въ мою задачу не входитъ не только ея разрѣшеніе, но даже и ея обстоятельная постановка. Для меня важно подчеркнуть лишь одну мысль. Соціологическое понятіе массы не есть понятіе большого числа. Тысячеголовый конгрессъ ученыхъ — не масса. Многотысячная толпа новобранцевъ — тоже. Но если масса не опредѣляется большимъ количествомъ головъ, то не опредѣляется она и состояніемъ мысли и чувствъ въ этихъ головахъ.

Допустимъ, что всякій человѣкъ, отдающій себя массѣ — неизбѣжно превращается въ какое-то стадное существо; что масса — это утрата индивидуальнаго лица, пониженіе сознанія, провалъ въ безсознательность, пробужденіе звѣрскихъ инстинктовъ, круговая безотвѣтственность, эпидемія преступности и т. д., и т. д. — развѣ изъ этого слѣдуетъ, что любое скопище людей, охваченныхъ описанными чувствами, есть уже масса? Отнюдь нѣтъ. Какъ далеко не всякій разбой представляетъ собою революціонный разгромъ (хотя въ революціонномъ разгромѣ и наличествуютъ всегда элементы разбоя) такъ же и не всякая, охваченная стадными чувствами, толпа — есть уже революціонная масса (хотя въ революціонной массѣ и чувствуется всегда стадность). Охотнорядскіе молодцы, громившіе студентовъ, никогда не были отрядами массы (въ

соціологическомъ смыслѣ этого слова), а всегда были, да и назывались, бандами. Но если такъ, то въ чемъ же отличіе массы отъ банды? Какая толпа представляетъ собою массу, какая — банду?

Думаю, что легче и проще всего подойду къ отвѣту на этотъ вопросъ, если пойду путемъ предупрежденія, само собою напрашивающихся ошибокъ. Прежде всего необходимо, конечно, протестовать противъ распространеннаго въ лѣвыхъ кругахъ представленія, что «красная» банда — всегда масса, а «черная» масса — всегда банда. Ясно на слухъ, что снабженные мандатами большевицкіе налетчики, грабящіе въ 1920 году ту же деревню, которая въ 1918 году обезпечила побѣду пролетаріата — злостные бандиты, и только. Ясно и то, что если въ будущемъ крестьяне двинутся на красную Москву, то это будетъ движеніе крестьянскихъ массъ, а не деревенскихъ бандъ.

Итакъ, разница массы и банды никоимъ образомъ не связана съ тѣмъ міросозерцаніемъ, во имя котораго массы творятъ свое разрушеніе. Какъ массы, такъ и банды бываютъ, какъ правыми, такъ и лѣвыми.

Но если различіе между массой и бандой не сводимо къ различію идеологій, то не сводимо оно и къ различію психологій. Было бы величайшей ошибкой мыслить себѣ революціонныя массы крестьянъ, идущихъ жечь барскія усадьбы, совершенно непохожими по своему внутреннему облику и по своимъ переживаніямъ на охотнорядскихъ молодцовъ, громящихъ студентовъ и «жидовъ». Психологія обѣихъ толпъ врядъ-ли очень различна. Конечно, мнѣ могутъ указать на то, что крестьянскія толпы, жгущія барскія усадьбы, вовсе не революціонныя массы, и что бастовавшіе въ 1905 году рабочіе были и по напряженности своей воли, и по уровню своего политическаго развитія совершенно не сравнимы съ охотнорядскими громилами. Я не стану оспаривать эту разницу, но скажу, что организованно проводящіе забастовку организованные рабочіе не рабочія массы, въ соціологически точномъ смыслѣ этого слова. Массою организованные рабочіе становятся лишь съ того мгновенія, какъ они выходятъ на баррикады, разрушаютъ машины или убиваютъ директоровъ и собственниковъ. Творя все это, они психологически въ значительной степени, конечно, уподобляются и крестьянамъ-революціонерамъ и охотнорядскимъ молодцамъ.

Я очень хорошо понимаю, что можно оспаривать мою терминологію, что можно и организованный пролетаріатъ называть пролетарскою массой, и потому на обязательности своей терминологіи не настаиваю. Важно вѣдь не то, какъ называть вещи, а то, чтобы ихъ правильно видѣть; зорко и существенно другъ отъ друга отличать. Отличіе массы и банды не связано, какъ мы видѣли, ни съ какими идеологическими моментами, не связано оно также и съ моментами психологическими, и все же оно на-лицо. Въ чемъ же дѣло?

Думаю, дѣло въ объективно различномъ смыслѣ того разрушенія, что творится массами, и того, совсѣмъ иного, что творится бандами.

Разрушеніе, творимое массами, и, прежде всего, интересующими насъ революціонными массами, всегда таитъ въ себѣ какія-то созидательныя энергіи; своимъ остріемъ оно направлено противъ дѣйствительнаго зла и потому оно, часто само того не зная, исполняетъ нѣкую исторически необходимую функцію. Разрушеніе же, творимое бандами, лишено этой внутренней діалектики; для него характерна не чуткость къ волѣ исторіи, но глухота по отношенію къ ея требованіямъ, невозможность хотя бы только утробнаго уразумѣнія ея логики.

Всякій бандитизмъ, потому, всегда анархиченъ и субъективенъ. Массовые же акты въ послѣднемъ счетѣ, въ исторической перспективѣ — объективны и безкорыстны, несмотря на часто совершенно безпредметную идеологію вождей и злостную корысть толпы.

Лишь при такомъ пониманіи массы защитимо положеніе, что революціи творятся прежде всего массами.

Возрастъ міра и развертывающаяся на нашихъ глазахъ соціальная тема новой исторіи таковы, что массовые акты не могутъ не свершаться, главнымъ образомъ, пролетаріатомъ. Массовыя переживанія — нынѣ прежде всего удѣлъ пролетарскихъ толпъ. Положеніе это въ общемъ конечно, вѣрно, но требуетъ очень тщательнаго уточненія. На пути этого уточненія мы встрѣчаемся прежде всего съ повтореніемъ той же проблематики, что нами была уже продумана въ связи съ понятіемъ революціи. Какъ «свобода, равенство и братство» не могутъ утверждаться въ качествѣ специфически-революціонныхъ темъ, ибо представляютъ собою основную тему соціально-политической

эволюціи послѣдняго столѣтія, такъ и пролетаріатъ не можетъ считаться главнымъ субъектомъ революціонныхъ прерывовъ эволюціи, ибо онъ является безсмѣннымъ субъектомъ эволюціоннаго становленія соціально-политической справедливости.

Изъ этого отнюдь, конечно, не слѣдуетъ, чтобы пролетаріатъ не имѣлъ никакого особаго отношенія къ революціи. Конечно, имъ то она (какъ только что мною и было признано) прежде всего и творится, но для этого творчества характерно то, что оно развертывается не столько силами самого пролетаріата, сколько вовсе не пролетарскими силами, дѣйствующими отъ имени пролетаріата и во имя его. Эти не пролетарскія, да и вообще, съ классовой точки зрѣнія, неопредѣлимыя, въ гораздо болѣе глубокихъ психологическихъ пластахъ таящіяся силы, связываютъ себя, конечно, съ дѣломъ пролетаріата (дѣйствуютъ его именемъ), но вызываютъ въ самомъ пролетаріатѣ вовсе не специфически пролетарскія, а общечеловѣческія энергіи. Подлиннымъ субъектомъ революціи является, такимъ образомъ, не классъ, какъ мы увидимъ, а нѣкій особый духъ, духъ нетерпѣнія, духъ отчаянія, духъ преступленія, духъ утопизма и фантастики. Въ связи съ опредѣленной исторической обстановкой, духъ этотъ какъ бы нисходитъ на опредѣленную соціальную базу. Въ случаѣ его нисхожденія на ту соціальную базу, на которой ведется прогрессивная соціально-политическая работа, направленная противъ лжи и грѣха прошлаго, разрушительное дѣло его пріобрѣтаетъ то положительное значеніе массоваго акта, о которомъ только что шла рѣчь.

VI.

Раскрытіе структуры революціоннаго духа — задача очень сложная. Мнѣ хотѣлось бы лишь указать на тѣ три его момента, съ которыми связаны три ясно отличныхъ другъ отъ друга революціонныхъ слоя.

Первый слой — тотъ, который условно можно назвать біологической революціей. Онъ развертывается энергіей молодежи.

Второй слой — тотъ, что уже давно названъ криминальной революціей. Онъ развертывается преступными

элементами, играющими во всѣхъ революціяхъ весьма существенную роль.

Третій слой — представляющійся мнѣ особо важнымъ и выступающій съ особою силой и отчетливостью какъ разъ въ русской революціи, есть слой революціи фантастической и оборотнической, творимый особыми демоническими силами.

Всѣ эти три момента или слоя связаны каждый совсѣмъ особою, своею связью съ сущностью того творческаго взрыва всѣхъ смысловъ, который я именую революціей.

Что въ революціи главная роль должна принадлежать молодежи, объ этомъ писалъ еще Ткачевъ. О томъ же писалъ Булгаковъ въ «Вѣхахъ» (Педократія); но главное это то, что о громадной роли, сыгранной студенческой молодежью въ развитіи русской революціи, свидѣтельствуютъ факты исторіи. И это вполнѣ понятно. Пафосъ юности есть по существу пафосъ освобожденія отъ авторитетовъ, пафосъ борьбы съ господствующимъ мнѣніемъ текущаго дня (даже традиціоналистически настроенная молодежь любитъ портреты предковъ, а не отцовъ). Молодежи всегда свойственно мужество разрушенія: у нея много времени впереди и она убѣждена, что успѣетъ построиться. Ей свойственна вѣра въ реальность невидимаго: она естественно живетъ взысканіемъ и чаяніемъ. Она не боится никакихъ событій и въ любыхъ событіяхъ ощущаетъ, прежде всего, ростъ бытія, что ее веселитъ и радуетъ. Она вноситъ въ революціонную борьбу идеализмъ и жертвенность, но также и духъ утопической мечтательности и духъ безотвѣтственнаго прожектерства. Сочетаніемъ этихъ качествъ она и творитъ дѣло революціи, дѣло кровавой переоцѣнки всѣхъ цѣнностей.

Помогаетъ ей въ этомъ ея постоянный спутникъ, очень типичный для революціонныхъ эпохъ инфантелизмъ. Кто не помнитъ той трагической роли, которую въ русскую революцію играли невозмужавшіе мужи и убоявшіеся прослыть стариками папаши. Всѣ эти вѣрные завѣтамъ и принципамъ молодежи революціонеры-интеллигенты и подлаживавшіеся къ нимъ сѣдые полковники и солидные дѣльцы. Кто не помнитъ, какъ въ февралѣ помолодѣла Россія. Какъ отошли на задній планъ: забота, тревога, печаль, чувство смерти и мѣры — всѣ добродѣтели зрѣлости. Брюжжаніе было — старческое, злобное, но зрѣлости не было. «Шумѣлъ, гудѣлъ зеленый шумъ».

Въ революціи развертывался ея первый, біологическій слой.

Преступники, въ юридическомъ смыслѣ этого слова, которыхъ революція освобождаетъ изъ тюремъ и мѣстъ предварительнаго заключенія, дѣлятся, какъ извѣстно, на двѣ категоріи: на уголовныхъ и политическихъ. Среди обѣихъ категорій надо отличать подлинныхъ преступниковъ отъ тѣхъ, которые на народномъ языкѣ (Достоевскій) называются несчастными.

Среди уголовныхъ «несчастные» тѣ, что своими невольными проступками лишь защищаютъ себя отъ тѣхъ преступленій, которыя творитъ надъ ними общество; которые крадутъ съ голоду и убиваютъ отъ отчаянія.

Преступники же среди уголовныхъ тѣ, которые кражей добываютъ себѣ хлѣбъ и на убійствахъ строятъ свое благополучіе, профессіоналы преступленій, для которыхъ непріятно попасться, но не тяжело грѣшить.

Такая же разница существуетъ и между политическими. Она не менѣе очевидна для нравственнаго взора, хотя и менѣе привычна для ума.

Несчастными среди политическихъ «преступниковъ» являются тѣ, подчасъ почти святые люди, которые не осилили счастливой жизни, видя муку, скорбь и обреченность своихъ ближнихъ, которые отъ дѣйственной любви къ страждущему человѣчеству пошли на подвигъ революціонной борьбы, какъ на подвигъ духовнаго служенія.

Преступнымъ же элементомъ, въ самомъ точномъ и отвѣтственномъ смыслѣ этого слова, являются, въ сущности, весьма равнодушные къ реальному страданію своихъ ближнихъ профессіоналы революціоннаго мастерства, самолюбивые спортсмэны террористической борьбы, самозванные устроители народнаго счастья; однимъ словомъ, всѣ тѣ заносчивые хирурги соціально-политическаго дѣла, для которыхъ страсть къ операціямъ — все, а любовь къ паціенту — ничто.

Отношеніе перечисленныхъ элементовъ къ криминальной темѣ революціи весьма различно.

Несчастные, среди уголовныхъ, влекутся къ революціи потому, что мечтаютъ наконецъ то обрѣсти доступъ къ обществу, въ качествѣ его честныхъ и равноправныхъ членовъ. Подлинные преступники среди уголовныхъ тяготѣютъ къ ней, какъ къ мутной водѣ, въ которой какъ нельзя лучше удить рыбу. Свѣтлые человѣколюбцы сре-

ди политическихъ питаютъ темную стихію революціи, во первыхъ, опаснѣйшей теоріей, будто-бы преступниковъ вообще нѣтъ, ибо всѣ преступники только «несчастненькіе». А, во вторыхъ, еще тѣмъ, что возвращаются въ жизнь изъ тюремъ, ссылокъ и подполья безъ всякихъ навыковъ практическаго строительства. Практики дальняго прицѣла, мастера стрѣльбы по невидимой цѣли, они естественно теряются въ рукопашной схваткѣ съ реальною жизнью.

Зато прекрасно, хотя на свой ладъ, справляются съ нею преступные элементы среди политическихъ. Путь, на которомъ они организуютъ свою побѣду — нѣмой сговоръ съ уголовными. Усвоеніе уголовными преступниками революціонной идеологіи и апелляція идеологовъ революціи къ энергіи уголовныхъ элементовъ — всегда знаменуетъ восходъ революціи въ свой зенитъ. Изъ этой встрѣчи рождается maximum разрушительной энергіи.

Конечно, все это построеніе весьма схематично. Но его схематичность связана прежде всего съ краткостью изложенія. На путяхъ его расширенія и уплотненія можно было бы притти къ очень точному описанію того, какъ изъ позитивистически-гуманитарной этики революціонныхъ идеологій, отрицающихъ грѣховный корень человѣческой жизни, изъ этической небрезгливости Нечаевыхъ и Ленинныхъ, считающихъ, что ничего не должно и все позволено, и изъ той (патронируемой духомъ соціальнаго утопизма) жадности до жизни и счастья, которая лежитъ въ основѣ уголовщины, вырастаетъ страшное явленіе криминальной революціи.

Гораздо болѣе сложенъ по своей структурѣ третій, фантастическій слой революціи, творимый особыми демоническими энергіями человѣческой души.

Гораздо большее количество людей, чѣмъ то въ будень день видно, живетъ съ какою то особою, не побоюсь сказать, метафизическою печалью и тяжестью на сердцѣ. Корень этого, въ основѣ своей благороднаго недуга, таится въ тоскѣ по сорвавшейся жизни, въ ощущеніи роковой непохожести своего внутренняго лица на лицо своей судьбы *). Живетъ человѣкъ въ своей судьбѣ, какъ въ

*) Въ русской душѣ эта метафизическая тоска много острѣе, чѣмъ въ современной европейской (были въ Европѣ и другія времена) и это обстоятельство очень много объясняетъ въ русской рево-

тюрьмѣ, и все мучается мечтой — вырваться наружу, дойти до своей настоящей, большой, Богомъ обѣщанной жизни, или же развернуться на весь міръ всѣми своими не дожившими до жизни душами, всѣми своими неизжитыми жадностями, всей своей тоской и срамотой.

Революція, смѣщающая всѣ соціальныя перегородки, отмѣняющая всѣ метрономическія выстукиванія обыденности, открываетъ этой тоскѣ, и прежде всего н и з и н а м ъ э т о й тоски, всѣ двери настежь.

Со дна сотенъ и тысячъ душъ одновременно срываются и взвиваются неизжитыя мечты, неосуществленныя желанія, загнанныя въ подполье страсти. Начинается реализація всѣхъ несбыточностей жизни, отреченіе отъ реальностей, погоня за химерами. Всѣ начинаютъ жить ультра-фіолетовыми лучами своего жизненнаго спектра. Мечты о прекрасной дамѣ разрушаютъ семьи, прекрасныя дамы оказываются проститутками, проститутки становятся уѣздными комиссаршами. Передоновы переходятъ изъ среднеучебныхъ заведеній въ чеку. Садистическіе «щипки и единицы» превращаются въ террористическіе акты. Развертывается страшный революціонный маскарадъ. Журналисты становятся красными генералами, поэтессы — военморами, священники — конферансье въ революціонныхъ кабарэ.

Въ этой демонической игрѣ, въ этомъ страшномъ революціонно-метафизическомъ актерствѣ разлагается лицо человѣка; въ смрадѣ этого разложенія начинаютъ кружиться невѣроятныя, несоевѣтимыя личины. Съ этой стихіей связано неудержимое влеченіе революціонныхъ толпъ къ праздникамъ и зрѣлищамъ, какъ и вся своеобразная театрализація революціонныхъ эпохъ. Ею же объясняется и смѣсь жестокости и сентиментальности, которая такъ характерна для второсортныхъ революціонныхъ героевъ.

люціи, объясняетъ прежде всего то, почему въ Россіи событія развернулись въ настоящую революцію, а въ Германіи, напримѣръ, нѣтъ. Метафизическая тоска отнюдь не чужда германскому генію, но германскій геній очень чуждъ тому рядовому нѣмцу, который свергалъ Вильгельма. Въ Россіи же, наоборотъ, — геній народа еще не успѣлъ укрыться отъ народа въ тихія кельи уединенныхъ душъ. Въ Россіи геній народа еще народенъ. Метафизической тоской въ Россіи еще болѣютъ самые простые люди, о чемъ свидѣтельствуетъ вся русская литература. Отсюда и стремительный летъ и душный смрадъ нашей революціи.

Какъ часто въ революціи насиловали знатныхъ женщинъ, сжигали библіотеки и дворцы съ искренними слезами на глазахъ отъ злобы на свое темное неумѣніе иначе пріобщиться къ красотамъ міра и святынямъ жизни.

Съ описанной сущностью революціоннаго духа, съ господствомъ духа молодости, преступности и демонической фантастики, связанъ такъ называемый диллетантизмъ революціоннаго творчества. Я говорю «такъ называемый» диллетантизмъ, ибо столь характерное для революціоннаго прерыва эволюціи неумѣніе взяться за положительное дѣловое творчество является въ отношеніи къ специфически революціоннымъ задачамъ вовсе не диллетантизмомъ, а, наоборотъ, профессіонализмомъ. Такъ называемымъ диллетантизмомъ первыхъ большевицкихъ декретовъ русская революція отнюдь не разрушалась, а, наоборотъ, осуществлялась. Разрушалась имъ не революція, а жизнь. Но разрушеніе всѣхъ ставшихъ формъ жизни и есть осуществленіе революціи.

VII.

Я знаю (къ сожалѣнію, знаю), что моя концепція революціи по существу, какъ мнѣ кажется, самоочевидная и лишь внѣшне, быть можетъ, нѣсколько неожиданная и парадоксальная, будетъ воспринята многими отдавшими свою жизнь дѣлу освобожденія Россіи, какъ злостная насмѣшка надъ дорогими имъ воспоминаніями, какъ философская экспропріація дорогихъ имъ смысловъ жизни. Защитить себя отъ такихъ обвиненій мнѣ трудно: психологическіе навыки гораздо сильнѣе отвлеченной логики. Но все же, быть можетъ, будетъ нелишнимъ еще разъ подчеркнуть, что изображенная мною революція есть нѣчто принципіально иное, чѣмъ то, къ чему въ общемъ и цѣломъ стремилось русское освободительное движеніе. Въ немъ участвовали весьма разные элементы: очень разные люди и очень разные душевные пласты въ однихъ и тѣхъ же людяхъ. Все же его основною темою было, конечно, не желаніе революціи, а жажда правды, справедливости и свободы. На революцію они шли какъ на неизбѣжную операцію; въ свѣтлыя минуты, конечно, съ надеждою, что правительство сдастся, что дѣло обойдется безъ крови и разрушенія. Тѣ, кто

такъ чувствовалъ, кто свое нравственное право на участіе въ революціи инстинктивно связывалъ съ надеждою, что имъ не придется воспользоваться, отвѣтственности за дѣланіе описанной мною революціи ни въ какой мѣрѣ и степени, конечно, не несутъ.

Но кромѣ темы свободы и правды звучала, конечно, въ русскомъ освободительномъ движеніи жажда революціи, какъ таковой. О, конечно, революціи, ради... свободы и правды... Но свобода и правда приложатся. О нихъ с е й ч а с ъ нечего думать. Сейчасъ в с я воля въ одну точку: въ свѣтлую точку праведной революціи...

Люди, такъ чувствовавшіе и такія чувства въ людяхъ въ общемъ чувствовавшихъ иначе, отвѣтственны за проанализированную мной революцію, конечно, уже гораздо болѣе. Все же и они отвѣтственны лишь за то, что революція с л у ч и л а с ь. Дѣлать — въ прямомъ и точномъ смыслѣ этого слова — и они ея, конечно, не дѣлали. Кто же дѣлалъ ее, — никто? Да, въ сущности никто. Никто ея не дѣлалъ, но она со всѣми нами случилась. Духъ разрушенія осилилъ наше творчество, потому что наше творчество не было въ достаточной степени духовно напряжено. Вина на разныхъ ъслояхъ и на разныхъ людяхъ предреволюціонной эпохи разная, — но отвѣтственность у всѣхъ одна *).

---

*) Дабы избѣжать всякихъ недоразумѣній, подчеркиваю, что изъ моего опредѣленія революціи, какъ разрушенія, какъ распада единства національнаго сознанія, какъ взрыва всѣхъ смысловъ и т. д., отнюдь не слѣдуетъ принципіальнаго отрицанія революціи, какъ метода политической борьбы. Какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни бываютъ минуты, когда ничего не остается, кромѣ пути грѣха, когда взятіе на душу грѣха становится нравственно обязательнымъ. Мое отношеніе къ революціи (какъ и къ войнѣ) остается, такимъ образомъ, двойственнымъ. Да, желать революцію — грѣхъ и безуміе, итти для нея можно только моля Бога, чтобы она не случилась. Но когда она неизбѣжна, итти на нее нравственно обязательно, какъ на грѣхъ, который искупить ничѣмъ нельзя, но который Богъ можетъ простить. Тѣ же мысли, только не въ религіозно, но въ нравственно-политическомъ разрѣзѣ высказывалъ недавно въ «Дняхъ» А. Ф. Керенскій. Ему много возражали, но всѣ возраженія были основаны на недоразумѣніи. Двойственное отношеніе къ революціи — элементарный фактъ нравственнаго сознанія, объясняющійся тѣмъ, что исторія человѣчества — трагедія, а не идиллія.

VIII.

Итакъ, корень революціи въ распадѣ единства національнаго сознанія, въ обезсиленіи національнаго творчества. Ея путь — путь срыва эволюціи въ бездну разрушенія и небытія. Революціонный срывъ исторіи не любой и не случайный срывъ, а всегда срывъ центральной темы исторіи на психологической территоріи по праву восходящаго къ жизни и власти новаго соціальнаго сознанія. Отрицательная, уже учтенная въ моемъ описаніи, правда этого срыва — обнаруженіе лжи и безсилія предреволюціонной эпохи. Спрашивается, — есть ли въ революціи еще и иной, положительный смыслъ?

Единственная форма внѣшней неудачи, которая таитъ въ себѣ высоко-положительный смыслъ - есть форма трагедіи. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что трагедія (беру этотъ терминъ въ метафизическомъ, а не только эстетическомъ смыслѣ) есть высшая, быть можетъ, единственная форма абсолютной удачи. Абсолютность удачи трагической жизни заключается въ томъ, что въ ней осмысливается не только жизнь, но и смерть. Смыслъ, вскрываемый трагедіей въ смерти и разрушеніи, — Богъ: — Божій ликъ, Божій судъ.

Доказать наличіе религіознаго смысла въ революціонномъ взрывѣ всѣхъ смысловъ, конечно, нельзя. Но подвести себя и всѣхъ людей, свободныхъ отъ атеистическихъ предразсудковъ къ пониманію революціи, какъ подлинной трагедіи, все же можно. Можно прежде всего потому, что и сами отрицатели религіознаго содержанія исторіи не разъ наталкивались на отрицаемый ими въ исторіи религіозный смыслъ. Всѣ историки и соціологи, занимавшіеся революціями, постоянно отмѣчали, что въ пореволюціонные періоды неизмѣнно наблюдается ростъ религіозныхъ настроеній. Особенно упорно на этомъ настаивали всегда марксисты, какъ всѣ догматики, весьма чуткіе къ вопросамъ вѣры и міросозерцанія. И сейчасъ большевики, какъ извѣстно, очень озабочены ростомъ религіозныхъ настроеній въ Россіи и успѣхомъ своей борьбы на религіозномъ фронтѣ.

Связь революціи съ религіей можно, такимъ образомъ, считать установленной; она безспорна даже и для антире-

лигіознаго, такъ называемаго «научнаго» сознанія. Ошибка этого сознанія только въ томъ, что оно не знаетъ, вѣрнѣе, не признаетъ никакихъ религіозныхъ реальностей и съ абсолютною логической безотвѣтственностью зачисляетъ ихъ въ религіозныя, а часто и просто реакціонныя настроенія; при чемъ трактуетъ эти настроенія, какъ попытки обрѣсти житейское утѣшеніе, укрыться въ фантазіяхъ и выдумкахъ и т. д., и т. д.

Противъ такого подхода необходимо протестовать, и прежде всего не во имя религіи, а во имя логики, т. е. во имя науки.

Всякая наука обязана исходить изъ данностей и начинать съ наивозможно точнаго описанія факта. Недостатка въ людяхъ, утверждающихъ, что они на своемъ опытѣ пережили, а потому въ лицо знаютъ громадную разницу между религіознымъ настроеніемъ и исполненностью души подлинною религіозною реальностью,—не ощущается. Исходя изъ этого факта, наука обязана, прежде всего, заняться тщательнымъ описаніемъ этихъ двухъ структуръ. Не можетъ быть сомнѣнія, что пойдя этимъ путемъ, она быстро выяснитъ себѣ разницу между людьми, знающими всего только религіозныя настроенія (настроенія протекаютъ въ планѣ душевномъ), и подлинно Богоисполненными душами (душами, живущими въ планѣ духовномъ). Для уясненія себѣ разницы между духовными переживаніями А. Блока (человѣка очень сильныхъ и подлинныхъ религіозныхъ настроеній) и житіемъ Серафима Саровскаго — вовсе не надо быть религіознымъ человѣкомъ; достаточно только быть безпристрастнымъ ученымъ: вдумчивымъ психологомъ, зоркимъ феноменологомъ. Изслѣдуя эту разницу, каждый ученый неизбѣжно придетъ къ заключенію, что она не только количественная, но и качественная, что говорить о религіозныхъ настроеніяхъ Блока естественно, а о религіозныхъ настроеніяхъ Серафима Саровскаго невозможно. Что слово «настроеніе» къ Саровскому отшельнику не примѣнимо, не адэкватно тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь. Изслѣдуя далѣе природу духовной жизни и религіознаго сознанія Серафима Саровскаго, каждый объективный и пытливый ученый неизбѣжно натолкнется на фактъ наличія въ ней моментовъ существенно инопородныхъ тому кругу опыта, который онъ самъ, какъ не религіозный человѣкъ, знаетъ и несетъ въ себѣ. При опредѣленіи сущ-

ности этой инопородности опять таки нельзя будетъ пройти мимо утвержденія всѣхъ праведниковъ и молитвенниковъ, что религіозная жизнь заключается не только въ человѣческой жизни о Богѣ, но и въ Божіей жизни о человѣкѣ. Отрицать возможность такого факта только на томъ основаніи, что онъ научному сознанію самого изслѣдователя не данъ — *не логично*. Заниматься же предметомъ во внутреннемъ, а тѣмъ самымъ вообще ни въ какомъ опытѣ не даннымъ — невозможно. Такимъ образомъ, атеистическому, но подлинно критическому научному сознанію остается лишь одинъ исходъ: сознательный отказъ отъ изслѣдованія религіознаго предмета.

Но изъ того, что религіозный предметъ не по плечу *атеистически* научному сознанію, никакъ не слѣдуетъ, что онъ вообще не есть возможный предметъ *научнаго* изслѣдованія. (Такой выводъ былъ бы равносиленъ утвержденію, что проблема колорита французскаго импрессіонизма не имѣетъ никакого отношенія къ эстетикѣ, потому что люди, страдающіе дальтонизмомъ не отличаютъ синяго цвѣта отъ зеленаго). Для ученаго, видящаго наличіе трансцендентныхъ силъ въ исторіи такъ же ясно, какъ наличіе законовъ абсолютной логики въ сферѣ всегда относительныхъ человѣческихъ сужденій,—этотъ предметъ не можетъ быть чѣмъ то абсолютно чуждымъ научному познанію. Нельзя, *зная*, видя, чувствуя, что въ революціи свершается гнѣвное вторженіе абсолютнаго въ историческую жизнь, изслѣдовать революцію такъ, какъ будто бы это совершенно не извѣстно. Не можетъ же доподлинное знаніе быть враждебнымъ наукѣ. Считать враждебность познанію за конститутивную категорію научности есть чудовищный парадоксъ, объясняющійся, конечно, не требованіями научной объективности, а стремленіемъ воинствующаго атеизма превратить науку въ главную цитадель своей борьбы съ Богомъ. Защита религіозной реальности въ качествѣ научнаго предмета отнюдь не превращаетъ, однако, науку въ Богослуженіе. Утвержденіе наличія религіознаго смысла въ трагедіи революціоннаго взрыва *научнаго* изученія революціи никоимъ образомъ не отрицаетъ. Напротивъ, лишь оно указуетъ этому изученію его подлинный предметъ, а тѣмъ самымъ и единственный правильный методъ.

Таковы тѣ чисто логическія соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, съ неизбѣжностью приводятъ каждаго

непредвзятаго человѣка къ тому мѣсту, съ котораго раскрывается возможность духовнаго узрѣнія религіознаго смысла революціи.

Къ тому же мѣсту приводятъ и другія, этическія размышленія.

Если не искать смысла революціи въ вѣчности и не итти на объявленіе ея полной безсмыслицы, то остается лишь одно: — искать его (смысла) во времени, т. е. въ тѣхъ результатахъ, которые раскрываются въ творчествѣ пореволюціонныхъ эпохъ. Такое осмысливаніе революціоннаго срыва эволюціи кажется мнѣ, по крайней мѣрѣ съ этической точки зрѣнія, весьма проблематичнымъ, дабы не сказать непріемлемымъ. Революціонныя событія — ихъ изступленіе, ихъ восторгъ, ихъ грѣхъ и смрадъ — настолько велики (какъ, напримѣръ, и событія войны), настолько необычайны, настолько несоизмѣримы по своему удѣльному вѣсу со всѣмъ, что свершается изо дня въ день, что превращеніе ихъ всего только въ рычагъ, завѣдующій перемѣщеніемъ соціально-политическихъ силъ, представляется на мой, по крайней мѣрѣ, нравственный слухъ, просто кощунственнымъ. Къ этому общему соображенію-ощущенію присоединяется еще и другое. Всякое осмысливаніе революціи черезъ раскрытіе ея благихъ (не будемъ ради упрощенія вопроса оспаривать этой, все-таки проблематичной благости) результатовъ — несетъ свой смыслъ не всѣмъ ея борцамъ и жертвамъ, а всего только побѣдителямъ. Но какъ преступна мысль, что осмысленная для Антанты война кончилась для насъ, русскихъ, а также и нѣмцевъ, полной безсмыслицей, потому что для русскихъ она кончилась Брестомъ, а для нѣмцевъ Версалемъ, такъ же преступно и утвержденіе, что революція въ будущемъ осмыслится для демократовъ и соціалистовъ (исхожу изъ предположенія демократическо-соціалистическаго строя пореволюціонной Россіи) и навѣкъ останется только безсмыслицей для всѣхъ погибшихъ въ ней монархистовъ и бѣлогвардейцевъ. На такую жестокую экспропріацію священныхъ смысловъ тѣхъ нравственныхъ страданій и героическихъ подвиговъ, которые совершались не только французами, но и нѣмцами и русскими, не только героями революціонной борьбы, но и героями бѣлой арміи, никто не имѣетъ никакого права. Если у революціи есть смыслъ, то онъ долженъ быть

смысломъ общимъ, смысломъ для всѣхъ, смысломъ, явственно возвышающимся надъ всѣми партійными осмысливаніями ея.

Такимъ смысломъ можетъ быть только религіозный смыслъ. Узрѣніе религіознаго смысла революціи тождественно узрѣнію грѣха безрелигіозной жизни и безрелигіознаго творчества. Всякій грѣхъ — такова природа нравственнаго сознанія — можетъ быть осознанъ только какъ свой собственный грѣхъ. Только черезъ узрѣніе своего собственнаго грѣха отдѣльными людьми, группами, партіями, сословіями, классами, т. е. только черезъ какое то общенаціональное покаяніе возможно существенное пореволюціонное творчество.

Причина революціи — въ распадѣ національнаго сознанія. Изъ этого слѣдуетъ, что путемъ къ ея преодолѣнію долженъ быть путь національнаго единенія.

Причина распада національнаго сознанія — въ отрицаніи абсолютнаго, т. е. религіознаго значенія культурныхъ цѣнностей и благъ. Изъ этого слѣдуетъ, что путемъ его возстановленія можетъ быть только возвращеніе всѣмъ областямъ культуры ихъ вѣчнаго религіознаго значенія.

Федоръ Степунъ.

О «переосмысливаніи» Ф. А. Степуна

Опять и опять возвращаются «Современныя Записки» къ уразумѣнію истоковъ русской революціи, къ познанію ея смысла. Это совершенно неизбѣжно. И не потому только, что вся наша эпоха стоитъ подъ знакомъ революціи, но и потому, что только въ думахъ о своемъ быломъ можетъ почерпнуть русскій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, политикъ или философъ, урокъ для болѣе удачнаго построенія своего будущаго.

Читатель найдетъ выше статьи В. А. Маклакова «Изъ прошлаго» и Ф. А. Степуна «Религіозный смыслъ революціи», основныя положенія коихъ намъ уже приходилось оспаривать на этихъ же страницахъ: въ № 38 (Маклакова) и въ №№ 33 и 36 «С. З.» (Степуна). И если сейчасъ мы позволяемъ себѣ вновь обратиться къ построеніямъ Ф. А. Степуна, — формальнымъ къ тому основаніемъ служитъ то, что его послѣдняя статья является въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы завершеніемъ цикла «Мыслей о Россіи» и тѣмъ самымъ о Революціи, которыя авторъ развивалъ въ своихъ статьяхъ въ журналѣ.

Не только сюжетъ, но и форма, въ которую онъ облеченъ Степуномъ, оправдываетъ повторное возвращеніе къ его построеніямъ.

***

Для защиты того, что Степунъ считаетъ главнымъ, единственнымъ, послѣднимъ, религіознымъ смысломъ революціи, онъ пользуется чрезвычайно сложнымъ сооруженіемъ. Въ его послѣднемъ очеркѣ имѣется особая «методологическая часть»; имѣется совершенно условная, ad hoc прилаженная терминологическая сѣть; вращается цѣпь логическихъ аргументовъ; собраны итоги и личнаго «видѣнія», и безсознательныхъ переживаній предмета. Въ устойчивость своего сооруженія авторъ, видимо, самъ плохо вѣритъ и численнымъ разнообразіемъ пріемовъ за-

щиты онъ какъ бы компенсируетъ недостаточную прочность каждаго изъ нихъ. Не поможетъ словесное искусство — поможетъ «типологическое описаніе», окажется безсильнымъ и оно — придется обратиться къ «трансраціональнымъ» переживаніямъ...

Внутренне-необходимой связи между всѣми этими элементами авторъ и самъ не усматриваетъ. По крайней мѣрѣ, свою «методологію» онъ рекомендуетъ по просту пропустить тѣмъ, кто ею спеціально не интересуется, — совсѣмъ какъ въ оранжевомъ «Катехизисѣ», евразійцевъ, гдѣ также предлагалось опустить главу о религіи тѣмъ, кто, интересуясь евразійствомъ, равнодушенъ къ религіознымъ его основамъ.

Конечно, терминологія — вещь условная, о словахъ спорить не принято, да и не стоитъ. Но все же нельзя забывать, что, какъ ни относись къ словамъ, Песъ — созвѣздіе и песъ — лающее животное совершенно различные «псы». И, кромѣ того, — споръ о словѣ иногда и составляетъ самое существо спора, не отвлеченнаго только, но и чреватаго весьма практическими послѣдствіями. Достаточно вспомнить «контроверзу» о сугубой и трегубой «алилуйѣ» или сохраненіи за государственнымъ строемъ Россіи и послѣ 1905-6 г. г. наименованія «самодержавный».

Въ процессѣ «осмысливанія, обезсмысливанія и переосмысливанія» Степуна слову отведена едва ли не наиболѣе отвѣтственная партія. И не только благодаря тому, что авторъ, мастерски владѣя словомъ, какъ бы безсознательно отдается его магической силѣ и заставляетъ въ своемъ словѣ «трепетать и отзываться каждое дыханіе ума, сообразно безпрестанно измѣняющемуся сцѣпленію и разрѣшенію мыслей» (См. «Мысли» Ф. А. Степуна въ № 32 «С. З.»). Нѣтъ, Степунъ и по существу признаетъ правду номинализма, полагаетъ, что «имя неотдѣлимо отъ нарекаемой имъ реальности, составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ частей ея». (Тамъ же).

«Нарекая», Степунъ даетъ не условное лишь обозначеніе предмету. Онъ тѣмъ самымъ вскрываетъ и реальное существо предмета. И потому столь неожиданными и странными въ его устахъ кажутся постоянныя оговорки относительно того, что онъ на своемъ словоупотребленіи не настаиваетъ, что его терминологія «необычна», что его «революція» противорѣчитъ «общерѣчію» и т. п. Что-ни-

будь одно изъ двухъ: либо имя дѣйствительно неотдѣлимо отъ нарекаемой имъ реальности, и тогда Степунъ долженъ настаивать на своемъ наименованіи хотя бы и вопреки «общерѣчію», какъ единственно адэкватномъ существу революціи; либо «важно не то, какъ называть вещи, а то, чтобы ихъ правильно видѣть, зорко и существенно другъ отъ друга отличать», и тогда, правильно вещи видя, врядъ ли надо неправильно ихъ называть, вводить въ заблужденіе и плодить недоразумѣнія.

Нельзя отдѣлаться отъ убѣжденія, что въ изображеніи революціи Степуномъ авторъ, выражаясь его же словами, «портретируетъ» не столько предметъ изображенія ,сколько «изображающее лицо» и свои собственныя мысли и представленія. Какъ бы цѣнны ни были они, все же необходимо было зорко и существенно отличать «структуру» революціи отъ «структуры» сознанія Ф. А. Степуна. А наличности з а р а н ѣ е данной и совершенно опредѣленной «структуры» Степунъ и самъ не скрываетъ. «Нельзя, говоритъ онъ, з н а я (подчеркнуто Степуномъ!), видя, чувствуя, что въ революціи свершается гнѣвное вторженіе абсолютнаго въ историческую жизнь, изслѣдовать революцію такъ, какъ будто бы это совершенно неизвѣстно».

Неизвѣстно лишь, для чего вообще въ такомъ случаѣ заниматься изслѣдованіемъ религіознаго смысла революціи, разъ «знаніе», «видѣніе» и «чувствованіе» его уже даны?!..

Подмѣна структуры революціи структурой личнаго сознанія автора встрѣчается не одинъ разъ. Достаточно сказать, что на протяженіи почти всей статьи, вопреки обѣщанію, вскрывается не смыслъ вообще революціи, а революціи ограниченной во времени — и по смыслу — большевицкой. Знакомый съ прежними писаніями Степуна знаетъ, что онъ именно такъ констатируетъ русскую революцію, — какъ революцію прежде и больше всего большевицкую. Но что именно такова и объективная структура всякой революціи, и большевизмъ есть революція, а не ея вырожденіе и перерожденіе, нигдѣ не показано и ни изъ чего не слѣдуетъ.

Степунъ большой охотникъ до антитезъ. Прежде онъ любилъ противопоставлять живое видѣніе глаза мертвымъ точкамъ зрѣнія. Сейчасъ этотъ «зрительный» образъ замѣненъ «гносеологическимъ» противоположеніемъ и д е о л о г і и, какъ «построенія теоретическаго сознанія»,

идеямъ, какъ «структурѣ нашего безсознательнаго переживанія». Не то, что между идеологіями, какъ и между идеями, имѣются ложныя и истинныя, мертвыя и живыя. Нѣтъ, идеологіи, какъ таковыя, тяготѣютъ къ безпочвенности и безплодію; идеи же, наоборотъ, отмѣчены положительнымъ знакомъ — жизненны и благодатны.

Это «гносеологическое» различеніе имѣетъ столь же произвольное соціально-политическое сопровожденіе. — Люди, вдохновляемые идеями, – «жизненные люди», между ними возможна встрѣча и схожденіе, даже когда они слѣдуютъ за разными идеями. Другое дѣло, — приверженцы идеологій; они — мертвецы, извѣчно непримиримые и осужденные на постоянную борьбу. Помѣщикъ съ кооператоромъ — «жизненные люди» и, потому, они могутъ дѣлать общее дѣло, тогда какъ профессоръ и журналистъ — непремѣнно «фанатики лжеидеологіи» и обречены на взаимоистребленіе.

Такая «структура» идеолога и профессора характерна не только какъ крайнее проявленіе личнаго самоотрицанія и самоотреченія, какъ общая дисквалификація всѣхъ усилій «осмысливать, обезсмысливать и переосмысливать» явленія. Она характерна и своимъ наглядным тяготѣніемъ къ жизненному практицизму, въ сторону малыхъ дѣлъ, взамѣнъ неудавшихся большихъ и малыхъ идей и идеологій!

Что раскрываемый Степуномъ смыслъ есть не смыслъ, раскрывающійся въ революціи, а смыслъ въ нее вкладываемый опредѣленной структурой авторскаго сознанія, съ неопровержимостью обнаруживается и изъ обоихъ якобы «конститутивныхъ» признаковъ революціи.

Революція, по нынѣшнему утвержденію Степуна, это — «распадъ»; она знаменуетъ «разрывъ національнаго сознанія».

Не будемъ говорить о томъ, что еще не такъ давно самъ Степунъ видѣлъ въ революціи прежде всего не «распадъ» и «разрывъ національнаго сознанія», а, какъ и мы, «всенародный порывъ», всеобщую зачарованность и «одержимость» хотя бы и преходящимъ во времени «мигомъ». Оставимъ въ сторонѣ нашъ старый съ нимъ споръ о «структурномъ» и всяческомъ иномъ различеніи Февраля и Октября. И все же придется отмѣтить, что «структура» Степуна характерна только для большевицкой революціи и никакъ не подходитъ ни для «провинціальной» и малой

германской революціи, ни для «настоящей» и «классической» революціи французской. Будучи и для Степуна революціей, «классическое происшествіе 1789 г.» знаменовало отнюдь не разрывъ національнаго сознанія, а его сцѣпленіе. Единая и недѣлимая (une et indivisible) патріотическая Франція была синонимомъ Франціи революціонной, несшей на своихъ побѣдоносныхъ знаменахъ неотчуждаемыя отъ человѣка и гражданина права, свободу, равенство и братство.

Не болѣе благополучно обстоитъ дѣло и съ тѣмъ, въ чемъ Степунъ видитъ первопричину и революціи и распада національнаго сознанія, — отрицаніемъ русской революціей, какъ и всякой, абсолютнаго, т. е. религіознаго значенія культурныхъ цѣнностей и благъ.

Какъ «разрывъ единства національнаго сознанія» не вмѣщается въ подлинную структуру французской революціи, такъ «отрицаніе абсолютнаго» не вмѣщается структурой англійской революціи. Послѣдняя взошла цѣликомъ на пуританскихъ дрожжахъ, питалась религіозными страстями и воодушевленіемъ и протекала подъ знакомъ борьбы за разныя, но религіозныя святыни: за «свободу съ благословенія Божія», за уничтоженіе епископата, вліянія римской церкви и т. д.

Структура революціи эмпирически явленной міру въ октябрѣ 1917 г. никакъ не покрываетъ общаго «логоса» революціи.

Какъ бы предупреждая упрекъ въ субъективизмѣ, Степунъ утверждаетъ, что къ «сферѣ трансраціональнаго внутренняго опыта» критерій субъективности вообще неприложимъ. Ибо субъективность, по Степуну, заключается «вовсе не въ недоказуемости правды», а въ «нравственной дефективности»: въ духовной ненапряженности опыта, его незрячести и безпредметности.

Намъ представляется, что и при такомъ пониманіи субъективности «переосмысливаніе» революціи Степуномъ не можетъ уйти отъ признанія его произвольно-субъективнымъ. Ибо для него — «чѣмъ была(!) русская революція опредѣлится (!), въ концѣ концовъ, тѣмъ, во что она въ будущемъ выльется или, говоря менѣе фаталистически, тѣмъ, что мы изъ нея въ будущемъ сдѣлаемъ». Иначе — прошлое опредѣлится будущимъ. Конецъ увѣнчаетъ дѣло. По плодамъ узнаются корни и существо вещей.

Это идетъ въ разрѣзъ не только съ утвержденіями того

же Степуна: «на вопросъ о смыслѣ революціи нельзя отвѣчать указаніемъ на порождаемыя ею въ концѣ концовъ цѣнности». Это есть и принципіальное отрицаніе, завѣдомый отказъ проникнуть въ существо революціи и увидѣть подлинный его ликъ до того, какъ исполнятся времена и сроки, и будущимъ освѣтится — и, можетъ, освятится — прошлое.

Такой агностическій натурализмъ какъ будто бы менѣе всего свидѣтельствуетъ о чрезмѣрной духовной напряженности и «зрячести» внутренняго опыта!.. И это не случайная обмолвка у Степуна. Нѣтъ! Онъ и раньше не страдалъ, какъ другіе, «метафизическимъ малодушіемъ и недовѣріемъ въ органическое вызрѣваніе идей». Онъ и раньше заявлялъ чистосердечно:

— «...А что же хорошо, что большевики были или лучше если бы ихъ не было?? На этотъ вопросъ я сейчасъ (подчеркнуто Степуномъ!) отвѣтить не могу. Отвѣтъ на него будетъ зависѣть (подчеркнуто мною!) отъ того, во что переродится большевизмъ въ Россіи. Если все кончится только порядкомъ, мѣрой, закономъ, — то большевизмъ придется признать только зломъ, тѣмъ, чего лучше бы не было. Но если Россія въ будущемъ, въ своемъ національномъ и соціальномъ строительствѣ вознесется на тѣ положительныя религіозныя, этическія и соціальныя высоты, о которыхъ пророчествовали Толстой и Достоевскій, съ которыхъ она сорвалась въ большевизмъ, которыя она исказила въ революцію, то Октябрь будетъ оправданъ». (См. «С. З.» № 34, стр. 440).

Какъ это Толстой и Достоевскій могутъ вдругъ оказаться въ активѣ у большевиковъ, въ зависимости отъ хода грядущихъ событій, и надо ли стремиться къ тому, чтобы все кончилось «порядкомъ, мѣрой и закономъ», или, какъ въ былое время, необходимо рваться на «положительныя религіозныя, этическія и соціальныя высоты», — пока что остается секретомъ Степуна.

Этотъ секретъ интимно связанъ съ внутреннимъ отношеніемъ Степуна къ революціи, какъ объекту познанія, а не какъ сферѣ дѣятельности. Раскрываемый Степуномъ смыслъ революціи касается главнымъ образомъ міра представленій и только косвенно и отраженно — міра воли.

***

Въ идеѣ о революціи Степуна, — а идея у Степуна, надо помнить, «структура его безсознательнаго переживанія», — нѣтъ мѣста активному отношенію къ революціи. Эта идея чужда или во всякомъ случаѣ довольно равнодушна къ волевому отбору положительныхъ творческихъ элементовъ революціи, къ борьбѣ противъ элементовъ распада.

Степунъ, правда, говоритъ, что «для каждаго изъ насъ революція есть въ насъ самихъ становящаяся судьба Россіи», что даже ея прошлое «опредѣлится тѣмъ, что мы изъ нея сдѣлаемъ», но агностицизмъ его парализуетъ его волю. Не имѣя с е й ч а с ъ отвѣта даже на вопросъ, — является ли большевизмъ добромъ или зломъ, онъ, естественно, и не можетъ имѣть ни стимуловъ, ни воли для борьбы съ тѣмъ, что можетъ оказаться зломъ, но можетъ вѣдь обернуться и добромъ.

Степунъ совершенно напрасно увѣряетъ, что революціонная энергія своею выдумкой убиваетъ мысль. Нѣтъ, не она, революція, а онъ, Степунъ, с в о е ю выдумкой, — на которую такъ невоздержанъ, по мнѣнію Степуна, всякій русскій интеллигентъ, — убиваетъ, поскольку можетъ убить, революціонную энергію. Самое бытіе революціи Степунъ доказываетъ тѣмъ же онтологическимъ способомъ, какимъ въ до-кантовскія времена доказывалось бытіе божіе. «Бытіе революціи состоитъ ни въ чемъ иномъ — (ни въ чемъ иномъ! **М. В.**), — какъ въ осмысливаніи, обезсмысливаніи и переосмысливаніи жизни». «Каждый актъ постиженія прошлаго есть актъ построенія или разрушенія будущаго».

Смыслъ Степуна это смыслъ к р и т и ч е с к а г о разума, а не п р а к т и ч е с к а г о. А называемый Степуномъ религіозный смыслъ есть по просту мѣщански-благополучный, безтрагичный, всеустрояющій и всѣхъ со всѣмъ примиряющій смыслъ. Для Степуна — «Если у революціи есть смыслъ, то онъ долженъ быть смысломъ общимъ, смысломъ для всѣхъ, смысломъ, явственно возвышающимся надъ всѣми партійными осмысливаніями». Съ самимъ Богомъ Степунъ не согласенъ мириться иначе, какъ на условіяхъ мира безъ побѣдителей и побѣжденныхъ,

безъ аннексіи и безъ «жестокой экспропріаціи священныхъ смысловъ нравственныхъ страданій и героическихъ подвиговъ».

Для Степуна по просту «преступна мысль, что осмысленная для Антанты война кончилась для насъ, русскихъ, а также и нѣмцевъ полной безсмыслицей, потому что для русскихъ она закончилась Брестомъ, а для нѣмцевъ Версалемъ». Въ такой же мѣрѣ «преступнымъ» кажется ему утвержденіе, что революція можетъ осмыслиться въ будущемъ для демократовъ и соціалистовъ и навѣки остаться «т о л ь к о безсмыслицей для всѣхъ погибшихъ въ ней монархистовъ и бѣлогвардейцевъ»...

Структура безсознательныхъ переживаній Степуна здѣсь явно отступаетъ отъ структуры его сознательнаго утвержденія, что прошлое (большевизмъ) освятится или, наоборотъ, будетъ проклято въ прямой зависимости отъ будущаго, отъ того, что «мы» изъ него сдѣлаемъ. Эта структура явно не совпадаетъ и съ реальностью. Ибо можно спорить, въ какой мѣрѣ война кончилась «осмысленно» для Антанты. Но что для русскихъ и для нѣмцевъ она кончилась безсмыслицей, противъ этого спорить, — конечно, не преступно, но врядъ ли имѣетъ смыслъ. Въ это можно в ѣ р и т ь, но лишь по Тертуліану — quia absurdum est!.. Наконецъ, отрицая даже за исторіей право вскрывать неосмысленность страданій и подвиговъ, въ которыхъ страдальцы и герои въ свое время видѣли «священный смыслъ», Степунъ, на нашъ взглядъ, погрѣшаетъ и противъ соціологіи, и противъ подлиннаго смысла священнаго. Ибо въ универсально-уравнительномъ отношеніи ко в с ѣ м ъ страданіямъ священное растворяется; снимая всѣ противорѣчія съ добра и зла, оно становится постыдно равнодушнымъ къ нимъ. И не надо быть непремѣнно Сальери, чтобы рѣшительно отвернуться отъ мірозданія, въ которомъ «нѣтъ правды на землѣ, но правды нѣтъ и выше»!..

Конечно, онъ знаетъ и самъ о томъ упоминаетъ, что исторія человѣчества — трагедія, а не идиллія. Но это знаніе не проникаетъ вглубь его сознательной и безсознательной «структуры». Его переживанія и то, въ чемъ онъ находитъ послѣдній, религіозный смыслъ сущаго, въ частности, — и революціи, совсѣмъ близко подходятъ къ переживаніямъ католицизма, выраженнымъ въ классической формулѣ ватиканскаго собора: «Кто станетъ отрицать

что міръ созданъ для прославленія Бога, — тому анафема!»...

Эта структура имѣетъ общее съ структурой Кальвина, усматривавшаго прославленіе Бога даже въ предопредѣленности къ мученіямъ и гибели. И менѣе всего она сродни «доброму русскому» Богу. И человѣкъ, простой русскій человѣкъ не рѣшился бы сотворить міръ такимъ, какимъ его готовъ принять, какъ божіе твореніе, Степунъ. И не надо быть вѣрующимъ, достаточно не быть лишеннымъ элементарныхъ чувствъ справедливости и состраданія, чтобы отвергнуть міръ такимъ, какимъ его готовъ религіозно принять и осмыслить Степунъ *).

Если искать въ революціи непремѣнно религіозный смыслъ, его можно найти только въ томъ, что революція — актъ творчества, историко-политическаго и этическаго; въ терминахъ Влад. Соловьева — одна изъ формъ богочеловѣческаго становленія. Какъ Соловьевъ доказывалъ это въ отношеніи къ гуманизму и «безусловнымъ» принципамъ 89 года, такъ Степунъ могъ бы доказывать то же въ отношеніи къ русской транскрипціи этихъ принциповъ — къ Февралю 17 г. И такъ же, какъ это не доказуемо въ отношеніи къ «святѣйшей» Инквизиціи или изувѣрской религіозной сектѣ, это не примѣнимо и къ Октябрю.

***

«Осмысливать, обезсмысливать и переосмысливать» міръ, вносить свѣтъ разума во всѣ расщелины хаоса — совершенно въ стилѣ и въ духѣ русской культуры: въ традиціи русской философіи и художественнаго творчества, въ обыкновеніи русской общественности.

*) Ср. очень интересный и содержательный этюдъ Н. А. Бердяева «Изъ размышленій о теодицеѣ», въ которомъ авторъ ставитъ себѣ задачу оправдать Бога отъ клеветы, которая на него возводится человѣческими измышленіями. — «Есть отношеніе къ Богу, которое есть послѣдняя форма идолопоклонства въ мірѣ. Не только къ ложнымъ богамъ, но и къ истинному Богу возможно идолопоклонническое отношеніе». И, съ другой стороны, — «нельзя Бога мыслить подобнымъ камню. Богъ не страдающій былъ бы несовершеннымъ и ущербнымъ Богомъ». И божество нуждается въ «кенезисѣ, уничиженіи, умаленіи, истощеніи».

Вмѣстѣ съ «небеснымъ монархизмомъ» и «имперіализмомъ» Бердяевъ особенно страстно изобличаетъ, — элеатское, «рабье поклоненіе» бездвижному и безтрагичному Богу. — «Путь» № 7.

Кто только ни осмысливалъ у насъ дѣйствительность! И какъ только ея ни осмысливали!

Въ новѣйшемъ «переосмысливаніи» русской революціи Ф. А. Степуна чувствуется довольно почтенная старина. Оно заставляетъ вспомнить другое «осмысливаніе» русскаго духа и русской исторіи, произведенное больше полувѣка тому назадъ Достоевскимъ. Величайшему изъ тайновидцевъ духа упорно не давалась историческая плоть, никакъ не раскрывалась тайна политической матеріи. И онъ оказался въ ряду наиболѣе неудачныхъ прорицателей историческихъ судебъ Россіи. Не въ злободневно-политическомъ «Дневникѣ Писателя», а въ потрясающихъ своихъ «Запискахъ изъ подполья» писалъ онъ еще въ 1864 г.:

«У насъ, русскихъ, вообще говоря, никогда не бывало глупыхъ надзвѣздныхъ нѣмецкихъ и особенно французскихъ романтиковъ, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, хоть земля подъ ними трещи, хоть погибай вся Франція на баррикадахъ, — они все тѣ же, даже для приличія не измѣняются и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ сказать, по гробъ своей жизни»...

Здѣсь, какъ и позднѣе, Достоевскій кичился — и совершенно напрасно кичился — передъ Европой. Онъ самъ оказался не чуждъ той «надзвѣздной романтики», надъ которой издѣвался, какъ надъ нелѣпой французо-нѣмецкой выдумкой. И тутъ его пророчество не сбылось, какъ не сбылась его увѣренность въ томъ, что Россіи суждено сказать Европѣ свое слово, а Европѣ — еще до этого быть залитой кровью; что «Птица Каганъ» прилетитъ не на «русскіе просторы», а на европейскую «тѣсноту», и «хрустальный дворецъ» для низшей братіи будетъ построенъ «на крови и ненависти» не у насъ, а у нихъ... Ничего изъ всего этого съ Европой не приключилось или — сбылось какъ разъ обратное тому, о чемъ пророчествовалъ Достоевскій.

И надзвѣздной романтики оказалось у насъ больше, чѣмъ нужно, и гораздо пагубнѣе были ея плоды у насъ, чѣмъ во всей прочей Европѣ. Это про нашихъ, отечественныхъ романтиковъ, а не о французскихъ и тѣмъ менѣе нѣмецкихъ, можно сказать: «хоть земля подъ ними трещи, хоть погибай вся Россія на баррикадахъ, они все тѣ же и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ сказать, по гробъ своей души»...

Конечно, полнаго тождества между романтикой русской и французской или нѣмецкой нѣтъ и не можетъ быть. Но нѣтъ ея и между революціями. Разница есть и тутъ, и тамъ. Но разница количественная, по размаху и глубинѣ, а не по какому-то особенному смыслу, да еще религіозному, якобы впервые открывшемуся міру въ грязи и крови большевицкаго Октября.

Когда Достоевскій говорилъ: «Въ русскомъ народѣ, въ сущности, кромѣ православной идеи нѣтъ никакой», — это было такой же надзвѣздной романтикой въ чистомъ видѣ, какъ и утвержденіе Степуна (воспроизводящее буквально большевицкій штампъ) — «Русскій народъ возсталъ на царя и Бога во славу Маркса и Интернаціонала». Оба тезиса, обратно противоположные по содержанію, схожи «структурно», по надзвѣздно-романтическому своему, ирреальному существу.

М. В. Вишнякъ.

Изъ исторіи гражданской войны

Успѣхъ войны во всѣ времена и у всѣхъ народовъ обуславливался не только живою силой или численностью штыковъ, а и тѣми, по убѣжденію многихъ, мертвыми и отвлеченными идеями, во имя которыхъ войны велись, — тѣми ц ѣ л я м и, которыя войнѣ ставились.

Эволюція во времени и культурѣ народовъ шла въ двоякомъ направленіи: по линіи видоизмѣненія содержанія этихъ идей и цѣлей, ихъ смягченія и усложненія, и по линіи большаго захвата ими вглубь и вширь воюющихъ на фронтѣ и въ тылу, въ увлеченіи идеями и цѣлями борьбы, въ предѣлѣ, — всей страны. Какъ правило, выигрывала войну та сторона, у которой сильнѣе оказывались «нервы» — производное отъ общаго состоянія «духа» и «морали» бойцовъ, отъ степени ихъ увѣренности въ своей правотѣ и неправотѣ противника.

Еще существеннѣе и яснѣе роль идей и цѣлей въ борьбѣ не съ внѣшнимъ противникомъ, а внутри страны. Здѣсь онѣ уже не нѣкое идеологическое лишь «сопровожденіе» къ главному, физическому столкновенію противоборствующихъ національно-государственныхъ единствъ. Наоборотъ, здѣсь физическое столкновеніе сопровождаетъ главное, что составляетъ смыслъ и содержаніе гражданской войны — борьбу за одни учрежденія, системы и методы управленія и уничтоженіе другихъ; за отвращеніе отъ однѣхъ, мнимыхъ или ложныхъ цѣнностей и привлеченіе къ другимъ, подлиннымъ. Интересы питаютъ, конечно, и гражданскую войну. Но только «души», опредѣленное состояніе сердецъ и умовъ ее родятъ и убиваютъ.

На опытѣ не завершенной еще Россіей гражданской войны имѣли мы прискорбную возможность провѣрить правильность этого обобщенія.

Мы видѣли, какъ фанатически стойко боролись за людскія души большевики, какъ виртуозно использовали они свою систему идей, какъ удавалось имъ овладѣвать

людскими душами, и какъ, зачастую, безпомощно вялы и жалки въ своей неувѣренности оказывались противники большевиковъ. Они сами въ этомъ позднѣе признавались. Жалки бывали не только способы агитаціи и пропаганды, которыми пытались дискредитировать большевицкую идеологію и защитить свою. Безпомощнымъ и лицемѣрнымъ зачастую бывало самое содержаніе антибольшевицкой идеологіи.

Какими только лозунгами ни прикрывалось — искренне и лицемѣрно — антибольшевицкое движеніе! Но одни изъ этихъ лозунговъ были слишкомъ общи: кто не взывалъ къ «народу» и кто не думалъ, что онъ радѣетъ объ «отечествѣ» *): и большевики давно уже смотрятъ на Россію, какъ на с в о е отечество, какъ на родину Совѣтовъ и всѣхъ трудящихся! Другіе, слишкомъ явно односторонніе, исходили изъ интересовъ лишь опредѣленнаго класса, національности или партіи или только такимъ интересамъ шли навстрѣчу.

Правда, ни одна идея, противопоставленная большевизму, не побѣдила. Этимъ отнюдь не доказана, однако,

---

*) Въ «Быховскомъ Альбомѣ», составленномъ ген. Корниловымъ и его сотоварищами, имѣется слѣдующая запись виднаго вождя и «идеолога» бѣлой борьбы ген. Лукомскаго:

«Въ іюнѣ 1790 г. на одномъ изъ засѣданій Учредительнаго Собранія правая сторона возражала противъ права рѣшать вопросы о конституціи страны. Мирабо отвѣтилъ такъ: «Вы всѣ помните слова великаго человѣка древности, пренебрегшаго законными формальностями, чтобы спасти отечество. На вопросъ трибуна, соблюлъ ли онъ законъ, онъ отвѣчалъ: клянусь я спасъ отечество! Господа (обращаясь къ депутатамъ общинъ), клянусь, что вы спасли Францію!» — Ген. Корниловъ и «корниловцы» могутъ смѣло сказать: «Клянемся, что въ своихъ дѣйствіяхъ мы руководствовались лишь тѣмъ, чтобы спасти Россію!» — (См. «Бѣлое Дѣло. — Лѣтопись бѣлой борьбы». Подъ ред. А. А. фонъ-Лампе. Т. II).

Ген. Лукомскій, видимо, и не замѣтилъ рискованности не только своего сравненія съ Мирабо, но и главнаго, — что «корниловцы», и онъ въ томъ числѣ, лишь «руководствовались» тѣмъ, чтобы спасти отечество, тогда какъ римляне и **фактически** его спасли; «корниловцы», и среди нихъ Лукомскій, **въ предвидѣніи** неосуществленнаго ими спасенія заявляли о своемъ «пренебреженіи» къ законнымъ формальностямъ, тогда какъ римляне сначала спасли отечество, а **уже потомъ** добивались **отпущенія своихъ беззаконій**...

Только и вся разница!

жизнеспособность или тѣмъ болѣе истинность большевизма. Нѣтъ, какъ и 12 лѣтъ тому назадъ, продолжаемъ мы быть убѣждены не только въ политической вредоносности большевизма, но и въ исторической его обреченности. Всеобщее пораженіе доказываетъ лишь всеобщность ошибокъ. Но ошиблись мы не въ большевизмѣ, котораго якобы не дооцѣнили, а въ томъ, что большевизму было противопоставлено и что мы, дѣйствительно, переоцѣнили. Переоцѣнили мы, въ частности, и дѣйственность той идеи, которая политически, какъ предѣльное отрицаніе тому, что составляетъ существо большевизма, только и могло быть ему противопоставлено, — идеи Учредительнаго Собранія.

Большевики были иниціаторами гражданской войны. Они сдѣлали ее методомъ своего политическаго управленія. Но къ побѣдѣ они пришли подъ самыми пасифистскими лозунгами: во имя ликвидаціи внѣшней, «имперіалистской» войны и для «обезпеченія» созыва Учредительнаго Собранія, который саботируетъ буржуазія, противящаяся безкровному удовлетворенію справедливыхъ нуждъ народа. Главная же причина затянувшагося уже на 12 лѣтъ Октябрьскаго торжества заключается въ томъ, что, разъ обманутый, народъ потерялъ уже вкусъ и вѣру въ возможность устроенія своихъ судебъ путемъ междуусобной войны. Какъ бываетъ и въ индивидуальной жизни, страхъ смерти или ужасовъ гражданской войны оказался «страшнѣе» или сильнѣе самой смерти, — перманентной войны, синонима и сущности большевизма.

Органическіе и принципіальные ненавистники гражданской войны и большевиковъ, мы все же недооцѣнили мѣры отталкиванія отъ нея русскихъ народныхъ массъ. Въ этомъ отталкиваніи, можетъ быть, было меньше отъ моральнореволюціоннаго толстовскаго «непріятія насилія», нежели отъ примитивнаго консерватизма, формулированнаго еще Монтэнемъ «Всякое существующее правительство лучше грядущаго уже тѣмъ, что оно существуетъ»... Можетъ быть, здѣсь вообще было больше не отъ разума, а отъ инстинкта, отъ недостаточности гражданскаго воспитанія и шкурной корысти. Какъ бы ни было, но рѣшающій факторъ въ гражданской войнѣ — народъ, народъ этой войны упорно не принималъ, пересталъ принимать войну на всѣхъ фронтахъ или принималъ ее, какъ исключеніе, только въ рѣдкіе моменты и на недолгій срокъ.

Этотъ непреложный фактъ подтверждается неудачами на всѣхъ антибольшевицкихъ фронтахъ. Онъ подтверждается и постоянствомъ встрѣчныхъ «миграцій» красныхъ къ бѣлымъ и бѣлыхъ къ краснымъ, въ зависимости отъ обозначившагося мѣстнаго успѣха, и стихійнымъ накопленіемъ «зеленыхъ» и всевозможныхъ «партизанъ», не принимавшихъ Колчака или Деникина, но не капитулировавшихъ и передъ Ленинымъ.

Большевики сумѣли сыграть — и выиграть — на влеченіи къ миру во время войны. Сумѣли они сыграть — и пока что остаться въ выигрышѣ — и на отталкиваніи отъ гражданской войны въ періодъ повсемѣстнаго ея торжества. Это не отмѣняетъ того, что для ликвидаціи революціи и выхода пореволюціонной жизни изъ хаоса фактическихъ отношеній на путь стабилизаціи и права, гражданской войнѣ можетъ быть по прежнему противопоставлена лишь система гражданскихъ свободъ и самоопредѣленіе народа чрезъ избранное на демократическихъ началахъ представительство.

Незамѣнимость этой идеи никакою другой подтверждается косвенно и тѣмъ, что даже закоренѣлые ея враги, испробовавъ всѣ другія идеи и цѣли, начавъ съ проклятій и хулы по адресу Учредительнаго Собранія, какъ доктринерской выдумки безотвѣтственныхъ политикановъ, кончали тѣмъ, что сами къ этой же идеѣ обращались, славили ее и благословляли, несмотря на то, что благословеніе въ ихъ устахъ звучало лицемѣрной данью, которую порокъ, съ упущеніемъ всѣхъ сроковъ, приносилъ добродѣтели... Такъ было на всѣхъ фронтахъ антибольшевицкой борьбы: послѣ переворота Пуля-Чаплина, ближе къ миллеровской эвакуаціи, на сѣверѣ; послѣ переворота Нокса-Михайлова, во второй періодъ правленія Колчака въ Сибири; при Деникинѣ и Врангелѣ на югѣ; при Родзянкѣ и Юденичѣ послѣ «переворота» ген. Марча на, такъ называемомъ, сѣверо-западномъ или петроградскомъ фронтѣ.

То была Немезида всѣхъ могильщиковъ свободы и народоправства, обличавшая ихъ внутреннюю фальшь и ничтожество. Одержавъ надъ началами народоправства побѣду физически и внѣшне, они вынуждены были сами, втихомолку и украдкой, капитулировать передъ этими началами морально.

Мы не обманываемся въ популярности идеи Учреди-

тельнаго Собранія въ зарубежной или даже въ совѣтской Россіи. Выдвигая требованіе Учредительнаго Собранія в итогѣ своихъ неудачъ и послѣ того, какъ раньше они пробовали обойтись безъ него, правые круги, спасая себя, только компрометтировали идею Учред. Собранія. Съ другой стороны, не безгрѣшны были и лѣвые, пламенные и убѣжденные защитники У. С.: они далеко не всегда были свободны отъ ошибокъ и даже преступленій. Апологія Учредительнаго Собранія сейчасъ звучала бы явнымъ анахронизмомъ или предвосхищеніемъ грядущаго. Но это и не входитъ въ задачу настоящаго очерка. Его задача — воспроизвести страничку изъ исторіи гражданской войны, которая касается борьбы противъ большевиковъ не только во имя грядущаго Учредительнаго Собранія, но и именемъ и при активномъ участіи членовъ Учредительнаго Собранія, исторически единственно даннаго Россіи 17-го года.

Мы и не претендуемъ на то, чтобы дать исторію гражданской войны. Наша задача гораздо скромнѣе и уже, — подготовить элементы для нея. Мы останавливаемся, поэтому, не на хроникѣ событій, а на той политической линіи, которую вели «осколки» Учредительнаго Собранія въ борьбѣ противъ тѣхъ, кто поднялъ противъ него руку.

Побѣда осталась не за тѣми, кто защиту своихъ правъ сопрягалъ съ защитой прерогативъ У. С. не въ идеѣ только, но и in concreto. Надъ ними верхъ взяли тѣ, кто, какъ и большевики, находили положительное значеніе въ разгонѣ «неработоспособнаго», «эсэровскаго», «черновскаго» и проч. Учредительнаго Собранія. Обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія пораженіе «учредиловцевъ» въ ихъ борьбѣ противъ большевиковъ, представляются намъ поучительными не только исторически, но и политически. Можетъ быть теперь, когда вскрылись не только итоги побѣды надъ «учредиловцами», но явными стали и скрытые —и умышленно скрывавшіеся факты и процессы борьбы противъ нихъ, нелицепріятное общественное мнѣніе лучше разберется въ томъ, слѣдовало ли — слѣдуетъ ли по сей день? — пламень своего негодованія въ самый разгаръ гражданской войны направлять не противъ главнаго врага, большевиковъ, а противъ тѣхъ, кто ихъ «создалъ» и во время не сумѣлъ ликвидировать?

Теперь уже на опытѣ явлено, что диктатура, даже военная, адмиральская и генеральская, еще не гарантируетъ

успѣшной ликвидаціи большевиковъ. Теперь уже опытнымъ путемъ доказано, что ни одна политическая группировка не состоитъ изъ однихъ только праведниковъ, что Слащевы и Ключниковы встрѣчаются въ самыхъ крайнихъ антибольшевицкихъ группировкахъ, и что даже въ такой немногочисленной и, потому, подобранной партіи, какъ н.-с., діапазонъ расхожденія можетъ итти отъ И. П. Алексинскаго, возглавившаго самую правую, съ участіемъ Маркова 2-го, организацію, и до «смѣнившаго вѣхи» А. В. Пѣшехонова.

Въ свѣтѣ новаго опыта — не сейчасъ, такъ позднѣе — не потребуетъ ли объективный или претендующій на объективность историческій подходъ пересмотра взгляда на тѣхъ, кто искони знамя своей политической вѣры полагали въ народовластіи и гражданскихъ свободахъ и этому знамени пытались слѣдовать и въ жизни?

1.

Въ первомъ и послѣднемъ засѣданіи Учредительнаго Собранія, въ ночь на 6-ое января 18 года, большевицкіе ораторы съ полной отчетливостью опредѣлили создавшееся положеніе. Вы — по одну сторону баррикады, мы — по другую. «Вы въ одномъ мірѣ, съ кадетами и буржуазіей, мы въ другомъ мірѣ, съ крестьянами и рабочими», — говорилъ Скворцовъ-Степановъ. «Водораздѣлъ, который сейчасъ дѣлитъ все собраніе на два непримиримыхъ лагеря», это — «воля къ диктатурѣ трудящихся классовъ», къ «диктаторскому завоеванію политической власти». «Вопросъ о власти революціоннаго пролетаріата есть коренной вопросъ текущей дѣйствительности, который будетъ рѣшенъ гражданской войной», — предсказывалъ Бухаринъ.

Правильность обрисованной дислокаціи была тутъ же признана и представителемъ другого лагеря, или «міра», Церетели. И онъ констатировалъ, что «съ того времени, какъ вы (большевики) вступили на путь диктатуры меньшинства, линія гражданской войны прошла черезъ сердце демократіи». Уходя изъ Учредительнаго Собранія, объявивъ его «вчерашнимъ днемъ революціи», большевики предупредили, въ оглашенной Раскольниковымъ деклара-

ціи, что «покидаютъ это Учредительное Собраніе съ тѣмъ, чтобы передать совѣтской власти окончательное рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ контръ-революціонной части Учредительнаго Собранія»...

Война была объявлена оффиціально. Но въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ огонь шелъ въ одномъ только направленіи, — серьезнаго сопротивленія не было.

Большевики ушли. За ними потянулись лѣвые эсэры. А «контръ-революціонное большинство» Учредительнаго Собранія, въ крайней ночной спѣшкѣ старалось тутъ же въ Таврическомъ Дворцѣ закрѣпить исходныя позиціи для послѣдующихъ битвъ *). Запоздалое и тусклое петроградское утро развело враждующія стороны. А на слѣдующій день депутаты наткнулись уже на запертыя у дворцовыхъ воротъ рѣшетки, какъ это бывало и раньше, при роспускахъ врасплохъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы. Ленинъ въ 18-мъ году лишь повторилъ столыпинскіе образцы 6-го и 7-го г. г.Находя, что «трудящимся классамъ пришлось убѣдиться на опытѣ, что старый буржуазный парламентаризмъ пережилъ себя, что онъ совершенно несовмѣстимъ съ задачами осуществленія соціализма, что не общенаціональныя, а только классовыя учрежденія (каковы Совѣты) въ состояніи побѣдить сопротивленіе имущихъ», декретъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета постановилъ —: «Учредительное Собраніе распускается».

Отъ того, что Учредительное Собраніе было распущено волею непризнанной власти, этотъ актъ ни въ малой мѣрѣ не становился, конечно, правомѣрнымъ прежде всего въ глазахъ «контръ-революціоннаго большинства» Собранія, а затѣмъ, слѣдовало думать, и въ глазахъ всего антибольшевицкаго «міра». Однако съ самаго же начала два обстоятельства, способствуя подрыву авторитета Учредит. Собранія, сыграли въ руку тѣмъ, кто сталъ оспаривать право большинства Учредительнаго Собранія считать себя правомочнымъ представителемъ народнаго мнѣнія и воли.

Прежде всего — самый фактъ роспуска или неудачи окрылилъ противоположными настроеніями тѣхъ, кто до 6-го января именно въ У. С. и только въ немъ видѣлъ единственно возможную преграду большевицкому наси-

*) Ср. мою статью въ № 34 «Соврем. Записокъ».

лію. Чѣмъ сильнѣе была вѣра въ политическое чудо, надежды и ожиданіе, что отъ одного гласа У. С. падутъ устои захватнической власти, чѣмъ больнѣе было разочарованіе, тѣмъ кощунственнѣе стало безвѣріе, тѣмъ ожесточеннѣе сдѣлались нападки на потерпѣвшее пораженіе Собраніе. Съ первыхъ же дней послѣ его роспуска стало наростать это чувство недовольства, быстро переходившее въ возмущеніе, ненависть и даже презрѣніе. Эти чувства надолго захватили самые широкіе круги русской общественности. И исторія этой общественности должна зарегистрировать, какъ проявленіе крайней растерянности и паники, позорный фактъ открыто высказаннаго — и на протяженіи гражданской войны не разъ повтореннаго предпочтенія «учредиловцамъ» — тѣхъ, кто «Учредилку» разогналъ.

Было и другое обстоятельство, предрѣшившее недоброжелательство въ отношеніи къ «контръ-революціонному большинству Учредительнаго Собранія» со стороны даже самыхъ активныхъ антибольшевицкихъ круговъ.

Такъ случилось что подавляющее большинство въ Учредительномъ Собраніи принадлежало о д н о й партіи, окрашивало все учрежденіе въ одинъ эсэровскій цвѣтъ. И мало кто сумѣлъ возвыситься надъ собственной партійной предвзятостью и примитивнымъ сужденіемъ: такъ какъ Учредительное Собраніе «не мое», не моя партія отвѣтственна за его судьбы, то я могу оставаться къ нимъ равнодушнымъ, могу быть противъ него. Любопытно, что и сейчасъ, уже изъ историческаго далека такое сужденіе повторяется и даже въ обобщенной формѣ: Учредительное Собраніе не только фактически по своему личному составу было партійнымъ, оно и не могло стать всенароднымъ, разъ главенство въ немъ принадлежало одной партіи.

«Учредительное Собраніе при главенствѣ с.-р. фракціи становилось учрежденіемъ партійнымъ, а не всенароднымъ», утверждаетъ С. П. Мельгуновъ въ своей новѣйшей книгѣ: «Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны», 1929 г. Точно всенародность предполагаетъ непремѣнно «коалицію» партій и исключаетъ главенство одной партіи. Точно это не заурядн ѣйшее явленіе повсемѣстно, а въ англо-саксонскихъ странахъ, въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, — не правило и норма! Точно, если вмѣстѣ съ Мельгуновымъ считать «зависимость» У. С. «отъ настрое-

ній с.-р. партіи» достаточнымъ основаніемъ для признанія Учредительнаго Собранія «фикціей народовластія» и «дѣломъ партійнымъ», то не пришлось бы такой же «фикціей» признать и «администрацію» Хувера, Кулиджа, Вильсона и т. д., и всю систему англійскаго парламентаризма, въ частности, за время 1924 - 1929 г. г., когда главенство принадлежало безраздѣльно одной партіи консерваторовъ!..

Гораздо болѣе серьезной была цѣпь аргументовъ, направленная противъ необыкновенно парадоксальнаго положенія, созданнаго тѣмъ, что лѣвые эсэры, соучаствовавшіе въ роспускѣ У. С., прошли въ него по общимъ спискамъ съ распущеннымъ «контръ-революціоннымъ большинствомъ». Но и тутъ антибольшевики только повторили большевиковъ, на свой ладъ перетолковали одинъ изъ ленинскихъ «Тезисовъ объ Учредительномъ Собраніи», опубликованныхъ еще въ декабрѣ 17 года и утверждавшихъ, что «Учредительное Собраніе, созванное по спискамъ партій, существовавшихъ до пролетарски-крестьянской революціи, въ обстановкѣ господства буржуазіи, неминуемо приходитъ въ столкновеніе съ волей и интересами трудящихся и эксплоатируемыхъ классовъ, начавшихъ 25 октября соціалистическую революцію противъ буржуазіи. Естественно, что интересы этой революціи стоятъ выше формальныхъ правъ Учредительнаго Собранія» (Тез. 16-й) *).

Подготовленное Ленинымъ идеологически — получило свое реальное осуществленіе 6 января. Оно имѣло и свое продолженіе — по обѣ стороны баррикады.

Идея единства и безусловной общепризнанности У. С. потерпѣла крушеніе. У. С. самымъ непререкаемымъ образомъ раскололось. Его бытіе или возможность его бытія оказались связаны съ опредѣленной частью У. С. Сквозь общезначимое сталъ проступать моментъ личный, частичный, количественный. А техническія условія еще усугубили трудности. Въ разныхъ частяхъ необъятной Россіи, пересѣченной многочисленными фронтами внѣшней и внутренней войны, появились отдѣльные члены и группы членовъ У. С., дѣйствовавшіе то въ качествѣ «осколковъ» Учредительнаго Собранія, то въ качествѣ част-

*) См. «Тезисы объ Учредительномъ Собраніи» — всего 19 — в «Правдѣ» отъ 26-XII — 1917 г.

ныхъ лицъ, всячески старавшихся то поднять, то подорвать авторитетъ этого, по мнѣнію многихъ, не ко времени собравшагося Учрежденія.

И здѣсь русская революція пошла не тѣмъ путемъ, какимъ шли ея предшественницы, въ частности, революція англійская.

Когда 6 декабря 1648 г. было произведено извѣстное «Прайдово очищеніе» Долгаго Парламента, и одни руководители пресвитеріанской партіи были отправлены Прайдомъ въ тюрьму, а передъ другими былъ закрытъ доступъ въ Вестминстеръ, — народное представительство было унижено, но не уничтожено. Революція при Кромвелѣ развивалась при наличности парламентскаго «охвостья» изъ 60 членовъ индепендентовъ. «Очищенное» меньшинство вотировало преданіе суду Карла I и послѣ его казни провозгласило Англію «республикой безъ короля и лордовъ». Когда же Кромвель разогналъ силой и «Охвостье», въ 1653 году, революція въ сущности уже кончилась. То было лишь запоздалое выраженіе утвердившагося уже давно единодержавія лорда-протектора.

А когда, со смертью протектора, революціонныя настроенія вновь ожили, вновь ожило и «Охвостье», призванное, въ числѣ уже всего 42 депутатовъ, къ возглавленію борьбы противъ сына и наслѣдника Кромвеля — Ричарда. Въ этой борьбѣ, закончившейся отреченіемъ Ричарда Кромвеля и признаніемъ власти «Охвостья», послѣднее пріобрѣло большую популярность. Оно увеличилось и численно: въ его составъ вошло до 120 членовъ, и свыше 200 исключенныхъ ходатайствовали передъ спикеромъ, все тѣмъ же Ленталемъ, о возстановленіи въ прежнемъ званіи и правахъ.

Парламентъ принялъ рѣшеніе о самороспускѣ, назначенномъ на 7 мая 1660 г., когда истекалъ годъ со дня возстановленія парламента. Но естественная или законная смерть никакъ не давалась Долгому Парламенту. Недовольное офицерство, во главѣ съ «лѣвымъ» республиканцемъ Ламбертомъ, ликвидировало его испытаннымъ способомъ: 12 октября 1659 г. зданіе парламента было окружено и депутатовъ въ него не пустили. Однако, и на этомъ политическая роль парламента 1640 года не кончилась. Онъ снова сдѣлался орудіемъ борьбы и призомъ въ гражданской войнѣ между «правой», шотландской арміей Монка и «лѣвой», англійской арміей Флитвуда и Ламберта. «Призванный Бо-

гомъ и Его народомъ утвердить власть парламента», Монкъ оказался побѣдителемъ, и 26 декабря вновь возстановленное «Охвостье» собралось въ Вестминстерѣ. Уступая давленію Монка и другихъ, такъ называемыхъ, «реальныхъ» факторовъ, оно согласилось на возвращеніе въ свой составъ былого пресвитеріанскаго большинства. Одиннадцатилѣтнее правленіе индепендентовъ кончилось. Установленные ими съ декабря 1648 г. законы были пресвитеріанскимъ большинствомъ отмѣнены. Вмѣстѣ съ Монкомъ парламентъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, подготовилъ реставрацію Стюартовъ и 16 марта 1660 г. объявилъ себя, наконецъ, распущеннымъ.

Такъ кончилъ свои дни многократно «очищаемый» и вновь возстанавливаемый для новаго разгона многострадальный Долгій Парламентъ, свершившій полный кругъ: придя къ утвержденію того, что съ религіознымъ воодушевленіемъ онъ отрицалъ и разрушалъ въ теченіе почти 20 лѣтъ *).

Въ Россіи не оказалось ни «лѣваго» Кромвеля, ни «праваго» Монка, которые ухватились бы за Учредительное Собраніе или его «охвостье», какъ орудіе борьбы противъ большевицкихъ цѣлей. И главная къ тому причина, думается намъ, не въ слабости, неподготовленности и дефектахъ Учредительнаго Собранія, которые не приходится, конечно, отрицать, а въ политической близорукости и дефектахъ нашихъ «правыхъ» и «лѣвыхъ», — среди которыхъ не нашлось не только Кромвеля, но даже Монка.

«Чисткѣ» Учредительнаго Собранія большевики предпочли уходъ изъ него; образованію «Охвостья» и опорѣ на него — образованіе своей диктатуры подъ именемъ «диктатуры пролетаріата» и опору на Совѣты. Извѣстный американскій соціалистъ Морисъ Хилквитъ, не чуждый симпатій къ совѣтскому строю, правильно замѣтилъ, что если-бы большевики получили въ Учредительномъ Собраніи свое большинство, а Совѣты оказались въ рукахъ дру-

*) Нѣкоторую аналогію съ двадцатилѣтней жизнедѣятельностью Долгаго Парламента въ эпоху англійской революціи представляетъ въ современной китайской революціи парламентъ, избранный въ 1912 г. За 12 лѣтъ своего существованія онъ не разъ подвергался роспуску и возстановленію, то цѣликомъ, то въ видѣ очищеннаго отъ вредныхъ примѣсей «охвостья», для выработки конституціи или для избранія президента (Юаншикая), правительства (Сунъ-Ятъ-Сена) и т. д.

гихъ партій, — политическая судьба того и другого учрежденія была бы обратная: распущено было бы не ихъ Учредительное Собраніе, а чужіе Совѣты. И «всемірно-исторической формой» диктатуры пролетаріата была бы тогда провозглашена не власть Совѣтовъ, а власть Учредительнаго Собранія, именемъ котораго творилась бы, конечно, та же политика насилія, что и сейчасъ именемъ ЦИК-а.

Эту историческую случайность, неблагопріятную для большевиковъ, не доцѣнили или, во всякомъ случаѣ, не сумѣли противъ большевиковъ использовать ихъ противники. Диктатура РКП очень быстро переродилась въ единодержавіе «Ильича» — товарища-протектора русской революціи. А въ противовѣсъ ему справа возникла неизжитая и сейчасъ бѣлая мечта о замѣщеніи многоголовой красной власти бѣлымъ единоначаліемъ «верховнаго правителя», «главковерха», вообще «вождя» — царскаго или нецарскаго корня. Не только здѣсь, но и въ нѣкоторыхъ кругахъ передовой русской общественности создалось равнодушное, а иногда и сочувственное отношеніе къ самому факту разгона Учредительнаго Собранія, какъ частному дѣлу взаимоистребляющихъ другъ друга соціалистическихъ «кузеновъ».

Здѣсь водораздѣлъ прошелъ уже внутри противобольшевицкаго лагеря. «Фронтъ Учредительнаго Собранія» былъ и все время оставался рѣзко антибольшевицкимъ. И въ томъ его историческое и политическое оправданіе, неотмѣнимое никакими частными его изъянами и ошибками. Этотъ фронтъ былъ прорванъ не только спереди, большевиками, но и сзади — тѣми, кто счелъ себя въ силахъ вести борьбу одновременно на два фронта: и противъ большевиковъ, и противъ «учредиловцевъ», защищавшихъ, съ «мертворожденнымъ» Учредительнымъ Собраніемъ, вообще «мертвое дѣло».

Кто возмущается легкомысленной тактикой нѣкоторыхъ лѣвыхъ, пытавшихся направить свои усилія и противъ Ленина, и противъ Колчака или Деникина («Ни Ленинъ — ни Колчакъ!»), не въ правѣ забывать, что эта тактика не была оригинальна: она была заимствована у хронологически раньше ее примѣнившихъ, противъ ленинцевъ и «полуленинцевъ», правыхъ *).

*) «Соціалъ-демократы меньшевики и эсэры намъ столь же чужды и представляются намъ столь же вредоносными для русскаго государс

2.

Захватъ большевиками власти въ Октябрѣ поразилъ своею неожиданностью и, казалось, невозможностью самые широкіе круги лѣвой общественности. Едва ли не еще болѣе неожиданнымъ, несмотря на все происшедшее, оказался для тѣхъ же круговъ роспускъ Учредительнаго Собранія. Даже самые принципіальные противники гражданской войны, самые упорные защитники миѳа о «единствѣ» рабочаго класса и революціонной демократіи, отстаивавшіе раньше соглашеніе «отъ эн-эсовъ до большевиковъ», и тѣ не могли отрицать наличности — явной, вызывающей — casus belli. Вопросъ о вооруженной борьбѣ противъ большевиковъ сразу сталъ практически во всѣхъ лѣвыхъ организаціяхъ, партіяхъ и учрежденіяхъ, не пошедшихъ съ большевиками.

И острѣе всего онъ сталъ передъ партіей большинства въ Учредительномъ Собраніи, которой принадлежало большинство и во многихъ органахъ земскаго и городского самоуправленія, въ крестьянскихъ совѣтахъ, кооперативныхъ учрежденіяхъ и т. д. Серьезнаго сопротивленія большевицкому захвату широкія народныя массы не оказали. Не оказали они стихійно-дѣйственной поддержки и Учредительному Собранію. И поддержку, и сопротивленіе приходилось налаживать и организовывать.

Не приходится пространно доказывать, что для активной гражданской войны въ пореволюціонныхъ условіяхъ партія с.-р. была плохо приспособлена. Привнесеніе «этическихъ» элементовъ — fair play — въ борьбу даже противъ большевиковъ, не останавливавшихся передъ самыми крайними формами цинизма, предательства и жестокости; «народническое» отношеніе къ массовому движенію, — а Октябрь съ самаго начала былъ движеніемъ не т о л ь к о авантюристовъ, предателей и безумцевъ; всяческая — личная, организаціонная, теоретическая - чуждость «военщинѣ»; преданность демократическимъ формамъ гласности, коллективности, согласованной самодѣятельности и т. д., и т. п., — все это безмѣрно и изначально

веннаго бытія, какъ и большевики», — вспоминалъ позднѣе свои былыя политическія эмоціи Гурко. — См. «Архивъ русской революціи», т. XV, 14.

осложняло эс-эровскую борьбу противъ большевиковъ. Это необходимо признать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признать, однако, и то, что только борьба, возглавленная эс-эрами, имѣла передъ собой и за себя совершенно опредѣленную, общедоступную и немаскируемую ничьими и никакими планами политическую идею. Только идея всенароднаго и всероссійскаго народовластія могла служить пореволюціоннымъ противопоставленіемъ большевицкой идеѣ идеей адэкватнаго значенія. Одной идеи, разумѣется, было далеко недостаточно, — вопреки мнѣнію противниковъ, этимъ никогда не обольщались и самые якобы крайніе доктринеры, «эсэровскіе парламентаріи». Но далеко недостаточной была и безыдейная, голая борьба на истребленіе живой силы большевиковъ, которую рекомендовала и практиковала другая сторона.

Съ значительнымъ, правда, опозданіемъ теперь признаютъ это и наиболѣе искренніе и убѣжденные псалмопѣвцы бѣлой мечты.

«Противоположную крайность, излишнюю военщину», водворившуюся въ Сибири при «верховномъ правителѣ», въ своемъ историческомъ трудѣ признаетъ и его ближайшій сотрудникъ и біографъ Г. К. Гинсъ, несмотря на весь свой піэтетъ къ покойному Колчаку. Онъ объясняетъ эту крайность тѣмъ, что «адмиралъ больше всего ненавидѣлъ «керенщину» (См. «Сибирь, Союзники и Колчакъ». Т. I, стр. 4). А въ болѣе общей формѣ и по отношенію къ будущему признаетъ это сейчасъ и П. Б. Струве, едва ли не виднѣйшій идеологъ и бардъ бѣлой борьбы. «Будущее Россіи невозможно безъ военной диктатуры, въ сущности единственнаго по существу здороваго вида диктатуры, — пишетъ онъ въ своемъ «Дневникѣ Политика». Но оно не можетъ быть, даже въ рѣшающій переходной моментъ, построено только на такой диктатурѣ... Оглядываясь назадъ, я все яснѣе и яснѣе вижу, что слабость бѣлаго движенія, по сравненію съ коммунистически-большевицкимъ натискомъ, заключалась въ томъ, что оно слишкомъ замкнулось въ традиціонныя военныя рамки. Но я пойду еще дальше: никакая революціонная борьба не можетъ замкнуться въ однѣ только боевыя рамки, точно такъ же, какъ никакое веде-

ніе войны не можетъ ставить заданія и производить расчеты чисто и только военные». (См. «Россію и Славянство» отъ 24-VIII 1929).

Традиціонная для эс-эровъ «революціонная борьба» не замкнула и вооруженной борьбы противъ большевиковъ «въ однѣ только боевыя рамки». Въ этомъ было своеобразіе этой борьбы, въ процессѣ борьбы воспринимавшееся и толковавшееся друго-врагами справа, какъ органическій, первородный и неискоренимый эсэровскій грѣхъ и порокъ.

Роспускъ Учредительнаго Собранія заставилъ эсэровъ уйти въ подполье еще глубже, чѣмъ это пришлось сдѣлать послѣ неудачныхъ попытокъ сопротивленія большевикамъ въ октябрѣ. Открытыя выступленія подвергались преслѣдованію. Активно выступавшихъ арестовывали. И Бюро фракціи с.-р., и Междуфракціонный совѣтъ, въ который входили, помимо эс-эровъ, представители с.-д., н.-с., к.-д., мусульманъ, эстонцевъ, евреевъ, - собирались нелегально. Работу приходилось вести исподволь и туго. Надо было преодолѣвать безразличіе и пассивность, заблужденіе и шкурничество. Эта работа производилась и до роспуска У. С. для его защиты. Еще тогда пробовали отбирать изъ солдатской и офицерской массы сознательныхъ и активныхъ, сколачивать одиночки въ группы. Пробовали искать и цѣлыя воинскія части внѣ Петрограда. Но всѣ эти начинанія кончались неудачей, наталкивались на распространенное «непріятіе» войны, на провокацію и насиліе большевиковъ, на отравленную атмосферу петроградскаго гарнизона.

Тотъ же кустарный порядокъ практиковался и въ первые мѣсяцы послѣ роспуска У. С. Становилось очевиднымъ, что требуется извѣстное в р е м я не столько, можетъ быть, для того, чтобы съ обезкураживающей медленностью накопить сколько-нибудь значительныя силы противъ большевиковъ, сколько для того, чтобы хоть нѣсколько разсѣялся угаръ навѣянныхъ иллюзій и онѣ были бы изжиты, хотя бы наиболѣе отзывчивыми и активными слоями населенія. Нужно было и иное м ѣ с т о, не центральное средоточіе большевицкихъ силъ и надзора — Петроградъ, а другой «плацдармъ».

Междуфракціонный совѣтъ отвергъ предложеніе открыть засѣданія Учредительнаго Собранія «подъ охраной рабочихъ» на Семяниковскомъ заводѣ. Онъ отправилъ

эмиссаровъ на Украину, въ Кіевъ и Екатеринославъ, въ Сибирь и на Кавказъ выяснить обстановку, нельзя ли тамъ возобновить работу У. С. и развернуть борьбу противъ совѣтской власти. Приблизительно въ это же время движеніе нѣмецкой арміи заставило и большевиковъ вмѣстѣ со всѣми совѣтскими учрежденіями покинуть Петроградъ. Въ Москву перемѣстились и всѣ антибольшевицкіе центры и штабы, политическіе и военные. Тамъ стали зарождаться и складываться организаціи, которымъ въ послѣдующемъ ходѣ гражданской войны пришлось сыграть серьезную роль: Союзъ Возрожденія Россіи съ оріентаціей во внѣшней политикѣ на союзниковъ, а во внутренней — на многочисленную Директорію и созывъ Учредительнаго Собранія; такъ называемый, Правый Центръ съ оріентаціей на нѣмцевъ и единоличную военную диктатуру, выдѣлившійся изъ «Праваго Центра» «Національный Центръ» съ оріентаціей на союзниковъ, на трехчленную директорію и несвоевременность самой постановки вопроса объ Учредительномъ Собраніи.

На фонѣ всеобщей растерянности и противорѣчивой пестроты мнѣній и настроеній активность эсэровъ выдѣлялась особенно отчетливо. Это слѣдуетъ изъ показаній такихъ недруговъ эсэровъ, какъ Гурко, Гинсъ и Деникинъ. Гурко удостовѣряетъ, что «крайне правыя группы въ то время находились въ полной изолированности и никакими реальными орудіями борьбы не обладали». Для него было «ясно, что если московская военная организація страдаетъ отъ отсутствія общепризнаннаго авторитетнаго военнаго вождя, то петербургская вовсе не существуетъ». («Архивъ Русской революціи», т. XV, стр. 12 и 18). Гинсъ свидѣтельствуетъ, что «изъ политическихъ организацій наибольшую активность проявили с.-р.-ы. На Волгѣ они успѣшно агитировали въ пользу У. С., въ Сибири — въ пользу сибирскаго правительства» (I, 59). О томъ же пишетъ и ген. Деникинъ: «Работа (партіи соціалъ-революціонеровъ) въ этомъ направленіи (перехода къ открытой борьбѣ съ совѣтской властью и «сверженію германскаго насилія») велась съ большой энергіей, въ особенности въ Заволжьи и въ Сибири. Повсемѣстно образованные комитеты с.-р. брали на себя иниціативу подготовки возстанія. И такъ какъ всѣ другія политическія организаціи оставались бездѣятельными или склонялись къ соглашательству съ большевиками, то вокругъ с.-р.-овъ

начали группироваться противобольшевицкіе элементы, зачастую имъ совершенно чуждые» («Очерки Русской Смуты». Т. III, стр. 94).

Это послѣднее обстоятельство — группировка вокругъ эсэровъ элементовъ имъ чуждыхъ — въ дальнѣйшемъ оказалось чревато весьма пагубными послѣдствіями. Тѣ самые круги, которые, по свидѣтельству Деникина, «оставались бездѣятельными или склонялись къ соглашательству съ большевиками» въ первый, подготовительный, наиболѣе трудный періодъ борьбы, позднѣе, когда этотъ этапъ сравнительно благополучно былъ пройденъ, свой активистскій азартъ обратили въ первую очередь противъ тѣхъ, кто «брали на себя иниціативу подготовки возстанія» на сѣверѣ и на востокѣ, въ Заволжьи и въ Сибири. А «бездѣятельность» и «склонность къ соглашательству съ большевиками» стали обычными пунктами обвиненія противъ эсэровъ со стороны именно тѣхъ, кто уклонялись отъ борьбы съ большевиками въ первоначальную ея фазу.

Мы не имѣемъ возможности останавливаться на перечнѣ событій, изо дня въ день подготовлявшихъ моментъ открытаго выступленія противъ совѣтской власти. Но достаточно взять любую сводку, хотя бы «Хронику гражданской войны въ Сибири. 1917 - 1918», составленную В. Максаковымъ и А. Туруновымъ и выпущенную Госиздатомъ въ 1926 г., чтобы, по регистраціи болѣе крупныхъ фактовъ и событій, получить представленіе о характерѣ и величинѣ произведенной работы, — неблагодарной, глухой и невидимой въ теченіе мѣсяцевъ.

До окраинъ и, въ частности, до Сибири Октябрь докатился съ нѣкоторымъ запозданіемъ и не въ столь агрессивной формѣ сразу. Уже Учредительное Собраніе было распущено, когда въ Томскѣ собралась Сибирская Областная Дума, въ которой большинство оказалось за тѣми же эсэрами. Правда, весьма скоро и Сибирской Думѣ пришлось уйти въ подполье отъ преслѣдованій совѣтской власти. Въ ея средѣ произведены были многочисленные аресты. На нелегальномъ собраніи членовъ Думы 27 января было составлено «Обращеніе ко всѣмъ трудящимся Сибири», въ которомъ заявлялось, что «отнынѣ вся полнота власти въ Сибири принадлежитъ подлиннымъ избранникамъ трудящихся и народовъ Сибири — Временной Сибирской Областной Думѣ». Для осуществленія этой власти

было избрано въ порядкѣ спѣшности Временное Сибирское Правительство *). А для организаціи борьбы противъ «большевицкихъ палачей» и «насилія ленинскихъ жандармовъ» черезъ нѣсколько дней создался «Западно-сибирскій комиссаріатъ» сибирскаго правительства, въ который въ качествѣ «уполномоченныхъ», вошли члены Учредительнаго Собранія эсэры: Б. Марковъ, П. Михайловъ, М. Линдбергъ и предсѣдатель томской уѣздной земской управы В. Сидоровъ. Центръ военной организаціи намѣченъ былъ въ Ново-Николаевскѣ съ опорными пунктами въ Иркутскѣ, Томскѣ, Барнаулѣ, Омскѣ, Семипалатинскѣ, Челябинскѣ. Выпущенная тогда же отъ имени Сиб. Думы «Декларація» устанавливала, что «Всѣ силы и средства Дума отдаетъ для защиты и скорѣйшаго возобновленія работъ Всер. Учр. Собранія, признавшаго закономъ о федеративномъ устройствѣ Россійской демократической республики автономію Сибири и другихъ частей государства».

Необходимо отмѣтить, что какъ разъ въ это время въ эсэровскихъ умонастроеніяхъ отчетливо зазвучалъ патріотическій мотивъ, идея общенаціональнаго служенія и отвѣтственности за государственныя судьбы вмѣстѣ съ болѣе трезвымъ и реалистическимъ подходомъ къ осуществленію своихъ задачъ. Если Временное Правительство держалось исключительно на моральномъ признаніи; если совѣтская власть держится на физическомъ насиліи, то грядущая новая власть должна возсоединить силу моральнаго авторитета съ возможностью реальнаго подчиненія себѣ, должна слить воедино моментъ нравственный и силовой.

Эти умонастроенія возникли въ извѣстной мѣрѣ стихійно, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ Октября и Бреста, какъ прямая реакція противъ распада Россіи и всеобщаго разложенія. Въ утвержденіи этихъ умонастроеній значительная роль принадлежала фракціи членовъ Учредительнаго Собранія и ея Бюро, по личному своему составу болѣе «правому», чѣмъ возглавлявшій партію Ц. К., а по условіямъ момента болѣе него вліятельно-

*) Въ правительство были избраны: П. Дерберъ (премьеръ и министръ земледѣлія), П. Вологодскій (мин. иностр. дѣлъ), А. Краковецкій (военный), А. Новоселовъ (внутр. дѣлъ), В. Крутовскій (здравоохраненія), И. Михайловъ (финансовъ), Г. Патушинскій (юстиціи), И. Серебренниковъ (снабженія и продовольствія), Уструговъ (путей сообщенія), М. Шатиловъ и др.

му *). Эти настроенія не покидали партіи уже въ теченіе всей послѣдующей борьбы противъ большевиковъ. Недостаточно яркія въ дооктябрьскій періодъ революціи, настроенія эти снова поблекли и упали послѣ ударовъ, нанесенныхъ съ тыла, такъ называемыми, государственномыслящими элементами.

Національно-государственнаго сознанія не приходилось искать у большевиковъ: они отрицали его принципіально и до конца. Оно оказалось, увы, только на языкѣ у тѣхъ, кто его именемъ и во имя него только и хотѣлъ дѣйствовать. Патріотическія усилія правыхъ приложились къ космополитическимъ дѣйствіямъ лѣвыхъ, и «третья сила», молодая, недостаточно опытная, демократическая Россія оказалась вышибленной изъ сѣдла на долгіе годы.

Эти національно-государственныя умонастроенія эсэровъ получили свое оформленіе на партійномъ, по счету VIII-мъ, Совѣтѣ, собравшемся въ полулегальныхъ условіяхъ въ Москвѣ въ маѣ 18 года. Совѣтъ постановилъ, что «Основной задачей всей русской демократіи является борьба за возстановленіе независимости Россіи и возрожденіе ея національно-государственнаго единства на основѣ разрѣшенія соціально-политическихъ задачъ, выдвинутыхъ февральской революціей». Бюро фракціи Учредительнаго Собранія вмѣстѣ съ Ц. К. партіи подчеркивали, что «Положеніе выдвигаетъ на первый планъ прежде всего задачу спасенія страны отъ конечной гибели, возвращеніе ей единства и самостоятельности въ рамкахъ независимой демократической государственности, безъ которой не можетъ быть мѣста спасенію соціальныхъ завоеваній революціи. Для спасенія страны необходимы крайнее напряженіе силъ всего народа, подъемъ національнаго самосознанія и концентрація народныхъ силъ вокругъ задачи спасенія родины и революціи». (См. «Тезисы, одобренные бюро фракціи с.-р. У. С. въ совмѣстномъ засѣданіи съ центральнымъ комитетомъ п. с.-р. «въ «Народовластіи»

*) Въ избранномъ фракціей 23 декабря 17 г. Бюро, изъ 25 человѣкъ — Чернова, Фондаминскаго, Руднева, Зензинова, Пумпянскаго, Коварскаго, Вишняка, Ельяшевича, Маслова Сергѣя, Архангельскаго, Колерова, Тимофеева, Дѣдусенко, Слетовой, Кругликова, Гендельмана Сорокина, Аргунова, Шрейдера, Лихача, Покровскаго, Лотошникова, Романенко, Быкова и Розенблюма, — только одинъ Черновъ былъ «лѣвымъ»; всѣ остальные, если не считать лично мнѣ неизвѣстныхъ Романенко и Быкова,—находились на «правомъ» флангѣ партіи

№ 2. — Подъ этимъ названіемъ выходили въ то время въ Москвѣ «Сборники статей членовъ Учредительнаго Собранія фракціи соціалистовъ-революціонеровъ»).

Этотъ тезисъ становится главенствующимъ для всей дѣятельности партіи. Его постоянно варьируютъ во всѣхъ рѣчахъ и статьяхъ, оффиціальныхъ декларацiяхъ и прокламаціяхъ, въ «нотахъ» и, позднѣе, законодательныхъ актахъ. Онъ сказывается не только на пропагандистской или идеологической сторонѣ дѣятельности, но и на практически-организаціонной: въ молчаливомъ перемиріи со всѣми ведущими противобольшевицкую борьбу и въ «соглашательской» готовности «координировать» дѣйствія съ любыми группировками и организаціями, дорожащими національно-государственнымъ единствомъ Россіи и не выступавшими агрессивно противъ Февраля. А согласовывать дѣйствія приходилось не только съ партіями, но и съ безпартійно-политическими объединеніями различныхъ народностей, возникшими ad hoc «Союзами», профессіональными организаціями, финансировавшими движеніе кооперативными учрежденіями и т. д. Согласовывать дѣйствія приходилось и съ военно-техническими формированіями, — а кто только не занимался такими формированіями въ Москвѣ 18 года!.. Приходилось вести переговоры и заключать неписанныя соглашенія и съ оффиціальными и неоффиціальными, дипломатическими и военными, представителями союзныхъ миссій.

Съ помощью военныхъ спеціалистовъ, иногда занимавшихъ весьма высокіе «оперативные» посты во время войны и эсэрамъ въ большинствѣ случаевъ политически чуждыхъ, создана была законспирированная организація изъ нѣсколькихъ тысячъ вооруженныхъ людей, жившихъ въ разныхъ частяхъ Москвы и готовыхъ выступить по сигналу. Въ организацію входили демократически настроенное офицерство (въ меньшинствѣ), демобилизованные солдаты и рабочіе, сохранившіе свой боевой пылъ или получившихъ новый его зарядъ отъ ноябрьскаго разгрома большевиками Москвы. Члены организаціи составляли свои «пятки» и «десятки», входившіе въ связь съ цѣлымъ чрезъ представителей. Большевицкій аппаратъ и «сексоты» еще не были вездѣсущи, и возможна была не только идиллія воинскаго смотра въ церкви во время богослуженія, возможно было и направленіе якобы для демобилизаціи небольшихъ воинскихъ частей согласно приказу не

центральныхъ совѣтопослушныхъ властей, а непосредственнаго антибольшевицкаго начальства...

Представитель саратовской организаціи с.-р. А. И. Альтовскій сообщилъ на майскомъ Совѣтѣ, что крестьянское Поволжье поднимается противъ большевиковъ. Еще болѣе конкрстны были свѣдѣнія, доставленныя изъ Вольска поручикомъ В. В. Соколовымъ, членомъ партійной военной организаціи, и изъ Самары членомъ Учредительнаго Собранія Б. К. Фортунатовымъ. Эсэры потянулись на Волгу.

3.

Мы не имѣемъ возможности — да и не ставимъ себѣ задачи — изложить фактическую обстановку и технико-организаціонную сторону дѣла, крайне спутанную, но исторически исключительно интересную. Слѣдуя своей задачѣ, болѣе узкой и спеціальной, мы должны зато остановиться нѣсколько подробнѣе на томъ частномъ вопросѣ, которому суждено было стать однимъ изъ главныхъ политико-идеологическихъ камней преткновенія на путяхъ антибольшевицкой борьбы. Объ этотъ камень разбились не эсэровскія только надежды и упованія. Но онъ жестоко отмстилъ за себя и тѣмъ, кто именно въ немъ видѣлъ чуть ли не главную помѣху къ успѣшному одолѣнію большевизма. Убранный вмѣстѣ съ эсэрами съ широкихъ путей общенаціональной борьбы съ большевиками, камень этотъ потянулъ и увлекъ за собою въ пучину и тѣхъ, неразумныхъ строителей, которые отвергли его.

Мы говоримъ о вызывавшемъ сначала споры, а потомъ расколъ и насильственный переворотъ — возстановленіи распущеннаго большевиками Учредительнаго Собранія.

Такое возстановленіе не вызывало ни въ комъ особаго энтузіазма. Даже въ эсэрахъ. И они, конечно, сознавали техническія, психологическія и политико-правовыя трудности, возникавшія на этомъ пути. Они отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что перевыборы Учредительнаго Собранія диктуются всей обстановкой: не только въ силу порочности выборовъ по общепартійнымъ спискамъ людей, послѣ выборовъ разошедшихся по разныя стороны баррикады; не только вслѣдствіе самоустраненія изъ Учредительнаго Собранія большевиковъ и лѣвыхъ эсэровъ,

— четверти всего числа избранныхъ членовъ У. С.; но и вслѣдствіе того, что измѣнившіяся подъ вліяніемъ происшедшаго воля народа и мнѣніе избирателя требовали «провѣрки» и, возможно, «исправленія».

Однако, при большевикахъ новые выборы въ У. С. были, конечно, исключены. Исключены были и обычные для мирнаго времени выходы изъ положенія и за отсутствіемъ возможности лучшаго приходилось руководиться не тѣмъ, что лучшее врагъ хорошаго, а тѣмъ, какое зло является меньшимъ или какое изъ явно несовершенныхъ благъ — менѣе несовершенно. И тутъ, въ процессѣ незавершенной внѣшней войны и развертывавшейся войны гражданской, при всѣхъ неоспоримыхъ дефектахъ Учредительнаго Собранія 17 года, оно все же являлось слишкомъ цѣннымъ и незамѣнимымъ орудіемъ, чтобы защитники интересовъ Россіи и народовластія могли или должны были добровольно отъ него отказаться.

Это оказалось бы на руку только большевикамъ и заключившему договоръ съ ними, а не съ Россіей, внѣшнему противнику. Ибо Учредительное Собраніе оставалось знаменемъ демократіи и воплощеніемъ демократическаго принципа. Какъ Всероссійское, оно оставалось символомъ единства Россіи, залогомъ реальной связи ея народовъ и въ будущемъ. Оно оставалось, наконецъ, единственной правообразующей силой, источникомъ права и власти. Конечно, были пути, которые шли и мимо Учредительнаго Собранія. Но то были пути произвольные и насильственные.

Все это было настолько самоочевидно, что могло бы стать общепризнаннымъ, если бы разгорѣвшіяся партійныя страсти, отталкиваясь отъ эсэровъ, не стали бы отталкиваться и отъ того учрежденія, въ которомъ у эсэровъ оказалось большинство; если бы не возникало соблазна сказать о политическомъ противникѣ, что онъ потому цѣпляется за «фикціи» и «миѳы», потому хочетъ «гальванизировать политическій трупъ», что этотъ трупъ его собственный, эсэровскій; если бы хоть сколько-нибудь добросовѣстно задумались надъ тѣмъ, что отъ того, что было, къ тому, что это же неминуемо и будетъ, нѣтъ достаточныхъ основаній ни логическихъ, ни историческихъ: если Учредительное Собраніе не одержало побѣды надъ совѣтской властью 6 января, съ одного маха, это еще не

значило, что оно и вообще непригодно для борьбы противъ большевиковъ.

Между тѣмъ именно такъ, не всегда добросовѣстно, очень рѣдко считаясь съ логикой и исторіей, за то всегда исходя изъ предвзятыхъ политическихъ и даже партійно-политическихъ посылокъ, разсуждало большинство не заядлыхъ только реакціонеровъ, но и исконныхъ либераловъ, кой-кто даже изъ отчаявшихся соціалистовъ. Ученые и публицисты пошли дружнымъ походомъ противъ «неисправимыхъ фантазеровъ, ничего не забывшихъ и ничему не научившихся», неспособныхъ «разстаться съ старыми фетишами, какъ дикарь со старымъ амулетомъ». Въ этомъ походѣ торгово-промышленное «Утро Россіи» соперничало съ только что народившимся, при участіи Бердяева, Вал. Брюсова, Бѣлоруссова, Ключникова, Кизеветтера, Струве, Устрялова и др., еженедѣльникомъ «Наканунѣ»; а отъ нихъ не отставали и демократически-интеллигентскія «Русскія Вѣдомости».

Совсѣмъ еще недавно славословившій и революцію, и Учредительное Собраніе проф. Устиновъ поспѣшилъ съ наукообразными доказательствами, что вообще «народъ осуществляетъ свою учредительную власть лишь медленной многолѣтней работой, а отнюдь не въ единомъ «Учредительномъ Собраніи», и «только неисправимые партійные филистеры могутъ еще не сознавать, что въ Россіи нѣтъ и не было почвы для подлиннаго Учредительнаго Собранія»*). Бѣлоруссовъ, возвѣстивъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о необходимости общаго «пересмотра идеологіи», сталъ доказывать, что «разрушено и пущено (?) на

*) Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ ни за что не соглашавшійся пріять Учредительное Собраніе и «неисправимыхъ партійныхъ филистеровъ» В. М. Устиновъ съ упоеніемъ воспринялъ власть большевиковъ. Въ своемъ показаніи по дѣлу т. н. «Тактическаго центра» проф. писалъ: «Идея рабоче-крестьянской власти водворяется и проводится съ такой силой и послѣдовательностью организаторскимъ геніемъ товарища Ленина, впервые въ исторіи Россіи сплачиваетъ воедино народъ съ властью, дѣлая власть родной стихіей народа, выраженіемъ его собственной организованной силы... Эта правда совѣтской власти идейно связала меня съ нею и сдѣлала поборникомъ и защитникомъ ея. Я убѣжденъ, что для предвидимаго умственнымъ взоромъ будущаго, только совѣтская власть спасительна». — См. «Судъ надъ русской интеллигенціей» въ Сборникѣ «На чужой сторонѣ», т. III, стр. 155. — 1923.

смарку не только выбранное осенью прошлаго года Учредительное Собраніе, а самая идея, порожденіе народолюбивой интеллигентской мысли»; «Хорошая вещь народовластіе, но и его надо примѣнять во благовременіи и съ разумѣніемъ»; «нельзя одновременно служить божественному принципу отечества и культуры и мамонѣ (!) демократическихъ доктринъ и лозунговъ» *).

Осторожнѣе другихъ, не всѣ свои корабли окончательно сжигая, подошелъ къ общему заданію П. И. Новгородцевъ. Оговариваясь, — «Да не поймутъ меня такъ, будто бы я отрицаю самую идею Учредительнаго Собранія. Нѣтъ, я отрицаю только возможность ея осуществленія при наличныхъ условіяхъ жизни. Идею Учредительнаго Собранія, о которомъ такъ долго мечтали русскіе народолюбцы, я признаю великой и привлекательной», — членъ Учред. Собранія, проф. Новгородцевъ находилъ, что «Учредительное Собраніе въ условіяхъ современной русской жизни оказалось не только эфемернымъ, но и мертворожденнымъ».

Собравшемуся тотчасъ послѣ роспуска Учредительнаго Собранія третьему Съѣзду совѣтовъ Ленинъ доказывалъ: «Пока революція не выходила изъ рамокъ буржуазнаго строя, мы стояли за демократію. Но какъ только мы

---

*) А. С. Бѣлоруссову (Бѣлевскому) довелось дожить до претворенія своего слова въ дѣло. Онъ былъ очень близокъ къ омскому «дѣлу» 18 ноября, служа «божественному принципу отечества», воплощенному въ режимѣ адм. Колчака, и всячески разоблачая «мамону демократическихъ доктринъ и лозунговъ», травя чеховъ и т. д. (Ср. Л. А Кроль: «За три года». Владивостокъ. 1922. Стр. 157-8, 190 и 192).

По иронiи судьбы — это показательно и для режима! — Бѣлоруссовъ оказался въ Сибири на посту предсѣдателя Комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собраніе (существовала и такая комиссія при Колчакѣ). Но омской атмосферы не выдержалъ до конца и этотъ врагъ «мамоны». И онъ сталъ жаловаться на «безпрограммность» власти, впадать въ отчаяніе. Гинсъ передаетъ его слова за полгода до паденія Колчака:

— «Я впалъ въ безнадежность: здѣсь, въ Омскѣ, нѣтъ людей воли, есть только люди мысли. Придешь къ нимъ, выскажешься, они согласятся. Проходитъ время, положеніе остается прежнимъ. Есть ли какой-нибудь выходъ? Я думаю, нужно привлечь чеховъ на фронтъ (!), нужно оживить агитацію, укрѣпить авторитетъ совѣта министровъ»... (Т. II, 271).

увидѣли въ ходѣ и революціи первые проблески соціализма», такъ демократія была признана «одной изъ формъ буржуазнаго государства, за которую стоятъ всѣ измѣнники истиннаго соціализма». По существу столь же извилистой, схожей съ большевицкой діалектикой, была и аргументація А. А. Кизеветтера въ «Свободѣ Россіи» № 25 и «Наканунѣ» № 3. Полагая, что идея Учредительнаго Собранія «въ гораздо большей мѣрѣ кадетская, нежели соціалистическая», ученый историкъ считалъ возможнымъ и политически противополагать былую тактику защиты Учредительнаго Собранія, когда «были основанія предполагать, что Учредительное Собраніе явится дѣйствительнымъ хозяиномъ русской земли», новѣйшей—«ясной и открытой» борьбѣ противъ Учредительнаго Собранія, которое «теперь ненужно».

Во всякомъ случаѣ своеобразной была и позиція, которую защищалъ въ «Русскомъ Богатствѣ» (въ запоздавшемъ выходомъ декабрьскомъ № и въ № 1-3 за 1918 г.) А. В. Пѣшехоновъ. Тамъ доказывалось, что, разгоняя Учредительное Собраніе, большевики и лѣвые эсэры «дѣйствовали по с.-р. программѣ, противопоставивъ «диктатуру» латышей и матросовъ — высшему органу народовластія», а партія с.-р., если и стоитъ за Учредительное Собраніе, то только потому, что располагаетъ въ немъ прочнымъ своимъ большинствомъ. Стилизуя и преувеличивая дѣйствительные и мнимые дефекты избраннаго У. С., отразившаго народную волю не точно и не во всероссійскомъ масштабѣ, Пѣшехоновъ все же приходилъ къ заключенію, что, сколь ни несовершенно Учредительное Собраніе, «но вѣдь ничего лучшаго у насъ нѣтъ и въ ближайшее время быть не можетъ. Нужно этимъ какъ никакъ представительнымъ и всероссійскимъ собраніемъ воспользоваться... Да, я думаю, что имъ можно воспользоваться, но не для переустройства Россіи по мысли и волѣ народной, для чего оно не годится, а для санкціи государственной власти»; такая санкція «поможетъ упроченію этой власти и сдѣлаетъ для нея обязательнымъ новое обращеніе къ первоисточникамъ народной воли».

Такой выводъ, при всемъ его внутреннемъ противорѣчіи съ исходной критикой Пѣшехонова — стоило ли такъ настойчиво разоблачать и дисквалифицировать «какъ ни какъ представительное и всероссійское собраніе», развѣ завѣдомо извѣстно, что «ничего лучшаго у насъ нѣтъ и

въ ближайшее время быть не можетъ» и «воспользоваться» имъ все равно придется, — былъ по существу уже не такъ далекъ и отъ позиціи, защищавшейся Бюро эсэровской фракціи У. С. и эсэровскимъ Ц. К. Въ цитированныхъ уже нами «Тезисахъ» опредѣленно указывалось, что «По возобновленіи своихъ занятій У. С. должно сосредоточить свое вниманіе на дѣлѣ защиты страны и возстановленіи ея политической и экономической независимости, согласно съ этой основной задачей, и установленіи государственной власти и разрѣшеніи тѣхъ задачъ соціально-политическаго строительства, которыя, по обстоятельствамъ срочности, требуютъ немедленнаго осуществленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Учредительное Собраніе должно приложить всѣ усилія къ тому, чтобы въ кратчайшій срокъ былъ созванъ новый органъ народнаго представительства, дабы народы Россіи могли возможно скорѣе вновь выразить свою волю» (Тезисъ 7-й).

Болѣе подробное обоснованіе и развитіе этотъ тезисъ получилъ въ статьяхъ «Судьбы Учредительнаго Собранія» и «Задачи Учредительнаго Собранія», напечатанныхъ въ тѣхъ же сборникахъ «Народовластіе» № № 1 и 2 за моей подписью. Здѣсь подчеркивалось, что «Важно въ принципѣ признать, что избранное въ концѣ прошлаго года У. С. должно до минимума ограничить свою дѣятельность во времени и по содержанію. Дѣятельность Учредительнаго Собранія должна замкнуться предѣлами безусловно-необходимаго и напрячь всѣ усилія къ тому, чтобы въ кратчайшій срокъ былъ созданъ новый органъ народнаго представительства... Насущное и безотлагательное не можетъ ждать выборовъ въ новый органъ народнаго представительства: оно должно быть осуществлено уже избраннымъ Учредительнымъ Собраніемъ. То же, что хоть сколько-нибудь терпитъ отлагательство, неминуемо должно быть отложено до грядущаго законодательнаго собранія... Отъ политической мудрости большинства нынѣшняго У. С. будетъ зависѣть, гдѣ пройдетъ грань въ самоограниченіи Учредительнаго Собранія».

«Какъ бы низко ни расцѣнивать реальную силу Учред. Собранія, — писалъ я тогда же въ московскомъ «Возрожденіи» отъ 8. VI. 918, — цѣлесообразно ли въ создавшихся условіяхъ пренебрегать той долей авторитета, которую У. С. за собой несетъ, невзирая ни на какія превратности

судьбы, какъ олицетвореніе единства Россіи и необходимая опора власти».

Являются ли «демократическіе доктрины и лозунги» лишь «мамоной», несовмѣстимой со служеніемъ «божественному принципу отечества и культурѣ» или, наоборотъ, наиболѣе прочнымъ выраженіемъ политической культуры и сознательнаго отношенія къ отечеству? Или: можетъ и должно ли Учредительное Собраніе играть роль въ борьбѣ противъ большевиковъ только какъ идея или и какъ конкретно данная реальность, — было не отвлеченнымъ только разномысліемъ и разногласіемъ спорщиковъ-доктринеровъ. То было существо реальнаго расхожденія между отдѣльными политическими группами и отрядами антибольшевицкаго лагеря. На этомъ пунктѣ заострились всѣ сношенія и переговоры, обрывались безнадежно однѣ связи (съ «Національнымъ Центромъ») и устанавливались другія, въ частности, съ Союзомъ Возрожденія. Неполная договоренность именно въ этомъ, какъ многимъ казалось, доктринерскомъ вопросѣ имѣла самыя печальныя практическія послѣдствія.

Такой недоговоренностью была отмѣчена «Платформа» Союза Возрожденія Россіи. Она была очень краткой. Это и естественно, ибо участникамъ этого «персональнаго» объединенія дороже всего были практическія цѣли, хотѣлось возможно безспорнѣе охарактеризовать задачи объединенія. И платформа устанавливала въ общемъ видѣ —: «Задачу возсозданія разложенной нынѣ русской государственности Союзъ будетъ стремиться выполнить въ согласіи съ народной волей, выраженной путемъ всеобщаго и равнаго голосованія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Союзъ считаетъ необходимымъ, чтобы та новая власть, которая должна будетъ возникнуть въ борьбѣ за свободу и цѣлость Россіи и которой онъ будетъ оказывать поддержку, опираясь по мѣрѣ своего созданія на органы мѣстнаго самоуправленія, а съ освобожденіемъ русской территоріи отъ врага собрала Учредительное Собраніе, которое и должно будетъ установить формы государственной жизни Россіи».

Платформа не уточняла, на какіе органы мѣстнаго самоуправленія должна опереться новая власть и какое Учредительное Собраніе должно быть ею созвано, — имѣющіе быть избранные или уже избранные, но большевиками беззаконно распущенные и упраздненные?

Вспоминая «Изъ недалекаго прошлаго» исторію обра-

зованія Союза Возрожденія, одинъ изъ его основателей и виднѣйшихъ руководителей В. А. Мякотинъ пишетъ: «Созывъ разогнаннаго большевиками Учредительнаго Собранія 1917 года основатели «Союза Возрожденія Россіи» признавали совершенно ненужнымъ и даже невозможнымъ, такъ какъ это собраніе, избранное при крайне ненормальныхъ условіяхъ, проявило полную неспособность къ государственнымъ дѣламъ и не могло болѣе, по убѣжденію основателей Союза, имѣть никакого авторитета въ странѣ». Авторъ увѣряетъ, что «съ общаго согласія было рѣшено отказаться отъ всякихъ проектовъ какого-либо возстановленія перваго Учредительнаго Собранія. Поэтому въ платформѣ «Союза Возрожденія» шла рѣчь о выборахъ новаго Учредительнаго Собранія, Собраніе же 1917 года оставалось совершенно въ сторонѣ, какъ пройденный уже этапъ, къ которому незачѣмъ возвращаться». («На чужой сторонѣ». Историко-литературные сборники подъ редакціей С. П. Мельгунова при ближайшемъ участіи Е. А. Ляцкаго и В. А. Мякотина. 1923. Т. II, 182).

Какъ уже указано, въ платформѣ Союза, вопреки утвержденію Мякотина, рѣчь о выборахъ н о в а г о Учредительнаго Собранія н е шла. Не шла, правда, и рѣчь о возстановленіи распущеннаго Учредительнаго Собранія. Этотъ пунктъ въ платформѣ былъ обойденъ молчаніемъ, что врядъ ли объяснимо простой случайностью или упущеніемъ, а скорѣе практической потребностью, вынуждавшей отдать предпочтеніе болѣе «общей» и даже «каучуковой» формулѣ передъ формулой отчетливой, но грозившей немедленнымъ расколомъ или даже распадомъ съ трудомъ налаживавшагося объединенія.

Имѣются и другія, и не только апріорныя, основанія, опровергающія не столько свидѣтельство, сколько толкованіе Мякотинымъ платформы Союза Возрожденія.

Я уже приводилъ заключеніе, къ которому приходилъ ближайшій тогда единомышленникъ и соредакторъ Мякотина по «Русскому Богатству» Пѣшехоновъ. Вѣдь и онъ былъ однимъ изъ основателей и виднѣйшихъ руководителей Союза Возрожденія! Однако, несмотря на всѣ оговорки и сомнѣнія, Пѣшехоновъ, въ отличіе отъ Мякотина, признавалъ все же пригодность «какъ ни какъ представительнаго и всероссійскаго собранія», если не для переустройства Россіи, то для санкціи имѣющей создаться государственной власти.

Какъ разъ на этомъ вѣдь пунктѣ сорвалась попытка общепартійнаго, а не персональнаго только соглашенія между центральными комитетами к.-д., н.-с. и с.-р. «Соглашеніе не состоялось, такъ какъ соціалисты-революціонеры настаивали на признаніи законнымъ Учредительнаго Собранія, разогнаннаго большевиками 6 января, а к.-д. полагали, что оно потеряло юридическую силу», читаемъ мы у П. Н. Милюкова въ «Россія на переломѣ». Тамъ же приводится и текстъ документа, который передалъ русскимъ организаціямъ французскій посолъ Нулансъ, настаивая на сближеніи оставшихся вѣрными союзнической орієнтаціи «Союза Возрожденія» и «Національнаго Центра». Въ этой «вербальной нотѣ» тоже говорилось, что «Учредительное Собраніе стараго состава соберется, но только на два-три засѣданія и безъ большевистскихъ членовъ въ какомъ-нибудь городкѣ Восточной Россіи, чтобы дать санкцію власти временной, но сильной и способной къ дѣйствію, какъ военной диктатурѣ или тріумвирату. Когда эта власть будетъ создана, Учредительное Собраніе должно объявить себя распущеннымъ. Впослѣдствіи, по освобожденіи русской территоріи и возвращеніи страны къ нормальной жизни, временная власть должна будетъ созвать на новыхъ основаніяхъ новое Собраніе, которое должно высказаться по поводу окончательнаго правительства Россіи». (См. Т. II. стр. 17 и 41).

Милюковъ правильно замѣчаетъ, что въ такомъ соглашеніи было много недоговореннаго. Справедливо и его предположеніе, что «эти примирительныя формулы» были Нулансу «очевидно сообщены лѣвыми партіями». Совершенно очевидно, что союзники, озабоченные больше всего своими интересами — возстановленіемъ противогерманскаго фронта, и меньше всего — положеніемъ Россіи, ведшіе переговоры о своемъ беззастѣнчиво съ обѣими сторонами, съ антибольшевиками и одновременно съ большевиками, стилизовали свою «вербальную ноту» въ мѣру собственнаго разумѣнія; поэтому только и могла появиться въ «формулѣ лѣвыхъ партій» столь нелѣпая и внутренне имъ чуждая вещь, какъ «военная диктатура». Еще болѣе очевидно, что «лѣвыя партіи», вводящія въ формулу, которую они сообщаютъ иностраннымъ дипломатамъ, упоминаніе объ Учредительномъ Собраніи стараго состава, не стали бы его скрывать и не могли бы отъ этого требованія отойти и въ Союзѣ Возрожденія, въ который от-

дѣльные эсэры вступили съ вѣдома партійнаго Ц. К. и почти съ благословенія Бюро членовъ У. С.

Это и не имѣло смысла скрывать, да и не могло быть скрыто. Тѣмъ менѣе могло остаться секретомъ отъ членовъ Бюро, которое находилось не только въ курсѣ всей «внѣшней» и «внутренней» политики эсэровъ и Междуфракціоннаго совѣта, но въ извѣстной мѣрѣ и направляло эту политику. И я свидѣтельствую, что ни разу не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ эсэровъ доказывалъ или соглашался съ тѣмъ, что Учредительное Собраніе 17 года должно «остаться въ сторонѣ, какъ пройденный уже этапъ, къ которому незачѣмъ возвращаться». Между тѣмъ мнѣ приходилось принимать не только дѣятельное участіе въ работахъ Бюро, но и редактировать его органы: сначала, совмѣстно съ А. А. Аргуновымъ и Д. С. Розенблюмомъ, сборники «Народовластіе», а потомъ, совмѣстно съ И. И. Бунаковымъ, И. Н. Коварскимъ и П. А. Сорокинымъ, издававшуюся Бюро газету — «Возрожденіе», переименованное позднѣе въ «Сынъ Отечества». Входилъ я, какъ удостовѣряетъ Мякотинъ, и въ Союзъ Возрожденія.

И другой эсэръ, входившій въ Союзъ Возрожденія, А. А. Аргуновъ еще по свѣжей памяти въ 1919 г. удостовѣрялъ, что по мысли членовъ Союза задачи «уже существующаго» Учред. Собранія должны были быть «крайне скромными: какъ органъ демократіи У. С. должно ограничиться санкціонированіемъ той власти, которая къ этому времени создастся, затѣмъ проведеніемъ нѣкоторыхъ неотложныхъ мѣропріятій, вызываемыхъ потребностями войны и, наконецъ, выработкой закона о выборахъ въ новое У. С. Необходимо отмѣтить, что при всемъ своемъ вполнѣ опредѣленномъ отношеніи къ данному У. С., Союзъ Возрожденія Россіи никоимъ образомъ не допускалъ возможности насильственнаго его упраздненія» (См. брошюру «Между двумя большевизмами», Парижъ. Стр. 4).

Рѣшеніе «отказаться отъ всякихъ проектовъ *какого-либо* возстановленія перваго Учредительнаго Собранія» не могло быть принято съ согласія эсэровъ, вошедшихъ въ Союзъ Возрожденія, какъ бы сдержанно эти послѣдніе ни относились къ самому возстановленію У. С., какъ бы ни склонялись они къ ограниченію его дѣятельности крайнимъ минимумомъ. Такая возможность просто исключалась — психологически и политически — всей тогдашней обстановкой. Противорѣча тому, что открыто и публично

отстаивали эсэры въ печати и во всѣхъ переговорахъ, такой отказъ лишалъ бы всякаго смысла существованія самые Бюро эсэровской фракціи и Междуфракціонный совѣтъ. Между тѣмъ и Бюро и Совѣтъ даже и не думали о томъ, чтобы свернуться, а всячески старались развить свою жизнедѣятельность.

Я и склоненъ поэтому утверждать, что руководители Союза Возрожденія умышленно — или инстинктивно — предпочли общую и недоговоренную формулу. Они, очевидно, меньше всего хотѣли быть доктринерами, предпочитая практическое объединеніе, хотя бы на неотчетливо формулированной платформѣ, совершенно отчетливому расхожденію. На спѣхъ и на умолчаніи, если хотите, на двусмысленности построенное соглашеніе все же казалось имъ лучшимъ исходомъ, нежели явный расколъ.

Такъ порѣшили въ Москвѣ въ апрѣлѣ-маѣ 18 года. Едва, однако, приняли эти рѣшенія, какъ жизнь уже стала вносить въ нихъ свои коррективы. Не предусмотрѣнные элементы стихіи внесли нѣкоторое измѣненіе въ политическіе чертежи московскихъ Архимедовъ. Это было воспринято, какъ нелояльное нарушеніе достигнутаго въ Москвѣ соглашенія, освобождающее отъ соглашенія и другую сторону.

Какъ это произошло и что изъ этого вышло, — придется досказать въ дальнѣйшемъ.

М. В. Вишнякъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Генрихъ Де-Манъ, какъ теоретикъ соціализма

Среди сочиненій по соціализму, вышедшихъ за послѣднее время, на долю работъ Де-Мана выпалъ особенный успѣхъ и при томъ далеко за предѣлами однихъ только соціалистическихъ круговъ *). Успѣхъ этотъ объясняется не только оригинальностью точки зрѣнія Де-Мана и выдающимися качествами его какъ писателя, но безспорно также и личностью автора, получившей въ сочиненіяхъ его яркое и характерное выраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, среди вождей рабочаго движенія немного найдется сейчасъ людей съ такимъ многообразнымъ и богатымъ опытомъ какъ Де-Манъ: уже въ самой ранней юности «перебѣжавшій» въ ряды рабочаго класса, Де-Манъ работаетъ одно время какъ простой рабочій на заводѣ, выполняетъ затѣмъ разнообразныя должности въ «профессіональномъ движеніи и въ бельгійской соціалистической партіи, работаетъ какъ депутатъ парламента, какъ членъ центральнаго комитета партіи, какъ руководитель всѣми образовательными учрежденіями бельгійскаго рабочаго движенія. При этомъ опытъ его отнюдь не ограничивается предѣлами одной только Бельгіи: германское рабочее движеніе давно стало уже какъ бы второй его родиной, многочисленныя связи съ Франціей и Голландіей, неоднократныя поѣздки въ Англію, долговременное пребываніе въ Сѣв. Америкѣ ввели его въ круги рабочаго движенія этихъ странъ. «Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, замѣчаетъ мимоходомъ Де-Манъ, я присутствовалъ на болѣе чѣмъ двухстахъ международныхъ рабочихъ съѣздахъ, то въ качествѣ делегата, то въ качествѣ переводчика». Что же удивительнаго, если этотъ подлинный европеецъ международнаго рабочаго движенія обнаруживаетъ также еще и поразительную освѣдомленность въ американскихъ и русскихъ дѣлахъ!

При этомъ — а можетъ быть

*) Срв. I. Zur Psychologie des Sozialismus. Изд. 1926. 2-ое перераб изданіе 1927. Стр. 400 (есть франц. и англ. изданія). — II. Die Intellektuellen und der Sozialismus. 1926. Стр. 38. — III. Der Kampf um die Arbeitsfreude. 1927. Стр. 289. — IV. Antwort an Kautsky. 1927. Стр.24. — Всѣ работы изданы E. Diederichs'омъ, Iena.

именно потому — Де-Манъ — типичный интеллигентъ. Онъ не только прекрасно знакомъ съ литературой, искусствомъ и духовными движеніями посѣщенныхъ имъ странъ, но и обладаетъ въ высшей степени тѣмъ своеобразнымъ даромъ соціальной совѣсти, въ силу котораго вся его посвященная рабочему движенію жизнь есть для него прежде всего служеніе дѣлу справедливости и человѣчества. Не случайно считаетъ онъ «Записки революціонера» Кропоткина «лучшей соціалистической книгой». И если самъ онъ, даже работая у станка, оставался всегда типичнымъ интеллигентомъ постольку, поскольку повседневную свою работу онъ умѣлъ всегда счастливымъ образомъ сдѣлать источникомъ расширенія и обогащенія своей личности, онъ все же никогда не переставалъ помнить, что «этимъ своимъ счастьемъ онъ обязанъ работѣ именно этихъ милліоновъ людей, безъ которой онъ не вышелъ бы изъ полуживотнаго существованія, изъ вѣчной гнетущей заботы о холодѣ, голодѣ и другихъ самыхъ элементарныхъ потребностяхъ матеріальнаго бытія». Поэтому соціализмъ оставался для Де-Мана всегда — даже въ пору его наибольшаго увлеченія марксизмомъ — вопросомъ совѣсти, а не знанія, вопросомъ справедливости, а не власти. На самомъ стилѣ его сочиненій сохранился этотъ этическій отпечатокъ. Не только въ критикѣ марксизма, но и въ изложеніи положительной стороны своего міровоззрѣнія мысль Де-Мана движется болѣе въ плоскости знанія. Сплошь и рядомъ изложеніе его принимаетъ даже «форму прямого исповѣданія вѣры», личной исповѣди, сохраняя, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ всю свою научную цѣнность — благодаря богатству выраженнаго въ ней опыта и логической отточенности формулировки.

Сюда привходитъ еще одно немаловажное обстоятельство. Какъ всякая исповѣдь, и исповѣдь Де-Мана имѣетъ предметомъ своимъ глубоко пережитый внутренній духовный кризисъ, продуктомъ котораго она является. Несмотря на весь свой личный характеръ, кризисъ этотъ есть отраженіе болѣе общаго духовнаго кризиса внутри современнаго рабочаго движенія, стоявшаго на континентѣ Европы почти съ самаго своего зарожденія подъ знакомъ марксизма. Начавшійся уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, кризисъ этотъ послѣ войны достигъ своего наивысшаго напряженія. Самъ Де-Манъ сводитъ его къ двумъ рядамъ явленій: съ одной стороны, рость рабочаго движенія, неуклонное усиленіе удѣльнаго вѣса рабочаго класса въ современномъ обществѣ влечетъ за собою все большее и большее приспособленіе его къ окружающей средѣ, къ жизненному стилю буржуазной культуры, въ силу чего «фактическое культурное состояніе пролетарскихъ массъ во все большей степени можетъ быть охарактеризовано какъ усвоеніе ими мѣщанской суррогатной культуры». Параллельно съ этимъ «культурнымъ обмѣщаниваніемъ» рабочаго класса, заставлявшимъ интеллигентовъ типа Де-Мана переживать «часы самаго остраго отчаянія», «идетъ процессъ внутренняго пе-

рерожденія рабочаго движенія во всѣхъ трехъ главныхъ его линіяхъ — политической, профессіональной и кооперативной. Рабочее движеніе во все большей степени обнаруживаетъ тенденцію быть поглощеннымъ государствомъ, организаціонная мощь его изъ средства становится все больше и больше самоцѣлью, что выражается между прочимъ въ угрожающемъ ростѣ внутри рабочаго движенія новой бюрократіи. Все это означаетъ замѣну старыхъ мотивовъ рабочаго движенія новыми, узкіе интересы текущаго дня оттѣсняютъ на задній планъ еще недавно преобладавшіе внутри движенія идеалистическіе мотивы. Между тѣмъ этой новой повседневности противостоитъ по прежнему все та же старая неподвижная марксистская догма: исполненная прежняго эсхатологическаго духа, отрицая на чисто современный общественный строй и даже всю современную «буржуазную» культуру, догма эта впадаетъ во все большее противорѣчіе съ дѣйствительностью. Уже ревизіонизмъ, бывшій первымъ симптомомъ этого противорѣчія, пытался приспособить марксистскую теорію къ новымъ обстоятельствамъ, но онъ ограничился тѣмъ, что, вынесши соціалистическій идеалъ въ т. наз. «программу-максимумъ» и удаливши его въ неопредѣленное будущее, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на «программѣ-минимумѣ», на конкретныхъ средствахъ движенія, забывъ просто ради реальнаго «пути» о послѣднихъ цѣляхъ. Но вотъ русскій коммунизмъ вновь оживилъ марксистскій идеалъ со всей присущей ему эсхатологіей, пожертвовавъ на этотъ разъ въ пользу послѣднихъ цѣлей демократическими средствами, которыя стали какъ бы второй душой западно-европейскаго рабочаго движенія, отказавшись отъ нихъ въ пользу революціонныхъ средствъ борьбы, единственно соотвѣтствующихъ, по его мнѣнію, революціонной сущности соціалистическаго идеала. Тѣмъ самымъ противорѣчіе между цѣлями и средствами, теоріей и дѣйствительностью, идеаломъ и практикой стало особенно невыносимымъ. Цѣпляться за старую теорію и за старый идеалъ при новыхъ обстоятельствахъ, — это значи еще болѣе усиливать «капиталистическую душу» рабочаго движенія, тотъ процессъ «обмѣщанивания» рабочаго класса и поглощенія его капиталистическимъ окруженіемъ, которое питается какъ разъ возрастающимъ расхожденіемъ между реально практикуемыми средствами движенія и чисто воображаемыми, утратившимъ всякое практическое значеніе идеаломъ. Сознаніе того, что средства и цѣль взаимно обусловливаютъ другъ друга, что, какъ это еще утверждалъ Лассаль, «цѣль должна быть проведена и осуществлена уже въ самомъ средствѣ», — является рѣшающимъ пунктомъ въ новомъ пониманіи соціализма Де-Маномъ. «Раньше были цѣли, но не было средствъ; нынѣ въ распоряженіи нашемъ больше средствъ, но мы растеряли цѣли». Чтобы утвердить свою самостоятельность какъ противъ коммунизма, съ одной стороны, такъ и противъ капиталистическаго окруженія, съ дру-

гой, соціалистическое рабочее движеніе должно по новому осознать свои послѣднія цѣли. Ибо различіе въ средствахъ означаетъ необходимо также и различіе въ самой цѣли. Это единственный путь отграниченія соціализма отъ коммунизма. Иначе говоря: соціализмъ долженъ пересмотрѣть не только свою тактику, средства борьбы, какъ это сдѣлалъ въ свое время ревизіонизмъ. Онъ долженъ пересмотрѣть самый свой идеалъ, по новому формулировать свои послѣднія цѣли. А это возможно только съ помощью новой теоріи, а значитъ и новаго метода.

Менѣе всего однако хочетъ Де-Манъ поставить на мѣсто старой догмы новую. «Лучше проблема чѣмъ программа», говоритъ онъ, ибо въ соціальномъ воззрѣніи его «нѣтъ состояній, а есть только движенія». Прежде всего необходимо разъ навсегда покончить со старыми иллюзіями, представляющими сейчасъ только безполезный балластъ внутри соціалистическаго движенія. Самая главная изъ этихъ иллюзій это идея революціи: совершенно выдѣтрившаяся извнутри, превратившаяся въ пустую абстракцію, она является внутри современнаго рабочаго соціалистическаго движенія главнымъ препятствіемъ къ сохраненію въ немъ подлиннаго революціоннаго духа. Теорія, бальзамирующая трупъ революціоннаго утопизма видимостью жизни, есть марксизмъ, и потому основная задача соціализма, сейчасъ заключается въ томъ, чтобы преодолѣть марксизмъ, и при томъ преодолѣть не ту или иную его отдѣльную теорію, а «самый марксистскій способъ мышленія». Такимъ образомъ приходитъ Де-Манъ къ своему положенію, что «всякій прогрессъ соціалистической теоріи за предѣлы Маркса возможенъ нынѣ только въ сознательномъ противорѣчіи къ марксизму». И самая борьба съ марксизмомъ есть «не столько борьба за пересмотръ отдѣльныхъ окаменѣлыхъ ученій, — сколько борьба за обновленіе омертвѣвшаго волевого импульса, каковая борьба требуетъ совершенно новаго духовнаго подхода». Неудивительно, что этотъ новый подходъ означаетъ для Де-Мана, бывшаго до войны однимъ изъ самыхъ выдающихся марксистовъ, «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей».

Бывшіе марксисты въ настоящее время не рѣдкость. Ихъ можно встрѣтить нынче во всѣхъ партіяхъ и на самыхъ неожиданныхъ постахъ. И видѣть въ Де-Манѣ просто разочарованнаго марксиста, сводящаго счеты съ предметомъ былого своего увлеченія, значило бы совершенно не понять ни духа ни значенія его послѣднихъ работъ. Самая рѣзкость, съ которой онъ противопоставляетъ свое новое общественное воззрѣніе и самый подходъ свой къ дѣйствительности марксизма, ничего общаго не имѣетъ съ обычной для всякаго перебѣжчика запальчивостью въ отстаиваніи своей новой точки зрѣнія. Приписывать Де-Ману такого рода чувства, какъ это дѣлаетъ Каутскій, такъ же смѣшно, какъ обвинять его въ незнаніи марксизма, послѣ того какъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ выставлялся лучшимъ

знатокомъ марксистской теоріи. Ибо Де-Манъ менѣе всего перебѣжчикъ, почему ему и чуждо какое бы то ни было стремленіе показать, что онъ и раньше въ сущности говорилъ то же самое. Напротивъ, Де-Манъ всегда готовъ признать свои собственныя ошибки и свою вину. Все — симптомы не только подлинной искренности, внутренней правдивости, но и настоящаго мужества въ томъ смыслѣ, какъ его еще въ свое время опредѣлялъ Платонъ. Вѣдь подлинно мужественъ не тотъ, кто неподвижно стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ бою, но тотъ, кто сохраняетъ вѣрность послѣдней цѣли борьбы. А для того, чтобы въ совершенно измѣнившейся средѣ остаться вѣрнымъ самому себѣ, сплошь и рядомъ необходимо рѣшиться на отказъ отъ прежняго мѣста, отъ прежней внѣшней оболочки, въ томъ числѣ и отъ прежней теоріи, всегда являющейся чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ послѣднему волевому устремленію личности. Своеобразіе Де-Мана какъ критика марксизма, то, чѣмъ онъ отличается отъ столь многихъ другихъ бывшихъ марксистовъ, заключается именно въ томъ, что, пройдя черезъ внутренній кризисъ, онъ въ самой перемѣнѣ своихъ теоретическихъ взглядовъ остался вѣренъ послѣднему волевому устремленію своей личности и, значитъ, самому себѣ. Каждый непредубѣжденный читатель его работъ вынесетъ это впечатлѣніе. И сейчасъ, отказавшись отъ столь многихъ иллюзій, Де-Манъ остался вѣренъ данной имъ себѣ когда то «аннибаловой клятвѣ». Все тѣ же чувства симпатіи, удивленія, восторга привязываютъ его какъ и тогда къ судьбѣ и дѣлу рабочаго класса. И какъ ни рѣзка подчасъ его критика рабочаго движенія, въ особенности нѣмецкаго рабочаго движенія, чувствуется, что критика эта есть критика человѣка, навсегда связавшаго судьбу свою съ дѣломъ борьбы рабочаго класса за свое освобожденіе. — Правда, въ міровоззрѣніи Де-Мана отвлеченный образъ пролетарія, какъ избраннаго носителя новой будущей культуры, совершенно вытѣснился реальнымъ опытомъ живыхъ рабочихъ, какъ конкретныхъ людей, имѣющихъ, какъ и всѣ люди, свои хорошія и дурныя качества. Но за то онъ научился также видѣть въ пролетаріи не «простое только орудіе отвлеченной идеи», но конкретнаго человѣка, являющагося цѣлью въ себѣ, притязающаго на собственныя радость и страданіе. Поэтому Де-Манъ усматриваетъ собственную практическую задачу современнаго соціалистическаго движенія въ томъ, «что уже сейчасъ, при нынѣшнихъ данныхъ условіяхъ и съ нынѣшними данными людьми можетъ быть сдѣлано съ цѣлью облегченія наиболѣе тяжкихъ страданій и несправедливостей». Эту перемѣну въ самомъ подходѣ къ вопросу можно было бы обозначить какъ обращеніе отъ дальняго къ ближнему, какъ побѣду любви къ ближнему надъ любовью къ дальнему. Вполнѣ умѣстно самъ Де-Манъ цитируетъ слова Достоевскаго: «въ отвлеченной любви къ человѣчеству почти всегда любятъ только себя самого». Въ противоположность абстрактному, без-

радостному и жестокому оптимизму, свойственному всякой утопіи, видящей въ конкретныхъ людяхъ только матеріалъ для «унавоженія будущей гармоніи», Де-Манъ исходитъ изъ признанія «неискоренимости зла въ мірѣ». Но это отнюдь не колеблетъ его вѣры во внутреннюю мощь добра какъ такового. Напротивъ, его «скептицизмъ» и его «резиньяція» только укрѣпляютъ его «вѣру въ разумный смыслъ историческаго развитія». И самую задачу соціализма онъ усматриваетъ въ «увеличеніи радости среди людей». Даже чисто внѣшне — въ архитектоникѣ и въ стилѣ сочиненій Де-Мана — проявляется этотъ поворотъ отъ абстрактнаго къ конкретному, отъ дальняго къ ближнему. Не случайно оба главныхъ труда его озаглавлены имъ «Психологія соціализма» и «Борьба за радость въ трудѣ». И вполнѣ послѣдовательно онъ поставилъ себѣ въ своихъ сочиненіяхъ за правило — «опираться на пережитое, а не только на прочитанное».

2.

Взятая въ частностяхъ, критика Маркса Де-Маномъ въ значительной степени не нова. Что развитіе капитализма пошло инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, который былъ предуказанъ ему марксистской теоріей, — обстоятельство это неоднократно уже было отмѣчаемо раньше, и даже большинство марксистовъ уже признали этотъ фактъ. Де-Манъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ это противорѣчіе между теоріей и дѣйствительностью: «вмѣсто обнищанія развитіе капитализма привело къ росту удѣльнаго вѣса рабочаго класса въ обществѣ, вмѣсто катастрофальнаго обостренія борьбы противъ буржуазнаго государства оно привело къ взаимному приспособленію и взаимопроникновенію, вмѣсто роста космополитизма мы имѣемъ ростъ національнаго чувства, вмѣсто порождаемой хозяйственной катастрофой революціи мы наблюдаемъ возрастающую связанность конкретныхъ цѣлей профессіональнаго движенія повышеніемъ продуктивности производства и благосостоянія». Всѣ эти опровергаемыя дѣйствительностью ученія марксизма кульминируютъ въ теоріи прибавочной цѣнности, скрытыя предпосылки которой могутъ быть сведены къ слѣдующимъ гипотезамъ, «на коихъ покоится и съ коими вмѣстѣ падаетъ все зданіе марксистской теоріи: 1) корыстный интересъ есть единственный мотивъ (хозяйственной) дѣятельности какъ предпринимателей такъ и рабочихъ; 2) всякій трудъ измѣримъ количественно и равноцѣненъ; 3) единственный трудъ, создающій цѣнность въ капиталистическомъ предпріятіи, есть трудъ рабочаго; 4) заработная плата односторонне опредѣляется предпринимателемъ». Такъ какъ всѣ предпосылки эти находятся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, то и покоющаяся на нихъ теорія прибавочной цѣнности не можетъ быть нынѣ болѣе защищаема. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить, пожалуй, попытка Каутскаго опровергнуть аргументацію Де-Мана (срв. «Die Ge-

sellschaft», 1927, 1). Сводясь всецѣло къ мелочамъ, имѣющимъ цѣлью подцѣпить Де-Мана въ неправильномъ пониманіи имъ текста Марксовыхъ сочиненій, и игнорируя совершенно самое существо проблемы, она свидѣтельствуетъ только о томъ, что марксизмъ не въ состояніи сейчасъ выставить какихъ-либо новыхъ аргументовъ въ пользу теоріи прибавочной цѣнности. Исходя отъ теоріи прибавочной цѣнности, легко понять также основную ошибку теоріи классовой борьбы. Для марксизма пролетарій въ процессѣ капиталистическаго хозяйства есть не что иное какъ «продавецъ рабочей силы», и самый классъ опредѣляется имъ какъ единство одинаковыхъ корыстныхъ интересовъ. Понятіе класса есть такимъ образомъ чисто отвлеченная экономическая категорія и это ведетъ не только къ игнорированію марксизмомъ реальной структуры современнаго общества (напр., своеобразнаго характера интеллигенціи какъ особаго класса), такъ же какъ и столь существенной дифференціаціи внутри самого рабочаго класса, но и къ игнорированію тѣхъ конкретныхъ волевыхъ мотивовъ, которые сплачиваютъ рабочихъ въ одно единое солидарное цѣлое вопреки раздѣляющимъ ихъ на разныя группы различнымъ интересамъ. Доводя критику Де-Мана до конца, можно было бы сказать, что для марксизма понятіе пролетаріата есть не что иное какъ метафизическій принципъ отрицанія капиталистическаго хозяйственнаго строя «Пролетаріатъ» охватываетъ не эмпирическую массу уже сейчасъ въ дѣйствительности существующихъ рабочихъ, которые въ лучшемъ случаѣ являются еще только «несознательными пролетаріями», но только рабочихъ будущаго, тѣхъ рабочихъ, которыхъ процессъ катастрофическаго развитія производственныхъ отношеній необходимо долженъ будетъ съ теченіемъ времени превратить въ подлинныхъ пролетаріевъ и которыхъ марксистски мыслящая партія должна еще только привести къ «классовому сознанію», безъ чего рабочій не есть настоящій пролетарій. Ярче всего, пожалуй, эта отвлеченная сущность марксистскаго понятія класса проявляется въ томъ курьезномъ извращеніи понятія пролетаріата, для котораго пролетаріатъ охватываетъ, съ одной стороны, только «сознательный авангардъ пролетаріата» (т. е. членовъ коммунистической партіи), а, съ другой стороны, включаетъ въ себя наряду съ рабочими также и «бѣднѣйшихъ крестьянъ». Обстоятельство это вскрываетъ еще болѣе глубокое противорѣчіе внутри марксизма: утверждая, что образованное имъ понятіе класса есть чисто эмпирическое бытійственное понятіе казуальнаго порядка, онъ на самомъ дѣлѣ вынужденъ понимать подъ классомъ единство волевого устремленія, т. е. категорію телеологическаго порядка, или порядка долженствованія. Существенно однако то, что это волевое устремленіе, скрытымъ образомъ опредѣляющее теоретическія построенія марксизма, носитъ чисто отрицательный характеръ, имѣетъ своимъ предметомъ голое отрицаніе существующаго строя, и лишено какихъ бы то ни было творче-

скихъ, или созидательныхъ мотивовъ.

Такимъ образомъ противорѣчіе между теоріей и дѣйствительностью разоблачается какъ противорѣчіе внутри самой теоріи, а именно какъ противорѣчіе между механистически - раціоналистическимъ фасадомъ отвлеченнаго теоретическаго построенія и конкретнымъ волевымъ содержаніемъ, которое порождается опредѣленнымъ эмоціональнымъ комплексомъ и для котораго теорія и догма служатъ только наиболѣе пригодными орудіями для достиженія желаемой цѣли. Очень удачно вскрываетъ Де-Манъ механистическіе и раціоналистическіе элементы внутри марксистской догмы, общіе кстати у марксизма съ буржуазной классической политической экономіей, хотя и въ этомъ пунктѣ опять таки критика его не представляетъ собою чего-либо оригинальнаго. Взглядъ на человѣка какъ на homo œconomicus'а, толкаемаго въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ исключительно пріобрѣтательскимъ мотивомъ, пониманіе образующихъ общество связей какъ чисто каузальныхъ, въ которыхъ «причина» порождаетъ свое «дѣйствіе» по образцу механическаго толчка, реализмъ понятій, подставляющій на мѣсто фактовъ опыта гипостазированныя въ метафизическія сущности и другъ изъ друга дедуцируемыя понятія, историческій фатализмъ, понимающій исторію какъ однозначно опредѣляемую и точно предвидимую неотвратимость слѣдованія,—всѣ эти характерныя черты марксистской догмы неоднократно уже отмѣчались ранѣе. Однако, у Де-Мана къ этой критикѣ присоединяется нѣчто новое, выставляющее ее въ новомъ свѣтѣ. А именно, очень искусно Де-Манъ показываетъ, какъ весь этотъ раціоналистическій механизмъ теоретическаго построенія есть для марксизма не что иное, какъ орудіе волевого устремленія, направленнаго на отрицаніе существующаго строя. Такъ, напр., фаталистическая вѣра въ неотвратимость историческихъ законовъ оказывается не чѣмъ инымъ, какъ психологической функціей, имѣющей своей цѣлью «укрѣпленіе волевого порыва посредствомъ внушенія и увѣренности въ будущемъ», почему она и есть въ гораздо большей степени «замаскированная религія», чѣмъ научно доказанное положеніе. Къ сожалѣнію, въ этомъ своемъ анализѣ реальнаго содержанія марксизма Де-Манъ ограничивается преимущественно психологической стороной вопроса. Въ своей философской критикѣ онъ не идетъ до конца, и читатель тщетно ждетъ доказательства того, почему именно раціоналистическій механизмъ теоретическаго построенія оказался для марксизма наиболѣе пригоднымъ орудіемъ его на голое отрицаніе направленнаго волевого устремленія*). Какъ разъ въ этомъ пунктѣ Де-Манъ могъ бы многому научиться у Гегеля, если бы односторонне интуитивистическое направленіе его мышленія не склонило его видѣть въ Ге-

*) Я пытался представить такое доказательство въ своихъ статьяхъ «о правовомъ соціализмѣ». Срв., въ особенности статью въ № XXVII и XXVIII «Совр. Зап.».

гелѣ только отвлеченнаго «логистическаго идеалиста».

Впрочемъ психологическій анализъ въ рукахъ Де-Мана оказался вполнѣ достаточнымъ для обоснованія того, что самъ Де-Манъ называетъ «релятивированіемъ марксизма» и что представляетъ собою, пожалуй, наиболѣе цѣнный итогъ его критики марксизма. Какъ въ философскомъ смыслѣ марксизмъ коренится въ способѣ мышленія середины 19 вѣка, такъ и въ психологическомъ отношеніи онъ относится къ «начальной стадіи соціализма, когда ссылка на классовой интересъ была наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ объединенія рабочихъ массъ». Этотъ агитаторскій, направленный на простое отрицаніе существующаго строя характеръ марксизма былъ исторически обусловленъ специфическими обстоятельствами развитія капитализма въ серединѣ 19 столѣтія, когда роль рабочаго въ процессѣ производства дѣйствительно ограничивалась только «продажей имъ своей рабочей силы» и когда, казалось, онъ превращается дѣйствительно въ простой только «придатокъ къ машинѣ». Нынѣ съ примѣненіемъ роли рабочаго въ процессѣ производства марксизмъ уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Только въ коммунистической Россіи, гдѣ рабочее движеніе находится еще въ своей зачаточной стадіи, сохраняется еще то «жаркое дыханіе ненависти», которое составляетъ психологическій эмоціональный комплексъ марксизма и обусловливаетъ чисто отрицательный характеръ его умонастроенія. Поэтому, говоритъ Де-Манъ, «вульгарный коммунистическій марксизмъ есть истинный правопреемникъ марксова наслѣдія». Напротивъ, въ Германіи «расхожденіе между марксистской фразеологіей и реальной дѣятельностью любой рабочей организаціи, не ставящей своей цѣлью во что бы то ни стало раздуваніе гражданской войны», давно уже повлекло за собою «внутреннюю неправдивость», превращающуюся иногда въ прямое лицемѣріе и составляющую трагедію «независимаго» соціализма и т. наз. «благороднаго марксизма» вообще. Ибо «противъ кровожаднаго марксизма коммунистовъ жвачный марксизмъ соціалистовъ оказывается всегда безсильнымъ». Если современный соціализмъ дѣйствительно хочетъ утвердить себя какъ положительное, творческое и созидательное движеніе, то онъ долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отграничить себя отъ коммунизма, живущаго однимъ только духомъ отрицанія, и притомъ отграничить себя отъ него не только тактически, но и принципіально, въ самыхъ основахъ своей теоріи и своего идеала. За стадіей простого возмущенія необходимо слѣдуетъ стадія утвержденія дѣйствительности, въ которой первоначальное отрицаніе сохраняется еще только какъ моментъ объемлющаго его творческаго утвержденія міра. Но соотвѣтствующая этой новой стадіи новая теорія соціализма не можетъ быть получена въ результатѣ простой ревизіи марксизма. Ибо отрицаніе есть самое существо марксизма — какъ въ экономическомъ отношеніи (начальная стадія классовой борьбы), такъ и въ психологическомъ («жаркое

дыханіе ненависти») и въ теоретическомъ (раціоналистическій механизмъ). Поэтому рѣчь сейчасъ идетъ въ сущности уже даже не объ опроверженіи марксизма. Съ марксизмомъ «случилось худшее: онъ просто болѣе насъ не интересуетъ». Онъ относится сейчасъ уже только «къ исторіи соціалистическаго движенія, которой одной лишь частью онъ является». «И то, что въ немъ окончательно должно быть преодолѣно, это его претензія быть единственной, истинной и вѣчной формой соціализма и соціальной науки». Такимъ образомъ, въ противоположность самому марксизму, предпринятая Де-Маномъ попытка «релятивированія марксизма» или «включенія его въ болѣе объемлющую новую теорію» есть отнюдь не голое отрицаніе марксизма, но вмѣстѣ и отрицаніе его и утвержденіе.

3.

Для характеристики того, какъ въ современномъ соціализмѣ первоначальное отрицаніе постепенно перегибается въ утвержденіе, мы остановимся здѣсь подробнѣе на нѣсколькихъ пунктахъ Де-Мановскаго пониманія соціализма, въ особенности пригодныхъ къ тому, чтобы освѣтить основные элементы его ученія. Если соціализмъ не есть только простое ниспроверженіе существующаго общественнаго строя, а, напротивъ, органически выростаетъ изъ существующаго порядка, то въ такомъ случаѣ дѣло повидимому не столько въ послѣдней цѣли, сколько въ средствахъ, которыми уже сейчасъ, въ настоящемъ, пользуется рабочее движеніе въ процессѣ осуществленія своихъ цѣлей. «Цѣли живутъ всегда только въ нашихъ текущихъ дѣйствіяхъ, какъ они осуществляются въ настоящемъ; ихъ будущее существо есть иллюзія, ихъ настоящее существо есть дѣйствительность». Ни въ чемъ такъ остро не обнаруживается внутреннее противорѣчіе марксизма, какъ въ расхожденіи между средствами и цѣлями. То самое государство, которое мыслится въ идеалѣ упраздненнымъ, на практикѣ все болѣе и болѣе используется рабочей партіей какъ положительное средство осуществленія идеала. Параллельно съ признаніемъ положительной цѣнности государства идетъ также признаніе права и даже хозяйства, хотя въ идеальномъ строѣ, являющемся послѣдней цѣлью соціализма, хозяйство, какъ его мыслитъ марксизмъ, будетъ лишено всѣхъ основныхъ элементовъ исторически извѣстныхъ формъ хозяйства (рынокъ, деньги, отношенія собственности, противорѣчіе интересовъ, дифференціація факторовъ производства и т. п.) и воспримете отъ нынѣшняго хозяйства отчасти только производственную технику, съ которой и совпадетъ совершенно. Между тѣмъ практика современнаго профессіональнаго и кооперативнаго рабочаго движенія во все большей степени влечетъ за собою участіе рабочихъ организацій въ современномъ хозяйствѣ, нынѣшнія формы котораго признаются тѣмъ самымъ положительными средствами для достиженія отвергающаго ихъ идеала. Но если цѣль (соціализмъ) должна осуществляться повседневно въ средствахъ (государство и хозяйство)

и выростать изъ нихъ органически, то соціализмъ долженъ сдѣлать изъ этого возстановленія идеи государства (политическая демократія) и идеи хозяйства (хозяйственная демократія профессіональнаго и рабочаго движенія) соотвѣтствующіе выводы въ отношеніи самой «цѣли». Это означаетъ въ существенной мѣрѣ возвращеніе отъ Маркса назадъ къ Лассалю, съ одной стороны, и къ Прудону, съ другой. Соціализмъ долженъ и въ отношеніи «послѣдняго будущаго» признать государство и хозяйство, т. е. долженъ *самый идеалъ свой понять* какъ преобразованіе и усовершеніе современнаго демократическаго государства и нынѣшняго рыночнаго и денежнаго хозяйства. Де-Манъ не боится сдѣлать этихъ выводовъ: всякая реформа, *направленная на укрѣпленіе* демократическаго государства, всякое повышеніе производительности хозяйства, всякое конкретное улучшеніе условій производства имѣютъ для него самостоятельную, а не только посредствующую, инструментальную цѣнность.

Это нисхожденіе внизъ отъ цѣли къ средствамъ, отъ будущаго къ настоящему означаетъ вмѣстѣ и восхожденіе вверхъ отъ классовой борьбы къ борьбѣ за право личности вообще, отъ идеала особой «*пролетарской культуры*» ко всеобщему человѣческому идеалу. Собственно даже уже для марксизма цѣнность отдѣльнаго класса и его право на господство въ обществѣ заключались въ томъ, что онъ «въ послѣднемъ счетѣ» есть нѣчто большее, чѣмъ только классъ, но «представляетъ» собою все общество въ цѣломъ. Въ силу присущаго ему механистическаго способа мышленія марксизмъ не въ силахъ былъ мыслить это совпаденіе частнаго классоваго интереса пролетаріата со всеобщимъ интересомъ человѣчества въ цѣломъ иначе какъ въ количественной формѣ, въ видѣ предстоящаго въ будущемъ количественнаго расширенія класса до подавляющаго большинства внутри общества (догма пролетаризаціи). Чѣмъ дальше однако послѣдняя цѣль удалялась въ неопредѣленное будущее, тѣмъ больше классовая борьба изъ средства становилась самоцѣлью, — все равно, въ революціонной ли своей формѣ, какъ гражданская война, или въ оппортунистической формѣ какъ «торгашеская политика» профессіональныхъ союзовъ. Но если будущее не должно болѣе быть отдѣлено отъ настоящаго катастрофой, все равно, мыслится ли послѣдняя въ видѣ близкой гражданской войны (коммунизмъ) или просто забывается, будучи отодвинута въ неопредѣленную даль (ревизіонизмъ), если, напротивъ, будущее должно органически пронизывать настоящее, тогда совпаденіе класса съ обществомъ не можетъ болѣе мыслиться количественно и механистически: классовая борьба должна уже **сейчасъ** расшириться до борьбы за право всего общества въ цѣломъ, она должна **органически** и **качественно** переродиться въ борьбу за право человѣческой личности. Не проводя явно этого философскаго обоснованія новаго пониманія классовой борьбы, Де-Манъ вплотную подходитъ къ вытекающимъ изъ него практическимъ выводамъ. Клас-

совая борьба и профессіональная организація не являются самоцѣлью, говоритъ онъ неоднократно. Въ томъ именно какъ разъ и состоитъ идеологическая слабость германскаго профессіональнаго движенія и ревизіонизма, что они все еще не видятъ въ классовой борьбѣ ничего, кромѣ простой борьбы за интересы отдѣльнаго класса и не въ силахъ явно понять ее какъ борьбу за права человѣка. Марксизмъ ошибается, мысля чувство солидарности рабочихъ, какъ класса, какъ продуктъ чисто механической причинности, какъ результатъ сознанія рабочими одинаковости своихъ корыстныхъ интересовъ или какъ результатъ сознанія ими одинаковости ихъ функціи въ процессѣ производства, вызываемой техническимъ раздѣленіемъ труда на фабрикѣ. «Солидарность въ смыслѣ общаго классоваго интереса возникаетъ въ собраніи, а не у станка на фабрикѣ», и она укрѣпляется черезъ сознаніе общности соціально - этической цѣли, черезъ новое правовое чувство. «Цѣль борьбы есть созданіе новаго правового отношенія», «договора», въ основѣ котораго лежатъ «нѣкія этическія и правовыя положенія», «относительно которыхъ предполагается, что они общи обѣимъ сторонамъ и даже всему народу». Соціализмъ долженъ наконецъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ «есть нѣчто большее, чѣмъ классовая борьба въ смыслѣ представительства корыстныхъ интересовъ пролетаріата», что онъ есть нѣчто большее, чѣмъ партійно - политическое, профессіональное и кооперативное движеніе рабочаго класса, что онъ носитъ «общечеловѣческій» характеръ. Онъ долженъ «сознательно расширить свою цѣль, понять ее не какъ классовой реваншъ, а какъ дѣло человѣчества», и въ этомъ, хотя и только въ этомъ смыслѣ, вернуться къ традиціи утопическаго соціализма, выводившаго соціализмъ изъ общечеловѣческаго, гуманитарнаго идеала. Договаривая мысль Де-Мана до конца, можно сказать: соціализмъ означаетъ борьбу съ чисто классовой точкой зрѣнія, онъ борется противъ того умаленія и искаженія, которому подвергаются въ современномъ обществѣ государство, хозяйство и вся культура въ цѣломъ, используемыя отдѣльными классами какъ орудія классоваго господства. И въ данномъ случаѣ отмѣна классоваго господства должна быть понята не какъ послѣдняя цѣль классовой борьбы пролетаріата, отдѣленная отъ текущей практики рабочаго движенія гранью революціонной катастрофы, но какъ проникающее эту повседневную борьбу начало, а это значитъ, что классовая борьба рабочаго класса должна уже сейчасъ, въ настоящемъ осознать себя какъ борьба **противъ** классовой точки зрѣнія, какъ борьба противъ использованія государства, права и хозяйства въ пользу интересовъ того или иного класса, какъ борьба за поставленіе общечеловѣческихъ интересовъ надъ узкими интересами отдѣльныхъ классовъ.

Отсюда становится понятной также и критика Де-Маномъ понятія т. наз. «пролетарской культуры». «Оба понятія пролетаріатъ и культура взаимно исключаютъ другъ друга», говоритъ онъ, ибо

«культура какъ совокупность общихъ формъ жизни и творчества есть принадлежность эпохи, а не класса». Какъ нѣтъ пролетарской физики, такъ нѣтъ и пролетарской этики. Задача заключается не въ томъ, чтобы создать какую-то особую, новую пролетарскую культуру, а въ томъ, чтобы пріобщить къ культурѣ пролетарія, который до сихъ поръ былъ исключенъ отъ нея. Если это и поведетъ къ обновленію культуры, то лишь въ мѣру того, какъ самъ пролетарій перестанетъ оставаться пролетаріемъ и воспитается до человѣка. Если пока что этотъ путь пріобщенія пролетаріата къ культурѣ ведетъ черезъ стадію «обмѣщаниванія рабочаго класса», усваивающаго себѣ изъ совокупности всей современной культуры только «мѣщанскіе суррогаты культуры», то вина за это лежитъ въ значительной степени на самомъ соціалистическомъ рабочемъ движеніи, до сихъ поръ не обращавшемъ должнаго вниманія на серьезную образовательную работу среди рабочихъ и слишкомъ часто жертвовавшимъ ею въ пользу политической пропаганды, бравирующей своимъ отрицаніемъ «буржуазной» культуры. Эта образовательная дѣятельность среди рабочихъ, чтобы имѣть культурнообновляющее значеніе, должна «руководствоваться особыми образовательными потребностями отдѣльныхъ группъ рабочихъ, выростающими изъ ихъ особаго классоваго положенія и изъ ихъ классовыхъ устремленій», она должна «сознательно связать себя съ цѣлями политическаго, профессіональнаго и кооперативнаго рабочаго движенія» и въ первую очередь она должна быть руководима самими рабочими организаціями. Вѣдь и общее требуемое Де-Маномъ расширеніе классовой борьбы до борьбы за общечеловѣческое право отнюдь не означаетъ отказа отъ политической профессіональной и кооперативной самоорганизаціи рабочаго класса. Подобно тому, какъ эта послѣдняя, отправляясь отъ особыхъ цѣлей, выростающихъ изъ конкретнаго положенія рабочаго класса въ современномъ обществѣ, должна уже сейчасъ, въ текущей политикѣ настоящаго дня, умѣть сочетать ихъ съ общими цѣлями всего народа въ цѣломъ, точно такъ же и образовательная дѣятельность среди рабочаго класса должна сдѣлать особыя образовательныя потребности рабочихъ исходнымъ пунктомъ для общечеловѣческаго образованія. Но для этого соціализмъ долженъ преодолѣть свое отрицаніе исторически сложившейся культуры, онъ долженъ напротивъ ощутить себя ея наслѣдникомъ. Поэтому, согласно Де-Ману, корни соціализма «тождественны съ корнями всей нашей западной культуры». Взятыя въ этой исторической перспективѣ, христіанство, демократія, соціализмъ обнаруживаются какъ три формы одной и той же идеи. Какой неизсякаемый источникъ духовной энергіи открывается соціализму, осознавшему это единство! Его идеалъ и его цѣли пріобрѣтаютъ смыслъ не только отъ политической экономіи девятнадцатаго столѣтія, но отъ двадцати столѣтій исторіи человѣчества. Всѣ отдѣльные этапы этой исторіи — Нагорная проповѣдь, такъ же какъ и Декларація

правъ человѣка и Коммунистическій манифестъ, средневѣковая Коммуна, такъ же какъ и гуманизмъ, реформація, войны за національное освобожденіе, образованіе мірового рынка, современное рабочее движеніе — все это съ этой точки зрѣнія суть лишь этапы единаго великаго развитія, стремящагося къ одной великой цѣли; всякое отдѣльное дѣйствіе, приближающее насъ къ этой цѣли, объединяетъ насъ съ совокупнымъ стремленіемъ человѣческаго рода».

Понятно теперь, почему Де-Манъ называетъ свой соціализмъ «интеллигентскимъ». Не потому, чтобы онъ хотѣлъ укоренить соціализмъ въ особомъ классовомъ движеніи интеллигенціи, хотя онъ и считаетъ, что если бы «интеллигенція въ нѣсколько большей степени прониклась чувствомъ классовой гордости», то это пошло бы только на пользу дѣлу соціализма. Также и «не въ томъ смыслѣ, чтобы интеллигентскій соціализмъ былъ полнымъ, истиннымъ соціализмомъ; ибо послѣдній, будучи вѣчной общечеловѣческой идеей, пребываетъ выше какой-бы то ни было классовой принадлежности, укорененной во временныхъ условіяхъ современнаго капиталистическаго строя». Де-Манъ называетъ свой соціализмъ интеллигентскимъ потому, что характеръ интеллигентскаго труда, обусловливающій единство волевого соціальнаго устремленія интеллигенціи какъ особаго слоя внутри современнаго общества, болѣе всего соотвѣтствуетъ основной идеѣ соціализма. Ибо подъ «интеллигенціей» Де-Манъ разумѣетъ отнюдь не «чиновничій пролетаріатъ», а тотъ соціальный слой, который выполняетъ въ современномъ обществѣ функцію творческаго труда и «руководится въ своей работѣ въ первую очередь мотивомъ цѣлесообразной организаціи, качества производства, служенія общественному цѣлому». Соотвѣтственно этому и истинное содержаніе соціализма заключается въ «вытѣсненіи корыстной цѣли въ хозяйствѣ цѣлью служенія, въ превращеніи производства въ служеніе общественному цѣлому, имѣющее цѣлью своей удовлетвореніе потребностей общества, а не полученіе прибыли». «Ибо идея соціализма порождена не тѣлесной нуждой физическаго работника, а душевной нуждой умственнаго работника». Поэтому англійскій гильдейскій соціализмъ и представляется Де-Ману «наиболѣе современной и наиболѣе продуманной формой интеллигентскаго соціализма». Если все же свою собственную точку зрѣнія Де-Манъ предпочитаетъ называть «неофабіанизмомъ», то дѣлаетъ онъ это очевидно потому, что англійскій фабіанизмъ въ гораздо большей степени чувствовалъ себя наслѣдникомъ демократически-либеральной идеи и гораздо тѣснѣе былъ связанъ съ конкретными нуждами рабочаго движенія, чѣмъ романтически настроенный и тяготѣющій къ «новому Средневѣковью» гильдейскій соціализмъ.

4.

Ибо интеллигентскому соціализму Де-Мана менѣе всего можно поставить въ упрекъ, что онъ игнорируетъ конкретныя нужды ра-

бочаго класса или даже стремится «вызвать расколъ между рабочими и интеллигенціей» (Каутскій, Die Gesellschaft, 1927, I, 77). Напротивъ, въ постановкѣ совершенно новыхъ проблемъ, непосредственно касающихся конкретной жизни рабочихъ, заключается какъ разъ самая оригинальная и плодотворная сторона новаго пониманія соціализма Де-Маномъ. Его книга о «радости въ трудѣ» есть образцовый опытъ проникновенія въ нынѣ еще совершенно невоздѣланную область науки о трудѣ. Де-Манъ исходитъ изъ предпосылки, что проблема эксплоатаціи есть проблема освобожденія рабочаго, и при томъ не освобожденія его **отъ** труда, а освобожденія его **въ** трудѣ. Основное зло капиталистическаго способа производства заключается не столько въ отрывѣ производителей отъ орудій производства, сколько въ отрывѣ производителей отъ производства, рабочаго отъ труда. Соціальный вопросъ заключается собственно въ томъ, «какъ можетъ человѣкъ найти счастье не черезъ посредство труда, а также въ самомъ трудѣ». Если до сихъ поръ «вся проблема труда заключалась въ возможномъ сокращеніи рабочаго времени и интенсивности работы», то сейчасъ проблема состоитъ въ томъ, «какъ замѣнить старый разрушенный мотивъ труда новымъ живымъ мотивомъ». Ибо и соціалистическое общество необходимо будетъ покоиться на трудѣ, и при томъ на трудѣ, производительность котораго должна будетъ значительно превосходить нынѣшнюю производительность. Но если соціалистическое общество органически выростаетъ изъ настоящаго, то кардинальный вопросъ всего соціализма заключается въ томъ, какимъ образомъ возможно повысить радость въ трудѣ и тѣмъ самымъ производительность труда рабочаго, и при томъ не въ будущемъ, а уже сейчасъ, въ настоящемъ, въ современной мастерской и фабрикѣ.

Де-Манъ приступаетъ къ рѣшенію этой проблемы съ помощью психологическаго метода, пользуясь при этомъ въ первую очередь матеріаломъ, полученнымъ имъ въ результатѣ спеціальной анкеты, проведенной имъ среди группы промышленныхъ рабочихъ, бывшихъ его слушателями и слушательницами во Франкфуртской Академіи Труда въ теченіе 1925-26 года. Къ сожалѣнію я не могу здѣсь входить въ разсмотрѣніе методологической стороны этого съ большимъ искусствомъ проведеннаго изслѣдованія. Точно также я долженъ оставить въ сторонѣ въ высшей степени поучительный аутентичный матеріалъ автобіографическихъ записей рабочихъ, приводимый Де-Маномъ, дающій интереснѣйшую картину реальнаго положенія рабочихъ въ современномъ промышленномъ предпріятіи. Въ настоящей статьѣ мнѣ придется ограничиться только краткимъ изложеніемъ итоговъ Де-Мановскаго изслѣдованія.

Самъ авторъ изображаетъ эти итоги въ приводимой имъ «схемѣ положительныхъ и отрицательныхъ элементовъ, взаимодѣйствіе которыхъ обусловливаетъ отношеніе рабочаго къ его работѣ». Мотивъ радости въ трудѣ есть сложный мотивъ, и онъ можетъ быть разложенъ на слѣдующіе

элементы: I. Элементарно-инстинктивные мотивы: 1) инстинктъ дѣятельности, 2) инстинктъ игры, 3) инстинктъ творчества, 4) инстинктъ знанія, 5) инстинктъ значимости (самоутвержденія себя въ окружающей соціальной средѣ), 6) инстинктъ владѣнія, 7) инстинктъ борьбы — II. Попутно благопріятствующіе мотивы: 1) стадный инстинктъ, 2) стремленіе къ господству и стремленіе къ подчиненію, 3) эстетическое удовлетвореніе, 4) соображенія личной выгоды, 5) соображенія соціальной пользы. — III. Чувство соціальнаго долга. — Этимъ положительнымъ элементамъ противостоятъ слѣдующіе обстоятельства, препятствующія радости въ трудѣ: I. Препятствія, вызываемыя технической стороной работы: 1) частичная работа вслѣдствіе крайняго раздѣленія труда, 2) монотонность работы вслѣдствіе: а) однообразія движеній въ работѣ, б) сокращенія инициативы, в) сокращенія вниманія, г) гипнотизирующаго ритмизированія, 3) утомленіе, 4) неблагопріятная техническая обстановка. II. Препятствія соціальнаго порядка, вызываемыя обстановкой работы у станка: 1) недовольство условіями труда, 2) несправедливыя системы заработной платы, 3) автократическая фабричная іерархія. — III. Препятствія соціальнаго порядка внѣ фабрики или завода: 1) длительная принадлежность къ низшему соціальному классу, 2) неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, 3) пренебрежительное отношеніе къ физическому труду въ окружающей соціальной средѣ. — Замѣчательно, что большинство участниковъ анкеты показали въ своихъ записяхъ, что они испытываютъ скорѣе радость чѣмъ недовольство трудомъ въ своей работѣ, — обстоятельство, отчасти объясняемое тѣмъ, что участники анкеты въ большинствѣ своемъ принадлежали къ квалифицированнымъ группамъ рабочихъ (металлисты, типографы, желѣзнодорожники). Основной выводъ, къ которому приходитъ Де-Манъ однако слѣдующій: «Всѣ рабочіе, относящіеся къ категоріи недовольныхъ своимъ трудомъ, характеризуя это свое недовольство своей работой, отмѣчаютъ непремѣнно также и отдѣльные моменты радости въ трудѣ, какъ бы ни были скудны эти положительные моменты; съ другой стороны, тѣ рабочіе, которые испытываютъ въ общемъ радость въ трудѣ, не упускаютъ случая указать также на препятствующіе моменты, вызывающіе чувство недовольства. Такимъ образомъ въ дѣйствительности всегда имѣетъ мѣсто состояніе неустойчиваго равновѣсія, состояніе взаимнаго напряженія между моментами, порождающими радость въ трудѣ и ей препятствующими». Существенно однако при этомъ то, что «въ сущности не существуетъ моментовъ, благопріятствующихъ радости въ трудѣ. Существуютъ только моменты препятствующіе... Всякій работающій инстинктивно стремится къ радости въ трудѣ, какъ каждый человѣкъ стремится къ счастью. Радость въ трудѣ совсѣмъ не нуждается въ «благопріятствованіи»: все дѣло въ томъ, чтобы она не была **ущемляема препятствіями»**. Анализъ этихъ моментовъ, препятствующихъ стихійному стремленію человѣка находить радость

въ своемъ трудѣ, и составляетъ главную часть изслѣдованія Де-Мана.

Особенный интересъ при этомъ представляетъ подробный анализъ вопроса о вліяніи механизированія на радость въ трудѣ. Перенятое марксизмомъ у буржуазной политической экономіи воззрѣніе, будто процессъ индустріализаціи въ возрастающей степени низводитъ рабочаго къ простому придатку машины, оказывается для нынѣшняго періода индустріализаціи ложнымъ. «Машина не только деквалифицируетъ рабочаго, но сплошь и рядомъ также его реквалифицируетъ». Въ цѣломъ рядѣ профессій (напр., типографы, наборщики, металлисты, — а какъ разъ эти профессіи представляютъ нынѣ центральный типъ современнаго индустріальнаго рабочаго) рабочій изъ простого придатка машины становится во все большей степени господиномъ ея и мастеромъ. Безусловной деквалификаціей труда была на самомъ дѣлѣ только первоначальная фаза механизированія, заключавшаяся въ вытѣсненіи ремесла машиной и достигшая своей высшей точки въ промышленной Европѣ во время голоднаго кризиса 1847-48 года (года рожденія Коммунистическаго манифеста!). Для этой фазы характерно враждебное отношеніе рабочихъ къ машинѣ. Послѣдующая стадія есть уже отнако «фаза усовершенствованія машины, во время которой возникаетъ новый видъ радости въ трудѣ, имѣющій своимъ слѣдствіемъ преобладаніе у рабочихъ положительнаго отношенія къ машинѣ» Въ этой второй «нынѣ преобладающей фазѣ механизированія деквалифицирующія тенденціи убываютъ, тогда какъ реквалифицирующія напротивъ возрастаютъ». Болѣе того. «въ настоящее время реквалификація черезъ машину есть соціальное явленіе уже гораздо большаго значенія, чѣмъ деквалификація». — «Только при опредѣленныхъ соціальныхъ условіяхъ, связанныхъ съ низкой ступенью развитія машины, послѣдняя есть врагъ рабочаго. При другихъ соціальныхъ условіяхъ и на болѣе высокой ступени техническаго развитія машина становится прямой предпосылкой его соціальнаго освобожденія». «Итакъ нѣтъ необходимости призывать къ задержкѣ техническаго развитія и требовать возврата назадъ, что все равно было бы напраснымъ дѣломъ. Нашъ лозунгъ вполнѣ можетъ быть: впередъ по пути техническаго прогресса!» Такимъ образомъ «механизированная работа» и «работа у машины» суть два понятія, которыя не должны быть смѣшиваемы другъ съ другомъ. Можно даже сказать, что на извѣстной ступени техническаго развитія «монотонная работа машины освобождаетъ обслуживающаго его рабочаго совсѣмъ или въ большей своей части отъ собственной монотонной работы. Откуда можно сдѣлать видимо парадоксальный выводъ, что лучшій способъ демеханизировать работу — это передать ее машинѣ»

Впрочемъ, несмотря на весь свой «здоровый оптимизмъ», Де-Манъ все же не вѣритъ въ возможность освобожденія рабочаго отъ механизированной работы. Положеніе Рескина, что «только трудъ можетъ оздоровить мышленіе, и только мышленіе можетъ

осчастливить трудъ; мышленіе и трудъ не могутъ быть безнаказанно отдѣлены другъ отъ друга», — требованіе это есть, по мнѣнію Де-Мана, плодъ «типично интеллигентскаго воззрѣнія», и оно представляется ему для современнаго индустріальнаго производства утопіей. Даже для квалифицированнаго рабочаго объединеніе жизненной цѣли съ повседневной работой («эндопонія») отнюдь не представляетъ собою всеобщаго факта. Большая масса рабочихъ ищетъ, а также и въ будущемъ будетъ искать смысла и цѣли своей жизни «естественно внѣ работы» («экзопонія»). Вѣра романтическаго соціализма въ эндопонію средневѣковаго ремесленника въ значительно степени покоится на иллюзіи, вызываемой тѣмъ, что массовой человѣкъ нынѣшняго времени сравнивается не со среднимъ же человѣкомъ, а съ выдающимися дѣятелями прошлыхъ временъ. Съ другой стороны, нельзя считать, что всѣ люди могутъ испытывать чувство радости въ трудѣ только въ случаѣ «одухотвореннаго труда». Утверждать это значило бы подсовывать всѣмъ людямъ свое интеллигентское ощущеніе. Для многихъ людей даже частичная и монтонная работа, если она искусно раціонализирована, вполнѣ хорошо переносима, какъ это утверждаетъ Фордъ относительно большинства своихъ рабочихъ. Болѣе того: «очень большое число рабочихъ видятъ преимущество въ автоматизированной работѣ, испытывая какъ облегченіе освобожденіе отъ долга иниціативы и связанныхъ съ нимъ заботы и отвѣтственности», не говоря уже о большомъ числѣ людей, которые еще въ недавнемъ прошломъ могли быть только объектами пауперистической филантропіи, нынѣ же, работая у движущейся ленты на заводахъ Форда, ведутъ экономически самостоятельное существованіе и находятъ удовлетвореніе въ своей механизированной работѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ механизированной работы поднятіе радости въ трудѣ можетъ въ большой степени достигнуто черезъ устраненіе прочихъ обстоятельствъ, вызывающихъ недовольство работой. Главная проблема при этомъ заключается «въ болѣе раціональномъ соціальномъ отборѣ, въ томъ, чтобы поставить надлежащаго человѣка на надлежащее мѣсто или, выражаясь скромнѣе, дать возможность отдѣльному человѣку стать на наименѣе непригодное для него мѣсто. Введеніе болѣе раціональныхъ, болѣе удобныхъ и экономныхъ методовъ труда, прежде всего также раціонализація рынка въ смыслѣ преобразованія предпринимательскаго хозяйства въ потребительское можетъ въ свою очередь въ очень большой степени содѣйствовать повышенію радости въ трудѣ тѣмъ, что открываетъ вновь возможность сочетать частичную и монотонную работу съ новымъ этическимъ представленіемъ соціальной цѣли труда (идея общей пользы). Такимъ образомъ, поскольку основное зло нынѣшней индустріализаціи труда — частичная монотонная работа есть плодъ фактически уже происшедшаго процесса обобществленія хозяйства, то именно дальнѣйшій ростъ этого обобществленія болѣе всего способенъ лишить его его жала

Наконецъ, устраненіе неблагопріятныхъ техническихъ условій внѣшней обстановки труда и въ особенности образовательная дѣятельность среди рабочихъ, направленная на болѣе разумное использованіе ими свободнаго времени, могутъ въ свою очередь въ очень большой степени содѣйствовать повышенію радости въ трудѣ у тѣхъ рабочихъ, которые вынуждены зарабатывать свой хлѣбъ механизированнымъ фабричнымъ трудомъ.

Изъ прочихъ выводовъ Де-Мановскаго изслѣдованія мы приведемъ здѣсь только нѣсколько наиболѣе существенныхъ. «Записи рабочихъ показываютъ, что, если отвлечься отъ оборонительной борьбы за сохраненіе восьмичасоваго рабочаго дня, стремленіе рабочихъ къ большему досугу проявляется въ настоящее время болѣе въ направленіи увеличенія годичнаго отпуска (и пожалуй также недѣльнаго по образцу англійскаго week-end), чѣмъ въ направленіи дальнѣйшаго сокращенія ежедневнаго рабочаго времени». Чрезвычайно интересны также соображенія Де-Мана по вопросу объ аккордной заработной платѣ. Безспорно, очень значительная часть рабочихъ настроена противъ аккордной заработной платы, раздѣляя первоначальное пролетарское возмущеніе противъ этой системы, въ еще недавнемъ прошломъ вполнѣ обоснованное несправедливымъ использованіемъ ея предпринимателями въ своихъ корыстныхъ интересахъ и возведенное марксизмомъ въ догму теоріи и практики классовой борьбы. Однако, въ настоящее время, говоритъ Де-Манъ, и повсемѣстно замѣчается постепенное вытѣсненіе идеала равной временной оплаты труда идеаломъ дифференцированной оплаты соотвѣтственно качеству и продуктивности труда». Параллельно съ ростомъ рабочаго движенія происходитъ и поворотъ отъ тенденціи, направленной на нивеллированіе заработной платы, къ тенденціи, направленной на ея дифференцированіе», и при томъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше практика тарифныхъ договоровъ и въ особенности установленіе справедливой минимальной заработной платы очищаютъ аккордную систему отъ ея конкретныхъ недостатковъ.

Уже изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній съ достаточной ясностью видно, что для Де-Мана проблема радости въ трудѣ есть нѣчто значительно большее, чѣмъ простой только предметъ психологическаго изслѣдованія. Проблема эта, которую онъ въ своей книгѣ изслѣдуетъ только въ отношеніи современнаго индустріальнаго рабочаго, совпадаетъ для него въ существенномъ съ проблемой «эксплоатаціи». Только сводя феноменъ эксплоатаціи метафизически къ прибавочной цѣнности, можно еще вѣрить въ то, что эксплоатація можетъ быть упразднена сразу чисто механическимъ образомъ, путемъ «овладѣнія средствами производства». Въ конкретной дѣйствительности напротивъ эксплоатація есть сложный комплексъ чрезвычайно разнообразныхъ явленій, и она можетъ быть упразднена лишь постепенно упорной повседневной работой профессіональныхъ, кооперативныхъ и образовательныхъ рабочихъ организацій, направленной

на созданіе новыхъ длительныхъ учрежденій. Учрежденія эти отнюдь не только временныя средства для превращенія рабочаго класса въ «сознательный пролетаріатъ», предназначенныя исчезнуть послѣ побѣдоносной соціальной революціи, но ячейки новаго строя, ростъ и укрѣпленіе которыхъ и составляетъ процессъ органическаго выростанія соціализма изъ нынѣшняго общественнаго порядка. Въ созданіи этихъ учрежденій и заключается подлинный, истинный смыслъ классовой борьбы. И борьба эта въ существенномъ совпадаетъ какъ съ борьбой за радость въ трудѣ, такъ и съ «борьбой за человѣческое достоинство и соціальную справедливость». Теперь понятно, почему Де-Манъ называетъ свой соціализмъ психологическимъ: «подобно тому какъ хозяйственная форма, какъ экономическая категорія стояла въ центрѣ старой теоріи, точно такъ же средоточіемъ новой теоріи долженъ стать конкретный человѣкъ какъ одушевленное существо». Поэтому также Де-Манъ разсматриваетъ не только препятствія, вызываемыя технической стороной работы, но также и тѣ отрицательные моменты соціальнаго порядка, препятствующіе испытывать радость въ трудѣ, которыя вызываются обстановкой работы у станка или даже общими соціальными условіями внѣ фабрики или завода, охватывая всего человѣка въ цѣломъ. «Соціализація» въ смыслѣ механической перемѣны субъекта собственности (замѣны единоличнаго собственника коллективнымъ) менѣе всего способна упразднить эти отрицательные моменты соціальнаго порядка. Записи рабочихъ показываютъ, что «какъ разъ въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ публичнымъ лицамъ (городамъ, государству) и не имѣющихъ цѣлью своей выколачиваніе прибыли, ненависть противъ начальства особенно сильна — вслѣдствіе свойственной такого рода предпріятіямъ бюрократизаціи ихъ и милитаризаціи, сообщающей всей системѣ администраціи особенно деспотическій характеръ». Только преобразованіе заводской іерархіи въ направленіи «хозяйственной демократіи» можетъ на дѣлѣ устранить эту одну изъ самыхъ главныхъ причинъ недовольства трудомъ, составляющую вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ феномена «эксплоатаціи». Впрочемъ моментъ этотъ находится въ тѣсной связи съ моментами общаго соціальнаго порядка, на трехъ изъ которыхъ Де-Манъ останавливается болѣе подробно: 1) длительная принадлежность къ неимущему классу, 2) пренебрежительное отношеніе общества къ физическому труду, 3) неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. То обстоятельство, что оба первыя условія менѣе всего даютъ себя чувствовать въ Соед. Штатахъ Америки, чѣмъ и объясняется столь незначительная соціальная агрессивность американскаго рабочаго, показываетъ, что упраздненіе ихъ можетъ быть достигнуто лишь на пути дальнѣйшаго укрѣпленія и расширенія демократіи какъ въ области государства, такъ и въ области школы и соціальныхъ установленій и обычаевъ, а отнюдь не путемъ т. наз. «диктатуры пролетаріата», которая, какъ о томъ свидѣтельству-

етъ опытъ коммунистической Россіи, есть на дѣлѣ не что иное, какъ неограниченное господство партійной олигархіи.

5.

Де-Манъ самъ называетъ основную позицію своего ученія объ обществѣ волюнтаристической, плюралистической и институціонной. Въ самомъ дѣлѣ установка его волюнтаристична постольку, поскольку Де-Манъ исходитъ не изъ познанія нѣкоей непреложимой неизбѣжности (Muss), а изъ осуществляемаго свободной человѣческой волей долженствованія (Sollen). Отказываясь отъ вырисовыванія неподвижной, разъ на всегда готовой картины идеальнаго будущаго строя, онъ удовлетворяется тѣмъ, что намѣчаетъ направленіе движенія, получающееся въ результатѣ отнесенія конкретной дѣйствительности современнаго общества къ требующему ея преобразованія долженствованію. «Превращая такимъ образомъ соціалистическіе идеалы въ соціалистическіе мотивы», новая теорія оправдываетъ себя въ мѣру того, какъ они осуществляется въ дѣйствительности. Понять смыслъ есть то же самое, что осуществлять смыслъ въ дѣйствительности. Съ другой стороны, новая теорія плюралистична, ибо она отказывается отъ признанія какой-то одной послѣдней метафизической причины соціальнаго зла, а исходитъ изъ многообразія конкретныхъ явленій, въ которыхъ соціальное зло обнаруживается какъ реальный фактъ дѣйствительности и устранить которыя въ отдѣльности составляетъ собственную задачу соціализма. Наконецъ, «институціонна» установка Де-Мана «въ томъ смыслѣ, что она усматриваетъ характерную черту вызываемыхъ соціалистическимъ движеніемъ культурныхъ перемѣнъ въ созданіи имъ ряда новыхъ установленій, или **учрежденій».** Въ этомъ отношеніи она означаетъ возвращеніе назадъ къ точкѣ зрѣнія Прудона, объявленной Марксомъ въ свое время «мелкобуржуазной». Какъ для Прудона такъ и для Де-Мана революція есть не что иное какъ «итогъ повседневнаго развитія соціальныхъ учрежденій, вызываемыхъ къ жизни самоорганизаціонной дѣятельностью рабочаго класса по преимуществу внѣ сферы политической власти». Уже на этомъ основаніи Де-Ману не представляется возможнымъ втиснуть смыслъ соціализма въ какую-то одну универсальную, всеустроякющую формулу механическаго типа, вродѣ «обобществленіе средствъ производства». Формула эта уже потому должна быть окончательно отброшена, что перемѣна субъекта собственности сама по себѣ ни въ малѣйшей мѣрѣ не содѣйствуетъ разрѣшенію конкретной проблемы эксплоатаціи, какъ и обратно: разрѣшеніе этой послѣдней проблемы совсѣмъ не требуетъ всегда перемѣны субъекта собственности Истинное, органическое обобществленіе продуктивной собственности отнюдь не означаетъ «отрѣшенія индивида отъ собственности на средства производства». Напротивъ, «инвалидъ (въ томъ числѣ и отдѣльный рабочій) въ существѣ желаетъ **болѣе** собственности, по крайней мѣрѣ въ

смыслѣ *большаго права распоряженія*». Ибо «чувство владѣнія, переносимое человѣкомъ на вещи, которыя онъ используетъ для потребленія или какъ орудія труда или которыя онъ самъ создалъ, — это чувство владѣнія и покоющееся на немъ притязаніе на собственность отнюдь не есть проклятый продуктъ безнравственнаго общественнаго строя, но есть неискоренимое предположеніе всякой общественной нравственности. Частная душа обусловливаетъ этотъ родъ частной собственности, и способъ производства, не считающійся съ этимъ кардинальнымъ фактомъ, заранѣе обреченъ на неуспѣхъ». Цѣль соціализма заключается поэтому не столько въ томъ, чтобы отмѣнить частную собственность, сколько въ томъ, чтобы вернуть ей ея истинный, нынѣ въ существенномъ ею утраченный смыслъ.

Какимъ путемъ пойдетъ это реальное органическое обобществленіе собственности, къ какому институціонному преобразованію права собственности оно поведетъ, — объ этомъ Де-Манъ, къ сожалѣнію, не говоритъ, хотя онъ самъ неоднократно замѣчаетъ, что дальнѣйшее развитіе хозяйственной демократіи должно повлечь за собою установленіе новаго правового состоянія. Можно только предполагать, что по мнѣнію Де-Мана это преобразованіе права собственности будетъ и должно протекать не въ видѣ замѣны нынѣшнихъ формъ собственности одной новой **универсальной** формой собственности, а въ видѣ внутренняго преобразованія **разнообразныхъ** формъ собственности въ одномъ опредѣленномъ направленіи, которое въ самыхъ общихъ чертахъ можно означить съ помощью понятія функціи. Впрочемъ философско - правовая проблематика соціализма чужда Де - Ману, почему онъ оставляетъ также совершенно въ сторонѣ и вопросъ о той новой формѣ государства, которая должна органически вырасти изъ современнаго парламентарнаго государственнаго строя въ результатѣ дальнѣйшаго развитія и углубленія въ немъ начала демократіи. Здѣсь мы наталкиваемся на границу Де-Мана какъ теоретика соціализма. Не въ томъ смыслѣ, чтобы его теорія или его общая точка зрѣнія исключала постановку такого рода философско - правовыхъ проблемъ. Напротивъ, и для самого Де-Мана соціализмъ есть не только психологическая проблема, но также и проблема права, и при томъ проблема новаго правового состоянія, новой правовой **идеи,** а не только новаго правового **чувства.** Де-Манъ вполнѣ сознаетъ, что устраненіе тѣхъ отрицательныхъ моментовъ соціальнаго порядка, вызывающихъ недовольство трудомъ, о которыхъ шла рѣчь выше, необходимо предполагаетъ органическое преобразованіе правовыхъ формъ какъ государственнаго строя, такъ и порядка собственности. И если философско - правовая проблематика соціализма все же не интересуетъ Де-Мана, то не интересуетъ она его въ совсѣмъ другомъ смыслѣ и въ силу совсѣмъ другихъ причинъ, чѣмъ тѣ, въ силу которыхъ онъ пересталъ интересовать марксизмъ.

Причины эти, мнѣ кажется, лежатъ главнымъ образомъ въ об-

щемъ философскомъ воззрѣніи Де-Мана. Міровоззрѣніе его можно болѣе или менѣе точно обозначить какъ психологистически окрашенный интуитивизмъ. Съ одной стороны, Де-Манъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ психоаналитической теоріи главнымъ образомъ въ той формѣ, которую придалъ ей Альфредъ Адлеръ; съ другой стороны онъ находится подъ вліяніемъ Бергсона, которому онъ впрочемъ повидимому знаетъ лишь отчасти. Правда, Де-Манъ самъ чувствуетъ границы психоаналитическаго метода и невозможность возвести психоанализъ въ основу философскаго міровоззрѣнія. Такъ между прочимъ онъ замѣчаетъ вполнѣ антипсихологически, что психологія не можетъ обосновывать этики, и что при оцѣнкѣ какого-либо поступка слѣдуетъ имѣть въ виду не породившій его мотивъ, а его нравственную цѣнность. Онъ идетъ еще далѣе, признавая, что развитіе психоанализа, исходившаго изъ взгляда на человѣка какъ на чисто животное существо, въ концѣ концовъ привело психоанализъ къ открытію въ человѣкѣ божественнаго начала. Очень правильно и прекрасно онъ говоритъ: «есть нѣчто потрясающее душу и возвышающее въ томъ обстоятельствѣ, что всякій разъ, когда мы проникаемъ въ душу человѣка достаточно глубоко, все равно, въ какомъ бы направленіи мы ни углублялись въ нее, даже когда мы ищемъ въ ней однихъ только звѣриныхъ началъ, — мы въ концѣ концовъ всегда находимъ въ ней божественное». «Какое блестящее подтвержденіе прежнихъ интуитивныхъ предчувствій и вмѣстѣ съ тѣмъ какое драгоцѣнное свидѣтельство глубины его собственнаго метода содержится въ томъ фактѣ, что психоанализъ не можетъ уже сейчасъ повторить словъ Лаланда о Богѣ: «я не нуждаюсь въ этой гипотезѣ!», — но напротивъ долженъ сказать: «нѣтъ ничего болѣе реальнаго въ человѣкѣ какъ божественная сила нравственнаго закона»! Это безспорно такъ. Но безспорно также, что эта «реальнѣйшая реальность» нравственнаго закона не есть простая психологическая данность, но что она принадлежитъ къ поистинѣ божественному міру идеальныхъ сущностей, которыя однако совсѣмъ не должны быть непремѣнно мыслимы какъ «субстанціи» съ помощью «недвижныхъ и жесткихъ понятій». Между тѣмъ при изслѣдованіи философско-правовой проблематики соціализма нѣтъ какъ разъ никакого иного пути, кромѣ того, который исходитъ изъ этого именно идеальнаго міра, лежащаго въ основѣ *всякаго конкретнаго права* и всякой конкретной морали. Чувствуя это, Де-Манъ однако слишкомъ плѣненъ своей психологіей, чтобы быть въ состояніи самому пойти по этому пути. Его психоаналитическія привычки заводятъ его подчасъ такъ далеко, что онъ не видитъ «ничего иного», кромѣ какъ только «грандіозную систему компенсирующихъ представленій» въ томъ, что онъ самъ хотѣлъ бы положить какъ вѣчную истину въ основу своего соціализма. Но если христіанство дѣйствительно есть истинное основаніе соціализма, какъ всеобщаго нравственнаго идеала человѣчества, то оно есть именно нѣчто со-

всѣмъ иное, чѣмъ простое «сублимированіе» животныхъ инстинктовъ Впрочемъ, дѣло здѣсь, пожалуй, не въ одномъ только психологизмѣ. Ограниченность Де-Мановскаго міровоззрѣнія коренится глубже. Онъ самъ не колеблется назвать свое міровоззрѣніе **вѣрой.** Но есть ли это дѣйствительно вѣра, или Де-Манъ и въ томъ является типичнымъ интеллигентомъ своего времени, что вѣра его есть болѣе жажда вѣры, даже воля къ вѣрѣ, но не подлинная самая вѣра, и не изъ этого ли безсилія вѣры проистекаетъ и его враждебность къ разуму и его тяготѣніе къ ирраціонализму?

Такимъ образомъ то самое, что составляетъ сильную сторону Де-Мана, что привело его къ открытію новой и плодотворной проблематики (радости въ трудѣ), — это самое именно парадоксальнымъ образомъ составляетъ и его границу. «Психологическій соціализмъ» Де-Мана поистинѣ есть открытіе. Соціализмъ долженъ стать психологическимъ, какъ онъ, впрочемъ, необходимо долженъ также остаться «экономическимъ». Но соціализмъ долженъ быть также понятъ и разработанъ какъ проблема права. Для того же, чтобы въ этой своей многоликости оставаться все же однимъ и тѣмъ же соціализмомъ, онъ долженъ быть ни экономическимъ, ни психологическимъ, ни правовымъ, а философскимъ. Только на этомъ пути философскаго обоснованія вся многосложная проблематика соціализма сможетъ быть сведена въ одно цѣлое и укоренена въ единствѣ міровоззрѣнія, — и что нужда въ послѣднемъ сейчасъ особенно остро чувствуется, это показываетъ самъ Де-Манъ въ своей превосходной характеристикѣ младосоціалистическаго движенія Чтобы понять себя самого и «вѣкъ психологіи» долженъ сдѣлаться философскимъ, такъ же какъ въ лицѣ Канта къ философіи пришелъ и «вѣкъ естествознанія».

Интуитивизмъ безсиленъ разрѣшить эту задачу. Способъ, которымъ пользуется имъ Де-Манъ, лишній разъ подтверждаетъ его недостаточность. Страницы его книги, на которыхъ онъ пытается изложить своего рода гносеологію, суть единственныя слабыя страницы его сочиненій. Онъ не выходитъ здѣсь за предѣлы туманнаго витализма, съ одной стороны мысля всѣ матеріальные процессы по образцу фиктивной «механической реакціи», сверхмеханическій характеръ которой не соотвѣтствуетъ уже даже болѣе началамъ современной механики, а съ другой стороны сваливая всѣ біологическіе, психологическіе, историческіе и даже эстетическіе процессы въ одну кучу «психической реакціи», свойства которой опредѣляются имъ черезъ простое отрицаніе свойствъ «реакціи механической». Тѣмъ самымъ Де-Манъ не только впадаетъ въ рядъ противорѣчій, но и впадаетъ въ ту самую ошибку «жесткаго метода пограничныхъ понятій», въ которой онъ справедливо усматриваетъ основной порокъ марксова мышленія и вслѣдствіе которой Марксъ не въ силахъ былъ мыслить **другое** иначе какъ черезъ простое отвлеченное **отрицаніе даннаго.** Истинный плюрализмъ, если онъ не желаетъ оставаться только моднымъ лозунгомъ, но дѣйствительно стремится понять

многосложное строеніе міра во всей его дифференцированности и во всемъ своеобразіи его отдѣльныхъ сферъ, не можетъ удовлетвориться простой «интуиціей» (опредѣляемой Де-Маномъ какъ «воспріятіе на основѣ подсознательнаго чувства») и «интроекціей» (по Де-Ману — «вчувствованіемъ»). Онъ не можетъ отказаться отъ «понятій» и отъ «мышленія», которое даже и въ томъ случаѣ, когда оно «логично» и «раціонально», отнюдь не совпадаетъ, вопреки утвержденію Де-Мана, съ языкомъ и грамматикой. Какой-то «комплексъ боязни» чувствуется позади отрицательнаго отношенія Де-Мана ко всякой философіи, пользующейся понятіями, и ко всякой діалектикѣ, и не трудно отгадать, что лежащее въ основѣ его отвращеніе къ Гегелевской діалектикѣ имѣетъ своимъ источникомъ отталкиваніе отъ Маркса, проникающее собою все умонастроеніе Де-Мана. Этотъ «комплексъ боязни» до того силенъ, что Де-Манъ утрачиваетъ даже присущую ему изысканность вкуса, предпочитая Гегелевской діалектикѣ гуманный ирраціонализмъ... Кейзерлинга! Однако Гегель былъ истиннымъ **зрителемъ** божественнаго въ мірѣ, и драгоцѣнное сокровище своей интуиціи онъ умѣлъ вобрать въ свою діалектику въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ это думаетъ Де-Манъ. Если у Маркса эта діалектика выродилась въ пустую механическую схему, то причина тому коренилась не въ самой діалектикѣ а въ томъ духѣ отрицанія и просвѣтительскаго высокомѣрія, въ «жаркомъ дыханіи» котораго не могло не отмереть все великое и положительное Гегелевской интуиціи.

С. Л. Гессенъ.

Безпризорная Русь

...«Всѣ насъ боятся. Эхъ, и жисть наша.. Завели бы ужъ лучше куда нибудь, да разстрѣляли изъ пушекъ, чѣмъ такъ даромъ съ нами морочиться».

Разговоръ съ безпризорнымъ изъ дѣтскаго дома въ Харьковѣ (**«Коммунистъ»**, 27 января 1926 г.).

I.

Кто не читалъ въ совѣтской прессѣ замѣтокъ, фельетоновъ, сценокъ изъ жизни безпризорныхъ, — особаго народца, живущаго въ порахъ совѣтскаго строя? Навѣрное читали всѣ. Лично я не только читала, но и наблюдала кошмарное развитіе этого явленія въ періодъ пятилѣтней жизни въ Россіи послѣ Октября. И не только наблюдала. Вмѣстѣ съ другими «старыми общественниками» пыталась бороться съ нимъ учрежденіемъ Лиги Спасенія Дѣтей, организаціи, возникшей по иниціативѣ покойнаго В. Г. Королен-

ко. Да, явленіе — знакомое. Говорятъ, въ Россіи къ нему даже привыкли: не потрясаетъ уже, не волнуетъ...

Я не знаю, какъ можно привыкнуть къ язвѣ, мучительно разъѣдающей тѣло... Думаю, увѣрена, что и тамъ не всѣ «привыкли». Ну, а здѣсь на опытѣ можно убѣдиться, что привычки или притупленія чувствъ не образовалось. Достаточно взять въ руки и прочесть (оторваться нельзя!) только что вышедшую книгу В. М. Зензинова «Безпризорные»*). Книга, которая потрясаетъ и не даетъ жить даже нашей трудной жизнью... Еще раньше книги В. М. Зензинова появлялись въ зарубежьѣ прекрасныя работы проф. А. В. Маклецова**). Казалось-бы, все сказано, все изучено, все анализировано. Но вотъ съ какимъ-то особымъ душевнымъ вниманіемъ (это — больше, чѣмъ «изученіе») подошелъ къ этому вопросу новый авторъ. И нельзя оторваться отъ этой страшной книги, начавъ ее читать...

Что - же новаго далъ въ ней авторъ? «Всюду есть безпризорные, заброшенныя дѣти», пишетъ въ «Русской Школѣ» проф. Маклецовъ, но едва-ли гдѣ нибудь мы найдемъ, условно говоря, **соціальный классъ безпризорныхъ дѣтей,** какъ нѣкоторую неизбѣжную принадлежность повседневнаго быта, какъ своего рода нерастворимый **«соціальный осадокъ».** Мы употребляемъ это выраженіе потому, что эта категорія бродячей Руси, дѣйствительно, не вмѣщается ни въ одну изъ общественныхъ ячеекъ: у этихъ дѣтей нѣтъ семьи; школа также создана не для нихъ, и если время отъ времени они попадаютъ въ тѣ или иныя дѣтскія учрежденія, то это часто лишь временная остановка на ихъ крестномъ пути». Собравъ огромный матеріалъ о безпризорныхъ, В. М. Зензиновъ далъ намъ исчерпывающую картину жизни, быта, психологіи этой безпризорной, бродячей Руси, этого **особаго класса,** который тщетно хотятъ уничтожить и люди, вставшіе у власти, и общественники, еще уцѣлѣвшіе въ военно - коммунистической странѣ... Но уничтожить ихъ — при современныхъ условіяхъ — нельзя. Эти условія дѣйствуютъ съ неумолимой закономѣрностью и выбрасываютъ этотъ «соціальный осадокъ» — въ количествѣ, говорящемъ уже о какой то острой «безпризорности» самой страны. Сколько ихъ въ самомъ дѣлѣ, этихъ маленькихъ бродягъ, стаями переползающихъ всю страну — съ сѣвера на югъ и снова съ юга на сѣверъ? Никто ихъ не считалъ и сосчитать не можетъ, какъ нельзя сосчитать постоянно рождающихся и умирающихъ комаровъ и мухъ въ загрязненныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ.. Совѣтскіе изслѣдователи называли разныя цифры, — иногда прямо невѣроятныя: два милліона, семь милліоновъ, девять милліоновъ. Девять, — вѣроятно-ли? Кто это знаетъ? Вотъ

*) В. М. Зензиновъ, Безпризорные. Изд. «Соврем Записки», Парижъ, 1929 г., стр. 318.

**) См., напр, его статью въ № 24 «Русской Школы за рубежомъ»: «Борьба съ дѣтской безпризорностью въ СССР», и другія его работы.

мечтаютъ маленькіе звѣрьки, живущіе въ холодной Москвѣ о благодатномъ югѣ. Нужно передвинуться туда, на югъ. **«Безпозорные»** зовутъ ихъ на югѣ. «Они появляются съ марта мѣсяца. Конечно, ихъ и зимой здѣсь достаточно, но пріѣзжіе безпризорные — это сезонное бѣдствіе. Черезъ Ростовъ ежегодно, въ сезонъ, проходитъ свыше 10.000 безпризорныхъ. Черезъ Новороссійскъ еще больше». А къ зимѣ — снова на сѣверъ, въ города... А какъ живутъ они на этихъ южныхъ «курортахъ»? Гдѣ? Ну, вотъ одно изъ комфортабельныхъ жилищъ. Между Новороссійскомъ и Геленджикомъ на шоссе стоитъ недостроенная дача бывшаго князя Шаховского, — мрачная, каменная руина, съ дырами вмѣсто оконъ. Здѣсь — «безпозорная станція». Вы входите съ опаской въ дыру, которая когда-то готовилась быть дверью этого княжескаго дворца и неожиданно натыкаетесь на человѣческое жилье. Въ одной изъ комнатъ, гдѣ сохранилась часть потолка, изъ камней сложены скамьи, столъ, даже подобіе кресла — нѣчто вродѣ опернаго трона какого-нибудь Радамеса. Въ углу — сѣно, трава, тряпки. А на столѣ — на «столѣ» въ кавычкахъ, самое неожиданное: чайникъ, махорка, кружка и... шахматы! На стѣнѣ углемъ или просто сажей попытка нарисовать человѣка. Подъ рисункомъ надпись: «Ильичъ Ленин. Рисовалъ безпризорный Семенъ Тамбовскій».

Развѣ не великолѣпный курортъ? Въ соціалистической странѣ Ильича Ленина?

А затѣмъ — налеты на бахчи, огороды, охота за дынями въ особенности («и сочная, и сладкая, и сытная ѣда»...), а также попрошайничество у курортниковъ, живущихъ хотя и не во дворцѣ князя Шаховского, но въ лучшихъ условіяхъ...

— Дяденька, дай! Дяденька, слышь, дай-же!..

— Отстань!..

А мальчикъ тянется жутко-грязной рукой къ недоѣденному пирожку.

И цѣлый день, съ 7 утра, когда открываются кофейни, до 12 час. ночи, вьются вокругъ столиковъ эти страшныя дѣти, непохожія на дѣтей, и поютъ свою заунывную пѣсень:

— Дай! Дай! Дай!

Всѣ они — изъ Россіи. Съ наступленіемъ холодовъ снимаются и ѣдутъ. Ѣдутъ подъ вагонами, на тормозахъ, на товарныхъ площадкахъ, на крышахъ. Ѣдутъ съ безчисленными невольными пересадками. Изъ ста доѣзжаютъ десять. Остальные — теряются по дорогѣ. Что это значитъ — «теряются»? Догадаться нетрудно. А что было-бы, если-бъ они не «терялись»? Быть-можетъ, считать пришлось - бы и еще выше 9 милліоновъ?

Или вдругъ автомобиль наткнется на какую то шевелящуюся кучу... Это — «какая-то каша лохмотьевъ, волосъ, коричневыхъ плечъ и ногъ, палокъ, курносыхъ физіономій, обращенныхъ къ вамъ... Глаза блестятъ, какъ фонари и устремлены прямо въ ваши глаза — сразу всѣ 16 - 20 глазъ... И въ этихъ голодныхъ и откровенныхъ взглядахъ вы читаете

— **Если-бъ насъ побольше, а васъ — поменьше».**

Они умны, эти лохмотья, и мѣтко отвѣчаютъ на «анкетные» вопросы. Бѣжитъ Васька изъ дѣтскаго дома, гдѣ нѣтъ «воли», и пробирается въ Баку. Зачѣмъ? Тамъ по его свѣдѣніямъ «завсегда температура».

— А въ Баку что будешь дѣлать?

Васька думаетъ. И, подумавъ, отвѣчаетъ:

— Извѣстно что — находиться...

Ну, конечно, только это: находиться, выжить, какъ-нибудь выжить въ порахъ этого проклятаго «общества», которое отняло у ребенка семью, но не дало ни средствъ къ жизни, ни школы, — ничего кромѣ этихъ лохмотьевъ и ловкости въ состязаніи со стихіей.

Кто они такіе, эти безпризорные бродяги? Составъ такой. На первомъ мѣстѣ (по 14 губ. на 1 - VI 1924 г.) идутъ дѣти крестьянъ — 54,5%. Деревня не прокармливаетъ свой приростъ, — слишкомъ большой для ея нищихъ возможностей; на второмъ — дѣти.. диктатора - пролетаріата—24,3%; дѣти служащихъ — 5,5%; дѣти красноармейцевъ — 3,2%; ремесленниковъ и кустарей — 5,5%. Основная категорія — дѣти рабочихъ и крестьянъ, т. е. «хозяевъ» Совѣтскаго государства. Достаточно привести эти цифры соціальнаго состава безпризорныхъ, чтобы безъ дальнѣйшихъ анализовъ признать острое неблагополучіе «рабоче - крестьянскаго» государства. Оторвавшись отъ этихъ слоевъ, безпризорные становятся чуждыми имъ: «классовая солидарность» перестаетъ дѣйствовать.. «Само населеніе, пишетъ проф. Маклецовъ, — особенно крестьянское, съ большой опаской и явнымъ недовѣріемъ относятся къ питомцамъ дѣтскихъ домовъ. Среди населенія царитъ, по характеристикѣ одного совѣтскаго автора, обывательская точка зрѣнія на безпризорныхъ дѣтей, какъ на опасный элементъ, котораго надо сторониться». Это — отщепенцы въ полномъ смыслѣ слова. Ихъ боятся и тогда, когда они на волѣ, и тогда, когда часть изъ нихъ попадаетъ въ дѣтскія дома. Эту свою обособленность, чуждость нравамъ и обычаямъ общества, въ которомъ они живутъ, отлично сознаютъ и сами дѣти, — стоитъ только разъ поговорить съ ними:

— Какъ тебя зовутъ? — спрашиваютъ попавшагося въ облавѣ безпризорнаго.

— Иванъ, а можетъ быть и Алексѣй.

— Твоя фамилія?

— У меня сорокъ ихъ, этихъ фамилій. Могу назвать, выбирай сама.

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Тысяча лѣтъ съ кисточкой.

— Гдѣ твои родители?

— Въ Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ.

— Кто они?

— Николай Романовъ Можетъ, кто нибудь ему и помогалъ. Не помню

Вотъ психологія. Презрѣніе ко всѣмъ этимъ фамиліямъ, именамъ, лѣтосчисленіямъ, родствамъ..

Я помню мальчика «Петьку», попавшаго въ Лигу Спасенія Дѣтей и затѣмъ бѣжавшаго изъ ея колоніи, не выдержавъ ея порядковъ и дисциплины. Дѣти звали

его «Петькой», за что персоналъ преслѣдовалъ ихъ.

— Называйте мальчика Петей. Что это за «Петька»?

— Да онъ — бродяга...

— Теперь онъ не бродяга, онъ — въ нашей семьѣ...

Мальчикъ угрюмо слушалъ и затѣмъ сказалъ:

— Петька и есть. А какъ-же не Петька? Не Петя-же, — не Петичка...

— Почему-же не Петя? спросила воспитательница.

— Почему... Пети и Петички совсѣмъ **другія дѣти...**

Какъ характеренъ такой отвѣтъ! И какъ онъ рветъ душу... Да, Пети и Петички — совсѣмъ другія дѣти... Онъ — Петька, Петька — внѣ семьи, внѣ общества. А можетъ быть и не Петька, не все-ли равно? Кто о немъ думаетъ, кто ласково вспомнитъ его имя? Кто приласкаетъ по-родственному?...

И бродятъ Петьки по всей Руси Зимой — опять съ юга въ большіе города Тамъ они будутъ «находиться» въ котлахъ для варки асфальта, въ ямахъ возлѣ вокзаловъ, въ ларяхъ на базарахъ, въ пещерахъ подъ мостомъ (какъ въ Симферополѣ). Изъ этихъ укромныхъ мѣстъ они будутъ выходить «на охоту», вышибать ридикюли, срѣзать карманы, а въ крайнихъ случаяхъ рѣшаться и на болѣе рискованныя «правонарушенія» Потомъ статистики подведутъ, сколько было ихъ, этихъ правонарушителей . Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ, какъ не этой охотой?

Сами они — **безпозорные,** какъ правильно назвала ихъ простая народная мудрость Не безпозорно, однако, государство, въ которомъ прочно стабилизировалось это явленіе. Въ 1925 г. «Извѣстія» писали: «Гражданская и имперіалистическая война завѣщали намъ много тяжелыхъ послѣдствій Но среди нихъ **однимъ изъ самыхъ ужасныхъ, несомнѣнно, является накопленіе кадровъ безпризорныхъ дѣтей, не имѣющихъ пріюта, голодающихъ, не получающихъ надлежащаго воспитанія и угрожающихъ созданіемъ поколѣнія, пагубнаго для интересовъ Республики.** Эти невольные осколки гражданской и внѣшней войны, эти щепки отъ рубки лѣса, эти пасынки, разсѣянныя въ странѣ, — все это живые люди, все это — будущія поколѣнія, все это — **новая бродячая Русь,** наличность которой представляетъ **позоръ и величайшую опасность для Совѣтской Республики».**

Это совершенно вѣрно. **безпозорные** для себя, ибо нѣтъ ихъ вины за ихъ крестный путь, безпризорные являются величайшимъ **позоромъ** для Республики, тоже именующей себя «соціалистической».

Кромѣ того, «Извѣстія» скромно умолчали о множествѣ явленій, обусловливающихъ все новое и новое рожденіе въ нѣдрахъ страны этихъ безпозорныхъ дѣтей. Конечно, всякія гражданскія и имперіалистическія войны родятъ безпризорныхъ, — и **взрослыхъ,** и дѣтей. Но еще болѣе губительно дѣйствуетъ поли изъ самого государства, несоотвѣтствующая нормальнымъ условіямъ его развитія Такъ, разореніе крестьянства, — его непосильныя тяготы, — является постояннымъ источникомъ выдѣленія безпризорныхъ дѣтей, не имѣющихъ воз-

можности прокормиться около плодовитаго, но нищаго крестьянскаго двора. Такъ, разрушеніе ремесленнаго производства выбросило на улицу не только «хозяйчиковъ», но и ихъ учениковъ. А вѣдь извѣстно, какъ много бездомныхъ сиротъ поглощалъ классъ ремесленниковъ, игравшихъ столь большую роль въ обученіи дѣтей, въ подготовкѣ изъ нихъ цѣнныхъ для общества квалифицированныхъ рабочихъ. Въ Лигѣ Спасенія Дѣтей намъ чаще всего приходилось сталкиваться съ этимъ деклассированнымъ элементомъ:

— Откуда ты?

— Изъ деревни... А въ городѣ давно ужъ.

— Гдѣ-же ты жилъ?

— У сапожника, учился.

— Почему-же бросилъ ученье?

— Ему, знаешь, хозяину-то, не дозволили заниматься ремесломъ... Онъ и рушился, а я съ нимъ, — за компанію...

Сапожникъ «рушился» и онъ съ нимъ. Рушились портнихи, — множество дѣвочекъ очутилось на улицѣ. Рушились большія и маленькія ремесленныя мастерскія съ ихъ хозяевами, подмастерьями и учениками. Рушился весь этотъ строй производства съ огромной частной иниціативой и предпріимчивостью и съ огромной-же приспособляемостью къ самымъ оригинальнымъ россійскимъ условіямъ, къ особенностямъ ея рынка. А новаго не создалось ничего. Такимъ образомъ, не только войны, но и вотъ это посягательство — безъ достаточныхъ къ тому основаній — на самое важное, на **экономическій укладъ** жизни населенія, вотъ это безсмысленное разрушеніе хозяйственныхъ ячеекъ, прокармливавшихъ и хозяевъ, и ихъ учениковъ, ячеекъ нужныхъ и населенію, страдающему отъ «безтоварья», отъ безтолковости бюрократической регламентаціи жизни. Конечно, тамъ, гдѣ капитализмъ побѣдно шествуетъ, и онъ стихійно разрушаетъ старыя формы производства, не жалѣя ни выросшихъ въ нихъ людей, ни дѣтей. Но, вѣдь, къ горю нашему въ Россіи не шествуютъ «побѣдно» ни капитализмъ, ни соціализмъ, ни коммунизмъ. Шествуетъ анархія въ производствѣ, голодъ въ городахъ и деревняхъ и столь медленное накопленіе всякаго рода «достиженій», что безпризорность взрослыхъ и дѣтей становится естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей. Задумано «внѣклассовое государство», обѣщано равное для всѣхъ накопленіе и распредѣленіе благъ, а въ награду за экспериментъ полученъ особый классъ, классъ безпризорныхъ, безпозорныхъ, но глубоко несчастныхъ людей и дѣтей... Классъ «лишенцевъ» во всѣхъ смыслахъ, бездомныхъ бродягъ, угрожающихъ и тѣмъ, кто еще кое-какъ держится за слабѣющій «госаппаратъ» перваго пролетарскаго государства, и самому этому ликовинному государству...

II.

Но если безпризорность — **позоръ и стыдъ** (по оффиціальному опредѣленію) для государства Совѣтовъ, то надо-же съ этимъ позорнымъ явленіемъ бороться! И работы проф. Маклецова, и книга Зензинова рисуютъ намъ всѣ этапы этой борьбы, всѣ ея грач-

діозные планы, всѣ провалы, всѣ препятствія — въ осуществленіи замысловъ. Что дала эта борьба и что вообще можетъ дать при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, при любви къ дѣлу и при самой несомнѣнной доброй волѣ? Кто интересуется ея конкретными чертами въ современной Россіи, того отсылаемъ къ этимъ работамъ — глубоко объективнымъ — проф. Маклецова и Зензинова. Здѣсь же отмѣтимъ лишь нѣкоторыя стороны этого трагическаго вопроса.

Прежде всего — и ярче всего — попытки борьбы съ безпризорными нанесли сокрушительный ударъ идеѣ коммунистовъ о государственномъ воспитаніи дѣтей. Ихъ желаніе понятно: каждый убѣжденный монархистъ, каждый соціалистъ и каждый коммунистъ желаютъ слѣпить гражданъ по своему образу и подобію. Весь вопросъ въ томъ, исполнимо-ли это и если да, то какими средствами. Средство коммунистовъ незамысловатое: **насиліе**. Взять, отнять, водворить, воспитать, преобразовать — вотъ ихъ лексиконъ. Казалось-бы, такъ легко осуществить всѣ эти властные лозунги именно на безпризорныхъ. Даже слова «отнять», — отнять отъ семьи — не надо употреблять. Дѣти отъ семьи уже отчаты, они бродятъ, они — безъ «буржуазной привязи», они — самые подходящіе экземпляры для эксперимента. Надо, слѣдовательно, ихъ съ улицы и вотъ изъ этихъ норъ, котловъ, пещеръ и ямъ взять, куда-то водворить, воспитать, преобразовать... Не мѣшаетъ и не сопротивляется семья, — чего-же лучше? И тѣмъ не менѣе.. И тѣмъ не менѣе за 12 лѣтъ господства коммунистовъ этого сдѣлать не удалось. Почему? Россійскій экспериментъ отвѣчаетъ — почему.

Прежде всего государство должно быть страшно богато для того, чтобы построить и содержать дѣтскіе дома, школы, дѣтскіе сады, нужный для этого персоналъ и т. д. Неизмѣримо болѣе богатая Бельгія, азартно борясь съ соціалистами, не могла осуществить ихъ скромнаго и законнаго требованія о такъ назыв. Cantines scolaires, — о школьныхъ завтракахъ. А нищая Россія задумала содержать и учить **всѣхъ** дѣтей! Да еще съ помощью одного государственнаго аппарата, безъ содѣйствія общественныхъ силъ. Совѣтская пресса — а не контръ-революціонеры — съ потрясающей реальностью рисуетъ ужасы всѣхъ этихъ «коллекторовъ», «дѣтскихъ домовъ», «очаговъ - пріемниковъ» и т. д. Есть среди нихъ образцовые, хорошо поставленные. Но это — рѣдкое исключеніе, обязанное исключительно **случайному** и удачному подбору людей, въ нихъ работающихъ. Россія всегда была бѣдна образованными и преданными дѣлу педагогами. А при теперешнихъ нищенскихъ окладахъ кто въ эту спеціальность добровольно пойдетъ? Это вторая причина неудачи: нѣтъ не только коммунистовъ-воспитателей, но и просто что-либо смыслящихъ въ педагогическомъ дѣлѣ людей. Если-же принять во вниманіе, что безпризорные — дѣти исключительно трудные въ воспитательномъ отношеніи, то понятно будетъ заключеніе проф. Люблинскаго, сдѣланное имъ еще

въ 1923 г.: «Людьми, работающими въ дѣлѣ воспитанія и исправленія несовершеннолѣтнихъ, **овладѣваетъ отчаяніе, и они легко переходятъ отъ мѣръ, продиктованныхъ гуманностью, къ мѣрамъ, диктуемымъ озлобленіемъ».** А неподготовленность и часто озлобленность педагогическаго персонала ведетъ къ третьей причинѣ неуспѣшности борьбы съ безпризорностью; эта третья причина — ненависть самихъ безпризорныхъ къ создаваемымъ учрежденіямъ. Въ книгѣ В. М. Зензинова собранъ матеріалъ, рисующій **типы** этихъ безпризорныхъ. Одинокіе, лишенные всякихъ соціальныхъ связей, **свободные** во всемъ, они привыкаютъ прежде всего именно къ свободѣ и создаютъ свой собственный міръ, — соотвѣтствующій этимъ навыкамъ. «У насъ, подъ Ташкентомъ такая пещера была, разсказываетъ одинъ изъ безпризорниковъ, — въ ней человѣкъ шестьсотъ безпризорныхъ жило. Это — цѣлая организація, со своими нравами и законами И законы строго исполнялись **Но такого закона, чтобы жить обязательно въ этой пещерѣ — не было.** Иди, — если надо, куда хочешь, никто тебя не держитъ Вотъ изъ-за чего и дорога была пещера-то, и сейчасъ съ хорошимъ чувствомъ вспоминается»

Съ хорошимъ чувствомъ вспоминается **свобода,** даже пещерная Вспоминаю и я эти типы Нѣкоторыхъ мальчиковъ мы такъ и не смогли удержать въ свободныхъ и хорошо поставленныхъ колоніяхъ Лиги Спасенія Дѣтей. Одинъ изъ нихъ такъ прямо и говорилъ намъ:

— Вы дяденьки и тетеньки — **стоячіе.** Убѣгу отъ васъ....

— Это еще что значитъ, стоячіе?

— Ну, знаешь, какъ лужина.. Хлопнешь по ней палкой или камнемъ, ну, продвинется. А вы тутъ какъ кочки прилипли. Я городъ хочу смотрѣть, всю Россію смотрѣть..

— Да вѣдь погибнешь подъ буферами-то...

— Ну-къ што-жъ? Ну, и погибну А кто жалѣть то будетъ? Вы што-ль? Такъ, вѣдь, не родные вы мнѣ...

Другой, исколесившій буквально всю Россію и прекрасно рисовавшій обычаи жителей разныхъ городовъ и разныхъ народностей, даже и не захотѣлъ попасть къ намъ.

— Въ Ерманію хочу пробраться. Тамъ, говорятъ, рай, чистота, всего вдоволь

— Да какъ-же ты такой грязный и вшивый въ чистую страну попадешь? Или сначала къ намъ, отмойся, поучись, тогда и поѣдешь

— Дѣйствительно, грязенъ я, печально сказалъ онъ. — Ну и вы-то не чище: пятерку насъ заберете, вшей вамъ напустятъ...

Посмотрѣли мы на него парнишка лѣтъ 10 - 11 А сентенціи взрослаго И не разъ бросалась въ глаза эта поразительная взрослость, своеобразный умъ, мѣткость сужденій и наблюденій этихъ представителей бродячей Руси Каковъ долженъ быть персоналъ для подхода къ такой душѣ? Все у нихъ свое, все по ихъ вкусу. Даже не на каждый поѣздъ садятся, — и поѣздъ выбираютъ «по вкусу» На одной станціи мальчикъ лѣтъ 12 - 13 съ презрѣ-

ніемъ смотрѣлъ на своихъ товарищей, бросающихся подъ вагоны, — чтобы устроиться на поѣздку «въ черныхъ ящикахъ». Плюнулъ и сказалъ:

— Меня, черти, не ждите. Я не ѣзжу съ почтовыми Подожду экспресса...

Какъ же могутъ ужиться такіе «избалованные» экземпляры въ казенныхъ домахъ, съ казеннымъ персоналомъ, гдѣ весьма часто практикуется битье дѣтей, безчеловѣчная жестокость, а почти какъ правило — неумѣнье подойти къ душѣ ребенка Въ результатѣ — истерика заѣдующихъ отдѣлами народнаго образованія... Катастрофа. Въ одномъ изъ коллекторовъ съ 1-го по 15-ое мая*) — 156 побѣговъ, 211 заявленій отъ пострадавшихъ сосѣдей, 36 актовъ, составленныхъ милиціонерами... Нашихъ воспитанниковъ снимаютъ съ трамваевъ, съ поѣздовъ, ловятъ въ магазинахъ, на рынкахъ, въ частныхъ квартирахъ.. Дѣйствуютъ организованно.. Становится яснымъ, что они сохранили связь съ улицей .

Да, связь съ улицей сохранили Но связи съ коллекторомъ, ихъ пріютившимъ, — не пріобрѣли Вотъ въ этомъ — трагедія Классъ «лишенцевъ» прежде всего ненавидитъ и презираетъ тѣхъ, кто пытается лишить ихъ того единственнаго достоянія, которое имъ завоевано свободы Въ этомъ, вѣдь, и состоитъ огромная опасность всякаго ««лишенства» отвергнутые государствомъ лишенцы отвергаютъ и самое государство.. Они не признаютъ «чужой» дисциплины, не признаютъ правилъ, не ими установленныхъ Они живутъ не въ нѣдрахъ государства, а гдѣ то въ пространствѣ, — въ порахъ его. Вотъ почему такъ трудна постановка воспитанія даже тѣхъ безпризорныхъ, которымъ удается попасть въ дѣтскія учрежденія. Только педагоги, съ огромной любовью подходящіе къ этому дѣлу, педагоги, способные разглядѣть въ безпризорномъ **человѣка,** а не счетную единицу для казеннаго отчета, могутъ вернуть такихъ отщепенцевъ въ лоно общественной жизни и подчинить ихъ ея правиламъ и ея закономъ Совѣтская казенщина выполненіе такой задачи исключаетъ.

*) Изъ разсказа Копыловой «Химеры» Красная Новь, май 1927 г.

III.

Въ работахъ проф. Маклецова и В М Зензинова довольно часто встрѣчается упоминаніе, что совѣтская власть не допускаетъ работы общественныхъ организацій въ дѣлѣ помощи безпризорнымъ Да, не допускаетъ Единственная общественная организація, съ извѣстнымъ успѣхомъ призрѣвавшая и воспитывавшая дѣтей - сиротъ и полусиротъ, Лига Спасенія Дѣтей, была ликвидирована еще въ 1920 г. Закрыта была и другая правительственная организація, работавшая не по бюрократически и не «для счета», Совѣтъ Защиты дѣтей.

Здѣсь слѣдуетъ, однако, сдѣлать существенное разъясненіе Когда говорятъ «общественная организація», все представляютъ себѣ ея старый типъ И прежде всего — ея полную самостоятельность, главнымъ образомъ, мате-

ріальную. Такія организаціи, даже при допущеніи ихъ властью, не могли-бы — при настоящихъ условіяхъ — поднять это дѣло на свои плечи. Это дѣло требуетъ прежде всего огромныхъ матеріальныхъ средствъ. Подъ конецъ своего существованія и Лига Спасенія Дѣтей уже испытывала крайнюю нужду въ средствахъ для содержанія своихъ дѣтскихъ учрежденій. Всѣ обнищали до послѣдней степени и добровольные взносы были бы мизерны. Конечно, при другихъ взаимоотношеніяхъ съ властью, такія организаціи могли-бы пользоваться субсидіями государства. Но вѣдь государство, дающее субсидію, потребуетъ и вмѣшательства въ дѣло воспитанія. Это уже значительно сузитъ общественный характеръ дѣла. Остается еще одинъ источникъ средствъ: сборы заграницей. Общественная организація, несомнѣнно, могла-бы дѣлать такіе сборы весьма успѣшно, если-бъ была гарантирована ея отвѣтственность въ расходованіи этихъ средствъ именно на эту цѣль. Теперь все это невозможно: заподозрятъ въ шпіонажѣ и въ использованіи заграничныхъ поѣздокъ противъ совѣтской власти и... ликвидируютъ, могутъ ликвидировать не только организацію, но и людей, ее ведущихъ. Поэтому и нѣтъ больше попытокъ со стороны старыхъ и новыхъ общественниковъ къ созданію такихъ самостоятельныхъ организацій. Общественники, жаждущіе полезно приложить свой трудъ и дать исходъ безмѣрной жалости къ брошеннымъ дѣтямъ, идутъ работать въ совѣтскія учрежденія. Но тамъ ихъ встрѣчаютъ требованія, не всегда для нихъ исполнимыя. Ихъ заставляютъ обучать дѣтей коммунизму, безбожію — какъ неотъемлемымъ принципамъ воспитанія. Но человѣкъ, убѣжденный во вредѣ коммунизма, или-же человѣкъ религіозный на это не пойдетъ. Идутъ такіе, которымъ все равно, что насаждать, — что прикажутъ... Но такіе вообще не воспитатели. Лакейскую душу безпризорный отмѣтитъ сразу и не повѣритъ ей, не подчинится ей и не поддастся ея вліянію. Во всякомъ случаѣ никакого «перевоспитанія» не получится, да и не получается.

Такимъ образомъ, все бремя отвѣтственности и за **«стабилизацію безпризорныхъ»**, и за бездарность въ дѣлѣ борьбы съ нею, и за пессимизмъ самихъ борцовъ падаетъ на власть. Ее корятъ, ее позорятъ — за эти незалѣчимыя язвы на тѣлѣ страны. Общественность и даже совѣтская общественность этой отвѣтственности не несетъ: **она съ нея снята всевластіемъ, самовластіемъ правящихъ.**

Вотъ почему такъ рѣдки въ Совѣтской Россіи хорошо поставленныя учрежденія для воспитанія безпризорныхъ. Тратится масса денегъ, захватываются «дворцы» бывшихъ владѣльцевъ, и все для того, чтобы превратить ихъ въ грязныя стойла, гдѣ противно жить. Рѣдко, рѣдко подберется добросовѣстный персоналъ, идущій въ это дѣло не для самопрокормленія и растратъ. Отсюда — глубокій пессимизмъ.

Сами безпризорные нерѣдко говорятъ: ужъ лучше бы разстрѣляли насъ всѣхъ изъ пушекъ, чѣмъ даромъ съ нами морочиться... Нерѣдко встрѣтишь такія умозаклю-

ченія и со стороны самихъ борцовъ: «только и остается: переловить ихъ всѣхъ и»... Особенно, конечно, склонны къ такого рода «ликвидаціи вопроса» пострадавшіе. А ихъ — множество: кражи, убійства и, наконецъ, распространеніе заразныхъ болѣзней черезъ эти всюду прячущіеся лохмотья не могутъ создать большихъ симпатій къ этому «классу», съ какой-то нечеловѣческой и во всякомъ случаѣ не дѣтской энергіей борящемуся за свою жизнь.

Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить и россійскую психологію, — въ широкихъ слояхъ народа весьма далекую отъ гуманизма. Россія никогда не жалѣла дѣтей: дѣтская смертность въ ней была всегда высока. По переписи 1896 - 97 г. Россія занимала **первое** мѣсто по смертности дѣтей въ возрастѣ отъ 0 до 10 лѣтъ. Первое мѣсто занимала она также и по смертности дѣтей отъ остро заразныхъ болѣзней (оспа, корь, скарлатина, дифтеритъ коклюшъ) *). Много родится дѣтей, много и умираетъ. И если такое равнодушіе къ гибели маленькихъ существъ было до революціи, — то чего же требовать теперь, да еще по отношенію къ дѣтямъ, лишеннымъ родителей, да еще въ такое время, когда и взрослый едва въ состояніи уцѣлѣть. Уже послѣ выхода въ свѣтъ книги В. М. Зензинова состоялось въ Москвѣ широкое совѣщаніе изъ представителей Наркомпроса, Главпрофобра, дѣткомиссіи ВЦИК'а и другихъ организацій все по тому-же вопросу о безпризорныхъ. Рѣшено... Рѣшено «использовать безпризорныхъ для обслуживанія торговаго флота. Проектъ предусматриваетъ переоборудованіе ряда вышедшихъ изъ строя нерентабельныхъ судовъ и своего рода учебныя школы для подготовки изъ безпризорныхъ рядовыхъ матросовъ, кочегаровъ, машинистовъ и т. д. Проектъ признанъ цѣлесообразнымъ. Избрана комиссія». (Красн. Газ. № 101 22 - IV 1929).

Конечно, ремесламъ, какимъ-нибудь спеціальностямъ, безпризорныхъ обучать надо. Но неужели столь высокія учрежденія разсматривали только этотъ проектъ? Злой, а сейчасъ еще болѣе обозленный, голодухой обыватель, несомнѣнно, скажетъ: «Деньги на переоборудованіе негодныхъ судовъ возьмутъ, и большіе деньги, а безпризорныхъ — утопятъ».. Это — злой обыватель. А съ точки зрѣнія борьбы, — сколько безпризорныхъ можно обучить такому дѣлу, — вотъ изъ этихъ милліоновъ ихъ? Особенно, если сопоставить другое сообщеніе, — статистической комиссіи ОРТ'а, — о томъ, что **«не менѣе двухъ третей еврейскаго населенія Бѣлоруссіи и Украины не имѣютъ какого либо опредѣленнаго и постояннаго заработка. Въ Москвѣ и Петроградѣ только половина еврейскаго населенія имѣетъ заработокъ».** Это, вѣдь, тоже безпризорная, бродячая Русь... Разрушены ремесленные и торговые классы, — образовался классъ «безработныхъ», постоянно выдѣляющихъ и безпризорныхъ дѣтей Никакого «переоборудованія» флота не

*) См. С. А. Новосельскій, Смертность и продолжительность жизни въ Россіи.

хватитъ, чтобы всѣхъ ихъ подобрать и чему нибудь обучить: страшный гной неустанно выдѣляетъ необорудованная «занятіями» совѣтская жизнь. И правильно заканчиваетъ свою жуткую книгу В. М. Зензиновъ: «Вотъ почему даже при самой оптимистической оцѣнкѣ **современнаго** состоянія дѣтской безпризорности никакъ нельзя отнести это явленіе къ исторіи. **Нѣтъ, безпризорные при всѣхъ обстоятельствахъ — это не только наше прошлое, но также наше настоящее и наше будущее!** Такъ это было-бы и въ томъ случаѣ, если-бы свершилось чудо и мы имѣли-бы завтра для Россіи власть подлинно народную, попечительную, располагающую всѣми средствами, готовую по совѣсти призвать всѣхъ, кто захотѣлъ - бы работать въ этой области во имя общественнаго блага».

Совершенно вѣрно Наслѣдство всякая власть и всякая общественность получатъ тяжкое... Теперь, кажется, нѣтъ оптимистовъ и среди самихъ большевиковъ: слишкомъ на долгое время затянулся экспериментъ насажденія строя, не соотвѣтствующаго экономическому и культурному состоянію страны Не только дѣти, лишенные семьи, но и сама Россія — въ буквальномъ смыслѣ «безпризорная» мечется изъ стороны въ сторону, стѣва направо, справа налѣво. отъ системы къ системѣ, отъ плана къ плану. Безъ пути и дороги. Результатъ — безхлѣбица и лохмотья не на однихъ безпризорныхъ. А всякая безхлѣбица — снова источникъ для выдѣленія безпризорныхъ. И опять — работа для статистиковъ... Сколько прибудетъ вновь? Милліонъ, два, десять? Пусть будутъ сотни, даже тысячи «показательныхъ» и прекрасно оборудованныхъ коллективовъ, дѣтскихъ домовъ, исправительныхъ пріютовъ. Мальчишка, поучавшій насъ въ Лигѣ Спасенія Дѣтей, былъ правъ: «пятерыхъ заберете, а тыщи вшей вамъ напустятъ». Съ гуманитарной точки зрѣнія, конечно, надо спасать и пятерыхъ. Не надо, однако, при этой работѣ спасенія пятерыхъ впадать въ сантиментальность. И не надо забывать **чудовищные размѣры явленія безпризорности въ Россіи.** Не надо забывать, что спасеніе отъ нея — не въ образцово поставленныхъ «коллекторахъ», а въ оздоровленіи всего организма страны, прежде всего — ея хозяйственной жизни. Только «переоборудованіе» не старыхъ судовъ стараго флота, а всего уклада — экономическаго и культурнаго — страны избавитъ ее отъ пещерныхъ жителей, отъ того позорища, котораго стыдятся теперь даже совѣстливые люди изъ нѣдръ самой власти. Но, конечно, вопросъ о «переоборудованіи» всей жизни страны выходитъ далеко за рамки вопроса о безпризорныхъ...

Ек. Кускова.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ

Д. С. Мережковскій. Наполеонъ: Т. I Наполеонъ-Человѣкъ. Т. II. Жизнь Наполеона. Бѣлградъ, 1929 г

Книга Мережковскаго о Наполеонѣ раздѣляется на двѣ части. Только вторая разсказываетъ въ хронологическомъ порядкѣ жизнь Наполеона. Первая же посвящена его личности. Въ сущности этимъ нарушается традиція всѣхъ біографій, начиная съ Плутарха, который прежде разсказываетъ жизнь и поступки своего героя и только въ концѣ даетъ черты его личности и характера. Кромѣ того, когда тотъ же матеріалъ прорабатывается въ двухъ томахъ съ различными цѣлями, это приводитъ къ неизбѣжнымъ повтореньямъ. Приходится разсказывать тоже самое, въ первый разъ для характеристики личности Наполеона, и, во второй разъ, въ его біографіи (напримѣръ битва при Арколѣ описывается подробно въ первомъ томѣ и вотъе кратко во второмъ).

Но, очевидно такое построеніе книги диктовалось ея замысломъ. Мережковскій слишкомъ умѣлый архитекторъ книгъ (вспомните изумительную стройность его огромнаго «Толстого и Достоевскаго»), чтобы допустить ошибку въ построеніи. «Человѣкъ» въ Наполеонѣ, духовная сущность Наполеона интересуетъ Мережковскаго больше его жизни. Мережковскій и начинаетъ съ главнаго, съ самаго важнаго «Показать лицо человѣка, дать заглянуть въ душу его, — такова цѣль всякаго жизнеописанія «жизни героя» по Плутарху» Въ этихъ словахъ «жизнь героя» вся тяжесть лежитъ для Мережковскаго на **второмъ** словѣ

Изъ сорока тысячъ книгъ, которыя, по образу Мережковскаго, являются только «сорока тысячью камней надъ могилой неизвѣстнаго солдата», онъ вполнѣ одобряетъ только книгу Леона Блуа, «Душа Наполеона». «Острота и новизна ея въ томъ, что авторъ дѣлаетъ методомъ историческаго познанія миѳъ, — кажущійся миѳъ, дѣйствительный религіозный опытъ. Онъ знаетъ, что миѳъ не лживая басня а вѣщій символъ, прообразъ утаенной истины, покровъ на мистеріи, и что не поднявъ его, не проникнешь въ нее» Таковъ и методъ Мережковскаго Только путь Блуа къ душѣ Наполеона лежитъ не только черезъ свой, но и черезъ всенародный религіозный опытъ, черезъ душу свою и своего народа - къ душѣ героя Для русскаго, не имѣющаго связи съ душой французскаго народа, послѣднее недоступно. Зато у русскаго писателя есть опытъ революціи

Мережковскій любитъ Наполеона не со вчерашняго дня. Еще въ «Толстомъ и Достоевскомъ» онъ посвятилъ патетическія и негодующія страницы опроверженію толстовскаго воспріятія Наполеона. Никто не пошелъ такъ далеко въ отрицаніи Наполеона, какъ русскій — Левъ Толстой. Но никто, кромѣ Блуа, не пошелъ дальше и въ преклоненіи передъ нимъ, какъ русскій — Мережковскій.

«Наполеонъ человѣкъ». Человѣкъ ли? Владыка Міра, Устроитель Хаоса, Человѣкъ изъ Атлантиды — таковы названія главъ перваго тома. А второй раздѣленъ на главы, носящія названія: Утреннія Сумерки, Восходящее солнце, Полдень, Вечеръ, Закатъ, потому что «жизнь Наполеона подобна дневному теченію солнца». Весь первый томъ — гимнъ Наполеону, мифъ о Наполеонѣ. Иногда убѣдительный въ вдохновенной смѣнѣ образовъ, аналогій... Порою нѣсколько искусственный въ этихъ аналогіяхъ. Наполеонъ - Діонисъ... «Діонисъ — учитель экстаза; и Наполеонъ тоже. Діонисъ сынъ Семелы, смертной женщины — человѣкъ, становящійся богомъ; и Наполеонъ тоже. Діонисъ — завоеватель-миротворецъ; и Наполеонъ хочетъ соединить Западъ съ Востокомъ, чтобы основать міровое владычество — царство вѣчнаго мира. Діонисъ страдающій богъ-человѣкъ; и Наполеонъ на св. Еленѣ — прикованный къ скалѣ Прометей — тотъ же Діонисъ». «Первый Діонисъ — Гильгамешъ, послѣдній — Наполеонъ». И армія его, въ образѣ повторяющемся въ обоихъ томахъ, представляется Мережковскому «стройно-пляшущимъ хоромъ Діониса, гдѣ хоровожатый — самъ богъ». Но мы не будемъ цитировать дальше страницы блестящей и не всегда убѣдительной мистической діалектики, скажемъ только, что самымъ неяснымъ показалось намъ въ ней отношеніе Наполеона къ христіанству.

Но за этимъ мифическимъ образомъ не теряется ли образъ человѣческій? «Мы знаемъ безконечно много о войнахъ его, политикѣ... маршалахъ, братьяхъ, сестрахъ, женахъ, любовницахъ, и даже кое-что о немъ самомъ. И вотъ что странно: чѣмъ больше мы узнаемъ о немъ, тѣмъ меньше знаемъ его, — пишетъ Мережковскій. — Кажется, мы проходимъ мимо души Наполеона». Было бы интересно сравнить книгу Мережковскаго съ послѣдней, сильно читающейся біографіей Наполеона, написанной Людвигомъ. Трудно найти книги болѣе несхожія между собой. Андрей Левинсонъ назвалъ современныя біографіи — посмертнымъ репортажемъ. И, дѣйствительно, въ книгахъ Людвига и многихъ другихъ біографовъ царитъ духъ любопытства къ внѣшности, къ словамъ, къ письмамъ, къ любовнымъ исторіямъ знаменитыхъ людей прошлаго. Но это не праздное, не безцѣльное любопытство. Это — интересъ человѣка къ человѣку, ко всему человѣку, а не только къ его идеямъ, къ его духовной сущности. Эта модная жажда деталей и мелочей основана на вѣрѣ въ то, что духовное неотдѣлимо отъ физическаго и что, чѣмъ больше мы приблизимся къ воспріятію конкретнаго, тѣмъ ближе будемъ къ истинному знанью. Къ такимъ біографамъ, какъ Людвигъ или Моруа можно при-

ложить (съ соблюденіемъ пропорцій и скорѣе о замыслѣ, чѣмъ объ осуществленіи) то, что Мережковскій говоритъ о Толстомъ по поводу трактовки имъ Наполеона: «У Толстого мы видимъ съ поразительною ясностью, съ.. пресыщающимъ обиліемъ чувственныхъ подробностей внѣшній обликъ, главнымъ образомъ тѣло... но не живое лицо Наполеона, а если и лицо, то какъ часть, какъ продолженіе, а не одухотворяющее завершеніе тѣла, не **выраженіе личности...** Не довольствуясь тѣмъ, что показалъ намъ тѣло Наполеона въ одеждѣ, Л. Толстой раздѣваетъ и показываетъ его голымъ». Именно раздѣтымъ стараются показать героя современные біографы. «Въ наше время существуетъ манія всѣ вещи показывать въ реальномъ окруженіи и тѣмъ уничтожать самую сущность ихъ, духовный актъ, который ихъ отъ дѣйствительности изолируетъ», говоритъ Марсель Прустъ. Но въ чемъ большая опасность, въ репортажѣ, въ нагроможденіи реальныхъ неодухотворенныхъ мелочей, или въ абстракціи, въ забвеньи дѣйствительности?

Книга Мережковскаго безконечно благороднѣе, духовнѣе книги Людвига. Въ прустовскомъ смыслѣ она не «своевременна». Она есть именно тотъ духовный актъ, о которомъ говоритъ Прустъ. Она вся посвящена духовной сущности Наполеона. Въ Наполеонѣ Мережковскаго показаны и человѣческія, человѣчныя черты. Черты доброты, неожиданной слабости, нѣжности. Но пафосъ этой книги сосредоточенъ на великомъ, духовномъ, героическомъ. Съ особо свойственнымъ Мережковскому чувствомъ величія онъ создалъ книгу, которую можно было бы, какъ бетховенскую симфонію, назвать Heroica. Если въ ней приводятся конкретныя черты, житейскія мелочи — то онѣ углубляются, одухотворяются, возводятся въ символъ. Порой это дѣлается черезчуръ систематически и преувеличенно. Напримѣръ, приводится такая черта: Во время скучной и длинной церемоніи коронованія «многіе замѣтили, какъ императоръ нѣсколько разъ подавлялъ зѣвоту, а когда папа мазалъ его муромъ, — казалось думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе вытереться» И какъ удивляетъ комментарій къ этимъ словамъ: «Съ вѣщимъ даромъ ясновидѣнія, не покидавшимъ его въ роковыя минуты жизни узнавалъ ли онъ, вспоминалъ ли, что вѣнчаетъ себя какъ жертву?»

Во второй части «Жизни Наполеона» Наполеонъ болѣе человѣченъ, «жизненѣнъ», чѣмъ въ первой. Біографія его разсказана съ большой любовью и искусствомъ. Это дѣлаетъ вторую часть чрезвычайно увлекательнымъ чтеніемъ. Очень хорошъ Италіанскій походъ, первыя побѣды. «Всѣ описанія сраженій для невоенныхъ людей скучны. Сраженіе — молнія. Какъ изобразить, остановить молнію?» говоритъ Мережковскій. Но описанія сраженій у него кратки и увлекательны. Онъ увлекаетъ потому, что увлеченъ самъ, до какой степени увлеченъ можно судить по словамъ, относящимся къ любовницѣ поя Фаворитѣ: «Что намъ Фаворита? Но нельзя вспомнить о ней безъ слезъ восторга, — передъ чѣмъ? Можетъ быть, лучше не говорить объ этомъ; но хорошо для насъ всѣхъ, что это было». Только совре-

менники могли съ такимъ чисто юношескимъ восторгомъ относиться къ побѣдамъ Наполеона.

Увлекательной дѣлаетъ эту книгу и то, что она написана не только объ исторіи, но и о современности. Не только о томъ, что было больше ста лѣтъ тому назадъ, но и о томъ, что было вчера, что будетъ завтра. Можно быть несогласнымъ съ Мережковскимъ, но нельзя относиться безъ интереса къ его обостренному русскими событіями воспріятію Наполеона, какъ «укротителя революціоннаго хаоса», или къ его страницамъ, посвященнымъ роковому пересѣченію судьбы Наполеона съ русскими судьбами. «Можетъ быть, сейчасъ русскіе люди, побывавшіе въ аду коммунизма знаютъ о Наполеонѣ то, чего нельзя узнать изъ сорока тысячъ книгъ».

М. Цетлинъ.

Мих. Осоргинъ. Вещи Человѣка. Портретъ Матери. Дневникъ Отца. Изд. Книжнаго Дѣла «Родникъ».

«Эта книга напечатана въ 150 экземплярахъ, изъ которыхъ 100 поступаютъ въ продажу, всѣ за собственноручною надписью автора». Непривычно видѣть такія слова на русской книгѣ. Библіофильскія изданія, столь распространенныя во Франціи не привились въ Россіи. Въ условіяхъ эмигрантскаго книжнаго рынка попытка эта заслуживаетъ вниманія и уже вызвала аналогичныя изданія.

Книга Осоргина по самому содержанію своему очень подходитъ для такого изданія. Въ ней собраны три небольшихъ, изящныхъ очерка. Первый, давшій заглавіе всей книгѣ, слабѣе двухъ другихъ и разнится по тону. Это маленькій «эссей» о томъ, что вещи умираютъ со смертью человѣка, который ихъ «жалѣлъ» и любилъ. Не совсѣмъ ясно почему вся книга названа «Вещами человѣка? Авторъ любовно хранитъ портретъ матери и дневникъ отца, изъ котораго приводитъ выдержки. Но дневникъ нельзя назвать вещью, а портретъ былъ только поводомъ къ воспоминаніямъ.

Эти воспоминанія нельзя читать безъ волненья. Чувство, проникающее ихъ, заражаетъ читателя и черты дѣвочки съ приложенной къ книгѣ миніатюры, ея «худое прозрачное личико, чистые голубые глазки, тонкая талія, закованная въ корсетъ и трогательные розовые съ синевой пальчики» всѣ заботы и мелочи ея жизни трогаютъ насъ, какъ судьба близкаго человѣка.

Но не слишкомъ ли интимна эта книга? Самого автора, очевидно, смущалъ этотъ вопросъ. Онъ ищетъ оправданія въ благоговѣйной глубинѣ чувства, проникающаго книгу въ томъ, что она — сыновній памятникъ родителямъ. «Со всей силой любви и благодарности за жизнь, которую оба вы мнѣ дали — я напрягаю все малое свое дарованіе, чтобы сказать о васъ лучшими словами, какія найду и сумѣю сплести въ вѣнокъ вашей памяти. Простите же меня! Уже и до меня доносится холодокъ грядущаго небытія...» Но нужно ли это оправданіе? Оправданіе должно лежать въ области **эстетической**, а не эти-

ческой. Гдѣ границы интимнаго въ литературѣ? Вѣдь и самый объективный художникъ говоритъ о себѣ, черпаетъ матеріалъ въ своей памяти, въ своей жизни Развѣ не интимны портреты отца и матери въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ»? Но тамъ это болѣе скрыто, воспоминанія же Осоргина — откровенно личныя. Это и придаетъ имъ особую саднящую остроту. Странно, что отъ прозы мы требуемъ большей сдержанности, чѣмъ отъ поэзіи. Развѣ не интимны няня Пушкина или «Елена Кузина, кормилица моя» Ходасевича, или «Мать» Некрасова? А вся любовная лирика всѣхъ поэтовъ на свѣтѣ? Но кромѣ высокаго лирическаго напряженія, сама стихотворная форма явственно отдѣляетъ жизнь отъ искусства. Какъ котурны и маски въ классической трагедіи она неопровержимо говоритъ: «здѣсь — искусство!»

Горечь и боль воспоминанія, страхъ забвенья переполняютъ эту книгу. «То что я пишу сейчасъ пишется лишь одинъ разъ въ жизни».

«Истлѣютъ страницы этой книжки; уйду я; уйдетъ и все. Что останется?» спрашиваетъ Осоргинъ. И самъ отвѣчаетъ: «прекрасное и неповторимое останется святыней. Листы бумаги желтѣютъ, какъ желтѣютъ лепестки розы, засушенной и спрятанной на память. Но ароматъ словъ остается».

М. Цетлинъ.

«О Толстомъ». Двѣ рѣчи В. А. Маклакова. — Изд. «Современныя Записки».

Природа одарила Льва Толстого, помимо другихъ своихъ милостей, необычайнымъ умомъ Но необычайный умъ этотъ отличался особенностями, въ которыхъ была и сила его и слабость. Дѣйствіе толстовскаго ума то растетъ, то умаляется въ зависимости отъ личныхъ свойствъ собесѣдника или читателя.

Людей, цѣнящихъ превыше всего блескъ или игру мысли, толстовскія теоретическія писанія оставляютъ неизмѣнно равнодушными. Блеска у Толстого не найти. Умъ его мало подвиженъ, мало разнообразенъ, не склоненъ къ рѣзкимъ скачкамъ, не любитъ неожиданностей. Онъ тяжелъ и мощенъ. Одна тема, одинъ голосъ, настойчивый и монотонный. Надо признать, что мысль Достоевскаго или Владиміра Соловьева, напримѣръ, или даже мысль Леонтьева, или Розанова гибче, богаче, въ концѣ концовъ **интереснѣе.** Съ ними не знаешь куда забредешь и на что натолкнешься. Нельзя при этомъ сказать и того, что мысль ихъ менѣе глубока, чѣмъ толстовская. Нѣтъ, — порою и не менѣе глубока.

Но менѣе напряжена, менѣе отвѣтственна — это навѣрно! Достоевскій какъ бы вслухъ предполагаетъ: «а можетъ быть и тутъ истина? А можетъ быть и тамъ, вотъ въ этомъ, кроется правда?» И между двумя предположеніями онъ не прочь заняться дѣлами случайными и сравнительно мелкими, второстепенными. «Дневникъ писателя» — разительная иллюстрація этого. Толстой же, прежде нежели что нибудь сказать какъ будто семь разъ отмѣриваетъ, и вовсе не по

какой либо разсудочной осмотрительности, а въ силу самаго существа мысли своей. Умъ его не свободенъ и какъ бы не самостоятеленъ, онъ выражаетъ только то, что на своемъ темномъ, безсловесномъ языкѣ диктуютъ ему сердце и совѣсть. Ими онъ направляется, провѣряется и ограничивается. Отсюда отсутствіе элемента игры толстовской мысли, отсюда же и исключительная цѣнность ея. Дѣйствительно о самомъ важномъ, о «единомъ на потребу». Мысль Толстого не способна увлекать, развлекать, смущать, дразнить, соблазнять, но медленно и властно она подводитъ человѣка къ основамъ бытія и учитъ его «какъ жить». Отношеніемъ къ этому вопросу — «какъ жить?» — пожалуй, и опредѣляется отношеніе людей къ Толстому. Для кого вопроса не существуетъ, для того и Толстой существуетъ только наполовину. Замѣчательный художникъ, позднѣе же началъ старикъ что-то путать, перетолковывать Евангеліе, давно уже истолкованное бормотать какія то несуразности о непротивленіи и опрощеніи, и мучитъ этими никчемными несуразностями бѣдную Софью Андреевну. Но для тѣхъ, кого «смыслъ жизни» дѣйствительно тревожитъ, — и не на словахъ, а на дѣлѣ, — Толстой если и окажется врагомъ, то врагомъ-другомъ, и въ основѣ борьбы такого человѣка съ Толстымъ всегда останется сочувствіе и благоговѣніе. Во всякомъ случаѣ, праздному умственному любопытству нечего дѣлать съ Толстымъ, ему съ Толстымъ скучно, ему все въ немъ непонятно.

Лучшая черта книги Маклакова о Толстомъ именно эта, отрицательная: отсутствіе празднаго любопытства. Именно благодаря ей Маклаковъ видитъ и чувствуетъ значительность толстовской мысли, «честной и серьезной», какъ онъ совершенно правильно опредѣляетъ ее двумя словами, которымъ надо было бы для этого случая возвратить весь ихъ смыслъ, всю ихъ утраченную, распылившуюся силу. И вѣроятно благодаря той же чертѣ Маклаковъ отказывается отъ задачи эффектной, хотя и безплодной — отъ опроверженія Толстого. Онъ замѣчаетъ только, что «принадлежитъ къ другимъ ученіямъ». Удивительное дѣло! Сколько разъ пытались Толстого опровергать, какъ успѣшно порой этотъ опытъ продѣлывался и какъ однако все это бывало впустую, мимо! Напримѣръ, «Что такое искусство?», — кто только изъ теоретиковъ прекраснаго не изобличалъ ложь и заблужденія этой книги, во всеоружіи послѣднихъ данныхъ науки, со ссылками на всевозможные авторитеты! И все таки по существу эта геніальная книга осталась безъ возраженія, — и хотя въ ней дѣйствительно многое искажено до неузнаваемости, но суть то дѣла схвачена, какъ никѣмъ изъ благонамѣренныхъ защитниковъ искусства. Произошло это вѣроятно потому, что для Толстого искусство является частью единой и нераздѣльной жизни, и судитъ онъ о части, не упуская изъ виду цѣлаго; оппоненты же его со своими усовершенствованными микроскопами отлично разобравшись во всѣхъ мелочахъ, о цѣломъ то и вспомнить не собрались. Пусть толстовскіе выводы непріемлемы, — исходное положеніе его, исходная точка зрѣнія правильны, и этому нисколько не противорѣчитъ невозможность изъ толстовскаго поло-

женія придти къ пріемлемому выводу. Въ томъ то и сущность «проклятыхъ вопросовъ», что на нихъ отвѣта быть не можетъ, въ томъ то и величіе подлинно-творческой личности, — «честной и серьезной» въ особенности, — что она во что бы то ни стало хочетъ на нихъ отвѣтъ найти. Такъ же обстоитъ дѣло и со всѣмъ религіознымъ ученьемъ Толстого. Его «логическую несостоятельность» вскрыть не такъ трудно. Но невозможно заполнить пустоту, которую это ученіе въ сознаніи оставляетъ. Когда Толстой утверждаетъ, что непротивленіе злу вполнѣ разумно и приведетъ человѣчество къ благоденствію, мы перестаемъ понимать его. Здѣсь Толстой совершенно ирраціоналенъ. Но отвергая этотъ «бредъ», мы не находимъ что ему противопоставить, и такъ ни съ чѣмъ и остаемся, стараясь только не думать, не обращать вниманія на образовавшуюся трещину. Надо вѣдь помнить и то, что вопреки тысячѣ разнообразнѣйшихъ и хитрѣйшихъ попытокъ загушевать истинное положеніе дѣла, ученіе о непротивленіи злу дѣйствительно находится въ Евангеліи. Дѣйствительно Толстой одинъ изъ немногихъ, кто прочелъ Евангеліе безъ предвзятыхъ убѣжденій, понялъ простыя, ясныя и точныя слова Христа просто, ясно и точно, не рѣшился ради соглашенія этихъ словъ со здравымъ смысломъ и житейской моралью произвольно искать въ нихъ второго значенья.

Маклаковъ не случайно останавливается на «Трехъ разговорахъ» Владимира Соловьева, главнѣйшаго и талантливѣйшаго изъ «опровергателей» Толстого. Очень мѣтко характеризуетъ онъ изложеніе Соловьева, какъ «салонное» Независимо отъ доводовъ, которые Соловьевъ въ ней приводитъ, книга эта по сравненію съ косноязычно-страстными, настойчивыми и трепещущими толстовскими писаньями такъ легковѣсна, такъ гладка, «безъ сучка, безъ задоринки», что уже по одному стилю ея, рѣшительно не соотвѣтствующему темѣ, можно было бы почувствовать къ ней нѣкоторое недовѣріе. Но и соображенія Соловьева, по существу очень находчивыя и остроумныя, свидѣтельствуютъ о какой то роковой глухотѣ его къ голосу Толстого. Вотъ ужъ гдѣ причуды ума, игра мысли, разсыпанныя щедро и не безъ самолюбованія! И странно, что христіанинъ Соловьевъ какъ будто вовсе не отдаетъ себѣ отчета, съ Кѣмъ онъ черезъ голову Толстого споритъ! Его собесѣдникамъ, которымъ онъ явно сочувствуетъ, «смертельно скучно» отъ ученія о непротивленіи. Они иронизируютъ надъ «службой безъ жалованія» — исполненіемъ долга безъ надежды на загробное воздаяніе. Какъ все таки вѣрно поняли и оцѣнили Толстого «массы», народъ, молва, полутемные безчисленные люди въ родѣ того старика, про котораго разсказываетъ Маклаковъ и который въ Москвѣ, увидѣвъ на улицѣ Толстого, схватилъ его за руку и сталъ безпомощно «вопить на всю улицу»: :

— Левъ Николаевичъ! Левъ Николаевичъ!.. Какъ всѣ эти люди почувствовали, что Толстой съ грѣхами своими, съ оплошностями, съ слабостями, ошибками, даже съ пресловутой своей «гордыней», все таки одинъ среди торжествующаго и благополучнаго міра — за

нравственную истину, къ чему бы практически она ни вела, за высокое «безуміе» Евангельскаго ученія въ его первоначальной чистотѣ, за правду, отъ которой міръ отвернулся. «Христовъ поденщикъ», «совѣсть міра», — о комъ другомъ можно было бы сказать эти слова?? Если и перемудрилъ онъ кое въ чемъ, запутался кое гдѣ, то въ главномъ не предалъ, — и сѣмя, брошенное тогда, когда «вышелъ сѣятель сѣять», въ душѣ его взошло чище и выше, чѣмъ въ сознаніи блистательнаго полемиста, мистическаго поэта, христіанскаго философа Соловьева и всѣхъ другихъ на словахъ какъ будто и вѣрныхъ.

Книга Маклакова о Толстомъ составлена изъ двухъ рѣчей, произнесенныхъ во время недавнихъ юбилейныхъ празднествъ. Особенно цѣнна первая рѣчь. Не только въ полнотѣ и обстоятельности, въ рѣдкой отчетливости анализа толстовскаго ученія ея достоинства. Это едва ли не единственная до сихъ поръ попытка разсказать о Толстомъ и о томъ, что Толстой считалъ въ себѣ наиболѣе существеннымъ безъ всякаго спора съ нимъ, какъ и безъ апологіи. Длительное знакомство съ темой, углубленное пониманіе ея удержали Маклакова отъ этого. Его книга — какъ бы «введеніе въ Толстого», написанное человѣкомъ, чувствующимъ уровень и значеніе вопроса, и конечно его неразрѣшимость. Авторъ самъ не является послѣдователемъ Толстого, онъ и читателей своихъ не убѣждаетъ превратиться въ толстовцевъ. Но онъ зоветъ ихъ къ тому, чтобы они уловили побужденіе толстовской мысли, поняли одушевленіе ея. Онъ какъ будто повторяетъ Евангельскія слова: «могій вмѣстити да вмѣститъ», — не обѣщая, что ученіе Толстого дастъ покой и счастье, но и не видя по крайнему своему разумѣнію, какъ найти покой и счастье, если обойти его. Очень вѣрно, что въ основѣ толстовской проповѣди лежитъ ужасъ передъ смертью. Скрытая цѣль книги Маклакова, «идея» ея кажется и состоитъ въ томъ, чтобы напомнить о вѣчной и единой толстовской цѣли — неизбѣжности смерти, разбудить у читателей то «воображенье», отсутствіемъ котораго самъ Толстой объяснялъ возможность душевнаго равновѣсія людей. И потому именно, что Маклаковъ, разсказывая о Толстомъ, думаетъ и о своихъ современникахъ, что у него о Толстомъ есть свой опытъ и что для него размышлять о Толстомъ значитъ дѣлать дѣло, — книга его живая, и авторъ этой книги, расходясь съ Толстымъ, способенъ все таки его вполнѣ понять и достоинъ о немъ говорить.

Георгій Адамовичъ.

А. А. Кизеветтеръ. На рубежѣ двухъ столѣтій. (Воспоминанія 1881-1914), издательство «Орбисъ», Прага, 1929 г.

Авторъ этой книги хорошо всѣмъ извѣстенъ. А. А Кизеветтеръ человѣкъ очень даровитый и очень разносторонній. «Доводилось мнѣ, — говоритъ онъ (стр. 275), — «дѣйствовать на многообразныхъ поприщахъ; былъ я и профессоромъ и редакторомъ журнала и газетчикомъ, и театраломъ, и митинговымъ ораторомъ, и членомъ парламен-

та, и т. д.». На всѣхъ этихъ поприщахъ авторъ воспоминаній имѣлъ большой успѣхъ: онъ выдающійся историкъ, прекрасный писатель по вопросамъ театра, одинъ изъ самыхъ блестящихъ академическихъ ораторовъ Россіи Газета же, во главѣ которой онъ когда-то стоялъ, была, по достоинству и благородству тона, едва ли не лучшей газетой Европы.

Названіемъ этой газеты опредѣляется и обликъ А. А Кизеветтера. Общественно-политическая группа, нашедшая выраженіе въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», должна быть признана явленіемъ исключительнымъ. Нельзя безъ улыбки сравнивать московскую газету съ близкими ей по направленію западно-европейскими органами печати, — Соболевскаго, Іоллоса, съ Пьеромъ Бертраномъ или съ Гюставомъ Тери. Эту параллель можно было бы и продолжить: политическими единомышленниками Петрункевича или Кокошкина (называю только умершихъ) въ большей или меньшей степени являются де-Монзи, Виртъ, сенаторъ Бора, Альфредъ Мондъ (прежній, недавній, еще не лордъ Мельчетъ), — люди тоже выдающіеся, но безспорно въ другомъ родѣ. Можно знать наизусть, со всѣми его недостатками, то поколѣніе русской интеллигенціи, можно даже и не слишкомъ его любить; однако было оно явленіемъ замѣчательнымъ, которое, вѣроятно, никогда больше не повторится: не туда идетъ исторія.

Въ книгу А. А Кизеветтера входятъ его личныя воспоминанія и очеркъ по исторіи политическихъ идей и событій въ періодъ 1881-1914 г. г. Вся книга очень интересна ,но лучшее въ ней — личныя воспоминанія. Особенно хороши главы, посвященныя старой Москвѣ — (москвичи, я знаю, читаютъ эти главы съ волненіемъ), — портреты профессоровъ Московскаго университета, извѣстные намъ и по книгамъ писателей-беллетристовъ (ихъ въ свое время блестяще изобразитъ Амфитеатровъ, теперь — по своему — изображаетъ Андрей Бѣлый) Самыя восторженныя страницы А. А Кизеветтеръ посвящаетъ своему учителю Ключевскому, опровергая распространенное и несправедливое мнѣніе о томъ, «будто в ъкурсѣ Ключевскаго все сводится къ развѣнчиванію всего героическаго въ русской исторіи» (стр. 61). На культѣ Ключевскаго сходятся у насъ люди самыхъ разныхъ взглядовъ. Единственное исключеніе составляетъ, кажется, Л Н Толстой, который считалъ весьма преувеличенными литературныя достоинства трудовъ знаменитаго историка и пренебрежительно называлъ его «профессоромъ съ шуточками» Чрезвычайно удались А. А. Кизеветтеру картины Московскаго архива министерства юстиціи, полные юмора портреты архиваріусовъ-начетчиковъ, въ особенности Зерцалова.

Въ фактическомъ матеріалѣ книги большинство читателей, навѣрное, найдетъ немало новаго. Такъ, пишущему эти строки, были неизвѣстны страница изъ біографіи Зубатова, которую сообщаетъ авторъ, «кадетское» прошлое большевика М. Покровскаго, нѣкоторыя черточки Владиміра Соловьева, — отмѣчаю лишь отдѣльныя мелочи. Очень хороши характеристики Сипягинскаго періода, извѣстной записки Витте. Книгу будутъ читать с ънапряженнымъ вниманіемъ и люди, не раздѣляющіе взглядовъ автора. Кончается она слѣдующими словами:

«Стряслась война и нагрянула революція. Но для описанія того, что пришлось пережить за время войны и революціи, потребовалась бы книга много больше той, которую я рѣшаюсь предложить теперь вниманію читателя. Да и трудно было бы писать сейчасъ такую книгу. Тяжело бередить незакрывшіяся раны» (стр. 524). Мы, читатели, можемъ только пожелать, чтобы этотъ второй томъ воспоминаній все-таки былъ написанъ. За А. А. Кизеветтеромъ остается передъ нами долгъ.

М. Алдановъ.

***Л. Жемчужниковъ.* Въ *крѣпостной* деревнѣ 1852 — 1855 г. г. Вступительная статья и примѣчанія С. В. Бахрушина.** Изданіе Сабашниковыхъ. М. 1927

Отдѣльные отрывки изъ Записокъ и дневниковъ Льва Михайловича Жемчужникова, — художника и брата писателя — появлялись время отъ времени въ разныхъ журналахъ, нѣкоторые разсказы изъ его Записокъ были напечатаны еще въ 1861 г. въ журналѣ «Основа», затѣмъ въ 1899 и 1900 годахъ болѣе обширные эпизоды изъ этихъ Записокъ были опубликованы въ «Вѣстникѣ Европы». Теперь въ Московскомъ издательствѣ Сабашниковыхъ, въ редактируемой проф. С. В. Бахрушинымъ серіи «Записи прошлаго», печатается полный текстъ Записокъ Льва Жемчужникова: напечатанные ранѣе отрывки воспроизводятся въ дополненномъ видѣ, съ возстановленіемъ допущенныхъ ранѣе купюръ, и, кромѣ того, дается весь остальной текстъ, доселѣ остававшійся въ рукописи. Жемчужниковъ составилъ этотъ текстъ уже въ глубокой старости, въ 1901 году. Первыя двѣ части его Записокъ, обнимающія исторію его отрочества и юности и заключающія въ себѣ разсказъ о его пребываніи въ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ поступленіи въ Академію Художествъ (1828 — 1852 годы) вошли въ одинъ изъ предшествовавшихъ выпусковъ упомянутой серіи. Теперь вышли въ одной книжкѣ третья и четвертая части этихъ Записокъ. Тутъ рѣчь идетъ о канунѣ отмѣны крѣпостного права. Авторъ повѣствуетъ о своей жизни въ 1852 — 1855 годахъ, а жизнь его за эти годы состояла почти сплошь въ путешествіяхъ по Малороссіи, гдѣ онъ посѣщалъ имѣнія своихъ знакомыхъ помѣщиковъ, подолгу гостилъ у нихъ, собиралъ матерьялы для своихъ будущихъ картинъ, зарисовывалъ картины природы и типы мѣстныхъ жителей и попутно наблюдалъ бытъ и нравы помѣщичьихъ усадебъ и крѣпостныхъ деревень. По всему видно, что Жемчужниковъ обладалъ живымъ, общительнымъ характеромъ, а сердце его было преисполнено горячимъ сочувствіемъ къ страданіямъ закрѣпощеннаго народа. Онъ быстро сближался съ крестьянами, возбуждалъ въ нихъ полное къ себѣ довѣріе и это открывало ему возможность наблюдать жизнь народа не съ показной стороны, а со стороны подлинной неприкрашенной дѣйствительности. Художникъ и артистъ, онъ повидимому мало вникалъ въ хозяйственныя отношенія и порядки; по крайней мѣрѣ, этой стороны

деревенскаго быта того времени онъ почти не касается въ своихъ Запискахъ. Зато онъ принималъ горячо къ сердцу тѣ невзгоды крѣпостнаго населенія, которыя проистекали изъ насилій надъ личностью раба. Описаніями многоразличныхъ случаевъ такихъ насилій испещрены его Записки и потому этой части его воспоминаній съ полнымъ основаніемъ придано заглавіе: «Въ крѣпостной деревнѣ». Разсказы Жемчужникова получаютъ, поэтому, цѣнное значеніе для историка. Не мало матерьяла собрано уже для характеристики рабовладѣльческой практики за время существованія крѣпостнаго права. Но разсказы Жемчужникова интересны тѣмъ, что они касаются почти самаго канупа освобожденія и изъ нихъ видно, что время не приносило никакого смягченія произвола до того момента, когда эта власть была совершенно отмѣнена. Красочныя картинки помѣщичьей и крестьянской жизни проходятъ передъ нами на страницахъ Записокъ Жемчужникова. Вотъ — авторъ въ усадьбѣ богатаго помѣщика Тарновскаго. Рано утромъ всѣ на балконѣ, выходящемъ въ садъ, пьютъ чай и вдругъ изъ кустовъ грянула музыка. Это — скрытый за зеленью кустовъ крѣпостной оркестръ спозаранку началъ услаждать господъ не болѣе не менѣе, какъ симфоніей Бетховена. Однако, Жемчужникову нѣкоторыя пассажи симфоніи показались странными и, когда онъ это высказалъ, Тарновскій съ *важнымъ самодовольствомъ заявилъ*: «мы и Бетховена поправляемъ». Барскій домъ въ имѣніи Тарновскаго былъ роскошный, построенъ онъ былъ въ стилѣ Растрелли. Но парадная лѣстница была раскрашена аляповатыми издѣліями деревенскаго маляра, изображавшими фантастическіе пейзажы съ прудами, мельницами и катающимися въ лодкахъ панами и панночками. Такъ Тарновскій поправлялъ и Бетховена и Растрелли.

Самые неожиданные эпизоды разыгрывались порою въ этой странной жизненной обстановкѣ помѣщичьихъ усадебъ, представлявшей собою такую пеструю смѣсь европейскихъ модъ съ пережитками домашней старины, цивилизаціи и варварства, подражательности и доморощенныхъ инстинктовъ. Жемчужниковъ разсказываетъ объ одномъ богатомъ помѣщикѣ, который однажды въ сердцахъ ударилъ свою престарѣлую мать. Опомнившись, онъ придумалъ себѣ наказаніе: пошелъ на конюшню, позвалъ двѣнадцать человѣкъ дворни и приказалъ дать ему розгами двѣсти ударовъ, пригрозивъ въ случаѣ, если они будутъ сѣчь его только для виду, всѣхъ ихъ запороть безъ снисхожденія. Слуги исполнили приказаніе господина и онъ послѣ того долго лежалъ больной и сталъ чрезвычайно почтителенъ къ матери. Конечно, то былъ случай исключительный По общему правилу разнаго рода физическія и нравственныя истязанія доставались на долю не господъ, а крестьянъ и дворовыхъ слугъ. Примѣры тому цѣлыми пригоршнями можно черпать изъ Записокъ Жемчужникова. Да же у добрыхъ помѣщиковъ крестьяне не были застрахованы отъ мучительства, если только въ имѣніи всѣмъ распоряжался управляющій, при чемъ особенною жестокостью отличались управляющіе нѣмцы. Много мѣста удѣлено въ разбираемыхъ Запискахъ какъ разъ борьбѣ

автора съ нѣкіимъ Карломъ Ивановичемъ, управлявшимъ имѣніемъ дяди Жемчужникова Подчасскаго, мягкаго и нѣжнаго добряка, но этотъ добрякъ далъ полную мочь Карлу Ивановичу и ни во что не желалъ вмѣшиваться, а Карлъ Ивановичъ превратилъ управляемыя имъ деревни въ настоящія арестантскія роты. Жемчужниковъ приводитъ факты, показывающіе, что передъ самымъ освобожденіемъ пріемы Салтычихи и грѣчались постоянно въ помѣщичьемъ быту. У одной помѣщицы дворовая дѣвушка пыталась сбѣжать. Бѣглянку поймали и помѣщица заковала ей ноги въ цѣпи. Пять лѣтъ цѣпи не снимались, а дѣвушка должна была въ цѣпяхъ исполнять трудныя работы а по вечерамъ прясть, сидя на печи, спустивъ ноги, отчего цѣпи рѣзали ноги до костей привязанными гирями. Любопытный примѣръ нравственнаго истязанія находимъ въ разсказѣ о посѣщеніи авторомъ одного празднества, устроеннаго въ своемъ саду сосѣдомъ-помѣщикомъ. Аллеи сада были уставлены статуями античныхъ боговъ и богинь. Гости удивлялись, — откуда взялись эти статуи, которыхъ еще наканунѣ въ саду не было. Оказалось, что то были дворовые парни и дѣвушки, раздѣтые до гола, съ ногъ до головы натертые мѣломъ и разставленные на пьедесталахъ въ соотвѣтствующихъ позахъ, въ которыхъ они и должны были пребывать неподвижно во все время праздника.

Особенно знаменательны случаи, когда въ роли угнетателей являлись помѣщики культурные, просвѣщенные, державшіеся либеральныхъ взглядовъ и добродушные Но былъ какой-то предѣлъ, за которымъ и у нихъ готовъ былъ вступалъ въ свои права рабовладѣльческіе инстинкты, затмевавшіе собою всѣ ихъ почтенныя качества. Жемчужникову пришлось испытать это на себѣ самомъ. Онъ былъ очень друженъ съ графомъ де-Бальменомъ и его женою. Это были прекрасные люди. Но вотъ Жемчужниковъ горячо полюбилъ ихъ дворовую дѣвушку и рѣшилъ на ней жениться. Онъ предложилъ имъ выкупъ за дѣвушку. Тогда эти свободомыслящіе, образованные и благожелательные люди пришли въ ярость, въ отпускѣ дѣвушки на волю отказали, стали ее сѣчь и всячески преслѣдовать Жемчужниковъ тайкомъ увезъ свою возлюбленную, и мы читаемъ въ его Запискахъ подробный разсказъ о тѣхъ козняхъ, которыя устраивались противъ него его бывшими друзьями по этому поводу.

Повѣствуя о страданіяхъ крѣпостнаго народа, Жемчужниковъ описываетъ и болѣе свѣтлые моменты крестьянской жизни. Много у него описаній народныхъ плясокъ, пѣсенъ (многія пѣсни приводятся дословно), праздничныхъ обрядовъ и обычаевъ.

Наконецъ, нѣкоторое — правда, небольшое — мѣсто удѣляетъ онъ упоминаніямъ о своемъ знакомствѣ съ разными извѣстными лицами: Алексѣемъ Толстымъ (его родственникъ), Шевченко, Иваномъ Аксаковымъ, художникомъ Лагоріо, извѣстнымъ московскимъ меценатомъ Солдатенковымъ и др

Довольно большая глава посвящена характеристикѣ Николая I Эта глава была написана Жемчужниковымъ уже въ глубокой старо-

сти. Но написана она съ чисто молодымъ задоромъ. Читая ее, чувствуешь, что либерально настроенные современники Николая Павловича глубоко - глубоко, на самомъ днѣ души сложили на всю жизнь запасъ горькаго негодованія на тотъ гнетъ, которымъ была придавлена личность гражданина въ правленіе этого императора. Любопытно сравнить эту главу Записокъ Жемчужникова съ характеристикою Николая I въ Запискахъ историка Соловьева. Радикально настроенный народникъ Жемчужниковъ и умѣренно либеральный, всегда столь сдержанный и чуждый пылкаго радикализма историкъ Соловьевъ говорятъ совершенно одинаковымъ тономъ, приходятъ въ одинаковое негодующее волненіе, лишь только рѣчь заходитъ у нихъ о Николаѣ Павловичѣ и испытаннымъ ими подъ ферулой этого государя духовномъ гнетѣ. Долгіе годы ихъ послѣдующей жизни не ослабили нисколько въ ихъ душѣ пережитыхъ тогда тяжелыхъ впечатлѣній и ощущеній.

А. Кизеветтеръ.

Пути реализма. Сборникъ философскихъ статей **Б. Н. Бабынина, Ф. Ф. Бережкова,** (†) **А. И. Огнева** и **П. С. Попова.** Изд. авторовъ Москва 1926. Стр. 156

Вопросамъ гносеологіи посвященъ цѣликомъ интересный сборникъ статей четырехъ авторовъ, вышедшій въ Москвѣ. Авторы примыкаютъ къ той гносеологической позиціи, которая хочетъ быть преодолѣніемъ «гносеологизма» въ его типичной для конца XIX и начала XX вѣка скептической формѣ, — примыкаютъ къ «интуитивизму». Первыя три статьи — Б. Н. Бабынина («Критика наивнаго реализма», стр. 7 - 36), Ф. Ф. Бережкова («Къ проблемѣ объективной качественной дѣйствительности», 37 - 62), и А. И. Огнева («Сознаніе и внѣшній міръ», 63 - 97) посвящены почти цѣликомъ одной только проблемѣ — проблемѣ объективности чувственныхъ качествъ. И Лосскій и американскіе «нео-реалисты», столь къ русскому интуитивизму во многомъ близкіе, придаютъ чрезвычайно большое значеніе доказательству того, что чувственныя качества — цвѣтъ, звукъ, вкусъ и т. д. — реально даны въ мірѣ «самомъ по себѣ», а не только субъективны и иллюзорны, какъ то думало большинство (и большинство огромное) гносеологовъ конца XIX и начала XX вѣка. — Б. Н. Бабынинъ даетъ прекрасную и живонаписанную сводку аргументовъ за объективность чувственныхъ качествъ. Въ этой сводкѣ очень немного новаго въ сравненіи, напр., съ тѣмъ, что находимъ хотя бы у Лосскаго. Нѣкоторые новые аргументы найдемъ въ статьѣ А. И. Огнева. Ф. Ф. Бережковъ (авторъ интересной статьи на ту же тему въ сборникѣ въ честь Челпанова, 1916 г.), даетъ неполный обзоръ положенія вопроса въ европейской литературѣ (нѣкоторыя дополненія — въ другихъ статьяхъ).

Нельзя отрицать значенія этой одной изъ основныхъ для интуитивизма — темы. Интуитивизмъ очень рѣшительно и въ рядѣ

пунктовъ очень убѣдительно ликвидируетъ предпосылки «иллюзіонизма» традиціонной гносеологіи, цѣлый рядъ псевдо-проблемъ, которыми занималась философія въ упомянутый уже періодъ, превращаясь благодаря этому въ значительной мѣрѣ въ науку «пропедевтическую», «подготовительную», — и «подготовительную» по существу ни къ чему, пропедевтику — къ пустому мѣсту; ибо гносеологія въ своей классической (классически-нелѣпой!) формѣ, догматически положивъ въ основу скептическія предпосылки (съ вскрытія ихъ, какъ извѣстно, и начинаетъ Н. О. Лосскій построеніе интуитивизма), неизбѣжно приходила къ скептическимъ выводамъ. Оказывалось такимъ образомъ, что гносеологія не подготовляла почву для онтологіи, космологіи, этики и т. д., а наоборотъ доказывала ихъ невозможность, — гносеологія уродливо раздувалась и вытѣсняла всѣ другія философскія науки. Интуитивизмъ совершенно справедливо показалъ, что гносеологія заняла это первенствующее мѣсто безо всякого на то права.

Но нѣкоторые изъ интуитивистовъ страннымъ образомъ слишкомъ преувеличиваютъ значеніе той части интуитивистической теоріи, которая должна бы быть только предпосылкой, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшей работы Разрушивъ традиціонную гносеологію, они начинаютъ на очищенной почвѣ, вмѣсто широкой философской системы, систему... также чисто гносеологическую.

Конечно, «дневное воззрѣніе» на міръ интуитивизма въ корнѣ отлично отъ «ночного воззрѣнія» скептической гносеологіи. Міръ, полный свѣта и красокъ, ароматовъ, конечно, существенно отличенъ отъ міра — скопленія мертвыхъ безкачественныхъ атомовъ. — Но вѣдь и интуитивистическая теорія познанія признаетъ, что нашему познанію не доступенъ міръ во всемъ его многообразіи и богатствѣ, что ограниченность человѣческаго существа «обѣдняетъ» міръ при познаніи его, что мы познаемъ лишь «кое-что», только часть той полноты качествъ, какою обладаетъ міръ самъ по себѣ. Намъ представляется, что авторы сборника нѣсколько слишкомъ «оптимистичны», — въ то время, какъ скептическая гносеологія не видѣла въ познаніи **ничего, кромѣ границъ**, нѣкоторые интуитивисты не хотятъ видѣть **никакихъ границъ.** Ихъ реализмъ не совсѣмъ избѣжалъ поэтому опасности паденія къ наивному реализму (въ статьѣ Огнева, впрочемъ, существенныя ограниченія такой опасности).

Познаніе гораздо глубже проникаетъ въ міръ на пути познанія **идеальнаго** бытія. На этотъ путь и слѣдуетъ вступить. Вѣдь старая гносеологія разрушена совсѣмъ не для того, чтобы на ея мѣсто поставить новую. Не достаточно разговоровъ о «путяхъ къ реализму». Тѣмъ болѣе, что и на Западѣ скептическая гносеологія скончалась (отъ иныхъ причинъ), и защитниковъ ея пожалуй что и не найдется. — Старшее поколѣніе русскихъ интуитивистовъ — Лосскій, Франкъ — перешли къ онтологическимъ изслѣдованіямъ. Метафизика интуитивизма до сихъ поръ развивалась въ направленіи платонизма. Въ послѣднихъ двухъ статьяхъ «Путей реализма», написанныхъ П. С. По-

повымъ, поставлены двѣ основныя проблемы логики — проблема категорій и проблема сужденія. П. С. Поповъ ориентируетъ свое обоснованіе логики на аристотелевскую точку зрѣнія, — дѣйствительность и идеальное бытіе должны изначально «соучаствовать» одно въ другомъ, чтобы возможно было какое-нибудь «приложеніе» идей къ дѣйствительности и какое то «пониманіе» конкретнаго. Авторомъ намѣчается такимъ образомъ аристотеліанская линія развитія метафизики интуитивизма. — Обѣ работы Попова имѣютъ, однако, крупные недостатки. Неясно отношеніе автора къ спору платонизма и аристотелизма. Онъ какъ будто становится на сторону Аристотеля и противъ гипостазированія (платоновскаго) идеальныхъ элементовъ бытія. Но въ томъ то и вопросъ, что сегодня самое противопоставленіе платонизма и аристотелизма становится весьма спорнымъ. Есть мыслители (Гуссерль и его школа), пытающіеся сочетать платонизмъ съ аристотелизмомъ. Поэтому не совсѣмъ удачно стремленіе автора при анализахъ обращаться къ неактуальнымъ для современности мыслителямъ (напр., анализированъ Лотце, а не Гуссерль).

Во всякомъ случаѣ сборникъ «Пути реализма» показываетъ, что начавшееся въ Россіи передъ войною философское движеніе не замерло и сейчасъ. И остается только пожалѣть, что авторамъ сборника захотѣлось выступить передъ читателями со статьями, посвященными только проблемѣ **«путей къ философіи»**, а не центральнымъ проблемамъ **философіи какъ таковой.**

Дм. Чижевскій.

М. Л. Гольдштейнъ. Рѣчи и статьи Изд. кн. дѣла «Родникъ». Стр. 211. Парижъ, 1929 г.

Иной разъ по обломку изваянія возможно представить себѣ всю статую. Книга М. Л. Гольдштейна лишь въ незначительной части отражаетъ общественныя выступленія автора, извѣстнаго петербургскаго адвоката, но и на ея основаніи легко постигнуть его духовный обликъ: прекрасный ораторъ, въ намѣреніи котораго входитъ убѣдить слушателей только въ томъ, въ чемъ онъ самъ убѣжденъ; одинъ «изъ стаи славной» тѣхъ нашихъ уголовныхъ защитниковъ, которые стремились къ побѣдѣ правосудія (какъ они его понимали), а не къ побѣдѣ надъ правосудіемъ; одинъ изъ тѣхъ русскихъ евреевъ, которые сочетали любовь къ своему народу и служеніе ему съ любовью къ Россіи, своему отечеству, и служеніемъ ей.

Книга содержитъ три защитительныхъ рѣчи, двѣ рѣчи въ память покойныхъ сотоварищей, одно надгробное слово, запись свидѣтельскаго показанія и семь газетныхъ статей.

Изъ судебныхъ рѣчей самая примѣчательная (и большая) — въ защиту гр. Роникера, обвинявшагося въ убійствѣ. Этотъ варшавскій процессъ нашумѣлъ когда-то на всю Россію и возбудилъ противорѣчивые толки, и еще недавно имъ вновь занялась печать (уже польская) при попыткѣ осужденнаго добиться пересмотра обвинительнаго

приговора. М. Л. Гольдштейнъ защищалъ подсудимаго при вторичномъ (послѣ кассаціи) разсмотрѣніи дѣла въ судебной палатѣ, когда гроза войны заглушала все остальное, и лишь этимъ объясняется малая извѣстность такой выдающейся рѣчи. Можно быть иного мнѣнія о доказанности вины гр. Роникера, но нельзя не отдать должнаго тому логическому мастерству и той убѣжденности, съ какими защитникъ отстаивалъ своего подзащитнаго. Жаль только, что авторъ не напомнилъ намъ, хотя бы вкратцѣ, обстоятельствъ дѣла, безъ чего большинство читателей неизбѣжно почувствуетъ себя какъ безъ компаса. Двѣ другія защитительныя рѣчи невелики и были произнесены по второстепеннымъ дѣламъ изъ числа т. наз. преступленій печати, но ораторъ коснулся большихъ и больныхъ вопросовъ о свободѣ печатнаго слова и о судѣ, судящемъ за оскорбленіе высшаго суда. Здѣсь не мѣсто спорить по поводу частностей, а съ основными мыслями автора нельзя не согласиться: конечно, возбуждающая читателей газетная статья не есть еще возбужденіе непремѣнно къ бунту, и не менѣе вѣрно, что судьи низшей инстанціи (пока еще почти всюду нѣтъ достаточной судейской независимости и полнаго равенства судей) находятся, разсматривая дѣло объ оскорбленіи болѣе высокаго суда, въ очень щекотливомъ положеніи.

Поминальныя рѣчи М. Л. Гольдштейна посвящены: одна — С. А. Андреевскому и Н. П. Карабчевскому, другая — М. М. Винаверу. Къ Винаверу же обращено и краткое надгробное слово. Особенно выдается по мѣткости и блеску характеристика «соловья» Андреевскаго и «орла» Карабчевскаго; удивительно удачно указаніе на то, что Андреевскій видѣлъ въ судебномъ состязаніи не войну, а поединокъ; образно и вѣрно сравненіе рѣчей Карабчевскаго съ Иматрой. Винаверъ менѣе удался автору: очень замѣтны преувеличенія; разумѣется, Винаверъ былъ выдающимся цивилистомъ и членомъ конституціонно-демократической партіи; обширныя знанія, большой умъ, исключительная работоспособность, умѣнье убѣждать, рѣдкое самообладаніе — всего этого не отниметъ у Винавера и врагъ, если не захочетъ впасть въ явную несправедливость; но одного изъ лучшихъ въ небольшой кучкѣ настоящихъ русскихъ цивилистовъ не слѣдуетъ называть первымъ русскимъ цивилистомъ, какъ и хорошаго, умѣлаго оратора — блестящимъ. Впрочемъ, надлежитъ отмѣтить, что нѣкоторая приподнятость такъ естественна и понятна у открытой или у свѣже засыпанной могилы крупнаго человѣка.

Статьи о Н. С. Таганцевѣ и М. В. Бернштамѣ положительно ласкаютъ читателя подкупающею сердечностью и теплотою своего тона, а статья «Кто такой Ллойдъ-Джорджъ?», для которой личность бывшаго англійскаго премьера послужила всего лишь поводомъ, найдетъ откликъ во множествѣ душъ заключительными своими словами о красотѣ порыва и человѣчности подвига тѣхъ, кто и передъ лицомъ надвигающейся опасности, идя, быть можетъ, навстрѣчу собственной гибели, думаетъ не только о себѣ, но и о спасеніи погибающихъ.

Остальныя статьи въ книгѣ и свидѣтельское показаніе М. Л. Гольдштейна по дѣлу объ убійствѣ Петлюры, это — пламенныя страницы въ защиту человѣческихъ правъ еврейскаго народа; нельзя ихъ читать безъ волненія, такъ заразительна страстность автора. Хотѣлось бы вѣрить, что основную правду его доводовъ прочувствуютъ не одни тѣ, кто никогда и ни за что не мирился съ погромами, но и тѣ, кому не злое сердце, всегда подмѣнивающее любовь къ своему ненавистью къ чужому, а лишь бездумная алгебраизація живыхъ людей позволяла порой не возмущаться убійствами и калѣченіемъ за одну только принадлежность къ еврейству.

Въ заключеніе — маленькая фактическая поправка (для возможнаго второго изданія). Говоря о поступленіи Андреевскаго на судебную службу, авторъ сообщаетъ, что, будучи всего дѣйствительнымъ студентомъ, Андреевскій могъ быть принятъ лишь въ качествѣ канцелярскаго чиновника. Сообщеніе это вызоветъ недоумѣніе у каждаго, кто знаетъ, что права судебной службы одинаково давали у насъ и ученая степень кандидата и званіе дѣйствительнаго студента. Но дѣло въ томъ, что Андреевскій держалъ кандидатскіе экзамены со стороны (экстерномъ) и потому могъ получить степень кандидата или вовсе не получить университетскаго диплома. Его диссертація была профессоромъ забракована, и онъ, слѣдовательно, диплома не получилъ; ему дали только удостовѣреніе, что онъ былъ бы выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ, если бы подвергался экзамену не со стороны. Вотъ почему его и не могли зачислить кандидатомъ на судебныя должности: мѣшало отсутствіе диплома (лишнее доказательство, что не клобукъ превращаетъ въ монаха).

С. В. Завадскій.

Russian public finance during the war by A. Michelson, P. Apostol, M. Bernatsky.

Въ русской экономической и финансовой наукѣ до послѣдняго времени несомнѣнно ощущался пробѣлъ, выражавшійся въ томъ, что военный періодъ въ финансовомъ хозяйствѣ Россіи не былъ въ достаточной мѣрѣ освѣщенъ и изученъ. Правда, въ совѣтской Россіи вышло не мало книгъ, посвященныхъ и этому вопросу. Однако, всѣ такого рода работы по самымъ условіямъ, въ которыя поставлены даже объективные изслѣдователи, дѣлаетъ ихъ мало научными. Надъ такими изслѣдователями постоянно тяготѣетъ требованіе порицать все прошлое и находить «блестящія достиженія» въ настоящемъ.

Надо считать, что вышедшій въ изданіи фонда Карнеги первый томъ русской серіи «Экономической и соціальной исторіи великой войны» въ значительной мѣрѣ заполняетъ указанный пробѣлъ. Въ этомъ томѣ находимъ три обширныхъ монографіи: А. М. Михельсона — «Государственные доходы и расходы во время войны», П. Н. Апостола — «Государственныя кредитныя операціи во время войны» и М. В. Бернацкаго — «Денежная политика во время войны».

Всѣ три автора выполнили свои работы, находясь за границей, лишенные возможности имѣть подъ руками весь тотъ богатый матеріалъ, который имѣется въ Россіи. Тѣмъ не менѣе надо указать, что всѣ три монографіи отличаются необходимой полнотой, вполнѣ документированы, даютъ вполнѣ обоснованные выводы. Читатель, благодаря этимъ работамъ, получаетъ ясное и отчетливое представленіе о русскомъ финансовомъ хозяйствѣ во время войны.

Касаясь монографіи А. М. Михельсона, надо въ особенности подчеркнуть то обстоятельство, что авторъ съ полной основательностью разсѣиваетъ широко распространенное въ довоенныхъ кругахъ русскаго общества мнѣніе объ исключительной слабости нашего финансоваго хозяйства. Тотъ фактъ, что послѣ русско-японской войны русскіе финансы довольно быстро пришли въ состояніе равновѣсія, свидѣтельствуетъ о томъ, что финансовое хозяйство не было столь слабымъ. Правда, русская система обложенія не отличалась совершенствомъ, но эта задача могла быть выполнена только при условіи именно упроченія финансоваго хозяйства. Эксперименты въ этомъ отношеніи допустимы только въ томъ случаѣ, если достигнуто основное требованіе въ бюджетномъ хозяйствѣ — достаточность средствъ для покрытія государственныхъ расходовъ. Совершенно ясно, что состояніе нашихъ довоенныхъ финансовъ и подходило къ тому моменту, когда своевременно было переходить къ усовершенствованію системы обложенія. Съ точки зрѣнія собственно фискальныхъ задачъ государства, а онѣ неизбѣжно, какъ государственная необходимость, стоятъ на первомъ мѣстѣ, отмѣна винной монополіи во время войны не была усовершенствованіемъ нашей финансовой системы. Такая мѣра могла соотвѣтствовать общественнымъ требованіямъ, общественнымъ настроеніямъ, подъему національныхъ чувствъ. Но финансовыя нужды государства требовали, чтобы исчезновеніе одного источника дохода было бы замѣнено другимъ источникомъ. Совершенно ясно, что во время войны достиженіе такой задачи было немыслимымъ, какъ немыслима коренная ломка во время войны финансовой системы.

Совершенно правильно авторъ указываетъ и на недостатки въ нашемъ финансовомъ управленіи. Недостаточность бюджетныхъ правъ нашихъ дореволюціонныхъ законодательныхъ учрежденій сводилась на нѣтъ во время войны, такъ какъ военный бюджетъ совсѣмъ не зналъ контроля этихъ учрежденій, хотя имѣлъ первенствующее значеніе въ финансовомъ хозяйствѣ государства.

Всякая характеристика финансоваго хозяйства оказывается тѣмъ основательнѣе, чѣмъ ближе это хозяйство сопоставляется съ хозяйственной жизнью страны. Несомнѣнно, что и финансовая наука требуетъ въ этомъ отношеніи расширенія и углубленія и должна быть не только наукой о правѣ, но и наукой о хозяйствѣ. Только въ такомъ случаѣ становится болѣе ясной картина возможности или невозможности перехода къ другимъ системамъ государственныхъ финансовъ, которыя не могутъ не отражать экономическаго состоянія страны. Можетъ быть, автору слѣдовало бы углубить свое изслѣдованіе именно

въ этомъ отношеніи. Въ такомъ случаѣ его выводы и утвержденія были бы еще болѣе документированы. Однако, это замѣчаніе не равносильно указанію на недостатокъ работы. Работа оказалась обширной и, можетъ быть, въ ней было трудно совмѣстить указанную здѣсь цѣль съ тою, которая совершенно удовлетворительно выполнена авторомъ. Эта работа уже получила научную оцѣнку со стороны нашихъ академическихъ организацій. А. М. Михельсонъ за свою работу получилъ послѣ ея защиты степень магистра финансоваго права.

Работа П. Н. Апостола представляетъ несомнѣнную цѣнность при изученіи русскаго кредитнаго хозяйства. Авторъ при выполненіи своей задачи находился въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ кредитныя операціи правительства въ значительной части проходили за границей. Монографія П. Н. Апостола имѣетъ далеко не только историческую цѣнность. Она должна быть использована и въ будущемъ, такъ какъ содержитъ в ъсебѣ богатый матеріалъ по кредитной техникѣ.

Монографія М. В. Бернацкаго по своимъ задачамъ и исполненію шире своего наименованія. Эта работа должна быть отнесена къ трудамъ по исторіи русскаго денежнаго обращенія вообще, а не только по денежному обращенію во время войны. Авторъ не ограничивается также узкой задачей изученія собственно денежнаго обращенія, а вводитъ въ кругъ изслѣдованія и вліяніе состоянія денежнаго обращенія на народное хозяйство.

Вышедшая книга много теряетъ отъ того, что она оказывается доступной только сравнительно узкому кругу читателей. Содержаніе ея столь важно и поучительно, что надо выразить пожеланіе, чтобы она вышла и на русскомъ языкѣ.

А. Марковъ.

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ РЕДАКЦІЮ «СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».

А. Амфитеатров: Заря русской женщины. — Бѣлград. 1929.

Саша Черный: Серебряная елка. Сказки для дѣтей. — Рисунки Г. И. Самойлова. — Бѣлград. 1929.

Народныя Русскія Сказки. — Выпускъ 4. — Бѣлград. 1929.

Александра Мазурова: Земля. Современный Романъ. — Рига. 1929.

В. Никонович: Механическія обоснованія физическихъ явленій. — Брестъ на Б. — 1929.

В. Ф. Марцинковскій: Записки вѣрующаго. — Прага.

А. М. Ремизов: Три серпа.

Другъ Человѣчества: Религія Христа.

Всеволод Иванов: 1905-й годъ. Романъ молодой души. — Харбинъ. 1929.

Дм. Шумаков: Домъ Радости. Романъ. — Рига. 1929.

«Русскій Архивъ. V-VI. — 1929. Белград.

Н. В. Чайковскій: Статьи М. А. Алданова, Е. К. Брешко-Брешковской, Діонео, В. А. Мякотина, Д. М. Одинца, Т. И. Полнера. — Парижъ. 1929. — Складъ у «Родника».

А. С. Пушкин: Сочиненія в одном томѣ. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

Ю. Тынянов: Кюхля. Повесть о декабристе. — Изд. «Петрополисъ». Берлинъ.

А. Мариенгоф: Романъ безъ вранья. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

О. Савич: Воображаемый собеседникъ. Романъ. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

К. Миклашевский: Звуковое кино. С иллюстр. — Изд. «Петрополисъ». —

М. Зощенко: Семейный купоросъ. Разсказы. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

Вера Инбер: Место подъ солнцемъ. Романъ. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

А. Мариенгоф: Циники. Романъ. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

Н. Никитин: Шпионъ. Романъ. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

Б. Пильняк: Штоссъ в жизнь. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

Б. Пильняк: Красное дерево. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

А. Сытин: Пастухъ племенъ. Романъ. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

Д. Четвериков: Бунтъ инженера Каринскаго. Романъ. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

И. Эренбург: Заговоръ равныхъ. Романъ. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

Современные польские поэты. — Изд. «Петрополисъ». — Берлинъ.

Роман Гуль: Генералъ Бо. — «Петрополисъ». — Берлинъ.

Н. Г. Піотровскій: Русскій Некрополь (Фрагментъ) с 69 иллюстраціями.— Варшава. 1929.

Н. Г. Піотровскій: Русская Икона. Описаніе частнаго собранія древнерусскихъ иконъ в Варшавѣ.

Отрывной календарь издательства «Добро».

О Достоевском. Сборникъ статей подъ редакціей А. Л. Бема. — Т. I. — Прага. 1929.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“

ВЫПУЩЕНЫ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Т. И. Полнеръ: Л. Толстой и его жена.
И. А. Бунинъ: Избранные стихи.
Б. К. Зайцевъ: Анна (романъ).
Ф. А. Степунъ: Николай Переслѣгинъ (ром.)
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Іова (Странствованія по душамъ).
В. М. Зензиновъ: Безпризорныя дѣти.
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева (романъ).
И. С. Шмелевъ: Солдаты (романъ).
М. А. Алдановъ: Ключъ (романъ).
О. О. Грузенбергъ: Мои воспоминанія.
О. О. Грузенбергъ: Мои рѣчи.
В. А. Маклаковъ: Изъ прошлаго.
В. Ф. Ходасевичъ: Люди символизма.
П. Н. Милюковъ: Очерки по исторіи русской культуры. Часть I, II, III и IV.
М. И. Ростовцевъ: Очерки ближняго Востока

«Художественныя біографіи»:

И. А. Бунинъ: М. Ю. Лермонтовъ.
Б. К. Зайцевъ: И. С. Тургеневъ.
М. А. Алдановъ: Ф. М. Достоевскій.
В. Ф. Ходасевичъ: А. С. Пушкинъ.
В. Ф. Ходасевичъ: Г. Р. Державинъ.
М. О. Цетлинъ: Декабристы.

Адресъ издательства: **106, rue de la Tour - Paris (XVIe)**

Складъ изданій:

Въ Берлинѣ: H. Sachs. Hedemannstr. 26. Berlin SW 48
Въ Парижѣ: „Москва“. 9, rue Dupuytren - Paris (VI)

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Продолжается подписка на 1929 подписной годъ на журналъ

„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"

Общественно-политическій и литературный журналъ при ближайшемъ участіи **Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка** и **В. В. Руднева.** Въ текущемъ подписномъ году годовые подписчики получатъ: **ШЕСТЬ томовъ журнала,** свыше 500 стр. убористаго шриф. въ кажд., и

Шесть книгъ литературнаго приложенія

состоящихъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ писателей, по выбору подписчиковъ изъ слѣдующаго списка:

К. Бальмонтъ. «Царь земли». **И. Бунинъ.** «Господинъ изъ Санъ-Франциско». **И. Бунинъ.** «Чаша жизни». **И. Бунинъ.** «Деревня». **А. Купринъ,** «Суламифь». **Д. Мережковскій.** «14 декабря». **А. Толстой.** «Навожденье». **А. Толстой.** «Хромой баринъ». **З. Гиппіусъ.** «Небесныя слова». **И. Шмелевъ.** «Неупиваемая чаша». **Б. Зайцевъ.** «Путники». **Н. Теффи.** «Тихая заводь». **А. Купринъ.** Разсказы для дѣтей. **Лонгфелло.** «Пѣснь о Гайаватѣ». **Русскіе писатели** (Фонъ-Визинъ, Капнистъ, Грибоѣдовъ; въ 1 томѣ, подъ ред. И. Бунина).

Въ отдѣльной продажѣ указанныя приложенія стоятъ, съ пересылкой, около 100 франковъ. Въ интересахъ подписчиковъ «С. Записокъ», которые пожелали бы пополнить свои комплекты, контора предоставляетъ вмѣсто 6-ти указанныхъ приложеній, четыре любыхъ номера журнала, начиная съ 4-го до 23-го включительно.

Подписная плата въ годъ (исключительно черезъ контору журнала) за шесть книгъ журнала и шесть книгъ приложеній — во Франціи — 150 франковъ съ пересылкой. Въ другихъ странахъ — 180 фр. съ пересылкой. **Цѣна отдѣльнаго номера 25 фр. безъ пересылки.**

При обращеніи непосредственно въ контору допускается **Разсрочка платежа:** половина при подпискѣ, другая половина — въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Всѣ 6 книгъ литературнаго приложенія высылаются **немедленно** по полученіи подписной платы. Подписавшіеся въ разсрочку получаютъ книги по внесеніи послѣдняго взноса. Подписка принимается съ любого номера журнала. Подписная плата переводится почтовымъ переводомъ или чекомъ по адресу: Administration de la Revue «Annales Contemporaines», 106, rue de la Tour, Paris XVI.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ

Imp. Union, 13, rue Méchain. Le gérant: Chalit